АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

Настоящий том ежегодника «Этимология» содержит новейшие исследования по этимологии славянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков советских и зарубежных авторов. Большое внимание уделяется вопросам методики и теории этимологии: связи этимологии со сравнительной грамматикой, изучению языковых контактов, причем рассмотрение этих проблем связано с исследованием конкретного материала. Конкретному этимологическому анализу лексики славянских и индоевропейских языков посвящен ряд статей. Исследование проводится часто на материале целых семантических полей, что делает полученные выводы особенно интересными. Большой интерес представляют также входящие в ежегодник исследования ономастического материала, в частности — опыт объяснительного словаря русских фамилий.

Критико-библиографический отдел содержит рецензии и аннотации новых публикаций, касающихся вопросов этимологии.

7-1-1
390-72

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Настоящая статья примыкает к работе под таким же названием в томе «Этимология. 1968», не будучи, однако, ее продолжением в полном смысле слова. Их объединяет главным образом план (фонетика, морфология, словообразование) и поиски средствами этимологии резервов реконструкции, которые могут быть использованы также и для сравнительной грамматики.

* * *

Соответственно намеченному выше плану мы начнем с краткой заметки по сравнительной фонетике в свете некоторых этимологических наблюдений. Известно, что базой любого этимологического исследования служит историческая фонетика, прежде всего — совокупность аксиоматических правил относительно так называемых регулярных переходов звуков, исторических звукосоответствий. Едва ли нужно соглашаться с поверхностным суждением о том, что исследовательские возможности здесь исчерпаны; это неверно хотя бы потому, что еще далеко не выявлен в полном объеме лексический состав славянских языков и диалектов. Верно, однако, и то, что действительная фонетическая история лексики славянских языков гораздо сложнее и, конечно, не исчерпывается стройным рядом регулярных звукосоответствий. Непреложностью этого факта вызваны различные теории экспрессивных фонетических изменений сначала в определенных разрядах лексики («детские слова», элементарное родство), а потом и в неограниченном количестве вполне стандартной лексики языка (ср. работы Коржинека, Махека, Копечного, Ливера и некоторых других ученых, близких к чешской этимологической школе, работы которой требуют порой критического отношения). При всех возможных различиях, эти концепции трактуют один предмет — нерегулярные фонетические изменения. Но нетрудно заметить, что понятие

нерегулярных фонетических изменений — в не меньшей степени, чем понятие регулярных изменений — порождено концепцией семьи родственных языков или диалектов. «Нерегулярное» с точки зрения основных магистральных характеристик данной генетической языковой группы оказывается совершенно регулярным в плане основных закономерностей какой-либо иной языковой группы. Дело обстоит в таких случаях просто там, где вскрывается влияние иноязычных субстратов или адстратов, т. е. когда изолированное звуковое изменение сразу обретает регулярность как известная черта языка-источника.

Но есть также случаи, когда мы не вправе говорить о каком-то иноязычном влиянии, а если это все-таки иногда и делается, то не без риска допустить ошибку. Так, например, историческая фонетика славянских языков не знает регулярного перехода *tl*, *dl* > *kl*, *gl* и говорит только о сохранении *tl*, *dl* или об упрощении их в *l*. На этом примерно основании болг. *гръкля́н* 'горло' попадало в число древних балтийских элементов контактного происхождения в составе южнославянской лексики (ср. лит. *gurklỹs* 'зоб, горло' с таким же характерным «балтийским» переходом *tl* > *kl*). Но знакомство с лексикой разных славянских языков и диалектов все больше приводит к мысли, что мы здесь имеем дело с фонетической особенностью, которая спорадически встречается в различных словах почти на всей славянской языковой территории и с соответствующим балтийским фонетическим явлением не связана никаким другим образом, кроме общей аналогии. Переход *tl* > *kl* известен в балтийских языках как регулярное и характерное фонетическое изменение, но уже наличие близкого перехода в италийских языках, в латинском (*tl* > *cul*) не позволяет считать названное изменение специфически балтийским. Очевидно, на тех же общих антропофонетических основаниях базируются и спорадические славянские случаи *tl* > *kl*. В силу каких-то причин они не получили развития и поэтому остались за рамками исторической фонетики славянских языков в суммарном понимании. Насколько права при этом суммарная историческая фонетика и не сказывается ли здесь ограниченность метода данного раздела сравнительной грамматики, — другой вопрос. Этимологическое исследование, э т и м о л о г и я о т д е л ь н о г о с л о в а идет дальше, критерии частоты и характеристики получают здесь несколько иной смысл; так, доказанное единичное или редкое изменение с точки зрения этимологии ничуть не менее важно и реально, чем доказанное регулярное изменение. Подобный атомизм этимологического исследования — не слабость, а сила этимологии, и его едва ли следует преодолевать или изживать. Он обеспечивает максимум информации о происхождении слова, чего в полном объеме уже не может дать суммарная историческая фонетика, будучи, так сказать, первой ступенью абстракции.

Близкие вопросы исследовал на различном языковом материале В. И. Абаев, который определяет подобные явления как перекрестные изоглоссы[1], что, возможно, подходит для изучения фактов близко родственных или территориально смежных диалектов, в иных же случаях способно скорее дать повод к недоразумениям, поскольку нельзя полностью лишать понятие изоглоссы линейного смысла. Я имею в виду затрагиваемый ниже переход *dv* > *b* в славянском и в латинском. Конечно, в этом случае ни о какой изоглоссе говорить не приходится, удобнее же всего говорить и здесь об осуществлении некоторых общих антропофонетических потенций, завершившихся ассимилятивным упрощением группы согласных. Что касается латинского языка, то осуществление в его истории фонетического изменения *du̯* > *b* ни у кого сомнений не вызывает и может быть продемонстрировано на ряде очевидных примеров, прежде всего — для начала слов: лат. *bis* < и.-е. **du̯is*, *bi-* < **du̯i-*, лат. *bonus*, др.-лат. *dvonus*, *bellum*, наряду с *duellum*[2]. Отклонения касаются иных позиций (например, *-du̯-* внутри слова в латинском), споры ведутся вокруг частностей, например указывается на сомнительность отражения *-du̯-* > *-в-* после *-r-* в латинском, ср. факт сохранения сочетания *-rdu-* в *arduus*, тогда как лат. *sordus* объясняется из **sordhos*[3].

Если обратиться к пособиям по сравнительной грамматике славянских языков, то создается впечатление, что в славянском отсутствуют какие бы то ни было аналогии названному процессу. А. Вайян прямо характеризует сочетание *dv* как устойчивое сочетание согласных в славянском[4]. Действительно, приводимый им там известный пример ст.-слав. лѧдвиѩ 'ляжки' : лат. *lumbī* 'то же' наглядно показывает разницу славянской и латинской трактовки. Но уже одной ссылки на в.-луж. *zběhać* 'поднимать' — при слав. **dvigati* — достаточно, чтобы показать возможность исключений: слав. *dv-* дало в верхнелужицком слове *-b-*, аналогично латинскому звукоизменению (см. выше). Правда, здесь, по сути, приходится говорить об изменении *zdw* > *zb*, что несколько ослабляет показательность примера. Поэтому целесообразно обратиться к следующему примеру, который как по чистоте названного фонетического изменения, так и по масштабам распространения заслуживает специального внимания.

---

[1] В. И. Абаев. О перекрестных изоглоссах. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 247 сл.

[2] F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902, стр. 228—229; K. Brugmann. Grundriss², I, стр. 322;

[3] M. Niedermann. Etymologische Forschungen. — IF XV, 1903—1904, стр. 119.

[4] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 85—86.

Речь идет о названиях дерна красного, бирючины, свидины в ряде славянских языков: сербохорв. *сви̑ба* ж. р. 'свидина, дерен красный Cornus sanguinea', *сви́ба*, *си̏ба* то же, словен. *svíba* то же, чеш. *svíd*, *svída* то же, слвц. *svíb* 'свидина', польск. *świdwa*, *świd*, *świdzina* то же, в.-луж., н.-луж. *swid*, полаб. *swaid*, русск. *свиди́на* 'дерен красный Cornus sanguinea' укр. *свид* м. р., *свиди́на* ж. р. то же. Корневую часть славянского слова уже давно правдоподобно объяснили, сблизив с названием того же растения в древнепрусском — *sidis*, а также с лит. *svidùs* 'яркий, светлый', *svidė́ti* 'блестеть', англос. *sviotol* 'ясный, явный', лат. *sīdus/-eris* 'светило' [5]. Хуже обстоит дело с толкованием вариантов конца основы *d/dv/b*. На этот счет мнения исследователей расходятся довольно существенным образом. Так, Махек и некоторые другие авторы строят гипотетический ряд **svida* > **svidva* > **svidba* > **svib-* [6]. Исход *-d-* при этом принимается как древнейший. Фасмер, напротив, использует формы на *-b-* и польские формы как указание на древнюю основу на *-ū-*svidy/*svidъve*. Для этого последнего предположения достаточные аргументы, как нам кажется, отсутствуют. Элемент *-v-* (с вариантом *-ъv-*, ср. русск. *свидо́вник* 'свидина') можно считать суффиксальным наращением, о древности которого могут быть различные суждения, ср. также ниже. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди сближаемых со славянским названием данного растения этимологических соответствий (перечень — выше), кроме синонимичного древнепрусского названия, остальная лексика достаточно далека семантически (ср. преобладающие значения 'светлый, ясный'). Не отводя этих широких сравнений, правдоподобие которых нами было в целом признано выше, мы хотели бы взвесить возможность еще одного дополнительного сближения, а именно с лат. *vīburnum* 'кустарниковое растение, калина'. Латинское слово до сих пор признавалось неясным этимологически [7], причем высказывалось мнение о заимствованном происхождении как этого, так и сравниваемого с ним по типу образования латинского названия другого растения — *laburnum*, при возможном влиянии на их суффиксальный исход со стороны этрусского, ср., например, *Sāturnus*. Едва ли это убедительно, если вспомнить такие древние латинские образования с тождественным исходом, как *taciturnus*, *nocturnus*, относительно которых как будто никто не ставит вопрос о заимствовании.

---

[5] M i k l o s i c h, стр. 331; T r a u t m a n n BSW, стр. 296; V a s m e r II, стр. 592; J. S c h i n d l e r. — «Die Sprache», XII, 1966, стр. 70; V. M a c h e k.— ZfslPh XXXIII, 1966, стр. 172 (предлагает здесь особую этимологию — слав.* *svidva* — лит. *sedulà* 'свидина Cornus sanguinea').

[6] V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 171; P. S k o k. Etimologijski rječnik hrv.-srpsk. jez. (рукопись, Загреб).

[7] W a l d e², стр. 832; E r n o u t—M e i l l e t³, II, стр. 1294.

Основа *vīb-urnum* могла бы быть объяснена из более древнего **(s)u̯ei̯du̯-*, откуда и слав. **svidva*, разобранное выше. В плане реалий дерен красный (свидина, глог) и калина — кустарниковые растения со сходными качествами цветков, плодов и древесины.

Наиболее важный результат предложенного сближения для нас в данной связи — это отражение предполагаемого сочетания *du̯* в виде *b* и в латинском и в славянском названии. Такое отражение представлено, как уже известно, не во всех славянских формах этого названия растения, а только в сербохорватском, словенском и словацком (см. выше). В остальных славянских формах, надо полагать, *du̯* развилось в *dъv*, что давало возможность, с одной стороны, четкого сохранения обоих согласных, а с другой стороны,— отделения *-ъv-*, ср. формы названия с исходным *-d-*. Фонетическая судьба названия растения Cornus sanguinea в славянских языках поучительна тем, что помогает как бы в миниатюре и вместе с тем контрастно увидеть эволюцию сочетания *du̯* в славянском вообще. Если взглянуть на сочетание *du̯* с более общей точки зрения, то станет ясным, что *dv* и, скажем, *tv* не совсем одинаковы в смысле своей устойчивости, как понимают их обычно слависты-компаративисты [8]. Так, наиболее устойчиво из них, видимо, сочетание *tv* (сильный, глухой+сонорный), и ассимилятивный результат *tv* > **p* скорее всего невозможен в славянском. В отличие от него, сочетание *dv* (звонкий=слабый+сонорный) не обладает той степенью прочности, отсюда возможность случаев ассимилятивного уподобления, попытка выявления которых в славянском, при поддержке латинских аналогий, изложена выше.

Следует ожидать естественного возражения, что, за вычетом одного-двух названных выше достаточно проблематичных по своей древности примеров, славянский практически не знает фонетической эволюции *du̯* > *b*. Однако из этого не следует, что нужно игнорировать вообще эти неосуществленные начальные потенции, заложенные в самом сочетании звуков, можно даже полагать, что изучение изолированных примеров перехода *dv* > *b* поможет лучше понять, почему в огромном большинстве случаев *dv* сохранилось в славянском. Нам кажется допустимым высказать предположение, что подобно тому, как, согласно Экблому, причина сохранения праславянского сочетания *dl* в западнославянских языках коренилась в раздельной артикуляции [d · l], точно так же сочетание *dv* с достаточно раннего времени выступало в славянском как *d·v* или *dъv*, причем этому краткому гласному элементу ъ нельзя приписывать никакого этимологического

---

[8] Ср.: A. Vaillant. Указ. соч., I, стр. 85—86; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 140.

значения, признавая за ним лишь позиционную, вставочную функцию. Между прочим, и здесь может пригодиться типологическая аналогия латинского материала, в котором, как известно, последовательность звуков *du̯* давала *b*, ср. *bis* из и.-е. *du̯is*, но индоевропейский вариант **du̯ō* (природа среднего *-u-* здесь та же, что и у промежуточного гласного в славянском, см. выше) отразился только как *duo* 'два', а не **bō*[9]. Сказанное имеет самое прямое отношение к вопросу о реконструкции праславянской формы числительного '2'. Представляется возможным восстанавливать как **dva*, так и более традиционное праслав. **dъva*, в котором ъ не так уж обязательно возводить непосредственно к упомянутому индоевропейскому варианту **du̯ō*, так как не исключена возможность, что здесь наблюдается в наиболее законченном виде реализация все той же тенденции «укрепления» первоначального чистого сочетания *dv*, ср. тот факт, что уже литовский с его *dù* 'два' из **dvuo* показывает местный, славянский характер развития ъ в слав. **d(ъ)va*.

Таким образом, с помощью изложенной выше заметки мы хотели бы привлечь внимание к изолированным фонетическим явлениям и процессам, во-первых, как слабо изученным источникам единственно возможного подчас этимологического объяснения слова, а во-вторых, как к средству глубже проникнуть в механизм самих регулярных процессов. Регулярными, или типичными, для латинского являются, как известно, переходы *oi̯* > *ū*, *sr* > *br*, *du̯* > *b*, в то время как в славянском те же исходные сочетания звуков регулярно эволюционируют совсем к другим фонетическим результатам: *oi̯* > *ě* (*ē*), *sr* > *str*, *du̯* > *dv*. Но это не исключает возможности в отдельных, нередко изолированных примерах славянского проявления «латинского» (а равно и какого-либо другого) пути развития, что мы наблюдаем в случаях перехода *oi̯* > слав. *y* (близкое толкование корневого гласного в слове *ryba* находим у Топорова[10], о некоторых старых и новых примерах *oi̯* > *y* мы рассчитываем сообщить в другом месте), а также в случаях *du̯* > слав. *b*, рассмотренных в предшествующей заметке.

* * *

В настоящей заметке этимологические наблюдения используются для выяснения некоторых фактов сравнительной морфологии. Начнем с двух древнерусских (русско-церковнославянских) слов, прежде, насколько известно, не подвергавшихся этимологизации.

---

[9] F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, стр. 228.

[10] В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку» вып. I. М., 1960, стр. 11.

Первое из них — *громы*, вин. п. мн. ч. от особого слова *громъ*; представлено у Срезневского (Материалы I, 597), как это часто имеет место в данном словаре, в виде неоговоренной реконструкции, см. *громыѥ* : — *ѿ кладѹщихъ громы*[х]. Втз. XVIII. 3 по сп. 1499 г. (θύματα, immolationes; =*требы* — по сп. XIV в.). Смысл и грамматическая характеристика компонентов фразы говорят в пользу нашего чтения: *громы* (см. выше), а не прилагательные *громыѥ*. Условия употребления этого редкого слова помогает прояснить такое очевидное производное от него, как отмеченное там же у Срезневского *громьница* 'гостиница': громница телесемъ ἡ καπηλεῖα τοῦ σώματος (Ио. Злат. Сборн. XV в.). Семантическая общность, объединяющая форму *громы* как название жертвы и производное *громьница*, обозначающее, в сущности, харчевню, ср. свидетельство греческого эквивалента, выше, служит в наших глазах основанием для реконструкции праслав. **gromъ*, нетематического причастия страдательного настоящего времени, ср. тип* *kotomъ*,* *vedomъ*. Образовано от чистой ступени редукции **gr-*, получившей дальнейшее развитие в слав. **gъrdlo*, ср. полную огласовку **ger-* в слав. **žer-* и т. п. Таким образом, наряду с праслав. **gromъ* I 'гром, грохот' можно говорить об особом праслав. **gromъ* II 'жертва', ср. синонимичное **žьrtva*, отглагольное имя с другой ступенью вокализма того же корня.

Как уже упоминалось, существует возможность классифицировать **gromъ* II как нетематическое страдательное причастие настоящего времени. Дославянский морфологический архаизм в этом случае ограничивался бы только особой ступенью глагольного вокализма **gr-*, при обычном для славянского парном отношении **žer-*/**žьr-*. Другая возможность, которую также стоит упомянуть, как бы раздвигает рамки возможного сохранения архаизма дославянской эпохи: индоевропейское причастие *g^{u}*romenos*/g^{u}*romnos*, с возможным также отражением и.-е. *-mn-* в слав. *-m-*. Наконец, третья возможность позволяет допускать здесь наличие первоначального имени и.-е. *g^{u}*rŏmos* (ср. греч. βρώμη ж. р. 'пища'), грамматикализованного вторично в таком случае в славянском как причастие страдательное настоящего времени. Мы наблюдаем здесь, таким образом, как бы взаимодействие фонетической эволюции и морфологического осмысления.

Говоря об архаизмах славянской морфологии на индоевропейском фоне, нельзя, естественно, не упомянуть о проблеме гетероклитических имен с основой на *-r*/*-n*. Несмотря на остаточный характер этих образований, а также на обозримость соответствующего материала в славянском [11], исследование этого вопроса сохраняет свою актуальность. Любопытно отметить, что известны еще не все языковые факты, имеющие самое прямое

---

[11] См. один из последних обзоров: H. Bräuer. Slavische Sprachwissenschaft, III, 2, Berlin, 1969, стр. 109—112.

отношение к названной проблеме. Ср., например, кашубско-словинское *kamor* м. р. 'камень' [12], по-видимому, отражение древнего варианта с основой на *-r*, ср. др.-инд. *aśmarā-* 'каменный', др.-исл. *hamarr* 'скала, утес', др.-в.-нем. *hamar*, соврем. нем. *Hammer* 'молот'. До сих пор, насколько известно, в научной литературе обсуждалась только соответствующая основа *-n* — слав. **kamy*/**kamene*.

Нуждаются в дальнейшем изучении словообразовательно и морфологически обособленные продолжения других индоевропейских основ на *-r*/*-n* в славянском. Один из таких случаев — отношение слав. **dъbno* и **dъbrь* — мы попытаемся кратко разобрать ниже.

Праслав. **dъbno* продолжается в болг. *дъно́* 'дно', 'пень', сербо-хорв. *днȍ* 'дно', словен. *dnò* то же, чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., польск. *dno* 'дно', полаб. *danü* то же, цслав. *дъно*, русск. *дно*, укр. *дно* 'дно'. Праслав. **дъbrь* дало ст.-слав. **дьбрь**, **дъбрь** φάραγξ 'овраг, долина', словен. *deber* 'лощина', чеш. *debř* 'долина', ст.-польск. *debrz*, польск. *debrza*, *debra*, русск. *дебрь* ж. р., укр. *дебрь* 'овраг, долина, лес'. На родство **dъbno* и **dъbrь*, равно как и на их своеобразное суффиксальное оформление *-r*/*-n*, приближающееся к гетероклитической парадигме с тем же исходом основы, обращено внимание уже давно. В этимологическом плане праслав. **dъbno* обычно производят из и.-е. **dhubnom* и сравнивают с лит. *dùgnas* 'дно' (из **dubnas*), лтш. *dubens*, *dibens* 'дно, глубина', галльск. *dubno-* 'мир', др.-ирл. *domun* то же, далее — прилагательное лит. *dubùs* 'глубокий', гот. *diups*, нем. *tief*, др.-ирл. *domain*, кимр. *dwfn* то же. Праслав. **dъbrь* связывают в первую очередь с лит. *dùburas* 'промоина в русле', *duburỹs* 'глубина', др.-ирл. *dobar*, др.-кимр. *dubr* 'вода', долатинским *Tiberis*, *Thybris*, глоссовым (иллирийским?) δύβρις · θάλασσα, фрак. Δέβρη, Δόβηρος, местные названия [13].

Слишком частные семантические реализации ('вода', 'углубление в русле', 'лощина') не должны заслонять от нас преимущественной связи **dъbn-*/**dъbr-*. Это парадигматическое единство предполагало также древнюю общность значения. Остается решить, какого рода была семантическая первооснова этого бесспорно древнего образования. Высказывалось мнение, построенное, однако, как кажется, на чисто умозрительном вероятии, что значение 'земля, мир' развилось из более первоначального

---

[12] B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. II. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 129.

[13] Miklosich, стр. 54; Р. Ф. Брандт. — РФВ XXII, 1889, стр. 114; А. И. Соболевский. — РФВ LXIV, 1910, стр. 115; Berneker I, стр. 242, 245—246; J. Charpentier. — «Glotta» 9, 1918, стр. 44[2]; К.-О. Фальк. — «Scando-Slavica» IV, 1958, стр. 271; P. Kretschmer. «Glotta» 22, 1934, стр. 216; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 123, 144; Фасмер I, стр. 490, 519.

'дно, почва' [14]. Впрочем, тут следует напомнить другое давно высказанное наблюдение о возможности влияния на значение ст.-слав. дъно со стороны и.-е. *bhudhno- 'дно' (др.-инд. *budhnáḥ* 'дно, почва', авест. *bunō*) [15]. Таким образом, исконность значения 'дно' у праслав. **dъbno* и формы, предшествовавшей ему, вызывает сомнения.

Возможно, ключ к более глубокому пониманию истоков образования славянских слов и их индоевропейского прошлого даст обращение к известному древнеармянскому парному обозначению неба и земли, в основу которого при всей огромности дистанции, отделяющей армянское слово от славянского, мог быть положен тождественный принцип употребления этимологически тождественной индоевропейской морфемы. Имеются в виду арм. *erkin* 'небо' и *erkir* 'земля', древние производные от числительного арм. *erku* 'два' < и.-е. **du̯ō*/**du̯ei̯-* [16]. Яркая парадигматическая общность армянских названий земли и неба, объединенных одним корнем и единой суффиксацией *-n/r*, находит полное подтверждение в древнем понятийном единстве соответствующих представлений, и прежде всего — древнего восприятия видимого, этого мира как двух твердей — земли и неба; парное противопоставление небо — земля известно в фольклоре [17]. Армянское соответствие (или вернее — свободная параллель) ценно для нас в данном случае своим указанием на возможность непридыхательного начала индоевропейского слова, лежащего в основе слав. **dъbno*, а именно и.-е. **dubhn-*. Между прочим, здесь может быть также использовано свидетельство другого слова, не привлекавшегося ранее для сравнения со слав. **dъbno* — др.-лат. *dubinus* 'διοσός 'двойной', глоссовое [18] слово, которое может продолжать и.-е. **dubh(i)-no-*, связанное, с одной стороны, совершенно отчетливо с числительным **du̯ō*, а с другой стороны, потенциально представляющее собой такую же тематизацию первоначально нетематического, консонантного **dubhn-*, как и слав. **dъbno* с основой на *-o*.

Разумеется, важно взвесить все обстоятельства — как поддерживающие традиционную этимологию слав. **dъbno* — от и.-е. **dheubh-*/**dhubh-* 'долбить, глубокий', так и ослабляющие ее. Картина оказывается довольно сложной. Так, в балтийском наблюдается парное наличие как имени, так и соответствующего

---

[14] C. D. Buck. Words for world, earth and land, sun. «Language», 5, 1929, стр. 221.

[15] A. Meillet. — MSL 12, 1903, стр. 430.

[16] Гр. Ачарян. Корневой словарь армянского языка, т. I. Ереван, 1928—1930, s. vv. *erkin*, *erkir* (на арм. языке; автор считает эту этимологию народной); ср. еще: В. В. Иванов. — «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 47, сл.

[17] Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 100 сл.

[18] Walde — Hofmann I, стр. 375.

прилагательного: лит. *dùgnas* 'дно'—*dubùs* 'глубокий'; сходное соотношение есть в кельтском, ср. др.-ирл. *domun* 'мир'—*domain* 'глубокий'. Но уже в славянском имеется имя **dъbno* 'дно', но нет прилагательного, далее, в германском, наоборот, есть прилагательное гот. *diups*, нем. *tief* 'глубокий', но нет имени той же основы с производным значением 'дно' (или 'твердь, мир, вселенная'). В латинском, если не считать упомянутого обособленного *dubinus* 'двойной', нет ни однокоренного прилагательного 'глубокий', ни существительного с очерченным выше кругом значений. Таким образом, складывается впечатление, что как формально-этимологическое, так и понятийное соотнесение слав. **dъbno* 'дно' и и.-е. **dhubh-* 'глубокий' строится на фактах скорее исключительных, а не регулярных. Кстати сказать, в терминах семантического поля понятия 'дно' и 'глубокий' едва ли можно безоговорочно характеризовать как взаимнообусловленные, вопреки естественным бытовым ассоциациям на этот счет. См. специальный параграф 'дно' в известном семантическом словаре Бака [19]. Герм. **grund-* 'дно' развило также семантику 'равнина, поле', что говорит о превалирующем смысловом оттенке 'плоскость', откуда скорее производится значение 'мель, мелкий' [20] чем 'глубина, глубокий'. Вообще соотношение терминов 'дно' и 'глубокое дно, глубина, бездна' обращает на себя внимание как раз своей антонимичностью в разных языках, ср. нем. *Grund* и отрицание *Abgrund*, аналогично — слав. **dъbno* и **bezdъbna*.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что понятийной первоосновой слав. **dъbno*, и.-е. **dubhnom* послужило архаическое восприятие дна, почвы, земли как одной из д в у х твердей, причем с архаичностью понятийного, семантического плана сочетается архаичность словообразовательно-флективного плана, а именно следы *-r/n-*основы в слав. **dъbno* : **dъbrь*.

Нижеследующие этимологии касаются слов, в образовании которых, так же, как и в предыдущем случае, затруднительно строгое разграничение между морфологическим и словообразовательно-лексическими процессами, что не раз приходится наблюдать в действительно архаических образованиях. Остановимся сначала на названии мяса, которое, несмотря на то, что снискало у некоторых авторов репутацию трудно анализируемой первичной вокабулы [21], даже на стадии славянского сохраняет, по нашему мнению, четкость структуры и определенные возможности внут-

---

[19] C. D. B u c k. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949, стр. 855—856.

[20] H. S. F a l k, A. T o r p. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, T. I. 2. Aufl. Heidelberg—Oslo — Bergen, 1960, стр. 352—353.

[21] Ср. сборник статей: Э. Б е н в е н и с т. Очерки по осетинскому языку. М., 1965, стр. 71—72 (русский перевод термина в данном издании не вполне точен).

ренней реконструкции. Речь идет о праслав. **męso* (русск. *мясо́*, сербохорв. *ме̑со*, польск. *mięso* и др.), которое и без помощи индоевропейских соответствий можно определить как продолжение более древнего **mēms-* или **mēməs-*. Звуковой состав последнего, очевидно, непервичен и обязан своим происхождением редупликации **me-em-s* или **m-emə-s-*. Более простое имя, содержащее вместе с тем непервичный, производный -*o*-вокализм, указал Бенвенист в индоевропейском названии плечевого сустава — **ōmso-*[22]. Суженная семантика этого последнего слова генетически базируется на исходном более общем значении 'сырое мясо (вообще)'. Имя **ōmso-* обозначало, по-видимому, наиболее броский, существенный по виду и качествам кусок сырого мяса. Сюда же в свою очередь производное (ср. и окситонное, наконечное ударение) греч. ὠμός 'сырой', др.-инд. *āmáḥ* то же, прилагательное. Обычно считается, что из перечисленных индоевропейских форм в славянском отразилось только редуплицированное и.-е. **mēms-*, откуда произошло слав. **męso* (см. выше), сближаемое с др.-инд. *mą̄sám*, гот. *mimz*, арм. *mis*, алб. *mish*, др.-прусск. *mensa*, *menso*, лит. *mėsà*[23], диал. *mensà*[24]. Потребность в проверке и этого привычного положения в науке вынуждает нас обратиться к небольшому эксперименту. И.-е. **ōmsos* или **oməsos* дало бы закономерное **ǫsъ* в славянском. Славянские языки, насколько известно, не знают такого названия плеча, плечевого сустава. Но с другой стороны, в них широко распространено слово с формой **ǫsъ* (русск. *ус*, польск. *wąs* и др.), обозначающее ус, усы, реже бороду. Существующие этимологии этого слова не могут нас удовлетворить: это, с одной стороны, — сближение с др.-прусск. *wanso* 'первая растительность на лице', которое само, по всей видимости, заимствовано из соседних славянских диалектов, с другой стороны, — ряд сближений с индоевропейскими словами, обозначающими волосы, пушок на бороде, ресницы, и т. п., которые слишком определенно предполагают праформу с -*i*-вокализмом и корнем **u̯ei̯-u̯-* 'вить(ся)', чтобы не показаться сомнительными, поскольку ясно, что имя с корневым -*o*-вокализмом слав. **ǫsъ* едва ли может иметь что-либо общее с др.-ирл. *find* 'волосы', греч. ἴονθος 'молодая бородка', др.-в.-нем. *wint-brâwa* 'ресница'[25], которые продолжают названное выше и.-е. **u̯ei̯-u̯-*, расширенное формантами *-endho-/-ondho-*. Этимологические сближения вроде описанных выше часто строятся на близости или сходстве значений, без учета своеобразной эволю-

---

[22] Там же.

[23] G. Meyer. — BB VIII, 1883, стр. 190; H. Pedersen. — IF V, 1895, стр. 56; W. Cimochowski. — LP, I, 1949, стр. 179; J. J. Mikkola. — BB XXII, 1897, стр. 241—243; Berneker II, стр. 43—44.

[24] Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр. 79, 27.

[25] См. с дальнейшей литературой; Vasmer III, стр. 189—190.

ции, которая могла привести к этим значениям. Ниже мы коснемся одного семантического перехода, который подтверждается семантическими же аналогиями, а кроме того, опирается на безупречность формально-фонетического соответствия и.-е.**ōmsos*/**oməsos* и слав. **ǫsъ*. Следует обратить внимание на такую семантическую деталь, как фактическое отсутствие или позднее появление термина 'усы'в ряде языков, связанное с этим первоначальное неразличение названий для усов и бороды и — нередкое в таких случаях ввиду большей древности более общего значения и термина 'борода' — вторичное заполнение пустующего места термина 'усы' с помощью новообразования, каково, например, нем. *Schnurrbart*, или путем заимствования, ср. болг. *муста́к* 'ус' (из греческого, откуда оно проникло и в ряд других европейских языков). Точное формально-фонетическое соответствие и.-е. **ōmsos* 'плечо' : слав. **ǫsъ* 'ус' имеет в наших глазах характер родства с эволюцией лексического значения 'плечо' > 'волосы до плеч' > 'борода и усы до плеч'. Полную семантическую аналогию названному процессу видим в слав. **bъrkъ*, откуда, с одной стороны, польск. *bark*, *barki* 'плечи' (старшее значение), с другой стороны, — сербохорв. *бр̑к* 'ус', русск.-цслав. *бръчьхъ Вероникинъ* 'созвездие Волосы Вероники'. Здесь необходимо вспомнить проницательную догадку Топорова об отражении в русском фольклорном имени сказочного змея *Усыня* соответствия др.-инд. *áṁsa-*, др-греч. ὦμος, лат. *umerus* 'плечо', позднее переосмысленного по-новому[26]. Легкой модификации (см. выше) достаточно, чтобы получить таким образом ту же этимологию, к которой мы пришли выше: слав. **ǫsъ* 'ус' < и.-е. **ōmsos* 'плечо'.

Следующий пример интересен тем, что обеспечивает путем сравнения славянских форм с некоторыми, в том числе — весьма отдаленными, индоевропейскими, восстановление состояния глубокой, дограмматической древности. Имеется в виду слав. **nozdri*, русск. *но́здри* и родственные. Слав. **nozdri* не может продолжать более древнюю форму **noz-dri*, о чем свидетельствует родственное лит. *nasraĩ* pl. tant. 'пасть'. Отсюда единственно возможная предыстория славянского слова — **nozdri* < **nozri*, со вставным *-d-* в группе согласных. Этимологическое родство и тождество слав. **nozdri* и лит. *nasraĩ* дает нам основание отвергнуть те этимологии славянского слова, которые построены на иных реконструкциях, ср. гипотезу о древнем сложении **nos-dьra*[27], необязательную ввиду позднего характера соответствующих изменений в укр. *ні́здря* (*o* > *i* во вновь закрытом слоге), далее — предположение о наличии здесь производного с суффиксом и.-е.

---

[26] В. Н. Топоров. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 16—17.
[27] Vasmer II, стр. 225.

-dhr- [28] или с суффиксом *-r-* [29]. Отвергаемые этимологии не могут удовлетворительно объяснить даже названных выше близко родственных слов; тем более, что, как увидим ниже, они отпадают, как только возникает необходимость объяснить характер связи с некоторыми отдаленно родственными индоевропейскими формами, остававшимися по большей части в тени.

Объясняя, в согласии с рядом авторов, *-zdr-* < *-str-* < *-sr-* в славянском слове как очевидную в общем, хотя, может быть, и не вполне регулярную фонетическую эволюцию, весьма напоминающую нам процесс озвончения слав. *-znь* < и.-е.*-sn-* в аналогичных условиях соседства с сонорным согласным [30], мы реконструируем для слав. **nozdri* индоевропейскую праформу **nosrī*. Интересно отметить, что к тождественному и.-е. **nosrī* восходит имеющее четко отличную грамматическую функцию германское имя женского рода — нем. *Nüster* 'ноздря', ср.-н.-нем. *noster* (через посредство формы **nustrī*). На этом круг обычных сопоставлений замыкается, дальше идут различные индоевропейские формы названия носа. Одна из них, как правило, выпадала из поля зрения в силу своих не до конца понятных особенностей, хотя имеет к этому самое прямое отношение. Речь идет о греч. ῥίς, род. п. ῥῑνός 'нос', слове, которое резко отличается от общеиндоевропейской консонантной основы **năs-/*nos* с этим значением, прослеживаемой в др.-инд. *nas-* ж. р., авест. *nāh-*, лат. *nāris*, лит. *nósis*, слав. **nosъ* [31]. Греческое слово не имеет удовлетворительной этимологии. Его считают неясным по происхождению, видя в нем местную замену и.-е. **nos-*, которое согласно господствующему мнению, не сохранилось в греческом языке [32]. Правда, возникает вопрос, уместно ли считать местной заменой слово с явно архаическими чертами? Дело в том, что греческое название носа — бесспорно древнее слово, имя с основой на согласный: ῥίς/ῥῑνός. Не выходя за рамки элементарных закономерностей греческой исторической фонетики, можно реконструировать элементы более древней парадигмы склонения — им. п. *ῥινς (с последующим падением *-n-* перед свистящим), род. п. ῥῖνος. Существующие эти-

---

[28] K. Brugmann. Alte Wortdeutungen in neuer Beleuchtung. — IF XVIII, 1905—1906, стр. 436—438; K. Brugmann. Grundriss [2], II, 1, стр. 381.

[29] A. Meillet. Etudes I, стр. 129. Из прочей литературы по этимологии этого слова см.: A. Bezzenberger. Etymologien. — BB I, 1877, стр. 341; G. Iljinskij. [Рец. на ст.:] E. Zupitza. Zur Herkunft des slavischen *-z-*. — KZ XXXVII, стр. 396—398. — RS VI, 1913, стр. 225; A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika I. Ljubljana, 1950, стр. 22; Shevelov. A prehistory of Slavic, стр. 147; «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo». Red. E. Havlová. Brno, 1966, стр. 47—48.

[30] F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slavischen. — ZfS I, 1956, стр. 17.

[31] Mayrhofer II, стр. 146; Pokorny I, стр. 755.

[32] Frisk II, стр. 659.

мологии не объясняют ни консонантного характера греческого слова, ни согласного элемента *-n-* в его составе. Раннегреческое *ῥινς/ῥῑνός закономерно продолжает более древнее **srīns*/**srīnos*. Этимология от и.-е. **ser-* 'течь'[33], приемлемая для начала основы, оставляет без внимания ее исход, а как раз здесь, по нашему мнению, ключ к разгадке.

Есть основания полагать, что греческое слово близко по морфемному составу к слав. **nozdri*. Характер этой близости, как нам кажется, поможет уяснить кое-что неясное и в славянском слове. Уже Махек[34] пытался связать слав. **nozdri* с греч. ῥῖνες, но он весьма своеобразно понимал при этом **nozdri* как первоначальное сложение **nos(o)-srīnes*, что многое оставляет необъясненным и потому неубедительно. Со стороны семантической определенным указанием на историческую близость слав. **nozdri*, русск. *ноздри* и греч. ῥίς/ῥῑνός может служить тот факт, что плюраль αἱ ῥῖνες означает 'ноздри'. Со стороны формальной слав. **nozdri* допустимо, в соответствии со сказанным выше, реконструировать как древнее **nos-srī*, тогда как греческое слово (ср. прежде всего полную форму косвенного падежа ῥῑνός) можно восстанавливать как **srī-nos*. Совершенно очевидно, что **nos-srī*, **srī-nos* представляют собой одни и те же индоевропейские корневые морфемы, расположенные в различной последовательности. О компоненте **nos-* см. выше, в то время как **srī* — расширение и.-е. **ser-* 'течь, жидкость, слизь', что уже и раньше предполагалось для ῥίς/ῥῑνός (Гофман). Но особенно важно отметить следующее: 1) оба варианта (видимо, диалектные) — **nos-srī* (германский, балтийский, славянский) и **srī-nos* (греческий) — флективно неоформлены, *-ī* в **nos-srī* относится к основе, будучи словообразовательным формантом в производном от редуцированного варианта корня **ser-/sr-*. Словообразовательная, а не флективная сущность этого элемента видна также из наличия его внутри сложения **srī-nos*; 2) как балтийская флексия мн. ч. *-ai* (*nasrai*), /, так и слав. *-i* в **nozdri* в свете вышесказанного — не что иное, как вторичное использование в функции регулярной грамматической флексии первоначального исхода именной основы (*-ī-* недифтонгическое). Равным образом преобразования второго компонента варианта **srī-nos* в греческом ῥῑνός привели к полной аннигиляции его как первоначального самостоятельного полнозначного именного корня: результат был полностью переосмыслен как падежные окончания, морфологические форманты: **srī-n-s* (им. п.), **srī-n-o-s*. При всех отличиях, эволюция славянской и греческой форм шла в одном направлении: грамматикализация лексических, «дограмматических» элементов.

---

[33] Boisacq[4], стр. 842; Hofmann, стр. 299.
[34] Machek, стр. 328.

И.-е. **nosrī* с древней долготой в исходе и исконным значением множественности, естественным в обозначениях парных предметов, образующих целое (ср. лит. *dùrys*, слав. **dvьri* и т. п., см. по этому вопросу специальное исследование Мейе [35]), должно было бы отразиться в виде лит. **nasrýs*, но парадигма, к которой принадлежит современное лит. *dùrys*, несет во мн. ч. ударение не на флексии. Может быть, этим и была вызвана перестройка в иную парадигму — *nasraĩ*, формально — мн. ч. от основ на *-*o*-, к числу которых не принадлежит ни одно из продолжений и.-е. **nosrī*. Отсюда один возможный вывод — это то, что форма лит. *nãsras* 'рот' образована ad hoc, как бы для «реабилитации» плюраля *nasraĩ*. Точно так же новым и вторичным по отношению к мн. ч. **nozdri* (ст.-слав. ноздри) явилось ед. ч. русск. *ноздря́*, польск. *nozdrza*, болг. *ноздра* [36]. Здесь логичнее, между прочим, ожидалось бы **ноздрь* с основой на -*i*-, ср. *дверь* < мн. *двери*.

Итак, типично дограмматическая индоевропейская форма **nos-srī*, где в исходе — словообразовательный формант -*ī*, претерпевает совершенно различную грамматическую, морфологическую реализацию в относительно близко родственных ветвях индоевропейского. При этом и.-е. **nos-srī* отражается в славянском как плюраль, в германском формализуется как имя женского рода на -*ī*, в литовском же полностью утрачивает древний долгий гласный в исходе, перестроившись как форма множественного числа регулярного вида.

* * *

В плане исторического словообразования, особенно задач его сравнительного изучения, важная вспомогательная роль этимологии не требует доказательств. Именно этимология обеспечивает подчас идентификацию морфемного состава слова, идет ли речь о полнозначных морфемах или об аффиксах. Эта область исследования актуальна еще и потому, что мы до сих пор не имеем полного инвентаря славянских словообразовательных морфем. При этом если с суффиксами дело обстоит благополучнее и с времен Миклошича более или менее известен круг славянских суффиксов и — с некоторым приближением — их абсолютное количество, то значительно менее удовлетворительно обследованы префиксы. Исключение составляют, пожалуй, превербы, глагольные приставки, изучаемые обычно в тесной связи с проблематикой глагольной морфологии. Их относительная изученность распространяется и на соотносительные с глагольными

---

[35] Meillet. Etudes I, стр. 176—177.

[36] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, 1-ère partie. Lyon—Paris, 1954, стр. 312.

префиксами именные префиксы, например **vъ-* : **ǫ-*, **sъ-* : **sǫ-*, **po-* : **pa-*. Однако изученность именных префиксов резко отстает от соответствующих глагольных. Если же, далее, обратиться к чисто именной префиксации в славянских языках, то мы вступим в сферу практически изолированного этимологизирования. До недавнего времени, например, были возможны прямо противоположные высказывания по вопросу, есть ли в славянском слова (имена) с *k-* префиксальным. Несмотря на наличие определенного материала, свидетельствующего о существовании *k-* префиксального (в вариантных огласовках *ka-*, *ko-*, *kǫ-*), до сих пор возможны этимологии, вопреки всякой очевидности, членящие то или иное слово противоположным образом (ср. для примера различные этимологические объяснения слова **kǫdelь*, русск. *кудель*). С этим связана полезность систематических опытов инвентаризации (на этимологической основе) редких типов славянских именных префиксальных сложений. В качестве примера одной из редких славянских словообразовательных префиксальных моделей можно назвать модель «*a-* + корень», которой мы касаемся в другом месте. Ограниченная продуктивность или ранняя утрата продуктивности оттеняет такие особенности этих образований, как древность образования, оправдывающая использование некоторых внешне далеких индоевропейских параллелей. Ниже мы останавливаемся на редкой славянской префиксальной модели «*jь-* + корень». В нашем распоряжении нет абсолютно полного материала, речь будет идти, с одной стороны, об одном-двух примерах, где предшествующее исследование не исключало наличия названного префикса, а с другой стороны, о некоторых примерах, ранее в этом плане как будто не толковавшихся.

Праслав. **jьverъ*, откуда болг. *ѝвер* 'щепка', сербохорв. *ӥвӣр* то же, словен. *ivér* 'щепка, заноза', чеш. *ivera*, *jivera*, слвц. *very*, польск. *wiór*, мн. *wiory* 'щепа, стружка', полаб. *jevér* 'щепка', русск. диал. *иверень* 'щепа, осколок', укр. *івер*. Не только Миклошич, но и Бернекер предпочитает в своих словарях говорить применительно к этому слову о протезе (Vorschlag) неясного характера *jь-* / *i-*. Членение слова облегчается возможностью довольно четкого выделения корня *-ver-*, соотносительного со славянским глаголом **verti* с семантикой 'продевать, просовывать' [37]. Пожалуй, ближе всего подошел к верному решению, по нашему мнению, Петерссон, который видит в начальном элементе нашего слова приставку, т. е. морфологический формант [38]. Ниже мы остановимся на идентификации этой приставки, а также на некоторых связанных с этим сравнительно-исторических соображе-

---

[37] Berneker I, стр. 439; Фасмер II, стр. 114;

[38] H. Petersson. Baltische und slavische Wortstudien. «Lunds Universitets Årsskrift», Bd 14, No. 31, Lund, 1918, стр. 52.

ниях. Другим заметным словом практически общеславянского распространения, включающим эту приставку, является **jьvьlga*, откуда ст.-слав. (др.-болг.) влъга, болг. *авлйга* 'иволга Oriolus galbula' [39], сербохорв. *вӯга* 'ремез', словен. *vôlga* 'иволга', чеш. *vlha*, польск. *wilga*, *wywielga* то же, русск. *йволга*, укр. *ìволга*, *волга* то же. И здесь мнение исследователей разделяется между гипотезой об *i*- протетическом [40] и гипотезой об особой приставке (Петерссон). Прочие этимологии [41] мы тут опускаем. Нам кажется целесообразным предпочесть и несколько развить приставочную этимологию. В пользу приставочного характера *jь*- в этом, как и в предыдущем слове, свидетельствует подударность данного элемента (русск. *йверень*, *йволга*, впрочем, родственные формы последнего затемнены в смысле ударения), свойственная как раз старым именным префиксам. Кроме того, о приставочном качестве начального *jь*- в составе, в частности, последнего славянского слова недвусмысленно говорит, по нашему мнению, до сих пор неверно объяснявшаяся польская форма названия птицы — *wywielga*. Начало польского слова не происходит ни от редупликации древнего корня, ни от протетического развития *w*-; его следует читать как префикс *wy*-, что ценно для нас, далее, и при попытке функционально-семантической реконструкции исследуемой здесь приставки *jь*-, которая, думается, была синонимична приставке *vy*-, откуда и возможность замены. О приставке *vy*- известно, что она функционально близка и практически синонимична другой славянской приставке — *jьz*-. Тем самым мы получаем довольно логичную конфронтацию слав. *jь*- и *jьz*-. О префиксе *jьz*- писалось много; здесь достаточно сказать, что это весьма типичный славянский глагольно-именной префикс с преобладающей регулярной функцией преверба, глагольной приставки. Как бы ни был мал наш материал по образованиям с префиксом *jь*- (см. также ниже), он позволяет говорить об исключительно прииименном характере этого последнего. Любопытные и, видимо, старые именные сложения с этим префиксом могут быть указаны в составе старой восточнославянской гидронимии: *Ивода*, название реки и озера в бывшей Новгородской губ.; *Ивод*, приток Ветьмы, быв. Брянск. у.; *Идолга*, река с двумя притоками *Малая Идолга*, в бассейне Медведицы, на Дону [42]. Гидронимы *Ивода*, *Ивод* прозрачны по составу: из приставки *и*- и именной основы *вод*-, *вода*. Название *Йдолга* (известное мне, кстати, из живого употребления именно с таким ударением) представляет собой сложение той же

---

[39] Георгиев [и др]. Български етимологичен речник I, стр. 2.
[40] Brückner, стр. 621.
[41] Фасмер II, стр. 114; J. Endzelin. Germanisch-baltische Miszellen. — KZ LII, 1924, стр. 123.
[42] Цит. по: «Wörterbuch der russischen Gewässernamen» zusammengest. von A. Kernd'l, R. Richhardt und W. Eisold unter Leitung von M. Vasmer, Bd II. Berlin—Wiesbaden, 1963, стр. 115, 116, 120.

приставки с именной, адъективной основой *долг-*, ср. *долгий*. Аналогично этому слав. **jьvьlga*, русск. *иволга* — сложение приставки *jь-*, русск. *и-* и корня **vьlg-*, обозначающего влажность, сырость [43]. Сближение префиксов *jь-* и *jьz-* этимологически перспективно благодаря обнаруживаемой при этом возможности выявить строение *jьz-*, так сказать, средствами славянского языкового материала. Славянский префикс *jьz-* представляет собой форму редукции **ĭĝh-* от представленного в большинстве индоевропейских языков полного префикса с той же функцией **eĝhs* (откуда греч. ἐξ, лат. *ex* 'из' [44]). Типологически вероятно, что полная индоевропейская форма префикса построена из дейктического элемента *e-* и частиц *-ĝh-*, *-s-*. Такую членимость показывает латинский вариант известного нам предлога-приставки *ē-* наряду с упомянутым полным *ex*. Интересно, что реминисценцию о таком же членении самостоятельно сохранил славянский, обнаруживающий, наряду с *jьz-*, родственное ему более простое и первоначальное *jь-*. Такая парность употребления названных более простой и более сложной форм индоевропейской приставки в славянском и в латинском — параллелизм, заслуживающий дальнейшего изучения. Один из путей изучения описанных славянско-латинских сходств — это сравнительный анализ славянских именных сложений вроде *иволга*, *иверень*, *Идолга* с простым *jь-* в составе, с одной стороны, и латинских экзоцентрических сложений вроде *ē-linguis* 'у кого язык торчит наружу' [45] с простым *e-*, с другой стороны.

---

[43] См.: Фасмер II, стр. 114, вслед за Брюкнером.
[44] Pokorny I, стр. 292—293.
[45] См. о них: K. Brugmann. Der Kompositionstypus ἔν-θεος. — IF XVIII, 1905/1906, стр. 127.

В. Н. Топоров

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ РУССКИХ СЛОВ

(К связям с индо-иранскими источниками)

1. *Пансура*

Это слово приведено впервые, кажется, Далем: *Пансу́ра*? ж. *тмб.* нрав, характер, обык. (Даль [4] III, s. v.). Более подробны сведения об этом слове, почерпнутые в говоре дер. Деулино Рязанской обл.: *Пансу́ра*, *-ы*, ж. Характер, натура, повадка. *Фс'а пансу́ра, как у мáт'ир'и... то н'ич'ó, а то с'ар'д'úтайа, как мáт'ир'а, уш йа и н'и пътп'ар'у́с', как'úйа-та фспы́л'читъйа* (2). *У, пансу́ра твайá дурáцкъйъ! Къбыз'úстай!* (8). — *Фс'а пансу́ра пахóд'ит' на мáт'ир'у л'и нъ аццá!* [— А что это такое?] — *Пахóтка л'и там ухвáтка* (1). *Йа иɣрáла с' н'ей, знáйу фс'у пансу́ру... Ну, лáдна, Нác'к'а блудн'úца. А Лу́шка блудн'úца? Пъч'аму́ анá* [мать] *тудá наɣ'ú н'и ваткну́ла* [не бывает у дочери]? (16) [1]. На первый взгляд слово загадочно. Попытки объяснить его происхождение сравнением с *парсу́на* (через метатезу: *рс. . .н* > *нс. . .р*) или *пáнсырь* — заимствованные слова, известные из старорусских источников, — оказались бы неудачными по фонетическим, семантическим или историко-культурным мотивам. Вместе с тем есть объяснение, которое, видимо, не вызывает сомнений в своей правильности. В качестве источника слова *пансу́ра* следует предположить индо-иранск. **pānsura-*, сохранившееся в такой именно форме в др.-инд. *pāṁsurá-* [2] 'пыльный', 'пыльное место', 'пыль' [3], ср. также др.-инд.

---

[1] См. «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино, Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, стр. 388. Ср. также: *панцура* 'лицо' (*Эта к тваéй панцу́ре не патход'ит'*. Дер. Каменка Измалковск. р-на Орловск. обл.; *панцуриться* 'браниться, ругаться' (*Он панцу́рилсъ ус'ак'им'и славáм'и.* Село Успенка Краснозоренск. р-на Орловск. обл.), записано более двадцати лет назад. За сообщение этих интересных примеров (ср. *панцу́риться*) автор признателен проф. С. И. Коткову.

[2] Ср. вед.: *idaṃ víṣṇur ví cakrame tredhā́ ní dadhe padám/s á m ū ḷ h a m asya p ā ṁ s u r e* RV. I. 22, 17 'это (всё) Вишну вышагнул, трижды оставил след; (оно) скучено в его пыльном (следе)'. Ср. *pāṁsujālika-* как эпитет Вишну и *pāṁsukhala-* как название кучи песка.

[3] Ср. «Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung». Bearbeitet

pāṁsulá- то же (уже в Шатапатха-брахмане), авест. *pąsnuš* 'пыль', 'сор'[4] и др. Др.-инд. *pāṁsurá-* произведено от *pāṁsú-* 'разрыхленная земля', 'песок', 'пыль', 'персть', подобно тому, как *madhurá-* 'сладкий' (есть и *madhulá-*, то же) от *mádhu-* 'мед' и т. п.[5] Таким образом, нет никаких фонетических и словообразовательных трудностей, которые бы препятствовали принятию **pānsura-* в качестве источника для *пансýра*. Семантический переход от 'разрыхленной земли', 'праха' к 'характеру', 'натуре', 'повадке' через значения 'форма', 'отливка', 'матрица', 'образец' удостоверяется многими примерами. Ср., например, англ. *mold*, *mould*, фиксирующее все эти и ряд других промежуточных значений, см. Webster's New International Dictionary of the English language. 1958, стр. 1579 [6]. Ключевым объяснением перехода значений можно считать следующее: The matrix, or cavity, in which anything is s h a p e d, and from which it takes its f o r m s; also, the b o d y or m a s s containing the cavity; as a s a n d m o l d for casting metals [7]. Из него естественно вытекают значения, связанные с м а т е р и а л ь н о й (ср. *Woman's beauteous m o l d*. Pope) и д у х о в н о й (*Helen, whose spirit was of softer m o l d*. Shelley) ф о р м о й, т. е. — в последнем случае — с х а р а к т е р о м [8]. Более сложен другой вопрос — имело ли слово **pānsura-* значение 'характер' уже на индо-иранской почве или это значение развилось в истории русского языка. Не вполне ясны и детали заимствования этого слова, но, учитывая его распространение прежде всего на юго-восточной окраине старой восточнославянской территории, можно думать о роли скифо-сарматских диалектов, в которых могло быть соответствующее слово. Любопытно, что название реки *Пансова* (рукав Самары) на Среднем

---

von O. Böhtlingk, IV. SPb., 1883, стр. 60, где дополнительно указаны значения 'Stechfliege' u 'Krüppel'.

[4] Видимо, из **pāṁs-nú-;* ср. др.-инд. *pāṁsana-* 'грязный', 'испорченный', см. M a y r h o f e r II, стр. 243. Из других индийских параллелей ср. пракр. *paṁsu-*, *pāsu-; paṁsula-* 'пыльный', вайгали *pasilā̃* то же, хинди *pā̃sul* и др. См.: R. L. T u r n e r. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1968, стр. 452 (№ 8019—8021).

[5] Ср. также *bhāsurá-* 'сияющий' *chidurá-* 'раскалывающий' *bhidurá-* 'расщепляющий', *vidurá-* 'мудрый' и т. д.

[6] Особенности происхождения этих слов в данном случае менее существенны. Ср. также соответствующие романские слова, например исп. *molde* 'форма', 'болванка' и 'человек (служащий примером)' и др.

[7] К *a sand m o l d* ср. *pāṁsuré* в цитированном выше отрывке из Ригведы.

[8] Как семантическую аналогию можно рассматривать и слово 'характер' в ряде современных языков при др.-греч. χἄρακτήρ 'отпечаток', 'печать', 'клеймо', 'чекан'; 'изображение'; 'очертание', 'форма'; 'отличительная черта', 'особенность', 'характер' (ср. у Платона: εἰληφέναι χαρακτῆρα ἑκατέρου τοῦ εἴδους 'уловить особенности каждого вида'); 'примета', 'признак'. Иной семантический принцип кроется в лат. *natura*. Любопытна близость суффиксов, используемых для обозначения данного понятия (*-ura*, *-t-ēr*).

Днепре отражает индо-иранский гидроним в форме **Pansava-* 'песчаная', ср. младо-авест. *pąsnav-*, *pąsanav-*, др.-инд. *pāṁsavā́-*; название соседнего рукава Самары *Песковата* может рассматриваться как дублет-перевод *Пансовы*[9]. Таким образом, диал. *пансýра* сохраняет след другой словообразовательной модели от индо-иранск. **pānsu-* (с элементом *-r-*), сохранившийся на восточнославянской территории[10].

2. *Парень, парни*

Это слово должно привлечь внимание по разным основаниям. В о - п е р в ы х, строго говоря, оно известно лишь великорусским говорам[11]. Диалектный и «низкий» характер его отчетливо осознавался в начале прошлого века, о чем можно судить по полемике архаистов и новаторов, в которой, в частности, слово *парень* фигурировало как один из ярких диагностических признаков определенного стиля. Включение слова в литературный язык произошло позднее, но и сейчас *парень* сохраняет следы более старой сферы распространения и связанных с этим специфических стилистических нюансов. В о - в т о р ы х, слово *парень* появляется в письменных источниках весьма поздно (что также можно считать аргументом в пользу его первоначально диалектной сферы употребления). Во всяком случае оно не отмечено у Срезневского, а также в многочисленных деловых документах XIV—XVI вв., оставшихся неизвестными Срезневскому. Возможно, что первая письменная фиксация слова относится ко второй половине XVII в. (ср. *парневые слова* у Г. Котошихина)[12]. В - т р е т ь и х, этимология слова *парень* остается малоудовлетворительной ввиду

---

[9] См.: О. Н. Т р у б а ч е в. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 261; О н ж е. Этимологические заметки по гидронимии Среднего Днепра. «Studia linguistica Slavica-Baltica Canuto-Olavo Falk». Lundae, 1966, стр. 300—301.

[10] Вероятно, сюда же относится и ст.-слав. пѣсъкъ, русск. *песок* и т. д., ср. пали *paŋsuka-* 'песчаный' (к соотношению **pānsu-*: **pěsŭ-kŭ* ср. др.-инд. *mā́s*, авест. *mā̊*, др.-греч. μήν, лат. *mensis*, лит. *mėnuo*, *mėnesis* и под.: ст.-слав. мѣсѧць, т. е. отсутствие носового в корне славянских слов при наличии его в родственных словах других языков), а также, как допускают некоторые (V. P i s a n i. — JKF, 2, стр. 217) хетт. *pasilas* 'булыжник', 'кругляк'.

[11] Укр. *пáрень* (Гринченко III, стр. 96, ср. *Звеселила парня чорними брівочками.* Чубинский V, стр. 134) встречается очень редко, далеко не повсюду и может быть заподозрено в заимствовании из русского, как и соответствующее слово в некоторых белорусских источниках (притом, что в словарях оно не отмечается), ср. укр. *пáрубок*, *пáробок*, блр. *хлóпец*. Редкое чеш. *pařák* 'плохой работник', 'халтурщик' дает мало оснований для сколько-нибудь надежных заключений.

[12] В XVIII в. слово *парень* уже неоднократно отмечается в словарях начиная, кажется, с лексикона Вейсманнова (СПб., 1731, стр. 163).

ее исключительности — **parę*, род. п. **paręte* (ср. диал. *пáря, парь*) как краткая форма **parobъkъ*[13].

Подступы к разрешению загадок, связанных с происхождением слова *парень*, открываются семантическим анализом слова, и прежде всего определением того, чтó реально обозначалось этим словом. Нужно думать, что первоначально *парень* обозначало молодого неженатого человека[14], а *парни* — определенный социально-возрастной класс людей, состоявший из юношей, которым предстояло жениться. Вероятно, класс *парней* охватывал молодых людей начиная с того времени, когда они получали право или возможность жениться, до реальной женитьбы. Подготовка к браку и сама многоступенчатая брачная церемония, сохраняющаяся как глубокий архаизм еще и поныне у восточных славян, и были, очевидно, моментом актуализации возрастной группы *парней*, временем наиболее полного и развернутого функционирования ее. Не случайно, что слова *парень, парни* приобретают терминологическое значение (в отличие, например, от *парень* в значении 'мальчик', 'сын', 'малый', 'мужчина' и т. д.) именно в этнографических описаниях свадьбы и некоторых других церемоний, для участия в которых важна принадлежность к определенной возрастной группе, а также в текстах свадебных обрядов. Характерно, что как раз тексты этих двух родов (этнографические описания свадьбы и собственно свадебные тексты) насыщены более, чем любой другой текст, этим словом и его производными, употребляющимися также как термины, ср. *парневáть* 'быть холостяком', 'жить холостяком', *парнёвик* 'сбор парней у жениха, что *девичник* у невесты' (Даль [4] III, стр. 42) и др. Из сказанного следует (и это подтверждается многочисленными этнографическими свидетельствами), что, с одной стороны, возрастная группа *парни* непосредственно связана с изоморфной ей женской возрастной группой *девицы*, а с другой стороны, группа *парни* внутри мужской половины противостоит следующей возрастной группе *мужчины* (реальное название обычно *мужики*)[15]. Переход из *парней* в *мужики* —

---

[13] См.: Vasmer II, стр. 316; Преображенский II, стр. 18 и др.

[14] Ср. «Словарь современного русского литературного языка», т. 9, М.—Л., 1959, стр. 186: Юноша, молодой человек (первоначально о неженатом молодом крестьянине). *У нас* [в России] *принято поселянами, что каждому парню следует жениться как можно раньше.* Черныш. Замеч. на посл. 4 главы 1-й книги Милля; Даль [4] III, стр. 36; ср. в указанном выше словаре дер. Деулино, стр. 390; неженатый молодой мужчина, юноша. — *Пáрин' ай мужы́к. — Он, йа ч'ай, мужы́к. Хъластóй, хъластóй, пáр'ин'* и т. п.

[15] Правдоподобна реконструкция всей совокупности возрастных групп у восточных славян и, вероятно, у праславян и соответствующих названий: (*младенец*), *ребенок, парень, мужик, старик*. Такая схема (о ней ср. другую работу автора) хорошо согласуется со славянскими фактами и находит огромное число типологических параллелей. Между прочим, была сделана попытка выделения четырех фаз мужской силы (по мере ее возраста-

одна из задач свадебного обряда. С ним связано изменение социального статута, достижение более высокого общественного положения человека и — как следствие — приобретение новых материальных благ начиная с невесты и свадебных подарков, которыми обмениваются стороны жениха и невесты по правилам, напоминающим потлатч. Целый ряд сказочных мотивов, принадлежащих к числу наиболее популярных, связан с описанием женитьбы героя и приобретением нового социального ранга (*парень* → *мужик* — различие, четко прослеживаемое в сказочных текстах). Еще более очевидна принадлежность в свадебной традиции *парубков* (: русск. *парни*) к особой возрастной группе [16]; эта группа организуется в так называемую *парубоцьку громаду* с атаманом во главе ее. Один из обрядов, позволяющих реконструировать более старые функции *парубоцької громади*, — *перейма* 'обрядовая остановка п а р н я м и поезда жениха с целью получить магарыч. . .' (Гринченко III, стр. 119). Как предполагают, *перейма* должна трактоваться как пережиток тех прав, которые некогда имели на н е в е с т у все молодые люди данной возрастной группы, представляемой теперь *парубоцькою громадою* [17]. Наличие в более поздних традициях пережитков особых

ния) на основании анализа ч е т ы р е х богов балтийских славян, причем не исключено, что эти боги представляли собой одно целое — ч е т ы р е х-ипостасное божество (ср. Р. О. Якобсон). Ср. соответствующую терминологию *четыре поры*, *порный*, *порато* и т. п., фонетически близкую к рассматриваемому здесь слову (о возможном иранском соответствии см. ниже).

[16] Ср.: «. . . для того, чтобы познакомить с ними [свадебными обрядами. — *В. Т.*] читателя, нам придется начать с не имеющей в себе ничего обрядового, но чрезвычайно тесно связанной с пониманием свадебных обычаев, о р г а н и з а ц и и деревенской молодежи на Украине. Достигшие б р а ч н о г о в о з р а с т а п а р н и и д е в и ц ы каждого села образуют нечто вроде о б щ е с т в а или д в у х о б щ е с т в с *отáманом* и *отамáнкою* во главе, с правильными взносами и т. п. Организованная таким образом молодежь устраивает вечерние с о б р а н и я на улице летом, хождение со звездой и колядки на Рождество и *дбсвітки* и *вечерни́ці* с осени до весны. На этих последних собраниях, несколько напоминающих великорусские посиделки, но и значительно от них отличающихся, молодежь играет, поет, танцует, закусывает, а в конце-концов в хату приносят достаточное количество соломы и составившиеся парочки укладываются спать вполне безгрешно, по мнению одних, и не всегда без греха, по отзывам других. Образование пар вполне свободно и ни к чему не обязывает; пары сходятся и расходятся по взаимной склонности. Эти собрания, подобные которым мы находим почти у всех народов как наиболее примитивных, так и довольно высокоцивилизованных, и служат местом ближайшего знакомства между молодыми людьми, оканчивающегося обыкновенно б р а к о м» (Ф. К. В о л к о в. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, стр. 621; ср.: О н ж е. Rites et usages nuptiaux en Ukraïne. «L'Anthropologie», 1891—1892; D. Z e l e n i n. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 240 и сл., а также отчасти: Н. М. Н и к о л ь с к и й. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956 и др.).

[17] Интересны старые сообщения о срезании косы девицам за потерю невинности, но только в тех случаях, когда они уличены в связях с *паруб-*

брачных сезонов, открытых Вестермарком, делает особенно убедительным предположение о специальной возрастной группе юношей, готовящихся к браку.

Сочетание типологических параллелей с конкретными показаниями восточнославянских традиций позволяет предполагать и некоторые другие функции возрастной группы *парней* — военную, отраженную как в некоторых особенностях свадебного ритуала [18], так и в терминологии (*войско*, *полк* [19], *дружина*, *тысяцкий*, *атаман* и под.) и включении в ритуал походных, строевых, «охотницких» песен и т. п., и, может быть, производительную в качестве подсобной [20]. Интересно, что во время свадебного ритуала прерогативы в осуществлении юридической функции принадлежали дружке, т. е. члену той же возрастной группы [21], что также находит ряд убедительных типологических параллелей.

Таким образом, здесь высказывается предположение, что *парни* образовывали некогда особую возрастную группу, включавшую юношей от инициации до вступления в брак и являющуюся поздней филиацией тех тайных мужских союзов, которые достаточно хорошо описаны в этнографической литературе с конца XIX в. вплоть до новых работ К. Леви-Стросса [22]. Некоторые

ками чужой деревни. См.: Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 629 (сообщение В. Н. Ястребова, Херсонская губ.).

[18] Ср.: «После обычных приветствий. . . женихов отец, объявив о своем прибытии со всем „войском“, выражает желание приступить скорее к делу — к „сводам“ детей, иначе теряющее уже терпение храброе войско может «на приступе» натворить всякой беды. . . Сегодня жених, царь-царевич, король-королевич, не только охотник на диковинного зверя, но и неприятель, осаждающий и берущий вражескую крепость. Невестина сторона играет теперь роль осажденных, защищающихся, до тех пор, пока обе стороны не сойдутся на общем мирном „сговоре“. В знак успешного заключения мира женихов отец подносит всем по три стакана и поручает дружку вывести жениха. . .» (А. М. Листопадов. Старинная казачья свадьба на Дону. Обряды и словесные тексты. Ростов-на-Дону, 1947, стр. 55); ср. также представление о женихе как о воине: «*А и кто в поле воитель, | Да Тарасушка воитель! | Да и с кем же он воевал?*» (Там же, стр. 66); «*Не давайси, не давайси, братушка, — кричат подушечники, — не то посвяжут всех нас да у плен заберут!*» (Там же, стр. 43 и др.), алб *djalë*, сохраняющее среди своих значений и такие, как 'сын', 'парень' (до того как он становится мужем (*burrë*), 'жених', 'холостяк', 'воин' (=вооруженный герой, витязь' (*/trim/*).

[19] Ср. *пук* как обозначение одного из двух основных классов общества в Полицком Статуте ('народная масса').

[20] Ср. этимологическую связь названия *парубок* / *паробок* с глаголами, обозначающими работу, деланье и т. п.

[21] М. С. *Харузин*. Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885.

[22] См.: H. Shurtz. Alterklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen des Gesellschaft. Berlin, 1902; Webster. Primitive secret societies, 1908; A. Van Gennep. Les rites de passage, études systématiques des rites. Paris, 1909; E. M. Loeb. Tribal initiations and secret societies. «Univ. of California Publications», № 25, 1929; В. Я. Пропп.

особенности социально-возрастной группы типа *парубоцької громади* или *парней* более полно развиты в других традициях. Можно напомнить несколько примеров, которые, между прочим, позволят уточнить содержание описанной выше возрастной группы. У масаев, кочевого племени Юго-Восточной Африки, выделяется два возрастных класса — *el-moran*, холостая молодежь, живущая в военных лагерях и находящаяся в отношении промискуитета с молодыми девушками, выполняющими в этих лагерях особые функции, и *el-moruo*, женатые мужчины, которые с семьями и скотом ведут кочевой образ жизни [23]. Сходным образом организованы возрастные группы у зулусов, у которых, в частности, юноши объединялись в «полки» (*īButo*) и жили в военных краалях лет до 40, когда они женились; объединение девушек в возрастные группы носило более номинальный характер [24]. Долганская традиция позволяет восстановить старую картину двучленного деления на *косуунов* (*kohuun*) и «стражей имущества» (*baaj ketebil-çittere*); первые жили отдельно, воевали, защищая «стражей имущества», охотились, отдавая добычу; при этом, видимо, группа *косуунов* не была наследственной: ее члены рекрутировались из «стражей имущества» и в конце концов снова становились ими [25]. С наличием такого членения общества сочетаются несомненные пережитки группового брака, сохраняемые в обычае «отдаривания» (*belektehii*), кросскузенном браке, левирате, гетеризме. В недавнем прошлом у туркмен существовал особый институт *aq-öylü*. Этим термином обозначалась группа молодых лиц, которые не имели жен, не вели хозяйство и жили изолированно, за счет племени, выполняя военные задания [26].

К. В. Тревер вспомнила некоторые из приведенных выше примеров в связи с выделением возрастных групп в древнем Иране, о чем сообщается в «Киропедии» Ксенофонта при описании детства

Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946; C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949 (2-е изд. Paris—La Haye, 1967) и др. Из работ по отдельным традициям см.: L. Frobenius. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. «Abhandl. d. Leopoldinischen Karolinischen Deutschen Akad. d. Naturforscher», Bd 74, 1890; F. Boas. The social organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians. «Reports of the U. S. Natural Museum for 1895». Washington, 1897; L. Weiser. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Berlin, 1927; H. Nevermann. Masken und Geheimbünde in Melanesien. Berlin, 1933; S Wikander. Der arische Männerbund. Uppsala, 1938 и др.

[23] A. de Préville. Les sociétés africaines. Paris, 1894, стр. 65.

[24] См.: A. T. Bryant. The Zulu family and state-organization. «Bantu Studies», vol. 2, 1923, стр. 47 сл.; Он же. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 116, 128—129, 302—303. — Любопытно, что принадлежность к «полку» отмечалась особым знаком (см. ниже).

[25] Ср.: А. А. Попов. Материалы по родовому строю у долган. — СЭ, 1934, № 6, стр. 116—140.

[26] С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. — ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 72—81.

Кира и методов воспитания мальчиков [27]. Согласно Ксенофонту (I, 2), площадь свободных в царской столице разделена на четыре части: для мальчиков до 16 лет (παῖδες), для юношей от 17 до 26 лет (ἐφῆβοι), для взрослых мужей от 27 до 52 лет (ἄνδρες τέλειοι) и для старцев с 52 лет (γέροντες); интересно, что ἐφῆβοι в случае обмана или воровства судились своими предводителями (ср. выше о юридической функции дружек по отношению к парням во время свадебных обрядов); ночью ἐφῆβοι находились при общественных зданиях с оружием в руках. Ф. В. Кениг на основании авестийских и древнеперсидских клинописных данных реконструировал название четырех возрастных групп ахеменидской знати: 1. *aprnāju* (не-парна); 2. *parna* (юноши); 3. *nawatara* (взрослые мужи); 4. *huwowo* (старцы) [28]. После того как Камбис убил своего брата Бардию (Bardiya), многие из знати стали опасаться, что Камбис «убьет и тех людей, кто знавал *парну* Бардию» (. . .*kāram vasiy avājaniyā hya parnam Bardiyam adānā*. . . Бегист 1, 13) [29]. Отсюда предположение, что Бардия принадлежал к *parna*. К. В. Тревер, проницательно анализируя выводы Ф. В. Кенига и приведя целый ряд убедительных типологических аналогий, мимоходом и, к сожалению, в контексте ошибочных марровских этимологий (**par-* 'солнце-дитя'), высказала мысль о связи др.-перс. *parna* и русск. *парни* [30]. Эта догадка осталась недоказанной, и, естественно, мимо нее прошли все те, кого занимала этимология слова *парни*. Реабилитировать предположение о связи др.-перс. *parna* и русск. *парни* и сделать его если не доказанным, то во всяком случае более доказательным, можно лишь теперь, когда, с одной стороны, определен денотат понятия *парни* (определенная возрастная группа, конечная цель членов которой состоит в достижении через брак более высокого социально-имущественного положения) и, с другой стороны, выяснены этапы

---

[27] К. В. Тревер. Древнеиранский термин «*parna*» (К вопросу о социально-возрастных группах). «Изв. АН». Серия истории и философии, 1947, № 1, стр. 73—84. — Характерно, что Дарий отрекся от престола, достигнув 55 лет. Аристотель в «Политике» (VI, 12) также сообщает о ἐλεύθερα ἀγορά в Фессалии (около Краннона), разделенной на части в соответствии с возрастными группами населения.

[28] F. W. König. Der falsche Bardija. Wien, 1938, стр. 128.

[29] Впрочем, многие вместо *parnam* предпочитают читать *paranam* 'прежде'.

[30] К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 84. — Интересны соображения Ф. В. Кенига и К. В. Тревер о ритуальной колеснице с котлом, по краям которого были изображения двух птиц (колесница возилась по селениям во время засухи). С этой колесницей можно сравнить русские свадебные повозки с большим чаном или сундуком для подарков, на него нередко сажали жениха и невесту (ср. мотив мирового дерева с двумя птицами на свадебных караваях), что и отражено как в соответствующих описаниях, так и в свадебных песнях (тип *По мосту, мосту калиновому, там карета проезжала* . . .). Ср. сходную погребальную повозку из кельтского могильника 6 в. до н. э. в Виксе (найдена в 1953 г.).

эволюции др.-иран. **hvarnah-* (ср. авест. *x^varənah-*), с которым в конечном счете так или иначе может быть связано др.-перс. *parna* [31]. Вместе с тем следует напомнить тот ныне не вызывающий сомнений факт, что конкретный свадебный обряд в любой традиции, сохраняющей связь с мифопоэтическими концепциями прошлого, представляет собой воспроизведение космической свадьбы божественных жениха и невесты (описание такой свадьбы в наиболее чистом виде см. в Ригведе X, 85 и в 14-й книге Атхарваведы) [32], при этом жених и невеста могут быть персонифицированы или же выступают как Месяц и Солнце или Звезда, Заря (не говоря о других, гораздо более редких вариантах) [33]; цель же бракосочетания — достижение благополучия и богатства.

Как известно, указанное выше древнеиранское слово обозначало некую божественную сущность, приносящую богатство, власть и могущество (ср. миф о *хварне*, небесной благодати, в Авесте и его следы в других традициях, например Геродот IV, 5—7); ею стремились обладать, иногда ее персонифицировали, ср. авест. *x^varənanuhå̊* 'обладатель Фарра' (т. е. 'могущественный',

---

[31] H. W. Bailey. Zoroastrian problems in the ninth-centuryBooks. Oxford, 1943 (*I. Farrah*, стр. 1 сл).

[32] См.: J. Gonda. Notes on Atharvaveda-Saṃhitā Book 14. — IIJ, 1964, vol. 8, стр. 1—24; J. Ehni. Rigveda X. 85. Die Vermählung des Soma und der Sūrya. — ZDMG, Bd. 33, 1879, стр. 166—176; Т. Я. Елизаренкова, А. Я. Сыркин. К анализу индийского свадебного гимна (Ригведа, X, 85). «Труды по знаковым системам» II. Тарту, 1965, стр. 173—188 и др.

[33] Ср. в восточнославянских свадебных обрядах ритуальные загадки о Солнце, Месяце, Звезде, Заре; сравнения-клише жениха и невесты с месяцем и солнцем; изображение этих светил на каравае в соседстве с фаллическими символами из теста; свадебные песни типа:

Колесом сонечко на гору йде,
Колесом яснее на гору йде;
Полком молодой на посад іде,
Полком Ивашко на посад іде.

Или:

Іде хлопець до дівки,
Як місяць до зірки.
А в мого тестонько трое ворітець:
В одні ворітці місяць засвітить,
В другі ворітці сонеько зойде,
В треті ворітці молодчик въіде . . .

Или:

Несходимое красное солнце с лучами,
То Иван сударь с сыновьями . . .
Не светел младой месяц со звездами,
А то Анна душа с дочерями

и т. п. Ср. использование тех же символов в любовных заговорах.

'счастливый'), согд.-будд. *prnγwnt* [34], н.-перс. *farrax*^{v} > *farrux*. Филиация значений др.-иран. *hvarnah* подробно изучена Г. У. Бэйли, в силу чего здесь нет необходимости обращаться ко всем этапам в развитии значений этого слова и его продолжателей. В данном случае существенно лишь отметить, что наиболее общее и абстрактное значение, устанавливаемое Бэйли, — 'a thing obtained or desired', откуда 'good thing', 'a desirable thing', 'possessions', 'good things', — покрывает и объясняет, как авест. *x*^{v}*arənah* 'слава', 'блеск', 'сияние', 'величие' и т. п., перс. *farr* 'блеск', 'великолепие', 'пышность', осет. *farn* 'мир', 'обилие', 'счастье', согд. *prn* 'слава', 'знамение' и т. п., так и некоторые значения, ранее остававшиеся в тени; ср., с одной стороны, указания на такое словоупотребление, когда возникает значение, близкое к 'сила' (ср. *hamāk varč ut x*^{v}*arrah ut ōž*. DkM 675, 19 «all effective power and *x*^{v}*arrah* and force», ср. там же 675, 22 и др.) [35], и, с другой стороны, случаи со значениями 'положение', 'состояние', 'ранг', 'достоинство', 'звание' (ср. согд. *prn*, *frn*, х.-сакск. *phārra* [36], авест. *x*^{v}*arənah*, а также особенно убедительные тохарские иранизмы *parām*, *perne* [37] и др. С этим кругом

[34] Ср.: *rty γw z'tk prnγwnt'k βwtk'm* 'и сын будет счастливым'. (R. Gauthiot. Une version sogdienne du Vessantara Jātaka. — JAs. 1912, 31.f.; ср. 52e, 895, 1198); *š't 't prnγwntk* (**šāt at farna-*) 'богатый и счастливый *xwantak*' (R. Gauthiot, É. Benveniste. Le Sūtra des Causes et des Effets. Paris. 1920—1928, стр. 490, 498). Эти места проанализированы Бейли, см. (Указ. соч., стр. 53 сл.)

[35] Ср.: *ut-aš pat x*^{v}*arrah frāx*^{v}*ēnīt zamīk 3 srišvatak hač ān mas čēgōn pēš hač ān būt*. DkM. 593, 17 «by that *x*^{v}*arrah* he widened the earth to the three third parts greater than it was before» (ср. авест: *zāvarə aojasča x*^{v}*arənō avasča rafnasča*. Yašt. 13, 1), где *x*^{v}*arrah* правдоподобно объясняют как одно из выражений для понятия 'сила' (H. W. Bailey. Указ. соч., стр. 28). Интересно, что др.-тюрк. *qut*, передающее это иранское слово, сочетает в себе значения 'жизненной силы', 'души', 'счастья', 'благополучия', 'удачи', 'достоинства'; 'состояния истинного бытия' (о Будде, архатах и т. п.); ср. *burχan qutï* 'состояние Будды' (Suv. 21, 21); *ol nomuγ ẹšiṭip alqu nizvanilarïγ tarqarïp arχant qutïṇa tẹgdi* 'услышав то учение, он, подавив все (свои) страсти, достиг блаженства (состояния) святого' (Uig. III 39.4) и др. См.: «Древнетюркский словарь». М., 1969, стр. 471.

[36] Ср.: S. Konov. Primer of Khotanese Saka. — NTS 15, 1949, стр. 25 (заимствование из древнеперсидского).

[37] Ср. тох. А *puttišparām* (*puttišpar-* 'положение Будды' (в соответствии с согд. *pwty'kh prn*), *srotāpattune parām* 'положение srotāpatti' (398 b 3)' *ārāntišparām* 'ранг архата' (80 a 1), *parām kälpo* 'достигший ранга' (43b 4) и др. (см.: P. Poucha, Institutiones linguae tocharicae. Pars 1, Praha, 1955, стр. 161, 184—185; H. W. Bailey. Указ. соч., стр. 57, 227) в связи с аналогиями в тюркских текстах того же круга: *burqan qutïn* (= puttišparām) в «Säkiz Yükmäk» 157 (Türkische Turfan-Texte VI), *ïduq qutluγ* (Suvarṇabhāsa», IV, 19) 'arya' как обозначение высшего из четырех возможных положений; ср. «Suvarṇabhāsa»: *tört türlüg qutqa tägmiš tüzünlär* (IV, 17) 'арии, которые достигли четырех положений,' ср. также тох. В *pelaiknentse perne* в передаче санскр. *dharma-pada*. Интересно, что в тохарском сохраняются и другие значения, ср. тох. А *parno* 'splendidus', 'fulgens', *parnore* 'splendor', 'fulgor', тох. В *pernerñe* то же.

значений естественно связывается употребление согд. *prn* для передачи кит. *siang*, которое в свою очередь точно передает санкр. *lakṣaṇa* как выражение для внешнего знака (меты) принадлежности к данному состоянию, положению (ср. особый знак как атрибут принадлежности к «полку» юношей брачного возраста у зулусов, не говоря о более известных, хотя и менее ярких аналогиях в восточнославянской свадебной традиции). Переход от значения 'положение', 'состояние', 'ранг' к значению класса, группы людей, достигших определенного положения, состояния, вполне естествен, и он мог бы объяснить семантическую дистанцию между соответствующими иранскими словами и русск. *парни* (даже если не принимать реконструкцию Кенига и названия древнеиранской возрастной группы *parna*). Вместе с тем обращает на себя внимание связь значений этих иранских слов со значением возрастающей, прибывающей, расширяющейся силы (см. выше, например DkM 593, 17 и др.), которая характеризуется теми же атрибутами, что еда, пища, жертва (как пища богов) или место жертвоприношения (жертвенная подстилка, алтарь и т. д.), и наконец, сами боги [38]. Это сходство тем более поучительно, что понятие еды, пищи, питья в иранских языках может выражаться тем же самым словом или его производным, ср. авест. *x^varənah*, *x^varəntī*, *x^varətay*, *x^varəϑa*, *x^varəna* (см. Bartholomae, ст. 1865 сл.) [39] и многочисленные параллели в современных иранских языках (типа осет. *xwar* 'хлеб в зерне' и др.), а также заимствования (ср. болг. *храна*, *храня*, макед. *храна*, *храни*, с.-хорв. *хра́на*, *хра́нити*, словен. *hrana*, *hraniti* со значением 'еда', 'питание', 'кормление', не говоря о семантически более удаленных случаях). Если верно предположение Бэйли, согласно которому авест. *x^varənah* и под. восходят к и.-е. **su̯er-nes-*, **su̯er-ə-nes-* или **su̯el-nes-*, **su̯el-ə-nes-* [40]-, ср. др.-англ. *swëllan*

---

[38] Такие примеры известны как в восточнославянской традиции (ср. в каравайных песнях: *Расьци, расьти, кырывай,* | *Вышы стылпа мидяныга,* | *Вышы нашые мыладой . . .*; или: *Росты, коровай, росты,* | *Як хмель на тычини. . .*; или: *Росты, коровай, як липынька. . .* и т. д.), так и особенно в индоиранской, т. е. в двух сопоставляемых в данном случае культурно-исторических кругах. Ср. вед. *tásya bhármaṇe bhúvanāya devá̄ dharmane kám̥ svadháyā paprathanta.* RV X, 88, 1 'своей собственной силой расширились боги, чтобы нести все сущее, удерживать (его)'; *déva barhir várdhamānam̥ suvīram̥ stīrṇám̥ subháram̥ védy asyám.* RV II, 3,4 ,божественный *barhis* возрастающий, (несущий) героев к богатству, прекрасную ношу, распростерт на этом *vedi'*; *agnír dād dráviṇam̥ . . . agnír diví havyám á̄ tatāna. . .* RV X, 80, 4 'Агни дал богатство. . ., Агни к небу протянул жертву' и т. п. Подробнее об этом см.: Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968, стр. 39 сл.; В. Н. Топоров. О брахмане, К истокам концепции (Рукопись).

[39] См.: O. Klíma. Beiträge zur mittelpersischen Lexikon — AOr, 37, 1969, стр. 548 сл. (III. *Xvartan*).

[40] H. W. Bailey. Указ. соч., стр. 69 сл.

'вспухать', 'раздуваться', 'увеличиваться', 'возрастать', то окажется, что индо-иранские контексты о возрастании, увеличении еды, жертвы, богатства, некоего желанного состояния (и тем более иранские клише о расширении *x̌arənah*) экстенсионально «оживляют» старую внутреннюю форму данного иранского слова. В отличие от Бэйли, однако, допустимо думать, что вед. *súar*, *sūr*, *svar*, обозначающие 'свет', 'сиянье', 'блеск', 'солнце', '(сияющее) небо' (ср. *sūrta*, причастие от *sūr* 'сиять'), также в конечном счете связаны с иранским словом и его индоевропейским источником. В пользу такого заключения свидетельствовали бы как семантические детали (наличие контекстов, где соответствующие иранские слова приобретают значение 'блеск', 'сияние' [41], наряду со словом, сопоставленным с вед. *svar* и также обладающим значением 'солнца'; ср. также ведийские формулы, описывающие возрастание, увеличение *svar*), так и формальное сходство. Почти точным соответствием авест. *xᵛarəna-* следует считать вед. *suárana-* RV. I, 18, 1, (*somānaṃ svárаṇaṃ kṛṇuhi brahmaṇas pate* 'О Брахманаспати, сделай сияющими выжимающих сому') [42].

Из сказанного выше следует, что история семантического развития данной семьи слов в иранских языках позволяет восстановить такие существенные в данном случае вехи, как 'еда', 'пища'—'сила', 'богатство', 'благополучие'—'положение', 'состояние', 'ранг'—'социальная группа с соответствующей характеристикой'. Количество типологических параллелей к разным фрагментам указанной серии переходов весьма велико. Поэтому здесь можно ограничиться лишь несколькими параллелями.

Вед *bráhman* обнаруживает связь с и.-е. **bhelgh'-* 'вспухать', 'увеличиваться' (ср. русск. *бблозень* 'мозоль', 'шишка', с.-хорв. *blàzina* 'подушка', 'перина', и т. п.) [43], вместе с тем для *bráhman* правдоподобно реконструируют значение 'жизненная сила' [44], прослеживаемое еще в реально засвидетельствованных обозначениях этим словом особого состояния (одушевления, молитвенной сосредоточенности и духовного возвышения). Наконец, др.-инд. *brahmán* обозначает члена одной из четырех социальных групп, устойчиво выделяемых в древней Индии, а именно брахманской, занимающей высшее место в иерархии. Любопытно, что название члена следующей в иерархии группы *kṣatríya-* 'кшатрия', 'воин' (ср. авест. *xšaþryō*) связано с *kṣatríya-*,

---

[41] Ср. три золотых предмета, посланных с неба избраннику на царство, символизировавшему единство всех трех социальных групп общества, в скифском мифе, переданном Геродотом.

[42] Идеальным соответствием было бы вед. **svar(ĭ)nas*.

[43] См. указанную статью автора. Ср. также связь *bráhman* с *bṛh-* 'усиливать', *bṛhant-* 'высокий', 'сильный' и т. д., в конечном счете из **bhergh'-*'расти', 'возвышаться' (ср. параллельный корень **bhelgh'-*).

[44] J. Gonda. Notes on Brahman. Utrecht, 1950.

ср. р,. как обозначение состояния полноты силы власти (ср. авест. *īšā.xšaþrya-* 'исполненный власти через силу') и с *kṣatra-*, ср. р. 'сила', 'могущество' (ср. авест. *xšaþrəm* 'власть', 'царство', др.-перс. *xšaϑram* и др., ср. также хот.-сакск. *kṣīra-* 'страна', из **kšatryam*). Другой достаточно убедительный пример — лат. *ops* 'сила', 'мощь'; 'помощь', 'поддержка'; 'средства', 'имущество', 'состояние', 'богатство'; 'военная мощь', 'войска', 'политическая власть', 'господство'; *Ops* как имя богини плодородия при *optimus* как обозначение представителя высшей социальной группы — оптиматов. Интересно, что и название другой социальной группы — *plebs* (*plēbis*, архаичное *plēbēs*), как и обозначение народа в целом — *populus*, связано с идеей возрастания, наполнения (ср. *plēnus* в таких значениях, как 'надутый', 'толстый'; 'полный'; 'сильный'; 'мощный'; 'состоятельный'; 'богатый'; 'многолюдный' и т. д.).

Еще несколько примеров. Русск. *люд*, *люди* и др., видимо, как обозначение свободных людей, ср. ст.-слав. **людинъ** 'свободный человек', бург. *leudis* то же, др.-греч. ἐλεύϑερος то же и т. д., связаны в своих дальних истоках с идеей возрастания, ср. др.-инд. *ródhati* 'растет', гот. *liudan* 'расти' (ср. *род*, *народ*, *возраст*). Лит. *ámžius* как обозначение определенного возраста, временнóй ступени, века соотносится с прусск. *amsis* 'народ' (менее вероятно сравнение с праслав. **mǫžь*); близкие отношения засвидетельствованы в праслав. **věkъ* при лит. *vaĩkas* 'мальчик' и др. (ср. *vaikìnas*, прусск. *waix* 'слуга', русск. *человек*) и далее лит. *výkti* 'достигать', 'удаваться' и т. п. Столь же характерна судьба продолжателей и.-е. **teu̯t-*/**tou̯t-*. Значения 'народ' (лит. *tautà*, гот. *þiuda*, др.-ирл. *tuath* и др.)[45], 'страна' (лит. *tautà*, кимр. *tūd*, оскск. *touto* и др.), 'военная сила' (хетт. *tuzzi-*, лтш. *tautas* 'fremde, feindliche Kriegsleute', см. Mūlenbachs—Endzelīns, XXXVII burtnīca, стр. 140) и даже 'жених', 'суженый' (лтш. *tàutietis*; ср. также обозначения групп жениха и невесты в латышских свадебных обрядах)[46] и т. д. так или иначе восходят к и.-е. **teu̯-*, **tou̯-*, **tŭ-* с идеей увеличения, возрастания, обилия (ср. ст.-слав. **тыти** 'жиреть', 'тучнеть', не говоря о формах с разными корневыми детерминативами)[47]. Связь значений 'сила' и 'ре-

---

[45] Ср. 'чужие люди': лтш. *tautas*, мн. ч., *tautietis*, русск. *чужой* и др.

[46] Ср. также *чуженин* как обозначение жениха в русских свадебных песнях; ср. *чуж чуженин, а стал семьянин*; *у свахи все чужни (=женихи) наперечет*; *чужежонный*, *чужеженец*, *чужемужняя*, *чужемужатка* и др. см. Даль [4], III, стр. 1372.

[47] Ср. др.-перс. *taumā*, слово того же корня со значением 'род' (или 'племя', 'семья'), а также 'сила', 'могущество' (от *tav-* 'быть сильным'). См.: É. Benveniste. — BSL 47, 1951, стр. 37; М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963, стр. 191—192 (ср., однако: F. B. J. Kuiper. — «Lingua», vol. VIII, 1959, стр. 446). Близкие семантические отношения обнаруживаются между названием хеттского собрания *panku-* (ср. прилагательное *panku-* 'целый', 'совокупный') и *pangarit*

бенок’, ‘юноша’ (или их объединение) подтверждается весьма многочисленными примерами типа: др.-инд. *bala-*, ср. р., ‘сила’, ‘мощь’, ‘военная сила’, ‘войско’, ‘дружина’—др.-инд. *bāla-*, м. р., ‘ребенок’, ‘мальчик’ (ср. *bālya-*, ср р. ‘детство’, ‘юность’); гот. *mahts* ‘сила’—гот. *magus* ’мальчик’; лит. *viekà* ‘сила’—лит. *vaĩkas* ‘мальчик’; др.-тюрк. *türk* ‘сильный’, ‘могучий’, ‘самый обильный’ [48] — др.-тюрк. *türk* ‘союз племен’ и далее как обозначение тюрков и тюрка (не исключено, что семантическая эволюция этого слова осуществляется через стадии ‘возрастной класс неженатых воинов’—‘войско’ и ‘предводитель войск’—‘высшая в социальной иерархии группа’ и т. д. [49] и др.

Приведенные выше соображения позволяют сделать вывод о теснейшей семантической связи между русск. *парни* и иранскими словами, обозначающими *фарн*. Возможно, что некоторые дополнительные детали, в частности относящиеся к фразеологии и некоторым особенностям словоупотребления, дадут возможность еще более укрепиться в предлагаемом здесь объяснении. Прежде всего обращает на себя внимание такое словоупотребление в иранских языках, когда появление данного слова приурочено к свадебному обряду, ср. осет. *farn fæcæwy!* «фарн шествует!» (возглас шаферов при вводе в дом жениха (= п а р н я) или невесты) или *adæm farny zarğytæ kodtoj* «народ пел (свадебные) песни фарна» [50]. Учитывая, что в архаических традициях свадебный договор и брак являются одним из вариантов универсального обмена дарами, в частности женщинами (*échange de femmes*), соответственно — мужчинами [51], когда п а р н е й и девиц д а ю т или

‘во множестве’, ‘массой’, а также этимологически связанными др.-инд. *bahú-*, др.-греч. παχύς, лтш. *biezs* (лит. *bingùs*) с набором значений ‘многий’, ‘толстый’, ‘густой’, ‘частый’ и др. [Ср. энецк. *моди поггой нгэва* «мой р о д т о л с т ы й» (т. е. многочисленный), см. Б. О. Д о л г и х. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970, стр. 120]. Чрезвычайно характерно, что хетт *pangarit* употребляется в известных текстах исключительно в связи с в о й с к о м, ср. ERÍNMEŠ LÚKUR pa-an-ga-ri-it BA. BAD «вражеское войско погибло целой массой (целиком)». См.: Вяч. В. И в а н о в. Происхождение и история хеттского термина *panku-* «собрание». — ВДИ, 1957, № 4, стр. 26 и др. Интересно, что и аккад. *nagbatu*, выступающее в качестве эквивалента хетт. *panku-*, обнаруживает, видимо, сходные семантические связи (кстати, оно также употребляется лишь в связи с описанием в о й с к а).

[48] Ср. *türk jigit* ‘самая молодость’ (т. е. пора самого расцвета) в словаре Махмуда Кашгарского (I,353). См. «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 599; ср. значение ‘сила’, ‘могущество’ в уйгурском слове.

[49] С. П. Т о л с т о в. Указ. соч., стр. 79—81. Ср. у Махмуда Кашгарского: «есть у меня в о й с к о, я назвал его *türk*» («Древнетюркский словарь». Л., 1969). В другой работе автора приводятся примеры иного семантического принципа обозначения коллективов типа ‘род’, ‘семья’, ‘община’, ‘потомство’ и их членов (связь с понятием ‘нить’, ‘шнур’, ‘вервь’).

[50] А б а е в I, стр. 421.

[51] См.: M. M a u s s. Essais sur le don. Forme et raison de l’échange dans les sociétés archaïques. «Sociologie et anthropologie». Paris, 1950; C. L é-

берут[52], приобретают значение сочетания типа авест. *xᵛarənō.dā*, *nom ag.* 'дающий Фарр'[53] (ср. *выдавать за парня, замуж* и под.). В известном смысле сюда же примыкают словосочетания, где с фарном соседствует указание на бога, долю, ср. согд. *βaγīfarn 'божий фарн[54], и — более отделено — случаи синтагматического соседства этих двух слов, ср.: *rtkδ tγw 'γw βγy γwβw pr prnw šyr' kk | ZY wyzc't 'skwy*... B — 16, 4—5. «И если ты, господин, государь, во славе благополучным | и благоденствующим пребываешь...»[55] (то же в А. 15,2: *rtkδ γw βγw prprn 'skwy*...); *pr βγy ZY pr tw' prn z'wr prtr 'krtym.* А — 17,1 «Я возвысился благодаря славе (и) силе господина и твоей (славе и силе)[56]; ср. также Nov. 2, 5—6 и 13—14 и др. Сочетание тех же (этимологически) элементов отмечается и в русских свадебных обрядах как в узком смысле, ср. *богатый парень*, частое обозначение жениха, так и в более широком, ср. постоянные темы парня и Бога, богатства, божатушки и бажатеньки (= крестного и крестной, благословляющих парня и девицу)[57]. Соединительным звеном между иранским словоупотреблением и приведенными русскими свадебными выражениями можно считать употребление вед. *Bhaga-* в уже упоминавшемся свадебном гимне. Ср. *gṛbhṇāmi te saubhagatvā́ya hástam máyā pátyā jarádaṣṭir yáthā́saḥ| bhágo aryamā́ savitā́ púraṃdhir máhyaṃ tvādur gā́rhapatyāya*

---

vi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. Paris—La Haye, 1967 и др.

[52] К амбивалентности соответствующего глагола см.: É. Benveniste. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen. «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966, стр. 315—326.

[53] Ср.: miϑrō... *yō vīspāhu karšvōhu... vazaite xᵛarənō. dā.* Yt. X, 16; ср. собственное имя Φαρναδάτης.

[54] См.: J. Gershevitch. Sogdian compounds. — TPhS, 1945, стр. 139; ср. осет. *xucawi farn*. Любопытно, что в ряде иранских языков в качестве синонима к **baga* могли выступать производные от **păr* (ср. ягноб. *pora* 'часть', *iporá* 'много', может быть, согд.-маних. *i p'ryk* 'совсем', согд.-будд. *'yw p'r 'uk*, парф. *syg-pr*), см.: Вяч. В. Иванов. — «Труды по знаковым системам» IV. Тарту, 1969, стр. 50—51 (здесь же сопоставление с др.-греч. Πόρος, πέρας, слав.* *pora*); И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Новые находки документов в Старой Нисе. — «Переднеазиатский сборник» II, М., 1966, стр. 140.

[55] В. А. Лившиц. Юридические документы и письма. М., 1962, стр. 126—127.

[56] Там же, стр. 169. Ср. сходную фразеологию в осетинском: *adæmy farnæj k₀y skænin mæxīcæn kad* œmæ *sær!* «если бы я фарном народа создал себе славу и почет!» (Абаев I, стр. 421).

[57] Ср. болг. *боговица* как название свадебного пирога; ср. также *Сам Бог коровай месить*; *Дай, Божа, маладым дуобрую долю*; *Басслов* (благослови), *Божа, Божунька! Подь на свадьбу, подь на свадьбу!... Слуцы свадьбу двух молодёных...*; ср. *богоданные родители* в ритуальных обращениях жениха и невесты к отцу и матери и др. Кстати, обычная формула благословения «Вот вам, милые детки, мир-благословение» напоминает осетинское выражение с участием слова *farn*.

devāḥ RV. X, 85, 36 «Я беру твою руку на счастье. Да будешь ты со мной (как) с мужем до глубокой старости! | Бхага, Арьяман, Савитар, Пурамдхи — боги дали мне тебя для семейной жизни» (т. е. боги, в их числе Бхага, дали жениха невесте)[58] или же такие высказывания, имеющие в виду ритуально правильное поведение жениха, как *ayáṃ devā́nāṃ ná mināti bhāgám.* AV. XIV, 1, 33 b. «этот не препятствует богам (в получении их) доли». Вероятно, возможны и другие сближения[59].

Подводя итог сказанному, можно еще раз подчеркнуть, что семантические связи между русск. *парни* в предложенном выше понимании и иранским словом-источником достаточно тесны, чтобы переход значений при заимствовании не казался неестественным. Скорее сложности обнаруживаются в фонетических деталях. Первая из них в том, как объяснить начальный согласный в русском слове: как естественную субституцию иноязычного *f-* или как точную передачу *p-* (**farn* или **parn-*) [60]. Допустимы оба решения (кстати, та же дилемма возникает и при трактовке др.-перс. *parna*, в реконструкции Кенига). Другая сложность заключается в объяснении словообразовательной модели *парень—парни* (как *корень—корни*), сложившейся, может быть, не без влияния исконных типов с формантом *-en(t)-*, использовавшихся для

---

[58] Ср. еще: *sám aryamā́ sám bhágo no ninīyāt sáṃ jāspatyám suyámam astu devāḥ.* RV X, 85, 23 'Да соединят нас Бхага и Арьяман! Да будут общими (для нас) дом и домочадцы, о боги!'

[59] В частности, речь может пойти о русских параллелях (также из свадебных обрядов) к дигор. *boni farnæ* 'фарн дня', ср. *Bonværnon* (из **Bonfarnon*) '(вестница) дневного фарна', т. е. 'Венера (планета)'; ср. также дигор. fœrnœ 'солнце' в охотничьем языке (Абаев I, стр. 422). Ср. осет. *Xucaw-bon* 'божий день', т. е. 'воскресенье' при уже упоминавшемся *xucawi farn;* ср. также *bon cœwy œtœ farn xœssy* 'день идет и несет фарн'.

[60] Как известно, огромное количество иранских собственных имен содержит элемент *-farn-* как в первом, так и в последнем члене (см.: L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955, стр. 157—161; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 163—164). Вместе с тем известно немало имен того же корня, в которых *f* передается как *p*; ср. древнейший пример 713 г. до н. э. *A-wa-ar-pa-ar-nu* (E. Meyer. — IF 42, стр. 4 сл.) ср. также *Satarparnu*, *Sitirparna* (*-Čiϑrafarnah*), *Iparna* и др. Учитывая др.-перс. *parna-* (по Кенигу), можно предполагать (по крайней мере, теоретически), что и в языке, из которого было заимствовано русск. *парни*, слово начиналось уже с *p-* (ср. также иранск. **pǎr-*, о котором см. выше). Вообще следует помнить, что история этого слова в иранских языках сильно затушевана фактом более поздней иррадиации сначала мидийской, а потом персидской формы (ср., впрочем, возражения против роли мидийского языка как посредника в передаче этого слова; Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 157—158). Любопытно, что в названии пищи, еды (см. выше) славянские языки сохраняют *x-* (как, впрочем, и многие иранские, ср. ишкаш. *xar-* 'есть', сарык. *xar-*, мундж. *xwār-*, рушан. *xār-*, ягноб. *xᵛar-*, бартанг. *xār-*, шугн. *xār-* и др.

обозначения существ, не достигших взрослого состояния [61]. Тем не менее эти сложности скорее технического характера и едва ли сколько-нибудь равноценны приведенным выше семантическим и культурно-историческим аргументам.

3. *Паз, пазуха*

Если первое из проанализированных выше слов (*пансура*) распространено в весьма ограниченной зоне русских говоров, а второе (*парень*, *парни*) знакомо русскому языку в целом, то *паз* и *пазуха* являются не только праславянскими, но и общеславянскими элементами словаря. Как ни странно, эти два слова обычно не связывают друг с другом [62], а толкуют их порознь и таким образом, как это представлено, например, у Vasmer II, стр. 300—302. Причина такого разъединения в отсутствии сколько-нибудь надежных соответствий для **pazuxa* за пределами славянских языков в случае, если пытаться исходить из корня **paz-* (и, следовательно, связывать это слово с **pazъ*). Поэтому обычно придают решающее значение словен. *pâzduha* [63], которое, с одной стороны, входит в ряд **paz-derъ*, **paz-nogъtь* [64], а с другой стороны, соотносится с лтш. *pa-duse* 'подмышка' (ср. вост.-лит. *pazuse*, объясняемое влиянием русского слова) или лит. *pa-žastìs*, *pa-žastẽ* 'пазуха', 'подмышка'. Таким образом, основной массив довольно единообразных форм выводится из соотнесения с *pazъ* и объясняется как исключение (русск. *пазуха*, *пазык*, *пазыка*, блр. *пазуха*, укр. *пазуха*, ст.-слав. пазоуха, болг. *пазуха*, *пазува*, *пазва* [65], макед. *пазува*, *пазуха*, с.-хорв. *пȁзуха*, *пазух*, *пȁзухо*, *пазука*, чеш. *pazucha*, слвц. *pazucha*, польск. *pazucha* и др.).

Решение вопроса представляется целесообразным искать в противоположном направлении, а именно в установлении связи между словами **pazъ* и **pazuxa*. В предположении, что такая связь существует, кроется необходимость интерпретации *-уха* как суффикса (а не как части корня *dux-*, ср. словен. *pâzduha*, лтш. *paduse*) и, следовательно, отрицание наличия в этом слове корня **dux-*, с чем хорошо согласуются другие формы анализируемого слова (*паз-ува*, *паз-ва*, *паз-ык*, *паз-ыка* и т. п.), вовсе ис-

---

[61] Любопытно со словообразовательной точки зрения сопоставление русск. *парн-юга* с осет. *fœrn-ug*, *fœrn-yg* 'преуспевающий,' 'богатый' 'щедрый', 'наделенный фарном'.

[62] Даль[4] III, стр. 13; «*Пазухе* придавалось главное значение *груди*, а на связь с *пазом* не указывали».

[63] Ср. также *pàzduha* в Истрии (RJA, IX, стр. 721); известно и словен. *pazha*.

[64] Не исключено, что сюда же следует отнести русск. *пáзанок* 'часть ноги ниже колена (у зайца, собаки)', *пáзанка*; из **paz-nog-*?

[65] Ср. *паза* (=*пазва*) (М. Младенов. Говорът на Ново село Видинско. София, 1969, стр. 263).

ключающие мысль о присутствии в этом слове *dux- [66]. Семантическая связь слов *паз* и *пазуха* станет вполне очевидной, если обратить внимание не на то, что *паз* и *пазуха* обозначают 'углубление', 'выемку', как часто подчеркивают в словарях [67], а на то, что и то и другое слово описывает нечто, образуемое, как правило, двумя частями, соединяющимися (часто под углом) друг с другом, некий стык, зазор, пространство между двумя поверхностями. Ср. *паз* как 'стык от примычки доски к доске' (Даль[4] III, стр. 12), ср. словен. *pâž* 'дощатая перегородка', 'створка' и такие значения слова *пазуха*, как 'угол' в печи, в овине, в жилье (ср. 'заулочек в печи влево от шестка', 'простор', 'продухи', что по обе стороны в слани, в полу, вдоль стен, ср. *пáзýшина* 'укромный угол в печи', см. Даль[4] III, стр. 12) [68]; 'свод', 'ниша', 'дуга свода' (ср.: *у терема великааго сошита пазуха златомъ*. Срезневский III, стр. 861; Даль[4] III, стр. 12; Слов. совр. русск. лит. яз. т. 9, стр. 34 и др.); 'место, образуемое соединением основания листа со стеблем' (ср. *пазуха листа*); 'залив', 'бухта' (ср.: *и скрывшеся в пазухахъ морскихъ*; *пазоухы морскыя*. Срезневский III, стр. 861 [69]; ср. с.-хорв.: *изъ пазоухы морьские разбойници на ње напа-*

---

[66] Объяснение форм типа словенской следует искать в попытках оживить семантику частей слова, тем более что в славянских языках наряду с *pazuxa*, словом, относимым обычно к груди исключительно или преимущественно, существуют образования, подобные русск. *пóддых*, *поддыx*, *пóддух*, *поддýшье*, *поддýшка* и т. д. для обозначения места под грудной костью, подложечья, подсердия. Вместе с тем стремление разложить слово *pazuxa* по типу *paz-duxa*, где *paz* — приставка из предполагаемого старого предлога, может в известной степени отражать весьма широко распространенное словоупотребление *pazuxa* с предлогом *pod* в славянских языках, и частности в русском. Ср.: *...и подъıаста и два варѧга мечьми под пазусѣ*; *... застрѣленъ бысть подъ пазоухоу; иже соуть подъ пазоусѣ въогни* (ἕος στήθους); *под пазуху копiемъ прободъ* (διὰ τῆς μασχάλης); *...подъ пазоухою носимъ...*; *имый подъ пазоухою съкръвено стоѥ евнглиѥ* и др. (Срезневский II, стр. 861—862); ср. словен.: *pazduha, koga pod pazduho vzeti; obesiti se komu za pod pazuho; — kaj izpod pazduhe vzeti: pod pazduhami bolan: len; seči komu pod pazduho* (Glonar, стр. 271 и др.). Сходные явления можно наблюдать и в словах, обозначающих некоторые другие части тела, в известном отношении сходные с пазухой; ср. *мышка — под мышкой — подмышка* (—**подмышкой*), кстати, *pazuxa* в ряде диалектов может обозначать и подмышку (ср. слвц.); *ложечка — под ложечкой — подложечье, подложечка* (—**под подложечкой*) и т. п. Ср. также чеш. *paže*, в.-луж. *paža*, н.-луж. *paža* 'рука (ее верхняя часть)', при чеш. *pod-paží*, *pod-paždí* 'подмышка', н.-луж. *pod paža* и др. (**paz-i̯-*).

[67] См. «Словарь современного русского литературного языка», т. 9. М.—Л., 1959, стр. 33—34 (знач. 2).

[68] Ср.: польск. *pazucha* 'угол в жилье, образуемый двумя сходящимися стенами' J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, IV. Kraków, 1906, стр. 63.

[69] Ср.: А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 222: *пазушье* 'залив', 'продолжение реки' и др.

доше. Живот свет. Саве [70], а также RJA IX, стр. 726) [71], 'пространство между двумя ограничивающими поверхностями' (*лобные пазухи*, *мозговые пазухи*, *пазуха аорты*, *язвенные пазухи*, ср. *чемоданные пазухи* и т. п.); наконец, 'пространство между г р у д ь ю и прилегающей к ней о д е ж д о й' (причем не раз указывалось, что это значение первично по сравнению со значением 'грудь') [72]. Все эти примеры и словоупотребления делают весьма вероятным и постулированное выше значение слов *паз* и *пазуха* в качестве первоначального. Но в то время как *паз*, будучи в основном техническим термином, достаточно надежно сохраняет старое значение (то же относится и к его производным, не утратившим связь с исходным словом, ср. *пази́на*, *па́зик*, *па́зник*, *пази́ть* и т. п.), слово *пазуха* претерпело такую семантическую эволюцию, при которой прежние смысловые единицы были переинтерпретированы, значение 'грудь' (или 'пространство между грудью и одеждой') потеряло свою прежнюю мотивировку (общую для него с другими значениями этого слова — 'угол', 'свод', 'залив' и т. д.) и, наоборот, стало восприниматься как исходное, скрепляющее другие значения слова *пазуха*, рассматриваемые как результат метафорического употребления этого слова в других (чаще всего технических) контекстах. Естественно, что *паз* сохранило свои старые этимологические связи. Учитывая, что в архаической технике деревянного строительства *пазы* были основным средством с к р е п л е н и я строительного материала (досок, бревен), его с о е д и н е н и я и з а к р е п л е н и я в данном месте конструкции (путем введения доски, бревна и т. п. в *паз*) [73] и что словоупотребления русск. *паз* вполне отражают подобную практику, — связь этого слова с др.-греч. πῆγμα 'скрепа', 'скрепление'; 'связь' и т. д.; πήγνυμι (изредка πηγνύω) 'вбивать', 'вколачивать', 'втыкать', 'скреплять' и т. д. [74] (ср. со σταύρωμα 'частокол'), т. е. 'закреплять в п а з у', 'фиксировать посредством п а з а' [75]; с лат. *pango* 'вбивать', 'вколачивать' и т. д., *compāgēs* 'скрепление', 'соединение', 'связь' (ср. *curva compagibus alvus* 'закрепленное скрепами [конское] брюхо', т. е. доски, скрепленные так,

---

[70] См.: Ђ Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, II. Београд, 1863, стр. 268.

[71] К значению 'крыло' в с.-хорв. *pȁzuha* (RJA IX, стр. 726) или макед. *пазува* («Речник на македонскиот јазик». Скопје, 1965, стр. 123) ср. *крылья залива*.

[72] Интересно, что др.-греч. κόλπος (которому, кстати, постоянно соответствует др.-русск. *пазуха* в переводных текстах) обнаруживает тот же круг значений — 'складка', 'залив', ('долина', 'лощина'), 'пазуха', 'грудь' ('чрево', 'лоно'). И не исключено, что *пазуха* в некоторых старых текстах могло означать и 'лоно'.

[73] Ср. *пажбные сваи* 'шпунтовые, где одна входит продольным гребнем своим в п а з другой' (Д а л ь [4] III, стр. 11).

[74] Ср. 'строить' (νῆας. Гомер, Геродот; ἅμαξαν. Гесиод и др.).

[75] Ср. также πηγός 'крепкий', 'сильный', πάγιος 'твердый', 'плотный' и даже παγίς, πάγη 'силок', 'западня'; 'задержка' и т. д.

чтобы образовалась округлость брюха)[76], *compāgo*; ср.-ирл. *āge* 'звено' (**pāg̑i̯o-*); др.-в.-нем. *fah*, нем. *Fach* и т. д. — совершенно несомненна. Разумеется, сюда же (несмотря на неясность и сомнения, — Mayrhofer II, стр. 186) следует отнести ἅπαξ λεγόμενον вед. *paj*, ср. *pā́paje* в соответствии с др.-греч. πέπεγα и лат. *pĕpĭgi* (с удвоением в перфекте)[77], и, видимо, даже лит. *pĕ̃žti* 'пыжиться', *pĕ̃žinti* 'вздымать', 'распушать'[1] (**pēg̑'-*)[78], где, правда, обнаруживаются и следы влияния русск. *пыжиться*.

В связи с указанными значениями слова *pazъ* возникает возможность объяснения до сих пор не вполне ясного глагола *paziti*[79], ср. ст.-слав. **пазити**, болг. *пазя*, макед. *пази*, с.-хорв. *пазити*, словен. *paziti* с общим значением 'внимательно смотреть', 'обращать внимание', 'заботиться' и т. п. Интересно, что этот

---

[76] Любопытная параллель: лат. *Venĕris compāgēs* (Лукреций) 'любовные объятия' (т. е. 'Венерины узы') при *пазуха* 'объятие', см.: Срезневский III, стр. 861.

[77] Ср. RV X. 105, 2—3:

hárī yásya suyújā vivratā vér árvantānu śépā |
ubhā́ rajī ná keśínā pátir dán ||
ápa yór índraḥ pā́paja ā́ márto na śaśramāṇó bibhīvā́n |
śubhé yád yuyujé táviṣīvān ||

'Когда два его хорошо запряженных скакуна рвутся в разные стороны, то он, господин, укрощает обоих гривастых (делая их) выпрямленными, как два вытянутых хвоста (одной) птицы. Без них двоих Индра застывает на месте (*pā́paje*), как усталый, охваченный страхом смертный, когда Могучий запрягает (коней) для блеска'. Сочетание мотивов двух разнонаправленных коней, соединяемых возницей в одно целое (они сами образуют то, что можно бы было передать корнем **pag̑'-*), и застывающего на месте возницы достаточно показательно. По Л. Рену, *apa-paj-* 'être inerte', 'paralysé' (L. Renou. Études védiques et paṇinéennes, III. Paris, 1957, стр. 68). Характерна семантическая параллель πήγνῡμι : πηγός, πάγιος 'плотный', 'твердый', 'крепкий' при др.-инд. *paj-* : *pajra-* 'плотный', 'твердый', 'крепкий'. О *paj* ср. также: J. Manessy. Les substantifs en *-as-* dans la R̥k-Saṃhitā. Contribution à l'étude de la morphologie védique. Dakar, 1961, стр. 81—87. Ср. еще (в связи с точкой зрения Л. Рену): A. Minard. — BSL, t. 55, 1960, стр. 57.

[78] Сходное направление в развитии значения ('уплотнение' → 'расширение в объеме') можно наблюдать в др.-греч. πάγος 'холм', 'гора'; 'лед' (ср. πήγνῡμι 'сковывать льдом', 'замораживать', ὕδωρ ἐπήγνυτο (Ксенофонт) 'вода замерзла', т. е. сделалась плотной, крепкой, твердой, ср. πηγῡλίς 'ледяной', 'морозный'; 'мороз', 'иней'; πάγιος 'твердый', 'плотный') или лат. *compactus* 'плотный', 'толстый', part. perf. от *compingo* 'сколачивать', 'сбивать', ср. *pango*. Употребление лит. *pĕžóti* и под. в значении 'ползти', 'продираться' (= 'идти с трудом') могло бы быть сопоставлено с русск. *пазиться* 'таскаться', 'волочиться', несмотря на некоторые существенные ограничения и уточнения. На связь лит. *pĕ̃žinti* с вед. *paj-* (правда, без достаточной аргументации) указывал еще И. Шефтеловиц (ZII II, стр. 275).

[79] См.: Walde—Pokorny II, стр. 660: k**speg̑'-* (или **spăg̑'-*, или **spŏg̑'-*) 'scharf hin-, zusehen', др.-исл. *spakr* 'умный', 'мудрый', 'спокойный'.

глагол (как и связанные с ним имена) известен и за пределами южнославянских языков, ср. укр. *пазати*, *пазити* 'возиться с чем, кем', 'хлопотать', 'заботиться о чем, ком', 'досматривать что', 'беречь' (ср. *пазинати*, *пазовйтий* и др.), см. Гринченко III, стр. 87, или русск. диал. (ряз.) *класть в пáзик* 'запоминать', 'брать на заметку', 'мотать на ус' [80] при *пáзык* (=*пазуха*) 'напуск на груди рубахи', 'пространство между грудью и покрывающей ее одеждой'. Уже последний пример убедительно свидетельствует о связи **paziti* в указанных значениях со словами **pazъ* и **pazuxa* (притом, что существуют русск. *пазить*, польск. *pazować* и т. д., сохраняющие свое техническое значение — 'делать паз', 'вводить в паз'). Не менее убедительны аргументы, которые можно почерпнуть из анализа южнославянских слов. Так, болг. *пазя* в одном из авторитетных словарей объясняется следующим образом: «1. Полагам грижи, гледам да не пострада някой или да не се загуби, похаби нещо; з а к р и л я м, вардя, охранявам. . .; 2. Държа нещо на с к р и т о, на с и г у р н о място; съхранявам. . .» и т. д.[81], что дает основание предполагать развитие типа 'держать в закрытом месте' → 'беречь' → 'заботиться' → 'следить за' → 'глядеть'. Вместе с тем, помня об идее з а к р е п л е н н о с т и, ф и к с и р о в а н н о с т и посредством п а з а, нельзя исключать и другой путь семантического развития в указанных глаголах, типологически подобный франц. *fixer ses yeux sur*. . ., англ. *to fix one's eyes* и под.

Высказав в общем виде соображения о связи между словами **pazъ*, **pazuxa* и **paziti* внутри славянских языков, можно обратиться специально к слову **pazuxa* [82], имея в виду возможные инославянские параллели к нему. Точнее, речь пойдет о предполагаемой связи между **pazuxa* в значении 'грудь' (или 'пространство между грудью и одеждой') и словом соответствующего корня и значения в индо-иранских языках, которое до сих пор не привлекало исследователей слав. **pazuxa*, а именно др.-инд.

[80] См. «Словарь современного русского народного говора», стр. 387: *гъвар'й да ф пáзък клад'й; пън'имáй ды ф пáзык клад'и, ýмныйи как'йи славá* и др.

[81] См. «Речник на съвременния български книжовен език». Свезка седма. София, 1957, стр. 463.

[82] Что касается **pazuxa*, то суффикс *-uxa*, возможно, объясняется (в этом именно случае) старой основой на *-й-*, ср. в *пазý*, *пáзовый*, может быть, русск. *пазур* 'ноготь', 'коготь', укр. *пáзурь* (и *пáзорь*) то же, чеш. *pazour*, слвц., в.-луж. *pazor(a)*, н.-луж. *pazora*, польск. *pazur* (ср. *pazurki* 'зубья пилы', см. J. M a c i j e w s k i. Słownik Chełmińsko-Dobryzyński. Toruń, 1969, стр. 112, ср. также стр. 21 и 68) и др.; кстати это слово, рассматриваемое до сих пор как темное, видимо, также принадлежит к указанной семье слов; редкий в славянских языках элемент *-ur-* находит многочисленные соответствия в балтийском и иллирийском — если говорить о территориально близких языках — словообразовании, см.: P. S k a r d ž i u s., Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 307—309; G. B o n f a n t e. Gli elementi illirici nella mitologie greca. — AGI LIII, 1968, стр. 100.

pājas (есть и *pājasya*, как *ās—āsya*), младоавест. **pāzah* (ср. *pāzahvant*)[83], ср. р. с основой на *-s*. В настоящее время можно считать установленным, что др.-инд. *pājas* означало 'грудь'[84]. Это значение вытекает из анализа параллельных мест. Ср., с одной стороны, *dyauḥ pṛṣṭham antarikṣam udaraṃ pṛthivī p ā j a s y a m* Брихадаран. — Упан. I, 1, 1 (то же в Шатапатха—Брахм. X, 6, 4, 1) 'небо — (его) спина, воздушное пространство — брюхо, земля — *pājasya*'[85], а с другой стороны, *dyauḥ pṛṣṭham antarikṣam udaram iyam u r a ḥ*. Там же 1, 2, 3 'небо — (его) спина, воздушное пространство — брюхо, эта (земля) — г р у д ь'. Видимо, значение *pājas* может быть уточнено при анализе отношений между этим словом и *kroḍa-*, соседящими в ряде текстов (Таиттирия-самхита V, 7, 16; Ваджасанеи=самхита XXV, 8; Атхарваведа IX, 7, 5). Учитывая, что комментатор указывает (в связи с VS XXV, 8) значение *kroḍa-* 'средняя часть груди', можно предположить, что *pājas* обозначало две к р а й н и е части груди, правую и левую (ср. выше об идее д в у с о с т а в н о с т и в связи с *пазуха*, *паз*). Наконец, анализ ряда ведийских контекстов, в которых встречается *pājas*, позволил Мехендале настаивать на том, что значение 'грудь' наиболее приемлемо для этого слова[86]. Возможно, что нередкое (семикратное) в Ригведе *pṛthupājas* нужно понимать как указание на ширину г р у д и коней Зари.

Разумеется, в др.-инд. *pājas* отражены и другие смыслы, в частности и такие, из которых могло специализироваться зна-

---

[83] Ср. Frahang ī oīm 26: *pāzaŋuhantəm*, в пехлевийском переводе: *mizd aržānīkīhā* 'in lohnwürdiger Weise' (B a r t h o l o m a e, стр. 891).

[84] M. A. M e h e n d a l e. Two Derivatives in *-ya-*. — BSOAS 25, 1962, стр. 597—599. Значение 'тело' (с подчеркиванием ширины, массивности, крепости) — удовлетворяет многие контексты, но малопоказательно в силу своей обобщенности. См.: S. D. A t k i n s. The Meaning of Vedic *pā́jas*. — JAOS, vol. 85, 1965, стр. 9—22 (ср. в статье ценное собрание примеров употребления *pā́jas* с переводом и комментариями).

[85] Объяснение Шанкары (*pājasya=pādasya=pādāsanasthāna*) — в духе «ученой» этимологии древнеиндийских трактатов и их комментаторов.

[86] Соответственно выделяются два способа приветствия в индо-иранском (отчасти и ближневосточном) ареале: восточный, когда ложатся на г р у д ь (*pājas*, **pāzah*), и западный, когда ложатся на л и ц о (ср. пехл. *rōδ*). См.: M. A. M e h e n d a l e. Указ. соч., стр. 598. В связи с этим высказывается предположение, что согд.-будд. **pāz* и *βrp'z* (**frapāz-*) в «Вессантара-Джатаке (399 сл.: *rty'γw 'nγtk 'yškt'yh 'wyn γwt'w p't yčh βrp'z w'pt'nt* 'и все женщины *зенаны* пали *βrp'z* перед царем'; см.: É. B e n v e n i s t e. Vessantara Jātaka, texte sogdien. Paris, 1946) следует переводить 'на грудь', а не 'на лицо' ('on the face'), как предлагал Г. У. Бэйли, (H. W. B a i l e y. Irano-Indica. — BSOAS 12, 1948, стр. 324). Если Мехендале прав, то и хот.-сакс. *pāysa-* должно пониматься как 'грудь' в таких отрывках, как: *Manauhara p ā y s v ī r a ṣtau nūśā ysaraka*. Ch. 00266, 158—159 (ср. P 2025, 238—241 и др.) 'М., будучи (лежа) на г р у д и, жалобно воскликнула'. Ср. E 2, 132: *Badṛ hā ttrāmāte balysä pọ p ā y s u vīri haraysde* 'Б. входит, он простирается на г р у д и у ног Будды'. Видимо, сходным образом допустимо трактовать и *pāysvīrä śām* в «Джатакастава» 20 · 4, в B 2927,46 и других местах, где Бэйли предлагает переводить 'on the face'.

чение 'грудь'; ср., например, *pājas* 'поверхность'[87] (или 'лицо'[88], или 'форма', 'масса'[89], или, наконец, 'блеск', 'сияние'[90] и под.). Тем не менее значение 'грудь' у этого слова восстанавливается с несомненностью, что, между прочим, подкрепляется примерами из живых памирских языков, ср. вахан. *pūz*, сарык. *poz*, сангл. *puz*, мундж. *fuz*, йидга *fīz* 'грудь', ср. также иранское заимствование кховар. *pāz* грудь (ср., однако, заза *pīzə* 'живот')[91].

Заслуживает внимания связь рассматриваемого слова с идеей двусоставности (или даже парности, близнечности) в индо-иранских языках. Речь идет об употреблении *pājasi*, дв. ч., в связи с обозначением 'земли и неба' (т. е. двух космологических поверхностей, двух лон), ср.: *ánu tvā mahī́ p á j a s ī acakre dyā́vā-kṣā́mā madatām índra kárman.* RV I, 121, 11 'н е б о и з е м л я, эти два больших бесколесых п р о с т р а н с т в а, при творении радовались тебе, о Индра'[92]. Иначе говоря. словоупотребление находится в согласии с известным мифологическим представлением о небе и земле как о космических близнецах или (чаще) как о двух участниках, чье соединение привело к сотворению Вселенной. Вместе с тем и иранская языковая традиция сохраняет следы той же идеи в осет. *fazzon* 'близнец', *fazzættæ/fazzænttæ* 'близнецы' (ср. осет. *faz*, *fazæ* 'половинка', 'сторона')[93].

В свете изложенного выше оказывается, что ближайшей аналогией к слав. ***pazuxa*** в значении 'грудь' (или 'пространство

---

[87] См. H. W. B a i l e y. Указ. соч., стр. 326; это же значение принимается и для иран. **pāzah*. Еще ранее это значение признавал за *pājas* Зиг, см. S. S i e g. Der Nachtweg der Sonne nach der vedischen Anschauung. 1923, стр. 5—6, ср. также M a y r h o f e r. II, стр. 244—245.

[88] Впрочем, для части примеров, где принималось значение 'лицо' ('щека'), см.: H. W. B a i l e y. Indo-Iranica, II.—BSOAS 13, 1949, стр. 136, (Ossetic Digoron *fazæ*), лучше исходить из более общего смысла 'половинка' 'сторона', 'бок', см. А б а е в, 426: *surxfazæ fætk'u* 'краснобокое яблоко' и под. Ср. также согд. *p'zyy* 'частица', см.: W. H e n n i n g. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. «Abhandl. PAW». Berlin, 1937, стр. 81.

[89] L. R e n o u. Указ. соч., стр. 67—68.

[90] Ср. комментарии Саяны к *pā́jas* и *pā́jasvant-* (ср. авестийскую форму) — *tejas bala-jvālā-lakṣaṇa*, *tejobala* и под. Имело ли слово *pajra* значение 'блестящий', остается не ясным.

[91] Хотя русск. *пузо* и его производные, как и соответствующие формы в других языках, этимологически объяснимы плохо, связь этих слов с иран. *pŭz-* (*fŭz-*) 'грудь', но и 'живот', едва ли может быть доказана.

[92] Ср. также *pā́jāṃsi* Сомы (RV IX, 76, 1; IX, 88, 5) или *sahásra-pājas* (RV IX, 13, 3, также в связи с Сомой).

[93] *Wærxægæn rajg$_0$yrdīs dywwæ læppūjy, fazzættæ* 'у Уархага родились два сына, близнецы' (А б а е в, стр. 426—427). Следует подчеркнуть, что Уархаг — мифологический родоначальник нартов; его сыновья-близнецы типологически сопоставимы с другими близнечными парами, от которых идет отсчет в данной культурно-исторической традиции (ср. Ромул и Рем, Яма и Ями и под.). Ср. также осет. *dyvazyg* 'двойной' (из **dy-faz-yg*, где *dy-*'дву'-*faz* 'половинка)' при подобном нем. *zwei-fach*. Из примеров такого рода можно заключить, что значение 'пространство между одеждой и грудью' в слав. ***pazuxa*** принадлежит к числу поздних приобретений: двусоставность образована не грудью, и одеждой, а естественным строением самой груди.

около груди') следует считать индо-иранские формы с тем же значением. Более того, эти формы, кажется, пока единственные точные семантические соответствия к *pazuxa. Наконец, важно отметить, что и.-ир. *pājas*, **pāzah* и слав. **pazuxa* доставляют наиболее надежные внешние аргументы при определении одного слова через другое. Вместе с тем эти формы, будучи соотнесены с греко-италийскими, позволяют реконструировать общую картину словообразовательной истории проанализированной основы. Основными вехами в ней следует считать: р а с ш и р е н и е корня элементом *-ū-* (ср. слав. **paz-u-*, *в пазý* и т. п., см. выше о вероятной принадлежности **pazъ* к основам на *-ŭ-*) и, может быть, элементом *-i-* (ср. словен. *pâž* из **pāzi̯os*, чеш. *paže*, луж. *paža*; др.-греч. παγίς, πάγιος и под.); р а с ш и р е н и е основ на *-ŭ-* и *-i-* с помощью элементов *-r-* и *-n-* (ср., с одной стороны, др.-греч. παγερός 'ледяной', 'холодный'[94] и, с другой стороны, русск. *пазúна* 'стык', 'шов при соединении' и идентичное, хотя никогда и не сопоставлявшееся с ним, лат. *pāgina* 'лист', 'страница'[95]; о т н о ш е н и е основ с элементами *-r-* и *-s-* (др.-инд. *paj-r-a*, др.-греч. παγ-ερ-ός, слав. **paz-ur-ъ* : др.-инд. *pājas*, др.-иран. **pāzah*, др.-греч. πῆξις 'скрепление', 'сколачивание'; 'отвердевание', 'уплотнение'; 'замерзание')[96]; р а с ш и р е н и е корня с помощью элемента *-men-* (ср. др.-греч. πῆγμα, лат. *pagmentum* 'обивка', 'обшивка', от *pango*, возможно, слав. **pazmen-*)[97].

При широких индоевропейских связях этой семьи слов отношение славянских и индо-иранских форм занимает особое место, что и дает основание говорить еще об одной славяно-индо-иранской изоглоссе (**pāg'-as*, **pāg'-(uxa)* 'грудь').

---

[94] Вместе с тем известны случаи присоединения элемента *-r-* непосредственно к корню, ср. др.-инд. *pajra*. Возможно, сюда же относится название северного ветра в Киликии Παγρεύς (ср. πάγος 'мороз', 'стужа', 'лед', πηγυλίς 'ледяной', 'морозный'; 'мороз', 'иней'), ср. характерный пример из Ксенофонта: ἄνεμος βορρᾶς πηγνὺς τοὺς ἀνθρώπους 'северный ветер, леденящий людей'. Кстати, ср. отношение παγουρ- : πηγυλ- (*-ur-* : *-ul-*).

[95] Сюда же относится др.-греч. πάγουρος 'краб' '*Cancer pagurus*' в н е ш н е идентичное слав. **pazurъ*, поскольку оно из *παγ- и οὐρά 'хвост' (т. е. «dessen οὐρά aus πάγος besteht», — см.: F r i s k II, стр. 460 и 446). Вместе с тем не исключена полностью мысль о более старой форме *πάγ-υρ-ος (ср. καπ-υρ-ός : καπ-νός), подвергшейся переделке в духе народной этимологии (-οὐρά 'хвост'). Если бы это было действительно так, то πάγουρος объяснялось бы как 'обладающий клешнями, когтями' и допускало бы сопоставление с **pazurъ*.

[96] См. убедительную демонстрацию смены *-ur-* через *-us-* (или *-ar-* через *-as-*) в истории индоевропейского словообразования: Э. Б е н в е н и с т. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 57, 63. В связи со слав. **pazŭ-* и учитывая смену *-ur-* через *-us-* (ср. др.- греч. ἐχυρός, др.-инд. *sahuri-* при герм. **seghus* : гот. **sigus*, на основании вин. п. ед. ч. *sigu* и под.), не исключено предположение, согласно которому суффикс *-uxa* в **pazuxa* некогда должен был интерпретироваться как расширение корня *-us-* (> *-ux-*), т. е. **paz-us-(a)*, ср. **pāj-as* < и.-е. **pāg'-* / **pēg'-* + *-us-* /*-as-*.

[97] Реконструкция такой формы выглядит достаточно правдоподобно как по внешним причинам (ср. указанные формы, реализующие и.-е.

Корректурные дополнения

1. В связи с вопросом о юношеских союзах с военной функцией, см.: M. Eliade. Les daces et les loups. «De Zalmoxis à Gengis-Khan». Paris, 1970, стр. 17 и сл.; J. Przyluski. Les confréries des loups-garous dans les sociétés indo-européennes. «Revue de l'Histoire des Religions», 121, 1940, стр. 128—145; H. Jeanmaire. Couroï et Courètes. Lille, 1939, стр. 540 и сл. Ср. лат. *iuvenes* как обозначение организации юношей с военной функцией (см.: G. Dumézil. Heur et malheur du guerrier. Paris, 1969, стр. 4) при лат. *aevum* 'век', 'вечность', др.-греч. *αἰών* вед. *āyu(s)* 'жизненная сила' (см.: E. Benveniste. — BSL 38, 1937, стр. 103—112) и т. д.

2. К сн. 47 ср. социальное членение в старой Флоренции на *popolo grasso* и *popolo minuto* или рапануйское (о-в Пасха) на *ханау еепе* 'дородные люди' и *ханау момоко* 'тощие люди'. Ср. также индейские возглашения (Ф. Боас): Поднимите же недосягаемый столб, мой столб потлатча, племена. Ибо это — единственное толстое дерево из всех деревьев, ибо — это единственный толстый корень всех племен. . .

3. О фарне см.: J. Duchesne-Guillemin. Fire in Iran and in Greece. «East and West», vol. 13, 1962, стр. 203 сл.; Он же. Xvarənah. — AION 5, 1963, стр. 19 и сл.; W. Lentz. Yima and Khvarənah in the Avestan Gathas. «A Locust's Leg», London, 1962, стр. 131 сл.; Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. К связи с *парень* ср. изображения мужчины с подписью ФАР(Р)О на кушанских монетах или фарн в облике мужа в царской одежде в согдийско-манихейской сказке, см.: W. B. Henning. Sogdian Tales. — BSOAS, vol. 9, 1945, стр. 477 и сл.

4. Учитывая значения 'замерзать' и 'связывать' в и.-е.* *pāg'-*, **pêg'-*, ср. эвенк., эвен., негид. *begī*, монг. *begere* и т. п. ('замерзать'), с одной стороны, и ностат.* *baHΛ* 'привязывать' (ср. *bāγ* 'связка': туркм. *bāγ*, турецк. *bağ*), с другой; см. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 172. Гипотетично.

---

pāg'-men-*), так и по внутренним (ср. **niz-й-*—niz-ina*—**niz-men-* : русск. *низ* (*в низу́*, *низово́й* и т. д.)—*низи́на*, *ни́змень* при **paz-й-*—**paz-ina*—**paz-men* : русск. *паз* (*в пазу́*, *па́зовый* и т. д.)—*пази́на* — гипотетическое **пазмень*). Не является ли следом этой формы русск. диал. *па́зьмо*, *по́зьмы*, *по́змище* (и с притяжением к *земля* — *позем*) 'пахотный участок', 'усадьба', 'место под двором, у́хожами и домом' (Даль[4] III, стр. 12), т. е. 'род клина'? Если это так, то ср. лат. *pagus* 'сельская община', 'село', 'деревня'; 'область', 'район', 'округ' (ср. у Цезаря: *Omnis Helvetia in quattuor pagos divisa est*) Имея в виду форму **pāg'-men-*, во-первых, и* *pāg'-й-* (ср. макед., болг. и др. *пазува*, *пазва* при *пазина*), во-вторых, можно предполагать и наличие такой формы, как и.-е. **pāg'-u̯en-*. К соотношению образований на *-men-* : *-u̯en-* см.: Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 139 сл.

Р. Эккерт

ВОЗМОЖНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО КОРНЯ **ou̯əd-* (ср. лит. *áusti* 'ткать') в праславянском языке

I. В замечательном словаре В. Даля содержится слово, совершенно неизвестное по другим описаниям русской народной лексики: костромское *усло́* 'початая, затканная ткань на стану' [1]. Вероятно, самому Далю это слово было не очень понятно, так как он снабжает его вопросительным знаком. Весьма скудная документация — Даль приводит всего лишь одно предложение: *Сколь велико усло?* — Много ли наткала? — и отсутствие родственных форм в русском и других славянских языках указывают на то, что перед нами — реликтовое образование.

Этим словом в свое время занимался А. А. Потебня [2], а затем Ф. Миклошич включил его в свой «Этимологический словарь славянских языков» [3]. Из русских этимологических словарей его впервые фиксирует словарь Горяева [4], в котором русск. диал. *усло́* связывается с лит. *áusti*, *áudeklas*, предполагая исходную форму **уд-сл-о*. Эту праформу (**ud-slo*) принимает и М. Фасмер [5], добавляя к лит. *áusti* еще соответствия из других индоевропейских языков: лтш. *aûst*, арм. *z-audem* 'связываю' и др.-инд. *ōtum* 'ткать'.

Нам кажется более правдоподобным исходить из раннего праслав. (или дославянского) **ou̯əd-tlo*, которое закономерно через **uttlo* > **ustlo* должно было дать *усло́*. Что касается упрощения группы согласных *-stl-* > *-sl-*, то А. Вайан [6] приводит ст.-слав. **растѫ: лѣторасль**, т. е. в **лѣторасль** второй компонент вос-

---

[1] Даль[2] IV, стр. 512.

[2] РФВ, т. I, стр. 88. — К сожалению, эта работа для нас была недоступной.

[3] Miklosich, стр. 372.

[4] Горяев, стр. 388 — у Фасмера ссылка на Горяева отсутствует.

[5] Vasmer III, стр. 190—191.

[6] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Lyon—Paris, 1950, стр. 89.

ходит к более старому *-*rastlь*, что в свою очередь, возможно, из **ord-tl-*.

В качестве аргумента в пользу праформы **ou̯ǝd-tlo* (а не **ou̯d-slo*, которая, впрочем, от нашей праформы отличается лишь в трактовке суффиксальной части, не затрагивая корень) можно привести данные балтийских языков. В лит. *áudeklas* 'ткань' (и в этом отношении Горяев подобрал отчасти более точное соответствие для русск. *усло́*, чем Фасмер) и лтш. *audekls* 'основа на валу' < **audekla* налицо тот же суффикс *-*tl*-, давший на балтийской почве -*kl*- и присоединенный здесь, правда, не непосредственно к корню, а ко вторично тематизированной основе. Суффикс *-*tl*- в приведенных русском и восточнобалтийских словах соответствует суффиксу -*tr*- в греч. ἄτριον, ἤτριον 'основа; сплетение нити основы и утка; ткань', которые восходят к **u̯ā-tri̯o-m* или **u̯ē-tri̯o-m*[7].

В этой связи мы отказываемся от нашего сближения русск. диал. *усло́* с образованиями на -*slo*- и -*slĭ*- и от установления альтернации в русск. *усло́* и -*tr-(o)* в греч. ἄτριον, ἤτριον в «Baltistische Studien»[8]. Можно было бы вообще слова, содержащие -*sl*-, которому предшествует дентальный согласный (-*d*- или -*t*-), объяснить как результат диссимиляции и последующего упрощения группы согласных -*stl*- в -*sl*-. При этом, однако, следовало бы учесть, с помощью какого первоначального суффикса данное слово образовано. Случаи типа праслав. **čislo*, **dęslo*, **čerslo*, **pręslo* (представленные в ст.-слав. чисꙛо, кашуб. *dąslo*, русск. *че́ресло*, *пря́сло*) с одинаковой достоверностью фонетически возводимы как к более ранним праслав. **kei̯t-slo*, **dent-slo*, **kert-slo*, **prend-slo*, так и к **kei̯t-tlo*, **dent-tlo*, **kert-tlo*, **prend-tlo*. Со словообразовательной точки зрения последние праформы (с суффиксом *-*tlo*) даже более вероятны, если принимается во внимание распространение древнего индоевропейского суффикса орудийного значения *-*tl*-, широко известного в диалектных группах, предшествующих праславянскому и балтийским языкам, и чередующегося с суффиксом *-*tr*- в греческом и отчасти в других индоевропейских языках.

Это объяснение (-*sl*- < *-*stl*- < *-*t-tl*- или *-*d-tl*-) могло бы быть применено и в отношении образований типа праслав. **gǫsli* (русск. *гу́сли*) < **gǫd-tli* наряду с обычно предполагаемой праформой **gǫd-sli*. Но среди немногочисленной группы праславянских *i*-основ на -*slĭ* (ед. ч.) или -*sli* (мн. ч.) таких, как **gǫsli*, **jasli*, **pasli* (н.-луж. *pasle*, -*i* 'Falle, Fallstrick'), **sǫ-pręslĭ* (на-

---

[7] Ср. чередование *-*tl*- с *-*tr*- в следующих примерах: праслав. **gъr-tl-o-m* (русск. *го́рло*) и греч. βάρατρον; праслав. **rydlo* < **rū-tl-o-m* (русск. *ры́ло*) и лат. *rutrum* 'заступ, лопата' и др.

[8] Публикуются в «Sitzungsberichte der Sächsishen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig», Philologisch-historische Klasse, Bd 115, Hf 5.

звание реки *Супрасль*[9]), **mysli* (которое традиционно возводится к **mūd-sli*, а В. Н. Топоровым[10] — к **mon-slĭ*[11]), мы, по крайней мере, имеем два случая, которые не допускают возведения *-sl-* к более древнему **-d-tl-* из-за соответствий на *-sli-* в балтийских языках: праслав. **jasli* и **myslĭ*, а также отчасти по фонетическим причинам (**mon-tlĭ* не дало бы **myslĭ*).

Праслав. **jasli* (русск. *ясли* и т. д.) предшествует более раннее **ēd-s-li*, в котором *-s-* является древним элементом, но ни в коем случае не объяснимо как результат древней диссимиляции[12]. Ему точно соответствует лтш. *ēsli* < **ed-sl-i*, которое в случае образования при помощи **-tl-* дало бы что-то в роде **eskli* или **eškli*.

В качестве дополнительного аргумента в пользу древности *-sl-* в праслав. **jasli* < **ēd-sli* мы можем привлечь, с одной стороны, славянское вариантное название десен (наряду с **dęsno* и **dęslo*), а именно **jasno*: русск. диал. *ясны*, укр. *ясна*, блр. *ясно*, полаб. *jasna*[13]. С другой стороны, *-sn-*, представляющее суффиксальную альтернацию к *-sl-*, наличествует в др.-чеш. *jěsně* 'какое-то кушанье, какая-то еда' (Gebauer I, стр. 634—635). Древнечешский пример восходит, несомненно, к праславянскому **ēd-sn-* и является подтверждением того, что от и.-е. **ed-s-* в праславянском языке были унаследованы как образования на *-l-*, так и на *-n-*. Это проливает свет на некоторые моменты происхождения этих суффиксальных комплексов, которые, по-видимому, нужно связать с континуантами индоевропейских гетероклитических (здесь *-l-* || *-n-*) основ, выступающих в этом случае уже как компоненты сложных суффиксов.

Праслав. **myslĭ*, как уже говорилось, В. Н. Топоров получает из более раннего **monsli*, причем в качестве балтийского соответствия с *-sl-* он указывает на лит. *mąslus* 'вдумчивый, мыслящий, понятливый'. На наш взгляд, наиболее близким к праслав. **myslĭ* являются лит. *mįslễ*, *mąslễ* и лит. диал. (Тверячюс) *mįslìs* 'загадка', которые следует рассматривать как производные от корня **men-* в лит. *miñti*, *meñu* 'помнить' и строго

---

[9] О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 265.

[10] В. Н. Топоров. К этимологии слав. *myslь*. Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, стр. 5—13.

[11] Между прочим, во всех славянских примерах на **-sli* суффиксу предшествует корень, оканчивающийся на дентальный звук (*-t-*, *-d-* или *-n-*, если принимается этимология Топорова для **myslĭ*). Таким образом, для праславянского языка закономерность, отмеченная еще А. Мейе (Meillet. Études II, стр. 416), по нашему мнению, сохраняет свою силу.

[12] О его индоевропейском характере см. Вяч. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 160 сл.

[13] Ср. нашу статью «Zur Heteroklisie im Baltischen und Slawischen». — «Baltistische Studien».

разграничить от славянских заимствований в литовском языке, как, например, от лит. *mislìs* 'мысль'[14], *nuomislis* ж. р. 'мысль, соображения' (LKŽ, по рукописи VIII тома). Указанные факты (праслав. **ēdsli* : лтш. *ēsli*; праслав. **monslĭ* : лит. *mįslìs*, *mįslė̃*, *mąslė̃*) позволяют считать, что, по крайней мере, несколько слов из группы праславянских образований на *-sl-ĭ*, а, может быть, и вся эта группа, содержат древний суффиксальный элемент *-sl-*. С другой стороны, целый ряд производных на *-slo* мы могли бы представить как развившиеся из дериватов на **-tlo*, которому предшествовали дентальные согласные *-t-*, *-d-*. Среди них оказалось и русск. диал. *усло́*. Таким образом, в ряде случаев представляется возможность для размежевания древних дериватов на **-sl-* и на **-tl-*.

Имеется еще одно препятствие на пути непосредственного сравнения русск. диал. *усло́* с лит. *áusti*, *áudeklas* — акцентное несоответствие. Литовский акут в *áusti*, *áudžiu*, *áudeklas* предполагает корень **ou̯əd-*, и мы ожидали бы соответственно в русском примере ударение на корне **у́сло*, как это наблюдается в примерах типа русск. *ма́сло* (**māz-slo* или, по нашему мнению, возможно и из **māz-tlo* > **mastlo* > *maslo*) с древним долгим гласным корня[15]. Как правило, у старых имен среднего рода с *о*-основой баритонеза связана с акутом. Имеются, правда, и отдельные отступления относительно рефлексации этой закономерности русским языковым материалом. В случае с.-хорв. *зр̏но*, болг. *зъ́рно* мы находим регулярное отражение баритонезы в соответствии с такими примерами, как с.-хорв. *си̑то* и русск. *си́то* из **séi̯ə-to*, однако русск. *зерно́* с окситонезой, по-видимому, объясняется как вторичное явление, возникшее под влиянием противопоставления форм им.-вин. ед. ч. и мн. ч. типа русск. *село́* : *сёла*[16]. Подобное объяснение предлагается нами и в отношении русск. диал. *усло́*, для которого, однако, нам неизвестны другие формы, например формы им.-вин. мн. ч., так что высказывания по этому поводу сопряжены с известной гипотетичностью. Несколько забегая вперед, мы приводим в качестве дополнительного аргумента болг. *бу́ло* (мн. ч. *була́*) с надкоренным ударением, ср. выше указанное болг. *зъ́рно* и русск. *зерно́* (последнее с изменением места ударения вторичного порядка).

II. Не исключена возможность, что еще в одном изолированном славянском слове отражен древний корень **ou̯əd-*, несомненно обнаруживающийся в только что рассмотренном русск. диал. *усло́*. Речь идет о болг. *бу́ло*, макед. *було*.

---

[14] Ср.: E. Fraenkel, стр. 455.

[15] На это обстоятельство нам любезно указал О. Н. Трубачев, сделавший, кроме того, еще ряд ценных замечаний, учтенных автором. Пользуясь случаем, мы хотели бы выразить глубокую признательность О. Н. Трубачеву.

[16] L. Sadnik. Slavische Akzentuation, I. Die vorhistorische Zeit. Wiesbaden, 1959, стр. 70.

В новом этимологическом словаре болгарского языка [17] *бýло* 'тънко покривало за главата на булка' (Ботев) отнесено к неясным случаям. Ст. Младенов, по сути дела, также отказывается от этимологизации этого слова, ибо вряд ли сравнение его с лат. *velum*, мн. ч. *vela*, и франц. *voile* может быть признано удовлетворительным объяснением [18]. У нас нет оснований думать, что это слово представляет собой какой-то изолированный лексический элемент в болгарском языке, так как от него засвидетельствовано немалое количество производных образований различного характера, ср. хотя бы такие отыменные глагольные образования, как *забýля*, *набýля*, *отбýля*, *пребýля*, *разбýля*, а также производное *бýлка* 'женщина, которая венчается, невеста' [19] и образованные от него *булкýвам* 'булка съм', *бýлча (се)* 'венчавам (се), женя (се)', *обýлчвам (се)*, *разбýлчвам* и др. На тесные связи слова *бýло* со всей лексической системой болгарского языка указывают и различные народные названия из области ботаники, производные от *бýло* или *бýлка*: болг. *бýлско цвéте* 'Symphoricarpus racemosus', *бýлка* 'Papaver rhoeas', *бýлка гъ̀ба* 'Amanita caesarea', *булки* 'Fritillaria imperialis' (все — по БЕР). Как показывают словари болгарского языка, в особенности же «Български тълковен речник» Ст. Младенова (I, стр. 226), слово *бýло* ср. р. (мн. ч. *булá*) является этнографическим термином и как таковой оно, по всей вероятности, — исконный элемент лексической системы болгарского языка [20]. Его значение — 'тонкая, прозрачная ткань; покрывало, которым украшают невесту при венчании; вуаль, которую вообще носят женщины'.

В современном македонском языке болгарское слово имеет точное соответствие, ср. макед. *було* ср. р. 'вуаль, покрывало' [21].

Мы предполагаем, что засвидетельствованное в болгаро-македонской подгруппе южнославянских языков слово *бýло* восходит к праслав. **ob-ud-lo*, в котором содержится корень **-ud-* из **-o̯u̯əd-*, наличествующий в лит. *áusti*, *áudžiu* 'ткать, тку'. Группа *-dl-*, как известно, в диалектах, предшествующих южно- и восточнославянским языкам, упростилась в *-l-*, а приставка **ob-* подвергалась переразложению: **ob-ou̯ədlo* > **(o)budlo* > *bulo*. Это

---

[17] БЕР II, стр. 89.

[18] См.: Младенов, стр. 49.

[19] По свидетельству Ботева, *бýлка* говорится потому, что согласно обычаю голова невесты покрывается покрывалом, названным *бýло*, см. БЕР, а также БТР, стр. 50.

[20] Мы не отрицаем возможности влияния на некоторые производные от *бýло*, например на слово *бýлка*, со стороны турецкого заимствования *бýля* 'жена взрослого брата, невеста, взрослая женщина'. Может быть, имело место даже взаимное сближение этих двух довольно близких слов, как показывает семантика болгарского слова *бýля*.

[21] «Македонско-русский словарь» Д. Толовского и В. М. Иллич-Свитыча. М., 1963, стр. 43. См. еще «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања», ред. Б. Конески, I, Скопје, 1961, стр. 50.

не единственный случай такого рода изменений. Можно указать на ряд примеров, в которых наблюдаются подобные случаи декомпозиции, привлекая здесь исключительно болгарские языковые факты. Ср. болг. *бáгни се* 'ягниться' из **(o)bagniti sę* < **ob-agniti sę*, образованного от праслав. **agnę* 'ягненок'[22], болг. *бéся* 'умерщвлять кого-нибудь вешанием и оставить висеть', диал. 'вешать' из *(o)besja* < **ob-věsiti*[23] и болг. *блúжа, блúзвам, блúзна* 'продевать, тянуться языком к чему-то' из **(o)bliža* < **ob-lizja*[24].

С точки зрения словообразовательной возведение болг. и макед. *було* к праслав. **ob-ou̯əd-lo*, на наш взгляд, обосновано тем, что наряду с суффиксом **-tlo* (>*-dlo*) встречается и суффикс *-lo*, ср. ст.-слав. одѣло < праслав. **ob-dětlo* и болг. *ело*, с.-хорв. *jȅло*, словен. *jélo*, чеш. *jídlo* 'пища, еда' < **ēd-lo*, болг. *сéло* < **sed-lo*[25].

Болг. *бýло* имеет еще другую этимологию, установленную и хорошо обоснованную О. Н. Трубачевым [26]. Согласно его мнению, болг. *було* возникло также в результате ложной декомпозиции **обуло* > **о-було* > *було*, но, в отличие от выше изложенной точки зрения, **обуло* возводится к праслав. диал. **ob-u-dlo*, т. е. связывается с тем же корнем, что и в **obuti* 'обуть'. Далее О. Н. Трубачев считает это праслав. *ob-u-dlo родственным и идентичным лит. *auklẽ* 'портянка' < **ou̯-tl-*. Семантическая сторона объяснена вообще убедительно, хотя возможны здесь и некоторые сомнения: и.-е. **ou̯-* с первоначальным значением 'надевать (вообще)', ср. лат. *sub-uculum* (**-ou̯-tlo-m*) 'нижняя туника' претерпевает в славянском вторичное сужение, так как здесь слова с корнем **ou̯-* имеют значение 'одевать (ноги)'. Следствием этого объяснения является предположение о сохранении древней индоевропейской семантики в болг. *бýло*, построенное исключительно на фактах отдаленного родства с латинским языком, хотя широко представленные производные от индоевропейского корня **ou̯-* в славянских, да и в балтийских языках в этом отношении на дают положительных данных. К тому же авест. *aoϑra-* 'Schuh' (видимо, из **ou-tr-o*) как несомненно древнее образование с индоевропейским суффиксом **-tr-*, чередующимся с **-tl-*, показывает семантику, известную нам из балтийских и славянских языков. Принципиально взгляды на смысловое развитие, выска-

---

[22] См. БЕР, стр. 24 и указания на соответствия из других славянских языков: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 73.

[23] БЕР, стр. 44—45.

[24] Там же, стр. 56.

[25] См.: О. Н. Трубачев. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских языках. «Этимология. Исследования по русскому и другим языкам». М., 1963, стр. 42, 45.

[26] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 41—47 (Болг. *бýло* 'покрывало невесты, фата'). «Этимология. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования». М., 1965, стр. 11—12.

занные О. Н. Трубачевым по поводу этимологии болг. *бýло* < **ob-u-dlo*, не могут быть отвергнуты, однако, может быть, некоторые иные предположения имеют под собой определенные основания, в частности семантические предпосылки, при возведении болг. *бýло* к **ob-oụəd-lo*, т. е. 'покрывало' как 'то, что наткали'.

Большое преимущество этимологии О. Н. Трубачева перед нашей попыткой связать болг. *бýло* с производными от индоевропейского корня **oụəd-*, бесспорно, в том, что славянская приставка **ob-* очень широко сочетается с корнем *-u-* (< *-*oụ-*), ср. хотя бы праслав. **obuvь* (русск. *óбувь* и т. д.), ц.-слав. *об8тель* 'обувь', *об8тиѥ* 'обувь, обувание', *об8ща* 'обувь', русск. диал. *обуть* 'обувь' и т. д. В балтийских языках также весьма продуктивны производные с соответствующей приставкой *ap-*, ср. лит. *ãpavas*, *apautis*, *apavaĩ*, *ãpavalas* 'обувь' и др. Сочетаемость корня **oụəd-* с балт. *ap-* наблюдается гораздо реже, но все же встречаются соответствующие примеры, хотя мы не совсем уверены, что это случаи древние. Ср. лит. *apáusti*, *-audžia*, *-audė* 'откать'[27], 'закончить ткать, наткать много, достаточно': *Ana mumis apaudė ir išėjo namie.* 'Она нам много наткала и вышла домой'; *Bus laiko apausti, apsiūti vaikus.* 'Будет время наткать и нашить на детей'; *Jau apsiáudėm, galėsim dabar eiti į laukus* 'Уж отработаем (т. е. закончим ткать, наткем достаточно), сможем теперь идти на поле (или на улицу)'[28]. Лит. *apáusti(s)* допускает, таким образом, хотя бы возможность частичного преодоления тех трудностей, которые возникают при объяснении соединения префикса **ob-* с реликтовым корнем **oụəd-* в праслав. **ob-oụəd-lo*, давшем болг., макед. *було*. Надо сказать, что соединение слав. **ob-* с корнем **oụ-* в праслав. **ob-oụtei̯* 'обуть' находит прямое подтверждение еще в одном примере, не привлеченном О. Н. Трубачевым. Оказывается, русск. диал. (северн.) *бучни* 'род обуви' также объясняется как переразложение старого префиксального образования **ob-učьnь*[29]. Последняя форма (не совсем точная, ибо надо реконструировать сначала **ob-utj-*, а от него уже производное с суффиксом имени прилагательного *-n-*) — сравнительная с русск. ц.-слав. *об8ща*, болг. *обуща*, с.-хорв. *ȍбуħа*, словен. *obȗča* и русск. диал. *обужда* 'обувь'[30]. Русск. диал.

[27] Б. Серейский. Литовско-русский словарь. Ковно, 1932, 9. Ф. Куршат («Litauisch-deutsches Wörterbuch, I», Göttingen, 1968, стр. 55) дает значения 'um-, überweben; mit einem Gewebe überziehen', которые весьма сомнительны ввиду данных из других литовских словарей, в особенности же из LKŽ.

[28] LKŽ I, 1, стр. 411.

[29] Пример этот приводит: Ж. Ж. Варбот. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях. «Этимология». М., 1963, стр. 206, с ссылкой на: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. 70, вып. 2, № 4, 1913, стр. 273—275.

[30] Vasmer II, стр. 245, причем Фасмер считает русскую диалектную форму продуктом развития из **obuča*, аналогично русск. *одёжа*.

бучни, пожалуй, самое яркое доказательство, которое может быть использовано против нашей этимологии, так как оно является лучшим соответствием болгаро-макед. *було* из **ob-u-dlo*. Все-таки в нашем распоряжении еще два аргумента, побуждающих защищать нашу точку зрения, хотя мы вполне осознаем, что этимология О. Н. Трубачева заслуживает самого серьезного внимания. Мы имеем в виду, во-первых, то, что возможная вторая этимология болг., макед. *було* (< **ob-ou̯əd-lo*) связывается с реликтовым русским словом *усло́* из **ou̯əd-tlo*. Ср. вышеупомянутый акцентный критерий, согласно которому продолжение древнего образования с корнем **ou̯əd-*, может быть, лучше сохранено, что касается его акцентно-просодических свойств, в болгаро-македонской подгруппе языков, чем в русском языке. Во-вторых, обращают на себя внимание тесные связи праславянских слов с корнем **ou̯əd-* с их корреспондентами в ряде других индоевропейских языков. Среди них, несомненно, самыми близкими оказываются балтийские соответствия, совпадающие с праслав. **ob-ou̯əd-lo*, **ou̯əd-tlo* не только частично в суффиксальной части (как мы уже выше видели), но и в огласовке (ср. расхождения в греч. **u̯ā-tr-i̯-om*, **u̯ē-tr-i̯-om*) и в виде корня (в греческих примерах и в др.-инд. *ṓtu-* 'уток' отсутствует наличное в балтийском и славянском *-d* в корне **ou̯əd-*), ср. лит. *áustl*, лтш. *aûst* из **ou̯əd-tei* 'ткать', лит. *áudmenys* из **ou̯əd-men-*, *ataudaĩ* 'уток', лит. *áudeklas* 'ткань', лтш. *audekls* из **ou̯əd-e-tlo* и т. д. Замечательно, что в русск. диал. *усло́* < **ou̯əd-tlo* сохранился более древний вид слова для ткани, чем в восточнобалтийских языках. В этой связи обращаем внимание на то, что в русск. *усло́* < **oued-tlo* древний суффикс *-*tl-* непосредственно соединяется с корнем.

Наряду с уже указанными связями праслав. **ob-ou̯əd-lo*, **ou̯əd-tlo* с балтийскими словами от корня **ou̯əd-* имеется еще одно интересное сопоставление. В семантическом плане праславянским **ob-ou̯əd-lo*, **ou̯əd-tlo* довольно точно соответствует лит. *ũdis*, *-ies* ж. р. (у Руига и Мильке отражено как *i*-основа), *ũdis*, *ũdžio* м. р. 'тканье; то, что выткано в один раз'[30a].

В свете этих данных некоторые высказывания относительно центрального места термина **tъkati* в праславянском языке [31], а также предполагаемая обращенность древней славянской текстильной терминологии к западноиндоевропейским языкам, вероятно, в известных частях не могут быть приняты совсем безоговорочно.

Подытоживая изложенные в нашей заметке материалы, мы можем сказать следующее:

[30a] Б. Серейский. Литовско-русский словарь, стр. 1009; ср. еще: A. Leskien. Bildg. d. Nom., стр. 238—239.

[31] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 117.

1. Этимология русск. диал. *усло́* может считаться установленной окончательно, после того как в этом слове обнаружено продолжение древнего индоевропейского ткаческого термина. Наряду с уже существующей и хорошо аргументированной этимологией болг., макед. *було* из **ob-u-dlo* возможно предположение другой этимологии, связывающей эти слова с корнем **ou̯əd-*, наличным в русск. диал. *усло́*.

2. Широко известный в целом ряде индоевропейских языков корень **ou̯əd-* 'ткать' был унаследован и в праславянском языке, хотя он здесь сохранен лишь в нескольких реликтах, причем только как именное образование.

3. Исследуемые нами единицы, содержащие корень **ou̯əd-*, поучительны в том смысле, что наводят на предположение о частичной утрате элементов древней терминологии в одной языковой группе (в данном случае славянской) и показывают известную фрагментарность реконструируемой системы ткаческой терминологии в праславянском.

4. Данные, полученные в результате наших разысканий, говорят о более тесных связях некоторых весьма древних элементов ткаческой терминологии славянских языков с балтийскими языками, вопреки одному из главных выводов в фундаментальной монографии О. Н. Трубачева [32], в которой выдвигается идея о преобладании для древнего периода лексических связей славян с западными индоевропейцами.

5. Наконец, приходим к выводу о том, что в ряде деталей рассмотренные праславянские слова позволили сделать интересные наблюдения над их фонетической и словообразовательной эволюцией и могли быть использованы при попытке разграничения древних образований на *-*tlo* от дериватов на *-*sl-ĭ*.

[32] Там же, стр. 142. — О. Н. Трубачев в своем обстоятельном исследовании изученные выше праславянские слова не рассматривает.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗДАХ [1]

Ставя своей целью включение анализируемого слова в то или иное этимологическое гнездо, этимологический анализ часто приводит к необходимости одновременно признать возможной для этого гнезда новую ступень чередования корневого гласного. Морфонологическим основанием для введения в славянское этимологическое гнездо нового образования с отличной от представленных в гнезде огласовкой корня служат набор ступеней чередования в данном гнезде и типология чередований гласных в славянском словообразовании. В данной работе рассматриваются возможности этимологизации некоторых славянских глагольных *-i*-основ и бессуффиксальных имен с вокализмом в ступени **ō* путем помещения их в известные славянские этимологические гнезда.

Известно, что в славянском словообразовании (как и в словообразовании ряда других индоевропейских языков) морфологические функции чередования *o/ō* во многом совпадают с функциями чередования *e/o*: это совпадение характеризует две категории славянского отглагольного словообразования — итеративно-каузативные глаголы на *-i-* и бессуффиксальные отглагольные имена *-o-*, *-jo-*, *-a-* и *-ja*-основ. Разработанная Куриловичем теория чередований предполагает для славянских языков (как и для германских и балтийских) функциональное тождество качественного чередования *e/o* и количественного чередования при исторической вторичности удлинения по отношению к качественному чередованию: удлинение корневого гласного рассматривается как исконное средство словообразования от тех глаголов, для корней которых невозможно качественное чередование и для которых поэтому удлинение стало единственным средством противопостав-

[1] Настоящая работа воспроизводит доклад, прочитанный на «Кузнецовских чтениях» 1970 г., организованных Институтом языкознания АН СССР. В работе использованы материалы картотек Сектора этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР.

ления производящих и производных форм [2]. Таковы, в частности, глаголы с вокализмом *o* в производящих основах. Отсюда параллелизм *o* (как результат качественного чередования) и *ō* (как результата удлинения) в итеративно-каузативных глаголах на *-i* и в бессуффиксальных именах типа **broditi* (от **bresti*) и **kaliti* (от **kolěti*), **borъ* (от **berǫ*, **bьrati*) и **slava* (от **slovǫ*, **sluti*).

Приходится, однако, допустить, что последующее историческое развитие нарушило первоначальное распределение *o* и *ō* как морфонологических характеристик глагольных *-i*-основ. Курилович отмечает две группы славянских итеративно-каузативных глаголов с основой на *-i-* и корневым вокализмом *ō*, отношения которых к производящим основам не соответствуют предполагаемому исконному типу отношений *o* (вокализм производящей основы) : : *ō* (вокализм производной основы). Первая группа включает в себя глаголы на *-i-* с вокализмом *ō*, в соответствии с которыми не могут быть указаны производящие глагольные основы с вокализмом *o*, возможные же производящие основы содержат иные ступени огласовки; таковы **-dariti* (при **derǫ*, **dьrati*), **kaziti* (при **čeznǫti*), **variti* (при **vьrěti*) и нек. др. [3] Курилович предлагает считаться в подобных случаях с возможностью исчезновения производящих основ с вокализмом *o*. Вторая группа — это глаголы на *-i-* с корневым *ō*, которые имеют однокоренные и идентичные по суффиксу соответствия — глагольные *-i*-основы с корневым *o* (при наличии для последних производящих основ с вокализмом *e* или ступенью редукции); таковы **ganiti* при **goniti* (от **ženǫ*) и **vaditi* при **voditi* (от **vesti*) [4]. В этих случаях Курилович предполагает наложение удлинения *o* > *ō* на результат качественного чередования *e* > *o*.

Данные славянской исторической лексикологии и этимологии позволяют расширить перечень глаголов, входящих как в первую, так и во вторую группу «неправильных» глаголов. К типу отношений **vьrěti*—**variti* должны быть причислены также пары:

želati — **galiti* (русск. *гáлиться* 'любоваться', блр. *гáлиць* 'возбуждать в ком желание, охоту к чему', с.-хорв. *гȁлӣм*, *гáлити* 'стремиться, желать', болг. родоп. *гáля* 'любить', польск. *galić* 'быть преданным, благоприятствовать' [5]; родство **galiti* с **želati* предполагал Мейе [6]);

tesati*—tasiti* (ст.-чеш. *tasiti* 'сечь, рубить', родство с **tesati* установил Пеликан [7]);

---

[2] J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 289—298.

[3] J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 297.

[4] Там же.

[5] Фасмер I, стр. 387; БЕР III, стр. 228.

[6] A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL, t. 14, 1906, f. 4, стр. 373.

[7] Pelikán. — LF, 56, 1929, стр. 237.

skverti*, **skvьrǫ*—skvariti* (чеш. *škvařiti* 'жарить', польск. *skwarzyć* то же, с.-хорв. *čvăriti* 'вытапливать, выжаривать')[8].

Ко второй группе глаголов (отношения типа **ženǫ*—**goniti*—**ganiti*) должны быть отнесены следующие:

zьrěti*—zoriti* (русск. *збрить* 'следить за кем-либо, не отрываясь' [9], укр. *назори́ти* 'усмотреть, заметить', *підзори́ти* 'заметить, сглазить' [10])—**zariti* (русск. *зáрить* 'смотреть на кого-либо, не отрываясь' [11], просторечн. *зáриться*, диал. псков. *зáрить* 'искать' [12]);

merti*—moriti*—**mariti* (чеш. *mařiti* 'губить' [13]);

žiti*—gojiti*—**gajiti* (русск. диал. *гáить* 'покрывать, затыкать, конопатить, чинить' [14]);

**loziti* (чеш. диал. *loziti* 'лазить' [15], с.-хорв. *loziti se* 'цепляться, взбираться — о горохе и под.'[16], может быть — русск. *елóзить*)—
—**laziti*: исходный индоевропейский глагол имел краткий вокализм — **leg'h-*, что позволяет считать **loziti* первичной формой итератива; в слав. **lězti*, по мнению Вайана, удлинение восходит к древнему перфекту [17];

trepati*—tropiti* (укр. *потропи́ти* 'истоптать, вытоптать' [18], польск. *tropić* 'искать, преследовать' [19], чеш. *tropiti* 'возбуждать — например, спор, ссоры и т. п.' [20])—**trapiti* (чеш. *trápiti* 'мучить', польск. *trapić*, словен. *trápiti* то же) [21];

koriti*—kariti* (др.-русск. *карити* 'оплакивать', с.-хорв. *кӑрити се* 'заботиться') [22];

xopiti*—xapiti* (русск. *охáпить*) [23];

krojiti*—krajiti* (русск. диал. псков. *крáить* 'кроить' [24].)

В случаях **koriti*—**kariti*, **krojiti*—**krajiti* славянские языки утратили исходные глагольные основы с вокализмом *е* (или ступенью редукции), послужившие производящими основами для итеративно-каузативных *-i-* основ; в случае **xopiti*—**xapiti* исход-

---

[8] Machek [1], стр. 504—505; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. III. Le Verbe, pt I. Paris, 1966, стр. 189.

[9] Фасмер II, стр. 104.

[10] Гринченко II, стр. 490; III, стр. 165.

[11] Фасмер II, стр. 80.

[12] Доп. к Опыту, стр. 61.

[13] Machek [1], стр. 286—287.

[14] Фасмер I, стр. 382.

[15] PSJČ II, стр. 641.

[16] Fr. Kurelac. Silva. «Rad» XII. 1870, стр. 59.

[17] A. Vaillant. Указ. соч., стр. 146.

[18] Гринченко III, стр. 382.

[19] Brückner, стр. 577 (под *trop*).

[20] Holub-Kopečný, стр. 390.

[21] Hofrat Schuman. Etymologische Erklärungsversuche. — AfslPh XXX, 1909, стр. 306.

[22] Фасмер II, стр. 199—200.

[23] Vasmer III, стр. 230 (под *хáпать*).

[24] Картотека Псковского областного словаря (Ленинград).

ной и является, вероятно, форма с вокализмом *o*, но все это не имеет принципиального значения для оценки соотношения глаголов на *-i-* с корневым вокализмом *o* и *ō*.

При учете вариантности вокализма *o* и *ō* в глагольных *-i*-основах, рассматриваемой как следствие наложения удлинения *o* > *ō* на первичное (апофоническое) *o*, можно аналогичным образом этимологизировать некоторые другие славянские глаголы с основой на *-i-* и корневым вокализмом *ō*.

От слав. **terti* образован итератив **toriti*. Можно предполагать также и праслав. **tariti*: ср. укр. *обтаритися* 'вываляться, испачкаться в грязи' [25], с.-хорв. *tàriti* 'тереть (масло)' [26].

Славянскому **mesti*, **metǫ* соответствует итератив **motiti*: др.-русск. *мотитисѧ* 'качаться, колыхаться' [27], ср. мнение Вайана, что первичное значение слав. **mesti*, **metǫ* следует выводить из таких словоупотреблений, как с.-хорв. *mète snȉjeg* 'снег падает, крутясь', *mèćava* 'снежный вихрь', русск. *метель* [28]. Однако, судя по с.-хорв. *smétati* 'мешать кому-либо, препятствовать, вызывать беспорядок' [29], значение 'крутить, вращать' иногда осложняется оттенком 'препятствовать'. Это может служить семантическим основанием для включения в данное гнездо и русск. диал. влад. *сма́тить* 'свести с пути' [30], вят. *мати́ть* 'препятствовать, делать помеху, замедлять' [31]. Следовательно, наряду с **motiti* можно реконструировать праслав. **matiti* как итератив к **mesti*.

От праслав. **tьlěti* образован каузатив **toliti* (русск. *утолить*, др.-русск. *утолити* 'убедить, усмирить, успокоить, облегчить, излечить' [32], укр. *утоли́тися* 'удовольствоваться', ст.-слав. **оутолити** ἀναστέλλειν, πείθειν Супр., болг. *утоля́вам*, *утоля́* 'утолять', с.-хорв. *у̀толити*, *у̏толи̂м* 'утихнуть', словен. *tóliti*, *tǫ́lim* 'унимать, утолять' [33], ст.-польск. *tolić* 'успокаивать' [34]). При общем значении **toliti* 'успокаивать' заслуживают внимания значения сочетания *утолить голод* в русском языке и полесск. *толи́ть* 'раскармливать, пичкать' [35], *натолы́ты* 'насытить' [36] (ср. соответствующее значение глагола **tьlěti*, отраженное в производном

---

[25] Гринченко III, стр. 29.
[26] RJA XVIII, стр. 110.
[27] Срезневский II, стб. 178.
[28] A. Vaillant. Указ. соч., стр. 150.
[29] RJA XV, стр. 691.
[30] Опыт, стр. 208.
[31] Васнецов, стр. 130.
[32] Срезневский III, стб. 1311—1312.
[33] Vasmer III, стр. 114.
[34] Brückner, стр. 584 (в статье *tuł* автор предполагает последующее — в 15—16 вв. — смешение двух глаголов: *tolić* и *tulić*; ср. также н.-луж. *zatolić* и *zatulić* 'хранить, беречь' — Мука II, стр. 1050).
[35] Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 91.
[36] Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья», стр. 50.

укр. *ненатлий* 'ненасытный'[37]). Указанные значения позволяют связать с **tьlěti*, **toliti* также слвц. *tálit' sa* 'хорошо питаться', *vytálit'sa* 'откормиться', 'окрепнуть'[38], на основании которых можно реконструировать **taliti* как каузатив к **tьlěti*, параллельный **toliti*

* * *

Бессуффиксальные имена *-(j)o-*, *-(j)a-* и *-ĭ*-основ с корневым вокализмом *ō* могут быть производными от корневых глагольных основ и суффиксальных основ на *-ě-* и *-i-* с корневым вокализмом *o*, ср: **kolti* — **skala*, **gorěti* — **garь*, **koriti* — **kara*. Кроме того, возможно образование от глаголов на *-i-* с вокализмом *ō* бессуффиксальных имен с тождественным вокализмом, например др.-русск. *грабля* от *грабити*.

Среди бессуффиксальных имен с огласовкой *ō*, как и среди глаголов на *-i-*, Курилович отметил образования, для которых отсутствуют производящие глагольные основы с вокализмом *o*; таково, например, **izgaga* 'изжога', родственное **žegti*[39].

Курилович не упоминает о случаях вариантности вокализма *o* и *ō* в бессуффиксальных именах, которые могли бы быть расценены как следствие наложения удлинения *o* > *ō* на результат качественного чередования *o*. Представляется, однако, что эта вариантность возможна в бессуффиксальных именах так же, как и в глаголах на *-i-*. Правда, в большинстве случаев она присутствует одновременно в однокоренных глагольных *-i*-основах, так что вариантность вокализма в именах может рассматриваться как производная от вариантности в глаголах. Ср.:

gojь* (не только др.-русск. *гои* 'мир, спокойствие', с.-хорв. *гōј* 'мир', словен. *gòj* 'уход, присмотр', чеш., слвц. *hoj* 'изобилие'[40], но и польск. диал. *gojik* 'маленькое хвойное дерево, рождественская елка'[41])—gajь* 'лес, роща'[42]; ср. приведенные выше *gojiti*—*gajiti*;

-gona*—gana* (польск. *gana* 'порицание', чеш. *hana* 'клевета', укр. *гáна* 'порицание')[43]; ср. приведенные выше **goniti*—**ganiti*;

torъ* 'проложенная дорога'—tarъ* (кашуб. *tar* 'торная дорога', возможно — и с.-хорв. *târ* 'размельченная солома'[44], с этим

---

[37] Гринченко II, стр. 552.

[38] M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924, стр. 811.

[39] J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 296.

[40] Фасмер I, стр. 427.

[41] A. Zaręba. Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960.

[42] Фасмер I, стр. 382—383.

[43] Sławski I, стр. 254—255.

[44] Miklosich, стр. 352—353.

последним ср. ниже **obtara*); ср. приведенные выше **toriti—*tariti*;

obtora* 'размельченная солома' (русск. *отбра*)[45]—obtara* (польск. диал. *otara* 'пустые обмолоченные колосья'[46], возможно — и словен. *otâra* 'трепало'[47], ср. болг. диал. *пóтара* 'обшаривание, обыск'[48]); ср. **toriti—*tariti*;

**zor'a—*zar'a*[49]; ср. приведенные выше **zoriti—*zariti*.

Сюда же могут быть быть отнесены также однокоренные имена с вокализмом *o* и *ō*, различающиеся типами основ:

loza*[50]—lazъ*; ср. приведенные выше **loziti—*laziti*.

В некоторых случаях однокоренным бессуффиксальным именам с вокализмом *o* и *ō* соответствует в глагольных *-i-* основах лишь вокализм *o*. При этом возможно предположение об образовании имени с вокализмом *ō* от глагола на *-i-*, сопровождающемся удлинением корневого $o > \bar{o}$, по типу **koriti — *kara*. Ср.:

**tokъ* (в частности, чеш. диал. литомышл. *tok* 'решето'[51], болг. диал. софийск. *прóток* 'решето с крупными отверстиями для просеивания овса, ячменя, полбы и т. п.'[52]) — **-takъ*, **-tačь* (польск. *przetak* 'решето'[53], чеш. диал. морав. *přetak* 'речка'[54], укр. *пóтак* 'прибор для мазания', чеш. *potáč* 'пряжа, напряденная на одно веретено', в.-луж. *potač*, н.-луж. *pótac*, словен. *potáč* то же[55]), при **točiti*;

sъnoza* (русск. диал. *снóза* 'перекладина в улье', укр. *сніз*, *сноза* то же)—sъnaza* (русск. диал. *снáзы* 'положенные накрест палочки в улье')[56], при **noziti*.

Параллелизм вариантности *o/ō* в бессуффиксальных именах и глаголах на *-i-* осложняет рассмотрение вопроса о происхождении *ō* равно и для бессуффиксальных имен, и для глаголов, ср. случаи типа **žiti—*gojь*, **gojiti—*gajь*, **gajiti*. Так же спорно на-

---

[45] Vasmer II, стр. 292.

[46] Варшавский словарь III, стр. 899.

[47] Pleteršnik I, стр. 868.

[48] Т. Стойчев. Родопски речник. «Българска диалектология», II., София, 1965, стр. 245.

[49] Фасмер II, стр. 81.

[50] Первоначальная краткость корневого вокализма и.-е. **leg'h-* оправдывает возведение слав. **loza* к этому корню (ср. слав. **loziti*, **laziti*, **lězti*). Литературу вопроса см.: Фасмер II, стр. 512. В пользу этой этимологии может свидетельствовать значение имени **loza*, сохранившееся в весьма архаичной сфере лексики — бортнической терминологии: русск. диал. краснояр. *лоза* 'род ствола или строительных лесов, на которые взбирается охотник, чтобы пилить верхнюю часть дерева с ульем в дупле' (Картотека словаря русских народных говоров. Ленинград).

[51] Machek¹, стр. 531.

[52] З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. «Българска диалектология», I. София, 1962, стр. 264.

[53] Brückner, стр. 564.

[54] Machek¹, стр. 531.

[55] Miklosich, стр. 347—348; Machek¹, стр. 386.

[56] Vasmer II, стр. 680, 682.

правление словообразовательных связей в случаях типа **tekti*—**tokъ*, **točiti*—*-*takъ*, *-*tačь*. Представляется, однако, что более или менее надежным свидетельством в пользу предположения об образовании имени от глагольной -*i*-основы может служить лишь наличие в имени -*j*-основы (-*j*- как след глагольного -*i*-) [57]. С другой стороны, следует считаться с возможностью отыменного образования глаголов на -*i*- с корневым *ō* (при наличии бессуффиксальных имен с тем же вокализмом), что также не всегда поддается определению. Тем большего внимания заслуживают случаи, где вариантность *o*/*ō* представлена только в именах или только в глаголах. В бессуффиксальных именах таким случаем является родство **skora* 'кожа, шкура, кора'—**skara* (чеш., слвц. *škára* 'кожа', чеш. диал. морав. 'кожа от соленого сала' [58]) при наличии в глаголе лишь *(*š*)*čeriti* (русск. *щериться*, чеш. *štířiti*, польск. *szczerzyć*, в.-луж. *šćerić*, н.-луж. *šćeriś* [59], укр. *черúти* 'облупливать кору' [60]), основа на -*i*- с корневыми *o* или *ō* не зафиксирована. Следовательно, здесь можно предполагать наложение удлинения *o* > *ō* на апофонический вокализм *o* бессуффиксального имени.

Таким образом, и в глагольных -*i*-основах, и в бессуффиксальных именах представлены образования с корневым *ō*, не имеющие соответствующих производящих глагольных основ с вокализмом *o*, например: **variti*, **galiti*, **tasiti*, **skvariti*; **izgaga* (см. выше). С другой стороны, и в глаголах, и в именах есть случаи параллелизма отгласовок *o* и *ō* в тождественных типах основ, которые могут рассматриваться как результат наложения удлинения *o* > *ō* на более ранний вокализм *o* (в свою очередь являющийся продуктом качественного чередования *e*/*o*). Так могут быть объяснены не только отношения **goniti*—**ganiti*, **voditi*—**vaditi* (Курилович), но и **zoriti*—**zariti*, **moriti*—**mariti*, и **toriti*—**tariti*, **motiti*—**matiti*, **toliti*—**taliti* и др., а в именах —**skora*—**skara* (см. выше). Это дает основание предполагать, что глаголы на -*i*- и бессуффиксальные имена с корневым *ō*, не имеющие соответствующих производящих глагольных основ с вокализмом *o*, возникли из однотипных глагольных -*i*-основ и бессуффиксальных имен с вокализмом *o* в результате вторичного удлинения корневого *o* > *ō*, явившегося следствием аналогии с глаголами и именами типа **kaliti* и **slava*. При этом исходные глаголы и имена могли не сохраниться. В пользу этого предположения свидетельствует наличие лит. *ìšdagos* мн. 'выгарки' с исконным **o* при слав. **izgaga* с **ō*, лит. *tašýti* 'тесать' с **o* при слав. **tasiti* (см. выше) с **ō*.

---

[57] П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском «языке-основе». «Вопросы славянского языкознания» I, 1954, стр. 39, 45.

[58] Machek [1], стр. 447.

[59] Vasmer III, стр. 450, Machek [1], стр. 515.

[60] Гринченко IV, стр. 457.

Допущение наложения удлинения $o > \bar{o}$ на апофоническое *о* в бессуффиксальных именах (как это признал для глаголов Курилович) дает возможность истолковать некоторые бессуффиксальные имена с корневым *ō*, включив их в этимологические гнезда глаголов, имеющих корневое *е*.

Русск. диал. *зáпань* олонецк. 'цепь из бревен, перетянутая через реку для задержки сплавляемых по ней бревен' [61], тихвин. 'преграда' [62], твер. 'заводь' [63] рассматривается Фасмером как производное от глагола **pasti*, **padǫ* : *зáпань* < **за-паднь* [64]. Представляется возможным иное толкование этого слова: включение его в гнездо слав. **pęti*, **pьnǫ*. С точки зрения семантики основанием для сближения *запань* с **pęti* являются значения 'преграждать', 'преграда', появляющиеся в этом глаголе и его производных, например: русск. литер. *запнуться* и диал. олон. *запяться* 'запнуться' [65], укр. *запúна* 'преграда, помеха', *припúн* 'остановка, задержка', *запóна* 'полог; застежка; препятствие, помеха' [66], блр. *спóна* 'препятствие, препона' [67]. Фонетически *зáпань* может быть истолковано как бессуффиксальное имя (-*ĭ*-основа) с корневым вокализмом в ступени *ō*, родственное глаголу **pęti* с корневым вокализмом в ступени *е* и именам с корневым вокализмом в ступени *о*: **perpona*, **popona*, **sъpona*, **zapona* и др. Ту же ступень корневого вокализма *ō* можно предполагать для укр. *зáпан* 'завеса' [68] и русск. диал. твер. *папáнка* 'пленка, перепонка' [69].

Для праслав. **platъ* можно реконструировать первоначальное значение 'ткань, материя' (ср. русск. *плат*, *платок*, укр. *плат* 'платок, лоскут', др.-русск., ст.-слав. **платъ** 'pallium, ῥάκος', болг. *плат* 'ткань, материя', польск. *płat* 'кусок ткани, холста', в.-луж., н.-луж. *płat* 'полотно, холст' [70]).

Известно, что ткачество возникло из плетения, хотя одновременно отмечается известная автономность ткаческой терминологии от терминологии плетения [71]. В связи с этим представляется возможным предположение о принадлежности слав. **platъ* к гнезду глагола **plesti*, **pletǫ*. В это гнездо входит праслав. **plotъ*

---

[61] Куликовский, стр. 27.

[62] Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губернии. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ LXII, 1909, стр. 296.

[63] Опыт, стр. 65.

[64] Фасмер II, стр. 78.

[65] Куликовский, стр. 27.

[66] Гринченко II, стр. 78; III, стр. 431; II, стр. 83.

[67] Носович, стр. 606.

[68] В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів., вип. I. Харьків, 1960, стр. 36.

[69] Опыт, стр. 152.

[70] Vasmer II, стр. 366.

[71] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 18—20.

'изгородь, сплетенная из хвороста, прутьев' — именное производное с корневым *o*-вокализмом [72]. **plat*ъ может быть бессуффиксальным именем с вокализмом *ō*. Возможность появления производных от глагола **plesti* в ткаческой терминологии подтверждается образованиями типа полесск. *плец'ýнка*, *плет'óнка*, *плец'óнка* 'основа, заплетенная в петли после снятия со стены или сновалки для дальнейшей обработки или хранения до наведения на станок' [73], сиб. *плетéнь* 'основа для тканья на ручном ткацком станке' [74]. Интересно значение болг. диал. родоп. *платúца* 'полоса ткани шириной с домашний стан' [75]. Дополнительным свидетельством в пользу связи **plat*ъ с **plesti* может служить болг. *нáплат* 'части, составляющие обод колеса' [76] (='натянутое, наплетенное'?).

Славянское прилагательное **mal*ъ давно уже привлекло внимание этимологов долготой корневого гласного, отличающей славянское слово от предполагаемых родственных: гот. *smals* 'малый, незначительный', лат. *malus* 'дурной, плохой'. Махек предположил в славянском прилагательном экспрессивное удлинение [77]. С другой стороны, слав. **mal*ъ сопоставляют с образованиями, восходящими к и.-е. **mēlo* 'маленькое животное': греч. μῆλον 'мелкий скот, овцы', др.-ирл. *mīl* '(маленькое) животное' и др.[78] Представляется необходимым и возможным ориентировать слав. **mal*ъ прежде всего в лексике славянских языков. Здесь слав. **mal*ъ может быть помещено в гнездо глагола **melti* 'молоть, измельчать', поскольку именно от этого глагола образованы многие имена со значениями, близкими к 'маленький', например: **měl*ъ,* *měl*ь (первоначально 'мелкий песок'), **měl*ъ*k*ъ*j*ь, ср. также русск. диал. псков. *мелёк* 'мелкая рыба всякого рода' [79], *мелýз* 'мелкая крупа; мелкие высевки из-под крупы', *мелузгá*, *мелюзгá* 'мелочь; моль, малявка' [80]. Характерно двойственное толкование в этимологических исследованиях слова *моль* 'насекомое' и 'мелкая рыба', относимого то к **melti*, то к **mal*ъ [81]. Представляется возможным рассмотрение прилагательного **mal*ъ как родственного **melti*, с корневым вокализмом **ō*. **mal*ъ могло возникнуть в результате удлинения корневого *o* в бессуффиксаль-

[72] Там же, стр. 163.

[73] Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья» М., 1968, стр. 247.

[74] Р. Т. Гриб. Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. Красноярск, 1967, стр. 194.

[75] Т. Стойчев. Родопски речник. «Българска диалектология», II. София, 1965, стр. 237.

[76] Дювернуа V, стр. 1331.

[77] V. Machek. Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina. — ZfSl, Bd I, H. 4, 1956, стр. 33; Machek [1], стр. 284.

[78] Pokorny, стр. 724.

[79] Опыт, стр. 113.

[80] Даль [2] II, стр. 316.

[81] См. литературу: Фасмер II, стр. 648—649.

ном отглагольном имени **molъ* (ср. словен. *mòł* 'речной песок' [82]), что не исключает исконного родства этого **molъ* с некоторыми именами других индоевропейских языков (гот. *smals*, если *a* < **o*, и далее — с и.-е. **mēlo*).

Предполагаемое вторичное удлинение *o* > *ō* в глагольных -*i*-основах и бессуффиксальных именах с корневым апофоническим *o* является одним из случаев преобразования унаследованных лексем в соответствии с новыми морфонологическими тенденциями [83] (в данном случае — в связи с актуальностью в отглагольном словообразовании удлинения корневого гласного, типа **kolěti*—**kaliti*, **sluti*—**slava*).

---

[82] Pleteršnik I, стр. 599.

[83] См.: Ж. Ж. Варбот. «О словообразовательной структуре этимологических гнезд». — ВЯ 1967, № 4, стр. 69—70.

Ж. Ж. Варбот

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(слав. **korіstь*, слав. **(s)kręga*, русск. диал. *намбкнуть* 'приучиться', русск. *дроля*, русск. *-нáчить*)

Слав.* *korіstь*

* *korіstь* реконструируется как праславянская лексема на основании следующих форм славянских языков: русск. *корысть* 'страсть к приобретению, к поживе; жадность к деньгам. . .; выгода, польза, барыш. . .; нажива, пожива, добыча или захваченные богатства' [1], укр. *користь* 'польза, выгода, прибыль, добыча' [2], блр. *карысць* 'польза' [3], др.-русск. *користь*, *користъ* 'добыча, приобретение, преимущество' [4], ст.-слав. користь 'σκῦλα, spolia' [5], болг. *кóрист* 'польза, материальная выгода' [6], с.-хорв. *kȍrist* 'добыча, выгода, польза, прибыль' [7], словен. *korȋst* 'польза, выгода, прибыль' [8], чеш. *kořist* 'захваченное, награбленное имущество, добыча; прибыль' [9], слвц. *korisť* 'награбленные вещи, военные трофеи; охотничья добыча' [10], польск. *korzyść* 'польза, выгода, доход; стар. добыча, трофеи' [11]. Появление *у* вм. *і* объясняется вторичными процессами. Первичным значением слав. **korіstь* признается 'военная добыча', что подтверждается употреблением этого слова в древнейших письменных памятниках на славянских языках.

В украинском фольклоре *користь* употребляется как эпитет невесты, например: «ми веземо да користочку, молодую да неві-

---

[1] Даль [2] II, стр. 171. — В статье используются материалы картотек Сектора этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР.
[2] Гринченко II, стр. 283.
[3] «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 383.
[4] Срезневский I, стб. 1286—1287.
[5] Miklosich LP, стр. 303.
[6] БТР, стр. 318.
[7] RJA 20, стр. 332—335.
[8] Pleteršnik I, стр. 439.
[9] PSJČ II, стр. 297.
[10] SSJ I, стр. 748.
[11] Варшавский словарь II, стр. 486.

сточку» [12]. Ср. в смоленских говорах: «А едить к табе сын на двор, вязеть к табе *карыстку* — а маладую нявестку» [13]. Данное словоупотребление является производным от первичного значения слав. **koristь* — 'военная добыча' и связано, вероятно, с древним обычаем умыкания невест.

Особняком стоит группа слов, предполагающих ту же исходную фонетическую форму — **koristь*, но существенно отличающихся от приведенных выше по значению, — это польск. диал. *korzyść* 'рукоятка сохи, мотовила' [14], *korzystka* 'деревянная рукоятка поперечной пилы, рукоятка мотовила, лопаты, трости' [15], укр. *користка* 'поперечная ручка мотовила' [16], русск. диал. олон. *корыстка* 'деревянная ложка или лопаточка для помешивания пива при варке' [17].

С точки зрения этимологии слав. **koristь* представляется довольно загадочным словом. Для объяснения его происхождения в последнее время было предложено несколько гипотез. Махек исходит из реконструкции глагола **korystati*, с приставкой *ko-* и корневым *y* (реконструкцию *y* Махек не обосновывает); предполагаемое **rystati* рассматривается далее как интенсивное образование от корня, представленного в др.-в.-нем. *roub* 'добыча, выход (хлеба) с поля' (соврем. нем. *rauben* 'грабить', *Raub* 'добыча') и слав. **lupiti* [18].

Славский, вслед за Бернекером, считает несомненной связь со **(s)kora* , **(s)ker-* 'резать, отрезать, отделить' и реконструирует **korystь*, по типу **kopystь* (хотя и отмечает вероятность вторичного развития *y*). Предполагаемое **korystь* толкуется как производное от глагола **(s)korati* (ср. польск. стар. и диал. *skórać*, *skorać* 'достигнуть намеченной цели'), который связывается со **(s)kora* [19]. Однако приведенный польский глагол, кажется, можно рассматривать как производный от прилагательного **skorъjь*: именно так объясняет Махек близкие польскому чеш. диал. ганац. *naskurat se* 'поспешить', *oskurat* 'преодолеть с поспешностью' [20]. По мнению Славского, связь **korystь* со **(s)kora* подтверждается приведенными выше техническими значениями **korystь* — 'ручка, рукоятка сохи, лопаты, мотовила и т. п.,' причем в качестве родственного и семантически близкого дается русск. диал. *корéц* 'поперечный брус сохи'. Автор, однако, не приводит образования от **(s)kora* со значением 'рукоятка. . .'

---

[12] Гринченко II, стр. 283—284.

[13] Добровольский, стр. 315 (ср. аналогичные тексты, приведенные на стр. 348, 1905 этого словаря).

[14] Karłowicz II, стр. 438.

[15] Варшавский словарь II, стр. 486.

[16] Sławski II, стр. 515.

[17] Куликовский, стр. 41.

[18] Machek [2], стр. 279.

[19] Sławski II, стр. 514—515.

[20] Machek [2], стр. 547.

Еще одна гипотеза принадлежит Б. Чопу: исходя из реконструкции **koristь* автор возводит это слово к сложению элементов **korī* и **dhē* с суффиксом *-tĭ*; при этом **korī* — наречная форма на *-ī-* индоевропейской древности, образованная от слова, родственного лит. *kāras* 'война', а и.-е. **dhē-* в нулевой огласовке и в энклитическом положении при соединении с суфф. *-tĭ* дало **stĭ* [21]. Технические значения слав. **koristь* — 'рукоятка сохи, лопаты, мотовила' — остаются вне данной гипотезы.

Представляется, что сопоставление столь различных значений, как 'добыча, трофей' и 'рукоятка сохи, мотовила; ложка, лопаточка для помешивания', соотносимых с одной и той же фонетической формой **koristь*, оправдывает выдвижение еще одной гипотезы, а именно — предположения об образовании слав. **koristь* при помощи приставки *ko-* от бессуффиксального имени, восходящего к славянскому глаголу **ristati*/**riskati*/**ryskati* (с первичным корневым *i*).

Рефлексами этого глагола в славянских языках являются русск. *рис́тать* 'прытко бегать, скакать, ездить', *ры́скать* 'бегать спешно или кидаясь в разные места; скитаться, шататься. . .; о парусном судне—кидаться к ветру. . .,' *рысь* 'конская побежка. . .' [22]; укр. *ристь* 'рысь' [23], др.-русск. *ристати* 'бегать, быстро ходить; скакать, прыгать', *рискати* 'бежать, быстро идти; скакать, прыгать; ехать, нестись; стремиться', *рыскати* 'быстро бежать, носиться' [24], ст.-слав. **ристати** 'currere', **рисканиѥ** 'cursus' [25], с.-ц.-слав. *riskati* 'плясать, скакать', *ristati* 'скакать, бегать' [26], слвц. *ryzat'* 'бежать' [27], польск. *ryścią*, *rześcią* 'рысью', диал. *rysnąć* 'толкнуть' и *ryskać* 'пахать небрежно' [28].

Первичным для глагола **ristati*/**riskati*/**ryskati*, бесспорно, является значение 'быстро ходить, бегать, ехать': ср. родственные лит. *rìstas* 'быстрый', гот. *urreisan* 'подниматься', ср.-в.-нем. *risch* 'проворный, быстрый' [29] и, может быть, далее нем. *reiten* [30]. Можно предполагать, что одним из вторичных значений было 'быстро двигать (ся) в разных направлениях, туда-сюда': ср. русск. *рыскать*, польск. *ryskać* (см. выше). Это позволяет объяснить производные типа русск. диал. нижегор. *рыска́ло* 'веревка, по которой бегает привязанная собака; человек, бегающий туда и

---

[21] B. Čop. Etyma balto-slavica V. — SR XIII, № 1—4, 1961/62, стр. 182—185.
[22] Даль² IV, стр. 96, 118.
[23] Гринченко IV, стр. 18.
[24] Срезневский III, стб. 124, 123—124, 212.
[25] Miklosich LP, стр. 800.
[26] RJA 59, стр. 36, 38.
[27] Machek¹, стр. 431.
[28] Варшавский словарь V, стр. 796, 797.
[29] Vasmer II, стр. 524.
[30] Machek¹, стр. 431.

сюда' [31] и отнести сюда также укр. *рискаль*, *рескаль* 'заступ', *лискарь* 'кирка' [32], польск. диал. *ryskal* 'лопата, окованная железом, заступ' [33]. На фоне этих образований представляется вероятным родство с **ristati* и слова **koristь* в значении 'рукоятка сохи, мотовила; ложка, лопаточка для помешивания пива при варке': в качестве существенного признака этих орудий или частей орудий (рукоятки) могло быть выделено их разнонаправленное движение, «рыскание» [34]. Ср. укр. *суло́* 'деревянная рукоять железных вил' [35] — к *со́вати* 'совать, двигать' [36] (слав. **sujǫ*, **sovati*).

Для установления связи с **ristati* другого значения **koristь* — 'добыча' существенно значение 'стремиться (к чему-либо), искать (что-либо), гнаться (за чем, кем-либо)', о наличии которого у глагола **ristati/*riskati* свидетельствуют данные древнерусского языка, например: овогда жьртвѣ створѩюмѣи всѣмъ ѥлиномъ съ тщанию́мь. съ *рищющим* сѧ на скверьньны́ жьртвы и жруща не точью члв̑кы но скоты. не тьрпѧ зла посрѣде ставъ. обличи ꙗвѣ. идолы (Пролог мартовской половины, 1383 г., л. 69б—в) [37]; Сн҃е да не льстѧть тобе мужи нечтивии. ни ходи въ путь с ними. ногы бо ихъ на злобу *рищють*. и скоры суть кровь прольꙗти (Палея толковая 1406 г., л. 205в) [38]; мнози бо добра и сладка питьꙗ небрѣгоуще злаго и калнаго просѧть и понѣ *рищют* (Пчела XIV—XV вв., л. 124 об.) [39]; ѡномоу же *рищющоу* по немъ и клї́чющю чемоу бѣжиши ѡнъ же рече... (Там же, л. 38 об.) [40]. Ср. значения, близкие к 'добиться (чего-либо), получить (что-либо)', в русск. *нарыска́ть* 'наделать или нажить рыская' [41], укр. диал. *нари́скать* 'напустити, нахлюпати води в човен' [42], а также новгор. *вырыскнуло* 'удалось какое-нибудь дело' [43].

---

31 Опыт, стр. 194.

32 Гринченко IV, стр. 13, 18; II, стр. 361.

33 Варшавский словарь V, стр. 796.

34 Ср. обратную рассматриваемой словообразовательную зависимость ст.-франц. *travaillier* 'ходить туда-сюда' от *travouil*, *treuil* 'мотовило, ворот': Ch. H. Livingston. Skein-winding Reels. Studies in World History and Etymology. Ann Arbor («University of Michigan Publications», v. XXIX). стр. 8. — Цит. по: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 33.

35 Гринченко IV, стр. 228.

36 Там же, стр. 164.

37 Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Института русского языка АН СССР (далее — Картотека XI—XIV вв.).

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же.

41 Даль² II, стр. 464.

42 А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, стр. 52.

43 М. К. Герасимов. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. — ЖСт 8, 1898, вып. III—IV, стр. 394.

С другой стороны, интересны случаи употребления **ristati* / **riskati* для обозначения движения конных войск, например: древле при Антиѡсѣ въ Иерлмѣ. случиса внезапу по всему граду... ıавлатиса на вздусѣ. на конихъ *рищющимъ*. въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ. и полкы ѡбоıа ıавлаемы. и ѡружьемъ движающимсѧ (Лаврентьевская летопись, 1377, л. 55 об.)[44]; и пакы иногда видима быша преже слнчьнаго захода ıако колѣсница на высотоу и полци въѡроужени *рищюще* на въздоусѣ и градъ наставлающи (Хроника Георгия Амартола, XIII—XIV вв., л. 159 б—в)[45].

Наконец, в «Слове о полку Игореве» глагол *нарискати* употреблен в значении 'нападать, набегать': а поганіи сами побѣдами *нарищуще* на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора[46]. Это последнее употребление включает глагол **ristati*/**riskati* в группу глаголов движения, характеризующихся развитием значения 'гнаться за кем-либо' → 'нападать': таковы др.-русск. *наѣхати* 'приехать, найти' и 'напасть'[47], *находити* 'направляться' и 'нападать'[48], русск. *набежать* (особенно ярко значение 'напасть' проявляется в отглагольном *набег*). Следующим этапом развития значения подобных глаголов часто является 'нападать' → 'захватывать, разорять': ср. др.-русск. *наскакати* 'приходить' и 'захватывать'[49], *нагънати* 'разорить' (как перевод греч. δηόω)[50].

При наличии в глаголе значения 'захватить, разорить' отглагольное имя может приобрести значение 'добыча'. Кажется, именно так можно истолковать появление др.-русск. *погонъ*, которое регулярно употребляется в новгородских грамотах в контекстах типа: А дворѧномъ твоимъ, како пошло, *погонъ* имати ѿ кнзѧ по е коунъ, а ѿ тивоуна по в коуне (Дог. гр. Новг. с Яр. Яр., 1270 г.)[51]. Срезневский не дает значения *погонъ*. Кочин считает, что в подобных контекстах *погонъ* имело значение 'подать'[52]. Учитывая приведенное выше *нагънати* 'разорить', можно предполагать, что значение 'подать' (или 'плата') развилось из первоначального 'добыча, доля в добыче'.

Глагол **ristati*/**riskati* в значении 'захватывать, разорять' не зафиксирован. Следует, однако, считаться с тем, что этот глагол явно отмирает в славянских языках, так что по немногочис-

---

[44] Картотека XI—XIV вв.
[45] Там же.
[46] Срезневский II, стб. 319.
[47] Там же, стб. 353—354.
[48] Там же, стб. 347.
[49] Там же, стб. 331.
[50] Там же, стб. 275.
[51] Там же, стб. 1016.
[52] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 243.

ленным реликтам приходится воссоздавать древнейшее актуальное употребление. В этих условиях наличие значений ʻехать' (о конном войске), ʻстремиться (к чему-либо)' и ʻнападать' (ср. родственное др.-в.-нем. *reisa* ʻпоездка, поход, военный поход' [53]) может служить основанием для реконструкции глагольного значения ʻзахватывать, разорять' и в соответствии с ним — именного значения ʻдобыча'.

Итак, предполагается образование праслав. **koristь* с помощью приставки *ko-* от бессуффиксального имени **ristь*, восходящего к глаголу **ristati*. Праслав. **ristь* сохранилось в русск. *рысь*, укр. *ристь*, польск. *ryścią* и, судя по их значениям, обозначало быстрое движение. Для **koristь* следует предполагать обозначение объектов движения: движущегося орудия, с одной стороны, и добычи, с другой стороны. Возможно, элементы объектного значения были присущи еще бесприставочному имени **ristь*. Можно также допустить и появление приставки *ko-* еще в глаголе (ср. *колупать*), так что **ristь* и **koristь* становятся параллельными отглагольными именами.

В украинском фольклоре сохранились случаи употребления слов *ристь* ʻрысь' и *користь* рядом в стихотворных текстах: За *користю* біжи *ристю* [54]; *Ристю, кониченьки, ристю*! Їдемо за *користю*, червоною да млійкою з молодою да невісткою [55]. В свете предположения о родстве слав. **ristь* и **koristь* представляется возможным рассматривать это стихотворное сопоставление как реликт характерного для древней индоевропейской поэзии сочетания однокоренных слов [56].

Слав. **(s)kręga*

Оценивая в своем словаре существующие этимологические толкования русского *скряга* ʻскупец, скаред', Фасмер пришел к заключению, что это слово не имеет надежной этимологии [57]. Положение, кажется, существенно изменилось с публикацией исследования Р. Бернара: опираясь на данные болгарских диалектов, Бернар показал, что русск. *скряга* и болг. *скрънdза* ʻскряга' *скрéжав* ʻскупой' восходят к и.-е. **(s)kreng-*, **(s)krengh-* — назализованной основе, производной от и.-е. корня **(s)ker-*ʻморщить (ся)' (вероятно, тождественного корню **(s)ker-* ʻвращать, сгибать'), причем значение ʻскупой' толкуется как производное от значения ʻсогнутый, сжатый', что подтверждается многочислен-

---

53 Pokorny, стр. 331.

54 Гринченко IV, стр. 18.

55 Гринченко II, стр. 436 (под *млійка*).

56 Ср.: Вяч. Вс. Иванов. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. «Этимология. 1967». М., 1969.

57 Vasmer II, стр. 652.

ными семантическими параллелями [58]. Совмещение значений 'согнутый, сжатый' и 'скупой' в производных от и.-е. **(s)ker-* обнаруживается сопоставлением болг. диал. *кържав* 'малорослый, хилый, худой, чахлый' и *скържав* 'скупой', словен. *kržljav* 'малорослый' и *skržast* 'скупой' (при словен. *krž* 'початок', болг. диал. *кърже́* 'кукурузное зерно, сморщившееся и почерневшее при жарении') [59]. Это этимологическое решение представляется очень убедительным. Ниже предлагаются некоторые дополнительные материалы и соображения относительно структуры соответствующего этимологического гнезда в праславянском языке.

Приведенные Бернаром параллельные образования со значениями 'согнутый' и 'скупой', производные от и.-е. *(*s*)*ker-* (болг. *кържав*, *скържав* и т. д. — см. выше), восходят к праслав. основе *(*s*)*kъrg-*, родственной с праслав. основой *(*s*)*kręg-* (давшей русск. *скряга*, болг. *скръндза*), но словообразовательно отличной от последней. Однако и основа *(*s*)*kręg-* имеет в славянских языках рефлексы со значением 'согнутое, сжатое': это прежде всего русск. *кряж*, связываемое со слав. **krǫgъ* и далее — с герм. др.-исл. *hringr*, др.-в.-нем., англос. *hring* 'кольцо', а также умбр. *cringatro*, *krenkatrum* 'cinctum, повязка на плече как знак отличия' [60].

Русское *кряж*, по Далю, имеет следующие значения: материк; твердая, отдельная часть чего-либо, составляющая по себе целое; *кряж дерева* — бревно, брус, колода, толстое голомя, отрубок, чурбан; *кряж пчел* — колода, пень, дупло, долбленый улей; ловушка на крупного зверя, настороженная колода; о человеке — крепыш, здоровяк; *кряж гор* — гряда, хребет, цепь, связный порядок одного напластования, толстый слой, однородный пласт, слань земной толщи, материк, нерушеная земля, под насыпью или наносом, целик; *степной кряж* — венец, верхняя окраина уступа, низменности или полоев, речных берегов; сухое непаханое место; курск. —грубый холст [61]. Ср. данные других диалектных словарей: *кряж* олон. 'большое крепкое дерево' [62], перм. 'хребет земляных гор', псков. 'сухое, травою поросшее место' [63], вятск. 'колодный улей; крепкий, здоровый человек' [64], сибир. 'толстое недлинное бревно' [65]; *кря́жи* волог. 'ловушка зайцев', *кря́жье* и *кряжьё* псков. и твер. 'сучья корней' [66]; *кряжистый* олон. 'крутой,

---

[58] R. Bernard. L'étude de quelques racines slaves d'après le témoignage des dialectes bulgares. — RÉS, t. 40, 1964, стр. 31.

[59] Там же, стр. 30.

[60] Фасмер II, стр. 391 (*кряж*), 385 (*круг*).

[61] Даль² II, стр. 208.

[62] Куликовский, стр. 44.

[63] Опыт, стр. 94.

[64] Васнецов, стр. 117.

[65] Р. Т. Гриб. Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. Красноярск, 1967, стр. 186.

[66] Дополнение к Опыту, стр. 94.

обрывистый'[67]; *крёж* арх. 'бревно'[68]; *креж* псков. 'обрыв берега' (и *крежа́* 'канава по сторонам дороги, обрыв')[69], олон. 'гора, скала, возвышенный берег'[70], смол. 'обрыв на дне озера, яма, углубление'[71], *крэж* полесск. 'коряга, корявое дерево', *крижова́ты* полесск. 'корявый, скрученный, изогнутый'[72].

В русской письменности наиболее древнюю фиксацию имеет значение 'брус': таково значение слова *кряж* в «Азовском взятии» (XVII в.)[73]. В белорусском языке представлено *краж* 'горная цепь, колода'[74], а украинскому языку известно не только *кряж* 'спинной хребет, холм, деревянный отрубок цилиндрической формы'[75], но и *кряг* 'кряж' (фиксация XVII в.)[76].

Основа **kręg-* вряд ли является исключительно восточнославянской. Как ее рефлексы в болгарском языке могут толковаться диал. (ботевград.) *креш* ж. р. 'скалистая возвышенность, заросшая кустарником и мелким лесом, — обычно как название местности'[77] и *крез* 'гребень у птиц'[78] (ср. семантически аналогичное русск. *гребень горы* и *гребень птицы*). Более проблематично сближение с данной группой чеш. диал. (Želivsk.) *krah* 'льдина'[79] и словен. *krę̂ha* 'тонкий лед'[80]: при оценке этих слов приходится считаться с тем, что по значению они тяготеют к слав. **(i)kra* 'льдина'. Однако значение 'льдина' может быть согласовано и со значениями 'брус, колода, хребет, сухая земля' при условии выделения в качестве основного признака твердости. Фонетически возведение чеш. *krah* и словен. *krę̂ha* к **kręg-* допустимо.

Таким образом, могут быть реконструированы вариантные праславянские основы **kręgъ / *kręga / *kręžь*. Набор значений

---

[67] Куликовский, стр. 44.

[68] В. В. Усачева. Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 113.

[69] Дополнение к Опыту, стр. 92.

[70] Куликовский, стр. 43.

[71] Добровольский, стр. 357.

[72] Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 85.

[73] Фасмер II, стр. 391.

[74] «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 398.

[75] Гринченко II, стр. 316.

[76] Картотека Исторического словаря украинского языка Е. Тимченко (Львов). — Обширный материал, характеризующий лексему *кряж* как восточнославянский географический термин, см. в работе: Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, стр. 120—122.

[77] Стефан Илчев. Към ботевградската лексика. — «Българска диалектология», I. София, 1962, стр. 193.

[78] Н. Геров. Рѣчникъ на блъгарски языкъ, т. III. Пловдив, 1897, стр. 412.

[79] Kott I, стр. 778.

[80] Pleteršnik I, стр. 461.

в славянских лексемах и родство с **krǫgъ* позволяют предполагать семантическое развитие 'согнутое, сжатое, изгиб' → 'изогнутое, (или) круглое и твердое (коряга, брус, колода)' → 'твердый обособленный кусок, часть чего-либо (хребет, сухая земля, льдина)'. Аналогичное направление развития обнаруживается в этимологическом гнезде, восходящем к слав. **kręt-*: ср. словен. *kretati* 'поворачивать, вертеть', чеш. *vykřátnouti* 'вывихнуть' (**krętati*, **krętnǫti*) — польск. *kręty* 'крученый, извилистый' — в.-луж. *kruty* 'крепкий, твердый, оцепенелый' (**krǫtъjь*)[81] и чеш. диал. *skřoť*, *-i* ж. р. 'нечто сухое, твердое' (zem je jak *skřoť*)[82] < **sъkrǫtь*.

Производным от именной основы **kręg-* 'согнутое' является, вероятно, глагол с основой на *-i-*, представленный в украинском языке с различными значениями: *кряжити* 'простираться над кем, защищать, беспокоиться' (XVIII в.)[83] и *кряжити* 'усердно работать, не разгибая спины; заботиться, радеть'[84]. Первичным значением глагола **kręžiti* (в соответствии со значением производящей именной основы **kręg-* 'согнутое') могло быть 'сгибаться', откуда далее 'усердно работать, заботиться'. Но этот глагол зафиксирован и с другим значением: укр. диал. *кре́жити* 'беречь, скупиться'[85]. Возможно, что 'беречь, скупиться' возникло в результате вторичного развития значения 'заботиться, радеть'. С другой стороны, поскольку глагол **kręžiti* является отыменным, можно думать, что его значение 'скупиться' — всего лишь производное от значения производящего имени 'скупой'. Таким образом, укр. *крежити* 'скупиться' оказывается связующим звеном между слав. **kręgъ* / **kręga* / **kręžь* 'согнутое, сжатое' и **(s)kręga* 'скупой'. Это звено представляет особый интерес еще и потому, что фиксирует значение 'скупиться'в связи с формой без начального *s*, что подтверждает возможность вариантности в начале данной основы, допущенную Бернаром на основании болгарских материалов (ср. приведенное Бернаром болг. *крѫндза* 'скупец').

В пользу этимологического сопоставления основ со значениями 'сгибать, сжимать' (или 'согнутое, сжатое, твердое, крепкое') и 'скупиться' ('скупой') могут быть приведены, в дополнение к материалам Бернара, следующие восточнославянские лексемы: русск. просторечн. *жмот* 'скупой человек', *прижимистый* 'скупой', псков. *жа́ло* 'скупой человек, скряга'[86] (все — от *жать*, *жму*),

---

[81] Фасмер II, стр. 392 (*кря́тать*), 386—387 (*крутой*).

[82] F. Svěrák. Boskovické nářečí. Brno, 1941, стр. 125.

[83] Картотека Исторического словаря украинского языка Е. Тимченко (Львов).

[84] Гринченко II, стр. 316.

[85] Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою. — «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. II, вып. 2. Харьков, 1890, стр. 183.

[86] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

блр. диал. *суйсло* 'скупо, нерасточительно, бережливо' [87] (к к **tisknǫti*), русск. диал. яросл. *кремéнь* 'скупой, расчетливый человек' [88] (при исходном значении 'твердый камень').

Для этимологии слав. **kręgъ* / **kręga* / **kręžь* и *(*s*)*kręga* большой интерес представляет зафиксированный в болгарских диалектах глагол *крéзне* 'быть отягощенным плодами (о фруктовом дереве) [89]. Если предположить в качестве семантического основания сгибание ветвей дерева под тяжестью плодов, то болг. *крéзне* может рассматриваться как рефлекс праслав. **kręgnǫti* 'сгибаться'. С несколько большей степенью спорности к этой праславянской основе могут быть возведены также чеш. *křehnouti* 'коченеть' [90] и словен. *okrégniti* 'окоченеть' [91] (при условии развития значения 'сгибаться, сжиматься' → 'твердеть, коченеть').

Реконструкция праслав. **kręgnǫti* 'сгибаться' позволяет толковать слав. **krǫgъ* как отглагольное имя с характерным для бессуффиксальных отглагольных имен вокализмом в ступени **o*, тогда как **kręgъ* / **kręga* / **kręžь* и *(*s*)*kręga* являются или более поздними отглагольными именами с вокализмом, тождественным вокализму глагола, или (что представляется более вероятным) древними, праиндоевропейского происхождения именами, однокоренными с данным глаголом (ср. др.-в.-нем. *hring*).

Русск. диал. *намóкнуть* 'приучиться'

Этот глагол зафиксирован только в ярославских говорах: *намóкнуть* — 'получить какую-нибудь привычку, приучиться к чему-нибудь' [92]. Если *мок-* здесь не из *мог-* 'мочь', что маловероятно с точки зрения известных фактов русской фонетики, то глагол *намóкнуть* 'приучиться' (явно никак не связанный с омонимичным *намóкнуть* 'пропитаться влагой') может быть использован как связующее звено для обоснования гипотезы о взаимном родстве некоторых балтийских и славянских глаголов.

Прежде всего значение 'приучиться' позволяет связать русск. *намóкнуть* с близкими по значению балтийскими глаголами: лит. *mokėti* 'уметь, знать'), *mókyti* 'учить', лтш. *mâcet* 'знать, уметь', прусск. *mukint* 'учить' [93]. Это сопоставление предполагает

---

[87] Добровольский, стр. 877.

[88] Мельниченко, стр. 96. См. также Даль [2] II, стр. 189; Васнецов, стр. 115.

[89] Стефан Илчев. Към ботевградската лексика. — «Българска диалектология», I, стр. 193.

[90] Kott I, стр. 810.

[91] Pleteršnik I, стр. 815.

[92] Мельниченко, стр. 118 [из работы: В. Волоцкой. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губернии) говора. — Сб. ОРЯС 72, № 3, 1902, стр. 50].

[93] Об этой группе балтийских глаголов см.: Fraenkel 6, стр. 462—463,

рассмотрение лит. *o*, лтш. *a* корневых как рефлексов и.-е. *$\bar{o}$, что допустимо с точки зрения истории балтийского вокализма, независимо от морфологической оценки подобных рефлексов [94].

Приведенные балтийские глаголы Фасмер связал как родственные с зап.-слав. **makati* [95], к которому восходят др.-чеш. *makati* 'щупать, ощупывать, испытывать' [96], совр. чеш. *makati* 'щупать, хватать, брести ощупью' [97], слвц. *makat'* 'ощупывать, касаться, искать ощупью' [98], польск. диал. *makać* 'ощупывать, бить', *maknąć*, *maklać*, *makłać* 'ощупывать', литер. *macać* 'касаясь пальцами, руками, исследовать что-либо; перен. бить, ударять; искать; исследовать; перен. пробовать' [99], кашуб. *macac* 'щупать, касаться; щупать кур' [100], н.-луж. *makaś* 'щупать, осязать' [101], в.-луж. *masać* 'щупать' [102]. В пользу этого сближения высказывается косвенно и Френкель, объединяя балтийские глаголы, обозначающие 'учить, уметь, знать', с лтш. *màkt* 'притеснять, прижимать, удручать' [103]. Возможность родства слав. **makati* с лит. *mókyti* (и другими балтийскими словами) с точки зрения семантики подтверждается внутренним развитием этого славянского глагола и многочисленными семантическими параллелями. На базе первичного значения 'щупать, осязать' в рефлексах слав. **makati* легко развиваются вторичные значения 'узнавать, выведывать', например: чеш. *nedomakal* se toho = nedověděl se toho [104], кашуб. *vëmacac* 'разузнавать, выведывать' [105]. В качестве примеров близкого семантического развития можно привести русск. *понять*, чеш. *pojmouti* (к слав. **jęti* 'брать'), русск. *схватить* 'понять', чеш. *pochopiti* 'понять' (при *uchopiti* 'схватить'), поскольку 'брать в руки, хватать' = 'осязать, ощупывать'. Ср. также словоупотребление «*нащупать* правильное решение», «*нащупать* причину явления».

Фонетически сопоставление слав. **makati* с лит. *mókyti*, лтш. *mâcet* допускает равно и *$\bar{a}$, и *$\bar{o}$ в корне. Предположение о родстве этой группы с русск. диал. *намóкнуть* 'приучиться' тре-

---

[94] Ср.: Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 39—41; автор считает появление лит. *o*, лтш. *a* в ряду чередований и.-е.* *e* : **o*. . . на месте и.-е.* *$\bar{o}$* следствием аналогических процессов в балтийском аблауте.

[95] M. Vasmer. Baltisch-slavische Wortgleichungen. — «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 352—353.

[96] Gebauer II, стр. 303.

[97] Kott I, стр. 967.

[98] SSJ II, стр. 82.

[99] Варшавский словарь II, стр. 853, 854, 835.

[100] Sychta III, стр. 35.

[101] Муka I, стр. 852—853.

[102] Pfuhl, стр. 354.

[103] Fraenkel 6, стр. 462—463.

[104] Kott I, стр. 271.

[105] Sychta III, стр. 35.

бует лишь корневого *ō в западнославянских и балтийских формах. Одновременно это означает принятие чередования *о (в *намокнуть*): *ō и делает возможными поиски других допустимых ступеней чередования: *е и *ē.

В качестве родственного образования с вокализмом *е может рассматриваться русск. *мека́ть*, *мекну́ть* (с отглагольным *намек*) 'понимать, думать, полагать, гадать, считать, досчитываться, судить, угадывать' (с приставками *до-*, *ку-*, *на-*, *об-*, *по-*, *с-*) [106]. Считая исходным значение 'осязать, щупать' (см. **makati*), можно прийти к характерному для *мека́ть*, *мекну́ть* значению 'думать, полагать' через ступень 'искать'. О развитии в этом направлении свидетельствуют приведенные выше продолжения зап.-слав. **makati*. Значение 'искать' зафиксировано также для некоторых приставочных (от *мека́ть*) образований в русских говорах: *смека́ть* арх. 'искать, ловить' [107], ряз. 'искать, разыскивать' [108]. Есть, наконец, и прямое доказательство в пользу предположения о первичности для глагола *мека́ть*, *мекну́ть* значения 'осязать, щупать': в одном рязанском говоре записано выражение *по уме́кам* в значении 'ощупью' (Д'ефк, дъ как ты шйо́ш-та? — Дъ как йа шйу. . .дъ *пъ ум'е́кам*. . . С'л'апы́и та́х-та фс'о *пъ уме́кам*./Хто зна́ит' трапу́, тот *пъ ум'е́кам* дайд'о́т) [109]. *Уме́к* — это явно отглагольное имя, которое свидетельствует о существовании в говоре незафиксированного (возможно, уже утраченного) глагола с корнем *мек-* и значением 'щупать, осязать.' Можно думать, что это то же *мека́ть*, *мекну́ть*, что и в литературном языке, но с древним, первичным значением. Не случайно в том же говоре, где употребляется выражение *по уме́кам*, представлено и *смека́ть* в ближайшем к 'щупать' значении — 'искать' (см. выше). Представляет интерес также чеш. диал. ганацк. *tměkat* 'щупать' [110] при литературном *makati*: если здесь не было контаминации *makati* с *měkký* 'мягкий', то ганацк. *tměkat* является итеративом (**měkati*) от глагола с корнем **mek-* и со значением 'щупать', т. е. тождественно по происхождению и по форме с русск. *мека́ть*, при сохранении в то же время первичного значения 'щупать'.

Таким образом, в славянских языках представлены глаголы, восходящие к **meknǫti*, **měkati*, **moknǫti* и **makati*. Для основы **moknǫti* (русск. диал. *намо́кнуть* 'научиться') вокализм *о* в корне не может быть первичным (суффикс *-nǫ-*!). Поэтому можно предполагать, что он заимствован (вместе со значением) из какой-то родственной основы, вероятнее всего — ***močiti*, которое не сохра-

---

[106] Даль [2] II, стр. 315, а также: I, стр. 464; II, стр. 217, 601; III, стр. 271; IV, стр. 232.
[107] Даль [2] IV, стр. 232.
[108] Деулинский словарь, стр. 527.
[109] Там же, стр. 576. Ср. чеш. опав. *pomacku* 'по памяти, ощупью'.
[110] Machek [2], стр. 349.

нилось в славянских языках, но было бы близко к лит. *tókyti*, отличаясь от последнего лишь краткостью корневого гласного (аналогичное замещение исконного вокализма *e* в *-nǫ*-основе вокализмом *o* под влиянием *-i*-основы представлено в слав. **tonǫti* при **topiti*).

Брюкнер считал *мека́ть* поздним, собственно великорусским новообразованием от *ме́тить* (ср. *сметливый* и *смекливый*) [111]. Действительно, семантическая близость *мека́ть*, *мекну́ть* к *ме́тить* в истории русского языка неоспорима и часто проявляется в их ближайшем соседстве в речи. Ср. следующие контексты: и повелѣ царь князь великіи мудрецем гораздым. . .*смѣтити* и счести, колико есть число побитыхъ Казанцовъ и Руси (История о Казанском царстве, сп. XVI—XVII вв., л. 166) [112]; Турки же пришли в таборы своя, начаша силу свою *смекать* (А. Орлов. История об Азовском взятии и осадном сидении. . ., сп. к. XVII в., стр. 163) [113], былинный текст: *Смекал* Добрыня много времени, Да не мог он деньгам и *сметы* дать (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873, стр. 1078) [114]; диал. (ряз.): З'м'е́й-та йа паб'и́ла. . . *с'м'е́ку* нет! [115]. Ср. также болг. *смятам* 'считаю, думаю' [116]. Однако это параллельное употребление может быть результатом сближения похожих по звучанию слов, пришедших к сходным значениям независимо друг от друга: **mětiti* — от 'мерить' к 'считать', 'думать, замечать', **meknǫti*, **měkati*, **makati* — от 'щупать' к 'искать' и 'знать, понимать', 'думать'.

Френкель связал русск. *мека́ть*, *мекну́ть* с лит. *mĕ̃klinti* 'думать, полагать, представлять себе, догадываться, соображать, исследовать' и лтш. *meklêt* 'искать', возведя всю группу глаголов к и.-е.**mē-* 'мерить' и допустив количественное чередование **ē* (в литовской) и **e* (в русской и латышской формах) [117]. Если принять предполагаемое родство русск. *мекнуть* (**e*) с диал. *намокнуть* (**o*) и далее с зап.-слав. **makati* и лит. *mokė́ti*, лтш. *mâcet* (**ō*), то лит. *mĕ̃klinti* может занять в этом ряду место ступени **ē*. Элемент *-l-* в лит. *mĕ̃klinti*, лтш. *meklêt* сопоставим с *-l-* в польск. *maklać*, *makłać* (см. выше). Следует отметить поздний характер удлинения (*ē*, *ō*) в славянских итеративных глаголах с основой на *-a-* — **měkati* (ганацк. *mněkat*) и **makati* (зап.-слав.) в сравнении с балтийскими долготами.

---

[111] A. Brückner. Über Etymologien und Etymologisieren, II. — KZ XLVIII, 1918, стр. 196.

[112] Картотека Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР).

[113] Там же.

[114] Там же.

[115] Деулинский словарь, стр. 526.

[116] Дювернуа 8, стр. 2199.

[117] Fraenkel 6, стр. 428—429.

Русск. *дроля*

Это слово зафиксировано словарями для ярославских и уральских говоров: *дрóля* яросл. 'милый, любимый' [118], урал. 'любимый, возлюбленный' [119], но в просторечии оно распространено, вероятно, значительно шире. В этимологических словарях это слово еще не упоминалось. Известны, однако, некоторые опыты его этимологизации: О. Н. Трубачев в устном высказывании предположил его связь с *дрочить*, А. Кошелев в специальный заметке обосновал его родство с *драть* [120]. Последняя гипотеза представляется наиболее вероятной. Возможны, однако, некоторые дополнения к приведенному автором материалу и соответствующая поправка к его реконструкции. Поэтому целесообразно изложить толкование А. Кошелева подробнее.

В качестве ближайших родственных русск. *дроля* Кошелев рассматривает болг. диал. *дрóлик*, имеющее то же значение, что и русское слово, и с.-хорв. *дрóља* 'негодяй, мерзавец; грязная женская комната; проститутка'. Учитывая взаимную связь в сознании восприятия физической и моральной нечистоплотности, автор предполагает далее связь с с.-хорв. *д̏рљаж* 'гной', *д̏рљав* 'гноящийся, грязный', *д̏рљало* 'негодяй'. Хорв. *drólja* 'черга, изорванная черга (грубое шерстяное одеяло)' помогает реконструировать значение 'рвать' и оправдывает сопоставление с с.-хорв. *д̏рљати* 'царапать, бороновать', *д̏рљити* 'обнажать' и, наконец, с чеш. *droliti*, которое Голуб и Копечный истолковали как производное от *dříti* 'драть, рвать' (< праслав. **derǫ*, **dьrati*). На основании приведенного материала автор и для русского языка реконструирует экспрессивное производное от *дьрати* — **дьролити*. При этом *дроля* рассматривается как *nomen agentis* с первоначальным значением 'лишающий девственности', Наконец, приводятся диалектные образования с суффиксами *-оля* и *-уля* (последний считается вариантом суффикса *-оля*): тул. *драгóля* 'трус' (к *дрожать*), новг. твер. *сусóля* 'пьяница', арханг. *хрипýля*, *свистýля*.

Прежде всего может быть расширен круг южнославянских соответствий для русск. *дроля*: в болгарских говорах засвидетельствованы *дрóла* ж. 'женщина, которая ходит растрепанная, незастегнутая' и *дрóл'о* м. 'мужчина, который ходит растрепанный, незастегнутый' [121] (ср. приведенное выше с.-хорв. *дрољa*). С чеш. *droliti* 'крошить, молоть, дробить' могут быть отождествлены по происхождению слвц. диал. *drúlit'* 'толкнуть, пихнуть, сунуть' [122],

---

[118] Мельниченко, стр. 61.

[119] Сл. сред. Урала, стр. 145.

[120] А. Кошелев. Етимологически бележки. Руско диал. *дрóля*. «Език и литература» XIX, кн. I, 1964, стр. 77—79.

[121] Максим Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. «Българска диалектология», III. София, 1967, стр. 60.

[122] SSJ I, стр. 335.

польск. диал. *drulić* 'толкнуть' [123], укр. диал. галицийск. *дру́лити* 'толкнуть' [124], бойков. *друл'а́ти*, *дрил'а́ти* 'толкать' [125], болг. диал. *дру́л'ам* 'трясти (главным образом одежду)' [126], *дру́лям* 'рвать, изнашивать одежду', 'сдирать кору с дерева' [127]. Авторы нового этимологического словаря болгарского языка приводят мнение Бернара о родстве болг. *дру́лям* 'рвать' с чеш. *droliti*. Вместе с тем они разделяют по происхождению *друлям* в разных значениях, объясняя возникновение *друлям* 'трясти' сложной цепью контаминаций [128]. Вполне возможно, что контаминация имела место и повлияла на фонетический облик слова, но *друлям* в обоих значениях является, скорее всего, единым словом.

Значения всех приведенных глаголов: 'толкать', 'крошить, молоть', 'изнашивать одежду' и 'трясти одежду', — очевидно, близки друг к другу. Некоторые сомнения при объединении этих глаголов вызывает корневое *u* в польской, украинской, словацкой и болгарской формах (при *o* в чешской). Его возникновение можно приписать более или менее однородным процессам изменения $\bar{o} > u$, которые известны всем этим языкам [129], хотя конкретные причины удлинения *o* в данном случае неясны.

С с.-хорв. *др̏љати*, *др̏љити* должны быть объединены болг. *дъ́рля се* 'ссориться', диал. 'сердиться, браниться, кашлять' [130], диал. *дърл'ѣ́ съ* 'огрызаться, ругаться' [131], *др̥́л'ам* 'кусать, хватать (о собаке)' [132], чеш. *drltiti* 'трясти, дробить' [133], слвц. *dŕlat'* 'ссориться' [134]. Родство приведенных болгарских, сербских и словацкого глаголов с **dьrati* установлено Миклошичем и Бернекером [135], чешский глагол отнесен туда же Коттом [136]. Миклошичем приведено также ст.-слав. **дрълѣние** 'спесь, заносчивость, кичливость' [137].

---

[123] Варшавский словарь I, стр. 565.

[124] Гринченко I, стр. 449—450.

[125] М. И. Онишкевич. Словник бойківського діалекту. Львів, 1960, стр. 50, 55 (рукопись).

[126] Тодор Стойчев. Родопски речник. «Българска диалектология», II. София, 1965, стр. 155.

[127] БЕР VI, стр. 433.

[128] Там же.

[129] А. М. Селищев. Славянское языкознание, I. Западнославянские языки. М., 1941, стр. 114—115, 118, 340—341; Стойко Стойков. Българска диалектология. София, 1968, стр. 95.

[130] БЕР VI, стр. 463.

[131] Константин Мечев. Особени думи и изрази в еленския говор. «Българска диалектология», II, София, 1965, стр. 316.

[132] Лука Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. «Българска диалектология», II, стр. 76.

[133] Kott I, стр. 310.

[134] Machek [1], стр. 96.

[135] Miklosich, стр. 41; Berneker, стр. 255.

[136] Kott I, стр. 310.

[137] Miklosich, стр. 42 (под *derl-*).

Дальнейшие поиски родства выводят за пределы славянских языков. Последняя группа славянских глаголов дает основания для реконструкции праслав. *dьrliti, которое связано далее с лит. *nudìrlioti* 'обдирать кожу, оболочку', что было отмечено Бернекером[138]. Представляется возможным установление балтийских соответствий также для русск. *дроля* (и тождественных южнославянских имен) и чеш. *droliti* и тождественных глаголов в других славянских языках): это лит. *drãlas* 'драчун, задира' и *drãlyti* 'драть, рвать'[139], которые Френкель считает собственно литовскими образованиями от *der-*[140]. Можно, следовательно, реконструировать балто-славянские глаголы **d*r̥*liti*, **droliti* и именную основу **drol-*, являющиеся производными от корня **der-* 'драть, рвать'. Следует отметить, что реконструкция **droliti*, **drol-* для праславянского с нулевой огласовкой корня *dr-* оправдывается не только структурой балтийского соответствия, но и собственно славянскими данными: в соответствующих славянских образованиях нет никаких следов редуцированного между *d* и *r*, что делало бы необходимой предлагаемую Кошелевым реконструкцию **dьroliti*.

Суффикс *-*ol-* представлен в отглагольном словообразовании как славянских языков (помимо приведенных Кошелевым русских образований, можно указать с.-хорв. *жгȍља* 'урод' при *жа̏гнути* 'кольнуть, заболеть; вывихнуть'[141], чеш. *škrhola* прозвище глупца при *škrhati* 'стрекотать'[142], *pěchol* горн. 'пест, дробильная часть ступы' при *pěchovati* 'трамбовать, пихать'[143], *drdol* 'узел волос' при *drdati* 'тереть', *drdati se* 'чесаться'[144]), так и балтийских: ср. лит. *dañgalas* 'покров' (к *deñgti*), *raĩkalas*, *reĩkalas* 'дело' (к *reikė́ti*), *ãvalas* 'обувь' (к *aũti*), *ver̃palas* 'пряжа' (к *ver̃pti*), *ė̃dalas* 'свиной корм' (к *ė́sti*) и т. п.[145] Суффикс *-*ol-* возможен также в балтийских производных глаголах с деминутивно-итеративным значением, например: лит. *darbalioti* 'медленно, вяло работать' (к *dìrbti*), *pilstalioti* 'лить, сыпать' (к *pìlstyti* 'разливать'), латш. *jūgalāt* (к *jūgt*) и т. п.[146], ср. аналогичные славянские образования: чеш. *drmoliti* 'болтать, тараторить' (и *drmola*

---

[138] Berneker, стр. 255.

[139] Ю. Шлепелис. Литовско-русский словарь, т. I. Вильнюс, 1921—1926, стр. 105.

[140] Fraenkel 2, стр. 105—106 (под *dr̃ylius*).

[141] И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 174, 172.

[142] PSJČ V, стр. 1090; Tvoření slov v češtině, d. 2. Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967, стр. 762.

[143] PSJČ IV, стр. 170, 171; Tvoření slov v češtině, ... стр. 255.

[144] Machek¹, стр. 95.

[145] A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891 (=Abhandlungen der philologisch-historische Classe der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd XII), стр. 472—475.

[146] Там же, стр. 477—478.

'болтун)' — родственно слвц. *drmati* 'трепать, дергать'[147], диал. морав. *drápolit sa* 'лезть куда-нибудь' (к *drápati* 'царапать')[148]

Лескин отметил, что для балтийских образований с суффиксом **-ol-* особенно характерен полный вокализм корня[149]. Судя по *nudìrlioti* и *pilstalioti* (см. выше), возможен также вокализм в ступени редукции. Приведенные выше славянские образования также имеют полный вокализм или вокализм в ступени редукции, причем в обоих случаях в производных (на **-ol-*) словах лишь воспроизводится ступень корневого вокализма, характеризующая производящую основу. Это принципиально отличает продуктивные балтийские и славянские образования с **-ol-* от реконструированных балто-слав. **droliti* и **drol-* (имя) с их нулевой огласовкой корня (при отсутствии этой огласовки в производящем глаголе). Очевидно, эти последние можно отнести к наиболее архаичному пласту основ с суффиксом **-ol-*, соответствующих по своей структуре индоевропейской основе II (по терминологии Бенвениста), предполагающей нулевой вокализм корня и полный вокализм суффикса (правда, в **drol-* суфикс имеет огласовку *o*, а не *e*).

Рассматриваемые образования с суффиксом **-ol-* от корня **der-* не являются для данного корня единственно возможными: как результат осложнения этого корня может рассматриваться основа **dron-* в болг. *дрóнье*, *дрóнци* 'лохмотья'[150] и с.-хорв. *дрóња* 'неряха'[151].

Сопоставление значений глаголов **dьrliti* 'царапать, трясти, дробить', **droliti* 'толкать, молоть, трясти, рвать', а также южнославянских и литовского имен, восходящих к **drol-* (болг. *дрóла* 'неряшливая женщина', с.-хорв. *дрóља* 'негодяй, мерзавец; грязная женская комната; проститутка', лит. *drãlas* 'драчун, задира'), заставляет считать наиболее реалистичным предположение о возникновении ласкательного значения русск. *дрóля* — 'милый, любимый' — на базе одного из двух значений: 'неряха' или 'задира', ср. ласкательное употребление слов *замарашка*, *мурзик*, *чумазик*, с одной стороны, и *пострел*, *постреленок*, *разбойник* — с другой. Последний путь ('задира → 'милый') представляется самым вероятным.

Русск. *-нáчить*

Русскому просторечию известны два приставочных образования с этим корнем: *поднáчить* (*поднáчивать*) 'подзадоривать, подстрекать к чему-либо'[152] и *занáчить* (*занáчивать*) 'брать без отдачи'.

---

[147] M a c h e k [1], стр. 96.
[148] Там же, стр. 94.
[149] A. L e s k i e n. Указ. соч. стр. 472.
[150] БЕР VI, стр. 431.
[151] RJA 8, стр. 790.
[152] «Словарь современного русского литературного языка», т. 10. М., 1960, стр. 474.

По диалектам зафиксирован также урал. *зана́чка* 'засекреченное место в доме, где прячут что-либо (ключи и под.)' [153], яросл. *подна́чивать* 'подделываться, заминать, затушевывать, подлизываться, подговариваться' [154], твер. *сначить* 'взять' [155], *отна́чить* яросл. 'отвесить отмерить' [156], офенс 'отдать, отнести' [157], влад. *перена́чить* 'перенести, перетаскать' [158]. Далем отмечено в жаргоне воров бесприставочное *начить* 'брать, красть' [159]. Возможно, к этой группе принадлежит казан. *поначи́ться* 'представиться, показаться' [160] и олон. *пона́кнуться* 'согласиться, сговориться' [161] (ср. выше яросл. *подна́чивать*'. . .подговариваться').

Несмотря на фиксацию бесприставочного глагола, первичное значение установить трудно: значения глаголов *подна́чивать*, *пона́кнуться* не выводятся из 'брать', засвидетельствованного для *начить*, поэтому приходится считаться с возможностью развития значения 'брать' как вторичного. Зафиксированные для *подна́чивать* значения 'подзадоривать, подстрекать к чему-либо' (просторечн.) и 'подделываться, заминать, затушевывать, подлизываться, подговариваться' (яросл.) позволяют предполагать для *начить* в качестве первичного значение 'нести (что куда), вести (кого куда)', из которого могло развиться и значение 'брать': ср. значение слав. **berǫ* при греч. φέρω 'несу'.

Этимологические словари обходят эту группу русских глаголов молчанием. В качестве опыта этимологизации русск. *-начить* представляется возможным предположение о его родстве с архаичным кашубским глаголом *пačёс*, *пačі* 'потчевать, угощать'. Этот глагол представлен в окружении следующих производных: *опačёс* 'отгонять, отвращать (болезнь)', *odопačёс* 'отгонять', *ипačёс* 'угостить', *пačba* 'пребывание в гостях', *пačk* 'гостеприимный, щедрый человек' [162]. По значению могут быть сближены не только русск. *отна́чить* 'отвесить', 'отдать, отнести' с кашуб. *опačёс*, *odопačёс* 'отгонять', но и русск. *подна́чивать* 'подзадоривать, подстрекать', 'подделываться' с кашуб. *пačёс* 'потчевать, угощать'. С другой стороны, ср. и семантическую модель русского выражения «*принимать* гостей».

Близкие глаголы обнаруживаются, на первый взгляд, и в других языках: укр. *она́чити* 'иначе делать, изменять', *она́чит* 'ни то, ни се делает' [163], польск. диал. *опасzyć* 'надоедать, мучить,

[153] Сл. сред. Урала, стр. 179.
[154] Мельниченко, стр. 151.
[155] Опыт, стр. 209.
[156] Мельниченко, стр. 137; Даль [2] II, стр. 740.
[157] Даль [2] II, стр. 740.
[158] Дополнение к Опыту, стр. 178.
[159] Даль [2] IV, стр. 244 (под *сна́чить*).
[160] Дополнение к Опыту, стр. 199.
[161] Куликовский, стр. 88.
[162] Sychta III, стр. 178, 179.
[163] Гринченко III, стр. 54.

медлить'[164], 'делать (определенным образом), мучить'[165], чеш. *onačiti* 'менять', *zaonačiti* 'обеспечить, устроить'[166], слвц. *onačit' se* 'колебаться', *vynačit'* 'напугать, вспугнуть', *zaonačit'* 'устроить'[167]. Однако почти во всех этих образованиях присутствует начальное *о*-. Эта фонетическая форма в сочетании со значениями типа 'изменять', 'делать ни то ни се', 'колебаться' оправдывает возведение данных глаголов к местоимению **onakъ*, как они обычно и объясняются[168].

Не восходят ли к **onakъ* и русск. *начить*, кашуб. *naččc*? Отсутствие начального *о* в русских формах и равноправность *о* с другими приставками в кашубских формах позволяют предполагать здесь корень **nak*-, а не **onak*- (хотя, конечно, известны и случаи утраты начальных гласных вследствие деэтимологизации — ср. вят. *понáче* 'получше', иногда и 'похуже'[169] < **поиначе*). В пользу предположения о корневом **nak*- свидетельствуют как будто и значения русских и кашубских глаголов: здесь отсутствует непосредственная связь со значением местоимения.

Принимая реконструкцию праслав. **načiti* со значением 'нести, вести', следует считаться с возможностью сближения и контаминации **načiti* и **onačiti*, образованного от **onakъ*, на тех территориях, где местоимение **onakъ* широко употребляется (в русских говорах оно не зафиксировано). Так могут быть объяснены некоторые значения глаголов, возводимых к *onačiti*, например слвц. *vynačit'* 'напугать, вспугнуть'.

Предполагаемое праслав. **načiti* 'нести, вести' можно, далее, связать с группой балтийских глаголов: лтш. *nākt* 'идти, наступать, происходить, становиться', *nonākt* 'созреть, спуститься, достигнуть, произойти'[170] и лит. *nókti* 'созревать, голодать', *nokìnti* 'давать созреть (о плодах), мучить голодом, бить', *panókti* 'догнать', *pranokėjas* 'предшественник'[171]. Исходным значением для этих балтийских глаголов было 'достигать, приходить'[172]. При учете

---

164 Karłowicz, III, стр. 447—448.
165 Варшавский словарь III, стр. 780.
166 PSJČ III, стр. 1065; VII, стр. 1082.
167 SSJ II, стр. 566; V, стр. 257, 489.
168 Brückner, стр. 379—380; Machek², стр. 414 — ср. приведенные Махеком глагольные образования от местоимения *ono(+dieti)*: морав., слвц. *ondit'*, *ondzit'*, *ondiat'*, чеш. *ondati*, а также в.-луж. *vonodźić*, н.-луж. *wónożeś*, болг. *onodja*, *onoždam*, с.-хорв. *onidit*, *onedjat*; за пределами славянских языков: лит.*anúoti* 'копаться', хет. *annija* и лув. *anni* 'делать', греч. ἀνύω 'делать'.
169 Васнецов, стр. 236.
170 Mühlenbach — Endzelin XIX, стр. 698—700; XXI, стр. 824.
171 J. Šlapelis. Lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Vilna [б. г.] стр. 250, 304, 366.
172 E. Fraenkel. Zu litauischen Mundarten. — KZ 61, 3/4, 1934, стр. 262—263; Fraenkel 7, стр. 506—507.

различия глаголов состояния, преобладающих в группе балтийских глаголов, и каузативных славянских глаголов, с этим исходным для балтийских форм значением 'достигать, приходить' может быть согласовано и предполагаемое для слав. **načiti* значение 'нести, вести' (=заставлять кого-то прийти к чему-то, достигнуть чего-то). Ср. лит. *nokìnti* 'давать созреть' и русск. *поднáчить* 'подзадорить', с одной стороны, и семантические связи в русск. *нести* и *нестись* 'быстро двигаться', с другой стороны.

Учитывая значения лит. *nokìnti* 'мучить голодом, бить', можно предполагать, что следы слав. **načiti* сохранились в польск. *onaczyć*, одно из значений которого — 'мучить' и которое, в таком случае, лишь в результате контаминации с **onačiti* приобрело свое начальное *о-*.

Х. Шустер-Шевц

СЕРБО-ЛУЖИЦКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. В.-луж. hwiždźel [f'iždźel] 'голень'.

Э. Мука[1], а вслед за ним Бернекер[2] и Махек[3] рассматривают это слово как первоначальное **hiža*, **hižela* (кстати, не засвидетельствованное в верхне-лужицком!), «испорченное» под влиянием в.-луж. *hwizdać* 'свистеть'. Однако, по нашему мнению, слово *hwiždźel* следует совершенно отделить от приведенного выше балто-славянского названия части ноги[4]. Здесь может идти речь, наверняка, только об относительно позднем вторичном переносе в верхнелужицком: *hwiždźel* 'дудка' > 'голень'. Это слово связано с в.-луж. *hwiždźałka* и обозначало первоначально вообще только дудку. Лишь после упомянутого переноса 'дудка' > 'кость голени' первоначальный деминутив был возвышен до функции современного полнозначного наименования. С течением времени *hwiždźel* утратило характер метафоры. Формант *-el* в *hwiždźel*, видимо, получен в результате позднейшего перехода '*a* > 'e в верхнелужицком, ср. также чеш. *pišt'al*, полаб. *páis'tal*, русск. *пищаль* и т. д. Но заслуживает также внимания вариантность обоих формантов в польск. *piszczel*, наряду со стар. и диал. *piszczal*.

Решающее значение для упомянутого переноса обозначений имели изменения в материальной культуре. В древности, вплоть до средневековья, славяне изготавливали дудки главным образом из трубчатых костей животных и человека, так что ассоциация между продолговатой костью голени и сделанной из нее дудкой легко могла возникнуть[5]. Единственно нижнелужицкий обнаруживает в слове *gižla* 'голень' соответствие праславянскому названию (ср. также польск. *giża*, *giżela* 'голень, кость ниже колена', слвц. диал. *gižla*, иронически — 'нога'). Можно было бы говорить о фактической контаминации н.-луж. *gižla* и в.-луж. *hwiždźel*

---

[1] Muka I, стр. 252.
[2] Berneker I, стр. 374.
[3] Machek[1], стр. 153.
[4] Ср.: Berneker I, стр. 374.
[5] Ср.: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd 8. Berlin, 1926, стр. 394 и особенно: K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian II, 2, Warszawa, 1968, стр. 1247, сл.

на примере формы *gizdźal*, выступающей в нижнелужицко-верхнелужицкой пограничной области (Нохтен), ср. здесь также польск. диал. *gidzał*, чеш. диал. *hyžďaly* мн. 'длинные ноги'. Кроме того, Отрембский[6] видит контаминацию слов *giża* и *piszczal* также в польск. диал. *giczal*.

2. Вост. -н.-луж. *hobisko* 'почка (в живом организме)'

Речь идет о названии почки, не отмеченном существующими сербо-лужицкими словарями. Оно засвидетельствовано только в восточнонижнелужицком диалекте Шлейфе. Это слово восходит к **ob-ist-ъko* и соответствует словен. *obist* ж. р. 'почка', др.-русск. *исто*, род. п. *истесе*, русск.-цслав. *об-истьѥ* ср. р. то же. Поскольку подобные формы до их пор не засвидетельствованы из других западнославянских языков [7], это восточнонижнелужицкое название почки приобретает особое значение. Благодаря ему делается более очевидным первоначально общеславянский характер этого названия почки.

Собственно нижнелужицкий и северные диалекты верхнелужицкого называют почку заимствованным из немецкого словом *ner(k)a/nĕr(k)a* (Вольфенбюттельская псалтырь XVI в.: *nierih* им. п. мн., *nihrii* вин. п. мн.; H. Swótlik. Vocabularium latino-serbicum, 1721: *nĕrka* 'ren'), верхнелужицкий в собственном смысле слова — с помощью слова *jĕrcheń(k)*, которое связывают со ср.-в.-нем. *irch* 'белая дубленая козлиная кожа' [8].

3. В.-луж. *kuntwora*, диал. также *kuntora* (диалект Хойерсверда) 'комар', *kuntyrpysk*, *kuntrpysk* 'комар', 'молокосос', 'тот, кто крутит носом' (Pfunl), J. H. Swótlik. Vocabularium latino-serbicum, 1721: *kuntwora* 'culex, insectum', Schmutz-Pötzschke (рукописный словарь XVIII в.): *kuntwor*, *-a/kuntwora*, *-y*, Junghähnel (рукописный словарь): *kuntwor* (*kontwor*)/*-wora*; н.-луж. *kuntwor*, *kuntor/kuntora*, *kunt(w)oraš(k)*, *kuntolica*, *kuntoraz*, *kunturlica* (Muka), *konturlica/ kunturlica* (Zwahr Wb., 1847), *kóntor* (Hauptmann, 1761).

Речь идет о немецком заимствовании, которое до сих пор не привлекало внимания, ср. ср.-в.-нем. *kunder*, *kunter* 'живое существо, животное, особенно чудовище' (*der helle kunder* 'черт'), также в качестве ругательства [9]. Изменение значения 'крупное животное (чудовище)' → 'комар' (т. е. 'маленькое существо) может быть объяснено как энантиосемия [10]. В сербо-лужицком слово частично испытало фонетические изменения (*-er* > *-or*, *-wor*).

---

[6] J. Otrębski. Życie wyrazów. Poznán, 1947, стр. 276 сл.

[7] Э. Маевский упоминает польск. *iisty* мн. в значении 'ziemiaki w łupinach' (E. Majewski. Nazwy ludowe kartofla i ich słowowód. — PF V). Насколько здесь имеются основания говорить еще об одном исконном западнославянском названии почки, решить трудно.

[8] Ср.: H. H. Bielfeldt. Die deutsche Lehnwörter im Obersorbischen. Leipzig, 1933 (=Veröffentlichungen des Slav. Inst. Berlin, № 8), стр. 151.

[9] M. Lexer s. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1953.

[10] Ср. по этому поводу: E. Fraenkel. — KZ, 63, стр. 194 сл.

Ср. также лит. *kunteris* 'маленькая, но сильная лошадь', которое Френкель [11] производит из вост.-прусск. *kunter*.

4. В.-луж. *liwki* 'тепловатый', стар. также *lěwki* (Bose. Wörterbuh, 1840: *ljewki*, *ljewko*[*z*), J. H. Swótlik. Vocabularium latino-serbicum, 1721: *liwki*, *liwkužki* 'tepidus, tepidulus', Ludovicius', XVII в.: *liwki*; н.-луж. *glěwki*, *glěwny* 'тепловатый, мягкий', диал. также *glewki*, *glawki*, *glowki* (**glěv-*), у Якубицы, 1548 г., а также в диалектах Шлейфе и Мужакова (Мускау): *gliwki*, Chojnanus, 1650: *glewko*.

Э. Мука [12] предполагает заимствование (возможно, из нем. *lauig*), а начальное *g-* объясняет как вторичное наращение согласного. Но, по нашему мнению, эти сербо-лужицкие слова связаны с чеш. *leviti* 'ослаблять, унимать', *po-leviti*, *u-leviti* 'уступать, утихать', *ob-leva* 'оттепель', *levný* 'дешевый, умеренный', диал. также *l'avnit'* 'унимать', укр. *лівити* 'уступать,утихать'. В качестве корня следует реконструировать **glēu̯-/*glīu̯-*, причем в славянском наступило частичное вторичное упрощение начальной группы *gl-* > *l-*, подобно тому как в польск. *łydka*, чеш. *lýtko* 'икра (ноги)' из **glyd(t)a*, ст.-польск. *łaskać*, в.-луж. *łoskotać* ⩽ **glŏsk-* (ср. ст.-польск. *głaskać*) и т. д. [13] Дальнейшая родственная связь этой славянской семьи слов не вполне однозначна. В. Махек [14] приводит, со ссылкой на Бернекера [15], лит. *liáuju*, *liáuti(s)* 'прекращать, переставать'. Что касается фонетической стороны соответствия, ср. также праслав. **sěverъ* 'север' и лит. *šiaurė* то же. Но столь же достоверно исконное родство с нем. *lau*, ср.-в.-нем. *lâ*, *læwe*, *lâw*, прилаг. 'тепловатый, мягкий', ср.-н.-нем., н.-нидерл. *lauw* и т. д. [16], англос. *hlēow* 'теплый, солнечный', др.-исл. *hlær* 'мягкий (о погоде)', бав. *läunen* 'таять', швейц. *lūm* 'мягкий (о погоде)', которые у Клюге-Гётце [17] возводятся все через посредство герм. **hlēwa/*hlewa* к и.-е. **k'leu-* [18]. При этом и здесь опять-таки наблюдается частичное отпадение начального *k-*. Славянские формы, к которым примыкают литовские, обнаруживают параллельную форму со звонким начальным согласным (но не *g'* палатальное). Разительное во всяком случае формальное соответствие имеется также с укр. *глевкий* 'липкий, тягучий', слвц. *hliviet'* 'бездельничать, лодырничать' (nič nerobit', žit', ležat' v nečinosti, nebyt' činný i zahálat'),

---

[11] Fraenkel I, стр. 311.

[12] Muka I, стр. 272; E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891, стр. 273.

[13] Ср.: H. Schuster-Sewc. — «Slavia» XXXII, 1963, стр. 177.

[14] Machek [2], стр. 329.

[15] Berneker, стр. 715.

[16] Kluge — Götze, стр. 439.

[17] Там же.

[18] Ср.: Pokorny I, стр. 551.

польск. *gliwieć/glewieć* 'портиться (о сыре)'[19], руск. диал. *глев(а)* 'слизь на рыбе', укр. *глива* 'гриб печеночник', чеш. *hlíva* 'род губки', сербохорв. *гљива*, н.-луж. *gliwka* 'смола на вишневых и сливовых деревьях и т. п.', ср. также лит. *gleĩvės*, *gleĩviai* 'слизь', *gleivė̃ti* 'покрываться слизью', лтш. *glievs* 'слабый, вялый', *glēvs* 'вязкий, как слизь, вялый'[20]. Обе семьи слов до сих пор разделялись, видимо, по причине расхождения в значении. Но семантическую связь восстановить возможно, если понимать значения 'слизистое', 'вялое' или 'мягкое' как антонимы к значениям 'твердое', 'тугое' или 'жесткое' аналогично отношению значений 'чуть теплый, мягкий' — 'теплый' и 'холодный'. В таком случае следует считать общей исходной формой **gloi̯v-* (праслав. *glěvъ*) /**glei̯v-* (праслав. **glivъ*)[21].

5. В.-луж. *mjadro* 'катаракта, бельмо (глазная болезнь)', ум. *mjadreško* 'пленка на глазном яблоке', *mjadrić* 'болтать как спьяна'.

Связано с праслав. **mę̨zdra/o*, ср. чеш. *mázdra* 'кожа', стар. и диал. *mázdro*, *ḿázdro*, *mázderko*, русск. *мяздра* 'изнанка меха, мясо на внутренней стороне меховой шкуры', *мяздрить* 'обдирать, отчищать шкуру', сербохорв. *мéздра* 'пленка, мездра', словен. *mȇzdra* 'внутренний слой кожи, молодая кожа на ране, заболонь под корой дерева', *mézdro* 'лыко', польск. *miązdra*, диал. *mię̨zdra* и т. д. В сербо-лужицком группа звонких согласных *zdr* подверглась упрощению в *dr*. Ср. аналогичное развитие группы глухих согласных *str* > *tr* в *sotra* ⩽ *sostra*, *wótry* ⩽ *wóstry* и т. д. Примеры *zdr* > *dr* до сих пор не были известны в верхнелужицком. Развитие значения: 1. 'кожа' > 2. 'кожица, пленка на глазном яблоке как проявление помутнения хрусталика' > 3. 'катаракта, бельмо (глазная болезнь)'.

6. В.-луж. *ropr* 'длинный суконный мужской сюртук; воскресный сюртук'[22], в современном разговорном верхнелужицком языке также 'прочая мужская плотная верхняя одежда'.

Речь идет о названии, которое явно ограничивается только верхнелужицким языком. Подобное название неизвестно уже нижнелужицкому. Мы относим это слово к семейству н.-луж. *ropa* 'складка, морщина', чеш. *vráp*, *vrapa* то же ⩽ **vorp-*[23]. В.-луж. *ropr* в таком случае первоначально обозначало сюртук с множеством складок. Но возможно также, что в в.-луж. *ropr* отражено то же значение, что и в родственном нем. *werfen* 'бросать', ср. *Überwurf* 'накидка'[24]. В словообразовательном отношении

---

[19] Ср.: Sławski I, стр. 285.
[20] Fraenkel I, стр. 157.
[21] Ср. также: Pokorny I, стр. 364.
[22] Pfuhl, стр. 591.
[23] Machek[2], стр. 698.
[24] Kluge — Götze, стр. 871.

здесь представлено старое производное от корня (*гор-гъ), как в в.-луж. *čap(o)r* [25].

Прочие производные от *vorp- представлены в н.-луж. *ropak* 'мужчина с морщинами на лице, особенно на лбу', *rop-awa* 'морщинистая женщина', *ropaśica* 'платье со сборками, у девушек'.

7. В.-луж. *zelić* 'браниться, громко извергать проклятья', někoho do zemje *zazelić* 'проклясть кого-либо'.

По сравнению с в.-луж. *kleć*, *zakliwać*, которое тоже значит 'клясть, проклинать', слово *zelić* относится скорее к разговорному стилю. Мы сближаем это слово с и.-е. корнем **gal-* 'кричать [26], ср. русск. *галиться* 'насмехаться', *галить* 'улыбаться', чеш. *háliti* 'громко смеяться', польск. *gałuszyć* 'бушевать', кашуб. *gałowac* 'кричать', блр. *галіць* 'подгонять, понукать' [27], причем для верхнелужицкого следует исходить из формы с иным началом слова. Этот вариант мог возникнуть благодаря принадлежности слова к аффективной сфере языка (экспрессивное звуковое изменение), но не исключена и возможность древнего сатэмного дублета с гласным *-e-* в корне. Ср. сюда же ср.-в.-нем. *gellen*, др.-в.-нем. *gellen* 'звучать, звенеть, кричать', которое равным образом отражает **ghel-* со ступенью *-e-* [28]. Можно было бы реконструировать следующее семантическое развитие в.-луж. *zelić*: 1. 'кричать' > 2. 'извергать брань, проклятья' > 3. 'проклинать, браниться'.

К разобранному славянскому лексическому семейству принадлежит, конечно, и в.-луж. *halekać* 'кричать',родственное слвц. *halačit'*, *halákat'* 'кричать, громко петь'.

8. Н.-луж. стар. *źrjon(o)* 'дерево' (Вольфенбюттельская псалтырь XVI в.: *shrono* 'arbor', Губенская рукопись XVII в.: Jaden dobry *ſchron*).

Мука [29] ошибочно транскрибирует это слово как *śŕono*. Р. Траутман, издатель нижнелужицкой Вольфенбюттельской псалтыри, отмечает в своих дополнениях к словарю Муки: «Форма восстановлена ошибочно; должно быть *źrjono* или *žrjono*. Происхождение остается темным» [30]. Тем самым лишается оснований гипотеза, выдвинутая Мукой, согласно которой это слово восходит к первоначальному *črěnъ* (< **černъ*), ср. польск. *trzon* 'рукоятка', чеш. *střěn(a)* то же, слвц. *črienka*' черенок ножа', русск. *черен*, *черенок* и т. д. Рассмотренное н.-луж. слово можно правильно объяснить только в том случае, если сближать его с

---

[25] Ср.: H. Schuster-Šewc. Deutsch-Slawisches aus dem Bereich der Etymologie. «Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen aus dem Bereich der Etymologie». Berlin, 1969, стр. 185—186.
[26] Pokorny I, стр. 350.
[27] Vasmer I, стр. 254.
[28] Pokorny I, стр. 428.
[29] Muka II, стр. 665.
[30] Ср.: Muka III, стр. 241.

н.-луж. *drjon* (Chojnanus. Linguae Vandalicae, 1650: Baum *dron* et bom[31]), до сих пор не привлекавшим внимания.

Это последнее представляет собой отправную форму для объяснения слова *źrjon(o)*, причем, как и в н.-луж. *źurja/źuri* ⩽ **dvьŕ-* или *laźwjo* ⩽ **lędvьję*, нужно предполагать вторичную палатализацию *d* перед мягким *ŕ* (*dŕon-* > *d'ŕon-* > *dźŕon-* > *źŕon-*). Дальнейшие родственные связи слова получают тогда однозначный смысл, оно принадлежит к праслав. **dernъ* 'бирючина, дерен Cornus', ср. в.-луж. *drěn*, чеш. *dřín*, польск. *drzon* 'Berberys', кашуб. *dřon*, *drežon*. Форма среднего рода *źrjono* в Вольфенбюттельской псалтыри явно испытала влияние со стороны н.-луж. *drjowo/drjewo*, которое она заменила.

Перевел с немецкого
О. Н. Трубачев

---

[31] В существующих нижнелужицких словарях лексема *drjon* не упоминается.

Л. В. Куркина

СЛОВЕНСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Исследование словарного состава славянских языков в плане выявления диалектных лексических связей является одной из важнейших задач славянского языкознания. Применительно к словенскому языку эта задача приобретает особую остроту в связи с тем, что словенская лексика еще недостаточно изучена, еще недостаточно глубоко и широко введена в научный обиход.

В настоящей работе сделана попытка наметить внутриславянские, преимущественно восточнославянские, связи для небольшой группы словенской лексики. В отдельных случаях найденные внутриславянские соответствия позволяют уточнить, выяснить происхождение некоторых словенских слов, утративших внутреннюю мотивированность. Бóльшая часть приводимого материала приходится на те случаи, когда словенские параллели лишь расширяют ареал распространения некоторых лексем, в частности восточнославянских. Предполагаемые лексико-семантические соответствия и параллели дополнят список словенских диалектизмов, уже отмеченных в этимологических словарях Миклошича, Бернекера, Фасмера, исследованиях по словенской лексике Ф. Безлая [1].

Следует заметить, что устанавливаемые локальные связи нельзя признать абсолютными, поскольку с привлечением новых диалектных материалов возможны изменения, уточнения границ распространения изучаемых лексем.

Словен. *drâjna* 'необузданное поведение', *drâjnati* 'шуметь, бушевать; необузданно вести себя', ср. *tamkaj pleše, tamkaj drajna* (Pleteršnik I, стр. 67) представляют, видимо, диалектное отражение форм с мягким согласным в исходе основы — **dran'a*, **dran'ati*. Дифтонгизация корневого гласного в позиции перед мягким согласным характеризует некоторые словенские диалекты, преимущественно ровтарские, северо-восточные и юго-восточные [2]. Словенским формам соответствуют чеш. *dráňat* 'попрошайничать, клянчить', *dráně̌t* 'глядеть на что-либо как на лакомый кусок',

[1] Прежде всего имеется в виду: F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

[2] F. Sławski. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962, стр. 60, 66.

зап. Моравия. Махек рассматривает только чешские формы в соответствующей статье словаря и толкует их как производные от ст.-чеш. *dránie* 'насильственный сбор налогов' (Machek[2], стр. 126). Словен. *drâjnati* также может быть произведено от **dьran-* < **dьrati*, ср. русск. *деру*, *драть*, словен. *dérem*, *dréti*. Интересно отметить, что русские диалекты сохраняют в близком значении имя *дрань* в выражении «Я тебе такую *дрань* задам!» (Куликовский, стр. 20).

Словен. *dúcniti*, *dûcnem* 'толкнуть' (Pleteršnik I, стр. 183) имеет соответствие в укр. *ду́цати*, *ду́цнути* 'бить лбом (слегка)'[3]. Видимо, звукоподражательные образования. Ср. сходный словен. глагол *duzati*, *duzniti* 'совать, ударить' с иным ареалом распространения (Bezlaj. Eseji, стр. 124—125).

Словен. *glomẹ́ti,-ím* 'быть жадным, настойчиво требовать', ср. *krava glomi po mladini* 'корова жадно щиплет молодую траву' (Pleteršnik I, стр. 219), возможно, родственно полесск. *гла́мат*, 'есть (о свиньях)', ср. *кабан тро́хи гла́мав дэј пэрэста́в*, и *гомо́л'ати* 'есть, уминать, жевать' (Лексика Полесья, стр. 81), если для последней формы предположить метатезу *м*~*л* и развитие полногласия. Не очень ясна структура исходного корня. Ср. лит. *glem̃žti* 'поспешно собирать, захватывать что-либо силой', интенсив. *glamžýti*, лтш. *glemzt* 'есть что-либо без аппетита; чистить; болтать чепуху', *glem̃žat* 'неаппетитно есть, торговать ветошью и др.' Корень **glem-*, см. Fraenkel 2, стр. 156.

Словен. *gúrati* 'притуплять, зазубривать; напрягать, мучить' (Pleteršnik I, стр. 261) не имеет убедительной этимологии. Одни авторы объединяют его с с.-хорв. *гу́рати*, *гу̑ра̑м* 'толкать' и далее связывают чередованием с русск. *жури́ть* 'бранить, отчитывать', словен. *žúriti* 'принуждать, торопить' (Фасмер II, стр. 68), другие ставят эту связь под сомнение.

Словенские словари отмечают диал. *gura* 'кляча', *zgúran* 'измученный, ободранный' (Štrekelj, стр. 13), которые трудно отделить от *gúrati*. Ничто, кажется, не мешает сблизить эти формы с с.-хорв. *gȕra* 'горб', *gȕrav* 'горбатый', *gȕriti se* 'съеживаться, корчиться (от холода)' (Iveković—Broz I, стр. 356; Berneker, стр. 363) и допустить, что все эти образования имеют в качестве исходной базы корень **gur-*, чередующийся с **gyr-*.

В восточнославянских языках обращает на себя внимание группа слов с основой *огур-*. Изучению ее посвящена статья А. С. Львова «К истории и этимологии слова *огурь*» [4], в которой подробно освещается семантика всех образований с этой основой и делается

---

[3] О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірки с. Писарівки (Кодимського р-ну Одеської обл.) «Лексикограф. бюл», II. Київ, 1952, стр. 79.

[4] Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 172—178.

попытка по-новому объяснить их происхождение. К числу таких образований принадлежит русск. диал. *огу́ряться*, *огурну́ться* нвг., твр., влд., тмб., прм. 'отлынивать, уходить от работы; упрямиться от лени и своеволия', *огурё́ть* арх. 'остолбенеть, ошалеть; смириться, присмиреть', *огурь* 'лень и упрямство, ослушание' (Даль [3] II, стб. 1669), далее *огуряться* дон. 'огрызаться', влд. 'не повиноваться' (Львов, стр. 174); укр. *огурятися* 'упрямиться, противиться', *огурний*, *огурно* 'строптивый, упорный, упрямый', блр. *огурень* 'грубиян, упрямец', *огурицьца*, *заогурицьца* 'упрямиться, ослушиваться' [5]. Этимологический вывод А. С. Львова о выделении корня *ог-*, суффикса *-ур*,*-урь* и родстве с индоевропейским корнем **agh-* представляется маловероятным.

Еще Брюкнер и Фасмер высказали предположение, что *gur-*, представленное в перечисленных выше формах, находится в чередовании с *gyrati*, ср. чеш. *ohýrati*, *ohýřeti* 'наглеть' (Brückner, стр. 376; Vasmer II, стр. 254). Махек, разбирая чешские примеры, приводит и бесприставочные формы: *hýrati*, *hýřiti* 'вести расточительную жизнь' (Machek [2], стр. 193). Он признает их родственными русск. *гулять*, что кажется неубедительным. В сложных формах им выделяется приставка *od-*.

Объединяя в один этимологический ряд словенские, сербские и восточнославянские формы, мы исходим из предположения о диалектной закрепленности приставочных и бесприставочных образований с **gur*. В восточнославянских языках и большей части чешских диалектов последовательно выступает форма *ogur-*, южнославянские языки продолжают простую форму. Возможным отражением простой основы, не осложненной приставкой, является русск. диал. *гу́риться* пск.? 'виниться' (Даль [3] I, стб. 1011).

Наиболее близкие соответствия эта основа обнаруживает в балтийских языках: лтш. *gũrât (iês)* 'медленно двигаться, потягиваться; лентяйничать, работать в согнутом положении', *guôrîties* 'туда-сюда вертеться, шататься, медлить, колебаться', *gaũris* 'тот, кто уклоняется от работы, лентяй', лит. *gũrinti* 'идти маленькими шагами в согнутом состоянии' (Machek [2], стр. 193; Fraenkel 3, стр. 177). Этимологические словари относят сюда же лит. *gaũras*, pl. *gauraĩ* 'волосы на теле, льняное волокно', *gur̃nas* 'бедро, лодыжка, щиколотка', *gùras*, *gurẽlis* 'шарик, выступ горы', лтш. *gùrus* 'бедро, раздвоение на прялке' (Pokorny, стр. 398; Fraenkel 3, стр. 177).

Балтийские формы подтверждают возможность чередования **gur-/*gyr-* с **gvor-*, продолжением которого являются русск.-цслав. *гвор* 'пузырь, шишка, опухоль', словен. диал. *gor* 'куча навоза' (Bezlaj. Eseji, стр. 137). Фасмер сомневается в возможности подобного чередования для русск.-цслав. *гвор* (Фасмер I, стр. 399).

---

5 Материал цитируется по: А. С. Львов. Указ. соч., стр. 174.

Весь комплекс значений, характеризующий основу *gur*, допускает выделение нескольких взаимосвязанных семантических групп: 'опухоль, горб; нечто изогнутое'—'кривой, неровный'—'отклонение, уклонение от ч.-л.' и 'обозначение состояния, вызванного этим отклонением' (ср. 'колебаться', 'медлить', 'смириться', 'виниться' и др.).

Предлагаемое объяснение, основанное на сопоставлении южнославянских и восточнославянских образований, только одно из возможных. Следует отметить попытки связать эти образования с **govorъ* (Фасмер I, стр. 399) [6].

Словен. *glíža* 'железо' (Pleteršnik I, стр. 218) точно соответствует не только чеш. *hlíza* 'чирей, абсцесс' (ср. Bezlaj. Eseji, стр. 150), но и некоторым восточнославянским формам: русск. пск., твр. *глыжа* 'ком застывший или засохший' (Доп. к Опыту, стр. 33), *глыза* 'большая глыба льда' (Куликовский, стр. 15), блр. *глы́за* 'глыба'. См. Фасмер I, стр. 418; Machek [2], стр. 168 [7].

Словен. *gûlj* 'бедро, колотушка' (Pleteršnik I, стр. 260), возможно, стоит в одном ряду с русск. *гу́ля* 'шишка, нарост', польск. *gula* то же (Фасмер I, стр. 473). В дополнение к указанным соответствиям в словаре Ф. Славского (Sĩawski, стр. 376) можно привести полесск. *г'у́лы* мн. ч. 'сухие выросты по краям булки хлеба' (Лексика Полесья, стр. 375). Возможно, что другую ступень чередования представляют русск. диал. *гы́ля*, *ги́ля* ряз., вят. 'долговязый неуклюжий человек; неуклюжая ленивая лошадь' (Даль [3] I, стб. 1018).

Словен. *kávelj* 'крюк; росток; дельный человек', *kâvka* 'крюк; палка с железным крюком на конце' (Pleteršnik I, стр. 391) содержат тот же корень **kōu-*, что и русск. *кавы́ка* 'загвоздка, кавычка', укр. *закаві́ка* 'крючок', серб.-цслав. *кавыка* (Фасмер II, стр. 154). Другие ступени вокализма представляет этот корень с расширителем *-k-*: ср. ц-слав. *куконосъ* 'кривоносый', словен. *skúčiti* (Фасмер II, стр. 403—404) и ст.-чеш. *kvaka* 'длинная пастушеская палка', с.-хорв., в.-луж. *kvaka*, словен. *kvačkati* 'надевать на крюк' (Machek [2], стр. 310).

Словен. *kojec* 'пустой кукурузный колос', вост. Штирия, *kǫ́jica* 'маленькая деревянная хижина на двух столбах, в ней обычно живут пастухи в горах' (Pleteršnik I, стр. 419), возможно, получит этимологическое объяснение, если будут привлечены некоторые сходные образования восточнославянских языков. В русских диалектах отмечено *коёк* перм. 'лыжник, род весельца, лопаточка, на которую опираются при езде на лыжах' (Даль [3] II, стб. 326), сиб. 'особая палка охотника с крючком и лопатой' (Фасмер II, стр. 276), *ко́йка* 'ручная одноколая тележка, тачка',

---

[6] См. также: А. С. Мельничук. Об одном из важных видов этимологических исследований. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 60.

[7] См.: О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 178.

кóйник, обычно произн. *кóник* 'широкий прилавок у двери в крестьянской избе, где спит хозяин', нвг. 'голбец, примост, прилавок у печи', петерб. 'лесенка для всхода на печку' (Даль [3] II, стб. 336), *кóнник* пск. 'доска, прибитая как для полатей, так и для полки, идущей поперек избы' (Даль [3] II, стб. 384). В украинском им соответствуют *кóник* 'одна из двух подставок в ткацком станке, на них лежит перекладина' [8], *кóйце* 'специальная пристройка (кормушка) для корма птиц' [9], *коïць*, род. *койця* 'деревянная клетка, в которой перевозят кур, гусей' [10].

Нетрудно заметить, что основным значением приведенных слов является значение 'столб, стержень, палка, доска', т. е. 'то, что составляет опору.' Народная этимология сближает эти слова с *конь* по созвучию и по тому, что некоторые предметы быта украшались вырезанной из дерева головой коня. Фасмер предлагал разные этимологии для русских слов: *коёк* признавалось родственным **kyj*, *койник* — **kojiti* (Фасмер II, стр. 276, 310; Berneker I, стр. 539). Представляется наиболее убедительным сближение всех рассмотренных выше образований с глаголом **kojiti*, который находится в чередовании с-**čiti* (*počiti*), ср. по тому же типу др.-русск. *жити—гоити*, *гои*, *бити—бои*, *небоець* [11]. Внутренний семантический переход понятен, если принять во внимание одно из значений приставочного глагола *покоить*, *покоиться* 'лежать на чем-либо'. В порядке предположения сюда же можно отнести болг. *кoйлò* 'растение с длинным мягким стеблем' (БД I, стр. 258; II, стр. 86), 'ковыль' (Геров), если это — образование на *-dlo* от **kojiti*, как *гоило—гоити*, *поило—поити* [12].

Словен. *korúze*, *-eta* 'кляча, плохая лошадь' (Štrekelj, стр. 16) можно признать образованным от **kora/*skora* с помощью очень редкого суффикса *-uza*. Ср. словен. *zadrgúza* 'пояс; повязка' от *zadȓga* 'связь с помощью узлов; петля, силок' (Pleteršnik, II, стр. 826—827). Сходные образования представляют русск. *скорýзлый* 'заскорузлый, запекшийся, засохший', *скорýзнуть* 'сохнуть, морщиться, черстветь и трескаться; коряветь; присыхать черствея' (Даль [3] IV, стб. 213), обычно *заскорузлый* 'обратившийся в засушину, зачерствелый, съежившийся от стужи, жары', *заскорýзлик* 'сморчок, заморыш, заморенное растение, животное, человек' (Даль [3] I, стб. 1585).

Словен. *krę̑msati* 'рубить тупой мотыгой', *kremsáča* 'плохая неострая мотыга, кирка' (Pleteršnik, I, стр. 463) получит объяс-

---

[8] О. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 83.

[9] П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикограф. бюл.», VI. Київ, 1958, стр. 13.

[10] Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. «Лексикограф. бюл.», VI, стр. 45.

[11] Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, стр. 208.

[12] Там же.

нение при сопоставлении с русск. *кромсáть* или *кромшить* 'резать, стричь; крошить как ни попало' (Даль [3] II, стб. 506) и укр. *кре́мсати* 'рубить топором, мастерить' [13]. Миклошич признавал исходным глагол **kresati* 'высекать огонь' (Miklosich, стр. 137). Более убедительным представляется объяснение Фасмера: «первонач. интенсивное образование на *-с* от *кромá*» (Фасмер II, стр. 381). Чередованием *е/о* связано с *кромá*, *кремль* (Фасмер II, стр. 380).

Словен. *lǫ̂nja* 'обруч на колыбели' (Pleteršnik I, стр. 531), видимо, от праслав. **lono* (см. Berneker, стр. 732; Miklosich стр. 173; Фасмер II, стр. 517)[14]. Близкое по значению однокоренное образование находим в восточнославянских языках: укр. *лóнок* 'одна из перекладин в ткацком станке, через которую перетягивают полотно на новой' [15], блр. *улóнкï* мн. ч. 'та часть руки, на которой носят ребенка' (Фасмер II, стр. 517).

Словен. *lopȕč*, *-úča* 'глубокое место в реке, ручье', у Эрьявца *lopǒč*, *lopǒča* 'грязь, мочка', Коборид (Štrekelj, стр. 18) представляет, видимо, причастное образование от гл. **lopati*, **lopnoti*. В качестве параллели можно указать русск. дон. *лóпань* 'колодец на топи, на болоте' (Даль [3] II, стб. 688) и название реки *Лóпань*. Фасмер считает первоначальным значение 'бьющая наружу, прорывающаяся вода' (Фасмер II, стр. 518). Сходство семантики объединяет словенские и восточнославянские образования в в большом ряду однокоренных форм в славянских языках. См. Berneker I, стр. 732.

Словен. *málegi* plur. 'мальчики, малыши', Сухор (Štrekelj Slov., стр. 24) и *mâlek*, *-eka* 'маленький человек, гном' (Pleteršnik I, стр. 545) представляют в разном оформлении основу *mal-*. О. Н. Трубачев указал на точные соответствия в русском языке: *малег* 'низкорослый нестроевой лес' в каргопольских грамотах XVII в.[16]; *мáльга* 'младший сын, младший в роде', тверск.; *малёк* 'чистый сосновый молодой лесок; сосновая поросль', олонец. (Даль [3] II, стб. 765). Возможно, сюда же принадлежит лемк. *маляг'а* 'медлительный человек' [17].

Словен. *pést*, *-i* 'связанная для крыши солома', Темлине, Церкно (Štrekelj, стр. 27) сопоставимо с некоторыми русскими диалектными формами: *пéстер*, *пестéрь* сев., вост., *пéщер* (*пéщор*, *пещур*) вост., твр., тмб., *пéхтерь* арх., кур, орл., тмб., *пéхтерь* арх., кур., орл., тмб., *пихтерь* орл., кур., тул. 'большая

[13] О. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 83.

[14] Об этимологии этого слова см. Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 244—245.

[15] О. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 84.

[16] В. Я. Дерягин. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 173.

[17] I. Верхратский. Про говор галицких лемків. Львів, 1902, стр. 433.

высокая корзина, плетенка раструбом, из прутняка, из коренника, плетеная или шитая, берестяная, лубочная, для носки сена и мелкого корма скоту', 'лычный большой кошель, в широких ячеях, набиваемый сеном', *пестёрка*, *пестерóк* 'кузовок, коробок, лукошко, плетушка; дорожный кошель, котомка для хлеба', 'куль, кулек' (Даль [3] III, стб. 260, 267). Эти имена родственны гл. **pixati*, **pьxati* и представляют в корне вокализм *ē* из *oi* (ср. чеш. *pěchovati* 'бить, толочь', см. Преображенский, стр. 50). Русские образования характеризуются суффиксом *-terъ*, *-terь*, словенское имя с суффиксом *-tь*.

К этой же семье слов принадлежит русск. *пест* 'толкач, кий' с производными *пестель*, *пестик*, *пестыш* и др. (Даль [3] III, стб. 260—263), словен. *pésto* 'ступица у колеса', чеш. *píst* то же, польск. *piasta* то же (Преображенский, стр. 51). Исходная форма для них может быть реконструирована как *pěs-tъ* (*o*).

Русский и словенский, в отличие от других славянских языков, содержат корневые имена с отражением ступени редукции корневого гласного [18]. Это — русск. *пёс* 'палка для замешивания глины' онежск. (Vasmer III, стр. 347, со ссылкой на Подвысоцкого) и словен. *pès*, *psà* 'длинное буковое бревно, из которого режут доски' (Pleteršnik II, стр. 26). Фасмер полагал, что русск. *пес* явилось результатом усечения формы **pьstъ*. Словенско-русское соответствие делает закономерным предположение о самостоятельном существовании в праславянском формы **pьsъ*.

Индоевропейские связи и отношения глаголов **pixati*, **pьxati* и соответствующих имен отмечены в словарях Френкеля, Фасмера (Fraenkel 8, стр. 586—587; Vasmer II, стр. 362—363).

Возможность семантического перехода 'пихать' → 'плетенка, корзина' подтверждают некоторые термины ткачества, и в первую очередь **tъkati* и **sovati* [19]:

'быстрое и короткое движение с толчком' → 'пихать, толкать' → 'плести, вить, ткать' → 'нечто сплетенное'.

Словен. *pozȍj*, *pozǫ́ja* 'дракон, змей; чудовище' (Pleteršnik II, стр. 202), с.-хорв. *pozoj* то же (RJA XI, стр. 325) и н.-луж. *pózoj* то же [20] объединяются корневым вокализмом с русск. арх. *зой* 'вопль, крик', *зóиться* 'беситься, резво шалить', *зóя* 'назойливый человек, упорный, настойчивый' (Даль [3] I, стб. 1721). К *zijati*, *zinǫti* — см. Miklosich, стр. 403; Фасмер II, стр. 103 [21].

Словен. *prítka* 'случай' (Pleteršnik II, стр. 339) и русск. диал. *пр́итка*, *пр́иток* 'нечаянность, внезапный, нежданный случай,

---

[18] На эту словенско-русскую словообразовательную особенность любезно указал проф. Ф. Безлай в устной беседе.

[19] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 37—38, 117—118, 120—121.

[20] W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 134.

[21] A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL 14, 1907, стр. 347.

и притом дурной, несчастный; роковая помеха; внезапная болезнь и т. д.' (Даль [3] III, стб. 1181) образуют наиболее близкое семантическое и словообразовательное соответствие [22]. Ср. с.-хорв. *prȉtka* 'кол, к которому привязывают горох, виноградную лозу' (RJA XII, стр. 195). В других славянских языках представлены образования с иным вокализмом и с иным суффиксом: польск. *przytcza* 'случай', XV в. (Brückner, стр. 445), укр. *притика* 'кол, палка, прикрепляющая ярмо к дышлу' (Гринченко III, стр. 445). Производные от гл. *pritъkati*, *pritykati*. См. Vasmer II, стр. 434—435.

Словен. *rẹ́ja* 'просека; пустое поле' (Pleteršnik II, стр. 416) соответствует русск. диал. *ре́жа*, *режь* волж. 'самая редкая рыболовная сеть и др'. (Даль [3] III, стб. 1764), укр. *режь* 'крыло рыболовной сети' (Гринченко IV, стр. 11). Производное на *-ja*, *jь* от **rěd-(ъkъ)*. См. Vasmer II, стр. 505.

Словен. *skala*, *škala* (вост. Штирия, Доления) 'щепка, лучина' (Pleteršnik II, стр. 483, 630) семантически точно соответствует русск. *скала́*, *ска́лка*, *скали́на* сев., вост. *скалы́* 'береста, верхняя кора березы', ср. *скалу́* бьют, сбивают с дерева, распазив ее пазилом (Даль [3] IV, стб. 171—172), укр. *ска́лка* 'лучина, щепка, заноза' (Гринченко IV, стр. 130) при общеславянском значении 'скала'. См. Vasmer II, стр. 631.

Словен. *sǫ̑dra*' мелкий град', ср: *sodra gre* 'идет мелкий град; идет снег (крупа)' (Pleteršnik II, стр. 530), можно сопоставить с русск. арх. *су́дра* 'метель, вьюга, буран', *судриться?* 'туманиться, заволакиваться тучами' (Даль [3] IV, стб. 621). К **sǫ-* и **dъra*, Vasmer III, стр. 40.

Словен. *sovȍj* 'сук, нарост на дереве' (Pleteršnik II, стр. 539) обнаруживает точную лексико-семантическую параллель только в восточной группе славянских языков: ср. русск. *суво́й* вост. 'свиток, сверток', смл. 'толстый шов либо складки', ниж. 'узел вещей', вост. 'снежный сугроб, нанос', сев.-вост. 'витые и путаные слои дерева, болона, наплыв' (Даль [3] IV, стб. 613), укр. *сувій* 'свернутая штука холста' (Гринченко IV, стр. 225), полесск. *сувой* 'сверток полотна на навое ткацкого станка; веревка', *сувы́й*, *суво́ја* 'тюк (ткани, бумаги)' (Лексика Полесья, стр. 70, 286), блр. *суво́й* 'навой' (Носович, стр. 621). От *viti* префиксальное имя **sǫ-vojь*. См. Vasmer III, стр. 38.

Словен. *šavráti*, *-âm* 'ходить нетвердо, шатаясь, шататься, бродить' (Pleteršnik II, стр. 618) точно соответствует русск. *ша́врать* 'медленно ходить, волоча ноги' влгд., новосиб., *шава́рить* 'слоняться, бродить; ходить в мягкой обуви, шаркая ногами' яросл., новосиб. (Картотека Словаря русских народных говоров). Это, видимо, экспрессивное образование от глагольной основы,

---

[22] О семантике этих образований см.: В. А. Меркулова. Народные названия болезней I. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 165.

засвидетельствованной в некоторых славянских языках: русск. *шáвать* 'ходить вяло, медленно, лениво, таскать, волочить ноги; шаркать' (Даль [3] IV, стб. 1387), ц.-слав. *ошаяти* 'убрать, устранить' и др. Древнейшие связи остаются неясными. См. Vasmer III, ср. 363; Miklosich, стр. 336.

Словен. *šeljût* 'неуважительный человек', *šeljûtati* 'медленно ходить', *šljûta* 'безуспешно работающий, развлекающийся человек', *šljûtati* 'идти медленно, черепашьим шагом, работать медленно и безуспешно' (Pleteršnik II, стр. 623, 639), возможно, того же происхождения, что и русск. гл. *шляться*, болг. *шляя се*, т. е. от **sьlati* (Vasmer III, стр. 413) [23]. В словенском исходная корневая морфема была расширена формантом *-ut*,- *uta*, который может быть истолкован и как причастный суффикс (ср. топ. *Zjot*, *Zjut* от *zijati*, см. Bezlaj. Eseji, стр. 132) и как особый экспрессивный элемент (ср. словен. *slekniti*, *zlekniti* 'развалиться' и *slekutati* 'лениться', см. Bezlaj, Eseji, стр. 117).

Сближение Ф. Безлаем словен. *šljutati* с лит. *sliaũkti* 'лениво тянуться' и далее с формами, содержащими назальный элемент в корне (ср. лит. *sliñkti*, словен. *slecati* и др.), представляется не совсем убедительным. См. Bezlaj, Eseji, стр. 117.

Словен. *škabica* 'петля для пуговиц', Бела Краина (Bezlaj. Eseji, стр. 131), возможно, родственно русск. диал. *скáба*, *скабка* кур., смл. 'щепка, лучина, заноза', *скáбить*, *заскабить* руку 'занозить' (Даль [3] IV, стб. 168), укр. *скабá* 'полоса железа', *скáбка* 'заноза' (Гринченко IV, стр. 129), блр. *скаба* 'заноза' (Носович, стр. 580). Сюда же, видимо, следует отнести хорв. *skäblica* (u Risnu) 'верхняя часть женской рубашки (до пояса)' (Iveković-Broz II, стр. 409). Этимологические словари отмечают, что восточнослав. *скаба* связано чередованием с *скоба* (Преображенский, стр. 291; Vasmer II, стр. 640). Такое сближение представляется более оправданным семантически и морфологически для словенской формы, чем предполагаемое Ф. Безлаем родство с **sъkati* (Bezlaj. Eseji, стр. 131).

Словен. *típati*, *tîpam*, *pljem* 'ощупывать, трогать, осязать'; *t. piskre* 'делать свободной рукой глиняные горшки', *típniti*, *tîpnem* 'слегка касаться, трогать, ощупывать', *tîpkati* то же (Pleteršnik II, стр. 669) обнаруживают соответствия в некоторых славянских языках: с.-хорв. *tipati* 'tangere, attingere', прилаг. *tȉpav* 'медлительный, неловкий в работе' (Iveković-Broz II, стр. 571); русск. *тúпать*, *типнуть* влгд., вят. 'тихонько ударить, схватить; украсть; укусить, клюнуть, щипнуть; идти тихонько, на цыпочках; красться', *типаться* ол. 'играть в типки, в побегушки, вдогонки, ловушки', далее *типóк* 'один легкий удар кончиком', тмб. 'короткое колено цепа, киек, боек, билень' (Даль [3] IV,

---

[23] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии. — ВСЯ 2, 1957, стр. 36—37.

стб. 765—766); чеш. *típati se* 'медленно ч-л. делать', *típati* 'колоть, щепать' (Kott IV, стр. 87; Machek [1], стр. 528).

Не совсем ясна группа слов с довольно широким ареалом распространения. Фасмер рассматривает только русские образования и считает их звукоподражательными (Vasmer III, стр. 106). Миклошич приводит словен. *tipati* без соответствий (Miklosich, стр. 357).

Словен. *tǫ́rati* 'тащить, волочить; болеть, хворать' (Pleteršnik II, 678) оценивается Ф. Безлаем как исключительно словенское образование с расширителем *-r-* от основы *ten-* (Bezlaj. Eseji, стр. 130). Этот глагол может получить объяснение внутри словенского языка, если признать его родственным *tárati* 'мучить, терзать; медленно работать', итеративному глаголу, предположительно соотносимому Плетершником с *treti* (Pleteršnik II, стр. 656). Представляется возможным рассматривать *tǫ́rati*, *tárati* как формы, производные от *toriti*. Допустимость такого сближения семантически подтверждает русск. диал. *торить* сиб. 'мучить, томить, задерживать, волочить или водить' (Даль [3] IV, стб. 803). Для праславянского реконструируется также как один из вариантов итератива с вокализмом *a* **tariti*: ср. укр. *обтаритися* 'вываляться, испачкаться в грязи', с.-хорв. *tàriti* 'тереть (масло)' [24].

Словен. *vápa* 'лужа' (Pleteršnik II, стр. 748) сопоставляется с луж. *vapa* 'поток, река у лужичан,' ц.-слав. *вапа* λίμνη Супр. (Miklosich, стр. 375). Этот ряд соответствий может дополнить укр. *вáпа* 'болото, лужа' [25]. Праслав. **vapa* (Фасмер I, стр. 272).

Словен. *viréti*, *-ím* 'возвышаться, торчать; смотреть недобрыми глазами'; *víriti*, *-im*, *-vireti* (Pleteršnik II, стр. 771) еще не получило этимологического объяснения. Предлагаемое толкование — лишь попытка определить связи и отношения словенских форм в кругу славянской лексики.

Словен. *viréti*, *viriti*, судя по показателю глагольного класса, представляют отыменные образования на *-ěti*, *-iti*. Выделяемая таким образом корневая морфема *vir-* предположительно может быть сближена с некоторыми образованиями в западно- и восточнославянских языках. К числу таких соответствий можно отнести лексемы, приводимые Махеком в статье на *uvirý*: ст.-чеш. *uvirý* 'pravus', слвц. *uvírový* 'обращенный против солнца', др.-русск. *ꙋвирити* 'скосить (о глазах)': *оувирь* очи свои, зьрѧше на двцю. Златостр. XII в. Не очень ясна принадлежность сюда чешских, моравских, словацких диалектных форм с *šu-*, *zdu-* (ср. вал. *šurit'*- 'что-то делать криво', ляш. *šuvěry*, морав. *zdúvěřit sa* и др.),

[24] См. доклад: Ж. Ж. Варбот. К реконструкции чередования гласных в некоторых славянских этимологических гнездах. — См. данный том, стр. 60.

[25] І. Верхратський. Знадоби до пізнання угорско-руських говорів. «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», XLV. Львів, 1902, стр. 206.

а также польск. *wąwiry* 'запутанный, скрюченный', XV в. (Brückner, стр. 623; Machek², стр. 672). Последнее, возможно, сложилось не без влияния близко звучащей основы *virъ* от *vьrěti* 'кипеть'. В статье Махека также остается без объяснения укр. *skovirytysja*. Список соответствий дополнит русск. *вѝрити* 'смотреть' (Фасмер I, стр. 319 со ссылкой на Шахматова), возможно, диал. *виря́ть* 'сторониться, уклоняться'[26], с.-хорв. *víriti, virîm* 'глядеть, смотреть' в сложении с различными приставками; *nad-, pri-, za-* и др. (Iveković-Broz II, стр. 720). В этот ряд соответствий входят, видимо, именные основы с суффиксом *-l* и отражением ступени редукции в корне. Это — укр. *вѝрла* 'шуточное выражение: выпученные большие глаза'[27], *вѝрло* 'ямка?', мн. ч. 'глаза навыкате', прил. *вирла́тий* 'о глазах: выпученный', *вирла́ч* 'пучеглазый человек' (Гринченко I, стр. 182), с.-хорв. *vrljȍok, vrljȍokast* 'с поврежденным глазом', *vȑljav* то же, *vŕljo* m. 'человек, у которого поврежден глаз', *vŕljiti, vȑljîm* 'бросить, метнуть' (Iveković-Broz II, стр. 751), блр. *верловóкий* 'косоглазый, одноглазый; поворачивающий во все стороны глазами' (Носович, стр. 49), возможно, чеш. *brlý* 'подвижный, проворный в работе (Machek², стр. 67), также чеш. диал. *rozverný* 'распущенный', укр. *уве́рий* 'кривой, упрямый' (Гринченко IV, стр. 309), болг. *навѝрен* пр. 'ощетинившийся, вставший дыбом' (БД III, стр. 110).

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с основным значением 'глядеть, смотреть косо, недоброжелательно' для этих же основ в некоторых славянских языках отмечено значение 'палка, рычаг, с помощью которого что-либо поворачивают, приводят в движение'. При этом имеются в виду укр. *вѝрло* 'дышло конного привода', 'длинный рычаг, которым поворачивают ветряные мельницы' (Гринченко I, стр. 182), также 'основная палка рыболовной снасти, с помощью которой поднимают и опускают снасть'[28], с.-хорв. *vȑljika* 'кол, палка для забора' (Iveković-Broz II, стр. 751), возможно, словен. *vírja* 'железный обруч', *vîrje-veríle* plur. 'бревна, в которых пила поднимает и опускает ярмо' (Pleteršnik II, стр. 771).

Представляется возможным рассматривать все эти формы с далеко разошедшимися значениями как производные от корня *ver-*, который характеризует широкий круг значений. Основа с этим корнем широко представлена в славянских языках в значении 'совать, толкать, отпирать, запирать, прятаться и др'. (см. Фасмер I, стр. 293). Семантически выделяется словен. *svréti* 'сморщиваться, собираться в складки' (Pleteršnik II, стр. 615) и производный от него итератив *zvirati* 'потягиваться во все стороны; иска-

---

[26] М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910, стр. 28.

[27] П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 78.

[28] Й. О. Дзендзелівський. Указ. соч., стр. 40.

жаться; поворачиваться; сгибаться' [29]. Вполне возможно, что словенские формы отражают ступень семантики, наиболее близкую к последующему переходу значений: 'поворачиваться, сгибаться, искажаться' → 'смотреть косо, недоброжелательно'.

Происхождение славянской основы **vir-/*vъr-* по-разному объясняется в этимологической литературе. Шахматов в свое время связывал русск. *вúрити* с с.-хров. *gviriti* 'косо смотреть', выводя из гипотетического *γvir-* (ср. лит. *žvairiù*, *žvairëti* 'смотреть косо'). См. Фасмер I, стр. 319.

Махек реконструирует исходную форму **virъ* < *veiros* как прилагательное и находит для нее родственные связи в некоторых индоевропейских языках: др.-ирл. *fiar* 'косой, кривой', кимр. *gŵyr*, брет. *goar*, *gwar* (Machek [2], стр. 672).

Мы исходим из допущения, что славянские образования со значением 'смотреть, косить глазами' происходят от семантически емкой глагольной основы *ver-*.

Словен. *vȋtra* 'прутья для плетения корзин; прожилка в дереве' (Pleteršnik II, стр. 773), 'обозначение цветом или цветной ниткой' [30], *vitre* 'древесные волокна' [31] сопоставляются с морав. диал. *vitra* 'жгут, веревка, прут' (Machek [1], стр. 569; Bezlaj. Eseji, стр. 124). Как возможное соответствие укажем русск. олон. *витерь* 'рыбная ловушка из ниток, без горла внутри' (Куликовский, стр. 10). От *viti* с редким суффиксом *-tra*, *-trь*.

Словен. *žmokelj*, *-klja* 'глыба, ком, куча; пучок' *žmúkelj* то же (Pleteršnik II, стр. 970) от праслав.* *žęti*, **žьmǫ*, видимо, от основы настоящего времени с помощью элемента *-k-* и суффикса *-lь*. Укажем полесское соответствие—*жмук*, *-а* 'пучок, пачка, охапка' [32]. Связь с гл. **žęti* представляется Ф. Безлаю сомнительной. Словенские формы он этимологически объединяет с лит. *miegti*, *mýgti* 'жать, давить', лтш. *miêgt*, *meigt* 'давить, бежать' и др.[33]

---

[29] L. Pintar. Slovarski in besedoslovni paberki. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1895, стр. 51.

[30] B. Račič. Domače tkalstvo v Beli Krajini. «Slovenski etnograf» III—IV. Ljubljana, 1951, стр. 150.

[31] Fr. Magdić. Slovarski paberki. «Ljubljanski Zvon» XII. 1892, стр. 634.

[32] П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 29.

[33] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica», VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, стр. 71—72.

И. Г. Добродомов

ИЗ БУЛГАРСКОГО ВКЛАДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ, III[1]

При этимологизации булгаризмов славянских языков представляется чрезвычайно важным учитывать фонетические детали, которые приобретают особую ценность ввиду того, что из многочисленных булгарских диалектов средневековья сейчас продолжает жить в значительно обновленном виде лишь один язык-потомок — чувашский, причем лексика его включает в себя много новых элементов из соседних языков, а также обнаруживает значительные утраты старого булгарского материала. Последний в ряде случаев может быть восстановлен лишь на основе данных сравнительной грамматики тюркских языков (иногда шире — алтайских) и на основе булгарских заимствований в соседних языках, оказывающихся по части сохранения булгарских лексических архаизмов иногда гораздо консервативнее, чем чувашский язык.

При такого рода историко-этимологических разысканиях, основанных на фонетических соответствиях, представляется чрезвычайно важным учитывать, что аналогичные звуковые соответствия могут оказаться известными и за тюркско-булгарскими пределами и это обстоятельство может привести исследователя к таким ошибкам, когда булгарское происхождение приписывается слову, которое к булгаризмам имеет весьма и весьма отдаленное отношение.

Русск. *шапка* и т. п.

В славянских этимологических словарях уже стало традицией возводить славянские названия шапки: русск., укр., блр., болг., макед. *ша́пка*; с.-хорв. *ша̏пка* 'русская военная папаха'; ср. также словен. *šapelj* 'головной убор, платок, кокошник'; польск. *czapka*; чеш. *čapka*; морав. *čepka*, *čépka*; слвц. *čiapka*; в-луж. *čapka*; н.-луж. *capka* к франц. *chape* (< лат. *cappa*, послед-

[1] Статьи I и II помещены в ежегодниках «Этимология. 1967». М., 1969, и «Этимология. 1968». М., 1971.

нее из кельт. *capp* 'головной убор') через немецкое посредство[2]. Это объяснение выглядит более или менее приемлемо для западнославянских форм с начальным *ča-*, поскольку лат. *ca-* изменилось в современное франц. *ša-* (орфографически *cha-*) через ступень *ča-*. Западнославянские формы отражают именно эту промежуточную ступень с начальным *ča-*. Восточно- и южнославянские формы с начальным *ша-* выглядят на этом фоне довольно странно, ибо в них уже отражено *ша-* в то время, когда французский язык еще имел в начале слова *ča-*: древнерусское *шапка* известно начиная с грамоты Ивана Калиты 1327—1328 гг. Ввиду шаткости французской этимологии многие лингвисты искали других объяснений, считая *шапка—čapka* генуинным преобразованием слова общеславянского распространения *kapa* 'шапка' (русск. диал., укр., блр., болг. диал. *ка́па*, с.-хорв. *ка̏па*, словен. *kapa*, чеш. *kápě*, слвц. диал., польск. в.-луж., н.-луж. *kapa*, в.-луж. также *khapa*)[3]. Однако все эти слова являются результатом сравнительно нового распространения внутри славянского языкового мира позднего лат. *cappa* и греч. *κάππα*[4]. Это типичное бродячее слово европейского ареала: нем. *Kappe*, франц. *cape* (при генуинном старом *chape*; современное *chapeau* из лат. уменьшительного **cappellus*), англ. *cap*, ит. *cappa*, венг. *kapa* и т. д. Признание славянских слов генуинными неубедительно и фонетически, ибо предполагает ad hoc изменение на славянской почве $k > č > š$, что другими примерами не подтверждается. Лингвисты не удовлетворились и таким объяснением и искали новые этимологические решения.

Уже Ф. Рейф выдвинул предположение о заимствовании русск. *шапка* из тур. شاپقه *chāpka*, эта гипотеза и позже находила поддержку у многих исследователей[5]. Такое объяснение также вызывает сомнение по той причине, что из всех тюркских языков слово *шапка* известно лишь турецкому языку (*şapka* 'шляпа, верхушка мачты, колпак на печке'), хотя также встречалось в старом татарском языке شاپقه *шапка* 'шляпа'[6]. По некоторым словарям, турецкое слово *šabka*[7] значило 'an European hat, cap or bonnet',

[2] Правда, немецкое посредство указывается не всегда. См.: Преображенский III, стр. 88; Berneker, стр. 484; Holub-Kopečný, стр. 89; Sławski I, стр. 112; Machek, стр. 66; Vasmer III, стр. 373—374.

[3] Преображенский III, стр. 88; менее определенно Brückner, стр. 72.

[4] Подробно см.: Sławski II, стр. 49—50.

[5] Ф. Рейф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или этимологический лексикон русского языка; т. II. СПб., 1836, стр. 1073; Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 552, где слово *шапка* включено даже в список несомненных тюркизмов, подтвержденных фактами.

[6] Радлов IV, стб. 983; Будагов I, стр. 659.

[7] J. W. Redhouse. A Turkisch and English lexicon. New Impression. Constantinople, 1921, стр. 1106; цит. по: Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1955, стр. 737.

что говорит, вероятно, о чужеземном характере слова и позднем его распространении в этом языке. Не случайно В. В. Радлов при турецком слове *шапка* указал на его славянское происхождение: ведь слово имеет необычный для исконного слова начальный согласный *ш-* и встречается именно в тех тюркских языках, которые имеют давние контакты со славянскими языками (Радлов IV, стб. 983). В гагаузском языке *шапка* значит 'фуражка'. В. В. Радлов (IV, стб. 258) койбальское и сагайское (хакасские диалекты) *сакпа* 'суконная шапка, русская шапка, фуражка' (ср. также *сакпа пöрӳк* 'то же') справедливо считает русскими заимствованиями [8]. Как разговорное слово в киргизском языке встречается слово *шапке* 'фуражка', но в полиграфической терминологии *шапка*.

Было уже высказано мнение о том, что «слово *шапка*, вероятно, зашло к полякам из мадьярского», хотя тот же автор говорит и о непосредственно французском происхождении русского слова, не увязывая воедино оба высказывания [9].

Из славянских языков слово проникло не только в турецкий, гагаузский, татарский, хакасский, киргизский, но и в якутский (*шāпка* — словарь Э. К. Пекарского), румынский (*şapcă*), молдавский (*шапкэ*), албанский (*shapkë*), коми-зырянский (*шапка*) языки.

От славянских наименований *шапка — čapka* нельзя отрывать также венг. *sapka* (венг. *s*=*ш*), известное с 1531 г. и представленное в говорах и памятниках как *csapka*, *csápka*, *sipka*, *sipak*, *sipag*, *sikma* с колебанием начального *ш/ч* и гласного *a/á/i* в начальном слоге. И. Кнежа, исследовавший славянские заимствования венгерского языка, отнес венг. *sapka* к числу слов сомнительного происхождения, ибо источник славянских форм для него оставался неясным [10].

Следовательно, для славянских и других восточноевропейских названий шапки до сих пор не найдено удовлетворительного этимологического решения. Изолированное положение слов типа *шапка — čapka* внутри этих языков наталкивает на мысль об их заимствованном характере, но имеющиеся мнения об источниках заимствования неудовлетворительны, ибо не могут объяснить все восточноевропейские названия шапок вместе без натяжек.

В поисках более надежной этимологии славянских и связанных с ними других восточноевропейских названий *шапка — čapka* необходимо расширить круг предполагаемых источников с уче-

---

[8] Мнение Ст. Младенова об индоевропейско-алтайском родстве названий шапки (Младенов, стр. 69) неубедительно из-за явно культурного характера рассматриваемого бродячего слова и малого материала, который к тому же плохо сходится фонетически в его списке.

[9] И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915, стр. 48 и 58.

[10] Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I kötet, 2 rész. Budapest, стр. 736—737.

том разного рода фонетических альтернаций. Прежде всего необходимо учесть, что слово *шапка — čapka* распространено в Восточной Европе, где в период раннего средневековья большую роль играли тюркско-булгарские племена.

В современном чувашском языке слово *шапка* имеет диалектный характер [11] и является русизмом, который не учтен А. Е. Горшковым среди названий одежды в его книге «Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики» (Чебоксары, 1963, стр. 54) из-за слишком узкого распространения этого названия в чувашском языке, где основным наименованием головного убора является *çĕлĕк* 'шапка', давшее восточнославянское название для разновидности головного убора — *шлык* [12]. Слово *шапка* в чувашских диалектах рассмотрено как русизм в работах В. Г. Егорова и Л. П. Сергеева, причем последний дал изоглоссу распространения этого слова в чувашских говорах: оно употребляется лишь в восточном ареале чувашского языка [13].

Несмотря на отсутствие в современном чувашском языке слова, подходящего для объяснения восточноевропейского *шапка — čapka*, можно предложить для него булгарско-чувашскую этимологию на основе возможности восстановить предполагаемую булгарскую форму с опорой на материал других тюркских языков. Учитывая широко распространеннное, хотя и спорадическое, тюркско-булгарское соответствие *т/ч/ш* (причем соответствие *т/ш* представлено небольшим количеством случаев [14]), рассматриваемые славянские слова, вероятно, нельзя отделить от булгарского соответствия для тюркского названия зимней меховой шапки *тумак*, поскольку сравнительно-историческая фонетика тюркских языков позволяет связать эти, казалось бы, далекие в звуковом отношении от *шапка — čapka* лексемы.

В. В. Радлов отмечает следующие формы этого слова: казах. *тымак*, тюменск.-татар. *тумах*, уйгур., чагатайск., вост.-туркест., половецк., казах. *тумак* 'зимняя шапка, малахай'; лебединск. *тубак* 'малахай', таранч. *тубак* 'крышка'; судя по производному глаголу *тумаклан* 'закрывать уши от холода', это слово было и в языке барабинцев [15]. Л. З. Будагов отмечает татар. توماق

---

[11] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XVII. Чебоксары, 1950, стр. 129.

[12] И. Г. Добродомов. Шлык, жилет. «Русский язык в школе», 1968, № 3, стр. 90.

[13] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, I. Чебоксары, 1954, стр. 126; Л. П. Сергеев. Изоглоссные явления русских лексических проникновений в чувашском языке. «Уч. зап. Научно-исследовательского ин-та при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXII. Чебоксары, 1966, стр. 114, 119, а также карта № 1.

[14] L. K. Katona. Über eine Lautveränderung im Tschuwassischen. «Kőrösi Csoma-Archivum», II (1930), 5. szám, стр. 379—381.

[15] Радлов III, стб. 1342, 1514, 1517—1518.

тумак 'шапка вообще', а также казах. *тмокъ* 'зимняя шапка с ушами' [16]. В современном татарском языке это слово известно лишь в диалектах (тюменских и бирско-оренбургских говорах) в форме *томак* (с редуцированным *ŏ* < *у*) 'меховая шапка с длинными ушами, шапка-ушанка' [17]. Э. Р. Тенишев устно указал мне, что как название шапки старого покроя (круглая с меховой опушкой) это слово известно у пензенских татар (мишарей). Следует также учесть кирг., лобнорск. *тумак* 'малахай, шапка-ушанка'; ср. также кирг. *тубак* 'всякая (по)крышка для посуды'; каракалп. *тумак* 'меховой треух (головной убор казахов)'; новоуйгур. *тумак* 'тумак (меховая шапка, треух)', *тумак, томук* 'кожаный колпачок, надеваемый на голову беркута', *тувак* 'крышка казана (обычно деревянная)'; турф. *тумак* 'шапка-скуфья, опушенная внизу мехом выдры', кашгарск. *тумак* 'шапка', хотанск. *тугак* 'покрышка на котел, сбитая из деревянных планок', в керийском говоре этого же наречия *тувак* 'крышка (например, котла)' [18], узб. *тумоķ* 'малахай, ушанка, шапка; колпачок (надеваемый на голову охотничьей птице)', но *тувоķ* 'крышка котла' [19], *лойтувок* 'глиняная крышка для очага, печи'. Вероятно, следует включить сюда же обособившуюся семантически, а в некоторых случаях и фонетически уменьшительную форму: чагатайск. и казах. توماغا, توماغه, طوماغا *тумага* 'шапочка на голове сокола; кожаный колпачок, которым закрывают глаза охотничьих птиц; птичье перо, надеваемое на каску, султан' (Будагов I, стр. 406); Радлов (III, стб. 1235, 1237) отмечает наличие этого слова в восточнотуркестанском наречии и транскрибирует его *томага* (такое же написание дано в современных казахских, каракалпакских словарях), кроме того, он добавляет телеутское название *томого* 'колпачок, надеваемый на глаза охотничьей птице' вместе с глаголом *томоголо* 'надевать такой колпачок', однако чагатайск. تومغا из Рабгузи он транскрибирует *тумга* 'колпак, надеваемый на голову охотничьих птиц' (Радлов III, стб. 1523). Ср. также кирг. *томого* 'соколиный наглазник, колпачок' и тур. *tomoğa* 'соколиные путы'. Узб. *тумоķ* и новоуйгур. *тумак*, *томук* являются посредствующим семантическим звеном между названиями шапки и наглазника. Ср. также русск. *колпак—колпачок*, *клобук — клобучок*, где деминутив имеет значение 'наглазник ловчих птиц'. Любопытно, что в западных говорах казахского языка *томага*

---

[16] Будагов I, стр. 406, 753.

[17] Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961, стр. 202; «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969, стр. 418.

[18] С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961, стр. 161, 162.

[19] Узб. *тувак* 'горшок; урильник, судно; посуда для кормления собаки', содержащее палатальное *к*, восходит к слову с гласными переднего ряда и не имеет ничего общего с названиями шапок.

означает крышку самоварной трубы 'самауырдың шоқ сөндіргіші' [20]

Этимологически приведенные слова можно связывать с глаголом *ту-* 'закрывать, преграждать' [21] и производными от него др.-тюрк. *туг* 'преграда, завал, запруда; заслонка, задвижка'; ср. *тугла* 'закрывать, заделывать'; хакас. *тугла-* и *тулга-*, тув. *дугла-* 'закрывать, прикрывать, заслонять, перегораживать, загораживать', татар. *томала-* 'закрывать, заволакивать'; бараб., казах., половецк., чагатайск. *тумала* 'окутать, закрыть' (Радлов III, стб. 1521). От этого же корня произведены: чагатайск. *туваг* 'вуаль, войлочные боковые покрышки кибитки (шатра)', *тувурлуг* 'войлок юрты' (Радлов III, стб. 1516), желтоуйгур. *тумак* 'преграда, препятствие' [22], турф. *туган* 'запруда, вал из земли' [23], в красноуфимском татар. говоре (Свердловская обл.) *токман* 'загороженное место для скота в конце усадьбы, загон' [24].

Формы типа *тугак*, *тувак* в этом случае следует рассматривать как отглагольные образования с адъективным суффиксом *-гак*: *ту+гак*, ср. *бычгак*, *бычак* 'нож' < *быч* 'резать' и т. п. [25] Что касается названий шапки типа *тумак*, то они, вероятно, образованы от слова, аналогичного древнетюркскому *туг* 'преграда, завал, запруда; заслонка, задвижка' с помощью отыменного суффикса *-маг*: *туг+маг*, ср. *ой* 'яма, низменность, долина, углубление' — *оймак* 'низменность, котловина, углубление', а также *ойбак* то же; *ойбок*, *ойпан*, *ойпат*, *ойман* 'низменность'; *ойма* 'глубокая яма' (в разных тюркских языках: Радлов I, стб. 969, 985, 986, 987) и т. п. Функция суффикса *-мак* здесь переплетается с функцией суффикса *-ман* (уподобительное значение) [26], ср. татар. диал. *токман* 'загон'.

В реконструированной тюркской форме сочетание согласных *гм* могло подвергнуться перестановке (**тугмак* > **тумгак*),

---

[20] «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алматы, 1969, стр. 334. В своем недавно вышедшем «Опыте этимологического словаря тюркских языков» М. А. Рясянен (M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 487) считает, что чагатайск. *томага* 'перо на шапке султана', тур., казах *томага* 'колпачок, надеваемый на голову ловчих птиц', а также телеутск. *томого* и чагатайск. *тумга* с тем же значением представляют собой заимствования монгольского *томуга* 'Mütze, Kappe', при этом М. А. Рясянен ссылается на книгу: G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 399.

[21] «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 584.

[22] С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, стр. 124.

[23] С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна, стр. 161.

[24] «Татар теленең диалектологик сүзлеге», стр. 416.

[25] Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 138.

[26] Г. И. Рамстедт. Указ. соч., 194; Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 197—199, 303—307.

что весьма обычно в сочетаниях подобного типа [27]. Кроме того, в этом слове, вероятно, произошло чередование первоначального носового *м* с неносовым *б*. Вопрос об ареале и условиях колебаний *м/б* внутри тюркского слова остается неясным: соответствие *м/б* спорадически наблюдается во многих тюркских языках, так что порой бывает трудно определить, какой из звуков является исконным — *м* или *б* [28].

Следовательно, для тюркского названия шапки следует реконструировать не только формы **тугмак*, **тумгак*, но и формы **тугбак*, **тубгак*, а также их оглушенные варианты **туkпак*, **тупкак*.

Тюркскому начальному *т-* во многих случаях соответствует чувашско-булгарский начальный *ч-*, особенно перед гласным *и*, но также и перед другими гласными: *т* > *т'* > *ч*. Ср. др.-тюрк. *такыгу*, *такыку* 'курица'—венг. *tyúk* (вероятный булгаризм) — чуваш. *чăх(ă)*. По-видимому, чувашско-булгарский переход *т-* > *ч-* осуществился уже после изменения исконного *ч* > *ç*. В каких-то условиях (возможно, в определенных диалектах) переход *т* > *ч* доходил до *ш*. Впрочем, вопрос о существовании перехода *т* > *ш* решается на основании лишь двух тюркско-чувашских соответствий: казах. *тоң* 'мерзнуть' — чуваш. *шăн* то же; узб. *тиш* 'зуб' — чуваш. *шăл* то же [29]. Более многочисленны случаи, когда в венгерском и славянском языках тюркский начальный *ч-* отражается как *ш-* (независимо от происхождения этого *ч-*): др.-русск. *шатьръ*, венг. *sátor* ~ тюрк. *чатыр* (< иран.); венг. *süllő* 'судак' < булг. **чиллиг* (**шиллиг*) 'зубатый' (ср. тюркские диалектные названия судака: казах. *тисти*, азерб. *дишти*, узб. *тишли* 'зубатый'); венг. *sajt* 'сыр' ~ караим. *чыгыт* 'сыр' (чуваш. *чăкăт* заимствовано из кыпчакских языков, ибо сохранился *ч-*) и т. п. Можно думать не столько о существовании булгарских диалектов с переходом *ч* > *ш*, сколько об особом характере тюркского *ч-* и субституции его на венгерской и славянской почве. В силу этих соображений для булгарского языка, вероятно, предпочтительней строить архетипы с начальным *ч-*, хотя вполне допустимо также и существование параллельных форм с начальным *ш-* или звуком более близким к нему, чем к *ч-*. В дальнейшем формы с *ш-* не восстанавливаются лишь из-за экономии места.

Гласный начального слога *у* (а иногда также *ы*, *о*) на чувашско-булгарской почве отражался как редуцированный гласный *ă*.

---

[27] А. А. Пальмбах и Ф. Г. Исхаков. Явления метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, М., 1955.

[28] М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 147.

[29] L. K. Katona. Über Lautveränderung im Tschuwassischen, стр. 379—381.

Гласный *а* во втором слоге изменениям не подвергался, а из двух велярных согласных последнего слога обычно утрачивался один: др.-тюрк. *йумгак* 'круглый'—чуваш. *çăмха* 'клубок'—азерб. *юмаг*; западно-сиб. татар. *цолгак* 'портянка'[30]—чуваш. *чăлха* 'чулок'; ср. казах. *тӱлки* 'лиса'—чуваш. *тилĕ* 'лиса' и т. п.[31]

Имея в виду возможности тюркско-булгарской реконструкции и учитывая рефлексы соответствующих слов на восточноевропейской языковой почве, сравнительно-историческая грамматика тюркских языков может восстановить следующие булгарские архетипы: **чăпка* с утратой конечного велярного (> слав. *čapka*, *шапка*, венг. *sapka*, *csapka*, *csápka*, *sipka*), **чăпаг* с утратой срединного велярного (> венг. *sipag*, *sipak*), **чăкма* (> венг. *sikma*).

Чувашско-булгарский редуцированный гласный *ă* передавался на венгерской почве то звуком *a*, то звуком *i* (венгерская форма с долгим *á*, возможно, обязана славянскому посредству), а на славянской почве звуком *а*. Ср. ст.-слав. **шаръ** 'краска' из булгарского **шăр* при казах. *сыр* 'краска', др.-тюрк. *сыр* 'краска, глазурь'; русск. *тарань* из тюрк. *тыран* (казах. диал.), а также колебания в укр. *ара́ші* 'дышло воловье у двухколесной арбы' и *ариш* 'дышло воловье в арбе' (Гринченко I, стр. 9) из тюрк. *арыш* (*арыс*) 'оглобля' (Радлов I, стб. 278).

Славянская акцентуация названия *шапка* с ударением на начальном слоге объясняется тем, что на славянской почве булгарское слово было воспринято как диминутивное образование с суффиксом *-ка* и ударение было перенесено на «корневую часть» в соответствии с общей закономерностью ударения подобных образований. О переразложении слова в русском языковом сознании свидетельствует также наименование мастера, изготовляющего шапки валянием из шерсти — *шаповал*, где первая часть освобождена от воспринятого как славянский суффикс элемента *-ка* и представлена в виде «корня» *шап-*; ср. также *шапонька*, а также укр. *ша́парь—шапка́рь — шапошник*, *шапівка* 'шляпка у гриба'; *шаповал*, *шапонька* (Гринченко IV, стр. 484—485).

Если восточноевропейские названия шапки с начальным *ш-* хорошо объясняются как булгаризмы, то западнославянские и венгерские формы с начальным *ч-* допускают двойное этимологизирование: они могут восходить как к булгарскому источнику, так и к французскому. Окончательному решению этого вопроса может способствовать привлечение историко-этнографических сведений.

---

[30] Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, стр. 115.

[31] В. Г. Егоров. Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении, I. Чебоксары, 1954, стр. 218, с множеством примеров.

Русск. *чабак* 'разновидность шапки'

М. Р. Фасмер из значений, приведенных в словаре В. И. Даля под заглавным словом *чебáк*, выделяет в особый омоним *чебáк* II 'меховая шапка с наушниками, завязками и назатыльником; женский чебак, уже устаревший, с круглым парчовым верхом и собольей опушкой по лбу и по затылку' (с пометами: влгд., прм., арх., сиб.). При этом вместо пометы *сиб.* у Фасмера стоит указание на Иркутскую губернию, а также глухая ссылка на употребление этого слова у К. Ф. Рылеева (Vasmer III, стр. 308).

Кроме формы *чебáк*, Даль также дает фонетико-орфографические разновидности: *чабáк* (арх., влгд.) 'шапка меховая, род треуха, которую нашивали мужчины и старухи' и *чибáк* (сиб.) 'женская меховая шапка' (Даль [2] IV, стр. 579, 585, 603). Фасмеру осталась неизвестной форма *чабáк*, он ограничился лишь односторонней ссылкой на форму *чебáк* при слове *чибáк*, повторив помету Даля, но не свел эти формы в одну статью [32].

Сравнение этого русского диалектизма с телеутским (диалект алтайского языка) *чабак* 'высокая телеутская шапка', которое предложил Фасмер на основании «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, где зафиксировано это слово с пометой о его нали-

---

[32] Сведения о распространении слова *чабак* и описание соответствующего головного убора можно найти в следующих работах: В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея, вып. III, М., 1893, стр. 7 (архангельский *чебак*); Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Императорского русского Географического общества, вып. 1, Пг., 1914, стр. 216 (вологодский *чебак*); Он же. Женские головные уборы восточных (русских) славян (окончание). «Slavia», V. seś. 3, 1927, стр. 550; В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844, стр. 330 (*чабак* — огромная сибирская шапка, шерстью вверх), стр. 332 (*чебак* — теплая шапка с ушами; название сибирское); «Труды комиссии по диалектологии русского языка» (б. Московской диалектологической комиссии), вып. 11, Л., 1930, стр. 9 (*чебак* упомянут среди мужских головных уборов Архангельской губ., 1927 г.); Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 598—599, 685, 686; А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 187 (*чебáк* 'крытая парчою и опушенная мехом женская шапка с наушниками. Мужская из оленьего меха, шерстью наружу, шапка с длинными по бокам концами'); П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. «Изв. имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXX. М., 1877, стр. 58 (*чабаки* вышли уже из употребления по дороговизне куньих и лисьих мехов); Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. II. М., 1890, стр. 18 (В Сольвычегодском у. старухи и теперь еще носят *чабак*, зимнюю шапку на вате, опушенную мехом); Е. А. Авдеева. Записки и замечания о Сибири. М., 1837, стр. 152 (*чебак* — теплая шапка с ушами; иногда бывает у нее назади лоскут, уши поднимаются кверху и завязываются лентой, то тогда эту шапку наз. *малахай*).

чии у телеутов (Радлов III, стб. 1928), вызывает сомнение по двум причинам.

Во-первых, заимствование этого слова из телеутского диалекта алтайского языка исключается из-за географии слова в русском языке. Едва ли такое этнографически важное слово распространялось против течения русского заселения: из Сибири в пермские, вологодские и архангельские говоры. Гораздо естественнее предположить обратный путь миграции слова.

Во-вторых, слово *чабак* неизвестно в современном алтайском языке и его диалектах по иным источникам, кроме «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Крупнейший знаток этнографии алтайцев Л. П. Потапов в письме ко мне указал, что он «не нашел в своих записях этого слова в применении к названию шапки» (письмо от 29 окт. 1969 г.).

Само объяснение этого слова у Радлова: 'высокая телеутская шапка — die hohe Teleuten-Mütze' наталкивает на предположение о том, что слово *чабак* зафиксировано не от самих телеутов, а, возможно, от русских. Жаль, что у Радлова не дано дополнительных сведений об этой телеутской высокой шапке. Во время пребывания Радлова на Алтае ему показывали старинную телеутскую остроконечную шапку из черной материи с подкладкой из шкурки черного ягненка и с наушниками, подобную казахскому тумаку (современная казахская форма *тымак*). По-русски эта шапка называлась *малахаем*, но телеутское ее название у Радлова не приведено [33], хотя упомянуто казахское и русские названия.

Если слово *чабак* даже и употреблялось в телеутском диалекте алтайского языка, то в нем оно, вероятно, было русизмом. Следовательно, русская форма *чабак* (*чебак*, *чибак* — всего лишь орфографические или фонетические варианты) должна рассматриваться как основа для телеутского *чабак*.

Из современных тюркских языков слово *чабак* знают только диалект тюменских татар: *чабак* 'чепчик, шапочка для грудного ребенка' [34], а также, возможно, диалект пермских татар, где встречаются не вполне ясные генетически фразеологизмы *чабак колакчын* 'пощечина' (дословно 'шапка-ушанка чабак'), *чабак колакчын кийерту* 'дать пощечину' (дословно 'надеть шапку-чабак') [35]. Однако совпадение географии русского сибирского диалектизма с областью распространения тюменско-татарского *чабак* со специфически узкой семантикой последнего дает возмож-

---

[33] Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XIII. М.—Л., 1951, стр. 20; W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. 2. Ausgabe. Bd. I. Leipzig, 1893, стр. 333; «Die Männermütze war eine russisch «Malachai» genannte spitze Mütze mit Ohrenklappen, in der Form der kirgisischen Tumak ännlich».

[34] Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961, стр. 225.

[35] «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969, стр. 469.

ность предположить, что стоящее изолированно в тюркских языках тюменско-татарское *чабак* является семантически деградировавшим (своеобразно сузившим значение) русским диалектным названием шапки *чабак*, имевшим когда-то гораздо более широкое распространение. Что касается десемантизировавшегося *чабак* в составе пермско-татарских фразеологизмов, то в «шапочную» семантическую область это слово, возможно, попало поздно, будучи генетически связанным с тюркским глаголом *чап-*, *чаб-* 'бить, давать пощечину' [36]. Ср. отыменные вторичные глаголы типа татар. *чабакла* 'шлепать, давать пощечину', киргиз. *чабакта* 'бить шерсть', *чапакта* 'хлопать, шлепать', где в качестве производящей основы выступает *чабак* 'шлепок'. Следовательно, предполагаемый Фасмером тюркский источник для русского диалектного названия шапки *чабак* вызывает сомнения прежде всего тем, что слово в тюркских языках почти неизвестно, да и географический момент вызывает сомнения: сфера распространения у русского слова гораздо шире, чем у его сомнительного тюркского прототипа.

Но и русское наименование *чабак* внутри славянских языков, кажется, не имеет никаких параллелей даже в восточнославянской языковой области. По данным словаря Даля, в качестве синонимов слова *чабак* (*чебак*, *чибак*) в русском языке употребляются следующие слова: *уша́нья* (кстр.), *уша́нка* (влд., сейчас общерусское), *уша́тка* (вят.), *трео́х* (без территориальных помет), *кучма*; *малаха́й* (вост.) и разновидности последнего — *махла́й*, *махла́н*, *махала́й* (арх.); *тума́к* (сиб.), *буха́рка* (арх.), а также общее для них всех экстерриториальное булгарское по происхождению наименование с более широким значением *шапка*. Следует заметить, однако, что из всех этих наименований по крайней мере три (*малахай* с разновидностями, *тумак*, *бухарка*) обнаруживают, несомненно, восточное происхождение. Отмеченные у Даля наименования этого же головного убора *капелю́х*, *капелюха* (запд. юж.), вероятно, являются белорусизмами или украинизмами. Г. С. Маслова отмечает также русское название этой шапки *долгуша*, но в словаре Даля встречается лишь вологодское *долгоушка* 'шапка с длинными ушами для обмотки; малахай', которое является обозначением головного убора, переходного к башлыку.

Источники слова *чабак* также следует искать среди булгарских соответствий рассмотренному выше кыпчакскому тюркскому названию шапки-ушанки **тумгак* и т. п., которое на булгарской почве могло иметь вариант **чăбак* (ср. булгарск. **чăпаг*, венг. *sipag*, *sipak* с глухим *п* внутри слова). Булгарское **чăбак* могло

---

[36] Соответствия в разных тюркских языках см.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 219 под словом *çуп*.

попасть в русские говоры после падения редуцированных с субституцией редуцированного гласного *ă* гласным полного образования *а*.

В чувашских словарях следы слова **чăбак* не прослеживаются. Следует, однако, обратить внимание на то, что Н. И. Золотницкий упоминает название шапки *чабак* при анализе топонима *Чебоксары*, но из контекста неясно, идет ли речь о русском или чувашском слове: «Один производил его (название *Чебоксары. — И. Д.*) от носимой местным духовенством теплой с длинными ушами шапки, похожей на татарский малахай и известной под именем *чабака*, и от слова *сара* «желтый», т. е. «желтая шапка», толкуя при этом, что, по преданию, таково было прозванье старожилу-чувашину, от которого получило название и селение Чебоксары. Но от того, что по закону тюрк. наречий определяющее слово должно стоять впереди определяемого (*сáра чабак*), падает толкование и уничтожается самое предание» [37]. Пересказываемый источник остался мне неизвестным. Во всяком случае можно думать, что слово *чабак* было известно и в Среднем Поволжье, хотя и здесь его источник остается не выясненным. Во всяком случае до установления точного происхождения татарского диалектного названия детского чепчика *чабак* и слова *чабак* в составе фразеологизмов есть основания предполагать, что эти узколокальные диалектизмы являются русскими заимствованиями, хотя в целом вопрос не вполне ясен, ибо принципиально не исключена возможность и обратного направления заимствования: из тюркского источника в русские диалекты, но в этом случае следует объяснить гораздо больше вопросов [38].

* * *

В заключение нужно сделать уточнение и относительно русского сибирского диалектизма *тумак*, которое Даль считает сибирским словом и определяет как ‘ушастая шапка, малахай, треух’, а Фасмер относит к числу заимствований (wohl fremd), не делая попытки установить точный источник и разграничить вероятные омонимы ‘метис’, ‘насмешливое прозвище жителей

---

[37] Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, стр. 257.

[38] Следует также упомянуть неизвестную Фасмеру этимологию, связывающую *чабак* с «монг. *чибекчи* ‘ушки у шлема’; вероятно, есть корень *чибек* ‘шлем’» (И. Н. Березин. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. I. СПб., 1854, стр. 330). Объяснение И. Н. Березина, затруднительное фонетически, опирается на редкий фонетический вариант монгольского *чихэвч* ‘наушники’ (бурят. *шэхэбшэ* ‘наушники’, *шэгэбшэ* ‘ухо, уши у шапки’) от *чих(эн)* ‘ухо’ (бурят. *шэхэ(н)*, отмеченный в «Монгольско-русско-французском словаре» О. Ковалевского (т. III, Казань, 1849, стр. 2149), а поэтому оно не может быть принято.

Нерчинска', 'черный заяц', 'сибирский хорек', 'меховая шапка', 'дурак' (Vasmer III, стр. 151).

Возможно, здесь кроются омонимы разного происхождения [39], из которых целесообразно выделить название головного убора [40], а от последнего легко вывести московское, ярославское и калужское *тумак* 'полоумный, глуповатый, с придурью' (ср. *шляпа*, *колпак*, *малахай* как названия глупого человека), а также, возможно, и насмешливое прозвище жителей Нерчинска, отмеченное А. Каннисто в Забайкалье: «за частое общение с тунгусами» [41].

Источником русского названия меховой шапки-ушанки *тумак* могло быть казах. *тумак* (*тымак*) или соответствующее слово в других сибирских тюркских языках.

Итак, русские слова *шапка*, *чабак*, *тумак*, заимствованные из тюркских языков, отражают не только разные хронологические этапы взаимодействия славянских языков с тюркскими, но и контакты с разными диалектами и языками. Такого рода неоднократные заимствования дают возможность показать явления исторической фонетики тюркских языков на одном лишь русском материале [42].

---

[39] Для названия метисов, гибридов в качестве ближайшего источника можно предположить тюркское слово, родственное татарскому *тӯма* (< глагольный корень *ту* 'рожать'+*ма*) 'потомок' (Радлов III, стб. 1517). Ср. украинское название гибридной породы овцы или потомка украинцев и турков или татар *тума* (Гринченко IV, стр. 294). Ср. также якут. *тума* 'приправа, подмесь'; казах. *тувма*, 'родственник', а также в мишарских диалектах Пензенской обл. *тумак* 'незаконнорожденный; выходы культурных растений без посадки' («Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969, стр. 426, — здесь эти два разных значения поданы как омонимы).

[40] Вместе с примером из повести В. И. Даля «Майна» ([майор] «закрывался тумаком своим, мохнатой шапкой, то с правой щеки, то с левой») это слово как областное помещено в «Словаре современного русского литературного языка» (т. XV. М.—Л., 1963, стб. 1119), хотя и как особое областное значение, а не самостоятельный омоним.

[41] A. Kannisto. Zur Etymologie des Völkernamens «ostjake». «Juhlakirja Yrjo Wichmannin kuusikymmenvuotispäiväksi». Helsinki, 1927 (=MSFOu, LVIII), стр. 428, со ссылкой: «Gmelin. Reise, I, 343».

[42] Автор выражает глубокую признательность Л. А. Гиндину, Л. С. Левитской и Г. Я. Романовой за многие ценные замечания и дополнительный материал, которые использованы в настоящей статье и немало способствовали ее улучшению.

В. А. Никонов

ОПЫТ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ, I

Создать словарь русских фамилий пытаются в разных местах несколько энтузиастов, не связанных между собой; известно о шестерых, но их, несомненно, больше. При полном различии подходов и направлений едва ли осуществима координация их усилий. Но не только возможно, а и необходимо ознакомление с принципами работы, чтобы будущие составители словаря не повторяли наших ошибок, — многие работают вслепую, не представляя ни объема работы, ни сложности, не зная даже источников.

Словари фамилий решают разные задачи. Соответственно различны их типы. В основном их сложилось три, с отдельными разновидностями в каждом: 1) репертуар фамилий, только перечисляющий их. По русским фамилиям такой выпущен за рубежом [1], к сожалению, по неудовлетворительным материалам; 2) словарь, интересующийся не самими фамилиями, а только их носителями; таковы многие словари, составленные историками (А. А. Половцев. Русский биографический словарь. СПб., 1896—1918), работниками вспомогательных исторических дисциплин (археография, генеалогия, геральдика), не говоря уж о различных указателях и справочниках; 3) лингвистические словари фамилий. Фамилия — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, вне которых нельзя рассматривать ее; из лингвистических словарей наиболее известны этимологические. Каждая из этих задач очень важна. Решать их в одном словаре невозможно. Но составитель этимологического словаря обязан проделать огромную часть работы в плане других типов, тогда как составителям других словарей нет дела до этимологии.

За этими сложившимися типами словарей вырисовывается иной, отдельные черты которого проявляются в лучших из современных словарей фамилий, но пока разрозненно и бледно. Ономастика — наука не о происхождении собственных имен (как представляли ее прежде и как некоторые по старинке еще представляют и теперь), а наука о собственных именах, включающая

[1] M. Benson. Dictionary of Russian personal names. Philadelphia, 1964.

и современное функционирование их, и всю их историю, в которой происхождение — только отдельный момент; это относится ко всем отраслям ономастики, в том числе и к антропонимике, изучающей личные имена (антропонимию). Антропонимисту нужно знать о фамилии все. Из чего и как она образована, какова ее первоначальная семантика — это только немногие и, может быть, не главные из вопросов «анкеты», которую предъявляет фамилии антропонимист. Даже о ее возникновении не менее важно знать «когда», «где», «в какой среде», прежде всех привычных вопросов — «почему», словом, этиология, т. е. условия, в которых возникла фамилия, и причины, которые ее породили (об этом я писал в отношении топонимии [2], это полностью относится ко всей ономастике). Важнейшие из характеристик последующей судьбы фамилии: с какими социальными слоями она связана, на какой территории распространена, ее частотность в прошлом и настоящем, ее изменения и т. д. Таковы контуры Словаря, для которого у нас еще нет ни объективных, ни субъективных возможностей. Но обязательно видеть перспективу, иначе все попытки будут слепой и бессмысленной тратой времени и сил. Потребуется огромная предварительная разработка отдельных граней (неизбежен в будущем статистический словарь фамилий [3], сегодня совершенно нереальный).

Пока можно и необходимо сделать хотя бы свод выполненного в этих различных направлениях, в некоторых случаях восполняя пробелы в меру возможностей составителя и в меру возможностей соответствующих отраслей наук сегодня, а больше всего — выявляя «белые пятна», ждущие исследователей. Тем самым в статьях моего Словаря «прочерк» в графе этимологии, или хронологии, или (почти всегда) статистики — сейчас не менее важный элемент текста: это сигнальная лампочка, указывающая на прорыв.

Однако не по каждой фамилии обязательно заполнять всю «анкету». Фамилия Андреев принадлежала к десятку самых частых, приводить отдельные примеры — нелепо. Наоборот, к редкой фамилии Анцупов очень важно привести все случаи, обнаруженные составителем: 1840 г. — с. Светлый Яр Черноярск. у. Астраханск. губ. (Астраханск. обл. архив, ф. 687, оп. 6, № 16); 1858 г. — с. Гвозды Павловск. у. Воронежск. губ. (Воронежск. обл. архив, ф. 18, оп. 1, № 375); 1904 г. — с. Лютое Ливенск. у. Орлов. губ. (Орловск. обл. архив ЗАГС). Локально ограничена фамилия Босых, зональна фамилия Кулагин, а фамилия Иванов — «выше географии». Где возможно, Словарь отмечает дату самого раннего из дошедших до нас письменных упоминаний фамилий, очевидно

---

[2] V. A. Nikonov. L'étymologie? Non, l'étiologie! — «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1960, № 3.

[3] B. O. Unbegaun. La fréquence des noms de famille russes. — «Annuaire de l'Institut et d'Histoire Orientales et Slaves» XVII. Bruxelles, 1966.

отстающую от неизвестной даты возникновения. Но для большинства фамилий указывать случайную дату нет смысла.

Этимология дана обязательно (невыясненность — оговорена), не допуская ни одного исключения. Можно сказать, что именно в случаях, кажущихся самыми ясными, ошибка всего чаще. Одна из важнейших задач Словаря — борьба против упрощенчества. Еще А. И. Соболевский [4] предостерегал от прямолинейных истолкований, приведя запись 1568 г.: «русин да мещерин, федоровы дети черемисинова». Встретив у их потомков фамилии Русинов, Мещеринов, Черемисинов, легче всего «объяснить» их из этнонимов, совершенно извратив подлинное происхождение, — фамилии эти из личных имен и к этнонимам отношения не имеют. Эти имена тоже не означают этнического происхождения носителей, но происхождение имен — совсем другой вопрос, не касающийся фамилий: между возникновением имени и возникновением из него фамилии могли пройти века, смениться языки и народы. У дилетанта нет сомнений, что фамилия Зайцев образована от слова *заяц*. В действительности она возникла не из этого нарицательного, а из притяжательного прилагательного *зайцев* в значении 'сын Зайца', которое служило отчеством от нецерковного мужского личного имени Заяц, и уже только это имя возникло из нарицательного *заяц* в переносном значении его. Если перепрыгивать через столько ступеней, то почему же выхватывать одну, а не идти дальше? Ведь и нарицательное *заяц* тоже имело предков, а те — тоже, — и так до «самого первого слова». Еще сложней с фамилиями, в которых при кажущейся общей этимологии различны форманты — Иванов, Ивашев, Иващенко, Ивановский, Ванин, Ванюшин и т. д.; отделаться ссылкой на имя Иван вместо подлинных основ этих фамилий — то же самое, как не различать барана, баранину и баранку.

Поэтому обязательно и особенно важно повторяемое в статьях предлагаемого Словаря «отчество от. . .» — указание на непосредственную основу фамилий. Русские фамилии в абсолютном большинстве возникли из отчеств. Эта особенность резко отличает их от фамилий большинства народов Европы. Основами отчеств были не только личные имена церковные или нецерковные (Смирнов, Томилин из «чей сын?» — *смирнов*, *томилин*), а и другие именования отца — *столяр*, *казанец* (Столяров ← *столяров* 'сын столяра'). Но в некоторых случаях та же форма краткого притяжательного прилагательного выражала не отчество, а принадлежность. Фамилии Князев, Царев и под. часты только в крестьянской среде; *князев*, *царев* в их основах чаще означали крепостных, принадлежавших царю (удельные) или помещику-князю, как Монастырев — из *монастырев* — собственность монастыря.

---

[4] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 226.

Нельзя рассматривать фамилии без учета многочисленных фонетических изменений. Но недостаточно известна историческая фонетика даже русских диалектов последних столетий, не говоря уж о других языках нашей страны. А в отношении фамилий возникает дополнительная сложность. Для таких фамилий, как Абаимов, при документированном в XVI—XVII вв. мужском личном имени Обоим можно ли требовать ответа, произошла ли мена *о* → *а* на стадии имени (Обоим → Абаим → Абаимов) или на стадии фамилии (Обоим → Обоимов → Абаимов)? В многовековом сосуществовании аканья и оканья такая формулировка вопроса вряд ли корректна применительно к каждой отдельной фамилии даже при наличии письменных свидетельств, которые могли не соответствовать произношению.

Фундамент любого словаря — словник. Любительские попытки словарей ненаучны начиная со словника, объем и состав которого определены не составителем на основе теоретических положений, а материалом, накопившимся по принципу благотворительных пожертвований, т. е. стихийны и случайны. Определить объем и состав словника нелегко, но без этого нельзя браться за составление словаря.

Совсем не одно и то же — Словарь русских фамилий и Словарь фамилий в России. Что предпочесть? В справочнике «Весь Петербург на 1910 г.» целые страницы указателя заполнены подряд фамилиями Веггорн, Веге, Вегенер, Вегерер, Вегман и т. д. и т. д. — они занимают больше 40%. Словарь фамилий России пришлось бы почти наполовину переписать из зарубежных словарей фамилий; действительной картины он не отразит, а совершенно исказит: ведь все многочисленные иноязычные фамилии представляли ничтожную часть населения. Делать Словарь русских фамилий? Но какие фамилии признать русскими? Фамилии, образованные из русских слов? Самую частую у русских фамилию Иванов (Ивановых около 2 млн.) придется исключить, если определять слово по происхождению, — это имя др.-евр.; нерусской окажется и фамилия Собакин, — слово *собака* тоже заимствовано. Считать слова русскими не по происхождению, а по употреблению? Но тогда пришлось бы сначала определить употребляемость всех слов за последние несколько столетий — задача немыслимая. А в результате пришлось бы признать, что фамилии Ковалев и Карамзин нерусские. Практически единственно целесообразно отнести к русским фамилии, получившие русское оформление [5], независимо от языкового происхождения основы. Позволительно привести некоторые данные из моих подсчетов (опубликованных

---

[5] B. O. Unbegaun. Structure des noms de famille russes. — «III Congrès International de Toponymie et d'Anthroponymie» II. Louvain, 1951; В. Васченко. О морфемной структуре русских фамилий. — «Romanoslavica» XVI. Bucureşti, 1968.

в издании, редком у нас)[6] фамилий в России по их формантам (в проц.):

Дата	Группы населения	Суффиксы				Проч. и нерусск.
		-ов (-ев), -ин	-ский	-их (-ых)	-ич	
1897	крестьяне Сенгилеев. у. Симбир. губ.	100	—	—	—	—
1914	крестьяне Шуйск. у. Владимир. губ.	100	—	—	—	—
1914	крестьяне Жиздрин. у. Калуж. губ.	98	2	—	—	—
1914	крестьяне Задонск. у. Воронеж. губ.	95	1	4	—	—
1908	горожане г. Петровска Саратов. губ.	94	5	—	—	1
1908	дворяне Пензенск. губ.	74	15	—	—	11
1907	духовенство Симбирск. епархии	64	35	—	—	1

Словник моего Словаря составлен сплошным обследованием фамилий по десяткам различных местностей России, охватившим около 2 млн. носителей (преимущественно за последние 100 лет, но использованы и более ранние материалы) с последующим привлечением других источников. Вся эта система построена в соответствии с теми соотношениями в составе населения, какие существовали в действительности.

Но справедливо ли оставить за бортом Словаря русских фамилий фамилии русских писателей Герцен, Короленко, Блок и других деятелей русской истории и культуры? В моей попытке Словаря составлен параллельный словник на 2 тыс. фамилий. Включить ли их в общий алфавит при публикации Словаря или дать отдельно — не составит затруднений. Теоретически наиболее уязвимо, что отбор их зависит от составителя, но при таком ограничении их места в Словаре отдельные спорные случаи не затронут картины в целом.

Сколько фамилий в России — неизвестно. Сложные расчеты, требуя примеров и пояснений, заняли бы здесь десятки страниц, а итоги их весьма зыбки: безусловно, больше 200—300 тыс., но сколько? Полмиллиона? Миллион? Для своего Словаря я избрал объем, охватывающий больше 95% всего русского населения.

---

[6] В. А. Никонов. Формы русских фамилий. — «Studia językoznawcze poświęcone St. Rospondowi». Wrocław, 1966.

Это составило 70—75 тыс. фамилий (пока отобрано более 50 тыс. фамилий). Контрольная пробивка моего словника на букву *А* по фонду, включающему около полмиллиона жителей, подтвердила расчеты. Лишь малая часть всех русских фамилий охватывает основную массу русского населения, а необъятная масса фамилий принадлежит лишь малой части русского населения. Добиваться большей полноты в общерусском словаре и невыполнимо, и нежелательно, иначе грандиозная масса фамилий, охватывающих лишь малую часть населения, заслонит фамилии, охватывающие почти всю массу населения. В противоположность любительской погоне за раритетами, Словарь — не кунсткамера: им место в местных словарях фамилий по небольшим территориям, там главным требованием можно поставить полноту учета, а по возможности, и документальную справку о появлении каждой фамилии.

Но лучше привести небольшой кусок сделанного, не выборочно, а непременно без пропусков, чтоб можно было судить о словнике, содержании статей, форме подачи, пробелах и неудачах. Здесь приведено начало Словаря — первые 350 фамилий, 1/200 часть всего объема Словаря, из которого пока обработаны 5 тыс. фамилий (в том числе 2400 на *А*). Публикация эта предназначена единственно для выработки принципов и техники будущего Словаря, работа над которым требует, конечно, многих лет.

Здесь опущены: вводная статья о стратиграфии русских фамилий, показывающая их исторические пласты, и ключ к формам фамилий (средства словообразования).

Сокращений, кроме общепринятых, — три: ж. л. и. — женское личное имя; м. л. и. — мужское личное имя; ф. — фамилия.

В фамилиях, не имеющих пометы ударения, место его неизвестно, — неизбежная беда при материале, известном лишь из письменных источников.

Составитель рад выразить благодарность за помощь и советы, которые давали Ю. А. Анцисс, С. А. Арутюнов, А. Г. Гафуров, И. Г. Добродомов, А. Б. Долгопольский, А. С. Приблуда и работники более 30 архивов.

Сокращения*

Бірыла	М. Бірыла. Беларуская антрапанімія, I—II, Мінск, 1966—1969.
ДПК	Десятни Пензенского края. СПб., 1897.
Жанузаков	Т. Ж. Жанузаков, Я П. Белоусов, Т. М. Муканов. Қандай есімдіұнатасыз. Алматы, 1968.

* Сюда вынесены только те работы, ссылки на которые многократны. Вся остальная литература указана непосредственно в тексте статьи. В данную публикацию включены только те работы, на которые даны ссылки в приведенных 350 статьях.

Магницкий	В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» XXI, 2 и 3. Казань, 1905.
НПК	Новгородские писцовые книги, I—VI, СПб., 1862—1910.
ППНН	Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. СПб., 1896.
Редько	Ю. К. Редько. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
ССКЗД	Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
Суднік	М. Р. Суднік. Слоўник асабовых уласных імен. Мінск, 1965.
ТК	Тысячная книга 1550 г. М.—Л., 1950.
Трубачев	О. Н. Трубачев. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — «Этимология. 1966», М., 1968.
Тупиков	Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Bahlow 1933	H. Bahlow. Deutsches Namenbuch. Ein Führer durch Deutschlande Familiennamen. Neumünster, 1933.
Bahlow 1965	H. Bahlow. Unsere Vornamen in Wandel der Jahrhunderte, Limburg — Lahn, 1965.
Brechenmacher	J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen, I—II. Limburg—Lahn, 1957—1962.
Lévy	P. Lévy. Les noms des israelites en France. Paris, 1960.
Rospond	St. Rospond. Słownik nazwisk śląskich, I. Wrocław, 1967.
SSNO	Słownik staropolskich nazw osobowych. I — . . . Wrocław, 1965—. . .
Svoboda	J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

* * *

Ара́зев — возможно, отчество, с русск. суфф. *-ев* от мордовского м. л. и. Аразь, прозвищного происхождения из нарицательного эрз. *аразь* 'пустяк'; ф. записана на Среднем Поволжье (1967).

Аро́нов — отчество с русск. суфф. *-ов* из м. л. и. Аарон, др.-евр. происхождения (предполагаемое значение 'ковчег объединения'), принятое и православной церковью, но у русских употреблялось редко (в форме Арон).

Аба́бин — возможно, из диал. *обабить* 'оженить, сделать вялым, трусливым, плаксивым' (Даль^3 II, 582); в акающих говорах закономерен переход безударного *о* → *а*.

Аба́бков — отчество от прозвища из нарицательного *обабок* 'вялый, плаксивый, боязливый' (Даль^3 II, 565); не исключена возможность иной основы прозвища — диал. *ababок* 'гриб' (например, газ. «Владимирские губ. ведомости», 1844, Прибавление к № 51, стр. 213).

Абабу́ров — отчество, вероятно, из прозвища, ср. диал. *обабурить* 'вытаращить, выпучить глаза' (Даль^3 II, 566, с пометой: ярославское); безударное *о* → *а* закономерно в акающем произношении. Трудней мотивировать связь с привлекаемыми Н. В. Бирилло в объяснение аналогичной белорусск. ф. Абабуров — блр. *бабура*, *бабурка* 'бабочка' и 'головастая рыба' (Бірыла II, 15). В написании Обабуров ф. часта в середине XVI в. (ТК, 364—365). Ср. также *Бабуров*, *Бабурин*.

Абагинский — псевдоним поэта А. Г. Кудрина (И. И. Барашков. А. Г. Абагинский, указатель литературы. Якутск, 1949). Псевдоним избран по названию населенного пункта Абага в Якутской АССР, которое в свою очередь из названия рода.

Абада́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Абадай, вероятно, тюркоязычного, которое могло возникнуть из тюрк. *әбәдi* 'вечность, вечный'.

Аба́ев — отчество с русск. суфф. *-ев* от тюрк. м. л. и. Абай, которое из нарицательного *абай* 'отец, старший брат' (также 'осторожный'). О. Н. Трубачев непосредственным источником этой ф. указывает осет. *абайты* (Трубачев, 4). Действительно, ф. А. есть и в Осетии, например ф. известного ираниста В. И. Абаева, но и там *абайты* тюркоязычного происхождения, а ф. А. распространена и в Средней Азии, и в Татарск. АССР с близкими к ней территориями Среднего Поволжья: 1897 г. — с. Торговое Талызино (Сеченовск. р-н Горьковск. обл.), 1927 г. — Астрадамоск. р-н Ульян. обл. Распространенность ф. А. именно там, где звучат или звучали тюрк. языки, делает менее вероятными другие возможные основы отчества: прозвище из русск. диал. *обай* 'балагур, обманщик' (Даль³ II, 566), в коми-зырянских диалектах *обай* 'лукавец, хитрец' (ССКЗД, 9).

Абаза́ев — отчество с русск. суф. *-ев* от формы Абазай из *абаз* (см. Абазов)

Абаза́ров — см. *Абузаров.*

Абазин — отчество с русск. суф. *-ин* из Абаза (см. *Абазов*).

Аба́зов — отчество с русск. суф. *-ов* из *абаз*: в тюрк. языках *абаз*, *абаза* 'абхазец'; в Крыму означало человека, говорящего невнятно (Радлов, I).

Аба́имов — отчество из нецерковного м. л. и. Обаим, известного в России XVI—XVII вв.: Абаим Голчин — стрелецкий сотник в 1550 г. (ТК, 285). Имя, возможно, из диал. *обоим*, *абаим* 'краснобай, обманщик, плут; бойкий, ловкий' (Даль² I, 1 и II, 566, с пометами: новгород., перм., нижегород., рязан.), но вероятней татар. м. л. и. — например, Обоим Чембулатов в Атемарской десятне 1069 г. (ДПК, 211).

Аба́ин — отчество с русск. суфф. *-ин* от формы Абая из тюрк. м. л. и. Абай; форма зафиксирована, например, у чувашей в русск. документах XVIII в., графически — Обая (Магницкий, 60).

Абака́нов — отчество с суф. *-ов*, по-видимому, из формы Абакан от канонического м. л. и. Аввакум. В документах с XV в. засвидетельствованы формы Абыкан, Обекан, Обакан, например Обакан васильев сын титова — 1534 г. (Тупиков, 31). Таким образом, ф. не имеет ничего общего с названием гор. Абакан, а родственна этимологически с фф. Аввакумов, Бакунин и др. Однако не вполне исключена иная возможность, что м. л. и. возникло из иноязычного м. л. и. (например, Аба-хан).

Абака́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Абукар у чеченцев и ингушей.

Аба́кин — в основе м. б. тюрк. *абака* 'батюшка, дядя' или м. л. и. (Радлов I, 622).

Абаки́ров — отчество с русск. суф. *-ов* возможно, от Абакир — упрощения м. л. и. Абубакир, распространенного исламом (см. *Абубакиров*) или из канонического м. л. и. Аввакир, но в России это имя употребляли исключительно редко, поэтому происхождение ф. из него маловероятно.

Аба́ков — отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Абак, в основе которого тюрк. *абак* 'идол, кумир', например в крымско-татарском (Радлов, I), предполагают заимствование из монг. языков. В XVIII в. документированы: Абак — тайша «белых калмыков» в Сибири и теленгутский князь Абак (Обак), его сын — Абаков (Г. Ф. Милер. История Сибири, II); м. л. и. Абак употреблялось у чувашей (Магницкий, 9 и 24). Форма Абак от канонического м. л. и. Аввакум, через обиходное Абакум, вполне возможна, но употребление ее у русских никем не зафиксировано; однако она могла стать основой ф. у грузин и армян.

Абаку́мкин — отчество от уничижительной формы Абакумка из канонического м. л. и. Аввакум в его обиходной русск. форме Абакум (см. *Аввакумов*).

Абаку́мов — притяжательное прилагательное (вероятно, отчество) от просторечной формы Абакум из канонического м. л. и. Аввакум (др.-греч. заимствование из евр.; другие фф. из того же имени — см. *Аввакумов*).

Аба́кшин — отчество из нецерковного м. л. и. Обакша, документированного с 1539 г. (Тупиков, 283). В основе имени м. б. архаичное *опакша* 'нерасторопный, неловкий' (Даль³ II, 697); озвонченье *п* → *б* в интервокаль-

ной позиции возможно, но отсутствие письменной формы Апакшин оставляет под сомнением правильность этой этимологии.

Абала́кин — отчество от формы Абалака (см. следующ.).

Абала́ков — отчество с русск. суф. *-ов* из тюрк. м. л. и. Абалак. В начале XVI в. известен сибирский царь Абалак, Обалак («Сибирские летописи», СПб., 1907), существует современное якутское м. л. и. Абылак (сообщила А. И. Рудных). Нарицательное тюрк. *абалак* 'маленький мальчик' (Радлов I, 624) могло стать прозвищем; в некоторых тюрк. языках есть также *абалак* 'круглолицый, толстощекий'. Но не исключено, что в основе отчества русск. прозвище Обалак из диалектного глагола, означавшего 'испачкаться, валяться в грязи'.

Абала́кшин — отчество из Абалакша, что могло быть либо тюркоязычным м. л. и. (см. предыдущ.), либо русск. прозвищем (диал. *алакша* 'грязнуля, пачкун' и префикс *об-*)

Абала́тский — происхождение ф. не выяснено.

Абалду́ев — отчество из нецерковного м. л. и. Обалдуй, хорошо известного по документам с XVI в., его носил крупный боярин, родоначальник рода Обалдуевых. В основе имени — нарицательное *оболдуй* (в акающем произношении — *абалдуй*) 'грубый, необразованный, неумный'.

Абале́шев — ф. документирована с 1591 г. в написании Оболешев (ТК, 243). Возможна связь с диалектным глаголом *аблешиться* 'облениться', записанным под Рязанью (Деулинский словарь, 354). Не вполне исключена этимологическая связь с гнездом *аблес* (см. *Аблесимов*) как результат фонетического изменения *с* → *ш*; с другой стороны, неясна возможность связи с ф. Абеляшев.

Абалин — вероятно, от мусульманск. м. л. и., связанного с др.-тюрк. *абали* 'гордость, величие' (у Махмуда Кашгари). Менее вероятна связь с русск. диалектными глаголами *абалить* 'разорять' (Деулинский словарь, 351) или *балить* 'шутить, озорничать, болтать' (Филин II, 82) с префиксом *о-*.

Абалихин — м. б. связано с диал. *обалиха* 'мучная похлебка с молоком или маслом'? Иначе М. В. Бирилло в отношении той же ф. у белорусов, связывая ее с литов. *óbalas* 'яблоко' (Бірыла II, 15).

Абали́шников — одна из самых загадочных русск. фф. Встречается также в формах Абаличников, Абалышников. Первоначально это — притяжательное прилагательное (образованное с суф. *-ов*) от обозначения отца. Но слово **абаличник* (или в ином фонетическом облике) нигде не записано. Пока можно перечислить несколько предположений только для обсуждения: 1) связь с *обалы* 'завалинка' (указали Н. Н. Бражникова, Г. П. Смолицкая); специального ремесла по устройству завалинок не существовало, но могло возникнуть прозвище для постоянного завсегдатая завалинок — излюбленного места отдыха и бесед; 2) производное от диалектного глагола *обалить* 'разорять, портить' (Деулинский словарь, 351); 3) из *обалиха*, *обалиша* 'мучная похлебка с молоком или маслом ' +суффикс *-ник*, обозначение любителя этого кушанья; 4) связано с той же основой, как и ф. *Абалихин* (см.); менее вероятны: 5) *обличник* 'доносчик, обличитель' (Даль[3] II, 596) или архаичное *ополичник* 'свидетель'; 6) от *обличить* 'обсчитать' (Даль[3] II, 597) см. также *Абалин*, *Абалкин*.

Аба́лкин — основа ф. неизвестна. Ян Свобода приводит чешское м. л. и. Obalka (Svoboda, 198) с этимологическим значением 'пальтишко', но в русск. языке это слово неизвестно. Диал. *абалка* м. б. из *хабалка* 'озорник,буян, ругатель, нахал' (Даль[3] IV, 556) — относилось и к мужчине; *абалка* в этом значении употребляли на Среднем Поволжье в начале нашего столетия. Также из диал. *обалка* 'охапка, убогий возишко' могло возникнуть прозвище, отчество от которого стало фамилией.

Абалу́ев, Абалы́мов — происхождение фф. не выяснено.

Абалы́шников — см. *Абалишников*.

Абальма́сов, Абаля́ев, Абаля́мов — происхождение фф. неясно.

Аба́нин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Абаня из м. л. и. Абакум (церковное Аввакум) или из мусульманского Аббас.

Аба́ничев — отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суф. *-ич* — Абанич=сын Абани (см. предыдущ.), следовательно, первоначально эта ф. была дедичством.

Аба́нкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Абанка из деминутива Абаня (см. *Абанин*).

Аба́нов — пока не найдена основа *абан* среди нарицательных; форма м. л. и. Абан могла быть производной (например, от Абакум), но она нигде не обнаружена; ф. остается нераскрытой.

Аба́нькин — отчество от уничижительной формы Абанька из Абаня (см. *Абанин*).

Аба́нько́в — отчество от уменьшительной формы Абанько из Абаня (см. *Абанин*).

Аба́ньшин — отчество от формы м. л. и. Абаньша, в основе которой — Абаня (см. *Абанин*) и нередкий в древнерусской антропонимии суф. *-ша*.

Абара́лов — притяжательное прилагательное от прозвища Абарал, Абарало, возможного из архаичных основ *-обор-* в различных значениях: 'обобрать', 'опахать', 'реветь, выть'. В акающем произношении закономерно *о* → *а* в безударной позиции.

Абарбане́л(ь) — ф. евр. происхождения, известна с XII в. как аббревиатура имени Абраам бен Элиягу 'Авраам сын Ильи'; ее избрал себе в XV в. испанский еврей-философ и государственный деятель, затем она распространилась, существует в наши дни в Москве (сообщ. А. С. Приблуда). В Петербурге 1910 г. — Барбанель («Весь Петербург», 1910, стр. 93), в ряде стран — Abravanel.

Абарбарчу́к — ф. евр.-укр. или евр.-белорусск. происхождения, возникла в России в XIX в. в «черте оседлости». Ее основа — аббревиатура Абарбар 'сын Авраама' из м. л. и. Абраам, (*бар* 'сын'), дополнительно оформленная суффиксом украинских и белорусских фамилий, максимальное распространение которого охватывает Подолию, Волынь и ю.-з. Белоруссии (см. карты: Ю. К. Редько. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966, стр. 199; Н. В. Бирилло. Белорусская антропонимия. Минск, 1969, стр. 39).

Абаренков, Абаренов — см. *Абарин*.

Аба́рин — ф. документирована с середины XVI в. («Заика да Данилка григорьевы дети Абарина» в Твери — ТК, 196). Этимология неясна; м. б. причаст. страдат. из *обварить*, т. е. 'обваренный' (ошпаренный кипятком). Вероятно, с тем же этимологическим гнездом связаны фф. Абаренков, Абаренов, м. б. Абаров, Абаровский, но, с другой стороны, есть и Аборов, этимологии которых пока также не установлены.

Аба́ров, Абаровский, Абарша́лин, Аба́рышев — происхождение фф. неизвестно.

Аба́сев — первоначально отчество из м. л. и. Абась, записанного в прошлом у чуваш (Магницкий, 24), которое могло возникнуть из мусульманского м. л. и. Аббас.

Аба́син — отчество из форм м. л. и. Абаса, Абася (см. предыдущ.).

Аба́сов реже (Абба́сов) — отчество с русск. суфф. *-ов* из м. л. и. Абас (араб. *аббас* 'суровый, хмурый', переносно 'лев'), распространенного исламом у народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья; ф. особенно часта в Азербайджане — там имя Аббас наиболее распространялось под влиянием Ирана, где оно было именем нескольких шахов.

Аба́ськин — отчество с русск. суф. *-ин* из уничижительной формы Абаська от Абась (см. *Абасев*).

Аба́тин — происхождение ф. неясно: суффикс *-ин* предполагает основу на *-а*, т. е. *абата*, *абатя*, но не найдено ни нарицательных, ни собственных имен, от которых эта ф. могла быть образована; конечно, нельзя привлечь *аббат* 'католический священник'. Православные святцы содержали м. л. и. Абадер, но ничего не известно об его употреблении в России.

Аба́тов — см. предыдущ.

Абату́рин — отчество от прозвища в форме Абатура из Абатур (см. следующ.)

Абату́ров — отчество от прозвища Абатур из диал. *абатур* 'упрямый, своенравный, лентяй' («Труды Общества любителей российской словесности», ч. 1. М., 1822, стр. 286 — вологодское; «Владимирские губ. ведомости», 1844. Прибавление к № 51, стр. 213—214). В XVI—XVII вв. употребительно нецерковное м. л. и. Абатур (три примера см. Тупиков, 31) и отчество или м. б. уже ф. Абатуров (там же, 464). Не исключена связь с блр. *батура* 'балагур, пустомеля' (производные фф. см. Бірыла II, 45).

Абау́лин, Абау́ров — происхождение фф. неясно.

Аба́чин — образованное русск. суф. *-ин* отчество или непосредственно ф., основа же спорна. Возможны различные предположения: 1) слав. диал. слово, ср. укр. *обачный* 'расчетливый, осмотрительный'; 2) тюркоязычное м. л. и. Обатчи, записанное в прошлом у чувашей (Магницкий, 60); 3) *абача* в диалектах языка коми 'толстый, здоровенный' (ССКЗД, 9). Возможна контаминация с ф. Абашин (см.).

Аба́чев — отчество, вероятно, от прозвища, в основе которого диалектное нарицательное *обач* (в акающем произношении *абач*) 'старательный'.

Аба́шев — отчество из формы м. л. и. Абаш, пути происхождения которой могли быть различными: 1) из тюрк. *абаш* 'дед по отцу, старший брат' (Радлов I, 625); 2) из мусульманского м. л. и. Абаш от араб. 'муравей'; 3) из уменьшительной формы от м. л. и. Абакум (церковное Аввакум), но форма Абаш от него нигде не зафиксирована, тогда как документировано в прошлом у чуваш м. л. и. Абаш (Магницкий, 24), а в 1490 г. в Казанском царстве воевода Абаш («Иоасафовская летопись». М., 1967, стр. 129); несколько сел Абашево на Среднем Поволжье могли получить названия как из имени, так и из ф.

Абаше́ев — по-видимому, отчество, с суф. *-ев* из формы Абашей, происхождение которой неясно: она могла возникнуть от канонического м. л. и., например Аввакум в его просторечной форме Абакум, но вероятней — от нерусской основы (см. *Абашев*).

Абаше́нко — образованное укр. и блр. суф. *-енко* отчество от Абаш (см. *Абашев*).

Абаши́лов — хотя возможна связь с Абаш (см. Абашев), но суффикс *-ил-*, *-ило* образовывал личные имена только от славянских основ (Томило, Дедило и т. д.). Вероятней, из русск. диал. *башил*, *башило* 'озорник, шалун' (Филин II, 163) с протетическим *а-*.

Аба́шин — отчество с русск. суф. *-ин* из формы Абаша. Известно старинное чуваш. м. л. и. Абаш (Магницкий, 24), оно распространено и у других народов, находившихся под влиянием ислама (см. *Абашев*). В XVII в. на Иртыше княжил тайша Абаша, м. л. и. Абаша есть и сейчас у бурят. Но та же форма Абаша возможна как уменьшительная от м. л. и. Абакум (церковное Аввакум).

Аба́шкин — отчество из уничижительной формы Абашка, могшей возникнуть как от м. л. и. Абакум (церковное Аввакум), так и из мусульманского м. л. и. Абаш, например у чувашей XVIII—XIX вв. документировано Обашка (Магницкий, 60), см. *Абашев.*

Абашу́ров — происхождение ф. неясно.

Абая́нцев — отчество с суф. *-ев* из нарицательного *обоянцев* от обозначения отца по месту прежнего жительства *обоянец*, т. е. прибывший из гор. Обоянь (ныне в Курской обл.), сам топоним там же произносится с *а*: («абаянцы гудуть — лошадей вядуть» — И. Иллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и присловиях. М., 1915, стр. 286).

Абба́сов — отчество с русск. суф. *-ов* от распространенного исламом м. л. и. Аббас; в России чаще форма Абасов (см.)

Абви́нцев — притяжательное прилагательное от *абвинец* из диалектного нарицательного *обвинец*, вероятно, не по месту обитания на р. Обва (бассейн Камы), т. к. гидроним имеет ударение на первом слоге, а в значении 'обвиненный' (*обвин* 'обвинение' — Даль[3] II, 569).

Абга́ров — отчество с русск. суф. *-ов*, в основе м. б. тюрк. м. л. и. Абгар или прозвище из блр. *абгар* 'обгорелый'.

Абгафо́ров — по-видимому, образованное русск. суф. *-ов* отчество от м. л. и., неузнаваемо искаженного. Хотя *-фор* толкает на поиск др.-греч. источника (др.-греч. 'носитель' — ср. Елпидифор, Онисифор, Никифор и др.), но вероятней звуковое совпадение, а в основе мусульманское м. л. и., например Абдугафар (тадж. и узб. Абдугафор). Нельзя привлечь блр. *абгавор* 'пересуды', так как в славянских языках интервокальный согласный не оглушается.

Абда́лин, Абда́лкин — отчества с русск. суф. *-ин*; относительно основ Абдала и уничижительн. Абдалка возможны несколько предположений: 1) распространенное исламом еще домусульманское м. л. и. Абдулла (араб. 'раб божества', позже переосмысленное как 'раб Аллаха'), в тадж. и узб. — Абдолла; 2) тюрк. *абдал* 'нищий'; 3) русск. диал. *абдал* 'мошенник, плут' (предположительно из иранских языков); 4) маловероятно из канонического м. л. и. Авделай, которое в России почти не употреблялось.

Абда́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от формы Абдал (см. предыдущ.)

Абде́ев, Абдиев — возможно, фонетические варианты к Авдеев, Авдиев.

Абди́ркин — ф. Обдиркин, но в акающих говорах.

Абдраза́ков — см. *Абдуразаков.*

Абдраги́мов, Абдраи́мов, Абурахи́мов — см. *Абдурахимов.*

Абдрахма́нов — см. *Абдурахманов.*

Абдрин, Абдра́ев — происхождение фф. не выяснено.

Абдували́ев — отчество или дедичство с русск. суф. *-ев* от принесенного исламом в Среднюю Азию, на Кавказ и Поволжье мусульманского м. л. и. Абдували (араб. 'раб Господина', т. е. Аллаха).

Абду́ев — отчество с русск. суф. *-ев*; из мусульманского м. л. и. Абду 'раб (Аллаха)', но также могло образоваться от русск. прозвища Обдуй, из диалектного нарицательного *обдуй* 'обманщик, плут' (Даль[3] II, 574).

Абдужаба́ров — отчество или дедичство с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом народам Средней Азии и Кавказа м. л. и. Абдужабар (араб. Абдужабар 'раб Могущественного ' или 'раб Гневного', т. е. Аллаха; замена *дж* → *ж* говорит за вероятное посредство казах. языка).

Абдукады́ров — отчество или дедичство с русск. суф. *-ов* из мусульманского м. л. и. Абдукадыр (араб. 'раб Всемогущего'), теперь неупотребительного в нашей стране.

Абдукари́мов — отчество с русск. суф. *-ов* из мусульманского м. л. и. Абдукарим (араб. 'раб Щедрого', т. е. Аллаха) у народов Кавказа и Средней Азии.

Абдула́ев (также Абдуллаев) — отчество с русск. суфф. *-ев* от форм м. л. и. Абдулла, распространенного исламом, но по происхождению еще доисламского: араб. Абд-ул-илах 'раб божества' с последующим монотеистическим переосмыслением и фонетическими упрощениями. Основой отчества послужила, видимо, форма Абдулай, так как форма Абдулла требовала бы суффикса *-ин.*

Абду́лин — отчество с русск. суф. *-ин* от формы Абдула из Абдулла (см. предыдущ.); ф. часта на Среднем Поволжье, как и топонимы Абдулино.

Абдулкады́ров — см. *Абдукадыров.*

Абдулла́ев — см. *Абдулаев*

Абду́ллин — см. *Абдулин*

Абду́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от формы Абдул из распространенного исламом м. л. и. Абдулла (см. *Абдулин*).

Абдураги́мов — см. *Абдурахимов.*

Абдураза́ков — отчество с русск. суф. *-ов* из мусульманского м. л. и. Абдурразак (араб. 'раб Питающего', 'раб Дающего блага', т. е. Аллаха); ф. пришла в Россию лишь в последние десятилетия, в форме Абдразаков пришла преимущественно из казах. языка, в форме Абдуразаков — из узб.; в кирг. встречаются обе формы.

Абдурахи́мов — отчество или дедичство с русск. суф. *-ов* из распространенного исламом у народов Кавказа и Средней Азии м. л. и. Абдурагим (араб.

'раб Милосердного', т. е. Аллаха; Рахим — один из самых частых эпитетов Аллаха); фонетические варианты ф. различны; в Москве на 10.9.1970 проживало (по данным адресного стола, т. е. только взрослое население):

Форма ф.	Азерб.	Дагест	Казах.	Татар.	Узб.	Русск.	Итого*
Абдрагимов							—
Абдраимов			1				1
Абдрахимов				18		2	20
Абдрихимов				1			1
Абдрякимов				1			1
Абдряхимов				22			22
Абдурагимов	1	1				1	3
Абдураимов			1		1		2
Абдурахимов . . .				5	3	3	11
Абдурхимов				1			1
Абдуряхимов . . .				2			2
Аберяхимов						1	1
Абракимов				2		1	3
Абрахимов				8			8
Абряхимов				1			1

*кроме того, вне Москвы зафиксированы: Абдрагимовы из азерб. и дагест., Абдраимов и Абдрахимов из кирг., Абдурагимов из казах., Абдураимов из казах. и узб., Абдурахимов из тадж. и узб., Абдурагимов из азерб.

Абдурахма́нов — отчество или дедичство с русск. суф. *-ов* от одного из самых излюбленных в прошлом у мусульман м. л. и. Абдурахман (точней — Абд-ур-Рахман, араб. 'Раб Милосердного', т. е. Аллаха, этим эпитетом Аллаха открывается Коран). Фонетические расхождения: артикль редуцирован полностью (Абд-) или частично (Абд-у-), полная форма Абдуррахманов представляет исключение; Абдрахманов — особенно часто у татар, башкир, тюркоязычных народов Сибири, также у казахов и киргизов; Абдурахманов — особенно часто у татар и узбеков. В России отчество А. (возможно, и ф. — у дворянства из татар) появилось не позже XVII в., м. б. из усечения этого м. л. и. возникла и ф. Рахманов, о происхождении которой спорили крупнейшие лингвисты (по А. И. Соболевскому, — из *брахман*; по А. М. Селищеву, — из русск. диал. *рахманный* 'вялый' или 'щеголь'). В Москве на 10.9.1970 живут (только взрослое население): Абдрахманов — 103, Абдудрахманов — 1, Абдураманов — 2, Абдурахман — 2, Абдурахманов — 67, Абдырахманов — 2, Абрахманов — 12.

Абдураши́дов, Абдураши́тов — отчество или дедичство с русск. суф. *-ов* из мусульманского м. л. и. Абдурашид, точней — Абд-ур-Рашид (араб. 'раб Разумного, Всезнающего', т. е. Аллаха; среди эпитетов Аллаха это один из частых), которое было распространено у народов Кавказа и Средней Азии, реже — Поволжья и Сибири. Различны фонетические варианты ф.: из татар., башк., казах. языков — Абдрашитов, с полной утратой артикля и оглушением *д* → *т* (это могло произойти только в финальной позиции, следовательно, еще на стадии имени, а не ф., так как в ф. позиция *д* интервокальна и оглушение не могло происходить); узб., азерб. и др. сохранили гласный артикля и звонкость *д* — Абдурашидов. В Петербурге 1910 г. значились Абрашитов, Абряшитов («Весь Петербург», СПб., 1910) — искаженная передача этимологически непонятных фамилий с ошибочной подстановкой более знакомой основы Абраш (от Абрам). В Москве на 10.9.1970 живут (не считая несовершеннолетних): Абдрашитов — 24, Абдрашотов — 1, Абдрешитов — 4, Абдряшитов — 4, Абдурашидов — 2, Абдурашитов — 4, Абдуряшитов — 1, Абра-

шитов — 10, Адрашитов — 1; таким образом, в одном городе эта ф. встречается в девяти различных формах.

Абдурхи́мов, Абдуряхи́мов — см. *Абдурахимов.*

Абдыкери́мов — см. *Абдукеримов.*

Абдырахманов — см. *Абдурахманов.*

Абдюко́в — отчество с русск. суф. *-ов* от форм Абдуг, Абдук из мусульманского м. л. и. (араб. 'раб Его', т. е. Аллаха), окончание принято на русск. почве за слав. формант *-ук, юк.* Документировано в XVIII—XIX вв. у чуваш. м. л. и. Абдук (Магницкий, 24).

Абдю́шев — отчество из м. л. и. Абдеш у тюркоязычных народов; ф. распространена в Киргизии, Казахстане, Татарии, Башкирии, у русских Среднего Поволжья, — это подтверждает тюрк. происхождение ее (а не из формы Авдюш от канонического м. л. и. Авдей).

Абезга́уз, Абезгу́з — ф. возникла у евреев Германии на языковой почве идиша, из евр. м. л. и. Аба (в основе которого — др.-евр. нарицательное со значением 'отец') и нем. *Haus* 'дом', в диалектах — *Hus*; этимологическая семантика ф. — 'семья Абы' (сообщ. А. С. Приблуда); в России — с XIX в.

Абе́зин — притяжательное прилагательное с русск. суф. *-ин*; нарицательное *абеза* — старое русск. название абхазов и грузин.

Абелев — 1) отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Абель (Авель), частого в Германии, Польше, в прошлом также на территории Украины и Белоруссии; 2) другой вероятный источник образования этой ф. — придание русскоязычной формы к ф. Абель (см.) присоединением к ней самого частого форманта русских фамилий.

Абе́лин, Абе́лов — происхождение фф. не выяснено; возможна связь с блр. *абелить* 'оправдать'.

А́бель — ф. принесена из Германии, где зафиксирована с XIII в.; краткая форма средневекового герм. м. л. и. Адальберхт (производно — Альберт), выражавшего идею благородного происхождения (Bahlow 1933, 18; Brechenmacher I, 2 — оба решительно отвергают связь с библейским м. л. и. Авель). В Польше поздняя документация (в Силезии — XIX в., Rospond — SNŚ I, 1) побуждает предположить евр. происхождение ф. из библейского Авель. В России оба источника возможны.

Абельдя́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из неизвестного м. л. и., возможно тюркоязычного; так, в прошлом у чувашей было м. л. и. Авелдей (Магницкий, 24), генетически это м. л. и. могло быть родственно с тюрк. словом, отдаленные следы которого отразились в ф. Абалдуев (см.)

Абельма́н — ф. нем. происхождения из Abel mann 'человек Абеля', в Германии документирована с 1481 г. (Brechenmacher I, 2; Bahlow 1933, 18). В России ф. А. очень поздняя, например астроном И. Я. Абельман (1866—1898); широкую известность приобрела, так как ее носил большевик инженер Н. Абельман, убитый во время левоэсеровского мятежа 8 июля 1918 г.

Абеля́шев — м. б. связан с блр. *абелить* 'оправдать'?

Аберзе́нков — образованная укр. и блр. суф. *-енко* ф. Аберзенко, в основе которой польск. *oberża* 'корчма, постоялый двор'; на русск. почве дополнительно оформлена господствующим суффиксом русск. фф. *-ов.*

Аберский, Аберта́сов — происхождение фф. не выяснено.

Аберю́хин — отчество с суф. *-ин* из формы *аберюха*, в которой *-юха* может свидетельствовать о диалектности и архаичности, но основа остается неясной: прозвище или одно из канонических м. л. и., например Аверкий? Можно бы привлечь чуваш. м. л. и. Аберка (Магницкий, 24), но оно само могло быть формой из Аверкий или из другого церковного имени.

Абесало́мов — происхождение ф. неизвестно, несмотря на простой состав ее: отчество с русск. суф. *-ов* от м. л. и. Авессалом. Но в православных святцах этого имени нет; его носил, по Библии, сын царя Давида, убийца брата, проклятый отцом. Следовательно, исключена возможность русск. отчества А.; подобные ф. получали семинаристы от архиереев, но библейский персонаж таков, что архиерей не решился бы дать ф. А. будущему священнику. Едва ли ф. возникла в вольнодумной среде наперекор церкви. Правда,

носитель м. л. и. Абессалом мог принадлежать не к православной церкви или мог носить церковное имя Абсалон (по «святому» первых веков христианства), а употреблять его в библейской форме, в какой и передать как отчество.

Абе́хтиков — отчество, м. б. от произвища Апехтик от диалектного глагола *опехтать* 'жадно есть'; озвончение губного согласного в интервокальной позиции возможно, а безударное *о → а* в акающих говорах обязательно. Однако предположение еще нуждается в доказательствах. Записано чуваш. м. л. и. Обахта (Магницкий, 24), но возможность связи с ним не выяснена.

Абецеда́рский — ф. книжного происхождения: *абецедарий* — лат. *abecedarius* 'азбука' (по первым буквам латинского алфавита ABCД).

Аби́бов — отчество с русск. суффиксом от канонического м. л. и. Абиб или от мусульманского м. л. и. Хабиб (араб. 'друг') с утратой начального согласного (Lévy, 142)

Абибо́ков — ф. белорусск. происхождения, из *абібок* 'лодырь, гуляка' (Бірыла II, 15).

Аби́дин — раннее документальное упоминание — полковник Степан Обидин (1670 г. — Тупиков, 283) равно могло быть еще отчеством или уже фамилией. В основе нецерковное м. л. и. Обида, отчество от которого закрепилось в следующих поколениях как фамилия, или непосредственно из нарицательного *обидеть* с присоединением того же суф. *-ин*.

Абидов — отчество с русск. суф. *-ов* из принесенного исламом м. л. и. Абид (араб. 'молитва, поклонение'); православные святцы также включали м. л. и. Абид, но употреблялось ли оно в России — пока неизвестно.

Абиев — происхождение ф. неясно; неизвестность места ударения еще более затрудняет этимологизацию. В Чердынском р-не Пермской обл. есть пос. Абия, но этимология топонима также неизвестна. Ст.-слав. абие могло стать основой ф., данной в духовной семинарии, но никакого подтверждения этому нет.

Абижа́ев — ф., образованная с суфф. *-ев* от глагола *обижать*, или первоначально отчество с тем же суффиксом от прозвища Обижай. В обоих случаях безударное *о→а* закономерно в акающем произношении.

Аби́лов, Абина́ков — происхождение фф. не выяснено.

Абира́лов — отчество от прозвища Обирало 'обирало' (блр. *абирала*) или непосредственно прозвищная фамилия от глагола *обирать*, образованная с господствующим суффиксом русск. фф.*-ов*.

Абиса́лов, Абитов — происхождение фф. не выяснено.

А́бих — восточногерм. форма от м. л. и. Альбрехт; документирована с 1472 г. (Brechenmacher I, 4).

А́бкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Абка, возможной как из канонических м. л. и. (Аввакум, через обиходную форму Абакум и др.), так и от многих мусульманских м. л. и. (с Абу- и Абд-), не исключена евр. основа.

Абию́ров — происхождение ф. не выяснено.

Абла́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из старинного м. л. и. Аблай у калмыков и сибирских татар, это имя носили сын и внук сибирского царя Кучума в XVI в., калмыцкий князь в середине XVII в.; оно упомянуто и в «родословной монгольских и татарских ханов» («Сказание о зачатии царства Казанского». Казань, 1902). Такое происхождение ф. подкреплено и наличием ее сегодня в Татарск. АССР. Так как для передачи подлинника нет точного звукового соответствия в русск. языке, то правомерна также и форма Абляев. Однако не вполне исключена возможность иной основы — русск. прозвище Облай из нарицательного *облай* 'ругатель' от глагола *облаять* (Даль II, 593) с закономерной меной безударного *о→а*.

Абла́зов — см. *Аблязов*.

Аблака́тов — притяжательное прилагательное *аблакатов*. Диалектное *аблакат* из литературного 'адвокат' записано неоднократно (например, Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907, стр. 8). Так как сам термин распространился

в России поздно, *аблакатов* выражало, очевидно, не принадлежность, а отчество, вероятней, от деревенского прозвища.

Абламо́нов — отчество от прозвища из диал. *обламон* 'обманщик, плут' (Даль[3] II, 593, с пометой: новгор., псков.); ф. записана в Ульяновск. обл., 1928 г.

Абла́нов — отчество с русск. суфф. *-ов* от м. л. и. Аблан, употребительного у казахов и нек. др. народов. Связь с документированным у чехов в XIII в. м. л. и. Oblan (Svoboda, 285) едва ли возможна.

Абла́шкин — отчество из уничижительной формы Аблашка, образованной с русск. суффиксом от одного из татар. и чуваш. м. л. и. — Аблаз, Аблак и др.; ф. записана в Тиинском р-оне Ульяновск. обл., 1931 г.

Абле́пов — отчество от прозвища Аблеп ('прилипало, приставало', т. е. 'назойливый') из глагола *облипать*.

Абле́симов — отчество, основа которого спорна. Из канонических м. л. и. можно привести Амвросий (просторечная форма — Абросим) и Авлюцин, редкость которого увеличивала вероятность фонетической деформации. Если же Аблесим — прозвище, то его основой можно бы допустить диалектные *аблёза* (*облёза*) 'льстец' (Даль[3] II, 612) и *аблес*, *абляз* (см. *Аблясов*), но необъяснимо присоединение *-им*, как и при производстве из тюрк. м. л. и. Аблаз; миновать эту трудность могло бы прозвище *облесим* — причастие пассивного залога от глагола *облесить*, *облешить* 'одичать в лесу', но оно не зафиксировано. Известность ф. получила в XVIII в. — по писателю А. О. Аблесимову (1742—1783).

Аблеу́хов — притяжательное прилагательное от диалектного *облоух* 'ушастый, длинноухий, вислоухий' (Даль[3] II, 615, с. пометой: курск) в акающем произношении; блр. *аблавух* 'вислоухий'. При основе *оплеуха* неоправданы озвончение *п→б* и суф. *-ов* вместо *-ин*.

Аблива́нцев — первоначальное значение 'сын обливанца' (в акающем произношении), т. е. облитого, окаченного водой. Это могло быть связано с нередкой в старину забавой, но вероятней — с сектой обливанцев, совершавших обряд крещения не погружением в воду, а обливанием.

Абли́зин — отчество от прозвища из диал. *облиза* 'зубоскал' (Даль[3] II, 614), в акающем произношении безударное *о→а*.

Аблика́ев — ф. предполагает основу Абликай, которая нигде не документирована. Но известно старинное чуваш. м. л. и. Абляк (Магницкий, 24), от которого возможна такая форма.

Аблимо́хин — притяжательное прилагательное от *аблимоха*, м. б. фонетический вариант к *обливоха* 'пьяница' (Даль[3] II, 614) или по глаголу *облимонить* 'обмануть, обжулить'.

А́блин, А́блинов — вероятно, ф. церковнослужителя по с. Абля, она же Абла (в бывш. Казанск. у.)

Абличе́нков — отчество от прозвища Обличенок, но в акающем произношении,— прозвище из глагола *обличать* 'обвинять, уличать', но неясно, относилось ли оно к обличенному или к обличителю.

Аблов — ф. документирована еще в XVII в. (в написании Облов): в 1697 г. — рязанский помещик Иван Богданов сын Облов (Тупиков, 672), 1722 г. — та же ф. в алфавите рязанских помещиков. Этимология ф. неясна. Из канонического м. л. и. Евпл? Или из архаич. *обл* (краткая форма прилагательного, полная — *облый* 'круглый, полный')? Безударное *о→а* в акающих говорах обязательно. Наличие ф. А. в Татарск. АССР позволяет связать с топонимом Абла (см. *Аблин*).

Абло́гин — из формы *облога*, синонимичной *облог* (см. следующ.), и суф. *-ин*.

Абло́гов — из архаичного диал. *облог* и суф. *-ов*. Та же основа имела в смоленских говорах форму *облога* (Даль[3] II, 610), блр. *аблога*; значения различны: от 'залежь, целина' до 'обшлаг, отворот', то или другое могло послужить признаком для называния 'пашущий залежь' или 'носящий рукава с отворотами', это могло стать прозвищем, а для потомков — фамилией.

Мена безударного *о→а*, обязательная в акающих говорах, могла происходить на любой стадии (нарицательного, прозвища, отчества, фамилии).

Аблы́нин — из *облыня* от глагола *лынять* со значением 'шляться без дела, увиливать', ср. в литературном языке *отлынивать*, в диалектах *лынь* 'лентяй' (ф. Лыньков — «Волки и овцы» А. Н. Островского); ф. А. указывает на существование еще одного производного из того же лексического гнезда.

Аблюко́в — отчество с русск. суф. *-ов*, возможное от старинного чуваш. м. л. и. Абляк (Магницкий, 24).

Абля́ев — см. *Аблаев.*

Абля́зов — см. *Аблясов.*

Абля́скин — отчество из уничижительной формы Абляска от Абляс (см. следующ.).

Абля́сов — отчество с русск. суф. *-ов*, образованное от Абляс. Диал. *абляс* в Среднем Поволжье (бывш. Казанская и Симбирская губ.) означало 'лысый' или 'обритый наголо'; в рязанских говорах *облезнуть* 'полинять' (Деулинский словарь, 353). Дохристианское м. л. и. Обляз (по законам русского языка произносилось Обляс, в акающих говорах — Абляс) очень часто в Московском государстве XV—XVI вв. (многочисленные примеры с 1495 г. — Тупиков, 284 и ТК, 364); в «Разрядной книге» 1512 г. — князь Иван Дмитриевич Обляз Вельяминов. Известно старинное чуваш. м. л. и. Абляз (Магницкий, 24), и возможно, что тюркоязычный источник исконней, за это — и названия селений Аблязово в Чувашск. и Башкирск. АССР, с. Ablяскино в Татарск. АССР.

Абмелю́хин — отчество от Абмелюха, вероятно, из канонического м. л. и. Амфилохий через промежуточную форму Амфилоха и метатезу сочетания согласных.

Абмо́лов — этимология ф. спорна; вероятную основу *обмол* можно связывать с различными глаголами: *обмолоть*, *обмолить*, *обмолвить*.

Абмо́ршев — возможно, из прозвища *обморыш*, образованного из глагола *обмереть*, могло быть связано с *обмороком*.

Абно́сов — м. б. из *обнос*, с различными значениями в говорах: 1) 'клевета, ложный донос', 2) 'ветхая одежда или обувь, вообще бедность'; 3) 'пропуск при потчевании'.

Абов, Абовин — происхождение фф. не выяснено.

Або́зов — прилагательное с суф. *-ов* из *обоз*, в акающем произношении. Значения основы различны: 'группа возов с товарами', 'походная кухня', 'походная военная аптека', 'дощатый боевой городок на колесах' (Даль[3] II, 629); укр. архаичное *обозни* 'интендант'.

Абои́мов — см. *Абаимов.*

Аболе́нский — фонетический вариант из Оболенский.

Аболе́нцев — отчество от именования *оболенец* по месту происхождения или прежнего жительства отца — из бывш. с. Оболенское (в Тульской губ.) или другого владения князей Оболенских.

Аболи́мов, Або́лин — происхождение фф. не выяснено.

Аболихин — см. *Абалихин*

Аболи́шин — от той же основы, как и Абалихин (см. *Аболихин*), пока спорной; *х→ш*, смягчение перед гласной переднего ряда (как Тимоха—Тимошин).

Аболтин — происхождение ф. не выяснено.

Абольников — можно бы предположить из *обольник*, *обольн(ый)+иков* и др., но эти основы не зафиксированы нигде; не больше оснований предполагать и основу *боль*. Вероятней, евр. происхождение ф. — в справочнике «Весь Петербург» 1910 г. показаны три евр. семьи с ф. Абольник (ни одной с *-ов*).

Абони́симов, Абоно́сов — происхождение фф. не выяснено.

Або́рин — отчество с суф. *-ин* от нецерковного м. л. и. Обора, засвидетельствованного в памятниках XV—XVI вв. (примеры 1495 г. и 1542 г. см. Тупиков, 284, отчество Оборин — стр. 673), в безударном положении закономерно *о→а*. Имя — из нарицательного *обора*, которое и сейчас живо

в других слав. языках (болг., польск., укр.) со значениями 'стойло, хлев, скотный двор', чеш. 'заповедник, охотничий лес'.

Аббркин — отчество от уменьшительной формы Оборка из Обора (см. предыдущ.).

Абраги́мов — отчество, образованное русск. суф. *-ов* от Абрагим (искаженное из мусульманского м. л. и. Ибрагим), араб. заимствование из др.-евр. Абрагим.

Абра́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Абрай, в прошлом засвидетельствованного в русских документах у народов Поволжья (Магницкий, 26).

Абраже́ев — отчество от Абражей, одной из форм канонического м. л. и. Амвросий; эта форма имени документирована на белорусском материале XV в. (Бірыла, 26).

Абра́ме́нков — отчество от формы Абрам из канонических м. л. и. Авраам, Авраамий и Аврамий (см. *Абрамов*) и укр.-блр., русск. суф. *-енко*; дополнительное оформление господствующим суффиксом русск. фамилий *-ов* - на почве русск. языка.

Абрамзо́н — ф. евр. происхождения из м. л. и. Абрам и нем. 'сын', т. е. 'сын Абрама'.

Абра́мкин — отчество от уничижительной формы Абрамка из м. л. и. Абрам.

Абра́мов — отчество от обиходной формы Абрам из нескольких канонических м. л. и. — Авраам, Авраамий, Аврамий, общая основа которых — др.-евр. м. л. и. Абраам (этимологическое значение 'высший отец'), заимствовано через греч. с другими именами византийской церкви. Библейские имена в России (Авраам, Исаак, Моисей и др.) особенно часты в XVII—XVIII вв., у русск. крестьян еще и в первой половине XIX в., когда уже редеют и становятся преимущественно признаком евр. населения. От различных производных форм того же м. л. и. возникли фф. Абраменков, Абрамкин, Абрамочкин, Абрамушкин, Абрамцев, Абрамычев, Абрахин, Абрашев, Абрашин, Абрашкин, Абрашнев, Абрашов, Авраамов, Авраменко(в), Аврамкин, Аврамов, Аврасин, Аврахов, Аврашков, Аври́н, Авров, Аврухин, Аврусин, Авраскин, Аврутин, Аврутов, Аврущенко(в). Некоторые из них могли возникать из евр. м. л. и. Абрам или его производных. В Польше многочисленные Abramow с 1435 г. (SSNO I, 7). В Петербурге 1910 г. — в сотне частейших.

Абрамо́вич — ф., видимо, возникла в евр. или белорусск. среде с составным суфф. *-ович* из формы м. л. и. Абрам, по готовой модели подобных фф., первоначально слагавшейся как отчество с *-ич* от отчества с *-ов*. В Польше — Abramowić многократно с 1231 г. (SSNO I, 7).

Абра́мочев — фонетическое изменение из *Абрамычев* (см.).

Абра́мочкин — вероятней, непосредственно ф. с суф. *-очкин* из формы м. л. и. Абрам (см. *Абрамов*), минуя стадию отчества, т. е. Абрамочка +*ин*; фф. с безударным *-очкин* (ударение — на основе) максимально часты на юге Калужской обл. со смежными сев.-зап. районами Орловской обл. и юго-зап. районами Тульской обл.

Абра́мушкин — отчество с суф. *-ин* из уменьшительной формы Абрамушка от м. л. и. Авраам через просторечную форму Абрам (см. *Абрамов*), но возможно непосредственное образование ф. с составным суф. *-ушкин* из Абрам.

Абра́мцев — возможны два различных источника, хотя оба в истоках связаны с Абрам (см. *Абрамов*): или от отчества Абрамец 'маленький Абрам' = 'сын Абрама', либо от *абрамец* — стяжение из *абрамовец* 'из села Абрамова', 'принадлежащий помещику Абрамову'.

Абра́мычев — отчество с суф. *-ев*, в свою очередь из отчества с суф. *-ич*; таким образом, первый А. — 'внук Абрама'.

Абра́ров — образованное русск. суф. *-ов* отчество или непосредственно ф. из принесенного исламом к народам Средней Азии, Кавказа и Поволжья м. л. и. Абрар (араб. 'праведный, благочестивый'), у таджиков и узбеков — в форме Аброр.

Абра́скин — см. *Аброскин*.

Абра́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Абраха из Абрам (см. *Абрамов*); правда, в южных и западных говорах был глагол *обраховать* 'обсчитать' (из польск. и укр.), от которого вполне могло образоваться *абраха*, но никаких письменных подтверждений нет.

Абра́шев — отчество с суф. *-ев* от формы Абраш из Абрам (см. *Абрамов*). Но в некоторых тюрк. языках *абраш* 'белобрысый', это могло стать источником именования.

Абра́шин — отчество с суф. *-ин* из формы Абраша от Абрам (см. *Абрамов*), ф. зафиксирована у крестьян в исконно русских селах (например, в исповедальной книге Авчуринской церкви Калужск. у., 1913 г. — Калуж. обл. архив, ф. 33, оп. 2, № 2126).

Абраши́тов — упрощение из *Абдурашитов* (см.).

Абра́шкин — отчество с суф. *-ин* из уничижительной формы Абрашка от Абраша (см. *Абрашин*); крестьянин Обрашка — в письме 1701 г. («Грамотки XVII — начала XVIII в.» М., 1969, стр. 69).

Абра́шнев — этимология неясна: *-н-* затрудняет связь с фф. от Абраш-, предполагая неизвестное прилагательное *абрашн-*.

Абрашо́в — отчество с суф. *-ов* из формы Абраш от Абрам (см. *Абрамов*).

Абре́ков — нарицательное *абрек* (из черкес.) означало у ряда народов Кавказа изгнанного родом за преступление или — шире — 'головорез, храбрец', вошло и в русск. язык. Но какова связь ф. с этим — неизвестно.

Абрико́сов — ф. могла быть связана с нарицательным *абрикос*, но характер этой связи (продавец абрикосов?) неясен; наверно, *-ов* присоединено к ф. нерусск. происхождения для придания ей русск. облика.

Абро́ров — отчество с русск. суф. *-ов* из мусульманского м. л. и. Абрар (см. *Абраров*) в тадж. и узбек. огласовке его Аброр. Не из этого ли возникла и ф. Авроров, форма которой необъяснима (при основе Аврора обязателен суф. *-ин*, но никак не *-ов*)?

Абро́симов — отчество от обиходной просторечной формы Абросим из канонического м. л. и. Амвросий (другие фф. от того же имени перечислены при ф. Амвросиев). Не исключено, что ф. могла возникнуть из диалектного прозвища *абросим* 'зазнайка'.

Абро́син — отчество от уменьшительной формы Аброся из Абросим (см. предыдущ); в отдельных случаях возможна контаминация с производными из другого канонического м. л. и. Ефросин (см. *Афросимов*).

Абро́скин — отчество из уничижительной формы Аброска из Абросим (см. предыдущ.); 1550 г. — Обраска (ТК, 366), 1678 г. — бобыль Оброска в Нижнем Новгороде (ППНН, 368).

Абро́сков — отчество от формы Аброско из Аброс (см. следующ.).

Абро́сов — отчество от формы Аброс, сокращенной из Абросим (см. *Абросимов*). Для формы Аброс можно привести сходное изменение м. л. и. Амвросий в с.-хорв. Броз; в чеш. — Broš, Brož (R. Fischer. Deutsch-tschechische Beziehungen an Antroponymen. — «Proceedings of the Eight International Congress of Onomastic Sciences». The Hague—Paris, 1966, стр. 181.). Старейшее из дошедших до нас упоминание в России — ф. (или еще отчество) Обросов в начале XVI в. (Тупиков, 673), устюжанин Оброс Медведев в 1635 г. (Таможен. книги I, 270).

Абро́ськин — отчество из уничижительной формы Аброська (см. *Аброскин*).

Абро́чнов — ф., образованная суф. *-ов* из прилагательного *оброчный* (в акающих говорах закономерно безударное *о→а*), которое обозначало крепостного крестьянина на оброке вместо барщины; ф. записана на Среднем Поволжье.

Абру́ев — в основе м. б. татар. *абруй* 'уважение, почет' (казах. *аброй* 'честь, совесть').

Абру́кин — этимология ф. не выяснена; возможно отчество от Абрука, одной из производных форм от Абрам, но она никем не записана; возникно-

вение ф. с русск. суф. *-ин* маловероятно. Этому противоречит и ф. Абруков (см.).

Абру́ков — этимология не выяснена; вероятно, фонетическое изменение из какого-то ныне утраченного слова, имевшего префикс *об-* или *о-*, если не отчество от формы Абрук от Абросим или Абрам.

Абру́тин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Абрута, Абрутя из канонического м. л. и. Авраам в его повседневной форме Абрам; другая возможность основы отчества — прозвище из диал. *абрута* (см. следующ.).

Абру́тов — известно диал. *обруд* 'противный, постылый', в произношении — *абрут*; оно могло стать прозвищем, притяжательное прилагательное, от которого *абрутов* позже превратилась в ф.; возможна контаминация с *обрют* (см. *Абрютин*).

Абрыва́лин — отчество от прозвища Обрывала 'грубый, резкий, обрывающий'; ф. записана на Среднем Поволжье.

Абрю́тин — отчество, образованное суф. *-ин*: 1) или от диалектного прозвища Абрюта — акающее произношение диалектного *обрюта* 'обрюзглый, нездорово полный' (Даль[3] II, 638); 2) или от уменьшительной формы Абрюта из канонического м. л. и. Авраам через просторечное Абрам (см. *Абрамов*). Ранние документации имени или прозвища: холоп Обрюта — 1495 г. (НПК I, 588), Московский дьяк Обрюта Мишурин — 1538 г. («Акты Западной России» II, 269); примеры ф. (или еще отчества) Обрютин в XVI—XVII вв. нередки (Тупиков, 673).

Абсаля́мов — при наличии христианского м. л. и. Абсалон (см. *Абесаломов*) и возникновения из него фф. у других народов Европы (польск. с 1257 г. — SSNO I, 8—9; чеш. — Svoboda, 257; нем. с XIII в. — Brechenmacher I, 5), ф. А. в России образована не из него, а представляет отчество с русск. суф. *-ов* из м. л. и. Абсалям, частого в прошлом у татар, башкир и др. тюркоязычных народов, из араб. Абдуссалам 'раб Спасающего', т. е. Аллаха; с этим связано и название с. Абсалямово в Башкирской АССР; ф. встречается также в написании Апсалямов.

Абубаки́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Абубакр (в честь ближайшего сподвижника Магомета), этимология которого очень спорна, придумано много бездоказательных объяснений. Несвойственное тюрк. языкам консонантное сочетание *кр* получило на их почве гласный звук.

Абуде́ев, Абудов — происхождение фф. не выяснено. Возможная связь с укр. *обудити* 'разбудить' нуждается в доказательствах.

Абуза́ров — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Абузар, — оно и сейчас употребительно у казахов (Жанузаков, 13); ф. А. существует, в частности, в Татарской АССР; на различных территориях СССР — в формах Абазаров, Абузяров.

Абу́зин — наличие ф. Абузов мешает связать с нарицательным *обуза* 'тягость' и побуждает искать иные объяснения. Оправданное формально объяснение по глаголу *обузить* 'заузить' трудно семантически. М. б., предположить фонетическое изменение из *абыза* 'плакса, ревун' (ср. диалектный глагол *абызить* 'громко плакать' — Филин I, 196) или из *абыз* (см. *Абызов*)?

Абу́зов — м. б. фонетический вариант из *Абызов*?

Абузя́ров — см. *Абузаров*.

Абу́тков — в основе, вероятно, блр. *абутак* 'обувь' (есть и в некоторых русских говорах); ф. в написании Обутков документирована с 1595 г. (Тупиков, 673), 1669 г. — Абутков в Атемарской десятне (ДПК, 182).

Абу́хов — фонетический вариант к ф. Обухов. 1815 г. — крестьяне Абуховы в Борисоглебском у. (Тамбов. обл. архив, ф. 12, оп. 72, № 56, с. Хомутовка), 1816 г. — купцы и мещане Абуховы в гор. Коломна (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 117) и купец в Москве (там же, № 149).

Абуша́ев, Абушев, Абуя́нов — происхождение фф. не выяснено.

Абызов — возможны различные основы: 1) в тюрк. языках *абыз* 'ученый, мулла' или 'православный священник', шире — 'знающий, образованный'; 2) у казахов употребительно м. л. и. Абыз (Жанузаков, 11); 3) в русских

говорах *абыз* 'лентяй, негодяй' (Сл. сред. Урала I, 25), 'глупец' (Филин I, 195—196), 'сердитый человек' (Словарь старожильч. говоров Оби I, 15) — это вполне могло стать прозвищем, отчество от которого превратилось позже в ф.; встречается и ф. *Абысов* (см.).

Абыке́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из старинного, записанного у чувашей м. л. и. Абыкей, также в формах Абекей, Абакай (Магницкий, 24). Не рассмотрена возможность связи с русск. диал. *абык* 'обычай' («Владимирские губ. ведомости», 1844, Прибавление к № 51, стр. 214).

Абы́лин, Абы́лов — происхождение фф. не выяснено.

Абысов — см. *Абызов*. Оглушение *з→с* произошло только на ступени слова-основы, вероятно, на почве русск. языка, в котором обязательно оглушается звонкий согласный в абсолютном финале слова. М. л. и. Абыс в прошлом записано у хантов (Г. Ф. Миллер. История Сибири, II).

Аваги́мов, Авагу́мов — см. *Авакимов*.

Ава́ев — происхождение ф. неясно; при основе морд. *авай* 'мама' (в обращении к матери) следовало бы ожидать суф. *-ин*.

Ава́зов — отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Аваз (араб. 'замена, возмещение').

Аваки́мов — отчество с русск. суф. *-ов*, но не найдено ни собственного имени, ни апеллятива, которые позволили бы удовлетворительно объяснить основу этой ф., как и фф. Авагимов, Авагумов, по-видимому принадлежащих к тому же этимологическому гнезду. Признать основой каноническое м. л. и. Аввакум мешают фф. Авагимов, Авакимов, а признать основой каноническое м. л. и. Иоаким мешает ф. Авагумов. Вопрос остается пока открытым.

Ава́ков —отчество, вероятно, от краткой формы Авак из канонического м. л. и. Аввакум или менее употребительного Аввакир.

Аваку́мов — см. *Аввакумов*.

Авалду́ев — см. *Абалдуев*.

Аванде́ев — отчество с русск. суф. *-ев* из м. л. и. Авандей (Овандей), в прошлом зафиксированного, например, у народов Среднего Поволжья (по Магницкому, 24, — у чувашей).

Ване́сов — ф. арм. происхождения, из канонического м. л. и. Аванес, заимствованного христианством из др.-евр. Иоаннес (в России — Иван). На русск. почве дополнительно оформлена господствующим суффиксом русск. фф. *-ов*.

Ава́нов — отчество с русск. суф. *-ов* из м. л. и. Аван, в прошлом зафиксированного у чувашей (Магницкий, 24; оно же в написании Ован — стр. 60); для этимологии имени — чуваш. *аван* 'хороший, пригодный'.

Ава́рин — отчество с суф. *-ин*, от уменьшительной формы Авара, Аваря, возможной из канонического м. л. и. Еварест или из Аверьян (см. *Аверьянов*). В XIX в. у чувашей зафиксировано м. л. и. Оверей и ф. Аверин, но они сами могли не быть исконными, а заимствованными у русских. Связывать с этнонимом *авар* нет никаких оснований ни по времени, ни по словообразовательным закономерностям (суф. *-ин* возможен лишь при основе на *-а*).

Аваря́скин — отчество от уничижительной формы Аваряска из канонического м. л. и. Еварест (Еварист); связи с Аверя (из Аверьян) мешает *-с-*, неизвестное во всем суффиксальном богатстве производных форм от м. л. и. в русск. языке. В других языках неизвестно м. л. и. Аваряс.

Ава́ткин, Ава́тов — основа ф. неясна; фонетически затруднительно предположить, что Аватка, Ават — формы от канонического м. л. и. Автоном, вероятней — из м. л. и. других народов (например, у мордвы существовало м. л. и. Виряс 'лесной').

Аввaку́менков — отчество, образованное блр.-укр. суф. *-енко* от канонического м. л. и. Аввакум (см. следующ.); на почве русск. языка ф. дополнительно оформлена господствующим суффиксом русск. фф. *-ов*.

Авваку́мов — отчество с суф. *-ов* от канонического м. л. и. Аввакум (из др.-евр., библейское имя пророка, предположительное значение 'обнимающий'). От различных производных форм того же имени в русск. языке образованы фф. Абакумкин, Абакумов, Абанин, Абашин, Абашкин, Ава-

кумов, Бакунин; укр. Абашенко, Бакуменко и др.; в некоторых возможна контаминация с фф. из мусульманского м. л. и. Аббас.

Авгу́ров — отчество от краткой формы Авгур из канонического м. л. и. Авгурий.

А́вгустов — отчество из м. л. и. Август, включенного и в православные святцы, но очень редкого у русских по сравнению с поляками, латышами и др.; поэтому вероятней нерусск. происхождение ф.; наиболее ранние документированные упоминания имени в России с 1495 г. (Тупиков, 31), отчество или ф. — 1608 г. Богдан Августов (Тупиков, 464).

Авда́ков — отчество от формы Авдак из канонического м. л. и. Евдоким (документировано на белорусск. материале — Бірыла, 64), возможно и из Авдей, менее вероятно из других канонических м. л. и.: Авда, Авделай, Авдакий, Авдон, так как их почти не употребляли в России; см. также *Автаков*.

Авдаку́шин — отчество от уменьшительной формы Авдакуша из Авдак (см. предыдущ.).

Авда́лов — отчество с русск. суф. *-ов* от принесенного исламом м. л. и. Авдал (араб. 'превосходнейший').

Авда́нов — отчество с суф. *-ов* от формы Авдан, м. б. производной от одного из канонических м. л. и.: Авда, Авдей, Авдон. Форма Авдан с многочисленными производными часта в польских документах XV в. (SSNO I, 71—72).

Авда́сев — отчество с суф. *-ев* от формы Авдась, вероятно, на почве белорусск. языка, от канонических м. л. и. Авдей или Евдоким.

Авда́шев — отчество от Авдаш, производной формы из м. л. и. Авдей или Евдоким.

Авда́шкин — отчество от уничижительной формы Авдашка из Авдаш (см. предыдущ.).

Авда́шков — отчество от формы Авдашко из Авдаш (см. *Авдашев*).

Авде́внин — притяжательное прилагательное с суф. *-ин*, оно означало сына по отчеству матери — Авдеевна (просторечное Авдевна) 'дочь Авдея'. Называние не по отцу, а по матери очень редко, возникало в отношении детей без отцов, в данном случае, безусловно, дано не внебрачному ребенку, а сыну вдовы, уважительно именуемой по отчеству.

Авде́ев — отчество от повседневной формы Авдей из канонического м. л. и. Авдий (греч. заимствование из др.-евр. 'слуга Яхве', т. е. бога). Из различных производных форм от того же имени образованы фф.: Авдаков, Авдакушин, Авдасов, Авдашев, Авдашкин, Авдашков, Авдусин, Авдушев, Авдыщев, Авдюкевич, Авдюков, Авдюнин, Авдюхин, Авдюшин, Авдюшкин, Авдяков; косвенно (отчества 2-й степени — дедичства): Авдеевнин, Авдеичев, Авдюничев. Некоторые из них могли возникнуть и от производных форм из других канонических м. л. и., но маловероятно, так как имена Авда, Авделай, Авдикий, Авдифакс, Авдиес, Авдиисус, Авдон употреблялись в России исключительно редко, некоторые не употреблялись совсем; зато возможна в ряде случаев контаминация с производными от частого м. л. и. Евдоким.

Авде́енков — отчество с блр.-укр. суф. *-енко* от Авдий из канонического м. л. и. Авдий (см. предыдущ.), укр. Овдієнко («Proceeding of the Eight Intern. Congres of Onomastic Sciences», 1966, 488: Y. Slavutich), блр. Айдзеенка (Бірыла, 17); дополнительное оформление господствующим суффиксом русск. фф. *-ов* ф. получала на почве русск. языка.

Авде́ичев — дедичство, т. е. отчество с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суф. *-ич* — Авдеич, т. е. 'сын Авдея' (см. *Авдеев*); таким образом, первый носитель А. — еще *авдеичев*, сын Авдеича, внук Авдея.

А́вдиев — отчество из канонического м. л. и. Авдий, более известного в его обиходной форме Авдей (см. Авдеев).

Авдоку́шин — отчество от уменьшительной формы Авдокуша из канонического м. л. и. Евдоким, менее вероятно из Евдоксий, которого в России почти не употребляли.

Авдо́нин — отчество от уменьшительной формы Авдоня из канонического м. л. и. Евдоким (например, в переписи 1897 г. по Лукьяновскому у. Нижегородской губ. записан Авдоня); в святцах было имя Авдон, но его употребляли очень редко; возможна контаминация с производной формой из м. л. и. Авдей (см. *Авдеев*).

Авдо́нькин — отчество от уничижительной формы Авдонька из Авдоня (см. предыдущ.).

Авдо́сьев — отчество от уменьшительной формы Авдось из канонического м. л. и. Евдоксий, Евдоким или Авдей; на белорусск. материале записана форма Аўдось из Евдоким (Суднік, 27).

Авдо́тьев — отчество с суф. *-ев* от формы Авдотий, образованной из канонического м. л. и. Евдоксий (редкое) или Евдоким; например, в белорусск. языке Авдот — живая форма от Евдоким (Суднік, 27).

Авдо́тьин — возможно, именование с суф. *-ин* по имени матери, т. е. в функции отчества, — 'сын Авдотьи'; Авдотья — господствовавшая просторечная форма ж. л. и. Евдокия. Называние по имени матери очень редко (в отношении внебрачных детей или в семьях, где женщина одна оставалась хозяйкой — вдовой, солдаткой при 25-летнем сроке военной службы, при многолетнем отходничестве мужа, а также в силу характера или богатого приданого). Это побуждает предположить отчество от уменьшительной формы Авдотя из м. л. и., например из Евдоким, Авдей, Евдоксий или др., т. е. первоначально Авдотин с последующим переосмыслением по самому частому в XVIII—XIX вв. имени русск. крестьянок Авдотья.

Авдоше́нко(в) — отчество, образованное укр.-блр. суф. *-енко* от форм Авдош, Авдоша из канонических м. л. и. Авдий, Евдоким, Авдоня и др.; на почве русск. языка ф. могла дополнительно оформляться господствующим суффиксом русск. фф. *-ов*, на стыке двух *о* одно поглощалось.

Авдо́шин — отчество от уменьшительной формы Авдоша из канонических м. л. и. Евдоким, Авдий и др.

Авдо́шкин — отчество от уничижительной формы Авдошка из Авдоша (см. предыдущ.).

Авдуко́в — отчество с суф. *-ов* от формы Авдук, по-видимому, из канонического м. л. и. Евдоким (не исключена возможность той же формы из м. л. и. Авдий или из других имен).

Авду́лин — отчество с суф. *-ин* от формы Авдуля, которая могла быть образована из канонических м. л. и. Авдей, Евдоким и др.; другая возможность — фонетическое искажение из ф. Абдулин (см).

Авду́лов — отчество с суф. *-ов*, основой могла быть или производная форма Авдул от одного из канонических м. л. и. (Авдей и др.), или Абдул из мусульманского м. л. и. Абдулла, но в этом случае еще ожидает объяснения фонетическое изменение.

Авду́син — отчество с суф. *-ин* от уменьшительной формы Авдуся из м. л. и. Евдоким или Авдей.

А́вдушев, А́вдышев — отчества, образованные суф. *-ев* от уменьшительных форм Авдуш, Авдыш из канонических м. л. и. (Евдоким, Авдей и др.).

Авдюке́вич — отчество (или непосредственно ф.) с укр.-блр. суф. *-евич* от формы Абдюк, производной из канонического м. л. и. Евдоким, м. б. и из Авдей. Как формы на *-юк*, так и фф. на *-евич* наиболее часты в Белоруссии и на Волыни.

Авдюко́в — отчество от формы Авдюк, образованной из м. л. и. Евдоким (или Авдей), преимущественно в Белоруссии и на Волыни.

Авдю́нин — отчество от уменьшительной формы Авдюня из канонических м. л. и. Авдей, Евдоким или др.

Авдю́ничев — отчество 2-й степени с суф. *-ев* в свою очередь от отчества с суф. *-ич* (Авдюнич — сын Авдюни, см. предыдущ.).

Авдю́хин — отчество с суф. *-ин* от формы Авдюха, образование которой возможно из различных канонических м. л. и.: частых — Авдей, Евдоким; редких — Авда, Авделай, Евдокс(ий) и др.

Авдю́шин — отчество, образованное суф. *-ин* от уменьшительной формы Авдюша, возможной от канонических м. л. и. Авдей, Евдоким и др.

Авдю́шкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Авдюшка из Авдюша (см. предыдущ.).

Авдяко́в — отчество с суф. *-ов* от производной формы Авдяк, возможной из м. л. и. Авдей, Евдоким и др.

Авени́ров — отчество из канонического м. л. и. Авенир (греч. заимствование из др.-евр., этимологическое значение 'отец-светоч , подразумевается бог).

Авербáх — ф. евр. происхождения, принесена из Южной Германии, где возникла как именование по месту происхождения — из топонима Ауербах 'луговой ручей'.

Аве́рин — отчество с суф. *-ин* от форм Авера, Аверя — например, в 1584 г. московский пушкарь Оверя Корманов (Тупиков, 285); формы возможны из канонических м. л. и. Аверкий (см. *Аверкиев*) или других (см. *Аверьянов*).

Аве́рихин — притяжательное прилагательное в функции отчества, именование сына по матери, т. е. 'сын Аверихи'; в свою очередь Авериха — именование по мужу: 'жена Авери'.

Аве́ричев — отчество с суф. *-ев* от отчества с суф. *-ич* (Аверич, т. е. 'сын Авери').

Аве́ркиев — отчество от канонического м. л. и. Аверкий. Другие фф. от того же имени переплелись с образованными от формы Аверьян (см. *Аверьянов*) из других канонических имен. Так как среди производных форм имени Аверкий находятся и Вера, Верка, Верочка (Н.А.Петровский. Словарь русских личных имен. М., 1966, 261), то в число фф. из этого м. л. и. надо включить не только Аверочкин, Аверченко и т. п., а и Верин, Веркин, Верочкин. Ранняя документация ф. — крупные купцы Аверкиевы известны в Великом Устюге, Холмогорах, Вологде, Вятке, Казани с 1635 г. (Таможенные книги Московского государства, I. М.—Л., 1960, стр. 659), в написании — также и Оверкиевы.

Аве́ркин — отчество от уничижительной формы Аверка (в которой *-к-* принадлежит суффиксу) из Авера (см. *Аверин* и *Аверьянов*).

Аве́рков — отчество от формы Аверко (с *-к-*, принадлежащим суффиксу, как в Иванко), т. е. не обязательно из м. л. и. Аверкий, а, вероятно, из обиходной формы Аверьян, возможной из других канонических имен (см. *Аверьянов*).

Аве́рочкин — образованное суф. *-ин* отчество из уменьшительной формы Аверочка или непосредственно ф. с составным суф. *-очкин* (максимально частым в фф. на юге Калужской обл. и в смежных районах Орловской и Тульской областей) от основы Авер-, извлеченной из канонических м. л. и. Аверкий или других (см. *Аверьянов*).

Аве́рченко(в) — образованное укр. -блр. суф. *-енко* отчество (или непосредственно ф.) от формы Аверка с закономерным смягчением *к* → *ч* перед гласным переднего ряда. Форма Аверка — из канонических м. л. и. Аверкий (или другого) в его повседневной форме Аверьян (см. *Аверьянов*).

Аве́ршин — образованное суф. *-ин* отчество из формы Авершa от канонических м. л. и. Аверкий или других через промежуточную форму Аверьян; ф. нередка в мещанском сословии Астрахани по документам 1870 г.

Аве́рьев — отчество с суф. *-ев*, вероятно, из Аверий — производная форма от канонических м. л. и. Аверкий или других через промежуточную форму Аверьян (см. следующ.).

Аверья́нов — отчество с суф. *-ов* от бытовой формы м. л. и. Аверьян, пока одной из самых загадочных в антропонимии России. В святцах такого имени не было. Но в России XVIII—XIX вв., когда нецерковных имен уже не было, его употребляли нередко, следовательно, это форма какого-либо канонического м. л. и., но неизвестно — какого. «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966) безоговорочно связывает эту форму с именем Аверкий, но если можно согласиться с утратой *-к-*, то необъясненное

появление -*ьян* нельзя принять без доказательств; оно возможно, например, по аналогии с Андриян, Емельян, но это еще не доказательство. С меньшей, если не с большей, вероятностью можно допустить возникновение этой формы из других канонических м. л. и. — Валериан (подобно распространенному названию растения *аверьян* из *валерьяна* — Даль I, 3, но в этом случае возможно обратное переосмысление по м. л. и.) или Аврелиан. Контаминация различных канонических м. л. и. в форме Аверьян очевидна, но каких именно — еще ждет исследования. Словари современных личных имен укр. языка (С. Ф. Левченко) и белорусск. (М. Р. Суднік) дают Аверьян уже как самостоятельное имя.

Аверья́нычев — отчество с суф. -*ев* от Аверьяныч, т. е. в свою очередь от отчества с суф. -*ич*, т. е. отчество 2-й степени, первоначально означало 'сын Аверьяныча'='внук Аверьяна'; ф. записана в 1827 г., с. Ворсма Нижегородской губ. (Архив Горьковск. обл., ф. 61, оп. 216, № 733).

Аверю́хин — отчество с суф. -*ин* от формы Аверюха из Аверьян (см. *Аверьянов*).

Авессало́мов — см. *Абесаломов*. Литературная форма библейского м. л. и. Авессалом заимствована из византийской церковной письменности: в среднегреч. языке на месте *б* произносилось *в* (аналогично Барбара → Варвара).

Авети́ков — из арм. ф. Аветикян с заменой арм. форманта на русск.; арм. ф. — из м. л. и. Аветик; у армян на укр. почве это дало фф. Авдикович и Авдиковский (Редько, 22—23).

Ави́лин — отчество с суф. -*ин* от основы Авила, которая возникла из канонического м. л. и., по-видимому, Вавила, с утратой инициального согласного; возможно — из м. л. и. Авилий, Авель, Авив, Еввул, но их в России если и употребляли, то очень редко.

Ави́лкин — отчество из уничижительной формы Авилка от Авила (см. предыдущ.). Форма документирована в 1688 г.: крестьянин Авилка в Алексинском у. (Писцовые книги Тульского края I, 176—177).

Ави́лов — отчество с суф. -*ов* от формы Авил из того же м. л. и., как и Авилин (см); в русск. языке у существительных грамматического муж. рода преобладает окончание на твердый согласный, это привело к вытеснению м. л. и. на -*а* или переоформлению их (отпадение финальной гласной фонемы -*а*, ставшей почти монопольным признаком жен. рода).

А́вин — возможно, отчество с суф. -*ин* от краткой формы Ава, возможной из канонических м. л. и. Аввакум, Авель, Авдий, Аверкий и др.

Авине́ров — отчество с суф. -*ов* от формы Авинер, искаженной из канонического м. л. и. Авенир; метатеза согласных, впрочем, могла произойти на стадии ф. (Авенир → Авениров → Авинеров). К *авио* ф. не имеет никакого отношения, она документирована в XIX в., задолго до появления авиации.

Авксе́нтьев — отчество с суф. -*ев* от канонического м. л. и. Авксентий. От различных форм, производных из того же имени, образованы фф. Аксейкин, Аксенов, Аксентьев, Аксенцев, Аксенчиков, Аксютин, Аксюнин, Аксюхин, Аксюшин, Ксенин, Ксенчин, Оксенов и др., укр. Аксенков, Аксюк, Оксенич, Оксенчук; в некоторых возможна контаминация с производными формами из ж. л. и. Ксения (просторечное Аксинья).

Авла́нов — ф. белорусск. происхождения, из *аўлан* 'улан' (Бірыла II, 26).

Авла́сов — отчество с суф. -*ов* от формы Авлас из канонического м. л. и. Власий (обиходно — Влас); с протетическим гласным. Форма Авлас на почве белорусск. языка в 1582 г. документирована в Минском повете (Бірыла, 45).

А́влов, Авлуков — происхождение фф. неясно. Святцы содержали м. л. и. Авель, Евпл и др., но возникновение из них формы Авл и производной Авлук — неизвестно.

А́вмочкин — неизвестно место ударения, неизвестна территория возникновения ф.; возможно, отчество от уменьшительной формы Авмочка из канонических м. л. и. Аввакум, Авель и др. или от уничижительной формы с суф. -*ка* из старого чуваш. м. л. и. Авмакай (Магницкий, 24).

Аво́тин — происхождение ф. не выяснено.

Авраа́мов — отчество с русск. суф. *-ов* от канонического м. л. и. Авраам. Еще задолго до заимствования этого имени из Византии образовались различные формы, имеющие источником др.-евр. м. л. и. Они вошли в святцы как самостоятельные имена Авраамий, Аврамий; в русском употреблении они смешались, и многочисленные производные формы от них в большинстве переплелись (см. *Абрамов*).

Авра́ме́нков — образованное укр.-блр. суф. *-енко* отчество от формы Аврам из канонического м. л. и. Авраам, с последующим оформлением господствующим суффиксом русск. фф. *-ов.*

Авра́мкин — отчество с суф. *-ин* от уничижительной формы Аврамка из м. л. и. Авраам.

Авра́мов — отчество с суф. *-ов* от м. л. и. Авраам (из церковного Авраам).

Авра́син — отчество от уменьшительной формы Авратся из канонических м. л. и. Авраам, Авраамий или др., в святцах было м. л. и. Еврес, но неизвестно — употребляли ли его в России.

Авраты́нский (Аврати́нский) — прилагательное с суф. *-ск-*, служило обозначением по месту происхождения или прежнего жительства: из местечка Авратин (ныне в Житомирск. обл. УССР).

Авра́хов — отчество от производной формы Аврах из м. л. и. Авраам и др. (см. *Авраамов*).

Авра́шков — отчество от уменьшительной формы Аврашко из м. л. и. Авраам (см. *Авраамов*), а полное фонетическое тождество с прилагательным *овражков* (от *овражек*), произносимым *аврашкоф*, — случайное совпадение.

Аврелиа́нов — отчество из канонического м. л. и. Аврелиан, очень редкого в русском употреблении.

А́врин — отчество с суф. *-ин* от уменьшительных форм Авра, Авря, возможных из канонических м. л. и. Авраам, Авраамий, редких Аврей, Аврелий, Аврелиан, Аврикий, Африкан и др.

А́вров — отчество с суф. *-ов* от краткой формы Авр из канонических м. л. и. Авраам, Авраамий, Афр и др.

Авро́рин — вероятно, ф. книжного происхождения (типа псевдонима) — ж. л. и. Аврора (древнеримская богиня утренней зари) не было допущено в православные святцы, но часто употреблялось в русской поэзии, носили его также католички и лютеранки из петербургской аристократии.

Авро́ров — возможны два совершенно различных пути возникновения ф.: 1) искусственное образование из Аврора, обнаруживающее отсутствие чутья к русской речи: основа на *-а* требует суф. *-ин* и не допускает *-ов*; 2) отчество с русск. суф. *-ов* от мусульманского м. л. и. Абрар в его тадж. или узб. огласовке.

Авру́нин — отчество от уменьшительной формы Авруня из канонических м. л. и. Авраам, Авраамий и др.

Авру́син — м. б. отчество из уменьшительной формы Авруся от к.-л. м. л. и. (Авраам? Амвросий?), но эта форма неизвестна.

Авру́скин — отчество от уничижительной формы Авруска (см. предыдущ.).

Авру́тин, Авру́тов — отчества: с суф. *-ин* из форм Аврута или Аврутя, с суф. *-ов* из формы Аврут. Неясно, образованы ли эти формы из канонических м. л. и. (Авраам и др.) или из иных источников.

Авру́щенко(в) — ф. образована укр.-блр. суф. *-енко* от форм Аврушко, Аврушка, возможно образованных из канонических м. л. и. Авраам и др., на русской почве ф. могла дополнительно оформляться суффиксом *-ов.*

Авсе́ев — отчество с суф. *-ев* от Авсей, по-видимому, фонетическое изменение из Евсей (просторечная форма из канонического м. л. и. Евсевий), хотя святцы содержат имя Абсей, но его в России едва ли употребляли; не исключена производность из м. л. и. Авксентий.

Авсе́енко(в) — ф. из отчества с укр.-блр. суф. *-енко* от **Авсей** (см. предыдущ.); на русской почве ф. могла получать дополнительное оформление суффиксом *-ов.*

Авсе́нев — происхождение ф. неясно. Связь с *авсень* (дохристианский народный праздник встречи Нового года, еще раньше праздник весны) трудно доказать, в памятниках нет такого м. л. и. или прозвища. М. б. от уменьшительной формы Авсень из канонических м. л. и. Евсевий или Авксентий, но и она нигде не засвидетельствована.

Авста́фьев — отчество с суф. *-ев* от Австафий из канонического м. л. и. Евстафий.

Ався́ников — из Овсяников от *овсянник* — 'продавец овса'; термин настолько част в XV—XVII вв., что Н. М. Тупиковым ошибочно принят за м. л. и. (Тупиков, 285). Московское — акающее — произношение продиктовало тогда же написания с *А*-, в этом виде фамилия встречается и в наши дни (как и в Белоруссии: Бірыло II, 26).

Авта́ев — возможно, отчество из морд. м. л. и. Овтай из *овто*'медведь' (ср. следующ.), безударное *о* → *а* закономерно в русск. акающих говорах.

Авта́йкин — отчество с русск. суф. *-ин* из уничижительной формы Автайка, несомненно из м. л. и. Автай, в основе которого эрз. *овто* 'медведь'.

Авта́ко́в — отчество от формы Автак, возможно из канонического м. л. и. Автоном; менее вероятно оглушение *т* из *д*, в этом случае Авдак — форма из м. л. и. Авдоким, Авдей или др.; не исключена иная, пока неизвестная основа.

Автамо́нов — отчество от искаженного Автамон (неоднократно в документах XVII—XIX вв.) из канонического м. л. и. Автоном.

В. А. Меркулова

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ, II
(На материале русского языка)

В сборнике «Этимология, 1967» мною опубликована статья под тем же названием, где намечен приблизительный план анализа данного пласта лексики; в настоящей статье я собираюсь рассмотреть только одну, но достаточно обширную группу слов: наименования болезней, признаками которых являются изменения кожного покрова. Сюда войдут наименования не только тех болезней, которые современной медициной причисляются к кожным, но и значительное число названий тяжелых эпидемических заболеваний, таких как натуральная и черная оспа, корь, скарлатина, краснуха и др. Привлекается и смежная с наименованиями болезней лексика: названия изменений кожного покрова и эпитеты кожи, поврежденной болезнью.

Для современного человека большая часть этих заболеваний, к счастью, отошла в прошлое, но не так было еще совсем недавно. По данным немецкой статистики, до XIX в. $^1/_{16}$ всех умерших погибала от оспы; последняя эпидемия оспы в Европе была в 1870—1873 гг. [1]; Богораз пишет, что в 1884—1885 г., когда Нижняя Колыма была посещена оспой, погибло более трети населения [2]. Никаких реальных средств для борьбы с этой болезнью не было [3]. В детской смертности, которая в дореволюционной России достигала чудовищных цифр, значительную роль играли такие болезни, как ветрянка, корь, скарлатина и т. д. Систематическое недоедание, отсутствие витаминов и элементарных гигиенических усло-

---

[1] Г. Эйхгорст. Руководство к частной патологии и терапии для врачей и учащихся, т. IV, СПб., 1892, стр. 324—325.

[2] Богораз, стр. 98.

[3] Прививку от оспы стали делать только в XVIII в. «Первые опыты правительственного оспопрививания были делаемы в царствование императрицы Елисаветы Петровны; а в 1765 г. был вызван в Петербург известный английский инокулатор Фома Димсдаль, который и привил натуральную оспу как самой императрице Екатерине II, так и наследнику престола, получив за сие 10 000 фунтов стерл. единовременно, да пенсии по 500 ф. ежегодно; мальчик, с которого брали оспу для высочайшей прививки, получил дворянское достоинство и фамилию Оспенный. . .» (Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. IV. Примечания и дополнения. — Сб. ОРЯС, т. 26. СПб., 1881, стр. 342).

вий приводили к широкому распространению, особенно среди детей, таких болезней, как чесотка, парша и пр. Помяловский в «Очерках бурсы» пишет: «Чесотное отделение было еще милее: это была какая-то прокаженная яма, кипящая коростой, струпьями и всякою заразою».

Я не хочу приводить обширные материалы по истории медицины, так как они заняли бы слишком много места, да к тому же и не являются целью данной работы. Мне хотелось лишь подчеркнуть, что болезни, о которых пойдет речь, были еще в недалеком прошлом очень широко распространены и их признаки (и названия!) на протяжении многих веков были известны каждому.

Внешние признаки указанных болезней связаны с изменением кожного покрова: его покраснением, появлением пузырьков (сыпи), сопровождающимся сильным зудом, с назреванием этих пузырьков, затем с их вскрытием и подсыханием, образованием корочек (корост), сохранением (в некоторых случаях) следов (рябин или рубцов) после отпадения корост.

Заканчивая на этом краткое вступление, переходим непосредственно к лингвистическому анализу.

Сыпь

Сыпь — единственное слово в этой лексической группе, имеющее обобщенное, не конкретизированное значение. По определению в словаре Ушакова, *сыпь* — «мелкие пятна или прыщики, появляющиеся при некоторых болезнях»[4].

Слово *сыпь* — общерусское, старое, по-видимому, очень рано закрепившееся за медицинской сферой и терминологизировавшееся. Образовано слово от глагола **syp-ati* → **sypь*. Любопытно, что глагол в современном литературном языке не сохраняет медицинского значения. Применительно к этому явлению употребляется только приставочная форма *высыпать* (ср. *высыпала сыпь*; в языке научной медицины термин *высыпание*).

В говорах и в памятниках однокоренные образования более многочисленны, в медицинской сфере употребляется не только глагол *высыпать*, но и другие приставочные образования. *Насыпать*: óсп'ица *насы́пл'ец'ц'а* м'óлко / м'óлкаjа сып / и дáже в глазá *насы́пл'ет*; на л'иц'é бóл'ше и *насы́п'ет* / а по тýше н'ет'[5]; *осыпать*: Бѣ струпы ся *осыпалъ* (leprae morbo laboravit) (Жит. Фед. Сик. 85; Мин. чет. апр. 455)[6].

---

[4] Ушаков IV, стр. 626.

[5] Картотека Печорского областного словаря. — Приношу благодарность Л. А. Ивашко за предоставленную мне возможность воспользоваться материалами картотеки.

[6] Срезневский III, стб. 560.

От глагола *осыпать* образованы производные имена *ósыпь*, *óсыпи* мн. 'сыпь на теле', представленное в рязанских, калужских [7] и новгородских говорах [8], *вóсып* м. р. в брянских говорах [9]. От глагола *сыпать*, кроме слова *сыпь*, в русских говорах имеется еще целый ряд производных: *сыпня́* 'сыпь' (новг.) [10], 'оспа' (яросл.) [11]; *сыпýха* 'оспа': По деревням *сыпуха* ходит (костр.) [12]; *сыпýшка* 'сыпь' (новг.) [13]; *сы́пка* 'сыпь, отдельный прыщик' (псков., твер.) [14]. В русских говорах Прибалтики распространен полонизм *вы́сыпка*: *Вы́сыпка* йавó вы́сыпала [15] (ср. блр. *вы́сыпка*, укр. *ви́сипка*, польск. *wysypka*). В говорах Оренбургской обл. в значении 'сыпь' употребляется слово *осóпка* [16].

Таким образом, в говорах мы наблюдаем свободное моделирование слова: от глагола *сыпать* производные *сыпь*, *сыпня́*, *сы́пка*, *сыпýха*, *сыпýшка*; от глагола *осы́пать—óсыпь*; *вы́сыпать—вы́сыпка* (при учете возможности для последнего и заимствованного происхождения).

Соответствия в других славянских языках для слова *сыпь*, кроме блр. *сып* м. 'сыпь', отсутствуют. Мы наблюдаем лишь ряд самостоятельных образований от той же глагольной основы: ср. болг. диал. *си́паница* 'оспа' [17], *и́сип* 'оспа'. Любопытно соответствие псков., твер. *сы́пка*—макед. *сипка* 'оспина, рябинка' [18], новг., калуж. *осыпь*—болг. диал. *осип* м. [19]

Отсутствие общеславянских параллелей для слова *сыпь* объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами: тем, что формально итеративная форма глагола **sypati* вытеснила более древнюю форму глагола **suti*, *sърǫ*, поэтому производные от первой не могут быть очень древними образованиями; наличие многочисленных новых образований в значении 'сыпь' может быть косвенным свидетельством существования раньше более архаичной формы с этим значением.

---

[7] Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губ. — Изв. ОРЯС, 1898, т. III, кн. 3, стр. 874; Деулинский словарь, стр. 272, 374.

[8] М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910, стр. 83 (далее — Герасимов).

[9] «Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров)». Л., 1968, стр. 211.

[10] Герасимов, стр. 83.

[11] Мельниченко, стр. 197.

[12] Дополнение к Опыту, стр. 263.

[13] Герасимов, стр. 83.

[14] Дополнение к Опыту, стр. 263.

[15] Говоры Прибалтики, стр. 62.

[16] Опыт, стр. 144.

[17] В. Качановский. Сборник западноболгарских песен. — Сб. ОРЯС, т. XXX. СПб., 1882, стр. 585.

[18] «Речник на македонскиот јазик», III. Скопје, 1966, стр. 199.

[19] Г. Горов. Странджанският говор. — «Българска диалектология», I. София, 1962, стр. 122.

Оспа

Структурно и семантически примыкает к предыдущей группе образований название тяжелого эпидемического заболевания *оспа* (variola vera, purpura variolosa). В русских говорах, наряду с формой *о́спа* (*во́спа)*, значительно чаще употребляется форма уменьшительности *о́спица*, *во́спица* (волог., олон., арх., яросл., новг.) [20].

Вот удивительное по своей точности описание болезни, записанное в печорских говорах: *О́сп'ица* насы́пл'ец'ц'а м'е́лко / м'е́лкаjа сып / и да́же в глаза насы́пл'ет / потом она будет здр'е́т' / пото́м jejо́ расца́паjут / она́ и бу́д'ет ша́др'ина [21].

Даже в этом примере ощущается тенденция персонифицировать болезнь: «в глаза насыплет». Еще откровеннее это выражено в ряде обрядов и заговоров: «При эпидемиях, в случае появления оспы в деревне, иногда пекут блины и идут в дом больного, здесь кланяются в ноги больному и просят оспу-матушку, Оспу-Ивановну смиловаться» [22]; «Чтобы получить облегчение от оспы, заболевшего приносят к другому больному оспою же, и первый, сделавши больному три поклона, говорит: «Прости меня, оспица, прости, Афанасьевна, чем я пред тобою согрубила, чем провинилася»» [23]. Эти наивные приемы — свидетельство полной беспомощности перед лицом страшной болезни.

Слово *оспа* общеславянское. В старославянских и древнерусских памятниках чаще всего встречается форма мн. числа: *Оспами* начѧ болѣти страна та (Супр.); Ꙗко *ѡспи* были въ Афїнѣˣ нѣкогда (Апост. толк. XV в.) [24]. (Толкование слова, даваемое Срезневским в последнем примере «сыпная болезнь, чума», вряд ли точно, скорее всего здесь речь идет об эпидемиях оспы.) Называлась болезнь и *осъпьныи недѹгъ* (Стихир. XII в.) [25].

Укр. *ві́спа*, блр. *во́спа*, *восыпа*, болг. *о́спа* 'сыпь', с.-хорв. *ȍспа*, польск. *ospa*, словен. *ospice* мн. 'корь', в.-луж. *wospica*, н.-луж. *wospica* 'корь'. Все эти формы продолжают праслав. **obsъpa*, **obsъpica* — имя, образованное от основы настоящ. вр. глагола **suti*, **sъpǫ* → **obsuti*, **obsъpǫ*. Такая структура отглагольного имени очень архаична [26].

---

[20] Дополнение к Опыту, стр. 26; Опыт, стр. 144; Подвысоцкий, стр. 22; Мельниченко, стр. 45; Герасимов, стр. 22.

[21] Картотека Печорского областного словаря.

[22] Куликовский, стр. 73.

[23] Опыт, стр. 144, с пометой *олон.*

[24] Срезневский II, стб. 751.

[25] Там же.

[26] Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, стр. 40, 41. — Аналогичные образования от других приставочных форм того же глагола очень многочисленны: ср. русск. *заспа*, *поспа*, *приспа*, др.-русск. *въспа* 'насыпь', укр. *віспа*, *піспа*, *переспа*, *наспа*, ст.-укр. *отсопъ* и др.

Семантическая производность имени **obsъpa* от глагола **obsuti* 'обсыпать' предполагает и для имени первичное значение 'то, что обсыпает, сыпь'. Праслав. **obsъpa* является полною аналогией современному русск. диал. *ósыпь* 'сыпь', только структурно оно значительно архаичнее, представляет иную, более древнюю ступень огласовки отглагольного имени. Косвенными свидетельствами того, что слово **obsъpa* значило первоначально просто 'сыпь', служат значение болг. *оспа* 'сыпь', русск. диал. *осóпка* 'сыпь' < **obsъpъka* (форма уменьшительности с суф. *-ъka* от **obsъpa*) и значительное число названий оспы, образованных от формы **sypati*: русск. диал. *сыпня́*, *сыпуха*, *восыпь*, болг. *сипаница* и др. Возможность закрепления за словом **obsъpa* конкретного значения — названия определенной болезни — должна быть отнесена, по-видимому, к позднему периоду праславянской общности, когда возникло формальное противопоставление **sypь*—**obsъpa*. Об этом косвенно свидетельствует то, что конкретизация значения в разных славянских языках прошла по-разному: в русском, украинском, белорусском, сербо-хорватском, польском слово стало значить 'оспа', в болгарском — 'сыпь', в словенском и лужицких языках — 'корь'.

В качестве названия болезни достаточно широко использовалась и форма уменьшительности: русск. диал. *оспица*, *воспица*, словен. *óspice*, с.-хорв. *ospice*, н.-луж., в.-луж. *wospica*.

Цыпуха

Наименование оспы *цыпýха* распространено на ограниченной территории — говоры Калининской, Ярославской и Казанской областей [27]. Это слово представляет определенные трудности для этимологического анализа и может трактоваться двояко. С одной стороны, это может быть фонетический вариант слова *сыпýха* 'оспа' (новг., костр.). Мена *с* > *ц*, хотя и непоследовательно и, возможно, только в определенных условиях, но представлена в славянских языках. Ср. *ципýха* 'копоть на потолке' (орл.) [28] < < *сопуха* [29]. С другой стороны, слово *цыпýха* может быть образовано от глагола *цыпáть* 'царапать, царапаться' (твер.) [30]. Корень этого глагола представлен с неустойчивым вокализмом в большинстве говоров: *цап-/цеп-/цип-/чап-/чеп-/чип-* со значением 'хватать, присоединять' и 'драть, царапать'. Ср. *оцáпать*, *оцáпить*

---

[27] Даль³ IV, стб. 1266; Мельниченко, стр. 212; Дополнение к Опыту, стр. 296.

[28] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря Н. Я. Данилевского. — Сб. ОРЯС, т. 7, № 3. СПб., 1869, стр. 16.

[29] Анализ этого явления см.: О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — «Этимология. 1969». М., 1971, стр. 47.

[30] Опыт, стр. 253.

'оцарапать' [31], *выцепать, вычепать* 'расчесать шерсть' [32]. В приведенном выше примере об оспе: . . .потом јејó расцáпајут. . ., т. е. 'расчешут, расцарапают'. Отсюда *цáпина* 'царапина, ссадина на коже' (волог.) [33], 'след от оспы' (псков.) [34]; *ципóк, цапóк* 'царапина, ссадина' (арх.) [35] и *цы́пки* 'трещины на руках и ногах, появляющиеся от грязи и резкой смены температуры' (слово общерусское). В этом случае слово *цыпýха* должно первоначально означать 'болезнь, при которой чешутся, царапаются'.

Обмет

Обмет — сыпь на теле, на губах, во рту. Это отглагольное имя, образованное от глагола *обметать* в его безличной форме. Ср.: Губы *обметало*, чай, от лихорадки. Ср. еще *меть* 'сыпь, прыщи, вереда' (ниж.); *метúще* (вят.) [36]; *разметáть* 'обметать, осыпать (о сыпи, болячках)' (ряз.) [37]; *јавó вым'атáјет* — о появлении сыпи [38]; С *обметом* по губам в люди не ходят [39] (ср. чеш. диал. *přímet* < **primetь* 'болячка, прыщ') [40].

Наличие префикса *об-* вместо *о-* говорит о позднем характере образования или скорее о его модернизации. Семантика глагола достаточно архаична. Семантическая модель та же, что и в *осыпать* → *óсыпь*.

Прыщ

В современном русском языке слово *прыщ* значит 'крошечный отдельный нарывчик в самой коже' [41], по говорам — не только 'маленький нарывчик', но и 'отдельный гнойничок сыпи'. Это противопоставление: *сыпь* соб. — *прыщ* единичн., присущее говорам, позволяет включить последнее слово в рассматриваемую группу слов.

Слово общерусское, наблюдается лишь несколько вторичных словообразовательных вариантов, распространенных в северо-западных говорах: *прыщóк, прыщевóк, прышевúна, пры́щевка, пры́щелка, пры́щенка* [42]; производные прилагательные: литер. *прыщáвый*,

[31] Деулинский словарь, стр. 384; Богораз, стр. 101.
[32] Картотека Печорского областного словаря.
[33] Картотека Словаря русских народных говоров.
[34] Картотека Псковского областного словаря.
[35] Картотека Словаря русских народных говоров.
[36] Даль [3] III, стб. 1542; II, стб. 841, 843.
[37] Деулинский словарь, стр. 481.
[38] Картотека Псковского областного словаря.
[39] Даль [3] III, стб. 1542.
[40] I. Hošek. Nářečí českomoravské. Praha, 1905, стр. 149.
[41] В этом значении слово *прыщ* входит в семантический ряд: *нарыв, гнойник, чирей* и т. д.
[42] Картотека Псковского областного словаря; Дополнение к Опыту, стр. 221; Говоры Прибалтики, стр. 264.

диал. *прыщекáтый* (псков.)[43]; производные отыменные глаголы: *запрыщáть*, *запрыщáветь* 'покрыться прыщами'[44].

В значении 'отдельный маленький нарывчик': бал'шáја бал'áчка / ч'и́р'еј / *пры́шевочка* мáл'енкаја (псков.) [45]; в значении 'отдельный гнойничок сыпи': знáд'ба јéта в мáл'ен'к'их р'аб'áт / асты́н'ет и *пры́шенкам* фс'а галóфка ваз'м'óцца (псков.) [46]; *Прышшы́вац'к'и* гнóјныје пъ л'ицу́ / аннá *пры́ш'ш'ивка* / разрајáца аны́ / н'икáк н'е вы́л'еч'ит' / так'и́је јáм'ины па л'ицу́ / мóже т'еп'éр' и изл'éч'ивајут / а рáн'ше н'е изл'еч'áл'и (речь идет об оспе) (псков.) [47].

В древнерусском языке слово имело, по-видимому, значения, близкие к современным, ср.: Иже бо имѣеть на ребрѣхъ своихъ юзвоу, гноѧ испълненоу, *прыштиѥмъ* чюжимъ не сънгусить си (Сб. 1076 г.); кроме того, слово значило еще 'нарыв, фурункул': Отъ възгараѭштихъсѧ *приштии* акы на оугъльхъ лежаааштѫ (Изб. 1073 г.); глагол *прыщатисѧ* значил 'опухать, нарывать' [48].

Слово *прыщ* общеславянское: укр. *прищ*, блр. *прышч*, с.-хорв. *prišt*, слвц. *pryšt'*; несколько отличные словообразовательные варианты: болг. *пришка*, ст.-польск. *pryszczel*, н.-луж. *pryščel*, *pryskel*, чеш. *pryskýř* [49]. На праславянском уровне реконструируется **pryščь*, с меньшей степенью вероятности — суффиксальные формы **pryščelь* и **pryskyrь*. Последние могли возникнуть позднее на почве отдельных славянских языков. Возможно, что в праславянском слово могло выступать и в собирательном и в единичном значении, закрепление одного из значений по отдельным славянским языкам произошло позднее.

Несомненным является производный характер отношений: **pryskati* → **pryščь* (<**prysk-j-ь*) [50]. Перед нами отглагольное имя с *j*-овым суффиксом. Семантическая модель требует некоторого уточнения. В современном литературном языке глагол *прыснуть*, *прыскать* имеет значение 'брызнуть, брызгать', исторически его значение значительно шире. Основным значением глагола было 'бросать, метать', ср.: Яръ туре Всеволодѣ, стоиши на борони, *прыщещи* на вои стрѣлами (Сл. плк. Игор.) [51]. По говорам глагол *прыскать* употребляется в значениях: 'сыпать' — да вот же и сол' стаји́т / н'емнóшко ф тар'éлку *пры́с'ни* (псков.) [52]; 'прыгать,

---

[43] Картотека Псковского областного словаря.
[44] Даль[3] I, стб. 1555.
[45] Картотека Псковского областного словаря.
[46] Там же. — Обращает на себя внимание синтаксический оборот *пры́шенкам ваз'м'óцца* в значении 'покроется прыщами, сыпью'.
[47] Там же.
[48] Срезневский II, стб. 1615.
[49] W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 42.
[50] Vasmer II, стр. 452.
[51] Срезневский II, стб. 1615.
[52] Картотека Псковского областного словаря.

биться’: в’и́т’ин’ка пр’ин’ос шшу́ку фу́нтав на 18 / ана́ *пры́шше* (псков.) [53]; ‘отскакивать, отлетать’ (о зернах, искрах) (псков.) [54]; глагол *прыснуть* имеет значение ‘вскочить и быстро броситься бежать’ (пенз., тамб.) [55], ср. н.-луж. *pšyskaś* ‘вскакивать’ и выражение *вскочил прыщ*; в последнем случае можно предполагать характерное для языка тавтологическое построение. Ср. *скочи́ть* ‘появиться, возникнуть (о прыще, чирее и т. п.)’, ‘взойти о всходах’ (ряз.) [56]. Ср. еще *выскочить* ‘выступить (о крови)’ (арх.) [57]. Кроме того, глагол **pryskati*, в особенности его приставочная форма **otъpryskati* значили еще ‘проявляться наружу, прорастать (о листьях, ветках)’. Ср.: как начынàјет *атпры́ск’иваца* листок (псков.); мы фт’и́снул’и сук в з’е́мл’у /цвет падд’ержа́т’/ а јон *атпры́снул* и во каку́ раст’и́нку дал (псков.); ср. еще *отпрыск* ‘отросток’ и *прыщик* ‘почка, отросток’ (псков.) [58].

Употребление приставочной формы глагола *отпрыскиваться* для характеристики болезни в значении ‘распространяться (о сыпи)’ зафиксировано в псковских говорах: мо́ј л’ажа́л у бал’н’и́цы /аγн’а́нач’к’и был’и / сажγ’е́ш аγн’а́начк’и / и н’е бал’и́т / раскавыр’а́л / ан’и́ *атпры́ск’иваіуцца* и *атпрыск’иваіуцца* / у бал’н’и́цы л’ажа́л (псков.) [59].

Таким образом, глагол **pryskati* совмещал в себе следующие значения: ‘бросать, метать’, ‘брызгать’, ‘сыпать’, ‘прыгать, биться’, ‘вскакивать и бежать’ и ‘давать ростки, побеги’, ‘проявляться (о сыпи)’. Ср. употребление глаголов *бросать*, *метать* в значении быстрого движения: *бросился*, *метнулся*, О том, что все приведенные значения составляют единый семантический комплекс, свидетельствует древнеисландский глагол *spretta* ‘вскакивать’, ‘брызгать’ и ‘прорастать’ [60]. Сыпь, так же как и ростки, как бы «прорастает», проявляется изнутри, ср. польск. *wyprysk na skórze* (о сыпи).

Можно предположить, что значение праслав. **pryščь* является семантическим производным от одного из составных сложного комплексного значения глагола **pryskati*.

Не останавливаясь специально, я хочу только обратить внимание на два вторичных производных глагола: русск. *прыщиться* ‘капризничать, дуться’ (кур.) [61]; укр. полесск. *попрышчытыс’*, *спры́шчыты* ‘застыть, окоченеть’ [62].

---

[53] Картотека Псковского областного словаря.
[54] Там же.
[55] Опыт, стр. 182.
[56] Деулинский словарь, стр. 519—520.
[57] Проспект Архангельского областного словаря. М., 1971, стр. 57.
[58] Картотека Псковского областного словаря.
[59] Там же.
[60] V a s m e r II, стр. 452.
[61] Дополнение к Опыту, стр. 221.
[62] «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 60.

В дальнейшем мы увидим, что такая семантическая производность характерна для большинства рассматриваемых слов.

Цвет

Глагол *цвести*, кроме общеупотребительного значения, в восточнославянских языках имеет еще значение, относящееся к медицине. *Цвести* значит 'гноиться, нарывать, покрываться сыпью': Лицо *цветет* — 'покрыто сыпью'; Младенец *цветет* — то же; Глаза *цветут* (псков.) — 'гноятся' [63]. В украинском языке *цвісти* — 'покрываться красною или пузырчатою сыпью (о ребенке)'; Дитина *цвіте* [64]. Так как появление сыпи в старину объяснялось часто дурной кровью, то прилагательное *цвёткий* получило значение 'имеющий дурную кровь' [65].

Наличие значения 'покрываться сыпью' у глагола *цвести* делает понятным семантическую производность отглагольных имен: *цвет* 'сыпь по телу у детей в первые дни после рождения' [66] (новг.), 'болезнь молочница у младенцев, обмет, сыпь' (твер.) [67]; *цвету́ха* 'золотуха и вообще сыпи' (новг.) [68].

Любопытно, что и в современной медицине определенный период развития сыпи, переход папул в везикулы, называется «*цветение* сыпи».

* * *

Рассмотренные нами слова представляют собою определенное единство на словообразовательном уровне, все они — отглагольные имена существительные, ср.: *сы́пать* → *сыпь*, *сыпу́ха*, *сыпу́шка*, *сы́пка*; *осы́пать* → *осыпь*; *обметать* → *обмет*; *цвести* → *цвет*; **obsuti*, *obsъpǫ* → **obsъpa*; **pryskati* → *pryščь*. Время образования этих имен различно. Можно выделить два хронологических пласта: древнейший праславянский, показателями этого периода являются архаичная ступень огласовки и *j*-овый суффикс (**obsъpa*, **pryščь*); новейший, периода самостоятельного развития отдельных славянских языков и диалектов, показателями этого периода служат совпадение огласовки имени и глагола, отсутствие l' эпентетикум (ср. др.-русск. *сыпль* 'ржа, болезнь растений'), наличие приставки *об-* вместо *о-*, характерная для севернорусских говоров суффиксация *-уха*, *-ушка*.

Производящие глаголы отчетливо распадаются на две группы: глаголы **sypati* (**suti*), **metati* и **pryskati* представляют собою еди-

---

63 Д а л ь [3] IV, стб. 1254.
64 Гринченко IV, стр. 425.
65 Дополнение к Опыту, стр. 296.
66 Г е р а с и м о в, стр. 93.
67 Д а л ь [3] IV, стб. 1255.
68 Дополнение к Опыту, стр. 296; Д а л ь IV, стб. 1255.

ную семантическую группу, в то время как глагол **kvьsti* стоит особняком. Ср. совпадение таких значений в глаголах **sypati*, **metati*, **pryskati*, как 'бросать', 'брызгать', 'приносить приплод' (ср. *высыпка вальдшнепов*, *помет*, *метать икру*), 'прорастать, давать ростки, побеги' (укр. *сипка*, русск. *вы́метаться* 'распуститься (о цветке)', '*отпрыскиваться*'), 'быстро бежать' (ср. *сыпь! мета́ться*, *метнуться*, *прыснуть*). Отсутствие всех этих значений у глагола **kvьsti*, кроме значения 'распускаться', позволяет предположить, что он входит в другую семантическую группу и образованное от него имя в его медицинском значении также стоит особняком. См. *сыпь*, *оспа*, *прыщ*, *обмет* как название сыпи и *цвет* первоначально как обозначение определенного состояния сыпи, периода ее созревания.

В современном литературном языке мы наблюдаем лишь остатки прежних отношений, какая-либо системность отсутствует. Связь *сыпать* → *сыпь* отсутствует, установилась новая: *вы́сыпать* → *сыпь*; слово *оспа* не связано с глаголом, а само служит основой для производных, значение слова терминологизировалось; разрушено отношение и *прыскать* → *прыщ*.

Реконструкция древнейшего состояния позволяет высказать несколько гипотез: праслав. **obsъpa* означало, по-видимому, первоначально 'сыпь' и 'все сыпные болезни', ср. болг. *оспа* 'сыпь', русск. диал. *осо́пка* 'сыпь'. Затем произошла дифференциация, возникло противопоставление: 'сыпь (вообще)'—'оспа (определенное заболевание)', появилось новое слово для того или другого компонента, ср. русск. *сыпь—оспа*; болг. *оспа—шарка*; польск. *wysypka—ospa* и т. д.

Перхоть

В словаре Ушакова дается следующее определение слова *перхоть*: «мелкие частички, чешуйки роговых клеток кожи и кожного жира, скопляющиеся на голове у корней волос» [69]. К этому определению следует добавить, что *пе́рхоть*, кроме того, — наименование определенного вида кожного заболевания, шелушения кожи головы. По говорам словом *перхоть* обозначается всякая шелушащаяся кожа, не только на голове, ср.: ат мыла н'икакój *п'е́рхат'и* на л'ицé н'е аста́лас'. . . (псков.)[70].

Кроме формы *перхоть*, Даль приводит еще формы *перх* [71] и *перша* в том же значении, в псковских говорах записана форма *перхни* то же.

Эти имена соотносятся с глаголами *пе́рхать*, *пе́рхнуть*, *першить* 'шелушиться', см.: Кожа *перхнет* у меня — суха и перша́

[69] Ушаков III, стб. 238.

[70] Картотека Псковского областного словаря.

[71] Форма *перх* 'перхоть' зафиксирована в рязанских говорах. — Деулинский словарь, стр. 400,

сходит, лупится [72]; Када́ нос згар'и́т' / он *п'е́рхнет* (псков.) [73]; Лицо́ фс'о́ *п'е́рхајит* — зна̀ч'ит шелушытс'а (псков.) [74]; Ат мы́ла н'икако́ј п'е́рхат'и на л'ице́ н'е аста́лас' / а то́ так и *п'ершы́лас* (псков.) [75]. Имя прилагательное *першистый* значит 'негладкий, шероховатый' (псков.) [76].

Соответствия слову *перхоть* мы находим в блр. *перхаць* то же и в южнославянских языках: болг. *пъ̀рхот*, *пърху́т*, с.-хорв. *пр̏ху̑т*, словен. *prhut* то же; русскому диалектному *перх* соответствует кашуб. *pjĕ̃řx* то же [77]. К этой же группе слов примыкают н.-луж. *śṕerchliny* 'перхоть' [78].

На праславянском уровне эти формы реконструируются как **pьrxnǫti*, **pьršiti*, **pьrxъ*, **pьrša*, **pьrxotь*, **pьrxǫtь*.

Русскую диал. форму *пе́рхни* следует считать поздней, должно было бы быть ** *першни*.

Поршни

Этимологически к тому же гнезду слов принадлежит русск. диал. *по́ршни* 'угри на лице' (твер.) [79] < **pъršьni* мн. В этом слове наблюдается не только иной вокализм корня, но и совершенно отличная семантика. О возможностях использования слов этого гнезда в подобном значении говорит чеш. диал. *perša* 'веснушка' < < **pьrša* [80].

Парша

Особый вид тяжелого кожного заболевания Favus в восточнославянских языках носит название *шёлуди*, а в польском *parch*, *parchy* мн. Последнее слово и производные от него получили широкое распространение. Они проникли в украинский и белорусский языки, а через посредство последних и в русский. Ср. укр. *парх*, *парха́тий*, *парха́ч*, блр. *па́рхи*, *пархова́тий*, *па́рховка*, *парху́цик*, *пархуцкий*, *па́рши*, русск. *парх*, *парш*, *па́рша́*, *па́рший* [81]. Наличие сочетания *-ар-* с ударением на этом слоге говорит о том, что эти формы заимствованы из польского [82]. Резко отрицательная эмоциональная окраска, свойственная слову, употребление его

---

[72] Даль [3] III, стб. 258.
[73] Картотека Псковского областного словаря.
[74] Там же.
[75] Там же.
[76] Там же.
[77] W. Budziszewska. Указ. соч., стр. 45.
[78] Там же.
[79] Дополнение к Опыту, стр. 201.
[80] Ж. Ж. Варбот. Заметки по славянской этимологии (чеш. *perš(a)*, *tropiti*). — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 103—104.
[81] Опыт, стр. 153; Даль [2] III, стр. 20.
[82] Vasmer II, стр. 319.

в качестве ругательства привели к образованию производных от этого слова уже на местной почве, в белорусском, украинском и русском языках. Но, помимо заимствованных, в восточнославянских языках присутствуют и исконные образования от этой основы: ср. блр. *по́рши* 'шелуди' < *pъrši* мн.; *поршы́вицъ* 'шелудиветь' < **pъršivěti*, *поршы́вый* 'шелудивый', 'плохой' < **pъršivъjь*[83]. В связи с этим толкование русск. *паршивый* может быть различно. Это слово могло быть образовано на русской почве от заимствованного *парх*, *парша*, оно могло быть заимствовано из белорусского языка и могло быть русским по происхождению, но с отражением результатов аканья или влияния близких форм с *а* в корне.

Рассмотренные выше исконно русские наименования кожных заболеваний *перхоть*, *перх*, *перша* и *поршни* входят в обширное этимологическое гнездо с корнем **pьrx-*/**pъrx-*/**porx-*. Основным и определяющим значением этого корня в праславянском было значение 'сыпать' с производными 'лить, брызгать, кропить'. Ср. чеш. *pršeti* 'падать, опадать, брызгать, кропить, осыпать(ся)', 'идти (о дожде)', польск. *pierzchać*, *pierzchnąć* 'убегать, исчезать', устар. 'бросаться', 'падать, брызгать', укр. *пе́рхнути* (возможно, из польского) 'побежать, набежать', *пе́рхати* 'порхать, летать особым образом', русск. *порха́ть*, диал. *пу́рхать* (арх.)[84], *порши́ть* (псков.)[85], 'летать особым образом, махать крыльями'; *пы́рхать* 'прыгать' (псков.)[86], *по́рхаться*, *пу́рхаться* (<**pъrxati sę*) 'разгребать пыль, снег (о птицах)', переносно 'возиться, копаться'[87], первоначально, может быть, 'засыпа̀ть себя', ср.: На пов'е́т'и на на́шоj ты *запо̀рхаjес'с'е* ф трух'и (печор.)[88]; *по̀рхнуть*, *по̀рхать* 'бросаться, нападать' (псков.)[89] (польское влияние?); с.-хорв. *пр̏шати* 'порошить, моросить', 'носиться, виться', *пр̀хати* 'порхать', 'махать крыльями, биться'. Сюда же примыкают и рассмотренные выше глаголы со значением 'шелушиться'. На праславянском уровне это следующие формы глаголов: **pьrxati*, **pьrxnǫti*, **pьršati*, **pьršiti*, **pъrxati*, **pъrxnǫti*, **pъršati*, **pъršiti*.

Имена, принадлежащие к этому этимологическому гнезду, обозначают рыхлые, сыпучие вещества: пыль, снег, труху, землю (как сыпучее вещество). Ср. праслав. **pьrstь*, **porxъ*, **porša*, **pъrxъ*.

---

[83] М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 242.

[84] Картотека Словаря русских народных говоров.

[85] Картотека Псковского областного словаря.

[86] Там же.

[87] А. Молотилов. Говор русского старожилого населения Северной Барабы. Томск, 1913, стр. 164.

[88] Картотека Печорского областного словаря.

[89] Картотека Псковского областного словаря.

Сюда же, кроме общеизвестных, русск. олон. *порбшва* 'сор' [90], по-видимому, со вторичным *-в(а)*, русск. *пе́рхла* 'овсяные отруби' <**pьrхъla* мн.[91]

Представляется вполне естественным образование в этом гнезде слов со значением 'заболевание кожи'. С одной стороны, это образование, встающее в семантический ряд с указанными выше **pьrstь*, **porхъ*, **porša*: **pьrхotь* — 'шелушащаяся кожа, мелкие чешуйки, которые осыпаются'; с другой стороны, это наименование того, что высыпает на коже, в особом медицинском значении последнего слова (ср. *сыпь*, *прыщ* и т. д.) — *pьrša 'веснушка', **pъršьni* мн. 'угри на лице', *pъrхъ, *pъrši мн. 'шелуди, чесотка'. Ср. болг. *пръшав* 'чесоточный'.

Порплi

Укр. диал. (карп.) *по́рплi* мн. 'струпья на голове' [92], т. е. 'шелуди, парша', этимологически аналогично рассмотренным выше словам. Если в этимологическом гнезде **pьrх-/*pъrх-/*porхъ-* мы находим глагол *по́рхаться* < **pъrхati sę* 'разгребать пыль, снег (о птицах)', 'возиться, копаться' и **pъrхъ* 'шелуди', то и в соответствии с карп. *порплi* в украинском языке есть глагол *порпати* < <**pъrpati* 'копаться, разгребать, выгребать (о курах и пр.)' (Камен. у.) [93], 'возиться, рыться в чем', *по́рплитися* (ср. аналог. русск. *ко́плиться* от *копа́ть*) 'возиться, рыться в чем' (полтав.) [94], *порплятися* 'копаться' (житом.) [95] <**pъrpjati sę*. Реконструкция слова *по́рплi* мн. несколько затруднена, скорее всего оно восходит к **pъrpji* мн., но трудно определить исходную форму: **pъrpjь* м. или **pъrpja* ж. Ср. форму уменьшительности от этого слова *по́рплицi* мн. 'струпья на голове', что скорее говорит о том, что в основе лежит форма жен. рода.

Хотя разбор украинской лексики не является целью моей статьи, хочется привести этот любопытный пример как прекрасную аналогию к разобранным выше. Ср. еще болг. *сугреб* 'кожная болезнь' <**sǫgrebъ* в соответствии с глаголом **grebti*.

Облива

Сыпь, состоящая не из отдельных пузырьков, а сливающаяся (так называемая *сливная*) называлась *облива*. Слово не зафиксировано в словаре Даля и в других диалектных словарях, оно

---

[90] Куликовский, стр. 89.
[91] РФВ, т. XXI, 1914, стр. 345.
[92] Гринченко III, стр. 354.
[93] Там же.
[94] В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. I, Харьків, 1960, стр. 79.
[95] Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської області). — Лекс. бюл., вип. VI. Київ, 1958, стр. 30.

сохранилось лишь в памятниках [96]. Структура слова очень проста: это отглагольное имя от глагола *облить*. Термин *сливная сыпь* (калька латинского *confluens*) употребляется и в современной медицине.

Восца

Восцá ж. — название определенного заболевания. Это «гнойный лишай между пальцев, на ладони и на подошве, вызывающий сильный зуд. Слово отмечено в значительной части русских говоров: *воссá* (кур., калуж., ворон., тул., иркут.), *воссń* (арх., свердл.) [97]. «*Acсá* — кожное заболевание. По народному поверью, от этой болезни можно вылечиться, прикладывая камень, по которому прошло колесо телеги. «Зáчесно фсё, чéшэш не начéшэш, называется *acсá* пристанет» [98]. В белорусском языке, соседствующем с псковскими говорами, слово представлено в следующих формах: *асцá* 'подкожный зуд', *исцá* 'подкожный зуд на пятах или ладони' [99]. В уральских говорах русского языка *вассń* 'зуд' [100]. Все эти вариантные формы восходят к одной праформе — **obsьca*. Название мокнущего гнойного лишая образовано от глагола **sьcati* 'мочить', вернее — от его приставочной формы **obsьcati* [101]. Отглагольное имя **obsьca* получило позднее форму **osьca*, давшую с протезой *восцá*, без протезы, но с отражением диссимилятивного аканья — *исцá*, с ассимиляцией согласных — *acсá*, с протезой и с ассимиляцией согласных — *вассń*.

Как правило, слова со значением 'чесотка, зуд' развивают вторичное производное значение: 'быстрое движение, верчение'. Такое значение, как областное, отмечено в «Словаре Академии Российской»: «*восцá* — в общем роде простым народом употребляемое, означает непоседа, резвого, который на одном месте сидеть не может» [102]; в уральских говорах *вассń* и *воссń* м. ж. «о тех, кто много бегает толкается, шумит» [103]. По-видимому, последнее значение послужило основанием для прозвища, зафиксированного в памятниках южнорусской письменности, *Восца* [104]. Широта распространения производного значения говорит о том, что и назва-

---

[96] Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960, стр. 82.

[97] Даль[3] I, стб. 617; «Словарь русских народных говоров», вып. 5, стр. 145, 146.

[98] «Псковский областной словарь», вып. 1, Л., 1967, стр. 73.

[99] Носович, стр. 225.

[100] Сл. Средн. Урала, стр. 67.

[101] Фасмер I, стр. 357—358.

[102] Словарь Академии Российской I. СПб., 1847, стр. 265.

[103] Сл. Средн. Урала, стр. 67.

[104] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970, стр. 265.

ние болезни, по-видимому, первоначально было распространено значительно шире.

Срезневский приводит слово *вошьца*—'φῦμα, опухоль': Мала плотца юзыкъ... многажды же *вошца* и струпи томоу ѿмѣтаются (Златостр. XVI в.)[105]. Приводимая форма скорее всего тоже результат ассимиляции из **obsьca* > *осьца* (с меной *с* > *ш*). Значение слова отличается от современного, но сам по себе приведенный пример дает достаточно широкий простор для толкования.

Бобушки

В русских северо-западных говорах (новгородских, псковских, тверских, русских говорах Прибалтики) натуральную оспу называли *бобу́шки* (*бабу́шки*): *бобу́шки* 'болезнь натуральная оспа'[106]; *бабу́шки* худа́ бал'э́с'т'; *бабу́шк'и* йэ́тъ во́спа; По-деревенски — *бабушки*, поделикатней — воспа (прибалт.)[107]; *бабу́шки* 'оспа'[108]; јон пъл'ажа́л в *бабу́шках* и стал кар'а́вы̂ј (псков.)[109]; *бабу́шки* мн'е́ н'е́ был'и пр'ив'и́ты / кар'а́ваја ја ста́ла (псков.)[110]; *бабу́ха* 'оспа' (твер.)[111]. Тем же словом *бабу́шки*, но иногда в ед. числе назывались оспенные пятна, а затем рябины: *бо́бушки* 'оспа или оспенные пятна' (новг.)[112]; у него было только три *бабушки* (новг.)[113]; *бобушки* — название, присвоенное в Новгородской губернии оспенным пятнам[114]. Перед нами очень любопытный новгородско-псковский диалектизм. Он зафиксирован и в памятниках: На лице бывали *бобушки*[115].

Географические границы слова строго очерчены — новгородские и псковские говоры.

М. Фасмер считает слово *бабу́ха*, *бабу́шка* 'оспа' табуистическим названием, производным от слова *баба*[116]. Несмотря на то что в названиях натуральной оспы распространены явления табу, история данного слова нам представляется несколько иной. Против непосредственной и прямой производности *баба* → *бабу́шка* говорит несколько моментов:

---

105 Срезневский I, стб. 309.
106 Герасимов, стр. 22.
107 Говоры Прибалтики, стр. 22; Филин 2, стр. 30.
108 Опыт, стр. 4.
109 Картотека Псковского областного словаря.
110 Там же.
111 Филин 2, стр. 30.
112 И. Р. Наумов. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. 11, № 6, 1874, стр. 4.
113 Дополнение к Опыту, стр. 3.
114 В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. I, СПб., 1843, стр. 47.
115 Новгородские записные кабальные книги (XVI—XVII вв.), М.—Л., 1938, стр. 194.
116 Фасмер I, стр. 100.

а) неустойчивость вокализма корня, окающие говоры и памятники подтверждают исконность формы *боб-*;

б) ударение на суффиксе при наличии ударения на корне в производном от *ба́ба — ба́бушка*;

в) преобладние форм мн. числа;

г) значение 'болячки, оспенные пятна, рябины'.

Слова с основой *баб-/боб-* в славянских языках развивают значение 'болячка, волдырь, шишка, ранка'. Ср. *бабу́шка* 'всякая болячка у детей' (новг.) [117]; *бобы́шка* 'волдырь': *бабы́шка* / это как мо́шка ку́с'ит / так оно́ и фско́ч'ит (псков.) [118]; укр. закарп. *бо́ба* 'рана, болячка', *бо́пка* 'ранка', *бубак* 'больное место', *бубачка* 'прыщ' [119]; с.-хорв. *ба̏бица* 'израстао', *бо́ба* 'нешто округло, зрно грожђа, брадавица' и особенно интересно *bobinka* 'оспа' [120].

Таким образом, перед нами, очень древний комплекс *bab-/bob-/bǫb-* для обозначения болячки, ранки. Связь этого корня со словом *baba* 'женщина', если таковая была, возможна только на индоевропейском уровне, для русского языка эта связь не существует.

Любопытна лексическая изоглосса: новг.-пск. говоры — укр. закарп. и сербо-хорв.

Папуша

Па́пуша — псковское диалектное наименование болезни кори или краснухи [121], в колымских говорах слово *папушки́* употребляется в значении 'сыпь': У него каки-то *папушки* вышли [122]. Это слово представляет собою абсолютную параллель рассмотренному выше. Основа **pap- / *pop- / *pǫp-*, точно так же как и **bab- / *bob- / *bǫb-*, используется, наряду с другими значениями, для обозначения чего-то вздувшегося, прыщика, болячки и т. п. Ср. *па́пка, па́почка* 'прыщик, болячка' (вят.) [123]; *папёхи* 'обожженные места' (смол.) [124].

Лопуха, Лаптуха

Это очень интересный севернорусский диалектизм, представленный в нескольких словообразовательных вариантах: *лопу́ха́, лапту́ха, лапту́шка, лапту́шки*. Все эти формы используются

---

[117] Дополнение к Опыту, стр. 3.

[118] Картотека Псковского областного словаря.

[119] «Карпатский диалектологический атлас». М., 1967, стр. 93.

[120] И. Поповић. О словенским коренима **bǫb-* и **pǫp-* и неким њиховим дериватима. — ЈФ XIX, 1951—62, стр. 167—168.

[121] Картотека Псковского областного словаря.

[122] Богораз, стр. 102.

[123] Д. К. Зеленин. Этимологические заметки. — Изв. ОРЯС, т. VIII, кн. 4. СПб., 1903, стр. 264.

[124] Опыт, стр. 152.

для обозначения болезней, сопровождаемых сыпью крупными пятнами, лепешками, «лапта́ми». Имеются в виду скарлатина, корь, краснуха, ветрянка, оставляющие редкие следы:

лопу́ха́ 'летучая оспа, сыпь большими лепешками, пятнами' (яросл.) [125]; *лопуха* 'наружная, сыпучая болезнь, составляющая некоторый род водяной, но не настоящей оспы' [126]; *лапуха́* 'сыпь на теле, краснуха и скарлатина, красные пятна' [127]; *лапуха*, по Карамзину, значит: скарлатина, а не ветряная оспа [128]; *лаптуха* 'оспа, оставляющая крупные, редкие следы' (олон.) [129]; *лапту́ха* 'болезнь детей вроде кори' (псков., твер., осташк.) [130]; Ребенок заболел *лаптухой* (пенз.) [131]; *лапту́шка* 'сыпь вроде оспы' (новг.) [132]; *лапту́шки* 'болезнь вроде оспы' (псков., велик. опоч.) [133]; *лапту́ха*, *лапту́шка* или *лапту́шки* мн. 'сыпь лаптами, красными мысами; оспа ветрянка? корь? краснуха?' [134]; *лапту́шки* 'детская болезнь, сопровождаемая сыпью': *Лапту́шк'и* — т'ажо́лъйа бал'э́з'н'а, вы́сыпка кра́снъйа, гар'и́т р'аб'о́нък [135].

Короче, в северо-восточных говорах представлена форма *лопу́ха́*, в северо-западных — *лапту́ха*, *лапту́шки* (фиксация этого слова в говорах Пензенской обл., вероятнее всего, результат миграции населения, так как на территории собственно южных говоров это слово отсутствует). Обе формы с активным в севернорусских говорах суффиксом *-uха* и основой **lop-* / **lap-* и **lopъt-* / **lapъt-*. Перед нами основа, используемая в славянских языках для обозначения различных плоских предметов: листа, лоскута, плоскости весла, лопаты, руки, лапы и пятна. Ср. *лапа*, укр. *лапатий* 'с большими лапами'; (о листьях) 'лаповидный, лапчатый'; 'большими пятнами' (об узоре материй и пр.); 'большими хлопьями' (о снеге) [136]; русск. *ла́пый* 'с крупным рисунком' (печор.) [137]; *ла́пистый* то же (твер.) [138]; серб.: *лоптами* сњег пада [139]; укр. *ло́пать* 'лопасть весла' [140]; русск. *ло́пасть*, *лопа́тина* 'широкая часть весла', *лопа́рня* 'весло, гребок' [141],

---

[125] Мельниченко, стр. 105, 102.
[126] В. Бурнашев. Указ. соч., I, стр. 366.
[127] Даль II, стр. 238.
[128] Я. Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Я. Грот. Филологические разыскания, т. I. СПб., 1876, стр. 97.
[129] Куликовский, стр. 48.
[130] Дополнение к Опыту, стр. 99.
[131] Картотека Словаря русских народных говоров.
[132] Дополнение к Опыту, стр. 99.
[133] Опыт, стр. 101.
[134] Даль³ II, стб. 613.
[135] Говоры Прибалтики, стр. 142.
[136] Опыт, стр. 101.
[137] Картотека Печорского областного словаря.
[138] Картотека Словаря русских народных говоров.
[139] П. А. Ровинский. Географическое и этнографическое описание Черногории. — Сб. ОРЯС, т. 80, № 18, стр. 661.
[140] Гринченко II, стр. 377.
[141] Даль³ II, стб. 689.

лопáска 'часть прялки' (яросл.) [142]; *лóпасть* 'верхняя часть ступни ноги' (печор.) [143]; *лоптá*, *лаптá* 'лопасть, палка, веселко, которым бьют мяч' (т. е. деревянная ракетка. — *В. М.*) и 'самая игра эта' [144]; *лапта* 'кожа, прикрепленная к палке для битья мух' [145]; блр. *лапіна* 'отметина, пятно' (ср. укр. *лапатий*, русск. *лапый*), русск. *лапты на теле* 'лопасти, красные зубчатые полосы и пятна' [146].

В названиях болезней использовано, по-видимому, последнее значение 'пятно'. *Лопуха*, *лаптуха* 'болезнь, сопровождаемая сыпью, пятнами'. Несмотря на исключительно древнюю основу [147], само по себе образование вряд ли может считаться таким древним. Ни формальных, ни семантических параллелей нет. Вероятнее всего, это местное севернорусское образование с характерным суффиксом и с использованием основы в значении 'пятно' в качестве наименования болезни.

Лепуха

В южных говорах короста называется *лепухá*, *лéпух*, *лéпа* [148]. Эти наименования могут быть объяснены двояко. С одной стороны, в украинском языке есть слово *леп* 'нечистота на теле, грязь', *лéпавий* 'грязный' [149], судя по вокализму, — полонизмы, этимологически связанные с глаголом *лепить*. С другой стороны, указанные слова встают в ряд с рассмотренными выше *лопуха*, *лаптуха*. Ср. *лепáк* 'лоскут, тряпка' [150], *лéпéнь* 'кусок, лоскут; пятно' [151], *лéпет* 'лоскут'; *лепетина* 'старая кожа, которая рвется' (волог.) [152], *лепеть* 'кусок кожи' [153]. Исключительный интерес представляет слово *лепшóтка* 'родинка, болячка, пятно', 'нечто сплюснутое', представленное в рязанских говорах [154]. Слово образовано от той же основы **lep-*, что и указанные выше, но с иным суффиксом. Значение слова совпадает со значениями

---

142 Мельниченко, стр. 105.
143 Картотека Печорского областного словаря.
144 Даль³ II, стб. 612—613.
145 Опыт, стр. 101.
146 Даль³ II, стб. 613.
147 Корень **lapъ*, **laptъ* для обозначения плоского предмета восходит к ностратической эпохе (В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 355).
148 Даль³ II, стб. 640, 722; Миртов, стр. 171.
149 Гринченко II, стр. 355.
150 Куликовский, стр. 49.
151 Подвысоцкий, стр. 82; Картотека Псковского областного словаря.
152 Картотека Словаря русских народных говоров.
153 Картотека Псковского областного словаря.
154 Деулинский словарь, стр. 272.

разобранных слов. Фасмер связывает слово *лепуха* с греч. λεπρα 'проказа'[155], сюда же греч. λεπω 'раздираю', λῦπη 'кожа'[156].

Наименования *бобушки*, *папуша*, *папушки*, *лопуха*, *лаптушки*, *лепуха* образуют своеобразную группу слов с архаичными основами. Основы **pap- / *pop- / *pǫp-* и **bab- / *bob- / *bǫb-* 'нечто вздувшееся, ранка' и основа **lep- / *lap- / *lop- / *lapъt- / *lopъt-* 'нечто плоское' восходят к индоевропейской и (вторая) даже к ностратической эпохе. Но сами словообразовательные модели поздние. Они входят в словообразовательный ряд: *бобушки*, *корюшки*, *лаптушки*, *сыпушка* и т. д. Продуктивная модель в севернорусских говорах.

В современных диалектах указанные слова вытесняются литературными наименованиями и постепенно уходят из языка.

Краснуха

Красýха, *красýшка*, *красýшки*, *красýшная болéсть*, *краснýха* — севернорусское наименование значительного числа болезней: краснухи, кори, скарлатины, золотухи, крапивной лихорадки[157]. *Красýха* 'сыпь по телу, корь' (яросл.)[158]; 'золотуха', 'сыпь, скарлатина' (твер.), 'крапивная лихорадка' (псков., твер., осташ.)[159], 'корь' (олон.)[160]. Наряду с формой *красуха* крапивная лихорадка в тех же псковских говорах называется *краснуха*[161], в ярославских говорах корь называется *красуха* и *краснуха*[162]. Тексты, записанные в Псковской обл., не всегда дают достаточную информацию для точного определения значения слова. В некоторых случаях мы можем предполагать, что речь идет о той или иной болезни: В Вовушки *красушки* за ушком (по-видимому, золотуха, так как именно золотуха дает увеличение желез); есл'и *краснýха* | на галóфк'и струпы́ так'ӣjе; *Красýха* / красны́м л'ицó / струпáм / струпы так'ӣjе / мóкрыj ч'алав'éк; Бал'езн'á тáка / *красýшка* / р'аб'óнок бывájет в'ес' крáсныj / jавó вым'атájет / фс'ó краснó и глáзы н'и в'ад'áт / тадá ч'ар'адój пójут' / а кадá абажжóт / тадá смáч'иваjут тójе м'éста / jашшó анá пáпуша зав'óтца[163]. В последних двух примерах речь идет скорее всего о кори, об этом говорит то, что это болезнь детская, для нее характерно наличие сыпи и болезненных ощущений в глазах, ухудше-

---

155 Фасмер II, стр. 484.
156 Boisacq, стр. 591.
157 Даль³ II, стб. 476.
158 Мельниченко, стр. 96.
159 Дополнение к Опыту, стр. 92.
160 Куликовский, стр. 42.
161 Даль³ II, стр. 481.
162 Мельниченко, стр. 96.
163 Картотека Псковского областного словаря.

ние зрения. Может быть, именно этот признак — ухудшение зрения при кори — лег в основу следующего словосочетания: Чужôј в'éк дажывáју / *красýшнаја бал'éст'* / в'ѝжу плôха. Здесь, по-видимому, речь идет о старческом ухудшении зрения, этот факт воспринимается как аналогичный ухудшению зрения при кори. *Красýшная болесть*, собственно, 'болезнь, подобная кори' (по определенному признаку).

В данном случае точная идентификация болезни, обозначаемой словом *красýха*, не обязательна. Корь, скарлатина, краснуха долгое время не различались, слово имеет обобщенный смысл, хотя характерные признаки уже наметились. Они носят скорее отрицательный характер, построены по методу исключения. Но ведь так же строится и современный диагноз!

И словообразовательная и семантическая структура рассмотренных выше слов вполне ясны. Один из типичных признаков значительного числа заболеваний, сопровождаемых сыпью, это покраснение кожи. Перед нами отыменное образование: *красный* → *краснуха*. Широкое распространение основы прилагательного в других образованиях (ср. *краснеть*, *краснота* и пр.) — явление относительно позднее. Оно связано с разрушением гнезда с корнем **kras-* и закреплением только за прилагательным с суф. *-ьn* значения 'красный цвет'. О том, что такое состояние было не всегда, свидетельствуют многие факты (ср. *покрасéть* 'покраснеть' (о вянущей зелени)[164], *красъ* 'краснота' (псков.)[165] и т. д.), и в частности слово *красýха* как абсолютный синоним к слову *краснуха*.

Черемнуха

Черемнýха, *черемнухи* мн. — название кори в русских северо-западных говорах (псковских, тверских, олонецких). *Черемнýха* 'род кори'[166] (псков., твер., осташ.), *черемнýхи* 'корь' (псков., остров.)[167], *черемнýшки* 'корь, сыпь' (псков., великол., опоч.)[168]: *Цыр'амнýхи* / высыпáицца так'ѝм крáсным / бывáла вы́сыпка и в маѝх р'аб'áтах / мы-та *цыр'амнýхам* назывáл'и / а т'ип'éр' кôр'[169].

Сюда же примыкает структурно инакооформленная *черемѝца* 'корь' (олон.)[170]. С моей точки зрения, так же должно быть объяснено и второе олонецкое наименование кори — *царевница*[171].

---

[164] Б о г о р а з, стр. 112.
[165] Картотека Псковского областного словаря.
[166] Дополнение к Опыту, стр. 299.
[167] А р т е м ь е в. — Архив АН, ф. 197, 2, л. 61.
[168] Опыт, стр. 256.
[169] Картотека Псковского областного словаря.
[170] К у л и к о в с к и й, стр. 132.
[171] К у л и к о в с к и й, стр. 130.

Фасмер (он приводит форму *царевна*, а не *царевница*, но у Куликовского первой формы нет) считает слово производным образованием от *царь* в целях табу [172]. При наличии цоканья и возможности мены *мн* > *вн* (ср. *вного* < *много*) слово *царевница* могло быть передачей этимологического *черемница*. Подтверждением такой возможности служит слово *черемица* и псковское *черевнушки* вм. *черемнушки*: у м'ан'á *ч'ир'авнýшки* / гар'и́ш и крас' па т'éлу. Наименования *черемица*, *черемнуха* и *черемнушки* образованы от основ имен прилагательных *черемый*, *черемный* 'красный, рыжий', широко распространенных как в северных, так и в южных говорах. Ср. *черёмый* 'смуглый' (твер.) [173], *черемный* 'рыжий' (волог., вят., сиб.) [174], (перм.) [175]. В памятниках письменности: *черемной* 'рыжой, красные волосы имеющ' [176]; *Григореи Чермной* (Рыльск. 1614. Д. Дес. кн. 170, л. 10 об.) [177]; *чьрмьныи* 'красный, багряный' (Сб. Волог. XV в. и др.), 'огненно-красный, рыжий' (о волосах) (Быт. XXV, 25 по сп. XIV в.) [178]; *черьмныи*: ги҃ помози рабоу своюему данили черьмномꙋ (Приписка XII в., Минея служебная XII в., л. 251) [179].

Черемнуха — имя существительное, образованное с очень продуктивным в севернорусских говорах суф. *-иха* от основы **čьrmьn-*. О том, что огласовка слов *черемный*, *черемнуха* является результатом второго полногласия, писал Шахматов [180]. Этот вывод подтверждается и древнерусским материалом, где мы имеем *чьрмьн-*.

Прилагательное же *черемый*, зафиксированное только в тверских говорах, и производное *черемица* могут быть интерпретированы двояко. Это или чистая именная основа **čьrm-* без суф. *-ьn-*, тогда огласовка слов *черемый*, *черемица* должна быть также объяснена результатом второго полногласия. Или же это апофонический вариант той же основы **čerm-*, отраженный в общеслав. **čermuxa* [181].

Любопытны болг. названия кори: *черленка* и болг. диал. *руса* ж. 'детска кожна болест, която народното вярване представя

---

[172] Vasmer III, стр. 282.
[173] Даль³ IV, стб. 1312.
[174] Опыт, стр. 256.
[175] Картотека Словаря русских народных говоров.
[176] Два старинных областных словаря XVIII ст. Сообщение П. К. Симони. — ЖСт, 1898, вып. III—IV, стр. 447.
[177] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 255.
[178] Срезневский III, стб. 1559—60.
[179] Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.
[180] А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. — ИОРЯС, т. VII, кн. 1. СПб., 1902, стр. 305.
[181] О. Н. Трубачев. Славянские этимологии, 29—30. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 2. М., 1961, стр. 34.

като грозна жена; струпеи по лицето (обикновено на дете)' [182]; серб. *руса*. Последнее имя соотносится с **rusъjь* 'рыжий, золотисто-коричневый'.

Золотуха

Золоту́ха — общерусское народное название туберкулеза лимфатических желез, называлась эта болезнь в литературном языке XIX в. худосочием. «*Золотуха* — прирожденная болезнь худосочия, в которой особенно болеют железы. . . Scrofulæ» [183].

Наличие слова *золотуха* в литературном языке (ср. у Чехова: Когда она была маленькой, доктора ей *золотуху* внутрь вогнали) привело к тому, что оно не фиксируется диалектными словарями. Есть лишь несколько примеров в записях диалектной речи (вят., псков., казан., ряз.) [184]. В то же время слово фиксируется уже в памятниках XVII в.: «лечит. . . пострельные язвы, и килы, и *золотухи*. . . (1658 г.) [185].

А между тем девять растений носят в говорах название *золотушной травы*. Как правило, наименования лекарственных трав имеют такую структуру [186]. Не только сам термин *золотушная трава*, но и текст, сопровождающий статью в словаре, говорит о присутствии слова в говоре, ср.: *Золотушна* есь *трава* од золотухи. *Золотушной травой* называют прежде всего череду, Bidens [187]. Ср. использование череды при других заболеваниях: бал'éзн'а тáка / красýшка. . . тада ч'арадóј пóјут. В олонецких говорах *золотушной травой* в Шуе звали Lychnis dioica L., горицвет, а на Водлозере — клевер Trifolium «отвар которого вливают при золотухе больному в ухо, а также промывают уши» [188]. В воронежских говорах *золотушной тра́вой* называют растения Kochia arenaria Roth. и Filago arvensis, жабник [189]; на Урале, кроме череды, *золотушной травой* называют Lycopodium annotinum; Даль в статье *золотушная трава*, кроме Kochia arenaria и Filago, называет еще Cynoglossum, живокость, и Melampyrum nemorosum, иван-да-марью [190].

От названия болезни *золотуха* образовано имя прилагательное *золотушный*. Кроме русского, данное слово существует в украин-

---

[182] СбНУ XXVIII, № 1, стр. 198.
[183] Даль[3] I, стб. 1725.
[184] Картотека Словаря русских народных говоров; Деулинский словарь, стр. 201.
[185] Материалы для истории медицины в России. СПб., 1885, вып. 3, стр. 712.
[186] В. А. Меркулова. Народные названия болезней, I. — «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 171.
[187] Сл. Сред. Урала, стр. 195.
[188] Куликовский, стр. 30.
[189] Н. И. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1958, стр. 43 и 52.
[190] Даль[2] I, стр. 692.

ском и белорусском языках, укр. *золотуха*: Зовсім був осліп од *золотухи*; *золотушник* Inula britanica [191]; блр. *залатуха*. Структура слова исключительно проста: образование с суф. *-иха* от основы им. прилаг. *золотой*.

Огница

В воронежских говорах зафиксированы две формы: *óгника*, *óгница* 'наружная золотуха, сыпь, кора на лице' [192]. Это достаточно архаичное образование с суф. *-ika* / *-ica* от именной основы **ognь* 'огонь'. Представление сыпи как огня (покраснение кожи) отражено в новгородском термине *летучий огонь* 'хроническая сыпь, короста на лице и губах' [193] и псковском *огня́ночки* 'корь' [194].

Мы рассмотрели небольшую группу названий болезней, семантическая модель которых сводится к следующей: 'название цвета' → 'название болезни', ср.: *крас-* → *красуха*, *красушка*, *красушки*; *красный* → *краснуха*; *черемный* → *черемнуха*, *черемнушки*; *черемый* → *черемица*; *золотой* → *золотуха*.

* * *

Значительная группа, точнее — большинство, названий кожных болезней построены по одной семантической модели. Эта модель находит свое классическое выражение в производности *чесать* → *чесотка*. Отношения глагола *чеса́ть* 'драть, царапать ногтями кожу' и производного от него имени *чесо́тка* 'кожная болезнь, вызывающая сильный зуд' показательны своей словообразовательной актуальностью. И формальная и семантическая производность здесь налицо. Она четко ощущается всеми носителями языка. С точки зрения семантической устойчивости данная модель универсальна, представлена в большинстве индоевропейских языков: ср. лат. *scabō* 'чешу, скоблю' → *scabies* 'чесотка, парша', лтш. *kasît* 'чесать' → *kass* 'чесотка', нем. *kratzen* 'чесать' → *Krätze* 'чесотка' и т. д.

В русском языке модель *чесать* → *чесотка* осложнена наличием двух побочных и необязательных элементов: возвратной формой глагола *чесаться* и безличной формой *чесаться* 'испытывать зуд'.

Эта модель наталкивает на определенные выводы. Как мы видели, наименование болезни и формально и семантически производно. Следовательно, наличие слова со значением 'чесотка' предполагает с неизбежностью наличие или существование в прош-

---

[191] Гринченко II, стр. 179.
[192] Даль² II, стр. 645.
[193] Герасимов, стр. 52.
[194] Картотека Псковского областного словаря.

лом глагольной основы со значением 'чесать, драть'. Глагол со значением 'чесать, драть' может развить производное имя со значением 'чесотка', но эти отношения не неизбежны. Может существовать какое-то число ограничивающих фактов, которые воспрепятствуют развитию этого производного, фактов и внешнего и внутреннего порядка.

Семантика глаголов *чесать*, *драть* очень богата. Модель *чесать → чесотка* — это только одна линия развития. Помимо этой линии, можно наметить еще несколько. Их наличие не имеет прямого отношения к нашей модели, но оно может сослужить определенную службу в случае с неясной этимологией, когда от всего этимологического гнезда остаются только реликты. Поэтому следует хотя бы приблизительно наметить возможные направления семантического развития гнезда, в центре которого лежит глагол со значением 'чесать, драть':

1. 'чесать, драть' → 'обрабатывать землю' → 'обработанная земля';
2. 'чесать, драть'='очищать зерно от шелухи' → 'крупа';
3. 'чесать, драть' → 'то, что счесывается, сдирается: кора, скорлупа, шелуха' и пр.;
4. 'чесать, драть' → 'то, что разодрано, лоскутья, тряпки, рванье';
5. 'чесать, драть'='плести' [195];
6. 'чесать, драть'='застывать, покрываться корой';
7. 'чесать, драть' → 'качество=результат — неровный, шероховатый';
8. 'чесать, драть' → 'орудие, которым дерут, чешут'.

Затем идут производные значения, характеризующие главным образом качество движения и психическую сферу деятельности человека:

9. 'чесать, драть' → 'быстро двигаться';
10. 'чесать, драть' → 'надоедать, приставать';
11. 'чесать, драть' → 'ссориться';
12. 'чесать, драть' → 'капризничать'.

Последняя, тринадцатая, модель относится к медицинской сфере:

13. 'чесать, драть' → 'чесотка'.

Водрик

Диалектное смоленское *вóдрик* 'болезнь вроде оспы' [196]. Смоленские говоры, как и западнобрянские, в основе своей принадлежат белорусскому языку. Их лексика, сопадая с белорусской,

---

[195] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 246.

[196] Добровольский, стр. 75.

в то же время отлична от лексики всех других говоров русского языка. Так обстоит дело и в данном случае. Подобное образование нигде больше в русских говорах не отмечено. Но ср. блр. *адзер* 'корь' < **obdьrъ*, блр диал. *вóдра* 'корь' [197] < **obdьra*, *вóдрица* 'экзема' [198] < **obdьrica*.

Перед нами форма уменьшительности *вóдрик* от им. сущ. м. р. Оба парадигматических варианта — **obdьrъ* м. р. и **obdьra* ж. р. — образованы от основы приставочного глагола **obdьrati*. Модель достаточно древняя, аналогичные формы представлены в других славянских языках, ср. польск. *odra* 'оспа, корь'. Эти свидетельства позволяют отнести слово к праславянской эпохе.

Глагол *драть* дает значительное число производных в разных семантических сферах. Из рассмотренных выше моделей ср. смол. *взóдрать* 'вспахать' [199], *дерть* 'старая испаханная подсека с остатками пней', *дор* 'расчищенная из-под леса земля' (псков.) [200], *дрáка* 'вырубленное и выжженное из-под леса место' (яросл.) [201], блр. *прыдзирáт'* 'очистить от дерна и прибавить к основному участку полоску земли' [202]; укр. *дрáти* 'перерабатывать зерно на крупу' [203]; русск. *обдирать*, *обдирный*; пск. *óдрины* 'высевки, отруби'; 'щепки, лучина, кусочки дерева для покрытия крыши' — русск. *дрань*, *дранка*, укр. *задéра* 'лучина, щепка'; русск. *дрань*, *дранье* 'то, что изорвано', *драть* 'рвать', блр. *падзéрцi* 'порвать'; *дерьмó* 'старая одежда, толстая холстина' (псков., твер.) [204]; блр. *дрáча* 'мерзлая, не покрытая снегом земля' [205]; укр. *деркúй* 'шероховатый' [206]; из переносных производных значений *удирать* 'убегать', *дрóйться* 'вертеться (о рыбе)' (псков.) [207]; *дрáться* 'продираться, карабкаться' (колым.) [208]; *я́дера* 'сварливый, неуживчивый человек' (яросл.) [209], *задира*, *придира*, *задирать*, *придираться*; *вздорить* 'ссориться', *вздор* 'ссора' (смол.) [210], *раздор* и мн. др. Этот список можно было бы увеличить во много раз. Следует лишь упомянуть, что, несмотря на исключительное

---

197 В. Ластоўскі. Падручны расійска-крыўскі слоўнік. Коўна, 1924, стр. 280.

198 М. Касьпяровіч. Віцебскі краевы слоўнік. Віцебск, 1927, стр. 59.

199 Добровольский, стр. 66.

200 Картотека Псковского областного словаря.

201 Мельниченко, стр. 61.

202 «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 119.

203 Там же, стр. 100.

204 Дополнение к Опыту, стр. 40. — Здесь глагол *драть* выступает в значении 'ткать'.

205 Г. Юрчанка. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1966, стр. 79.

206 Гринченко I, стр. 371.

207 Дополнение к Опыту, стр. 43.

208 Богораз, стр. 47.

209 Мельниченко, стр. 222.

210 Добровольский, стр. 65.

богатство этимологического гнезда глагола *драть* в русском языке, производное со значением 'кожное заболевание' отсутствует.

Чесотка

В русском литературном языке *чесотка* — 'инфекционная болезнь кожи, вызывающая сыпь в виде мелких пузырьков и сильный зуд'. В говорах значение слова более неопределенно и емко и число образований от глагола *чесать* многообразнее: Абну́д'имныј и засквар'е́лыј анно́ сло́ва / гавар'а́т *цасо́тка*; Каро́сл'иваја / просту́жжанаја / по́сл'е вајны́ бал'е́л'и хто *ч'асо́тка*, а хто каро́ста (псков.) [211]; *чесота́* 'болезнь чесотка' (олон.) [212]; *чес* 'зуд, свербеж, чесотка' (волог.) [213]; *чесотка* (новг.) [214], ср. укр. *чос* 'зуд, чесотка'; *чесушка* 'почесушка, сыпь, чесотка' [215]; *почесу́ха* 'чесотка' (влад.) [216], (яросл.) [217]; *почесу́ня*, *почесунька* 'болезнь чесотка' (новг.) [218]; *почесу́ля*, *почесу́лька* то же (новг.) [219]; *за́чес*, *за́чесь* 'сыпь, чесотка с зудом, струпья от перечеса, своробь' [220]. Перед нами многочисленные производные от приставочных и бесприставочных форм с активными в говорах суффиксами. Все производные эти носят местный и поздний характер. Ср. укр. диал. *чу́ханка* 'короста' [221] — от *чу́хати* 'чесать', экспрессивной формы глагола *чесати*. Поздний характер образований — свидетельство того, что модель, продолжая сохранять семантическую структуру, формально обновилась. Этимологическое гнездо **kes-* / **kos-* еще на праславянском уровне распалось, этому в значительной мере способствовал процесс палатализации, разрушивший формальную связь **čes-* / **kos-*. Производные имена с основой **kos-* утратили словообразовательную связь с глаголом **česati*. Для древнейшего уровня производное имя от глагола **česati* должно было иметь основу **kos-*. После распадения гнезда глагол **česati* образовал вновь производные по старой семантической модели, но с новыми словообразовательными формантами [222]. Распадение этимологического гнезда привело и к су-

---

211 Картотека Псковского областного словаря.
212 Куликовский, стр. 132.
213 Даль³ IV, стб. 1362.
214 Герасимов, стр. 94.
215 Даль³ IV, стб. 1329.
216 Дополнение к Опыту, стр. 208.
217 Мельниченко, стр. 161.
218 Герасимов, стр. 67.
219 Герасимов, стр. 67.
220 Даль³ I, стб. 1654.
221 «Лексика Полесья», стр. 70.
222 Подробно о корне **kes-*/**kos-* см.: А. С. Мельничук. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 194—241.

жению семантики глагола *чесать*. Ср. остаточные явления прежней семантики в укр. *чесати* 'рубить', *счесну́ть* 'сильно содрать или ссаднить кожу' (арх.) [223].

Кошута

Приводимое Далем как западное, возможно, белорусское, слово *кошута́*, *ко́шуть* 'перхоть' [224] является старым именным производным от глагола *чесать*. Перхоть — 'то, что счесывается, сдирается'. Это праславянское производное с чередованием основ и причастным суффиксом *j*-овой основы: **česati* (< **kes-*)→ **košǫta* < ** kos-j-ǫt-a*. Ср. с тем же суфф. *-ǫt-* *могута́*, *лазута*, *бажутка*, *бавутка* и др.

Своробь

Сво́робь — синоним слову *чесотка* в русских говорах, так же как синонимичны глаголы *чесаться* (безл.) и *свербеть* 'испытывать зуд'. Реальная история и географическое распределение этих глаголов стерты экспансией глагола *чесать*, ставшего литературным. Поэтому в говорах мы наблюдаем сосуществование этих глаголов. Ср. *свербе́ть* 'чесаться' (арх., печор.) [225]; *сербе́ть* (< *свербеть*): Как укусит, после того *сербит*, *сербит*. Пойдем, помоем холодной водой, не будет *сербеть* (сиб.) [226]; *свербúть* 'чешется' (тамб.) [227]; *свербе́ть* 'зудеть, чесаться' (дон.) [228].

Ср. у Пушкина: Марья Ильинична сидела как на иголках; язык у нее так и *свербел*; наконец она не вытерпела и, обратясь к мужу, спросила его с кисленькой улыбкою, что находит он дурного в ассамблеях («Арап Петра Великого»). Этот пример говорит о том, что глагол *свербеть* в начале XIX в. был вполне допустим и в литературном языке.

От глагола *свербеть* образовано производное имя *своробь*, представленное главным образом в севернорусских говорах: ср. *сво́робь* 'чесотка' (новг.) [229], 'зуд, сыпь вообще', 'чесотка, золотуха' (олон.) [230], (арх.) [231]; 'оспа и вообще все роды накожных болезней' (арх., перм.) [232]. Есть и еще два именных производных от того же

---

[223] Опыт, стр. 223.
[224] Даль [3] II, стб. 470.
[225] Картотека Печорского областного словаря.
[226] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 3. Томск, 1968, стр. 136.
[227] РФВ XVI, стр. 216.
[228] Миртов, стр. 286.
[229] Герасимов, стр. 79.
[230] Куликовский, стр. 105.
[231] Подвысоцкий, стр. 154.
[232] Опыт, стр. 200.

глагола: *свербёж* ‘сыпь, чесотка’ [233] и *свербе́ть* ж. ‘то же’: Така́ *свербе́ть* одоле́ла (сиб.) [234]. От существительного *свороб* образовано прилагательное *свороблúвый* ‘чесоточный’ (арх.) [235] и глагол *освороб́еть* ‘покрыться коростой’: *освороб’е́т* р’еб’о́нок / сво́роп појáв’иц’ц’а / ето коро́ста (арх., печор.) [236].

Глагол *свербе́ть* и производное *свороб* являются общеславянскими образованиями. Праслав. **svьrběti*, **svorbъ* отражены в укр. *свербiти*, блр. *свярбе́ць*, болг. *сърбú*, с-хорв. *сȑбети*, словен. *srbéti*, чеш. *svrběti*, слвц. *svrbiet'*, польск. *świerzbieć*, др.-русск. *своробъ*, ст.-слав. **свраб҄ъ** (Супр.), с.-хорв. *сра̑б*, словен. *svrâb*, чеш. слвц. *svrab*, кашуб. *svorb*.

Иные производные от того же глагола: укр. *сверб* ‘зуд’, диал. *свербо́та* то же (Волч. у.) [237], *свырб’а́чка* ‘зуд’ (полесс.) [238]; блр. *сверб*, *свербота* [239], польск. *świerzb*.

Последние образования (так же как и русск. *свербёж*, *свербе́ть*) более поздние по сравнению со *свороб*, так как их вокализм совпадает с вокализмом глагола [240].

Если сопоставить глагол *свербеть* с глаголами *чесать* и *драть*, сразу бросается в глаза его особенность: наличие в глаголе *свербеть* только значения состояния ‘чесаться, зудеть’ в соответствии с безличной формой *чесаться* при отсутствии переходного глагола **свербúть* ‘чесать, драть’. На былое существование этого глагола указывает лишь ряд производных имен: *свороб* ‘напильник’ (сиб.) [241], *своробáтый* ‘шероховатый’, *своробатая доска* (твер.) [242], *свербúна* ‘щель’ [243].

Любопытны переносные значения этого глагола, передающие быстрое движение, надоедливое действие. Ср. *свербе́га* ‘непоседа, зуда, юла’ (яросл.) [244], *свере́бить* ‘беспокоить, тормошить’ (псков.) [245], *свере́биться* ‘сердиться’. Последние глаголы являются, по-видимому, отыменными образованиями: **svьrběti* → **sverbъ* → **sverbiti* [246]. В тех же псковских говорах представлен отыменный

---

[233] Даль² IV, стр. 146.

[234] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, 3, стр. 126.

[235] Подвысоцкий, стр. 154.

[236] Картотека Печорского областного словаря.

[237] Гринченко IV, стр. 105.

[238] «Лексика Полесья», стр. 67.

[239] П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров западной Брянщины (рукопись), стр. 403.

[240] Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование, стр. 186.

[241] Опыт, стр. 200.

[242] Там же.

[243] Дополнение к Опыту, стр. 237.

[244] Мельниченко, стр. 181.

[245] Дополнение к Опыту, стр. 238.

[246] R. Jakobson. Marginalia to Vasmer's Russian Etimological Dictionary. — IJSLP 1/2, 1959, стр. 272.

глагол *сворóбить* 'бушевать'. Нечеткость определения слова не дает возможности точно реконструировать значение производящего имени, но это может быть **свороб* 'ссора' или нечто подобное. К этому же гнезду примыкают русск. диал. названия колючих кустарников, ежевики и шиповника: *соробалина*, *сорбалина*, *сербалина*, *серберина*, *сербарина*, *серьбарина* < праслав. **svьrb(r)ina*, **svorb(r)ina*. Эти производные позволяют предполагать для глагола значение 'драть, колоть'.

Таким образом, перед нами распавшееся этимологическое гнездо, в котором сохранились, но уже подвергаются постепенному вытеснению лишь два связанных образования: **svьrběti* 'чесаться' → **svorbъ* 'чесотка, зуд'. Реконструируется на основании косвенных данных и производных значений глагол **sverbiti* 'драть, колоть, вращать, сверлить' и переносно 'вертеться, беспокоить, приставать', **svorbъ* 'название орудия, напильник', **svorbatъjь* 'шероховатый', **svьrbina* 'щель, как результат действия'.

О наличии активного значения у глагола говорят и инославянские соответствия: др.-в.-нем. *swërban* 'быстро водить туда-сюда, крутиться, стирать', лтш. *svārpsts* 'сверло', др.-исл. *svarf* 'опилки'.

Корь

В современном русском литературном языке *корь* — название инфекционного заболевания rubeola. Материалы говоров и этимологические связи слова показывают, что корью называлась натуральная оспа, в ряде случаев — натуральная оспа и корь одновременно, так как на ранней стадии эти болезни невозможно различить. Доказательством того, что слово *корь* значило 'оспа', служит, например, следующий текст: *кор*' тaкáјa хóд'ит' / бал'éз'н' такáјa / как ўсы́п'уцца пузыр'áм / назр'éјут / тады́ лóпајуцца / др'áн' вы́д'ит' / высыхáјут' / струпы́ пáдајут' / и д'éлаца р'áбъј [247]. Рябым человек делается только после натуральной оспы. Образованное от слова *корь* прилагательное *корявый* в северных говорах и в говорах Сибири значит 'рябой' [248].

С точки зрения формы слово *корь* выступает в нескольких словообразовательных вариантах: во-первых, *корь*. В этой форме слово отмечено в псковских [249], архангельских [250], казанских говорах [251], в олонецких в том же значении выступает форма *хорь* [252]. В древнерусском языке слово *корь* выступало как пара-

---

[247] Картотека Псковского областного словаря.
[248] Картотека Словаря русских народных говоров.
[249] Картотека Псковского областного словаря.
[250] Картотека Печорского областного словаря.
[251] Картотека Словаря русских народных говоров.
[252] Куликовский, стр. 129.

дигматический вариант слова *кора*, ср.: (Червь) за *корью* древца и точитъ древце то (Дан. т.). Если представить себе, что при таких заболеваниях, как оспа или корь, тело покрывается сыпью, как корой, то станет понятен перенос значения: 'кора, верхний слой дерева' → 'сыпь, покрывающая, как кора' → 'болезнь с такой сыпью'.

Доказательством того, что развитие значений было приблизительно таким, служит употребление слова *кора* в значении 'болезнь корь', ср.: *кара́* называ́јут / ана́ прајавл'а́ецца пр'а́ма стру́пум / пупы́шечки как назр'ава́јут сл'ива́јуцца / на р'еб'а́тах быва́је [253].

Производное от слова *кора* — *кори́на* употребляется в значении 'короста': фс'о́ л'ицо́ *кар'и́нај* бы́ла вз'а́мшы [254]. Таким образом, слова *кора*, *корина* употребляются не только в значениях 'кора, верхний слой дерева', 'чешуя, шелуха' [255], но и 'короста', 'болезнь корь'.

Наблюдается и целый ряд суффиксальных вариантов: *кори́ха* (яросл., волог., костр.) [256]; *корю́ха* (псков., твер., новг., казан., арх.) [257], с уменьшительным суф. *корю́шка* (новг.) [258], мн. *корю́шки* (псков., опоч.) [259]. Слово *корю́шки* употребляется в нескольких значениях: 'болячки, отдельные пузырьки оспы', 'оспа', 'рябины, следы от оспы'; ср.: ску́лы быва́ла с'а́дут / как нары́вы / *кар'у́шки* вы́сыпка кра́снаја вы́сып'ит / у̑ д'ит'а́х / а с'ич'а́с кор'/; а с *кар'у́шек* гла́зы выба́л'ивајут /*кар'у́шки* — мелкаја сып' / кор'; р'а́быј ат *кар'у́шык* / о́спај п'ер'ебал'е́јет' / астајо́ца [260] (ср. *корюшка* 'корочка': хлеба ход' бы *кар'ушечка* (псков.) [261].

Все эти формы — *кори́ха*, *корю́ха*, *корю́шка* — предполагают производящей основу **kor'*- (ср. *кору́шка* 'картофельная шелуха' (печор.) [262], производное от *кора*).

Итак, перед нами наиболее древние две формы — *кора* и *корь* — с одинаковым значением 'кора', 'короста', 'болезнь с коростой — оспа, корь'. В дальнейшем произошла дифференциация, в лите-

---

253 Картотека Псковского областного словаря.

254 Картотека Псковского областного словаря. — Оборот *кар'и́нај бы́ла вз'а́мшы* тот же, что пры́шшенкам *ваз'м'о́цца* (см. выше).

255 Картотека Печорского областного словаря.

256 С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии. — Тр. Яросл. ПИ, 1929, т. II, вып. 3, стр. 129; Дополнение к Опыту, стр. 88; Материалы для изучения великорусских говоров, вып. X. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 5, стр. 145.

257 Даль³ II, стб. 438; Герасимов, стр. 46; Картотека Словаря русских народных говоров; Подвысоцкий, стр. 72.

258 Герасимов, стр. 46.

259 Опыт, стр. 90.

260 Картотека Псковского областного словаря.

261 Там же.

262 Картотека Печорского областного словаря.

ратурном языке за словом *корь* закрепилось медицинское терминологическое значение.

Выход за пределы русского языка показывает, что это слово представлено только в украинском языке *кір*, род. *кору* м. р. и в польском, где форма мн. числа делает слово более прозрачным этимологически: *kury* < **kory* мн.

На праславянском уровне мы вправе восстановить три парадигматических варианта: **kora*, **korъ*, **korь*. Этимология этого слова та же, что и у слова **skora*, использование его в медицинской сфере периферийно.

И.-е. корень **(s)ker-* 'драть, резать' в славянских языках представлен главным образом в именах, в двойственном, антонимичном значении: 'кора — верхний слой, который можно содрать', 'кора — верхний слой, который застыл, затвердел'. Отсюда и двойственность значений производных: 'покрываться корой, твердеть, застывать' и 'сдирать кору, коросту'. В это гнездо входят в первую очередь указанные выше формы **kora*, **korъ*, **korь*; производные от **korь* → **kor'avъjь*, **kor'avěti*. Слово *корявый* в русском литературном языке и в ряде говоров имеет значение 'неровный, шероховатый, сучковатый', 'неуклюжий' (симб.), а в северных говорах слово значит 'рябой'. См.: *кар'áвыј* ил'и ш'ш'адр'и́ныј стано́в'ицца ат бал'е́з'н'и / ат о́спы (псков.); *кар'áвыј* ч'алав'е́к е́та по́сл'и о́спы на л'иц'е́ ца́п'инк'и (псков.); *корявина* 'след от оспы, рябина' (псков.) [263]. Производный отыменный глагол *коряветь* употребляется в значении 'делаться корявым' (ср. польск. *korzawieć* 'zamieniać się w skórę'). От основы слов **kora* или **korъ* образовано производное прилагательное **koravъjь*. Оно представлено в украинском закарпатском *коравий*, имеющем почти все те же значения, что и русск. *корявый*, кроме значения 'рябой'. Укр. *кора́вий* 'шероховатый, шершавый', 'суковатый, неровный', 'покрытый коркой, заскорузлый', 'сморщенный, негладкий', 'шершавый, покрытый болячками, коростой', 'упрямый' [264]. Любопытно наличие в тех же говорах причастия *закора́вленэй* 'прыщеватый', образованного, по-видимому, от незафиксированного глагола **закоравити*. С последним словом интересно сравнить *кукореватый* 'волдыристый' (волог.) [265], где суффикс *-еват-* семантически равен суффиксу *-ат-*, а *ку-* (<**ko-*) — приставка, **kokorь* 'волдырь'.

От основы **korь-* в русском языке образованы производные глаголы *коре́ть*, *окоре́ть*, *закоре́ть* 'покрыться корой, сделаться твердым': Иш-ты шуба-то *закоре́ла* (псков., твер., осташ.); *закоре́ть* 'покрыться коростой' (псков.) [266]; *корить*, *окорить*, *око-*

---

[263] Картотека Псковского областного словаря.

[264] Карпатский диалектологический атлас, стр. 231—232.

[265] Даль³ II, стб. 547.

[266] Дополнение к Опыту, стр. 90; Картотека Псковского областного словаря.

рять ‘сдирать кору’ (псков., арх.) [267]. Причастие *корёлый*, *окорёлый* значит ‘грязный, покрытый грязью, как корой’: гр’áзныj /*акар’ёлыj*/ как сабáка (псков.) [268].

Слова, продолжающие праслав. **skora* и **skorupa*, имеют те же значения, что и **kora*, **korь*. В общих чертах эти значения могут быть сведены к следующим: ‘кора, верхний слой дерева’, ‘кожа’, ‘чешуя’, ‘скорлупа’, ‘шелуха’, ‘корка хлеба’, ‘пенка на молоке’, ‘короста’. Аналогично глаголу *корить* выступают *шкурить* ‘очищать ствол от коры’ (смол.) [269], укр. *оскорувати* то же [270]. В южнорусских памятниках XVI—XVII вв. употреблялось слово *скороглазина* ‘бельмо’ [271], где элемент *скор-* обозначал пленку, кожицу на глазу. В специфически медицинском значении выступает слово **skorupa* в белорусском языке ‘короста, струп’: Не здзерай *скорупы* с больки, болець хужей будзець [272].

От имени **skorupa* был образован отыменный глагол **skorupiti* ‘покрываться корой, коростой’, а от него — причастие на *-l-*, сохранившееся в укр. полесс. *шкоруплы* ‘грязный, немытый’ [273] (ср. *корелый* в том же значении).

Модель ‘чесать, драть’ → ‘чесотка’ осуществляется и здесь, но только в более осложненном виде. Глагольная основа представлена только на индоевропейском уровне, в славянских языках — только имя ‘то, что застывает’=‘то, что сдирается, кора’ и как один из вариантов значения ‘болезнь’ (когда тело покрыто сыпью, как корой).

Кожух

Слово *кожух* как название струпьев, коросты отмечено только у Кирши Данилова [274]. Это производное с суф. *-ух* от слова *кожа*. Название коросты аналогично рассмотренным выше *корь*, *корюшки*. Использование слов *кожа*, *кожуха* в тех же значениях, что и *кора*, *скора*, известно по говорам: ср. *кóжа* ‘кора дерева’ (печор.) [275]; *кожýха* ‘рыбья чешуя’, ‘шелуха’, ‘пенка’ (печор.) [276]; *кожухá* ‘скорлупа’ (том.) [277].

---

267 Картотека Псковского областного словаря.
268 Там же.
269 Картотека Словаря русских народных говоров.
270 Гринченко III, стр. 68.
271 С. И. Котков. Указ. соч., стр. 131.
272 Носович, стр. 585.
273 «Лексика Полесья», стр. 92.
274 Картотека Словаря русских народных говоров.
275 Картотека Печорского областного словаря.
276 Там же.
277 Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — Этн. сб. РГО, вып. VI. СПб., 1864, стр. 4.

Плоть

Аналогично предыдущему и русск. диал. *плоть* 'перхоть' [278]. Даль характеризует слово следующим образом: «шевырюжки, струп, перхоть, перх, перша, отрубь, лупа. *Плоть* вычесывается гребнем, сходит в бане; это верхняя кожица, в коей нет жизни, как в самой внешней коре дерева» [279].

Большинство славянских языков знают слово **plъtь* в значении 'кожа'. Приведенный выше пример показывает, что в русском народном языке слово **plъtь* значило 'кожа, которая шелушится, счесывается'; литературное *плоть* 'тело' — церковнославянизм. Исконно родственно слав. **plъtь* лит. *plutà* 'корка'.

Плева

Плéва 'перхоть' (псков.) [280]. В большинстве говоров, как и в литературном языке, это слово обозначает тонкую кожицу, пленку. Праслав. **plěva* родственно лит. *plevẽ* 'кожица' [281].

Скорбость

Скорбóсть 'короста' (олон.) [282]. Это отглагольное имя с суф. *-ость*, образованное от основы, представленной в глаголах *скорбéть*, *скóрбнуть*. Здесь опять мы наблюдаем двойственность в значении глагола и производного имени. С одной стороны, это 'сохнуть, черстветь, покрываться корой', с другой — 'драть, раскалывать'. Короста — это 'корка, которая покрывает ранку, болячку' и 'то, что сдирается'. Ср. *скóрбнуть* 'твердеть, делаться жестким'(яросл.) [283]; *скорблый* 'черствый (хлеб)', укр. *шкóрба* 'старая, иссохшая, сморщенная женщина' [284]. В то же время укр. *шкорбати* (<**skъrbati*) 'тянуть, теребить' [285].

Апофонический вариант **ščьrb-* <**skr̥b-* дает значения 'рябина', 'рябой'. Ср. *щербáтый* 'рябой': л'ицó шшадр'ӥваје /*шшарбáтаје*/ кар'áваје (псков.) [286].

Шадра

Русское архангельское название оспы — *шáдра*, *шадрúнья* [287]; значительно чаще это слово выступает в значении 'рябой': *шадрá*

---

[278] Миртов, стр. 232.
[279] Даль[2] III, стр. 129.
[280] Картотека Псковского областного словаря.
[281] Vasmer II, стр. 368.
[282] Куликовский, стр. 108.
[283] Мельниченко, стр. 185.
[284] Гринченко IV, стр. 102.
[285] Там же.
[286] Картотека Псковского областного словаря.
[287] Опыт, стр. 261; Куликовский, стр. 135.

'рябой' (сольвыч., вят., перм., соликам., сев.-двин.)[288]. В других говорах образованы производные прилагательные: *шадри́вый* (перм., влад.), *шадрови́тый* (вят., волог., перм., олон., яросл., арх., казан., новг.), *шадра́вый* (амур.)[289]. По-видимому, того же происхождения псковское и великолукское *шемандри́вый* 'рябой'[290] < *шадри́вый* с экспрессивным инфиксом *-ман-*. *Ша́дри́на́*, *ша́дри́нка* — наименование следа от оспы, рябинки в северо-восточных говорах[291], там же зафиксирован и производный глагол *вы́шадрить* 'сделать рябым'[292].

Вариант *щедра*, *щедрина* следует объяснить переразложением приставочных форм и вторичной ложной связью с корнем *щедр-*. Ср. волог. *исщедрить* 'сделать рябым или щедровитым'[293].

Этимологическое объяснение слова *шадра* может быть двояким. Можно предположить, что слово исконно, реконструировать его как **šadьra*, где *ša-* — экспрессивная именная приставка, корень *-dьr-* от **dьrati*. В этом случае **šadьra* в русском языке — параллельное образование польско-белорусскому **obdьra* 'оспа'. Доказательством возможности такой этимологии служат аналогичные образования в других славянских языках: ср. блр. *шудра́вый* 'не гладкий, шероховатый'[294]; укр. угор. *шадровий* 'с трещинами'[295], болг. диал. *шудрав* 'слаб, недоразвит, дребен, бесформен'[296].

Мнение о заимствовании слова *шадра* из тюркских языков высказывалось большинством этимологов (Миклошич, Горяев, Преображенский, Фасмер). Можно ли считать случайным совпадение русского слова с тюркским *шадра* 'рябой'?

О. Н. Трубачев высказал оригинальную гипотезу, связав слово *шадра* с др.-русск. *сѧдра* 'загустевшая жидкость'[297].

Хрупа

В псковских говорах зафиксировано слово *вскру́пина* 'прыщик, пупырышек от сыпи на теле'[298]. Обращает на себя внимание отглагольная структура слова, хотя подобные глаголы в русском языке не отмечены. Но ср. укр. *кро́пнути* 'ударить, стук-

---

[288] Картотека Словаря русских народных говоров.
[289] Там же.
[290] Опыт, стр. 264.
[291] Даль[3] IV, стб. 1389.
[292] Картотека Печорского областного словаря.
[293] Даль[3] II, стб. 159.
[294] Носович, стр. 718.
[295] Гринченко IV, стр. 481.
[296] И. Кънчев. Говорът на село Смолско, Пирдопско. — БД IV. София, 1968, стр. 152.
[297] Дополнения О. Н. Трубачева к словарю Фасмера (рукопись).
[298] Даль[3] I, стб. 652.

нуть'[299] < **krъpnǫti*. В русском языке эта основа представлена в слове *крóпкий* 'ломкий'[300] и в слове *крупá*. Крупа — это зерно, толченное в ступе. Ср. *пшено* от **pьxati* 'толочь', *каша* (<**kaša*), по этимологии Трубачева, от корня **kes*=/**kos*-'чесать, драть'[301]. В русском языке есть глагол *хрóпать*, по-видимому, экспрессивная форма того же *кропать* с меной *к* > *х* 'стучать, стукнуть сильно, громко', *хрóпаться* 'ломаться' (вят.), *нахрóпать* (вят.), *хропкóй* 'хрупкий' (перм.), сюда же *хрýпать* 'ломать' (перм.), литерат. *хрýпкий* 'ломкий', псков. *хрыпкий* 'хрупкий'[302].

Обычно последние формы включаются в этимологические гнезда глаголов *хрупать*, *хрипеть* и т. д., звукоподражательных по происхождению и передающих различные действия, сопровождаемые шумом[303]. Мне представляется это неправомерным. Здесь могут быть смешаны разные по происхождению формы.

Думается, что именно к описанной выше группе глаголов может быть отнесено ветлужск. *хрупá* 'кожа в коростах' (в хрупе)[304] и новг. ст.-русск. *хрыпýн* 'золотушный'[305]. *Хрупá* — отглагольное имя, производное от глагола *хрупать* 'ломать'.

Следует обратить внимание на то, что все соответствия славянскому **krupa* относятся к медицинской сфере. Ср. лтш. *kraũpis* 'парша', *kraũpa* 'бородавка, струп', лит. *kraupùs* 'шершавый, неровный', *nù-krupęs* 'покрытый струпьями', др.-исл. *hriúfr* 'шершавый, в струпьях' и т. д.[306] Разительна близость этих форм к русск. диал. *хрупá* 'короста'. Ср. еще серб. *крупа* — кад се језик оспе[307].

Так как нами уже привлекался целый ряд слов со значением 'рябой', 'рябина, след от оспы' (ср. *цапина*, *оспина*, *корявый*, *корявина*, *щербатый*, *шадра*, *шадровитый*), то следует рассмотреть еще несколько слов этого же семантического ряда.

Рябой

Слово *рябой* 'покрытый следами от оспы' является литературным и нейтральным по отношению к значительному числу образований с этим же значением.

---

299 Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 43.

300 Мельниченко, стр. 97.

301 О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 64.

302 Картотека Словаря русских народных говоров; Васнецов, стр. 337; Опыт, стр. 251.

303 Vasmer III, стр. 274.

304 Картотека Словаря русских народных говоров.

305 Дополнение к Опыту, стр. 295.

306 Фасмер II, стр. 386.

307 М. Шкариħ. Живот и обичаjи Планинаца под Фрушком гором. — Срп. етн. зб., књ. LIV. Београд, 1939, стр. 260.

Значение слова *рябой* 'побитый оспой' входит как составное в широкий диапазон слова *рябой* 'пестрый', т. е. 'неровный(зрительно и осязательно)'.

Указанное выше специфическое значение слова *рябой* развилось только в восточнославянских языках. Ср. укр. *рябúй* 'пестрый', 'покрытый оспинами, рыжими пятнами'; *рябóк* 'веснушка', *работúння* 'следы от оспы на лице'; 'рыжие пятна на коже рыжих людей'; 'пятна на лице беременной женщины' (Черк. у.) [308]; блр. *рябизна* 'яминки на лице от оспы', *рябий* 'пестрый', 'рябой' [309].

В русских говорах Сибири *рябой* значит 'веснушчатый', *рябинами* в ярославских говорах называют веснушки [310].

В других славянских языках основным значением слова является значение 'пестрый'. Анализ родственных образований на праславянском уровне завел бы нас слишком далеко [311], поэтому мы ограничимся здесь лишь констатацией особенностей семантики слова, характерных только для восточнославянских языков.

Шорохой

В поморских говорах Архангельской обл. рябой называется *шорóхой*: Девка нешто, да лицом, вишь, *шороха* [312].

Это прилагательное входит в большое гнездо слов, из которого в литературном языке представлены только четыре: *шерсть*, *шершень*, *шероховатый* и *шершавый*. Рассмотрим, хотя бы в общих чертах, те семантические модели, которые характерны для этого гнезда. Как уже говорилось выше, в статье о слове *корь*, для значительного числа слов со значением 'драть' характерно совмещение этого значения со значением 'застывать, твердеть, покрываться корой'. То же мы наблюдаем и в данном случае. Основное значение глагола *сéрхнуть* в русских говорах 'покрываться корой' с возможными семантическими модификациями: 'застывать, сохнуть' (о коже рук), 'застывать, деревенеть' (о кожаном предмете); 'застывать, покрываться льдом' (о воде), от значения 'застывать' естествен переход значения к 'замерзать' (о человеке). Ср. *сéрхнуть* 'дрябнуть, деревенеть, потерять чувствительность в какой-н. части тела': Рука постоянно *серхнет* (новг.) [313]; *осéрхнуть* 'озябнуть' (арх.) [314], укр. *зашéрхнути* 'покрыться тонким слоем чего-л., например льда' [315], ср. в украинских полесских

---

308 Гринченко IV, стр. 91.
309 Носович, стр. 571.
310 Опыт, стр. 195.
311 Подробно об этой этимологической группе см. «Этимологический словарь славянских языков», вып. 1 (рукопись).
312 Подвысоцкий, стр. 193.
313 Герасимов, стр. 81.
314 Подвысоцкий, стр. 111.
315 Гринченко II, стр. 117.

говорах: *Са́жолка* ны замэ́рзла, шэ дэс' оно́ вчо́ра в ночи́ ко́ло бырогы́в була́ *зашэ́рхла* [316]; в курских говорах русского языка: *зашерха́ть* 'замерзать' [317].

От значения 'застывать' развилось производное значение 'застывшая грязь' (о дороге). Ср. русск. твер. *шерешь* 'замерзшая грязь' [318], блр. брян. *шарэ́шша* 'замерзшие груды грязи' [319].

От значения 'застывать, замерзать' (о воде) возникло производное значение 'мелкий лед, сало'. Ср. русск. смол., твер. *шбраш* 'мелкий лед' [320], дон. *шире́шь* 'обломки льда на Дону при таяньи весной' [321], обск. *шо́рох* 'мелкий лед на реке' [322], блр. *шаро́ш* 'сало (пластинки льда на воде)' [323].

С другой стороны, в этом же гнезде мы наблюдаем антонимичное значение 'драть', 'бить'. Ср. блр. *ше́рхаць* 'вспахивать, поднимать землю пахотными орудиями' [324], русск. яросл. *шбрснуть* 'больно ударить' [325]. Ср. еще с.-хорв. *srh* '*brdo*' (орудие, которым дерут, чешут) [326].

Совмещение этих двух значений привело к образованию прилагательного, в котором отражено значение 'неровный, негладкий'. Это качество может возникнуть оттого, что что-то застыло и потому сделалось неровным, или оттого, что что-то драли, взрыхляли, нарушали целостность, и оттого оно стало неровным. Ср. русск. *шерша́вый*, блр. *шерша́тый* 'шершавый, шероховатый' [327]. По-видимому, из белорусского русск. прибалт. *шерша́тый*: *шарша́тъйа* даска́, *шарша́тыйь* ру́ки; Гара́с, в м'ан'а/мо́рда *шарша́тъйа* с в'е́тру/на́да како́й ма́з'йу пъма́зът' [328]; укр. карп. *шереха́тий* 'шершавый', *шерсткий* 'жесткий, шероховатый' [329].

Производны отыменные глаголы блр. *шаршы́ць* 'ерошить', др.-русск. *въсорошити* 'взъерошить': Видимъ другыя прокудившася *всорошенами* главами небрежениемъ тѣла (Прол. март XV в.) [330].

Любопытно, что к этому же гнезду примыкают формы со значением 'шуршать, шелестеть'. Ср. укр. *ше́рхнути* 'зашелестеть,

---

[316] Лексика Полесья, стр. 37.
[317] Опыт, стр. 69.
[318] Опыт, стр. 265.
[319] П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 485.
[320] Опыт, стр. 268.
[321] Миртов, стр. 367.
[322] Словарь русских старожильческих говоров бассейна р. Оби, вып. 3, стр. 242.
[323] «Беларуска-рускі слоўник». М., 1962, стр. 1021.
[324] Носович, стр. 709.
[325] Мельниченко, стр. 219.
[326] RJA XVI, стр. 298.
[327] Носович, стр. 709.
[328] Говоры Прибалтики, стр. 350.
[329] Гринченко IV, стр. 493.
[330] Срезневский I, стб. 412.

зашуршать'[331], русск. *шорох*, русск. олон. *шаростить* 'шелестеть'[332] (<**sьrstiti*).

С формальной точки зрения представленное в виде реконструкций рассмотренное выше этимологическое гнездо выглядит следующим образом: глаголы — **sьrxati*, **sьrxnǫti* (**obsьrxnǫti*, *zasьrxati*, **zasьrxnǫti*); производные имена — **sьrstь*, **sьrxъ*, **sьršь*, **sьršьje*, **sorxъ;* **sьrxatъjь*, **sьršatъjь*, **sьrstъkъjь*, **sьršavъjь;* отыменные глаголы — **sьršiti*, **sьrstiti*, **soršiti*.

В свете всего сказанного семантика имени прилагательного, стоящего в заголовке статьи, совершенно ясна. Значение 'неровный, шероховатый' легко развивает значение 'рябой'. С точки зрения формы это имя может быть объяснено двояко: или оно восходит к **sьrxъjь* и представляет собою результат второго полногласия, или к **sorxъjь*, что также возможно[333].

Деряба

Деря́ба 'рябая, большого роста, неуклюжая женщина' (влад.)[334].

Это — отглагольное имя. В основе лежит глагол **dьrbati* 'чесать, драть' (форма, аналогичная глаголу **dьrgati*, но с иным расширителем). В русских говорах глагол **dьrbati* и соотносимый с ним **dьrbiti* подверглись действию третьего полногласия; возникли многочисленные экспрессивные формы: *дериба́ть*, *дереба́ть*, *деря́бать*, *дере́бить*, *деря́бить*. С тем же корнем от именных основ *дербе́нить* и *дербу́нить*. Ср. *дериба́ть* 'сильно чесать' (пск.)[335], *дереба́ть* 'чесать, трепать, царапать' (пск.)[336], *деря́бать* 'царапать, щипать' (пск.)[337], *дере́бить* 'драть, царапать' (ряз., волог.)[338], *деря́бить* 'вздорить, спорить' (новг.)[339] (ср. *задираться*), *дербе́ниться* 'чесаться, скрестись сильно' (яросл.)[340], *дербу́ниться* 'чесаться' (казан.)[341]. Сохранились частично формы и без результатов третьего полногласия: *дерби́ть* 'чесать, скрести, царапать, либо драть, теребить' (костр.), *дербиться* 'чесаться, зудеть, свербеть'[342].

---

331 Гринченко IV, стр. 493.
332 Куликовский, стр. 135.
333 Vasmer III, стр. 421, с пометой *неясно*.
334 А. Ф. Бычков. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии. — Сб. ОРЯС VIII, 1872, стр. XLV.
335 Опыт, стр. 46; Даль³ I, стб. 1071.
336 Картотека Псковского областного словаря.
337 Дополнение к Опыту, стр. 40.
338 Даль³ I, стб. 1065.
339 Дополнение к Опыту, стр. 40.
340 Мельниченко, стр. 58.
341 Дополнение к Опыту, стр. 40.
342 Даль³ I, стб. 1963.

Зафиксировано и имя прилагательное *деря́бый* ‘шероховатый, шершавый’ (кур., тамб.) [343]. Снова перед нами глагольная основа, имеющая значение ‘чесать, драть’, имя прилагательное ‘неровный, шершавый’ и производное, более узкое значение ‘рябой’. Любопытно, что слово *деря́ба* совмещает два значения: ‘неловкий, нескладный’ и ‘рябой’. Ср. совмещение этих двух значений в слове *корявый*.

Корза

Ко́рза ‘очень рябой’ (олон.) [344]. Снова отглагольное имя. Глагол *ко́рзать* в восточнославянских языках совмещает антонимичные значения ‘драть’ и ‘плести’. Ср., с одной стороны, блр. *ке́рзаць* ‘плести’ [345]; укр. сумск. *зако́рзати* ‘заплести пошкоджені місця в лисі, корзині, кошику’ [346]; с другой стороны, русск. олон. *ко́рзать* ‘рубить (хвою от ели для подстилки скоту)’ [347], словен. *kŕzati* ‘резать плохим ножом’, укр. сумск. *кирза́тий* ‘курносый’ (т. е. с «обрубленным» носом) [348]. Прилагательное *корзова́тый* значит ‘неровный, шершавый’, и в частности о древесной коре: ‘имеющий наросты, лишаи и мхи’; о человеке: ‘рябой’ (арх.) [349].

Обращает на себя внимание сильный элемент экспрессивности в обозначениях рябого. В таких формах, как *шадра́*, *деря́ба*, *ко́рза* присутствует оттенок оскорбительной клички. Ср. аналогичные укр. *довба* ‘рябой’ от *довбати*, *дзю́ба* ‘девушка с лицом, изрытым оспой’, *дзю́баний* ‘рябой’ от *дзюбати* ‘клевать’, русск. олон. *гвазду́ха*, *гвозду́ха* ‘ветряная оспа’ [350], *гвоздю́ха* ‘шероховатая сыпь на теле, корь’ (арх.) [351] при *гвозди́ть* ‘бить’, ср.: «*изгвоздили* тебе всю рожу», — говорят корявому (от оспы) [352].

Копыс

Это слово не является названием какой-либо кожной болезни, но в то же время непосредственно примыкает к разбираемой группе лексики, так как обозначает определенное ощущение, состояние, являясь синонимом словам *зуд* и *свороб* (одному из значений последнего).

---

343 Даль³ I, стб. 1072.
344 Куликовский, стр. 41.
345 М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Указ. соч., стр. 146. — О. Н. Трубачев выводит это слово из **ko-vьrzati*.
346 І. І. Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області. Нова Каховка, 1957, стр. 11.
347 Подвысоцкий, стр. 71; Даль³ II, стб. 417.
348 І. І. Приймак. Указ. соч., стр. 11.
349 Опыт, стр. 90.
350 Куликовский, стр. 15.
351 Подвысоцкий, стр. 30; Даль³ I, стб. 854.
352 Даль³ II, стб. 33—34.

Слово *кóпыс*, зафиксированное только в псковских говорах, обозначает два явления: ощущение зуда и звук от легкого шевеления или почесывания (ср. значения слова *шóрох*). Даль определяет слово следующим образом: *кóпыс* м. свербеж; зуд и шорох от легкого скребу; зуд от грязи, нечистоты // шорох от тараканов [353]. Калима сравнивал русск. *копыс* с русск. диал. *кубайдать* 'зудеть'; Фасмер считает слово неясным [354].

Сомневаться в исконности данного слова у нас нет оснований. В то же время оно естественно включается в словообразовательное гнездо глагола *копать* и его производных. Глагол *копать*, имеющий в литературном языке и значительном числе говоров значение 'рыть', в ряде говоров значит еще 'искать', 'щупать' (псков. твер.) [355], 'ковырять' (колым.) [356]. Оттенок значения этого глагола 'делать медленно' усиливается до самостоятельного значения в возрастной форме глагола *копаться*. Кроме того, глагол *копать* образует значительное число интенсивных форм в восточнославянских языках. В реконструированной форме они могут быть представлены следующим образом: **korъsati sę*, **korъsiti sę*, **korъšiti*, **korъšiti sę*, **kopysati*, **kopysati sę*, **kopyšiti sę*.

Перед нами интенсивы с элементом *-s-*, достаточно широко распространенные в славянских языках [357]. Большинство этих форм значит то же, что *копáться* 'трогать, шевелить, беспокоить', 'делать медленно' и 'кишеть'. Ср. укр. полесск. *кóпсатыс* 'брести (по глубокому снегу, по песку, по грязи)' [358], т. е., иными словами, 'передвигаться с трудом'; русск. псков., твер. *кóпситься* 'мараться, пачкаться' [359] (возможно, из первоначального 'возиться в грязи'); русск. литерат. и диал. и блр. *копошúть* (<**korъšiti*, по-видимому) 'трогать, шевелить, ворочать, копаться; перерывать; мешкотно делать что-либо, копаться работой' [360], олон. 'тревожить' [361]; *копошиться* 'шевелиться, копаться, возиться, кишеть' [362]. О том, что форма *копошиться* возникла из **korъšiti sę*, говорит псков., твер. *кóпшиться* 'копаться' [363]; в южных говорах русского языка в том же значении, что и *копошить*, употребляется форма *копыхать* (<**kopysati*, ср. мену *с* > *х* в аналогичных формах в украинском языке и ряде русских говоров); в древнерусских памятниках та же форма выступает с иным значением,

---

353 Даль³ II, стб. 406.
354 Фасмер II, стр. 320.
355 Даль³ II, стб. 399.
356 Богораз, стр. 68.
357 Ср. **motati→*motysati*, **motyxati*, **motъšiti; *polyxati; *kolysati*, **kolyxati; *lotyxati*, **lotъšiti; *lomati→*lomysati*, **lomъsiti* и мн. др.
358 «Лексика Полесья», стр. 42.
359 Даль³ II, стб. 404.
360 Даль³ II, стб. 404; Байкоў — Некрашэвіч. Указ. соч. стр. 141.
361 Куликовский, стр. 40.
362 Даль II, стб. 404.
363 Там же.

продолжающим значение глагола *копать* 'бить копытом' — *копысати* 'бить копытом' (Библ. 1499 г.)[364]; укр. *копйшитися* (<**kopyšiti sę*) 'копошиться'[365], наряду с *копошитися*, русск. моск., ряз. *копы́житься* 'копошиться', 'мешкать'[366] (по-видимому, <*копошиться*). Я не останавливаюсь на целом ряде именных образований, входящих в данное этимологическое гнездо, таких, как др.-русск. *копосъ*, укр. *копистъ* ж., русск. диал. *копоский*, *копоской* и др. Важно, что мы видим наличие значительного числа интенсивных глагольных образований, от которых оформилось отглагольное производное имя *копыс*. Существование в др.-русск. языке глагола **kopysati* не вызывает сомнений. Значения 'шевелиться, трогать', 'кишеть' логично переходят в значение 'звук от такого шевеления', 'ощущение зуда от такого шевеления'.

Зуд

Только в русском языке существует глагол *зуде́ть*, синоним слову *сверб́еть* 'чесаться, свербеть, испытывать зуд', от него образовано отглагольное имя *зуд*, обозначающее состояние, выражающееся в потребности чесаться. В то же время в ряде говоров слова *зуд* и *зуда* обозначают чесотку, т. е. болезнь, сопровождающуюся потребностью чесаться. Ср. *зуд* 'чесотка на теле' (яросл.) *зуда́* 'чесотка, короста, свербеж' (калуж., перм.)[367], Даль дает с тем же значением без указания места[368]. Наречие *зу́дко* значит 'чешется, зудит'[369]. Отмечена и форма глагола *зуди́ть* 'чесать', ср.: *Не зуди* руки-то, заболят (костр.)[370].

Широко представлены в русском языке и производные значения этого глагола: 'сильно хотеть', 'надоедать, приставать', 'издавать однообразный звук'. Ср. выражения *язык зудит*, *зуди́ть* 'дразнить, сердить, докучать'[371], *зуда́* 'непоседа, егоза, привязчивый, докучливый человек' (кур., нижег., тамб.)[372].

Слово *зуд* не имеет установившейся этимологии. Заимствование из монг. *ǯudar* 'нечистоплотность' справедливо отвергается Фасмером, так как неприемлемо ни в географическом, ни в фонетическом отношении[373]. Серьезные сомнения в фонетическом и географическом (только русск.!) отношении вызывает мысль В. И. Абаева о заимствовании из др.-осет. (скифск.) языка, ср.

---

[364] Срезневский I, стб. 1282.
[365] Гринченко II, стр. 281.
[366] Даль³ II, стб. 405.
[367] Картотека Словаря русских народных говоров.
[368] Даль³ I, стб. 1737.
[369] Богораз, стр. 59; Подвысоцкий, стр. 57.
[370] Картотека Словаря русских народных говоров.
[371] Даль³ I, стб. 1737.
[372] Опыт, стр. 72.
[373] Фасмер I, стр. 108.

осет. *dūdyn* 'зудеть' [374]. Мысль о звукоподражательном происхождении слова, высказанная Преображенским, вряд ли справедлива, так как во всей обширной семантической группе слов мы не встречаем ни одного звукоподражательного по своему происхождению слова.

Мне кажется, что следует предположить, несмотря на ограниченность географического распространения слова, его исконный характер. Случаи заимствований в сфере народной медицины исключительно редки, они, как правило, обосновываются серьезными внелингвистическими причинами — это или фиксация слова только у обрусевшего населения (ср. оренб. *курченьга* 'чесотка'), или наименование болезни, ранее неизвестной на данной территории (ср. *холера*), — или же серьезными сдвигами во всей лексической системе языка, замене народной терминологии научной интернациональной (в русском языке XIX—XX вв.). Все это никоим образом не относится к слову *зуд*. Поэтому следует пока считать слово неясным по своему происхождению. Сохраняется допустимость сравнения его с лит. *žaudus* 'раздражительный' [375].

Короста

В русском языке слово *короста* выступает в двух основных значениях: 'чесотка' (обычно 'сливная, сплошная') [376] и 'струп на ране, болячке' [377]. Ср. в первом значении: Как апчаса́л'ис'а д'э́т'и каро́стъй, *карǒста* напа́ла (прибалт.) [378]; Ши у т'еб'а́ ф *каро́сты* ру́ки; Нав'е́рно ф т'аб'а́ *каро́ста* фс'у ноч' по́р'ис̄'е̇ (пск.) [379]; во втором значении: А то пајд'о́ стру́пјам /закар'еја/ стан'а как *каро́ста* [380].

Та же двойственность значений в украинском и белорусском языках: блр. *каро́ста* 'короста', 'чесотка', *каро́сливы* 'больной чесоткой': Не бери ад его — ў его руки *каросливые* [381], укр. *коро́ста* 'чесотка', 'короста', *коро́стявий*, *коро́стяний* 'чесоточный', *коро́стовий*, *коростявий* то же, *коро́стій* 'имеющий коросту', *коро́ставка* 'женщина, больная чесоткой', *коро́стявіти* 'заболевать чесоткой' [382].

В русском языке вторичные и производные формы *коро́ства* 'короста', *коро́стовина* 'струп коросты' (псков.) [383]; *коро́стина* 'болячка' (новг., череп.) [384]; *коро́стоветь*, *короСте́ть* 'заражаться,

---

[374] А б а е в I, стр. 372.
[375] Ф а с м е р I, стр. 108.
[376] Д а л ь ³ II, стб. 430 с помет. *юж.*; М и р т о в, стр. 132.
[377] Д а л ь ³ II, стб. 430.
[378] Говоры Прибалтики, стр. 129.
[379] Картотека Псковского областного словаря.
[380] Там же.
[381] П. А. Р а с т о р г у е в. Указ. соч., стр. 224.
[382] Г р и н ч е н к о II, стр. 287.
[383] Дополнение к Опыту, стр. 89.
[384] Д а л ь ³ II, стб. 430.

заболевать коростою или сплошными сыпями, шелудиветь'; *коростовый*, *коростливый* 'чесоточный'; 'шершавый' (ворон., тул., псков.) [385].

Сюда же, вероятно, следует отнести названия растений, различных видов Scabiosa — *коростовик*, *коростник*, *коростянка*, наряду с такими названиями этих растений, как *свербежница*, *чесоточная трава*. В этом случае мы не должны забывать о возможности кальки научного названия Scabiosa.

Последнего нельзя сказать о народном (твер.) названии белены Hyoscyamus — *короста* [386].

Те же значения 'чесотка' и 'струп на ране', иногда и более широкое значение 'всякая болячка, струп, сыпь на теле' мы находим в памятниках древнерусского языка: *Короста* дивыꙗ (scabies agrestis); *короставыи* 'чесоточный, шелудивый'. Ср.: Да не будеши *короставъ* и хромъ, и слепъ и раньнъ (Кир. Тур. о черн. чин.); Короставыимъ бо овцамъ и ꙗзѣстивыимъ нѣ лѣпо съ съдравыими съкоуплꙗтисѧ (Изб. 1073 г.) [387].

Кроме рассмотренных выше значений, имеющих непосредственное отношение к медицинской сфере, слово *короста* и его производные выступают еще в значении 'неровный, шероховатый', 'неровная почва'. Ср. укр. диал. *кóрост* м. 'корни и пр. на поле': *Коросту* багацько на полі (Чигир.у.); *корóставий* 'шероховатый' (о твердой поверхности) (гуцул.), *корóставка* 'жаба' (угор.) [388] (жаба имеет бугорчатую, неровную кожу в отличие от лягушки); ср.: жáбы/jéта *карóслыjи* н'а глáтк'иjи (псков.) [389]; русск. тул. *корóста* 'болотный кочкарник' [390].

Аналогичные обозначения неровной почвы (в результате пахоты, корчевки или мороза) отмечались нами неоднократно. Ср. *дерть* 'старая испаханная подсека с остатками пней', *шерешь* 'застывшая грязь', *дербá* 'залежь' и др.

Многократно повторяющееся значение 'капризничать, задираться' отмечено и в производном *короститься* 'быть недотрогой, придираться, капризничать' (псков., твер.) [391], *корóстить* 'шалить' (новг.) [392]; *корóста* 'задира' [393], *корóстина* 'вздорная, злая женщина' (новг.) [394].

Слово *короста* общеславянское. Ср. польск. *krosta* 'сыпь', диал. *chrosta*, мн. *krosty* : *chrosty* 'оспа' (ср. русск. название оспы — *корь*); чеш. диал. и стар. *chrásta*, *chrasta*, *chrasty* 'парша, короста,

---

385 Картотека Словаря русских народных говоров.
386 Даль³ II, стб. 430.
387 Срезневский I, стб. 1291.
388 Гринченко II, стр. 287.
389 Картотека Псковского областного словаря.
390 Даль³ II, стб. 430.
391 Дополнение к Опыту, стр. 89.
392 Картотека Словаря русских народных говоров.
393 Картотека Псковского областного словаря.
394 Картотека Словаря русских народных говоров.

чесотка', слвц. *chrasta*, диал. *krasty*, с.-хорв. *кра̏ста* 'короста, струп', 'кора, корка', словен. *krásta* 'струп', *kraste* 'парша', болг. *krasta* 'чесотка', 'струп'.

Реконструируемая праславянская форма — **korsta* с основными значениями 'чесотка', 'струп', 'кора'. Ср. соотношения слов *кора—корь*. Перед нами отглагольное имя с суф. *-t(a)*, но производящая глагольная основа **čersti* в славянских языках не сохранилась. Ближайшая родственная форма представлена в балтийских языках. Ср. лит. *kar̃šiu*, *karšiaũ*, *kar̃šti* 'расчесывать, чесать (шерсть, лен)'; лтш. *kãrst*, *-šu* то же [395]. О том, что аналогичная глагольная основа была представлена в славянских языках, а затем утрачена, говорит наличие таких образований, как производимое выше *кóрост* и *корóста* 'болотный кочкарник', которые не связаны с **korsta* 'струп', 'кора' непосредственными словообразовательными связями, но являются производными от общей глагольной основы 'драть, чесать'. Блестящим подтверждением того, что глагольная основа выступала именно в этом значении, служит укр. диал. (полесск.) *корóста* 'костра' (верхняя твердая часть стеблей льна и конопли, отделяемая при трепании) [396]. Ср. слово *костра*, соотносимое с глаголом *чесать* (**kes=/*kos=*), *кострá* 'то, что сдирается, счесывается'.

Шелуди

Слово *шелуди* только восточнославянское. Русск. *шелуди* мн. 'длительная (не острая) сыпь по телу, струпья, короста // золотушная сыпь, более по всей голове, парши' [397] (вят., кур., новг., тобол.) [398]; 'чесоточные струпья на руках, шее и др. местах тела, короста' (твер.) [399]; *шелудиха* 'болезнь чесотка' [400].

Производные имена прилагательные: литерат. *шелудивый*, *шалуди́вы* (брян.) [401], *шелудáвый*, *шелудя́вый*, *шелудя́стый* (псков.) [402] 'покрытый шелудями', 'нечистый, грязный'; *шелудливый* 'золотушный' (волог.) [403]; *шелуди́вик*, *шелудя́к*, *шелудя́стик* 'человек, покрытый струпьями' (псков., твер., осташк.) [404], *шелудавка*, *шелудивка* 'голова' (псков., твер., осташ.) [405], *зашалуди́веть*

---

395 Фасмер II, стр. 335.
396 «Лексика Полесья», стр. 222.
397 Даль³ IV, стб. 1462.
398 См. еще: В. Бурнашев. Указ. соч. т. II. СПб., 1844, стр. 350; картотека Словаря русских народных говоров.
399 И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, т. 77, № 9, 1904, стр. 210.
400 В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 358.
401 П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 484.
402 Дополнение к Опыту, стр. 305.
403 Картотека Словаря русских народных говоров.
404 Дополнение к Опыту, стр. 305.
405 Там же.

'покрыться струпьями, иметь плохой, изнуренный вид' (брян.)[406].

Укр. *шблуді* мн. 'парши, струпья', *шолудйвий* 'паршивый', *шолудяй*, *шолудивець* 'паршивец', *шолудйвник* 'раст. Pedicularis comosa L.'[407]

Блр. *шблудзи* мн. 'струпья на голове, парши', *шолудзйвый* 'паршивый', *шолудзивиць* 'паршиветь', *шолудзивец*, *шолудзяк* 'паршивец', *шолудзивка* 'паршивка'[408].

Др.-русск. *шелудивыи* 'коростовый, паршивый': Приде второе Бонакъ безбожный, *шелудивыи*, ѡтаи хыщникъ г Кыеву внезапу (Пов. вр. л. 6604 г.)[409].

Из всех этих многочисленных производных следует выделить как наиболее древние лишь два слова: *шелуди* и *шелудивый*. Перед нами изолированное образование. С точки зрения семантики это синоним словам *короста* и *парши*. В то время как слово *парша*, *парши* восходит к западнославянским языкам, слово *шелуди* является противопоставленным ему синонимом в восточнославянских языках. Слово *короста* значительно шире по своему значению, поэтому прямого противопоставления здесь нет. *Шелуди* — терминологизация одного из значений слова *короста*. Следовательно, на праславянском уровне мы можем реконструировать два образования: **ръгхъ* (-*у* мн.) (зап.-слав.) -*šelǫdь* (-*i* мн.) (вост.-слав.).

Если до сих пор мы наблюдали систему полных или начинающих разрушаться отношений в рамках этимолого-семантического гнезда, то здесь перед нами реликтовое изолированное образование. Устойчиво повторяющаяся модель 'чесать, драть' → 'чесотка' (ср. **obdьrati* → **obdьra*, *чесать* → *чесотка*, **kes-* → **kosjǫta*, **svьrbiti* → **svorbъ*, *(*s*)*ker-* → **kora*, **korь*, **skъrbati* → **skъrbь*, *хрупать* → *хрупа*, **čersti* → **korsta* и т. д.) наводит нас на мысль о возможности и даже необходимости аналогичной семантической модели для слова *шелуди*. Все примеры, которые могли бы показать какие-либо иные семантические оттенки, двусмыслены и легко могут быть объяснены из значений слов *шелуди* и *шелудивый*. Ср. укр. *шелудівка* 'род писанки с орнаментом из неповної рожі'[410] *шелудивка* 'простой, не махровый цветок' (дон.)[411].

Любопытен лишь один пример: *шелудивый* 'привередливый, капризный' (моск.)[412]. Эта производная вторичная модель многократно повторяется в рассмотренных нами этимологических гнездах. Ср. *копоской* 'брезгливый, привередливый', *корбститься* 'капризничать', *прыщиться* то же, ср. еще *шелушиться* 'задориться'.

---

406 П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 195.
407 Гринченко IV, стр. 508.
408 Носович, стр. 715.
409 Срезневский III, стб. 1587.
410 Гринченко IV, стр. 491.
411 Миртов, стр. 407.
412 Картотека Словаря русских народных говоров.

Этимология слова спорна. А. С. Мельничук возводит корень слова к *kes- > *ksel- 'чесать' (с упрощением ks > x)[413]. Х. Петерссон, а вслед за ним и ряд других этимологов относят рассматриваемое слово к корню *skel- 'колоть'[414]. Фасмер считает последнюю этимологию недостоверной и даже реконструкцию *šelǫdь сомнительной[415]. А между тем последняя реконструкция представляется единственно возможной. Суффикс -ǫdь/-ǫdъ мы наблюдаем в таких словах, как *желудь*, *желудок*.

Махек сравнивает эти слова с такими латинскими образованиями, как *secundus*, *volvendus*. Остается необходимость доказать, что корень рассматриваемого слова — *skel- 'колоть'. Эта этимология не покажется столь противоестественной, если мы внимательнее присмотримся к семантике глагола *колоть*. С одной стороны, глагол *колоть* значит, по́ определению Даля, 'раскалывать, щепить, щелить, разделять надвое', с другой стороны, 'поражать тычком острия, тыкать, пырять острым'. Ср. исключительную близость семантики глагола *svьrbiti—свербина* 'щель', *свороборина* 'шиповник' к родственным глаголу *kolti → *skala, *ščělь (ср. еще *чесати* 'рубить', *щербина* 'зазубрина, щель', *хрупать* 'ломать' и т. д.).

Если корень слова *шелуди* *šel- < *skel-, то могут быть рассмотрены как однокоренные образования, хотя и необязательно, такие слова, как *шелуха* и *шелупа*. Фасмер рассматривает *шелупа* как сложение префикса *ше-* и корня глагола *лупить*, а слово *шелуха* как сложение приставки *ше-* и слова *луска*. Если первое вполне возможно, то второе менее вероятно. Вероятнее всего, здесь перед нами образования, аналогичные словам *скорлупá*, *скорлухá*. Ср. блр. *скору́па* 'кора, скорлупа', 'струп' и укр. *шолупа* 'лушпиння з насіння соняшника' < *šelupa, *шолупайка* 'шелуха, скорлупа', русск. *шелухá* < *šeluxa 'кожура', 'чешуя' (яросл.). Признаем ли мы эти образования родственными слову *шелуди* или нет, не меняет этимологии последнего. Перед нами старое праславянское диалектное образование для обозначения особого рода заболевания с тяжелыми коростами на голове *šelǫdь, этимологически связанное с и.-е. корнем *kel-/*skel- 'раскалывать, раздирать'. Любопытно, что укр. закарп. *шiпавий* 'шелудивый' производно от глагола *сiпати* 'дергать' (см. приводимые выше *деряба* и др.)[416], 'рвати, шарпати, смикати'[417].

---

[413] А. С. Мельничук. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 195.

[414] H. Petersson. Studien über slav. *ch*. — Afslph. XXXV, 1914, стр. 376.

[415] W. Merlingen. Ind. *x*. — «Die Sprache» IV, 1958, стр. 60; Vasmer III, стр. 388.

[416] Гринченко IV, стр. 498.

[417] Г. Р. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, стр. 250.

Струп

В русском литературном языке слово *струп* является синонимом слову *короста* и означает засохшую корочку сыпи при некоторых кожных заболеваниях. С точки зрения употребления слово *струп* менее активно, чем слово *короста*, и встречается значительно реже. Даль дает еще одно значение — 'перхоть' (кроме значения 'корочка на ране, болячке'). Он определяет значение слова *струп* следующим образом: «сухая кора, которою покрывается рана, подживая. — „Когда струп сам сойдет, то останется рубец". Такая же кора, заскорблая кровь, гной, пасока, сукровица, в сыпях или болячках. — „Все тело в струпьях". „Не счесывай оспенного струпу, щедрины останутся". // сухая плоть, верхняя кожица на теле, которая исподволь осыпается; перх, перша, перхоть, отрубь, лупа; струп также вычесывается гребнем, а шевырюжка сходит в бане»[418]. Глагол *струпеть* значит 'покрываться струпом'.

Представить себе наличие этого слова в говорах и вариантов его значения очень трудно из-за дифференциального характера диалектных словарей. Богатые материалы Псковского словаря показывают, что слово *струп* выступает в двух смежных значениях: 'корочка на болячке, сыпи' и 'сыпь'. Ср. в первом значении: кор' тakáјa хóд'ит' / бал'éз'н' такáјa / как ўсы́п'уцца пузыр'áм / назр'éјут' / тады́ лóпајуцца / др'áн' вы́д'ит' / высыхáјут' / *струпы́* пáдајут' / и д'éлаца р'áбыј[419]. В этом примере значение выделяется совершенно четко. Следующие примеры не так ясны. Складывается впечатление, что слово выступает в значении 'сыпь', может быть, 'болячка, отдельный элемент сыпи' (ср. аналогичное развитие значений у слова *короста* 'корочка сыпи' — 'болезнь, при которой бывают корочки сыпи, чесотка'); Красýха / крáсным л'ицó / *струпáм* / *струпы́* так'úје; Карá называјут' / анá прајавл'áјецца пр'áма *струпум*;. . . а то пајд'ó *стрýпјам* / закар'éја / стан'а как карóста[420].

В последнем примере особенно любопытно соположение слов *струп* и *короста*. Струп засохнет и станет коростой, следовательно, *струп* здесь имеет значение 'сыпь, отдельный пузырек сыпи' (употребляется только во мн. ч.): Дух от н'евó (больного) худóј шóл / а т'éло фс'ó *стрýпом* вз'áлос'[421] (=укр. *струпом узятись* 'покрыться струпьями'[422]). *Струпи́на* 'струп, нарыв' (псков., твер., осташ.)[423]. Снова наблюдается переход значений по смежности: 'корочка на подсохшем нарыве' → 'нарыв'.

---

418 Даль³ IV, стб. 587.
419 Картотека Псковского областного словаря.
420 Там же.
421 Там же.
422 Гринченко IV, стр. 219.
423 Дополнение к Опыту, стр. 257.

В белорусском языке слово *струп* обозначает, как и в русском литературном, корочку на болячке, ране. *Стру́павы* 'струпный'[424]. В украинском языке то же значение: Чує муха де *струп*, туди й летить. Но есть и другое значение — 'нарост, бугорок на плоде' (т. е. 'болячка'): Знайшов таку хорошу (грушу), щоб де *струпочок*, або що. . . Укр. *струпíти* 'покрываться струпьями'[425].

В древнерусских памятниках значение слова *струп* имеет приблизительно тот же объем. Ср. в «Сказании о Петре и Февронии», где речь идет о какой-то сыпи: На нем же бе единъ *струп*, еже бе не помазан. . . и от того *струпа* начаша многи *струпы* расходитися на теле его. . . и бысть весь *оструплен*[426]. Любопытна фраза: Бѣ струпы ся осыпалъ[427] (где слово *струпъ* сочетается с глаголом *осыпатися* и значит, как и в предыдущем примере, 'болячка, отдельный пузырек сыпи, гнойничок').

В рассказе из Пролога 1383 г. слово *струп* выступает в значении 'болезненное образование', м. б. 'корки, как результат нагноения'.: Видѣхъ мужа влезъша ко мъне и гл҃а. чимь болиши. и рѣхъ оутроба мѧ болить. и показахъ юму. он же пьрсты своꙗ оуправль. и прорѣзавъ мѣсто ако ножемь и истьргъ ꙗтра моꙗ. и показа ми *струпы* и рукою остръгавъ. въ плате положи *струпы* моꙗ и пакы вложь ꙗтра моꙗ. и рукою заглади мѣсто (Прол. 1383 г. л. 78 г.)[428]. Глагол *острупити* выступал в значении 'покрыть струпьями': Не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшьници, *ѡстроуплени* сѫще и гноемъ истекающе, инѣхъ цѣлити начинаемъ (Никиф. м. посл. Влад. Мон.); *острупивѣти* 'зарубцеваться, покрыться струпом': Рука, ополѣвши (въ кипяткѣ), *остроупивѣ* (Мин. чет. апр. 466)[429].

Западнославянские языки дают то же значение — 'корка на болячке, ране'. Польск. *strup* 'skorupa mniej lub więcej sucha, tworząca się na ranie lub owrzodzeniu', *strupić* 'okrywać strupem'[430], то же в чешском *strup* 'zaschlá vrstva přiškva. . . na raně n. vředu', н.-луж. *tšup* 'струп', в.-луж. *trup* 'струп'.

В болгарском *струп* значит 'корка на болячке, ране' и 'болячка, пузырек сыпи', ср. *сруп* 'пъпка'[431]. В сербохорватском слово *strûp* употребляется более терминологизированно в значении определенного кожного заболевания, вероятно, парши, 'kraste u djece po glavi (des Grind)'[432]. В старославянских памятниках

---

[424] «Беларуска-рускі слоўник». М., 1962, стр. 893.
[425] Гринченко IV, стр. 219—220.
[426] Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960, стр. 186.
[427] Срезневский III, стб. 560.
[428] Картотека ДРС.
[429] Срезневский II, стб. 746.
[430] Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki VI, стр. 466.
[431] Картотека Этимологического словаря славянских языков.
[432] Iveković — Broz II, стр. 486.

и в древнерусских с использованием старославянской лексики слово *струпъ* употребляется в значении 'рана': обАза *строупы* юго (Зогр., Ас., Остр. ев.); И отираше *струпы* ея понявами ч(с)тами (Прол. Юр. XIV. 100)[433]. Если в восточнославянских, западнославянских и болгарском мы наблюдаем такое развитие значений по смежности: 'корка на болячке, ране' → 'болячка, гнойник', то здесь развитие пошло несколько иначе, не так, как в других славянских языках: 'корка на заживающей ране' → 'рана вообще'.

Совершенно изолированно стоит словенский язык, в котором слово *strȗp* значит 'яд', глагол *strúpiti* 'разбивать, разрушать'. Значение 'яд', вероятнее всего, вторично. Оно возникло под влиянием значений глагола с утратой первичного имени. Развитие значений можно представить себе следующим образом: 'корка на ране' → 'рана вообще' → 'покрывать ранами' (='бить, уничтожать'); 'уничтожать, разрушать' → 'то, что уничтожает, разрушает' = 'яд'.

Для праславянского мы вправе восстановить форму **strupъ* со значением 'корка на заживающей ране, болячке'. Развитие значений 'болячка, гнойник' и 'рана' может быть также достаточно древним. Косвенным подтверждением того, что слово **strupъ* значило 'корка', 'нечто застывшее', служит укр. диал. *струпки́й* (< **strupъkъjь*) '(о пути) покрытый замерзшей грязью, кочковатый' (Волч. у.)[434]. Ср. аналогичные образования в большинстве рассмотренных выше случаев: блр. *дра́ча* 'мерзлая, не покрытая снегом земля', *кора́* 'верхний слой, который застыл, отвердел', *шерешь* 'замерзшая грязь', *шарэ́шша* 'замерзшие груды грязи', *коро́ста* 'болотный кочкарник' и др.

Фасмер сопоставляет слово **strupъ* со словом **strъpъtъ* и производными от него прилагательными **strъpъtivъjь*, **strъpъtьnъjь*, **strъpъtъkъjь*, **strъpъtьlivъjь*[435]. В др.-русск. памятниках прилагательные *стръпътьныи* и *стръпътъкий* выступают в том же значении, что и укр. диал. *струпки́й* 'неровный, трудный (о дороге)': *Стръпътьнъ* поуть (Ефр. крм. 214); Бысть имъ путь *стропотокъ* зѣло, насташа бо днiе злы, вѣтры силни и вiалици страшны зѣло (Никон. л. 6643 г.)[436]. Само слово *стръпътъ* и производные от него прилагательные представляют главным образом вторичные значения: *стръпътъ* 'труд, работа', 'затруднение, помеха', 'несчастье'; *стръпътьныи* 'неровный, трудный', 'затруднительный', 'кривой', 'лукавый', 'строгий', 'неблагоприятный'; *стръпътивыи* 'лукавый, коварный', *стръпътьливыи* 'лукавый, лживый'. Любопытно, что большинство памятников,

---

433 Срезневский III, стб. 560—561.
434 Гринченко IV, стр. 220.
435 Vasmer III, стр. 30.
436 Срезневский III, стб. 562—563.

где встречаются эти слова, старославянские, только в Ипатьевской и Псковской I л. отмечены эти имена. Еще интереснее судьба этих слов впоследствии. Они отсутствуют в украинском и белорусском языках. В русском литературном языке есть только прилагательное *строптивый* 'неуступчивый, упрямый'. Зато в говорах (только в псковских и смежных с ними осташковских!) сохранились все древнерусские формы: *стрóпотный*, *стрóпоткий*, *стропотли́вый* 'строптивый, неуступчивый', *стрóпотень* 'человек вздорный, неуживчивый'[437].

Все эти имена представляют вторичные значения, характеризующие психическую сферу. Первичным можно предположить 'неровный, застывший (о дороге)' и потому 'очень трудный (для езды, ходьбы)', потом 'трудный вообще' и отсюда 'неблагоприятный', 'упорный', от значения 'неровный' развились производные значения 'кривой' → 'лукавый'.

Большинство этимологов считают в слове **strupъ* (как и в слове **struja*) *t* вставным, т. е. **strupъ* < **srupъ* < **sroupos*[438]. Только Ильинский и Брандт не считали *t* вставным. Брандт реконструировал *струп* как **sъtrǫpъ* и связал с *тряпка*[439], но такой реконструкции противоречат формы в славянских языках. Ильинский возводил **strupъ* к и.-е. **streubh-* 'сдавленное, сжатое', а потому 'жесткое, твердое'[440].

Младенов реконструировал **strupъ* как **srupъ*<**sroṷ-po-s* <**srou-* 'течь'[441].

Славский возводит праслав. **strupъ*<**srupъ* к и.-е. **sreup-* 'покрытая струпьями грязь на теле' и сопоставляет с греч. ῥύπος 'грязь'[442]. Махек считает *s* в слове **srupъ* *s*-mobile и сопоставляет слав. слово с лит. *raupaĩ* 'сыпь, оспа', нем. *Rufe* 'струп'; корень **rūp-/ rŭp-*. Лит. *raũpas*, *rauplễ* 'оспа', *raũpti* 'царапать, выцарапывать', *rùpti* 'становиться шероховатым, неровным, рябым'[443]. Френкель сравнивает последние глаголы с польск. *rupić*[444].

Последняя этимология представляется наиболее последовательной и убедительной не только со стороны формальной, но и семантической.

---

[437] Дополнение к Опыту, стр. 257; Даль³ IV, стб. 583.

[438] F. Solmsen. Slavische Etymologien. — KZ XXXVII, 1904, стр. 600—601.

[439] Р. Брандт. Об этимологическом словаре Миклошича. РФВ XVIII, 1887, стр. 7.

[440] Г. Ильинский. Славянские этимологии XXXVIIII. — РФВ XIX, 1913, стр. 16—18.

[441] St. Mladenov. Die labiale Tenuis als wortbildendes Element im slavischen. — Afslph XXXVI, 1916, стр. 128—129.

[442] F. Sławski. Oboczność *ǫ:u* w językach słowiańskich.— SO 18, 1947, стр. 255.

[443] Machek, стр. 478.

[444] Fraenkel, стр. 707.

Хруны

В русских северо-восточных говорах (волог., яросл., вят.) отмечено очень любопытное слово *хрýни*, *хрýны* мн. 'болячки, коросты'. *Хрýна* 'струп, короста' (волог.)[445]; *хруны* 'болячки на голове' (яросл.)[446], *хруны* 'коросты' (устюж.)[447], *хрýновик*, *хрýновица* 'в болячках' (вят.)[448].

Слово *хруль* в северодвинских говорах значит 'покрытый коростами' и выступает как прозвище малорослого человека. *Хрулем* же называется и обломанная бабка, 'козон без нижней части, соединяющейся с ним хрящеватою массою' (симб.)[449]. Даль передает значение не совсем точно: *хруль* 'бабка, костыга, козан // коротыш, малыш'[450].

В шенкурских говорах *хруль* — насмешливое прозвище людей с очень большим носом[451].

В южнорусских и среднерусских говорах тоже есть слово *хрýни*, *хрýны*, *хрунъё*, но значит оно 'тряпки, лохмотья, рванье'. *Хрýни*, *хрýны* м. мн., *хрунъё* ср. соб. (кур., моск., руз.) 'истасканная одежда, отрепье, лохмотья, рубище, ветошь'[452]; *хрýни* 'лохмотья' (брян., орл., кур., калуж.)[453]; *хрýнник* 'оборванец'[454].

Итак, мы имеем два парадигматических варианта: *хруна* и *хрунь*. Значения этих слов резко отграничивают северные говоры от южных, хотя предполагаемая модель ясна: 'драть, рвать' → 'рванье, тряпки', 'драть' → 'короста, болячка'.

Фасмер, вслед за Махеком, сравнивает русск. *хрунъё* 'лохмотья' с лит. *skrandas* 'старый потертый мех' (значение слова *хруны* в севернорусских говорах он не привлекает); слово *хруль* Фасмер объясняет как звукоподражательное[455].

Мы можем предположительно реконструировать указанные выше слова как **xrudna*, **xrudnь*, **xrudlь* (мысль о звукоподражательном происхождении этого слова могла возникнуть только при неполном привлечении материала).

В русском просторечии существует отпричастное прилагательное *расхрúстанный* 'в растегнутой, разорванной на груди одежде'.

---

[445] Шайтанов. Особенности говора Кадниковского у. Вологодской губ. — ЖСт. СПб., 1895, вып. III—IV, стр. 398.

[446] Мельниченко, стр. 211.

[447] П. К. Симони. Два старинных областных словаря XVIII стол. ЖСт., 1898, вып. III—IV, стр. 447.

[448] Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — ЖСт., 1901, вып. I, стр. 90.

[449] Опыт, стр. 251.

[450] Картотека Словаря русских народных говоров; Даль³ IV, стб. 1236.

[451] Подвысоцкий, стр. 185.

[452] Даль³ IV, стб. 1237.

[453] Картотека Словаря русских народных говоров.

[454] Даль³ IV, стб. 1237.

[455] Vasmer III, стр. 273.

Это имя предполагает глагол **расхристать* 'разорвать одежду на груди', **христать* 'рвать'. Ср. блр. *хри́ста*, *расхри́ста* то же: Ай ты *христа*, николи не засцягнешся[456].

О том, что в словах *христа*, *расхриста*, *расхристанный* выступает корень **xryd-*, свидетельствуют многочисленные диалектные образования. Ср. брян. *хры́да* 'с раскрытой грудью, не застегнутый на пуговицы'[457], *хри́да*, *ы* об. (калуж., кур.) 'человек, по неряшеству измокший, загрязнившийся'[458], *хри́да* (орл., кур., калуж.) 'человек грязный, мокрый'[459]. В том же значении 'неопрятный' в рязанских и нижегородских говорах выступает форма *хрюня*, *хрюнька*[460].

Глагол *хрыста́ть* зафиксирован в пензенских говорах в значении 'скоблить'[461]. Это экспрессивная форма глагола, которая может скрывать первоначальное **xrydti* → **xryd-t-a-ti*.

Таким образом, корень **xrud-* / **xryd-* представлен в русском языке многообразными формами: **xrudna*, **xrudnь*, **xrudlь*, **xryda*, ***xrydti*.

Исключительный интерес представляют украинские диалектные формы. Укр. лем. *ринявий* 'струпистый, шелудивый'; *ринявець* 'человек в струпьях, шелудях'[462]. Эти формы могут восходить к **(x)rydn'avъjь*, **(x)rydn'avьcь*. Любопытна семантическая близость укр. закарпатских образований к севернорусским. В укр. полесск. говорах зафиксировано слово *ри́нди* мн. 'лохмотья'[463]. Если предположить, что *д* в сочетании *нд* — вставное, или же, что современный облик слова — результат метатезы, то слово может восходить к **(x)rydni* мн.

Основа **xryd-* / **xrud-* богато представлена в южнославянских языках. С.-хорв. *hrîd* 'скала, утес', болг. *рид* то же, др.-серб. *hridь* ж. р. то же, производные *hridac*, *hriće* соб., *hridina*, прилаг. *hrìdan*, *hrìdna*, *hrìdast*, *hridav*, *hridov*. Основа **xrъd-* отражена в сложении *hrnodolina* и прилаг. *hrn* в сочетании *hrna zvijezda*; *hrn* < **xrъd-nъ*.

Шюц, подробно анализируя сербохорватский материал, связывает серб. **xrydъ*, **xrydь*, **xrъdnъ* с др.-серб. *хроудь* 'изогнутый, crispus'[464]. Материал восточнославянских языков остался вне поля зрения автора. А между тем формально и семантически все эти слова тесно связаны. Ср. соотношения слов *колоть*—

---

456 И. И. Носович. Дополнение к Белорусскому словарю. — Сб. ОРЯС XXI, № 6, стр. 22.

457 Н. А. Расторгуев, Указ. соч., стр. 472.

458 Опыт, стр. 250.

459 Даль³ IV, стб. 1233.

460 Опыт, стр. 251.

461 Картотека Словаря русских народных говоров.

462 Гринченко IV, стр. 17.

463 «Лексика Полесья», стр. 89.

464 J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 90—91.

скала—щель, *свербить* 'драть' — *свербина* 'щель' — *свороб* 'короста', *рвать* — *рванье* и мн. др.

На праславянском уровне мы вправе восстановить ряд образований: **xrydti* 'скоблить' и, вероятно, 'драть, рвать' (ср. болг. диал, *ри́да се* 'раздергивать' < **xrydti sę*), о чем говорят многочисленные производные: **xrydъ*, **xrydь* 'скала', **xrъdnъ* 'острый', **xrudь* 'согнутый', **xrudna*, **xrudnь* 'болячка, короста', **xrudna*, **xrudnь* 'тряпка, рвань'. Южнославянские и восточнославянские языки дают родственные, но семантически далекие производные. Правда, ср. болг. диал. *о́брин* м. 'сърбеж по тялото', м. б. < **ob(x)ryd-nъ*, чеш. диал. *chrůna* 'перхоть'[465].

Махек и Шюц сопоставляют славянский материал с лит. *skraudùs* 'шершавый'[466]. Значение литовского слова ближе всего к восточнославянским образованиям. Ср. русск. *хруна* 'короста', укр. *ринявий* 'шелудивый'.

Перед нами *u*-основа **skre-u-d* от корня **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* 'резать'[467].

Принято считать, что в названиях болезней широко распространены эвфемизмы[468]. Эвфемизмы, действительно, встречаются в названиях болезней, но они не так многочисленны, как это можно было бы предположить. К обширной группе слов, рассмотренных выше, мы должны присоединить несколько эвфемистических образований. Чаще всего эвфимизмы употребляются по отношению к натуральной оспе.

Гостья

Гостья ходит (говорят об эпидемии) или *Гостьица Ивановна* ходит (олон.)[469]. *Гость*, *гостья* — эвфемизм, имеющий широкое хождение. Ср. *гостец* 'ревматизм'.

Матушка

«*Матушка-оспа* и просто *матушка* — так называют оспу, чтобы она не оскорбилась» (колым.)[470]. Здесь зафиксирован момент создания эвфемизма. В первом определении к имени присоединяется благожелательный эпитет: *оспа-матушка*. Ср. выше назы-

---

[465] Г. Горов. Странджанският говор. Българска диалектология, I, София, 1962, стр. 119; B. Vydra. Popis a rozbor nářečí hornoblanického z ukazkami. Praha, 1923, стр. 103.

[466] V. Machek. [Рец. на кн.:] J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. — LP 7, 1958, стр. 305.

[467] Многочисленные и.-е. параллели в словаре Покорного (стр. 938).

[468] См., например: С. Видлак. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 273.

[469] Куликовский, стр. 17.

[470] Богораз, стр. 80.

вание оспы по отчеству *Гостьица Ивановна*. С утратой первого компонента остается эвфемизм *матушка* 'оспа'.

Божье

В вологодских говорах сыпь от золотухи на лице называется *бóжье*: Вишь, как у него *божье-то* выступило[471].

Этими тремя названиями (*гостья*, *матушка* и *божье*) ограничиваются эвфемизмы в рассматриваемой группе названий болезней.

Следующая небольшая группа названий образована по модели: 'порча, зло' → 'болезнь'.

Нечисть

Нéчисть (на Кенозере) 'болезнь чесотка' (олон.)[472], *нéчисть* 'чесотка' (тул., калуж.)[473], *нечистúще* то же (новг.)[474]; *нéчисть* «нечистота // всякая накожная болезнь; чесотка, сыпи, болячки, лишаи и пр.»[475].

Слово совершенно понятно и структурно и семантически, но для установления точной этимологии оно двусмысленно. С какими значениями антонимов *чистый—нечистый* оно связано? С одной стороны, эпитет *чистый* употребляется по отношению к человеку в значении 'без кожных заболеваний; без парши, чесотки и пр.', ср.: Он лицом *чист* — 'бел, без сыпи или веснушек'; А лицо-то *чистое*. . . — один из устойчивых положительных эпитетов при описании красоты. При широком распространении многочисленных кожных заболеваний выбор этого признака отнюдь не был случаен. Поэтому слово *нéчисть* как название различных сыпей вполне понятно.

Но слова *чистый—нечистый* употреблялись и в христианско-религиозном смысле. *Нéчисть* — все поганое, запрещенное. Ср. *нечистый* в значении 'порочный', 'запрещенный в пищу', 'принадлежащий к другой религии'. Отсюда *нéчисть* — 'черти, духи'. Ср. *нечúстик* 'злой дух, черт' (псков., твер., осташ.)[476]. В этом случае отношение *нечисть* 'злая сила' и *нечисть* 'болезнь как результат воздействия злой силы'. Ср. еще *бáенна нéчисть* 'болезнь, напускаемая духом — баенником' (арх.) и *баенник* 'дух, живущий в бане'[477].

---

[471] Филин 3, стр. 65.
[472] Куликовский, стр. 65.
[473] Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губ. — Изв. ОРЯС 1898, т. III, кн. 3, стр. 871.
[474] Герасимов, стр. 58.
[475] Даль³ II, стб. 1408.
[476] Дополнение к Опыту, стр. 144.
[477] Филин 2, стр. 43.

Аредь

Архангельское *áредь* 'сыпь, почесуха'[478] представляет собою своеобразную семантическую модель, связанную с определенными представлениями о возможности напускать болезнь.

Слово *áред* в восточнославянских языках значит 'злой старик', 'колдун', 'черт'. Ср. нередкое использование христианских имен для обозначения черта: *анчутка* 'черт' (от *Анцифер*), *Аред* 'нечистый дух' (кур.), 'злой человек' (тамб.), 'старый и злой колдун' (новг.)[479]; 'злой старик' (дон.)[480]; укр. гуцул. *áрiдник* 'черт': *арiдник* го знає![481].

Фасмер возводит *áред* к библ.' Ἰάρεδ — имени отца Эноха, прожившего якобы 962 года[482]. В статье о слове *аредь* Фасмер пишет: «*Аредь* 'зуд, сыпь, чесотка' заговаривается посредством стиха: «рассыпься аредом, да не доставайся скаредам». Савинов (РФВ, 21, 42) усматривает здесь преобразование *Ирод* в *Аред*, возм. в интересах табу и рифмы. Слово *áредь* этимологически неясно»[483]. Мне представляется, что незачем связывать *аредь* с *Иродом* при наличии слова *áред*. Слово *áредь* должно быть производным от *áред* 'колдун, черт'.

Лишай

Слово *лишай* относится к немногочисленным в этом разделе лексики общеславянским образованиям: русск. *лишáй*, укр. *лишай*, болг. *ли́шай*, *ли́шей*, с.-хорв. *ли̏шаj*, словен. *lišȃj*, чеш. *lišej*, слвц. *lišaj*, польск. *liszaj*, в.-луж., н.-луж. *lišawa*.

Праслав. **lišajь* < **lix-ějь* (образование с редким суффиксом *-ějь*, ср. *деревей*, *молочай*).

Славянские языки дают несколько (правда, их число невелико) словообразовательных вариантов. Русск. арх. *лиш* 'лишай' < **lišь* < *lixjь*[484]; дон. *ли́ший*[485] с переносом ударения, м. б. из *lišьjь*, но м. б. и из **lišajь*, но с ослаблением заударного слога; укр.-карпат. *лиши́р*[486] **liširь* по типу *пузырь*, *волдырь*, *пупырь* и др.; макед. *лиша* ж. наряду с *лишаj*.

В памятниках слово *лишай* зафиксировано XI в.: короста дивьꙗ или *лишаи*; ни короставо, ни *лишаи* имуща; *лишавьи Лишаиво*... или краставо (Панд. Ант. XI в.)[487]

---

478 Даль³ I, стб. 55; Филин I, стр. 273.
479 Опыт, стр. 3.
480 Миртов, стр. 7.
481 Гринченко I, стр. 9.
482 Фасмер I, стр. 85.
483 Там же.
484 Подвысоцкий, стр. 83.
485 Миртов, стр. 173.
486 Гринченко II, стр. 366.
487 Срезневский II, стб. 34.

Значение слова во всех славянских языках одно и то же. *Лишай* — это один из видов заболевания кожи (lichein). По определению Даля: «накожная болезнь, род местной сыпи, с резким очертанием. Накожный лишай бывает: сухой, мокрый, гнойный, зудкий, терпкий и пр.»[488]. Для псковских говоров Даль фиксирует значение ʿгнойный струп на головеʼ (т. е. парша?).

Основа слова **lišajь—*lix-* та же, что и в словах **lixo*, **lixъjь*. Эта основа в указанных словах выражает в основном три определяющих значения: ʿзлой дух, черт, злая силаʼ, ʿвред, порча, злоʼ (как воздействие злой силы) и ʿбеда, несчастье, болезньʼ (как результат воздействия злой силы). Ср. *лихой* ʿзлой дух, сатанаʼ: *лихóй* ʿзлой духʼ (ряз., касим.)[489], укр. *лихи́й* ʿчертʼ: Нехай його *лихий* візьме[490]; укр. полесс. *лыхы́j* ʿчертʼ: Зва́лы чорт, зва́лы *лыхы́j* был'ш звалы лыхы́j[491]; блр. *лихо* ср. ʿзлая сила, чертовщинаʼ[492]: *Лихо* тобе надало туды ехаць; Якое гето ты *лихо* зацеяв?[493]. Для тверских говоров Даль дает форму *лишай* в значении ʿчертʼ: *Лишай* те побери![494] Но один этот пример явно недостаточен, чтобы точно установить значение. Значение в данном случае определено на основе аналогии с выражением «черт тебя побери!», но аналогии такого рода могут легко натолкнуть на неправильный вывод.

Внимательный анализ приведенных выше примеров наталкивает на мысль, что слова *лихо*, *лихой* не прямые названия злой силы, а употреблены в переносном значении. *Злой* в значении ʿчертʼ.

Основным значением слова *лихо*, *лихой* является значение ʿзлоʼ, ʿзлойʼ. Ср. в современном русском языке *лихо* ʿзлоʼ: Не поминайте *лихом*!; *лихой* ʿзлойʼ: *лихой* человек, *лихая* сторона. Блр. *ли́хо* ʿзлоʼ, укр. *лихé* ʿзлоʼ, *лихи́й* ʿзлой, дурной, худойʼ. В древнерусских памятниках слово *лихо* выступает как антоним слову *добро*. Ср.: Понеже не хочю ѥ *лиха*, но добра хочю бра^т^и и Русьскѣи земли (Пис. Влад. Мон. ок. 1096 г.); Не бысть *лиха* межю има (Новг. I л. 6853 г.); О моем добрѣ или о *лисѣ* (Долг. гр. Дм. Ив. 1362 г.) и др.[495]

Слово *лих* выступает и в значении ʿзавистьʼ, *лихость* то же, ср.: *Лих-то* велик, да силы нетуте; *ли́хостный* ʿзавистливыйʼ, ʿзлостныйʼ (псков., твер., осташ.)[496]; *лихова́ть* ʿсо злости, с лиха портить, пакостить, уничтожатьʼ (псков., твер., осташ.)[497], *лиша́й*

---

[488] Даль[3] II, стб. 663.
[489] Опыт, стр. 104.
[490] Гринченко II, стр. 364.
[491] «Лексика Полесья», стр. 45.
[492] Носович, стр. 269.
[493] Там же.
[494] Даль[3] II, стб. 670.
[495] Срезневский II, стр. 27.
[496] Дополнение к Опыту, стр. 102.
[497] Там же.

'злостный, лихостный человек' (псков.);[498]; *излúх* 'завистник, злой человек' (псков., твер.)[499]; укр. *лихí óчі* 'дурной глаз', *лиходíй* 'злодей', *лихомóвити* 'злоречить', *лихóта* 'злонравие, задорливость'[500].

Естественным вторым значением слов *лихо*, *лихóй* является значение 'беда, несчастье' (как результат причиненного зла) и 'болезнь' (как один из видов возможного несчастья). Наиболее активно это значение выступает в блр. и укр. языках Ср. блр. *лúхо* 'несчастье': *Лихо* мене встрело; *Лихо* собе нажив[501]; укр. *лиховúна* 'несчастный случай', *лихолíття* 'бедственное время', *лихá годúна* 'несчастье, беда', *лихá напасть* 'внезапное несчастье, болезнь', *лúхо* 'беда, несчастье, горе'[502]; укр. полесск. *лихóма* 'беда, трудное положение'[503]; русск. *лихой* недуг, *лихая* напасть, *лиха* беда начало, *лúхотка* 'бедненькая' (арх.)[504].

Названия болезней довольно многочисленны. Ср. русск. диал. *лúхо* 'тошно, тошнит, позывает на рвоту' (волог., перм., вост. сиб.)[505]; *лихотá* 'тошнота' (перм., вост. сиб.); *лиховáть* 'быть больным, хворать' (сиб.); *лихúе* 'волосатик, гнойная язва' (калуж)., *лихóй* 'накожные болезни, особ. чирей; иногда костоед' (орл.); 'конская болезнь, гнойные желваки; ночной топот' (симб.); *лихóтка* 'скорбь, утробная хворь' (волог.)[506]; *лихóть* 'боль, болезнь' (смол.)[507]; *лихóй* 'ногтоед' (тул.)[508]; *лихорад* 'болезнь нарыв, короста' (вят.)[509]; блр. *лúхо* 'боль': *Лихо* тобе на живот; *Лихонько* тобе в живот[510]. Одним из многочисленных названий болезней с основой **lix-* является и слово **lišajь*. Таким образом, первоначальное значение слова **lišajь*, как и других названий болезней с основой **lix-*, достаточно расплывчато и нечетко, это 'болезнь, как результат злого воздействия, порча'. Тем самым слово **lišajь* подключается к обширной группе названий болезней со значением 'порча'.

Проказа

К этой же группе относится наименование тяжелейшего кожного заболевания, лепры — *проказа*. Отглагольное имя от глагола

---

498 Даль³ II, стб. 670.
499 Даль³ II, стб. 49.
500 Гринченко II, стр. 364.
501 Носович, стр. 269.
502 Гринченко II, стр. 364.
503 «Лексика Полесья», стр. 85.
504 Подвысоцкий, стр. 83.
505 Дополнение к Опыту, стр. 102.
506 Даль³ II, стб. 663—665.
507 Добровольский, стр. 377.
508 В. Бурнашев. Указ. соч., I, стр. 361.
509 Васнецов, 122.
510 Носович, стр. 269.

**prokaziti* 'испортить'. В восточнославянских языках — книжное слово, проникшее из церковной литературы[511].

Таким образом, часть наименований кожных заболеваний, получивших в современных языках конкретное терминологическое значение *лишай*, *проказа*, *нечисть*, *аредь* (последние два только по говорам), первоначально входили в группу названий со значением 'порча'. Процесс конкретизации — один из определяющих процессов в этой группе лексики.

Лемена

Специфически череповецкий термин *леме́на* 'лишайные пятна на теле' зафиксирован только в словаре Герасимова[512].

Этимология этого трудного слова зависит от того, как мы его реконструируем. Возможны две реконструкции: **lemę*, *-ene*, мн. **lemena* и **lěmy*, *-ene*. Речь идет не только об определении парадигмы, но и о корневом гласном — *e* или *ě*. В первом случае **lemę* может восходит к **lepmen-* и относится к приведенным выше названиям болезней с сыпью в виде пятен, лепешек. Для лишая, как заболевания, характерны четкие очертания. Ср. блр. *лапіна* 'отметина, пятно', русск. *лапуха*, *лаптуха* 'оспа, скарлатина, корь' (болезни с сыпью в виде пятен)[513].

Тот же корень выступает в виде **lep-*, ср. лит. *lepė* 'кувшинка' (т. е. 'листья') и название лишая в донских говорах *сухие листья*[514].

Вторая реконструкция и этимология предложены О. Н. Трубачевым: **lěmy* < **loi-men-*. Последнее может быть сопоставлено с лит. *líemuõ* 'тело, корпус'. Корень *(*s*)*l●i-* 'клейкий', отраженный в русск. *линь*, *слина*, *слизь*, нем. *Leim* 'клей'[515]. Аналогичное по структуре соответствие: др.-русск. *строумєнь*—лит. диал. *straumuõ*.

Если последняя этимология верна, то перед нами древняя новгородско-литовская параллель с независимым развитием значений.

Сыпь, возникающая в результате перегревания тела, носит два названия в русском языке: общенародное и литерат. *потни́ца* и диал. астрах. *взвар*[516]. Последнее слово сохраняет диалектное значение глагола *вреть* 'сильно вспотеть' (орл.)[517], образовано от приставочной формы *взвреть* → *взвар*.

---

[511] Подробно о слове *проказа* см. мою статью «Народные названия болезней», I. — «Этимология, 1967». М., 1969.

[512] Герасимов, стр. 52.

[513] Ср. блр. *кругі* 'лишаи' (П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 146)

[514] Миртов, стр. 316.

[515] Fraenkel, стр. 365, без русского слова.

[516] Даль[3] I, стб. 470.

[517] Преображенский I, стр. 66.

Рассмотренными выше словами не ограничивается список названий заболеваний кожи в русском языке. Среди них есть ряд уточняющих, таких, как *водянички*, *ночники*. Сыпь с водянистыми пузырьками — *водянички*[518], сыпь, появляющаяся ночью — *ночники*[519].

Название аллергического заболевания *крапи́вница* связано с тем, что появляющаяся при нем сыпь похожа на ожоги крапивой. Этот термин может быть как собственным образованием, так и калькой научного латинского термина *urtica*.

Псковское название золотухи *зна́тьба* должно быть рассмотрено в другой группе лексики. После золотухи остаются шрамы, рубцы. *Знатьба* значит, собственно, 'знак, рубец', ср. др.-русск. *знамя* 'зарубка'. В другом разделе должно быть рассмотрено и слово *мадеж*. В большинстве славянских языков это слово значит 'пятно на коже', и только в новгородских говорах *мадеж* — 'лишаи на теле'[520].

Следует отметить еще ряд заимствованных и неясных слов. *Курченьга́* — 'чесотка'[521]. Слово зафиксировано в русских говорах б. Уфимской губ., т. е. на территории тюркоязычного народа. Не исключено, что слово было отмечено в языке обрусевшего человека. *Курченьга́* — общетюркское название чесотки, ср. чуваш. *кăрчанка* 'короста', 'парша', 'чесотка', татар. *корчаңгы*, башк. *корсаңгы* 'чесотка', казах. *кыршаңкы*, кирг. *кырчаңгы* то же и т. д.[522] *Я́чиха* 'лишай' (колым.)[523]; возможно заимствованное происхождение. *Ро́жа* 'лишай' (олон., петроз.)[524]. Вероятнее всего, полонизм. Ср. *рожа* — название болезни из польск. *róża* 'роза'. Это один из многих полонизмов в олонецких говорах. Отмеченный в тех же говорах термин *воронья лапа* 'лишай'[525] может быть калькой местного карельского названия. Для карельского языка характерно использование образных наименований болезней.

Один из видов чесотки, по-видимому, наиболее затяжной, в русских говорах носит название *нуда́* (псков., новг., прибалт., сарат.)[526]. В Опыте областного словаря значение этого слова передается описательно, но, вероятно, имеется в виду то же самое: 'дурное состояние здоровья от неопрятности' (смол.)[527]. В данном

---

[518] Даль³ I, стб. 537.
[519] Герасимов, стр. 59.
[520] Там же стр. 55.
[521] Д. К. Зеленин. Усень-Ивановский говор. — ИОРЯС, т. X, кн. 2. СПб., 1905, стр. 106.
[522] В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 101.
[523] Богораз, стр. 163.
[524] Опыт, стр. 192.
[525] Куликовский, стр. 12.
[526] Герасимов, стр. 58; Словарь русских говоров Прибалтики стр. 182; Опыт, стр. 130.
[527] Опыт, стр. 130.

случае мы наблюдаем развитие вторичного специализированно-медицинского значения у общерусского слова *нуда́*.

1. Разобранный лексический материал почти не содержит заимствований. Пути проникновения заимствований: речь обрусевшего двуязычного населения и сфера бранной лексики (эта сфера является исключительно проницаемой для заимствований). За этим небольшим исключением, основной лексический материал является исконным.

2. Весь материал распадается на несколько синонимических рядов в соответствии с выраженным значением:

'сыпь' : *о́спа*, *осо́пка*, *сыпь*, *сыпня́*, *вы́сыпка*, *о́сыпь*, *кори́на*, *обме́т*, *цвет*, *божье*, *струп*, *обли́ва*,

'оспа': *о́спа*, *во́спица*, *сыпу́ха*, *сыпня́*, *цыпу́ха*, *корь*, *ша́дра*, *бобу́шки*, *го́стья*,

'корь': *корь*, *кори́ха*, *корю́ха*, *корю́шки*, *кора*, *черемну́ха*, *царевни́ца*, *череми́ца*, *красу́ха*, *красну́ха*;

'краснуха, скарлатина' : *красу́ха*, *красну́ха*, *череми́ца*, *черемну́ха*, *черемну́шки*, *па́пуша*, *лопуха*, *лапту́шки*;

'золотуха': *золоту́ха*, *красну́ха*, *красу́ха*, *хру́па*, *цвету́ха*;

'чесотка' : *чесотка*, *чесота*, *почесуха*, *почесуня*, *почесуля*, *своробь*, *свербеж*, *све́рбеть*, *зуд*, *нечисть*, *банная нечисть*, *аредь*, *короста*, *лепуха́*, *ле́пух*;

'лишай' : *лишай*, *ли́шей*, *лиш*, *лемена*, *восца́*;

'шелуди' : *парх*, *парша*, *шелуди*, *хруны*;

'перхоть' : *перхоть*, *перх*, *перша*, *перхни*, *кошута*, *кошуть*, *кожух*, *плева*, *труть*, *плоть*.

Лексика, непосредственно связанная с наименованиями болезней:

'рябой' : *рябой*, *деряба*, *дерибоватый*, *шорохой*, *корза*, *шадровитый*, *шадривый*, *щедровитый*, *корявый*;

'оспина' : *оспина*, *рябина*, *цапина*, *шадрина*, *щедрина*;

'болячка, гнойник, отдельный элемент сыпи' : *прыщ*, *бабуха*, *бобу́шки*, *па́пушки*, *папка*, *струп*, *вскрупина*, *сыпка*;

'состояние зуда' : *зуд*, *копыс*, *нуда*, *свороб*, *свербеж*, *васся́*.

'корочка на болячке, гнойничке': *кора*, *корка*, *короста*, *струп*.

3. Словообразовательные модели рассмотренных названий болезней очень просты: в большинстве случаев это отглагольные имена или имена, соотносимые с основой глагола. Отыменные образования составляют незначительную часть. Представляет интерес тот словообразовательный ряд, который образуют названия болезней в псковско-новгородских говорах: *бабу́шки*, *лапту́шки*, *корю́шки*, *черемну́шки*.

4. Число семантических моделей довольно велико:

а) 'сыпать' → 'сыпь'; 'сыпь' → 'оспа';

б) 'драть, чесать' → 'чесотка, оспа, корь, перхоть';

в) 'болячка' → 'оспа, шелуди и другие болезни с болячками';

г) ʻзло, злой дух' → ʻболезнь как результат злого воздействия, порча';

д) ʻкрасный цвет' → ʻболезнь с покраснением кожи';

е) ʻплоский предмет, пятно' → ʻсыпь в виде пятен';

ж) ʻкожа, кора, чешуя' → ʻперхоть, шелуди';

з) эвфемизмы от названий гостьи, матери и «свойственного богу».

Для наименований рябого характерны три модели: ʻчесать, драть' → ʻрябой'; ʻпятнистый, пестрый' → ʻрябой'; неровный, шероховатый' → ʻрябой'.

Из восьми семантических моделей две являются универсальными ʻсыпать' → ʻсыпь' и ʻчесать' → ʻчесотка'. Эти модели характерны для большинства индоевропейских и неиндоевропейских языков. Нем. *Grind* m. ʻлишай' восходит к *grinda* ʻтереть, толочь, растирать'; *Ausschlag* m. ʻсыпь' — производное от глагола *ausschlagen*, среди многих значений которого особенно любопытны ʻраспускаться (о почках)' и ʻвыступать на поверхности чего-л.' (ср. *прыщ*), лит. *kāškis* ʻчесотка' при *kasýti* ʻчесать'; авест. *kasvīš* ʻсыпь на коже', арм. *Kos* ʻкороста', восходящее к и.-е. корню **kes-* ʻчесать, драть', лат. *skabo* ʻчешу, скоблю' — *skabies* ʻчесотка, парша', греч. λεπω ʻочищаю' и λεπρα ʻпроказа' и мн. др.

Азерб. *сэп-* ʻсеять (зерна)', ʻбрызгать (воду)', ʻпоказываться, появляться (о сыпи, прыщах)'.

Не так широко, но повторяются и другие семантические модели. Ср. лат. *variola* ʻоспа' при *varius* ʻпестрый', чеш. *neštovice* ʻоспа' — производное от *nežit* ʻболячка, нарыв', с.-хорв. *богиње* ʻоспа' (ср. *божье* ʻсыпь'), франц. *rougeole* ʻкорь' (ср. *краснуха*), лтш. *sasi* ʻболячки, прыщи' при лит. *šāšas* ʻструп, короста' и мн. др.

5. Лингвогеографический анализ представляет значительные трудности из-за неполноты имеющегося в наших руках материала. Можно наметить очень огрубленно лексическое противопоставление говоров северо-западных, северо-восточных и южных. Ср. *бобушки* ʻоспа' (новг.-псков.) — *оспа* ʻоспа' (южн.-русск.) — *оспа*, *корь*, *ша́дра* ʻоспа' (сев.-вост.); *лаптуха* ʻветрянка, корь, скарлатина' (сев.-зап.) — *лопуха* (сев.-вост.) — *лепуха* (южн.).

6. Историческое развитие данной группы лексики может быть представлено лишь в общих чертах и с достаточной степенью гипотетичности.

а) Древнейший этап — это этап, когда данная группа лексики еще не выделилась в самостоятельную. Древнейшие наименования входят в различные группы лексики. Слова **korsta*, **strupъ*, **xrudnь* не являются в прямом смысле названиями каких-то определенных болезней, это ʻнеровность, корка, покрывающая или характеризующая любой предмет', ср. в псковских говорах: пол зарас'т'о́ *струпа́м*. . . Отсюда множественность, нетерминологичность, нечеткость значений данных слов (см. статьи).

Слово **obsъpa* означало 'сыпь'. Это явление было зафиксировано и объединено с прорастанием листьев, почек и т. д. Часть заболеваний отнесена за счет воздействия злой силы — **lišajь*.

На древнейшем этапе могут быть реконструированы: **obsъpa* 'сыпь', **pryščь* 'росток, элемент сыпи', **korsta* 'корка, то, что сдирается' и 'любая болезнь, покрывающая тело как корой', **strupъ* 'неровность, корка, корка на ране, болячке', 'отдельная болячка', 'сыпь в виде коры', **xrudnь* 'корка, то, что сдирается, болячки', 'то, что оторвано, тряпки', **lišajь* 'порча, зло, заболевание'.

б) Второй этап — выделение и наименование отдельных конкретных заболеваний. Если первый этап удачно обобщен в следующем диалектном тексте: «ра́н'ше пабал'е́јут' и памру́т' / бал'е́зн'и ра́н'ше н'е́ была» (псков.), то на следующем этапе происходит вычленение и наименование одного из самых страшных заболеваний — оспы. Возникает противопоставление *оспа—сыпь*, первое как термин, второе как обобщенное наименование. Это противопоставление в разных диалектах протекает по-разному, но процесс единообразен. Ср. с.-хорв. *бо̏гиње* 'оспа' — *о̏спа* 'сыпь', 'оспина', болг. *шарка* 'оспа' — *оспа* 'сыпь' и т. д.

Терминологизируются наименования скорлупы, корки, того, что сдирается, возникают в диалектах праславянского названия болезней **šelǫdь* (только восточнослав.), **pъrxъ* (только зап.-слав.), **pьrxotь* (русск.-южн.-слав.)

в) Третий этап — период создания национальной (народной) медицинской терминологии. Этот этап характеризуется появлением большого числа наименований в различных говорах. Некоторые говоры даже имеют тенденцию к структурному объединению данной группы лексики (см. выше о группе псков.-новг. говоров). Обилие местных диалектных образований приводит в дальнейшем к лексическому противопоставлению отдельных групп говоров внутри языков и отдельных языков. Сб. блр. *одра* 'корь', *скраб* 'чесотка', укр. *вэ́род* 'сыпь', *порпли* 'шелуди', *сверблячка* 'короста' и т. д.

г) Четвертый этап (конец XVIII—XIX в.) — период создания научной медицинской терминологии. Уточняются народные наименования, и часть из них входит в научную терминологию (*оспа*, *корь*, *лишай*, *краснуха*, *чесотка*). Некоторые болезни получают заимствованные наименования — *скарлатина*.

В говорах возникает противопоставление местного и литературного названия. Ср.: «раньше *папуша*, теперь *корь*»; «раньше *черемнушки*, теперь *корь*» и т. д.

Приводимый в данной статье материал в основном отражает состояние диалектной лексической дробности середины XIX в.

д) XX век характеризуется еще большей нивелировкой диалектов, бо́льшим давлением письменного нормированного языка.

Развитие медицины и ликвидация значительного числа инфекционных и кожных заболеваний привели к тому, что и сами эти болезни и их названия сделались достоянием прошлого. Лексика, разбираемая в данной статье, активно утрачивается.

7. Этимологический анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно семантических связей слов, соприкасающихся с данной группой лексики. Источником разбираемых названий служит значительная группа глаголов. Семантика глагола очень сложна. Можно в качестве гипотезы принять тезис, что древнейшим для глагола является такое состояние, когда он обозначает конкретное, но сложное действие. Затем происходит выделение и обозначение более простого и одновременно более абстрактного действия. Такое понимание развития семантики глагола позволяет понять, почему глагол *рубить* 'разделять на части с помощью орудия' может выступать в словосочетании *рубить избу*, почему глагол *рыть*, обозначающий сложное действие, может развить абстрактное значение 'бросать' (новг.).

При реконструкции семантики производящей глагольной основы следует исходить из ее конкретности и сложности. В характеристику действия входит и его оценка с точки зрения скорости. Так, все глаголы со значением 'чесать, драть' обозначают быстрое действие, отсюда возможность развития значения 'быстро двигаться'. Этот элемент значения заложен в семантике самого глагола, теоретически от любого глагола со значением 'чесать, драть' может быть образован глагол со значением 'быстро двигаться'. Ср. *удирать*, *чесать* 'быстро бежать', *драпать*, *поскрóбать* 'пойти' (псков.), *поскоблúть* 'побежать' (псков.), *лупить* 'бежать', *шýрхнуть* 'шмыгнуть' (влад.), *смбргаться* 'порываться' (смол.), *дергать* 'бежать', *лущить* 'бежать' (твер., осташ.), чеш. диал. *zdrhat* 'убегать', лит. *karšti* 'чесать' и 'бежать' и мн. др.

Такой же сопричастной семантической сферой являются производные от значения 'драть, чесать' значения 'капризничать, придираться' и 'задираться, ссориться, сердиться'. Ср. *короститься*, *прыщиться* 'капризничать', *корóста* 'задира', *шелушиться* 'задориться', *сверебить* 'задираться, ссориться', *сéпаться* 'сердиться' (брян.), *дерибать* 'драться' и мн. др.

Так как названия со значением 'рябой' производны по отношению к значению 'неровный, шершавый', так же как и названия со значением 'чесоточный, покрытый коростой', то в этой группе лексики много совпадений с названием жаб. Большая часть названий жаб в свою очередь производна по отношению к значению 'неровный, шершавый'. Признак является определяющим, так как своей неровной бугорчатой кожей жаба отличается от лягушки. Ср.: жáбы / jéта карóслыjи / н'а глáтк'иjи (псков.); жáба такаjа кар'áваjа (псков.); при *корявый* 'рябой', *корóстовая лягушка* 'жаба', укр. *коропавка*, *корóпа* 'жаба' и т. д.

Понимание всех возможных направлений семантического развития этимологического гнезда позволяет уточнить, а иногда и определить место слова в этимологическом гнезде и его этимологию.

Теоретически от всех глагольных основ со значением 'чесать, драть' может быть образовано производное имя со значением 'чесотка'. На деле в каждом конкретном языке лишь от части глагольных основ с этим значением образованы производные имена со значением 'чесотка'. Если эта возможность не осуществлена в одном языке, она осуществляется в другом. Ср. блр. *одра*, *скраб* при отсутствии в русском производных с этим значением, укр. терн. *лупеж* 'перхоть', болг. *сугреб* 'крапивная лихорадка', *óбрыва* 'корь, ветрянка' при отсутствии русских форм. Отсутствие форм определяется, по-видимому, заполненностью семантического микрополя.

И. П. Петлева

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ИСТОКАХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'СКУПОЙ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Названия скупых в русском языке образуются в соответствии с определенными, достаточно четко очерченными семантическими моделями, число которых сравнительно невелико. Рассмотрение основных схем, по которым конструируются данные названия, очевидно, может содействовать выяснению этимологии ряда слов, до сих пор остающихся неясными.

1. Первая модель основывается на представлении о твердости, неуступчивости, черствости, прижимистости скупых, у которых и «снега зимой не выпросишь»: 'твердый, жесткий, крепкий (предмет, (→) человек)' → 'скупой' или: 'сжатый, стиснутый, согнутый' — 'сжимающий, давящий (предмет, (→) человек)' → 'скупой'. Необходимо отметить, что значение 'скупой' возникает здесь, как правило, на базе основного (чаще всего — предметного), представленного существительным.

Креме́нь м. 'самый твердый и жесткий из простых камней'; о человеке: 'крепкого нрава, твердый, стойкий; безжалостный; скупой'[1]; ср. еще *кремневое дерево* 'сухое, болотное — мелкослойное и крепкое'[2].

Ко́рень м. 'подземная часть растения' (крепко вросшая в землю? крепкая?), *человек-корень* 'стойкий, упрямый и суровый' [3]; *ко́рень* м. 'скряга, суровый, неуступчивый' (твер.); *корнёвой* и *корнево́й*, прилаг. о человеке 'скупой' (псков., твер.) [4].

Ковры́га общ. 'человек скупой, кремневый' (псков., твер.) [5]. Даль фиксирует *коври́га* ж. в значении 'цельный хлеб, каравай, челпан, ломоть во весь хлеб, или круглый' [6], однако это слово имело и другое значение — 'сухарь, сухая лепешка', см. пример из Хроники Георгия Амартола 260: *ковригы* (рекше сухы посмагы). . .; *посмагъ* 'вид хлеба, сухарь, лепешка' [7]. Фасмер со

[1] Даль[2] II, стр. 189.
[2] Васнецов, стр. 115.
[3] Даль[2] II, стр. 162.
[4] Дополнение к Опыту, стр. 88, 89.
[5] Там же, стр. 82; Даль[3] II, стб. 322.
[6] Даль[2] II, стр. 128.
[7] Срезневский II, стб. 1248; I, стб. 1242.

ссылкой на Фалька—Торпа, приводит датско-норвежское *kavring*, объясняемое как заимствование из русского, также в значении 'сухарь' [8]. Следовательно: 'сухой хлеб, сухарь' → 'черствый, сухой, жесткий человек' → 'скупой'. Подробно о слове *коврига* см. статью А. С. Львова [9].

Кула́к м. 'пясть ручная с прижатыми к ней пальцами, кука', 'скупец, скряга, кремень, крепыш' [10]. См. у Михельсона: «*Кулак* (иноск.) 'мужик — воротила, маклак, скряга, кремень' (намек на сжатую руку скупых вообще). . . Нет, кто уж *кулак*, тому не разогнуться в ладонь! (Гоголь. Мертвые души, 1, 5) [11]. Куликовский отмечает, что скупых дразнят *скупая пясть* [12].

Жа́ло 'острие иголки, булавки' и 'скупой человек, скряга' (псков.) [13], видимо, также следует отнести к данной группе: 'твердый, острый предмет' → 'скупой', хотя *жа́ло* 'скупой' может иметь и иную интерпретацию.

Комы́га общ. 'жемок или скряга, скупец' (иногда 'суровый, угрюмый' (псков.)), ср. еще *комлы́га* 'ком, колыга на пашне' [14] — к *ком*.

Колы́га ж. (волог.) 'колыжка, ком или кучка навоза'; (твер., псков.) 'скряга', *колы́жка* (*колы́шка*)' ж. 'ком, комок, грудка, кучка, особенно назему'; 'закрутка в веревке, сгиб с перевоем, особенно в новой, крутой, либо в морской веревке' [15]. Ср. близкое в семантическом отношении с.-хорв. *гу̏жва*, *гу̏жба* 'запутанный клубок, моток', 'жгут, кольцо, вечник (сплетенные)' — *гу̏жбав* (устар.) 'скупой', *гу̏жбавец* (устар.) 'скупой, скряга' [16], которые сопоставимы, например, с русск. *узел*, ср. *узластый человек* 'весьма стойкий или упорный' [17].

Жемо́к, *жемо́чек*, *жмак*, *жмяк*, *жмячо́к*, *жему́ля* (*жиму́ля*, *жму́ля*), *жему́лька* (*жиму́лька*, *жму́лька*), *жма́чка* 'частица чего-либо. . ., сжатая в кулаке, в горсти — комок глины, снега, теста и пр.' «Все эти выражения иногда значат и *жом* (*жем*), *жома* 'скупец, скряга'»; ср. (там же) *жом* также 'гнет, пресс', *жемы* 'тиски'. В. Даль приводит значение 'скупой' и для сущ. *жмых*, ср. *жмыхи* 'отжимки' [18]. Однако целая серия слов со значением 'скупой', принадлежащих к данному корню, не имеет соотносимых существительных с предметной семантикой, на базе ко-

---

[8] Фасмер II, стр. 272.

[9] А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 149—158.

[10] Даль[2] II, стр. 527.

[11] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. СПб., 1912, стр. 378.

[12] Куликовский, стр. 97.

[13] Картотека Словаря русских народных говоров.

[14] Даль[3] II, стб. 378.

[15] Даль[2] II, стр. 144.

[16] RJA III, стр. 519—520.

[17] Даль[2] IV, стр. 479.

[18] Даль[2] I, стр. 527, 546; Даль[3] I, стб. 1315.

торой они могли бы возникнуть. Следовательно, их надо связывать непосредственно с глаголом *жать* или *жаться* 'скупиться'. Это представленные у Даля (там же) *жмарь* (кур.,) *жмо́тик* (моск., яросл.) (ср. *жмот*), *жме́тень* (твер.), *жмо́йда* (псков.), а также сложение — *жми́крома* (от повелит. *жми* и *крома* 'ломоть, краюха хлеба', ср. укр. *жми́крут* 'крохобор', букв. 'жми сильно'; ср. *прижи́мистый человек*[19], *прижи́мистый—прижима́ться* 'скупиться'[20], *зажи́мистый* 'нетороватый, скуповатый, расчетливый'— *зажима́ться, зажа́ться* 'скупиться'[21]. Ср. семантически близкое образование: *сти́слый* (*сци́слый*) 'скупой, кулак'[22] — из польск. *ścisły* (стар.), *ściskły*, *ściśliwy* (стар.), *ścisklіwy* 'скупой'[23]? М. Фасмер (со ссылкой на Ф. Миклошича) связывает с *жать*, *жму* также *жми́нда* 'скупец' и — предположительно — *жми́нда* 'растение Blitum'[24].

Крепы́ш м. 'плотного, здорового сложения человек', 'скупец, скряга, кремень', *крепыши́* (новгор.) 'ситные хлебцы крутой замески с солью'; *кре́пкий* 'сильный стойкостью, упорный, неуступчивый, прочный. . .'[25]. Ср. семантически сходное с.-хорв. *тв̑рд* 'твердый, жесткий, крепкий', 'черствый, крутой, скупой', *тв̏рдица* ж., *тв̏рдац* м. 'скупец, скряга'[26].

Жестока́н м. (арханг.) 'жестокосердый, стяжательный, скряга' также примыкает (правда, с некоторой натяжкой) к данной группе, так как это слово, видимо, связано с прилаг. *жесто́кий* (на севере *жесткий*[27]), этимологически неотделимым от *жесткий* 'твердый, черствый'[28].

Скря́га общ. 'скупец, скаред', *скря́жник* то же[29] — слово, не имевшее до сих пор надежной этимологии. Согласно мнению Р. Бернара, русск. *скря́га* (как и болг. *скръндза* 'скряга') восходит к и.-е. **(s)kreng-*, **(s)krengh-* < и.-е. **(s)ker-* 'морщиться'[30]. Ж. Ж. Варбот убедительно развивает и обосновывает мысль А. Соболевского[31] о ближайшем родстве русск. *скряга* с русск. *кряж* м. 'материк', 'твердая, отдельная часть чего-либо (колода, бревно, чурбан)', о человеке: 'крепыш, здоровяк', *кря́жи́стый* 'толстый, твердый и крепкий', *кряже́вина* ж. 'свилеватый отрубок дерева,

---

[19] Фасмер II, стр. 59.
[20] Даль² III, стр. 412.
[21] Даль² I, стр. 578; Васнецов, стр. 75.
[22] Добровольский, стр. 877.
[23] Brückner, стр. 530.
[24] Фасмер II, стр. 59.
[25] Даль² I, стр. 536.
[26] Iveković-Broz II, стр. 609—610.
[27] Даль², стр. 536.
[28] Фасмер I, стр. 51.
[29] Даль² IV, стр. 479.
[30] R. Bernard. L'étude de quelques racines slaves d'après le témoignage des dialectes bulgares. — RÉS, t. 40, 1964, стр. 31.
[31] А. Соболевский. Еще мелочи. — РФВ, т. LXVII, № 1—2, 1912, стр. 213—214.

который не колется' [32]. Согласно мнению Ж. Ж. Варбот, *скряга* < **(s)kręga* — к праслав. **kręgъ(*kręga/*kręžь)* 'стянутое, согнутое' → 'круглое, твердое (брус, колода)' → 'твердое (земля, хребет)' (см. данный том «Этимологии»).

Киржáк м. 'скупой, скряга, раскольник' [33], *кержáк* м., *кéржанка*, *кéржáчка* ж. (сибир.) 'раскольник', (волог.) 'скупец, скряга' [34] (от *кержáк*, *кережáк* 'житель местности, расположенной вдоль реки Керженец, где находится притон раскольников [35]). Значение 'скупой' могло возникнуть на базе 'твердый' (на основе представления о старообрядцах как о людях твердой веры и сурового, замкнутого характера и образа жизни) или на базе 'отколовшийся, живущий отдельно (от людей)', ср. при втором объяснении *укрóмный*, *укрóмистый* (псков., твер.) 'кто держится окроме от людей, более своенравный либо скупой, кто кромит себе', *укромúть* 'отгородить, отделить перегородкой, окроме, особо, по себе', *укромиться* 'отделиться от людей, от света, в одиночестве, уединиться' [36].

II. Вторая модель — 'собирающий крохи, остатки (и таким путем составляющий себе состояние)' или просто 'накопитель, собиратель, бережливый хозяин' → 'скупой'.

1. *Каплю́шник* м. 'барышник, скряга, мелочный человек'; 'пьяница' (казан.), ср. *каплю́шный* 'крошечный, маленький' (псков., твер.); *каплю́шничать* 'крохоборничать (псков., твер.) [37]. Ср. у Даля: *каплю́га*, *каплю́жка* общ., *каплю́жник* м. 'пьяница, особенно на чужой счет, кто каплюжничает по кабакам', 'скряга, скаред, крохобор'; *каплю́жить* или *каплю́жничать* 'сливать в кабаке капли, остатки из выпитой посуды', 'пьянствовать, жадно искать случая упиться', 'скаредничать, крохоборничать' [38].

Крохобóр м. 'скряга, мелочный хозяин', *крохобóрничать*, *крохóтничать*' жить скупо, собирать, обирать у других крохи, наживаться от крох, остатков' [39].

Игóлочник м. 'делающий иголки или торгующий ими', 'попрошайка, скряга' (псков., твер.), *игóльничать* 'скряжничать' (псков.) [40].

2. *Скопидóм* м. 'хороший, бережливый хозяин' (ср. аналогичное образование *сберидóм* 'скопидом, бережливый хозяин') [41] — заметим, что Даль не отмечает значения 'скупой', которое появилось позже и фиксируется, в частности, Ушаковым: *скопидóм*

---

[32] Даль² II, стр. 208.
[33] Васнецов, стр. 105.
[34] Даль² II, стр. 105.
[35] Фасмер II, стр. 224.
[36] Даль² IV, стр. 485.
[37] Дополнение к Опыту, стр. 77.
[38] Даль² II, стр. 87.
[39] Там же, стр. 199.
[40] Там же, стр. 6.
[41] Даль² IV, стр. 192.

м. ‘человек, у которого бережливость и забота о накоплении доходит до скряжничества’ [42].

Гоноша́ общ. ‘скопидом, скупец, кто копит, собирает, копун’, ср. *гоношун* м. ‘хозяин’, *гоношли́вый* (перм.) ‘скопидомный, хозяйственный человек’, *гоносно́й* (астрах.) ‘бережливый, особенно бережный на одежду’ [43].

Несколько особняком стоит *жи́ла* ‘неправедный стяжатель, охотник присваивать себе чужое’ [44], ‘мошенник, стяжатель’ [45] — по Далю, от *жи́лить*, первоначально ‘тянуть, вытягивать, натягивать (жилы)’, затем ‘отжиливать, присваивать себе что неправо’. Ни Даль, ни Фасмер не фиксируют для сущ. *жи́ла* значение ‘скупой’, однако его отмечают словари Васнецова, Преображенского и Ушакова [46]. Оно могло развиться на основе первого — ‘неправедный стяжатель’, ср. сочетание значений ‘стяжатель, добыватель’ и ‘бережливый обладатель’ в словах *стяжа́тель* м. и *стяжа́тельный человек* ‘добычливый и бережливый, скопляющий состояние; корыстный, жадный, падкий на стяжание’ [47]. Ср. еще сущ. *и́зжиль* общ. (волог.) ‘скряга, скупец’, которое Даль также относит к *жи́ла*, *жи́лить*.

III. Третья модель: ‘дрянь, хлам, грязь’ (→ ‘грязный, мерзкий человек’) → ‘скупой’ не является активной.

Измо́й ‘скряга’ (псков.), ср. *измо́и* ‘помои’ [48], т. е. ‘грязная вода’. Однако слово *измо́й* может быть объяснено и по-другому.

Гное́ц ‘скряга’ (твер.), *гнои́ться* ‘скряжничать’ [49]; у Даля *гное́ц* ‘чирей, веред’, ‘скряга’ [50]. Однако это слово в значении ‘скупой’ может быть объяснено и как ‘тот, кто гноит (копит, доводя до порчи, гнили) добро’.

Ска́ред м., *ска́реда* общ., *скаря́* (зап.), *ска́редник*, *ска́редный старик* ‘скряга, омерзительный скупец, готовый удавиться за копейку’, ‘мерзавец, грязный негодяй, гнусный, отвратительный’, *ска́редь* общ. ‘скаред’, ж. ‘хлам, дрянь’ [51], *ска́редь* общ. ‘грязный, неряшливый до отвращения’; иногда — как бранное слово, соответствующее выражению ‘подхалюза’ [52], *ска́реда* общ. ‘скупой’ (кур.) [53]. Слово в значении ‘грязный, мерзкий, отвратительный’ представлено и в других славянских языках, особенно широко —

---

[42] Ушаков IV, стб. 228.
[43] Даль[2] I, стр. 374.
[44] Там же, стр. 542.
[45] Фасмер II, стр. 55.
[46] Васнецов, стр. 69; Преображенский I, стр. 232; Ушаков I, стб. 871.
[47] Даль[2] IV, стр. 352, 140.
[48] Дополнение к Опыту, стр. 72.
[49] Там же, стр. 34.
[50] Даль[2] I, стр. 361.
[51] Даль[2] IV, стр. 193.
[52] Васнецов, стр. 291.
[53] Опыт, стр. 204.

в западной группе. Фасмер восстанавливает праслав. **skarędъ* и связывает его с др.-инд. *ava-skaras* 'экскременты', *apa-skaras* то же, др.-исл. *skarn* 'навоз, помет' и т. п. (ср. в.-луж. *škerjeda* 'грязь, нечистота', н.-луж. *škaŕęda* то же). Однако А. С. Львов считает, что русск. *скаря*, *скаредь* в значении 'хлам' могли проникнуть в наш язык из западнославянских диалектов (как это было и с блр. *шкáредзь* 'хлам, сволочь')[54], см., например, показательное в этом отношении псковско-новгородское *мо(у)шкарáдный* 'постыдный, позорный, гадкий, мерзкий' (с *ш*-начальным)[55] — несомненно, заимствование из польского, видимо, через белорусский.

Что касается значения 'скупой', то, по мнению А. С. Львова, оно появилось в словах *скаря*, *скаредь*, *скареда*, *скаредный* в русском языке в результате контаминации двух корней *skar*- < **sk̑ēr*- и *skor*- 'кожа, кора'.

Характерное для данной модели семантическое сочетание 'скаред'—'дрянь' демонстрирует и представленное в белорусском сущ. *гарыда*[56].

С определенной осторожностью в данную (или предыдущую) группу можно внести и *брезгá* 'скряга' (псков., твер.), если учитывать его второе значение 'мелочный человек', которое — из *брезгá* 'разная дрянь' (псков.)[57], 'всякая дрянь, мелочь, хлам', ср. еще *брязг* м., *брязги* мн., *брязгáлы* ж. мн. (влад.) 'искры, брызги, осколки или крохи, укрухи, черепья, иверни' и 'дрязги, сплетни, ссоры'[58]. Фасмер дает *брязги* только в значении 'дрязги, сплетни, болтовня'. Ср. еще *брозгá* 'мелочник, скряга'[59]. Однако эти слова фиксируются в указанных словарях также и со значением 'воркотун, брюзга, резкий крикун', ср. *брезжáть* 'врать' (псков.), *брезготáть* 'ворчать, верезжать, громко спорить' (твер.), и потому могут быть отнесены к другой семантической модели: 'ворчун, брюзга, нуда, жалующийся' → 'скупой' (см. ниже) (хотя этимологически все они, возможно, родственны).

IV. Четвертая (старая, широко распространенная и богато разветвленная семантически) модель: 'голодный (недостаточный, скудный, нуждающийся, больной)' → 'жаждущий, алчущий (завистливый, тоскующий)' → 'стремящийся, спешащий, усердный, заботящийся (жалеющий)' → 'жадный, алчный' → 'скупой'. Следует отметить, что для каждого конкретного слова, разумеется, не всегда прослеживается весь этот путь и часто представлены всего два-три звена данной цепи. Для нас же, как и в предыдущих

---

[54] А. С. Львов. Указ. соч., стр. 149—153.
[55] Даль² II, стр. 355.
[56] М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 79.
[57] Дополнение к Опыту, стр. 12.
[58] Даль² I, стр. 127.
[59] Там же.

случаях, существенно наличие последней семантической пары ʽжадный, алчный' → ʽскупой' или фиксация одного-двух звеньев (любых) этой цепи+ʽскупой'.

Жа́дный по Далю: старое ʽжаждущий', ныне ʽненасытный, падкий на что, на пищу, на богатство и пр.' Ср. еще: *жажда́тель* м. ʽжаждущий, требующий питья', *жа́ждный*, *жа́ждущий* ʽхотящий пить', *жа́дина*, *жадну́ша* общ. ʽжадный, завистливый', *жадо́ба* общ. ʽжеланный, милый, любимый. . . кого жалею и кого желаю', *жадо́ба* (южн.) ʽжажда, алчба, алчность, страстное хотенье, стремленье, желанье' [60]. Как видно из данного перечня, у Даля не отмечено ни для одного из этих слов значения ʽскупой' или ʽскупость', но оно закономерно вырастает на основе фиксируемого ʽжаждущий, алчный' — и словарь Ушакова отмечает его: *жа́дный* ʽалчный, проникнутый ненасытной жаждой. . .' и ʽскупой', *жа́дина*, *жадню́га* и *жадю́га* ʽжадный, скупой человек' [61]. К семье слов с корнем **žęd-*, очевидно, следует относить и вторично назализированное *жандо́биться* (тамб.) ʽзаботиться, печься, стараться' [62], ср. семантически очень близкие *жадо́бить* (южн.) ʽстрастно хотеть, желать' и *жадо́ба* ʽжеланный, любимый, кого жалею', так как существует самая тесная связь между ʽжелать, любить, жалеть' и ʽзаботиться (стараться)'.

См. характерное для данной семантической модели сочетание значений в украинском: *жа́дний* ʽголодный' и ʽскупой', а также в литовском: *pasigendù* ʽжелать, тосковать, стремиться к чему-либо', *gedù* (*gedžiù*), *gedėti* ʽстремиться к ч.-л., тосковать по чему-либо'; с другой ступенью чередования: *gõdas* м. ʽжадность, алчность', *godùs* ʽжадный, скупой', *godžiúos*, *godė̃tis* ʽжелать, жаждать' [63].

Ср. аналогичное развитие семантики в словах, восходящих к **olkati*, представленных в славянских и других и.-е. языках: *алчный* (в русском это церковнославянское заимствование из старославянского) ʽголодный, алчущий, жадный, ненасытный, прожорливый' [64]; чеш. *lačný* ʽголодный', (перен.) ʽстрастно желающий, жаждущий', *lakomec*, *lakotník* ʽскупец, скряга', *lakotný* ʽскупой, жадный, жаждущий' [65], ср. др.-прусск. *alkīns* ʽтрезвый, тощий', лит. *álkanas* ʽголодный' [66].

Сочетание значений ʽалчный' и ʽскупой' характерно, например, и для нем. *geizig* ʽскупой, жадный, алчный', ср. *geizen* ʽскупиться' и ʽжаждать (славы и т. п.)' [67].

---

[60] Даль² I, стр. 524.
[61] Ушаков I, стб. 841.
[62] Даль² I, стр. 526.
[63] Фасмер II, стр. 33.
[64] Даль² I, стр. 11.
[65] «Чешско-русский словарь». Сост. А. И. Павлович. М., 1960, стр. 242.
[66] Фасмер I, стр. 73; II, стр. 452.
[67] «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1958, стр. 461, 638.

Щи́вой 'скупой', отмечаемое К. Куликовским [68], вероятно, следует идентифицировать с *тщи́вый* 'старательный, усердный, (точный, аккуратный)' [69], др.-русск. *тъщивъ* 'быстрый, ревностный, усердный', *тъщати* 'торопить, настаивать', *тъщатисѧ* 'спешить, стремиться, стараться' [70], ср. также у Даля *тща́тися* (церк.) или *тщи́ться* 'стараться, усердствовать, ревностно заботиться, прилагать свое старание, усилия'. Ср. аналогичное семантическое сочетание 'старательный' ('стараться)'—'скупой': *жандо́биться* 'заботиться, печься, стараться'—*жа́дный* 'жадный, скупой.'

V. Пятая модель: 'скулящий, нуда (ворчун, прибедняющийся) клянча' → 'скупой'. Здесь часты образования на основе звукоподражания.

Ханю́ка общ. (перм.) 'скряга, скупец, кулак', ср. *ханы́га* общ. (казан., калуж., тамб.) 'попрошайка, канюка (хам, холуй)', *ха́нькать* (арханг., перм.) 'хныкать, плакать и плакаться, канючить, жалобиться на судьбу, на бедность; скряжничать' [71] — звукоподражательные образования [72].

Брезга́ общ. 'скряга' (псков., твер.) [73], как отмечалось выше, также может быть объяснено исходя из второго значения этого слова — 'воркотун, резкий крикун', см. еще *брезгота́ть* (твер.) 'верезжать, кричать резким голосом', 'брюзжать, ворчать', *брезжа́ть*, *брязжа́ть* 'бренчать, звенеть. . . как бы от тряски', 'болтать трещоткою, говорить вздор' [74]. Фасмер связывает *брезга́* 'болтун', *брезжа́ть* 'болтать' и *бря́зги* мн. 'болтовня, дрязги, сплетни', *брязжа́ть* 'докучать (просьбами)' с лат. *brę̃zgia*, *brę̃gsti* 'зазвучать, застучать' [75]; см. у Даля: *бря́зги* 'искры. . ., осколки' и 'дрязги, сплетни, ссоры', *бря́згать*, *бря́знуть*, *бря́згивать* (воронеж.) 'бренчать, брякать' [76].

Ску́гор м. 'скупой' [77] — *ску́горить*, *ску́грить* (новгор., псков., твер., калуж.), *скуго́лить* (зап.), *скуго́рить* (псков.) 'хныкать, плакать, визжать, как щенок, скучить', южн. 'скавучать, тосковать, грустить, скучать' [78], *скуго́рить* (новгор., твер.) 'плакать с тихим причитанием, тосковать', *ску́грить* (калуж.) то же [79]. Фасмер связывает эти слова (здесь еще укр. *скугні́ти*, *скугота́ти* 'хрюкать', чеш. *skuhrati* 'причитать, стонать', *skuhrač* 'нытик',

---

[68] Куликовский, стр. 140.
[69] Даль² IV, стр. 446.
[70] Срезневский I, стб. 1061, 1063.
[71] Даль³ IV, стб. 1166.
[72] Фасмер IV (рукопись).
[73] Дополнение к Опыту, стр. 12.
[74] Даль² I, стр. 127.
[75] Фасмер I, стр. 211, 225.
[76] Даль² I, стр. 134.
[77] Миртов, стб. 298.
[78] Даль² IV, стр. 212.
[79] Опыт, стр. 206.

слвц. *skuhrat'* 'жаловаться', *skuhrač* 'скряга') с лит. *skaugė* 'зависть', а также с русск. *скогóль* 'поросенок', *скогóлить*, *скогота́ть* 'визжать, скулить', считая (предположительно) звукоподражательным [80].

Ряд слов данной группы не имеет надежной этимологии, но характерно, что все они наряду со значением 'скупой' имеют обычно второе — 'попрошайка'. Это *скиля́га* общ., *скиля́жник* м. 'нищий, побироха, попрошайка', 'бранчивый, вздорливый' (арханг., новгор., моск., тамб. калуж., смолен.), 'скупец, скряга, крохобор, сквалыга' [81]; *скиля́га* 'скаред, попрошайка', *ски́литься* 'горячиться, браниться' [82]; *скиля́га* общ. 'скупой человек' (арханг., псков., новгор., тамб.), 'попрошайка' (арханг., новгор., тамб.), 'пьяница' (перм.) [83]; ср. еще *сквиля́га* 'скиляга, сквалыга' [84] и *скля́га* (севск.) 'скряга', приводимое А. Преображенским [85]. И Преображенский, и Фасмер считают, что слово не имеет достоверной этимологии.

Скалды́ра общ., *скалдырня* ж., *скалды́рник* м. 'сквалыга и попрошайка', *сколды́ра* общ. 'скряга, крохобор', *сквалды́рник* м. 'скупец', 'попрошайка', 'наянливый плут, докучливый скалозуб'? (пенз.), 'сварливый, вздорный' (кур.) [86], *сквалды́ра* [87] также не имеют убедительной этимологии.

Сквалы́га общ., *сквалы́жник* м. 'скупец, скряга, скаред', 'клянча канюка, попрошайка', 'наянливый плут, барышничающий на мену и продажу', 'докучливый скалозуб?' (пенз.), 'сварливый, вздорный' (кур.) [88]; *скалы́га*, *сквалы́га* (олон.) 'скупец' [89]. Фасмер считает все существующие этимологии сомнительными. О. Н. Трубачев в дополнениях к русскому переводу Словаря Фасмера пишет о возможности соотнесения *сквалыга* и *скалить*, далее сюда же *скулить*.

Скула 'скулец, скряга' на основании указанной связи (*сквалыга* 'скупец'—*скалить*—*скулить*), вероятно, также можно сопоставлять со *скули́ть* 'скулить, скучить, визжать (о собаке)' (волог., костром.), 'скряжничать, скупо торговаться, желая вымозжить копейку' [90].

К данной группе, видимо, следует отнести и *желна́* 'скупец, скряга', 'наянливый проситель' (тамб.), 'злонамеренный, зло-

---

[80] Фасмер IV (рукопись); о слвц. *skuhrat'* см.: Machek[1], стр. 450.
[81] Даль[2] IV, стр. 196.
[82] Подвысоцкий, стр. 157.
[83] Опыт, стр. 204.
[84] Даль[2] IV, стр. 180, 195.
[85] Преображенский II, стр. 298.
[86] Даль[2] IV, стр. 191, 201, 194.
[87] Преображенский II, стр. 293.
[88] Даль[2] IV, стр. 194.
[89] Куликовский, стр. 107.
[90] Даль[2] IV, стр. 213.

язычный человек'. Ср. *желни́ть* (тамб.) 'неотступно просить, выпрашивать, канючить или клянчить. . .'

Заканчивая обзор ряда семантических моделей, по которым образуются названия скупых в русском языке, нужно подчеркнуть, что данная статья не содержит полного перечня всех названий (и даже моделей) данной лексико-семантической группы, а лишь намечает наиболее характерные схемы семантических типов, которые порождают значение 'скупой'. Однако уже на основании собранного материала можно сделать некоторые выводы. Прежде всего следует говорить о позднем и местном характере подавляющего большинства названий скупых, их вторичном, переносном характере. Лишь очень немногие из них имеют соответствия в других славянских языках (русск. *скряга*—болг. *скръндза*, русск. *скугор*—слвц. *skuhrač*). Довольно большое число слов, обозначающих скупых, не имеют общепринятой этимологии — это относится прежде всего, кажется, к единственному в данной группе праславянскому слову общеславянского распространения *скупо́й* (*скупе́ц*, *скупердя́й* вят., *скупендя́* дон., *скупендя́й*, *скупердя́га*, *скупере́тина* арханг.), которое А. Брюкнер выводит из **skǫp-* < **skom-* с формантом *-p-* к *сколить*, *щемить*, а Е. Цупица сопоставляет с лит. *kum̃pas* 'кривой' [91]. Для данного слова характерно сочетание значений 'скупой' и 'скудный', в частности, в польском и русском языках. Ср. аналогичные: лат. *parcus* 'скупой' и 'скудный' [92], нем. *karg* 'скупой', 'скудный' [93], см. еще русск. *скуда́ться* 'нуждаться, жить в скудости' и 'скупиться, прижиматься деньгами' [94].

Несомненно, что широкое и полное обследование лексического материала русских говоров и материалов других славянских языков будет содействовать более тщательному и глубокому изучению моделей слов данной группы.

---

[91] Фасмер IV (рукопись).

[92] «Латинско-русский словарь» под ред. С. И. Соболевского. М., 1949, стр. 631.

[93] «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1964, стр. 480.

[94] Даль[2] IV, стр. 212.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

5. *Артачиться*

Это слово в современном русском языке известно в значениях: 'не повиноваться', 'упрямиться', 'упорствовать' [1]. В памятниках древнерусской письменности до XVIII в., если судить по данным словарей и картотеки древнерусского словаря (ДРС), оно не зафиксировано. В Словаре Академии Российской (ч. V, 1794 г.) интересущее нас слово находим в гнезде *Ротъ* без начального *а*: «*Ртачуся*, зартачился, ртачиться. . ., говоря о лошадях: упрямлюсь. *Ртачливый* — упрямый» (стб. 196). Словарь церковно-славянского и русского языка (СПб., 1847 г.) фиксирует: «*Артачиться* 'упрямиться; ртачиться'. *Лошадь зартачилась*» (т. I, изд. 2, стб. 26). В этом словаре имеется *ртаченье*, *ртачиться* 'упрямиться'; *ртачливый* 'упрямый' (т. IV, стб. 152). В. Даль, так же как и Словарь Академии Российской, в гнездо *Рот* вкючил: «*Ртачиться* начально о лошади: упрямиться, не слушаться вожжей, удил. *Ртачить* коня, изноравливать, спортить его обхождением, *ртаченье*, *ртачка* действие по глаголу; *ртачливый*».[2] Однако начиная с 3-го издания И. А. Бодуэн-де-Куртенэ из гнезда *Ротъ* вывел слова *ртачиться*, *ртачить* и др. и привел их в отдельной статье под заголовочным: *Ртачиться* [*арта́читься* тат. арт, артак-] [3]. Даль приводит и *нартачить* лошадь 'изноровить, портить дурной выездкой, сделать *ртачливой*', *(нартачить)ся*, *портачиться* вдоволь [4]. *Нартиться* 'упрямиться'. *Конь нартитца везь на гору*, — зафиксировал В. Добровольский. У него же: *нарт* 'дерзец, упрямец, нахал' [5]. У него же имеется статья: *Артачиться*, но в значениях 'спорить', 'громко протест выразить' [6].

Из приведенных данных становится ясным, что в глаголе *артачиться* начальное *а*, как и в диалектных *аржаной*, *альняной*

---

[1] Ушаков I, стб. 59; «Словарь современного русского литературного языка», I. М.—Л., 1948, стб. 190 сл.; «Словарь русского языка», I. М., 1957, стб. 42.
[2] Даль[2] IV, стр. 105.
[3] Даль[4] III, стб. 1725.
[4] Даль[2] II, стр. 462.
[5] Добровольский, стр. 459.
[6] Там же, стр. 14.

и т. п., протетическое. В диалектах встречаются еще формы *ортачиться* [7], *ирmачиться* [8] в тех же значениях, что и *артачиться*. Все это свидетельствует о том, что в прошлом существовала форма *rъtačiti*, *-sę*. При этом ясно, что *rъtačiti*, образованное от *rъtačь*, является отыменным глаголом. *Rъtačь* относится к образованиям типа *тъкачь* от *тъкати*, *ръвачь* от *ръвати*, *мигачь* от *мигати* и т. д. Наличие смол. *нартиться* свидетельствует о наличии в прошлом в древнерусском языке глагода *ръmати*, *ръmиmи*. Прилагательное *ртачливый* в значении 'склонный к упрямству, упорству' также показывает, что данная форма, как и *ворчливый*, *кичливый*, *стыдливый* и т. п. образована от основы имени глагольного происхождения.

Рассуждая о протетическом *а*, А. А. Шахматов писал: «Быть может, сюда же относится северо- и южно-влкр. *артачиться* (*артачливый*. Олон. Пенз. Тамб., *Оп.*, *артачина* Пск. и Осташ., *Доп.*, *заартачиться*. Енис. Углич. Ярсл., Щигр. и др., *Слов. Акад.*, *заартачка*. Вологд. там же), ср. *ртачиться*, *ртачливый*, *ртачка* у *Даля*, а также словен. *rtač* в значении 'багор', ср. *r̀t* (из *rъtъ*) в значении 'острие', а также интересное в семасиологическом отношении *заартачить* — 'задеть, зацепить' (Енис. *Слов. Акад.*)» [9]. Говоря иначе, А. А. Шахматов все приведенные формы возводил к образованиям от корня *rъt-*, чего до него никто не делал. Так Н. Горяев *артачиться* относил к группе ц.-слав. ритать, рытать, словен. *ritnoti*, *ritati* 'брыкать', болг. *ритна* 'лягать', серб. *ритити*, *ритати се* 'лягаться' [10]. А. Преображенский этимологию *артачиться* признал неясной, заметив, что «в народной этимологии относят к *рот*, относительно значения ср. *закусить удила*, *тугоуздый* (*конь*)» [11]. М. Фасмер ограничился замечанием: «Wohl zu *рот* Mund» [12]. Всех дальше пошел «Этимологический словарь русского языка», издаваемый Московским университетом, где читаем: «*Артачиться*. Собственно русское. В рус. литер. яз. пришло в первой половине XIX в. из южнорусских говоров. По КССРЛЯ впервые отмечается в «Эльсе» В. Ф. Одоевского 1841 г. *Артачиться*<*ортачиться* — в результате закрепления аканья на письме. *Ортачиться* представляет собой переоформление *ртачиться* того же типа, что *оржаной* из *ржаной* и т. д. *Ртачиться*, в диалектах еще известное, является возвратной формой к *ртачить* (Даль 1880, IV, 105), производного от *рот* (см.), и аналогично по словообразовательной структуре глаголу *судачить*

---

[7] Даль[4] III, стб. 1725.

[8] Добровольский, стр. 14.

[9] А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. — «Изв. ОРЯС» VIII, 1, 1903, стр. 351.

[10] Горяев, стр. 302.

[11] Преображенский II, стр. 218.

[12] Vasmer II, стр. 541.

(см. Кр. ЭС, 24). Ср. *оброть*. Как родственное сущ. *рот* слово *артачиться* толкуется уже у Грота (САН 1891, I, 69)» [13].

Сближение по словообразовательной структуре *судачить* и и *ртачить* едва ли верно. Дело в том, что *судачить*, по всей видимости, восходит к образованию от заимствованного из пол. *sędziak* 'судья', 'чиновник высшего ранга' [14], откуда укр. *судяк* 'мировой судья' [15], а также в ст.-русск. *судякъ*, ср.: Ово же когда зѣло древен сталъ амиръ, а нового *судяка на* его мѣсто послано. . ., перевод польского a nowego *sędziaka* na jego miejsce posłano [16]. Отсюда русск. диал. *судьячить* (контаминация с *судья*) 'пенять, жаловаться' [17] и *судачить* (арх.) 'пенять, жаловаться, нарекать' [18]. Надо полагать, что по типу *колпак — колпачить*, *рыбак — рабачить*, *чудак — чудачить* и т. д. *судак — судьячить* преобразовалось в *судачить*, тогда как *рътачь — ръточити* — совсем другого типа образование.

Итак, наличие общеслав. *rъt-* с первичным значением 'острый', 'клюв' не подлежит сомнению, что подтверждается словен. *rt*, *ŕta* 'острый конец чего либо', также 'мыс', *rtina* 'макушка горы', *rtič* 'мыс, мысик' [19]; с.-хорв. *rt* 'острие', *rtač* 'долото, долбило'; болг. *рът* 'холм, бугор, гора' [20] и т. д. Кажется, и др.-русск. *рыть* < **rъ̄tь* 'копыто' от того же корня *rъt=*: *rъt-a-ti* > **rъ̄t-* > *rytь* в примере: Осьлъ меча *рытьми* — в переводе греч. λακτίζω 'бить копытами', 'лягать' [21]. Кстати, словен. *ritnoti*, *ritati* 'брыкать', 'лягать, -ся'; болг. *ритна* 'лягать', с.-хорв. *ritati se*, *ritnuti se* 'лягаться' и т. д., очевидно, — отыменные глаголы, образованные от *rit*<*rytь* 'копыто'. Поскольку первоначально *артачиться*<*ртачиться* употреблялось по отношению к лошади 'упрямиться', собственно, 'упираться', 'не идти вперед', то вполне вероятно, что здесь образование от *rъt-* в значении 'острое' или 'копыто', которыми упирается лошадь. От *rъtъ* образовано *rъtačь*, а от последнего — *rъtačiti*. В подтверждение сказанного можно сослаться на позднее образование от *копыто — копытить* 'бить, топтать копытами', *копытиться* 'упрямиться,

---

[13] «Этимологический словарь русского языка», т. I. А. Изд. МГУ, 1963, стр. 146 сл.

[14] Linde V, стр. 236; Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki VI, стр. 78.

[15] Гринченко IV, стр. 227.

[16] Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 гг. Приложение к т. XV Известий Русского географического общества. СПб., 1879, стр. 105. — Материал ДРС.

[17] Е. В. Барсов. Причитания северного края, ч. 1. М., 1872. См. приложение. Словарь.

[18] Подвысоцкий, стр. 167.

[19] Хостник, стр. 265; Kotnik, стр. 449.

[20] Jurančič, стр. 819; Miklosich, стр. 285; Vasmer II, стр. 539; «Речник на съвременния български книжовен език», III. София, 1959, стр. 132.

[21] Срезневский III, стб. 212.

упорствовать' [22]. Сибирское енисейское *зартачить* 'задеть, зацепить' также подкрепляет, что и в русском языке корень *rъt-* означало 'что-то острое'.

Таким образом, совр. *рот* из *rъtъ* 'отверстие между губами' по значению вторичное, по всей видимости, образовавшееся из *rъtъ* 'клюв'. Объяснять же *ртачити, ртити*<*rъtačiti, rъtiti* из значения 'клевать' или из *рот* <*rъtъ* 'отверстие между губами' было бы неосновательно. Говоря иначе, думаем, что *ртачить, -ся* из древнего *rъt-*, *rъtač-* в значении 'острие', а также 'копыто'.

6. Ст.-слав. соуе

Данное наречие не привлекало внимания исследователей, видимо, потому, что оно считается исконно родственным с др.-инд. *çūnam* 'пустота', *çūnyas* 'пустой', др.-иран. *a-sūna* 'без недостатка', лат. *cavus* 'пустой, полый, выдолбленный' и т. д.[23] Вполне понятно, что наречие, представляющее в корне общеиндоевропейское наследие, не нуждается в специальных объяснениях. Однако если присмотреться повнимательнее к данным памятников старославянской письменности, то бросается в глаза следующее: **соуе** закрепляется в языке лишь после присоединения к нему специальных славянских словообразовательных элементов **въ-**, **-ета**, **-ет-ьнъ**: **въсоуе, соуета, соуетьнъ**. Чем же объясняется это? Кроме того, возникает ряд других вопросов: как объяснить закономерность звуковых соответствий, например, между др.-инд. *çūnyas* и ст.-слав. **соуе** (поскольку в последнем вместо ожидаемого *syje* или *sǫje* находим *suje*)? Возможно ли вывести из значения 'пустота', 'пустой', 'выдолбленный' основное значение **соуе**, как увидим ниже, — 'ненастоящий, ложный'?

Данный очерк является попыткой ответить на эти вопросы. Бесспорна принадлежность наречия **соуе** памятникам старославянской письменности. Правда, в кратких апракосах оно не встречается, в евангелиях-тетрах оно зафиксировано всего два раза: Мф. XУ, 9 и Мк. VII, 7 в переводе греч. μάτην, и то только в цитате из Исаии XXIX, 13. В Зогр. Мф. XV, 9 читается так: **соуе же чьтѫтъ мѧ · оучаште оучениѣ заповѣди чскы** (л. 37); в Мар. **въсоуе же чьтѫтъ мѧ · оучаще оучениѣ заповѣдеи члвчскъ** (л. 16), греч. μάτην δὲ σέβονταί με διδάσκοντες διδασκαλίας ἐντάλματα ἀνθρώπων. Мк. VII, 7 повторяет тот же самый текст Мф. XV, 9, в котором в обоих списках (Зогр. и Мар.) читается одинаково: **въсоуе** и **заповѣди ччскъ** (в Мар. **члвѣческъ**).

---

[22] Даль[4] II, стб. 407.

[23] Преображенский III, стр. 414 сл.; Vasmer III, стр. 41. В приведенных книгах ссылка на всю существующую литературу, касающуюся этимологии соуе.

В приведенном греческом тексте διδασκαλίας и ἐντάλματα — однородные члены предложения, в латинском они разделены союзом, ср. sine causa (Мк, VII, 7: in vanum autem) colunt me, docentes doctrinas et mandata (Мк. VII, 7: praecepta) hominum [24]. По смыслу в приведенной греческой цитате предполагается διδάσκοντες διδασκαλίας (τῶν εὐαγγελίων), ἐντάλματα ἀνθρώπων [25].

Таким образом, только в Зогр. Мф. XV, 9 представлены в точном дословном переводе греческий текст (нет нужды говорить тут специально о том, что греч. генитив ἀνθρώπων переведен прилагательным **чловѣчьскъ**, поскольку такой перевод является обычным). Мф. XV, 9 в Мар., Мк. VII, 7 в Зогр. и Мар. представляют переосмысление перевода, где второй однородный член превращен в определение в род. п. к первому однородному члену **оучениѣ**. В более поздних списках второй однородный член стали приводить в дат. п. мн. ч. — **заповѣдемъ**.

Поскольку текст Мф. XV, 9 в Зогр. обладает теми же в основном признаками дословного перевода, каким характеризуются тексты апракосов [26], у нас имеются основания этот текст считать первичным по переводу. В связи с этим употребление **соуе** в Мф. XV, 9 Зогр. без начального **въ** также следует относить к первичному употреблению этого наречия. Говоря иначе, первые переводчики знали наречие **соуе** без начального **въ** и, как видим, от него образовали сущ. **соуета**.

Также, но только один раз употреблено **соуе** без начального **въ** в Син. пс., ср. **соуе глаше:. срдце его собьра безаконенье себѣ** (XL, 7), греч. μάτην ἐλάλει ἡ καρδία αὐτοῦ συνήγαγεν ἀνομίαν ἑαυτῷ.

Соуе же чьтѫтъ ... и **соуе глаше** ... в приведенных контекстах можно понять только в значении ‘ложно’.

В остальных 13 примерах в Син. пс. наречие **соуе** встречается только с начальным **въ**, ср. **ті же въсоуе іскашѧ дшѧ моеѩ** (LXII, 10), ... εἰς μάτην ἐζήτησαν τὴν ψυχήν μου; **въсоуе троудишѧ сѧ зиждѫштеї** (CXXVI, 1), εἰς μάτην ἐκοπίασαν οἱ οἰκοδομοῦντες; **вьсоуе бьдѣ стрѣгѫї** (CXXVI, 2), εἰς μάτην ἠγρύπνησεν ὁ φυλάσσων; **да постыдѧтъ сѧ безаконьноуѭштеї въсоуе** (XXIV, 3), αἰσχυνθήτωσαν οἱ ἀνομοῦντες διὰ κενῆς. В приведенных примерах употребление **соуе** с начальным **въ**, как видно, объясняется дословным переводом греч. εἰς μάτην и διὰ κενῆς. В других примерах употребление **соуе** с начальным **въ** при соответствии ему в греч. μάτην или ματαίως без предлога, по всем данным, происходит по аналогии с теми примерами, в которых **въсоуе** является переводом

---

[24] Латинский и греческий тексты приведены по изд.: A. Merk. Novum Testamentum graece et latine, ed. IX. Romae, 1964, стр. 50 и 138.

[25] W. Bauer. Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments. Berlin, 1963, стб. 380.

[26] K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр. 265 сл.

греч. εἰς μάτην, ср. **въсоуе поносишѧ дши моеи** (XXIV, 7), μάτην ὠνείδισαν τὴν ψυχήν μου; **ты поразі вьсѧ вражьдуѭщѩѩ мнѣ всоуе** (III, 8), σὺ ἐπάταξας πάντας τοὺς ἐχθραίνοντάς μοι ματαίως и др.

В Син. тр. всего один раз встречается **въсоуе** (см. л. 74б, 13), и то в цитате пс. XXIV, 3 (текст см. выше). Также только один раз употреблено **въсоуе** в Клоц., ср. **гнѣвъ же дръжімъ вьсе въсоуе і ашютъ** (л. 9б, 16—17), μνησίκακοι δὴ ὦμεν, πάντα εἰκῇ καὶ μάτην. Как видно, здесь **въсоуе** на месте греч. εἰκῇ. В Супр. дважды встречается **вьсоуе**, ср. **не вьсоуе ни вътъште толикааго страданьꙗ · и многоуоумоу троуду продлъжити сѧ попоусти** (529, 6—8), греч. εἰς κενόν; **вьсоуе въсхотѣ отъ насъ писанью прѣдати** (544, 5—6), греч. соответствия нет.

Отметим, что в поздних списках памятников церковно-славянской письменности наблюдаются случаи замены **въсоуе** другими наречиями, как **бездобь, безоума**[27]. Даже в Супр. читаем: **бездобь молиши сѧ** (167, 4), греч. μάτην; **безѹма же чьтоуть ме** (Мф. XV, 9 Вук.)[28] и т. п.

В целом можно констатировать, что первоначальное наречие **соуе** в памятниках старославянской письменности под влиянием перевода греч. εἰς μάτην приняло форму **въсоуе**, по-видимому, более понятную читателям, и эта форма, став обычной, вытеснила из употребления первоначальную форму **соуе**.

От формы **соуи**, думаем, образовано существительное **соуета**, которое, если брать во внимание цитаты пс. LXXVII, 33 в Син. тр. (см. 62а, 22—24), встречается 6 раз в Син. пс., ср. **обаче въсоуе въсѣка соуета** (XXXVIII, 6), . . . τὰ σύμπατα ματαιότης (вар. ματαιότητος); **ѡтъврати очи моі да не видите соуеты** (CXVIII, 37), ἀπόστρεψον τοὺς ὀφθαλμούς μου τοῦ μὴ ἰδεῖν ματαιότητα; **и вьзможе соуетоѭ своеѭ** (LI, 9), καὶ ἐνεδυναμώθη ἐπὶ τῇ ματαιότητι αὐτοῦ **ї скончашѧ сѧ въ соуетѣ дьні ихъ** (LXXVII, 33), καὶ ἐξέλιπον ἐν ματαιότητι αἱ ἡμέραι αὐτῶν (см. еще LXI, 10—11).

В приведенных примерах **соуета** можно истолковать как 'тщета', 'бесполезность' и 'ложь' в LI, 9, если брать весь стих целиком, ср. **Се чвкъ іже не положі ба помощьніка себѣ: Нъ оупъва на множьство богатьства своего: И вьзможе соуетоѭ своеѭ.**

Гораздо в большем количестве встречается прилагательное **соуетьнъ**, которое в Син. пс. зафиксировано 10 раз, в Син. тр. — 5, в Клоц. — 4, в Супр. — 13. Приведем несколько примеров: **Вьскѫѭ любите соуетьнаа ї іщете лъжѩ** (Син. пс. IV, 3), ἵνα τί ἀγαπᾶτε ματαιότητα (вар. ματαιότητας) καὶ ζητεῖτε ψεῦδος; **Срдце іхъ соуетьно естъ** (Син. пс. V, 10), μάταιος; **гь съвѣстъ помы-**

---

[27] V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 396 сл.; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 20 сл.

[28] J. Врана. Вуканово еванђеље. Београд, 1967, стр. 193.

шлєнїѣ чл҃вча ѣко сѫтъ соуєтьна (Син. пс. XCIII, 11), κς҃ γινώσκει τοὺς διαλογισμοὺς τῶν ἀν῀ων ὅτι εἶναι μάταιοι; не сѣдъ съ сонъмомъ соуєтъномъ (Син. пс. XXV, 4), οὐκ ἐκάθισα μετὰ συνεδρίου ματαιότητος; Достоино оубо зъванью стѫпаи. ізбавлѣꙗ сѧ отъ соуєтъныхъ любьве (Син. тр. 90б, 22—24), ἀξίως λοιπὸν τῆς κλήσεως περιπάτησον, ἀπαλλάγηθι — (вар. ἀπαλλασσόμενος) τῆς τῶν ματαίων προσπαθείας; въ істінѫ людье пооучіша сѧ тъщетънымъ. і соуєтънымъ. потъкѫ сѧ въ акрогоние (Клоц. 12б, 18—20), ... μεμελέτηκαν κενὰ • κενὰ (вар. κενὰ καὶ μάταια)...; слоухъ бо соуєтьнъ сѫтъ. не прімешi чъто сѧ гл҃ѧ слоухъ соуєтьнъ сѫштъ. і соуєтьнъ і бесъвѣдѣтель (Клоц. 1б, 30—33), греч. нет; эта цитата из безымянной гомилии, по предположению Гривца, Вайана, Вашицы, Достала, сочиненной Мефодием[29]. Здесь соуєтьнъ можно толковать только как 'ложный'. В приведенных примерах из других памятников соуєтьнъ употреблен в том же или близком к нему значении. Приведем еще примеры из Супр.: не приємлѭ ти хвалы безаконьнѣꙗ. не сьвѣштаѭ сѧ къ соуєтнѣи твоеи вѣрѣ. не знаѭ твоѧ беаконнꙑѧ повѣди (510, 10—12), в греч. на месте соуєтьнъ μάταιος; не сьвѣштаѭ къ соуєтнѣи твоеи вѣрѣ возможно понять как 'к ненастоящей, ложной вере'; не могѫтъ вънинѫ и присно дръ(ж)ати вь се(бѣ) мѫчимаго. жрътиꙗ ради соуєтънꙑимъ богомъ (148, 29—30 — 149, 1—2), в греч. μάταιος; соуєтънꙑимъ богомъ следует понимать как 'ненастоящим, ложным'; би оубо боꙗти сѧ паче бога. и г҃а нашего ї҃соу х҃а паче сихъ рекомꙑихъ богъ иже соуєтьні сѫтъ (149, 5—8), греч. μάταιος. Значение соуєтьні то же, что и соуєтънꙑимъ в предыдущем примере, так как соуєтьні (бозі) — 'ненастоящие, ложные'; отъ соуєтънꙑихъ кнѧзь. рабъ бж҃иї сѫдъ приємлєтъ (103, 1—2), μάταιος в данном примере, видимо, следует понимать как 'безумный'; аште бꙑ вѣдѣлъ кнѧзъ силѫ распатааго. то оставилъ бꙑ коумиръскѫѩ соуєтънѫѩ льсть. и томоу сѧ покланꙗлъ (176, 1—4), ματαίος здесь воспринимается как 'бессмысленная, ненастоящая'; да вѣмъ имѧ господа нашего вьси сънове чловѣчьстии. а не соуєтънꙑими дѣлꙑ и льстьми прѣлиштаємъ сѧ (262, 25—27), соуєтънꙑими дѣлꙑ — 'бесполезные, пустые дела'; инаковъ. и сь маловрѣменьнааго сего житиꙗ соуєт'нааго отъвръгъ

---

[29] Fr. Grivec. Clozov-Kopitarev Glagolit v slovenski književnosti in zgodovini. — «Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani», I, 5. Ljubljana, 1947, стр. 348 — 408; A. Vaillant. Une homélie de Méthode. — RES, XXIII, 1947, стр. 34—37; J. Vašica. Anonymní homilie v rukopise Clozově — «Časopis pro moderní filologii» XXXIII, 1949, стр. 6—9; Он же. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyj ljudem». — «Byzantinoslavica», XII, 1951, стр. 154—178; Он же. Anonymní homilie rukopisu Clozova po stránce právní — «Slavia», XXV, 2. 1956, стр. 221 — 233; «Clozianus staroslověnský hlaholský sborník tridenský a innsbrucký». Praha, 1959, стр. 127 сл.

сѧ. живе нѣ въ коеи пештерѣ еї҃ лѣтъ (510, 8—10), **житиꙗ соуктʼнаго** — 'жизни пустой, вздорной', 'ненастоящей'; **затворита и** (Исакия. — *А. Л.*) **вь темници съ вьсѣкоѭ скрьбьѭ. и веригъı наложита на вънѭ кмоу. доньдеже обрашть сѧ оуморѧ и. по соукътьнѣѣмъ кго проречении** (195, 21—25), в греч. ἀναίδειος καὶ ἄκαιρος 'наглый и бестактный' или 'безумный'.

По всей видимости, значение 'безумный' развилось из значения 'ненастоящий', 'не подходящий под понятие обычно принятого'. Выводить значение 'безумный' из 'пустой' едва ли возможно.

В Син. пс. один раз зафиксировано **насоуе**, ср. **не прıѩтъ насоуе д҃шѧ своеѧ : · И не клѧтъ сѧ лестью искрънюмоу своемоу** (XXIII, 4), οὐκ ἔλαβεν ἐπὶ ματαίῳ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ... **Насоуе** представляет дословный перевод греч. ἐπὶ ματαίῳ, которое в приведенном примере можно понять 'бессмысленно'. Кроме этого, в Син. пс. читаем: **ї не прізьрѣ вь соуѣа.: і неистовленьѣ ложьнаа** (XXXIX, 5), καὶ οὐκ ἐπέβλεψεν εἰς ματαιότητας καὶ μανίας ψευδεῖς; **вь соуѣа** представляет, как видим, дословный перевод греч. εἰς ματαιότητας. **Соуѣа** предполагает существование формы имени **соуи** или **соуѣ**. Действительно, И. И. Срезневский приводит из пророков списка Упыря Лихого ряд примеров, в которых употреблены **сȣма, суіми, сун(х҃)** и др.[30] Кроме того, в 13 словах Григория Назианзина читаем: **и не прѣходити ни къ савелкевоу безбожьствоу. отъ соуꙗго кго раздѣлениꙗ. или съложениꙗ. и паче кдино вьсе** (л. 184г, 1—7). В другом месте уже как прилагательное: **соуꙗа слава** (194г, 7)[31].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в языке первых переводчиков были имя **соуи** или **соуѣ** и наречие **соуе**. Наречие **соуе** под влиянием перевода εἰς μάτην закрепилось в языке с начальным **въ**-. Имя же **соуи** или **соуѣ** по аналогии с формами **ништета, тъштета, клевета** приняло форму **соуета**, а от последнего образовано прилагательное **соуетьнъ**.

Таким образом, формы **соуи** или **соуѣ** оказались неустойчивыми, и они сохранились только после присоединения к ним -**ета**, -**ет-ьнъ** и **въ**-. Основным в семантике **соуи, соуе** как будто было 'ненастоящее, ложное', из которой нетрудно объяснить другие значения, как: 'впустую', 'вздорно, безумно' и т. п.

Др.-инд. *çūnyas*, лат. *cavus* и др., с которыми, как отметили, сближают ст.-слав. **соуи, соуе**, не имеют значения 'ложный, ненастоящий', они связаны с понятием 'полый, пустой, выдолбленный'. Таким образом, с точки зрения семантической генетическая связь **соуи, соуе** с приведенными индоевропейскими соответствиями проблематична. С точки же зрения звуковой только

---

[30] Срезневский III, стб. 613 сл.

[31] Цит. по рукописи, хранящейся под шифром Q. п I, № 16 в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

с натяжкой можно сближать др.-инд. *çūnyas* и ст.-слав. **соуи**. Для такого сближения требуются доказательства, что *n* — детерминатив, а что в корне слова рядом с *ū* было и *u*. Помимо этого, следует показать, что лат. *kau-* чередовалось с *k'eu-*. Говоря иначе, показатели того, что ст.-слав. **соуи** исконно родственно с др.-инд. *çūnyas*, лат. *cavus* и т. д., требуют более убедительного обоснования.

По своему значению и употребительности ст.-слав. **соуи, соуе** были актуальными и необходимыми, но, как видно, они не входили ни в одну из существующих в языке групп имен и наречий. Этим следует объяснять, что **соуи** приняло форму **соуєта**, а **соуе** — **въсоуе**. Таким образом первая вошла в группу имен на **-єта**, а вторая — в группу наречий типа **въскорѣ, дъвое, велье** и т. п.

Все эти факты могут свидетельствовать о том, что здесь происходила ассимиляция **соуи, соуе** в системе языка памятников старославянской письменности. Такой процесс может переживать в основном только заимствованное слово.

Как бы ни казалось парадоксальным, ст.-слав. **соуи, соуе** в звучании и семантике совпадает с чуваш. *суе*, *суя* 'ложь', 'ложный', 'мнимый', в котором имеются и другие формы: *суеçĕ* 'лжец', *суй* 'лгать', букв. 'ври', *суеçтер* 'обманывай' и даже *Суйеçĕ* имя мужчины, *Суйеççи* фамильное прозвище и т. д.[32]

Чуваш. *суе*, *суя* одинаково употребительны как в низовых — ýкающих, так и в верховых — óкающих говорах. В подтверждение сказанному приведем несколько примеров из верховых окающих говоров: *Суеçĕ* (дер. Шербаши Моргаушского р-на Чувашской АССР); *Суйňа аки* Натёк пор, нимрен *суйňа* илтес çок (дер. Якейкино Советского р-на) 'Мнимая сестра (невеста. — *А. Л.*)[33] Надя ни от кого хулы не услышит'; *Суя аки* Улини, *суя* ятне илтесси кренке премёк çини мар (дер. Сеткасси Ядринского р-на) 'Мнимая сестра (невеста. — *А. Л.*) Ульяна, стать мнимой не равно тому, чтобы (от любимого) фунт пряников съесть'; çапла вырăс майрине пĕр пасартан *суйса* хăварнă (дер. Тип-Сирма Чебоксарского р-на) 'таким образом русскую женщину обманули на базаре' и т. п.[34] Правда, в окающих говорах встречается и произношение *соя*, *сой*, но оно, видимо, появилось и развилось под влиянием общей системы оканья. Приведенные примеры все относятся к дореволюционным записям, поэтому в них невозможно предусмотреть ни влияния литературного языка на верховые окающие говоры, ни тем более влияния низовых говоров на верховые непосредственно.

---

[32] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, XI. Чебоксары, 1936, стр. 160 сл.

[33] *Суя аки* — так называют сосватанную невесту, но от которой позже отказался жених.

[34] Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 160 сл.

Эти данные позволяют констатировать, что чуваш. *суе*, *суя* не явились из *сая* в результате перехода *а*>*у*. Чуваш. *сая* 'попусту, напрасно, зря' имеет соответствие во всех тюркских языках и является наследием общетюркского заимствования арабского (через персидский) zaj [35]. *Суя*, *суе*, по этим данным, существовало независимо от *сая* (последнее в указанном значении в чувашском языке не произносится как *суя*).

В. Г. Егоров в соответствие к чуваш. *суе*, *суя* приводит казах. *суайт* 'лгун, врун', алт. *саякчы* 'клеветник, ябедник', хакас. *чой* 'лжец, лгун' [36] и т. п. Едва ли подлежит сомнению то, что казах. *су-айт* букв. 'зло говорить' содержит араб. *su* 'зло', которое употребительно и в турецком языке в виде *sui* в словах: *suiahlâk* 'дурной, безнравственный' при *ahlâk* 'характер, нрав'; *suikàst* 'злой умысел' при *kast* 'намерение, умысел'; *suizan* 'дурное мнение' при *zan* 'мнение' и др.[37] Ясно, что *su* 'зло' и *суе*, *суя* 'ложь, мнимость' — не одно и то же. Что касается алт. *саякчы*, по-видимому, в корне оно восходит к др.-тюрк. *saj* 'прокалывать, пронзить' [38], посему и оно не может иметь отношения к чуваш. *суе*, *суя*.

Не исключено, что чуваш. *суе*, *суя* в основе *suj* является китайским *цзуй* 'грех, порок, вина', которое на тюркской почве зафиксировано в виде *suj* и *tsuj* [39]. Семантическое развитие 'грех', 'ошибка', 'вина', 'прегрешение', 'проступок'>'ненастоящее, ложное' вполне вероятно, а *-а* и *-е* могут быть аффиксами имени, восходящими к причастным образованиям и являющимися ныне непродуктивными [40]. Поскольку в чувашском языке фиксируется ряд китаизмов, некоторые из которых известны только в чувашском, вроде: чуваш. *тан* 'наледь,' 'вода, выступившая из-под льда', кит. *д'ан* 'река'; чуваш. *çын* 'человек', кит. *žen'*, *šen'* [41] и т. п., то вероятно и заимствование *цзуй* в значении 'ненастоящее, ложь'.

Поскольку в памятниках старославянской письменности обнаруживается ряд слов, этимология которых объяснима, если привлечь данные чувашского языка, как **коумирь**, **-ръ**[42]; **кънигы — кънигъчии**[43]; **печать—печатьлѣти**[44] и др., то не исключено также,

---

[35] В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 180.

[36] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 192.

[37] «Турецко-русский словарь». М., 1931, стр. 940 сл.

[38] «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 481.

[39] Там же, стр. 513 и 583.

[40] И. П. Павлов. Современный чувашский литературный язык. Морфология. Чебоксары, 1965, стр. 63 (на чуваш. яз.).

[41] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 225, 229.

[42] А. С. Львов. К этимологии ст.-слав. коумирь, -ръ εἴδωλον. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 189 сл.

[43] А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 153—168. — К имеющимся в указанном труде доводам в пользу передачи армянского *k'nik* булгарами в старославянский необходимо добавить еще следующее: В. И. Абаев фиксирует в осетинском

что и ст.-слав. соуге относится к группе этих слов. По крайней мере, предложенная этимология не имеет таких семантических и фонетических натяжек, какие вытекают при возведении соуге к индоевропейскому источнику. Кроме того, процесс ассимиляции слова соуги или соугѣ и соуге в языке памятников старо-славянской письменности является все-таки фактом, свидетельствующим о неславянском происхождении слова.

Сокращения

Зогр.	Зографское евангелие. Изд. В. Ягича. Berolini, 1879.
Клоц.	Clozianus staroslověnský hlaholský sborník tridenský a innsbruský. Praha, 1959.
Мар.	Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Изд. И. В. Ягича. СПб., 1883.
Син. пс.	Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Изд. С. Северьянова. Пг., 1922.
Син. тр.	Euchologium sinaiticum. По изд.: J. Frček.— «Patrologia orientalis», t. XXIV, fasc. 5, t. XXV, fasc. 3. Paris, 1933 и 1939; R. Nahtigal. I и II del. Ljubljana, 1941 и 1942.
Супр.	Супрасльская рукопись. Изд. С. Северьянова. СПб., 1904.

Корректурное примечание

В результате тщательных разысканий автор пришел к выводу, что возведение ст.-слав. кънигы к арм. *k'nik* ошибочно как со стороны фонетической, так и сематической, и что указанное ст.-слав. слово восходит к тюрко-булгарскому **kьniγь* <**kün'i-γь*, а последнее к кит. *küen küyœn* 'свиток книжный'. Доводы в пользу высказанного будут изложены в работе «Этимология ст.-слав. кънигы — кънигъчии».

слово *kīnyg/kinugœ*, *kiẘnugœ*, 'книга, письмо'; *kīnug zonum* 'уметь читать'; 'надпись' и др., т. е. в тех же значениях, что и кънигы в памятниках ст.-слав. письменности. Далее он пишет: «Неотделимо от русск. *книга* (ст.-слав. кънига). Последнее, всего вернее, — из арм. *k'nik* 'печать' (см. Berneker, 664). Осетинское слово следует рассматривать как старое заимствование из русского *кънига*, к которому оно ближе по форме и значению, чем к арм. *k'nik*. Для объяснения звуковой формы осетинского слова следует допустить метатезу гласных **kuniga* ← **kinuga*; ср. колебание *mystūlæg* и *mustælæg* 'ласка' (животное). — Абаев I, стр. 596 сл. Заметим, что в русском кънигы является церковнославянизмом, причем оно не было таким полисемантичным, каким являлось в старославянском; кроме того, древне-русский язык в значении 'письмо', 'послание', 'расписка' и т. д. употреблял слово *грамота*, являющееся изустным заимствованием из греческого (А. С. Львов. К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. «Исследование источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 88—103). Словом, по фонетическим и семантическим признакам осет. *kinug/kinugœ* <**kunig/*kunigœ* и ст.-слав. кънигы восходят к одному источнику. Таким источником, как отметили в названной выше нашей книге, является булгарская передача арм. *k'nik*. При этом осет. *kinugœ* < **kənigä* удивительно совпадает с чуваш. *kĕneke* [k'ən'əg'ä].

[44] А. С. Львов. Старославянское печать-печатьлѣти. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. Изд. МГУ, 1962, стр. 93—103.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЯ *ПОД МИКИТКИ*

Слово *микитки* с пометой «просторечное» в значении 'место в нижней части груди под ребрами; подвздошье' представлено в современных словарях литературного языка только в выражениях *под микитки* (ударить, толкнуть): [пономарь] ударил дьячка *под микитки*, что вызвало всеобщий смех (Решетн. Ставленник); и *под микитками*: У мужика зачесалось в бороде, зачесалось *под микитками* (А. Н. Толстой 18 г.) (здесь, впрочем, возможно значение 'подмышки') [1].

У Даля дается еще, кроме того, значение 'пах': *мики́тки* (*-ток*) ж. мн. *никитки* 'пах, подвздошье, подреберье': Ударил *под микитки* [2]. Также см. на *никитки*: *ники́тки* ж. мн. 'мяки́тки, бока, пахи': *Под никитки* его! [3]. У Добровольского в смоленских говорах находим *мики́тка*: Як ударіў *пад микитки*, ажно дух заняўся [4].

Ясно, что выражение *ударить, толкнуть пад микитки* можно истолковать как 'ударить в мягкое, слабое, незащищенное место', каким и являются такие части тела, как подвзошье, подреберье, пах. Ср. названия паха: ст.-чеш. *měkkota* (*měkota*), *y* f. 'пах' [5] (< **mę̨k-ota*), *měkkost'* 'пах' [6] (< **mę̨k-ostь*), наконец *měkkotina*, *měkotina*, *y* f. 'Schamseite, половые органы' [7] (< **mę̨k-otina*). К этому можно добавить еще названия частей тела с основой **mę̨k-*: русск. диал. (колым.) *мягки места* 'те части туловища, где пуля или копье может пройти, не задев за кость' [8], блр. *мя́кушек*, *-шка*, умен. слова *мя́куш* 'мягкая часть тела' [9], русск. диал. (олон.) *мягкочки* 'окунья икра' [10], ст.-польск. *mię̨kisz*, *-a* 'мочка уха' [11].

[1] «Словарь современного русского литературного языка», 6. М.—Л., 1957, стр. 971.
[2] Д а л ь[3] II, стб. 848.
[3] Там же, стб. 1417.
[4] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 410.
[5] J u n g m a n n II, стр. 418.
[6] K o t t I, стр. 998.
[7] J u n g m a n n II, стр. 418.
[8] Б о г о р а з, стр. 113.
[9] Н о с о в и ч, стр. 297.
[10] К у л и к о в с к и й, стр. 59.
[11] L i n d e III, стр. 78.

В памятниках русского языка XVIII в. встречаем слово *мякота*, возможно, означающее мягкую часть ноги (лошади): Лошади которые имеют пиедъ анкастеле то есть ноги зжаты в пятахъ отчего лошади хромаютъ в маршу ибо у таких лошедей копыто бывает продолговато и зело ниско в пете так что *на мякоте* принуждена ходить лошадь, а не на копыте и от того бывает храма (Рукопись о конских заводах в 74 главах. Из собр. В. Н. Перетца, № 23, XVIII в., 82 л.)[12].

Слово *мякотцѣ* (середина XVIII в.), возможно, означало мягкую часть пальца (подушечку?), хотя могло обозначать и кожу: . . . а на другой на лѣвой рукѣ, возле мизинецъ, перстъ обрѣзанъ съ исподи *мякотцы* кровь шла ж. (Акты Холмогорской и Устюжской еп., ч. I, 1500—1699 г., стр. 244/РИБ, т. 12/)[13].

Любопытную семантическую параллель к обозначениям мягких частей тела, в частности паха, обнаруживаем в славянских языках: ст.-чеш. *slabina, y* f., *slabiny* 'пах' (Udeřj ho *w slabinu*); 'слабая часть кожи'[14], польск. *słabizna* 'то же, место над пуповиной, подложечная область, половой орган'[15], с.-хорв. *слаби̏на (сла̏бина)* 'пах', *ilia* то же, *слабобочина* f. то же (Ударио га *у слабобочину*)[16], болг. *слабинѝ* ж. мн. 'пах'[17], болг. диал. (самок.) *сла̀бина* ж. 'бок'[18]. Ср. в нем. *Weiche* 'пах' при *weich* 'мягкий, нежный, кроткий'.

Приведенные выше примеры указывают на возможность реконструкции русск. просторечн. *микитки* как **tękytъky* pl., **tękytъka*, уменьшит. к **tękyta*; связав с праслав. **tękъkъjь*, слово можно расчленить как **tęk-yta* (ср. относительно суфф. *-yta* др.-русск. *волокита*, *молокита*[19] < **volk-yta*, **molk-yta*). Возможно, что архаическое **tękyta* первоначально употреблялось для обозначения мягкой части тела вообще, а не только паха, подреберья, подвздошья; на это, как нам кажется, указывает и русск. диал. (волог.) *мякитишки* (*-шек*) ж. 'женские груди'[20], (вариант) русск. диал. (яросл.) *макаташечки* то же[21].

Остается объяснить приведение в словарях слова именно в форме *микитки*; это, как представляется, всего лишь фиксация и́кающего литературного произношения вследствие утраты этимологических связей.

---

[12] Картотека ДРС.

[13] Там же.

[14] Jungmann IV, стр. 131.

[15] Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki VI, стр. 204.

[16] Караџић, стр. 711.

[17] Дювернуа VIII, стр. 2179.

[18] Иван. К. Шапкарев и Любомир Близнев. Речник на самоковския градски говор (=БД, кн. III, стр. 274).

[19] В словаре И. И. Срезневского («Index a tergo do materiałów do Słownika języka staroruskiego I. I. Sreznіewskiego». Warszawa, 1968, стр. 34) только два примера с этим суффиксом.

[20] Даль[3] II, стр. 975.

[21] Мельниченко, стр. 108.

Е. С. Отин

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

(К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* // *Битюг*)

1

Одним из загадочных имен в гидронимии Дона является название его левого притока *Битюг*. В. А. Никонов справедливо отмечает, что «научное исследование гидронима не начиналось» [1]. Научно не обоснована также и этимология омонимичного нарицательного имени, что затрудняет поиск топонимического этимона. Существующая в русском языке апеллативная параллель гидронима — название лошади-тяжеловоза — свидетельствует лишь о возможной связи между ними, ономасиологическая природа которой еще неясна. Характер этой связи может быть двояким — в зависимости от того, как решится вопрос о первичном звене в коррелятивной паре *Битюг* // *битюг*. Это отношение, во-первых, может быть представлено как процесс апеллативации гидронима, т. е. *Битюг*$_1$$\geqslant$*битюг*$_2$. В данном случае неизбежно встанет вопрос не только об этимологии собственного имени, но и о его апеллативном «субстрате», несущем информацию о природных свойствах объекта (обозначим этот неизвестный нам апеллативный предшественник собственного имени как *битюг*$_x$). Именно так (только без учета звена *битюг*$_x$) объясняется происхождение нарицательного имени *битюг* в большинстве работ, прямо или косвенно затрагивающих данный вопрос [2].

С другой стороны, возникновение коррелятивной пары могло явиться и результатом тононимизации абсолютного апеллатива —

---

[1] В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 56.

[2] Ср.: «Свое имя *битюги* получили от реки *Битюг*» (Ф. Унтербергер. Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей. Дерпт, 1854, стр. 97); «*Битюкские* лошади разведены Петром Великим по реке *Битюку*, от которой они и получили название» («Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В. Михалевич. СПб., 1862, стр. 222); «*Битюки* или *битюги* получили свое название от реки *Битюга*. . .» (Лошади (конские породы), д-ра Леонида Симонова и Ивана Мердера. Париж, 1895, стр. 72). На отгидронимическое происхождение наименования лошади указывают Даль (I², стр. 90), Горяев (стр. 18), Преображенский (стр. 27). Этой же точки зрения придерживаются Фасмер (I, стр. 169) и Н. М. Шанский («Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2. М., 1965, стр. 126).

названия лошади-тяжеловоза (*битюг*$_1$$\geqslant$*Битюг*$_2$). Ср. аналогичные названия «анимального» ряда: *Жеребец*, *Конь-колодезь*, *Бахмут*, *Бык* и т. д. В этом случае решение ономасиологической проблемы сводится к поиску удовлетворительной этиологии отмеченного перехода, а этимология апеллатива (*битюг*$_1$) вызывает лишь периферийный интерес, хотя и дает часто необходимую в подобных случаях дотопонимическую ретроспективу смыслового развития имени.

Оба возможных подхода к решению вопроса о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* // *Битюг* будут подробно рассмотрены ниже. Альтернативный характер предложенных ниже этимологий вызван проблематичностью этиологического критерия: одинаковая вероятность реализации разнохарактерных причин, или топонимических ситуаций, не позволяет безоговорочно опереться на одно из этимологических решений, не оговаривая его возможностью иного подхода. Сначала излагается более вероятная, с точки зрения автора, этимология гидронима и апеллатива, а затем уже допускаемое им другое толкование. Дальнейшее изучение гидронима, возможно, устранит часто неизбежный на начальном этапе плюрализм этимологических выводов относительно происхождения собственного имени (как, впрочем, и нарицательного).

2

Самая ранняя фиксация гидронима *Битюг* относится к XIV в. — в тексте «Хождения» Пимена в Царьград в 1389 г.: Таже минухомъ и Черленый Яръ рѣку, и *Бетюкъ* рѣку. . .[3] Ср. более поздние примеры: О побіеніи татаръ на *Бетюкѣ* (1450 г.)[4]; А ниже Икорца верст съ 60 пала въ Донъ рѣка *Бетюкъ*[5] и др. По памятникам наибольшее распространение получил вариант *Битюк* или *Бетюк* (соответственно форма прилагательного — *битюцкий*, ср. *Бетюцкая* вотчина — одна из откупных вотчин в южной части Воронежского края, существовавшая уже в 1615 г.[6] Эта форма — единственная в пространном описании долины р. Битюг, сделанном в 1685 г. И. Жолобовым[7]. Однако уже с начала XVIII в. все чаще появляется вариант *Битюг*, в котором конечное *г* — результат гиперкорректного замещения в косвенных падежах конечного *к*: *Битюк* // *Битюга* и т. д., что

[3] «Хождение Пименово во Царьград». — «Записки имп. Русского географического общества», кн. VI, 1852, стр. 61.

[4] «Полное собрание русских летописей», т. VIII. Воскресенская летопись по списку XVI в. СПб., 1859, стр. 123. В этом же списке отмечена форма косвенного падежа — на *Бетюковѣ рѣцѣ*, свидетельствующая о существовании в XVI в. также основы с суффиксальным распространением *-ов-* (если только здесь не флексия *-овѣ*, проникшая из другого типа склонения).

[5] «Книга Большому Чертежу», изд. 2. СПб., 1838, стр. 47.

[6] Л. Б. Вейсберг. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии, вып. I (XVI—XVIII вв.). Воронеж, 1890, стр. 31.

[7] ЦГАДА, ф. 210, Дела разных городов, ед. хр. 68, л. 75—121.

в дальнейшем привело к орфографическому выравниванию и в форме именительного падежа. Ср.: . . . послан на *Битюк*; но: по реке *Битюгу* (1708 г.), до *Битюга*, на *Битюге* и т. д.[8] В «Походном журнале» Петра I (1696 г.) встречается вариант *Метюк*: речка *Метюк* (в журнале 1698—1699 гг. — *Битюк*)[9].

В настоящее время общепринятой нормой считается написание гидронима в форме *Битюг* (соответствующее прилагательное — *битюжский*, ср. *Прибитюжский* край[10]).

Прежде чем перейти к рассмотрению названия, несколько слов о некоторых, на наш взгляд, существенных для номинации естественно-географических свойствах самого объекта. «В верхнем течении оба берега (Битюга. — *Е. О.*) имеют одинаковую высоту. От с. Мечетки до устья правый берег высокий и крутой, левый — более пологий и песчаный»[11]. Крутизна правого берега — одна из наиболее характерных особенностей реки, и эту реалию могло отразить ее название. Гидроним *Битюк*, по-видимому, представляет собой один из фонетических вариантов широко распространенного в тюркских языках прилагательного со значением 'высокий', образованного «от глагольной основы *пäдӱ- // бии- // бӱји- // бӱуй- // бөйү- // беди-* путем прибавления к ней аффикса *-к*»[12]. Особенно близки к нему архаичные формы *пäдӱк // бäдӱк* 'высокий, великий'[13]. На бо́льшую древность первой формы указывает и глухой начальный *п*, на месте которого современные тюркские языки имеют звонкий смычный (ср. еще соответствия *пäш//бäш* 'пять', *пои//бои* 'тело, туловище' и т. д.). Соответствие *д/т//й* внутри глагольной основы в тюркских языках свидетельствует

---

[8] Сб. документов «Булавинское восстание». М., 1935, стр. 190, 191, 310 и др.

[9] См.: «Походный журнал 1699 г.» СПб., 1853, стр. 2; «Походный журнал 1698—1699 гг.». СПб., 1910, стр. 2. — Не сохранился ли след этого произносительного варианта в этнографизме *митюк* 'войлочный потник у донских казаков'? (см.: В. Броневский. Описание донской земли, ч. III—IV. СПб., 1834, стр. 177; Даль² II, стр. 330).

[10] «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)». Воронеж, 1921, стр. 32. — Следует учесть и морфологическое варьирование основ прилагательных, образованных от гидронима и апеллатива. С одной стороны, *Битюцкий // Битюжский*, с другой — *битюговый — битюжий // битюковый — битючий* (у В. Маяковского).

[11] А. Ф. Самохин. Река Дон и ее притоки. Ростов, 1958, стр. 66. См. еще: «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В. Михалевич. СПб., 1862, стр. 32.

[12] Ф. Г. Исхаков. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 224.

[13] См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1623; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 369. Здесь же приводятся и другие суффиксальные распространения корня *бäдӱ-* 'возвышаться', 'увеличиваться', 'подниматься': *бäдӱклӱк* 'величие', *бäдӱт* 'возвышать' и т. д.

о различной степени приближения их к фонетической структуре трехзвучного древнетюркского корня — с *д/т* вместо *й* в исторически более поздних образованиях. Все это говорит об архаичности формы гидронима *Битюк*. Создателями его могли быть, по-видимому, обитавшие на Дону в IV—X вв. племена, говорившие на древних диалектах булгарской группы языков. Хотя в фонетической структуре хазарского языка, как одного из представителей западнохуннской ветви тюркских языков, и отразилось свойственное им замещение *д/т>й* (ср. сохранившееся хазарское собственное имя *Буйук<пäдÿк*) [14], однако в нем могла остаться частично обновленная древняя форма с переходом — через ряд промежуточных ступеней — глухого начального *п* в звонкий *б*, особенно, если этому сопутствовала какая-то смысловая дифференциация этих форм. Очень показательный в этом отношении пример приводит Н. А. Баскаков. «. . .Соответствие *р~з/с//д/т//й*, — пишет он, — характерно не только для разных групп языков, но и для хронологически различных слоев лексики одного и того же языка, ср., например, *айак* 'чаша' ('конечности', 'конец', 'нога' в других языках) и *адак* 'последний', 'последыш' — в алтайском языке (где чередуются *д—й*)» [15]. Срединный звук *д/т* вместо позднейшего *й* мог быть отголоском древнеалтайского фонетического состояния корня (известно, что появившиеся в степях Восточной Европы кочевники, перенявшие впоследствии этноним *хазары*, по происхождению были алтайскими тюрками).

О древнетюркском этносе на берегах Битюга свидетельствуют и встречавшиеся в прошлом веке на прибитюжских курганах каменные бабы, относящиеся к языческой эпохе, так как «учение Магомета не терпит никаких изображений» [16]. Гидроним *Битюк* (*Бетюк*) стал известен славянам, по-видимому, до второй волны колонизации Подонья — в период, когда восточнославянские племена среднего Дона контактировали с хазарами [17]. «Судя по архео-

---

[14] В настоящее время форма интересующего нас прилагательного с *д* сохраняется лишь в восточной ветви тюркских языков. Ср. тувинск. *бедик* (с озвонченным начальным *п*) в значении 'высокий'. Частичная консервация древнетюркского звукового облика гидронима (отсутствие замещения *д/т* > *й* при позднейшем озвончении начального *п*), по-видимому, вызвана, с одной стороны, известной автономией собственного имени по отношению к звуковым процессам в апеллативной лексике, а с другой стороны — все же возможностью непоследовательного и частичного отражения в ономастиконе этих перемен.

[15] Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 152.

[16] «Дон и его притоки». Воронеж, 1891 г., стр. 66 (перевод Л. Б. Вейнберга фрагментов книги И. Штукенберга «Hydrographie des Russischen Reiches»).

[17] Г. Е. Корнилов допускает древнебулгарское происхождение и таких гидронимов, как *Савала* (*Савал*, *Сувола*) и *Ворона* (оба в бассейне р. Хопер). Последнее название, по его мнению, «может быть результатом контаминации древнерусской формы от **vorna* с болг. **варан* (чуннск. *вар*, чуваш. *вар*,

логическим данным, — пишут исследовавшие вопрос о древнерусском населении Подонья археологи П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, — в VIII—X вв., когда хазарам удалось подчинить своей власти ряд русских племен. . . передовые хазарские укрепления почти непосредственно примыкали к землям славян. В бассейне Дона хазарские поселения известны от верховьев Донца, где находится известное Салтовское городище, на восток к Осколу и далее в направлении Маяцкого городища, расположенного на Дону при впадении в него Тихой Сосны — приблизительно в 75 км к югу от г. Воронежа (. . .). На Дону замечательное Маяцкое городище следует считать самым северным из известных здесь больших укрепленных пунктов, принадлежащим хазарам» [18]. Таким образом, восприемниками хазарской гидронимии Подонья могли быть прежде всего северяне и, очевидно, вятичи, которые, по мнению А. А. Шахматова, заселяли верхний Дон [19].

Гидроним *Битюк* не уникален. Один из главных истоков стекающей с Эльбруса реки Уллу-Хурзик (правого притока р. Уллу-Кам) носит название *Битюк-Тюбе* [20] (букв. 'высокая гора'). В связи с вышеизложенным заслуживает внимания наблюдение Г. К. Конкашпаева над употреблением в качестве номенклатурного термина казахского субстантивированного прилагательного *биик* 'высокий'. «Казахи, — отмечает он, — всякую возвышенность называют *биик*, независимо от ее размеров» [21]. Таким образом, можно сделать вывод об оронимической природе первичного собственного имени *Битюг*, которое затем, вследствие переноса по смежности, распространилось и на реку. О. Н. Трубачев в топонимии юга европейской части СССР приводит интересные факты более позднего отражения интересующего нас тюркского прилагательного — уже с замещением древних *д/т* на *й* и с семантическим сдвигом 'высокий'>'большой': название пригорода г. Кишинева *Буюканы*, особенно любопытен гидроним *Бык* (приток нижнего Днестра)<*büjük* 'большой' (продукт «народной этимологии») и его пр. приток *Буюканский* — вторичное и третичное молдавское (*-ан-*) и славянское (*-ск-*) суффиксальное дооформление тюркской

вазан) 'долина, река, дол' (Г. Е. Корнилов. Т'ил'э орман-Лисий лес. — «Изучение географических названий»=«Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 163.

[18] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л., 1948, стр. 7.

[19] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. — «Изв. Академии наук», 1907, стр. 715 сл.

[20] Н. А. Буш. Ледники Западного Кавказа. — «Записки имп. Русского географического общества по общей географии», т. XXXII, № 4. СПб., 1905, стр. 90.

[21] Г. К. Конкашпаев. Казахские народные географические термины. — «Изв. АН Казах. ССР», № 99. Серия географическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 10.

адъективной основы [22]. Выяснив этимологию и характер взаимоотношений первых двух элементов в формуле *битюг*$_x \geqslant$ *Битюг*$_1 \geqslant$ *битюг*$_2$, остановимся на условиях перехода собственного имени в нарицательное — апеллативации гидронима. Как уже отмечалось, многие исследователи уверенно пишут о возможности такого перехода. Недостает только фактов, подкрепляющих эту гипотезу. Вопрос заключается в том, может ли какое-либо существо, обитающее вблизи или внутри данного географического объекта, получить имя этого объекта без соответствующего суффиксального дооформления его (ср. овца *битюцкая*, *донской* рысак и т. д.). Примеров, подтверждающих такой ономасиологический узус, немного, но все они имеют доказательную силу. Так, на севере А. Грандилевским отмечена «многоименность» рыбы семги — в зависимости от места ее улова: *двина* (двинская), *кандалакша* (кандалакская), *мезень* (мезенская), *печера* (печерская), *кола* (кольская), *поньгама* (поньгамская), *умба* (умбская) [23]. В прошлом веке форель, вылавливаемая из реки Лошок, местными жителями аналогично именовалась *лошок* [24]. Ср. еще название рыбы семейства карповых—*амур* (или *белый*, реже — *черный амур*), распространенной в реке Амуре и его притоках и т. д.

В антропонимии известны случаи возникновения прозвищ, точно повторяющих форму топонима. Ср., например, в памятниках XVII—XVIII вв.: Иван *Самара* (1637 г.), Ивашка *Сал* (1647 г.), Андрей *Охтирка* (1745 г.), Иван *Бахмут* (1785 г.) и т. д. Все эти вторые личные имена — абсолютные тононимы в антропонимической функции — характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда они родом или откуда они пришли на новое поселение. С течением времени, став «главным членом в наименовании лица» [25] и утратив причинную зависимость, они преобразовались в фамилии (ср. распространенные в Северном Приазовье современные фамилии *Кальмус*, *Еланчик*, *Янчур*, *Ингул* и т. д.) или пополнили именослов данного языка уже ничем не детерминированными словами-этикетками, выбор которых определяется только личным вкусом и модой.

Носителем такого суффиксально непереоформленного, абсолютного топонима в антропонимической функции в редких случаях может быть и целый коллектив переселенцев. Ср. хутор *Хопры* (параллельная форма — *Хоперский*) в б. Черкасском округе, на правом берегу Мертвого Донца (сейчас — железнодорожная стан-

[22] О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 194 и 250.

[23] А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, СПб., 1907, стр. 267.

[24] А. Н. Минх. Замедведицкий край до р. Карамыша. — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. I, вып. 3. 1889, стр. 279.

[25] Г. Я. Симина. Фамилия и прозвище. —«Ономастика». М. 1969. стр. 30.

ция *Хопры*), который был основан в 1740 г. казаками, выходцами из Новохоперской крепости — «с Хопра»[25а]. В перечне фамилий первых переселенцев антропоним *Хопер* не значится. Он возникает как общее прозвище хуторян, данное им жителями соседних поселений. В данном случае типизирующее значение формы множественного числа антропонима совпало с топонимической функцией окончания *-ы* (*-и*). По-видимому, такого же происхождения и повторяющийся на Украине ойконим *Самары* (pl.): например, с. *Самары* — в Ратневском р-не Волынской обл., в Чернухинском и Шишацком р-нах Полтавской обл., с. *Самары-Ореховые* (*Самари-Оріхові*) — в Ратневском р-не Волынской обл. Ср. личное имя *Самара* (Иван *Самара* [25б]); уличная кличка *Самарí*, распространенная в с. Воскресенка Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (ее носители, вероятно, имели предка, переселившегося с берегов близкой *Самары*, или *Самари*). Ср. еще с. *Кременчуки* в Красилевском р-не Хмельницкой обл. (<антропоним *Кременчук*(*и*)<ойконим *Кременчук*).

Архаичная форма прилагательного *бäдӱк* отразилась и в тюркской антропонимии. В памятниках русского языка она встречается как имя крымских татар и ногайцев, языки которых в соответствующем апеллятиве отразили замещение *д*/*т*>*й* (ср. крымско-татарск. *буюк*, ногайск. *бийик*). Так, среди крымских татар, возвращенных великим князем московским послу Менгли-Гирея «Янчюрю дувану с товарищи» в 1515 г., был и татарин *Бетюк* [26]. Ср. еще: да, говорил государь, мне *Бетюка* (1516 г.); а с ним пристав мой *Бетюка* (1516 г.); посылает царь к Ивану *Бетюку*; и соромотил его в том *Бетюка* (1518 г.) [27]; да *Бетюком* зовут паробок мой (1516 г.) [28]. *Битяк* — мурза Адрахманов назван в тексте 1542 г. в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» в числе «людей крымских», пришедших «на Рязанские места», «к Николе Заразскому» [29]. Несомненно, в тюркском антропониме — в период его «молодости» — отразилось одно из значений прилагательного *пäдӱк* (‘высокий’, позже — ‘большой’ [30]), а не омонимичный гидроним. Сложнее решить вопрос об ономасиологических истоках антропонима *Битюк* (*Битяг*), носителями ко-

---

[25а] И. Сулин. Материалы к истории заселения Черкасского округа. Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. 8. Новочеркасск, 1908, стр. 197.

[25б] «Донские дела», I. СПб., 1893, стр. 551, 1637 г.

[26] «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией», т. 2, СПб., 1895, стр. 220.

[27] Там же, т. I. СПб., 1894, стр. 270, 273, 275.

[28] Там же, т. 2, стр. 301.

[29] «Полное собрание русских летописей», т. XXIX. М., 1965, стр. 43. Это же лицо упоминается и в Александрово-Невской летописи (Там же, стр. 143).

[30] См.: Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 218—219.

торого являются донские казаки. Так, например, в одной из челобитных 1644 г. приводится полное имя «донского казака Оксенка Васильева сына *Битюкова*» (в другом месте — Оксенка *Битюков*) [31], позволяющее реконструировать имя его отца — Василий *Битюк*. Ср. еще: донской казак, «отступник и еретик» *Битягов* [32], Демьян *Битяговский* — в писцовой книге Алексинского у. Тульской губ. за 1684—1685 гг. [33] и др. Антропоним *Битюг* (*Битяг*) мог быть заимствован казаками от татар или ногайцев (тюркский этнический элемент, как известно, играл весьма существенную роль в жизни казачества) или же явился результатом отмеченной выше тенденции к антропонимизации абсолютных топонимов. Кроме того, он мог возникнуть из клички — как следствие переносного употребления апеллатива с пейоративным значением [34].

3

Допускаемый выше ономасиологический сдвиг *битюг*$_1$ $\geqslant$ *Битюг*$_2$ помещает гидроним в «анимальный» ряд речных названий с непереоформленной апеллативной основой (*Жеребец*, *Бык*, *Бобр*, *Волк* и др.), точнее — в ту его разновидность, которая содержит названия со смысловой доминантой 'домашняя лошадь'. О возможной причине появления гидронимов типа *Конь* и их вторичных «синонимичных» распространителей нам уже приходилось писать раньше [35]. Сложившийся узус называния в бассейне

---

[31] «Донские дела», кн. 2. СПб., 1906, стр. 598, 601.

[32] См.: «История или Повествование о донских казаках, собранная и составленная чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана». — «Чтения ОИДР», № 4. М., 1846, стр. 136.

[33] «Труды Тульской ученой архивной комиссии», т. I. Тула, 1915, стр. 459.

[34] Такое употребление слова *битюг* (*битюк*) для обозначения угрюмого, неповоротливого или апатичного человека фиксируется в русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 303). Ср. аналогичное употребление (в рязанских и др. говорах) слова *аргамак* (по отношению к женщине — *аргамачиха*), приведшее к появлению фамилии *Аргамаковы* (М. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. — «Чтения ОИДР», № 3, М., 1846, стр. 38).

Редким случаем ономастической иррадиации следует признать название бота «Битюг», участвовавшего в боевых действиях русского флота против турок на Черном море (см. об этом в ордере князя Прозоровского капитану Карташеву от 5 апреля 1777 г., опубл. в кн.: Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма и донесения, т. I. СПб., 1885, стр. 531). О том, что перед нами перенос гидронима на созданный руками человека предмет, но не апеллатива с переносным значением 'сильное, выносливое существо', свидетельствуют другие названия кораблей, адекватные соответствующим гидронимам: бот «Миюс» (Там же, стр. 613), пакетбот «Битюг», бот «Хопер», бот «Елан» (Там же, т. IV, стр. 632, 692—693), пакетбот «Хопер» (Там же, т. II, стр. 690) и др., отразившие донской период строительства русского военно-морского флота при Петре I.

[35] См.: Е. С. Отин. К этимологии названий некоторых рек «анималистского» происхождения. — «Повідомлення Української ономастичної комісії», вип. 2. Київ, 1967, стр. 13—27.

Дона — использование наименований лошади в качестве речных названий как результат ложноэтимологического переосмысления славянами среднеиранского термина *kon* (*xon*) — мог совпасть с возникновением эндемичной породы домашней лошади в районе среднего Дона, в силу чего название этой лошади закрепляется за самой рекой. Что же это была за лошадь и какие были основания назвать ее таким именем?

Принято считать, что битюг возник в конце XVIII в. в результате скрещения местной породы лошадей с голландскими жеребцами, присланными на Дон Петром I (впоследствии, после образования Хреновского завода, эта порода была улучшена путем скрещения с орловскими жеребцами) [36]. Исчезнувшие сейчас битюги отличались высоким ростом — до 170 см в холке, т. е. приближались к самой высокой в XVIII в. упряжной лошади — неаполитанской (consieri), широко распространенной в этот период в России [37]. Легенда об участии Петра I в выведении данной породы лошадей упряжного типа не подтверждается документально [38]. Особенно показательно полное отсутствие в русской гиппологической литературе XVIII в. каких-либо упоминаний о голландских лошадях, якобы присланных Петром I на р. Битюг. Есть основания считать, что порода эта сложилась в данной местности задолго до Петровского времени, чему способствовали благоприятные природные условия Прибитюжья, главным образом его богатые пастбища. Именно здесь туземное население воспитало эту рослую лошадь тяжеловозного типа. Долина р. Битюг издавна, еще в эпоху бронзы, была «местом обитания оседлых земледельческо-скотоводческих племен»; это был район, охваченный «широкими межплеменными связями» [39]. «Благоприятные естественно-географические условия (леса и воды с обилием дичи и рыбы) в глубокой древности привлекали сюда людей, свидетельством чего являются многочисленные древние поселения и курганы» [40]. Памятники скиф-

---

[36] См.: Лошади (Конские породы), д-ра Л. Симонова и И. Мердера, стр. 72; «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)», стр. 30; П. Н. Кулешов. Рабочая лошадь. М., 1926, стр. 13; БСЭ, изд. 2, т. 5, стр. 263.

[37] В. О. Витт. Из истории русского коннозаводства. М., 1952, стр. 12.— Позднейшие скрещения битюков с другими тяжеловесными породами привели к их полному исчезновению. Уже в XIX в. под именем *битюков* (*битюгов*) были известны «только более облагороженные формы обыкновенной крестьянской породы: они рослее, голова у них суше, шея длиннее» и т. д. («Конская перепись 1882 года». СПб., 1884, стр. 22). В настоящее время словом *битюг* часто называют лошадей любых тяжеловесных пород. Ср. в современной корреспонденции из Канады: По узкой просеке движутся подводы с запряженными в них парами *битюгами* («Правда», 30 марта 1969 г.).

[38] М. И. Придорогин. Конские породы. М., 1928, стр. 236.

[39] Г. И. Корнюшин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). В кн.: П. Д. Либеров. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 188.

[40] Там же, стр. 174.

ского времени сменяются здесь материальными остатками поселений оседлых племен Боршевской культуры (VI—VII вв. н. э.), а затем и славянских селищ домонгольской эпохи [41].

Как показывают археологические раскопки, уже в глубокой древности Прибитюжье было районом интенсивного земледелия и скотоводства и, что для нас особенно важно, «ни в одном районе лесостепи западных областей в эту эпоху (раннего железа. — *Е. О.*) лошадь не составляла такого высокого процента в стаде домашних животных», как здесь [42].

Вполне закономерно, что выращенная в пойме р. Битюг рослая тяжеловесная лошадь получила имя, являющееся по происхождению субстантивированной формой архаического тюркского прилагательного, вначале выполнявшего роль дифференцирующего определения к общетюркскому слову *ат* 'лошадь' (ср. маньч. *тубїчак* 'крупная лошадь из западных областей'< <**топчак ат* 'арабская лошадь'; туркм. *чӧl атї* букв. 'степная лошадь', т. е. зебра; в памятниках древнетюркского письма: *тосун* 'норовистая молодая лошадь'<**тосун ат*, ср. *тосун* 'упрямый, норовистый' [43]; *taz at* букв. 'пегий конь' — у Махмута Кашгарского [44] и т. д. Тюркские языки изобилуют названиями лошадей, в основу которых положены их внешние признаки. Часть этих названий распространена повсеместно, другие представляют собой слабо распространенные локальные образования. Именно таким местным гиппологическим термином, по-видимому, было слово *битюк*, заимствованное позже славянами, еще в домонгольскую эпоху соседствовавшими на среднем Дону со скотоводческими тюркскими племенами [45]. Не исключено, что на протяжении какого-то времени это тюркское прилагательное — название воз-

---

[41] Там же, стр. 189; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (схема расположения памятников скифского времени в бассейне среднего Дона по сведениям на 1963 г.).

[42] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени. . ., стр. 33. — Очень примечательна в этом отношении приведенная на стр. 34 сводная таблица остеологического материала с городищ и поселений: после костей крупного рогатого скота второе место по числу находок занимают кости лошади.

[43] А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 83, 86.

[44] Ср.: *taz at tovarčy bołmas* 'пегий конь не годится для перевозки грузов, (B. Atalay. Divanü lugat-ït-türk, III, Ankara, 1943, стр. 149).

[45] Общеизвестна роль тюркско-монгольского элемента в формировании русской коневодческой терминологии. Ср. *бахмат* || *пахмат* || *бахмут* || *пахмут*; *мерин* < монг. *морь*, др.-монг. *morin*, калм. *mörin* 'конь' (см.: Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 209); *кляча* < др.-тюрк. *ïkïлач* 'быстроходная лошадь' (А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 86; здесь же возражение против этимологии А. Преображенского — из др.-русск. *клячати* 'падать на колени') и др. Ср. еще тюрские по происхождению названия конских мастей *каурый*, *буланый* и др., которых в прошлом было еще больше. Так, в одном из реестров 1749 г. мы находим неизвестные теперь обозначения: «отняли

никшей в данном районе высокорослой породы лошадей — имело прозрачный смысл для двуязычных индивидов.

Легший в основу номинации внешний признак битюков — их высокий рост — мог сыграть дифференцирующую роль на фоне невысоких тарпанов — широко распространенных вплоть до XVIII в. в донских степях диких лошадей (примерно 1,35 м высоты). Малорослые и средние по росту лошади (от 128 до 144 см), судя по остеологическому материалу, относящемуся к скифо-сарматской эпохе, были преобладающим типом лошадей «не только для Северного Причерноморья. . . но и для многих других территорий Восточной Европы как в раннем железном веке, так и в средневековье» [46]. Напротив, «лошадь из славянских городищ (верхнего и среднего Дона.— *Е. О.*) в среднем крупнее, метаподии и, особенно, фаланги пальцев у нее длиннее, что указывает на ее большую длинноногость» [47].

Таким образом, в ситуации *битюг*$_1 \geqslant$ *Битюг*$_2$ возникновение омонимичного гидронима следует рассматривать как частное проявление сложившейся в результате более ранних славяно-скифских языковых контактов ономасиологической тенденции к наименованию водных объектов словом *Конь* (из среднеиранского *kon* 'колодец; небольшая водная артерия') и его синонимичными распространителями (ср. другие гидронимы в бассейне Дона: *Конь-колодезь*, *Жеребец*, *Бахмут*.)

Это второе этимологическое решение вопроса о первичном звене в коррелятивной паре *битюг*//*Битюг* представляется нам менее вероятным, чем изложенное вначале, но допущение такого развития на данном этапе изучения гидронима не может быть полностью исключено. Поэтому оно рассматривается нами лишь в качестве «запасной» рабочей гипотезы, судьбу которой определят дальнейшие разыскания [48].

трехъ добрыхъ коней, одинъ шерсти сивой, второй *чактанъ*, третий *чапътанъ кашка*» (Д. И. Эварницкий. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб., 1888, стр. 33). Особенно много тюркизмов еще в прошлом веке отмечалось в языке конских барышников.

[46] В. И. Цалкин. Фауна Танаиса. — «Античные древности Подонья-Приазовья». М., 1969, стр. 282; см.: Он же. Домашние и дикие животные Северного Приазовья в эпоху раннего железа. — МИА, № 53, 1960.

[47] В. И. Громова. Остатки млекопитающих в раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа (статья опубликована в качестве приложения в кн.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л., 1948, стр. 119).

[48] Так, возможна и другая ономасиологическая ретроспектива топонима *Битюк*:

гидроним	*Битюг*
этноним	*битюг*
апеллативная стадия слова	*битюг* (универбиализировавшееся название коня) ↑ *битюг* (из терминологизировавшегося словосочетания *бäдÿк*//*пäдÿк* + *ат*) ↑ *битюг* (из *бäдÿк*//*пäдÿк* 'высокий, рослый')

В заключение заметим, что в ряде работ прошлого и начала нашего века содержатся попытки найти топонимический этимон названия *Битюг*, но основываются они на случайных звуковых сближениях с некоторыми омонимичными или паронимичными словами тюркских языков. Так, А. Щекатов производил гидроним от соответствующего «ногайского слова *бэтэк*» — 'письмо', 'написанное', 'надпись' [49]; В. Михалевич полагал, что *Битюк* — «название татарское, в русском переводе — 'вошь'» [50]. А. Орлов рассматривал гидроним в одном ряду с названиями, имеющими исходы *-га* и *-г* (*Выг*, *Юг*, *Кичуг*, *Буг*, *Свага*, *Идолга* и др.), не замечая их гетерогенного характера [51]. Все эти толкования не имеют научного значения и вызывают интерес лишь как ранние подступы к раскрытию этимологии гидронима.

В этой схеме новым является этнонимическое звено в развитии имени. Известно, что родо-племенные тюркские названия нередко возникали от названий коней, от их масти по признаку 'орда, имеющая коней той или иной масти' и т. д. (A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949, стр. 33). Поэтому гидроним *Битюг* мог возникнуть как следствие переноса на реку соответствующего этнонима (иррадиации этнонима).

[49] См.: «Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. Составлен по Географическому словарю Российского государства, изданному Львом Максимовичем и Афанасием Щекатовым». Тамбов, 1902, стр. 1.

[50] «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния», сост. В. Михалевич, стр. 32. Тюркизм *битюк* (*битобк*) 'вошь' известен и в некоторых русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 299, 303).

[51] А. Орлов. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907, стр. 6.

Г. Н. Лукина

НАЗВАНИЯ ТКАНЕЙ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XIV вв.

Название тканей — одна из интересных групп русской бытовой лексики XI—XIV вв. Она довольно пристально изучалась историками, которые традиционно выделяют в ней привозные ткани и ткани местного производства. В ряде работ отмечается, что у восточных славян рано возникло производство тканей из льняных, конопляных и шерстяных волокон. Цветные же ткани, особенно шелка, привозились из Византии, Азии и с Запада. Изучение торговли тканями, основывающееся на подробном технологическом анализе археологического материала[1], оказалось чрезвычайно полезным для исследования указанных реалий. Но сведения об этой категории терминов были бы неполными без учета материала письменных памятников, который мы находим в отрывочном виде уже в статье В. Ф. Ржиги [2], а в более полном виде в монографии А. Поппе [3], посвященной терминологии древнерусского текстильного производства. Окончание работы над картотекой нового Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. позволило сделать еще одну попытку представить материал ранних памятников, относящийся к данной группе слов.

Настоящая статья содержит исчерпывающие примеры [4] употребления названий тканей в древнерусских памятниках XI—XIV вв. Как будет видно ниже, набор исследуемых слов несколько отличается от соответствующих статей, представленных в книге А. Поппе. Чисто словарный принцип расположения материала заменен нами тематическим принципом: вначале рассматриваются льняные ткани, затем шерстяные и, наконец, шелковые, где наблюдается большее количество заимствований. Вопросы заимствования, актуальные для данной группы лексики, вызвали

---

[1] См., например: В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925; A. Nahlik. Tkaniny wełniane importowane i miejscowe Nowogrodu Wielkiego X—XV wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964.

[2] В. Ф. Ржига. О тканях домонгольской Руси. — «Byzantinoslavica», IV, 1932, стр. 399—417.

[3] A. Poppe. Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Wrocław—Warszawa — Kraków, 1965.

[4] За одним исключением — *паволока*.

и другой принцип классификации материала — по характеру памятников, где встретилось то или иное слово: оригинальный или переводный. В ряде случаев анализировались производные прилагательные, само наличие которых показывает степень освоенности заимствования, а также подтверждает наличие у производящего существительного того или иного значения.

Довольно обширной является подгруппа названий льняных тканей, представленная почти исключительно исконной лексикой. Правда, в берестяной грамоте в значении 'вид льняной ткани, полотно' встретилось название *хамъ*, которое М. Фасмер склонен считать словом финского происхождения[5]: *хаму* ·г҃· локти. Гр Б № 288, 10—30 гг. XIV.

Другим названием льняной ткани, холста, является слово *уновина*[6] (не упоминается в работе А. Поппе): давати... дѣтемъ по бѣлки ·г· и ·г· горсти лену. боранъ *уновину*. Гр Б № 136, XIV[7].

В оригинальных памятниках (смоленская грамота) наблюдается также слово *частина*: дати имъ княгини поставъ *частины*. Гр. 1229, сп. А; то же Гр 1229, сп. В; то же Гр 1229, сп. Д. Следует присоединиться к мнению В. Ф. Ржиги и А. Поппе, что под этим словом понимается не 'плотно вытканный холст'[8], а 'тонкое льняное полотно'.

Слово *тълстина* имело значение 'толстое полотно': и рк(о)ша Словенѣ. имемъся свои(м҃) *толъстинамъ* не даны суть Словѣно(м҃) пре кропиинныя. ЛИ ок. 1425, 12 об. (907). Наличие, правда, уже в переводном памятнике, прилагательного *тълстиньныи* подтверждает, что данное название служило не только для обозначения парусины, а вообще для обозначения грубого, дешевого, видимо, конопляного полотна[9]: оц҃и авва памво. ветъхи ризы ношаху сшивены много и *толъстиньны*. нынѣ же многоцѣньны носите. ПНЧ XIV, 101а.

Некоторые названия льняных тканей характерны как для оригинальных, так и для переводных памятников. К ним относятся слова *льнъ*, *полотьно-платьно*, *понява*, *поставъ*. Слово *льнъ* чаще всего наблюдается в значении 'вид растения, лён': а то кн҃же имати по ·в҃· векши о(т) лодье. и о(т) воза и о(т) *лну*

[5] V a s m e r III, стр. 229.

[6] Таково чтение данного слова А. В. Арциховским, который, однако, пишет: «Слово *оуновина* спорно: оно может быть вариантом слова *новина* (холстина), известного по русским этнографическим данным». — А. В. А р ц и х о в с к и й и В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 78.

[7] В берестяной грамоте XV в. в значении 'кусок холста' употреблено слово *узъчинъка*: озцинку [вм. оузцинку] выткала. Гр Б № 21, XV.

[8] «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 81.

[9] См.: М. И. Л е б е д е в а. Прядение и ткачество восточных славян. — «Восточнославянский этнографический сборник». Труды Института этнографии, новая серия, т. 31. М., 1956, стр. 466.

и о(т) хмелна короба. Гр 1264—1265 (1, новг.); обрѣтши || же *лну* весны творить блгопотребная рука[ма] да своима вла(д)еть. ЛЛ 1377, 25 об.—26 (980); и ·г· горсти *лену*. Гр Б № 136, XIV; нѣкоя бра(т)я хотяще ити в(ъ) вифаиду *льну* ра(д). ПНЧ XIV, 204 г.; въ вифаиду идуть *льну* ра(д). Там же, 204 г.; Се азъ князь Мьстиславъ... уставляю ловчее... по двѣ овцѣ а по пятидцать десяткъвъ *лну*. ЛИ ок. 1425, 306 (1289). Только в единичном примере *льнъ* имеет значение 'льняная ткань': мы же уродьствуе(м) себе одежею мяккою и ткуще ю. и иже *лну* и червлени въздушными тканьи. ГБ XIV, 99б. Встретился также случай употребления данного слова в значении 'одежда из льняной ткани': мы же пло(т) свою питае(м) и *лномь* и шелкы одѣвае(м). ГБ XIV, 99б.

Производное прилагательное *льняныи* наблюдается в значении 'относящийся к льну': помысли строитель црквьныи въ сѣмени *льнянѣмь* избити масла. ЖФП XII, 53а; о(т) воза имати по ·в· векши. и о(т) лодье. и о(т) хмѣлна короба. и *о(т) лняна*. Гр 1270 (новг.) и др. Но в ряде случаев данное слово имеет значение 'сделанный из льняной ткани': Никто же убо о(т) мнихъ *въ льняну*. или въ каку любо да облѣчеться одежю. УСт XII/XIII, 223; достоить бо имъ въ лняныхъ мѣсто тъкании. тълстыми клобукы покрыватися и тѣмь тѣхъ потрѣбу испълняти а не въкупь съ мирьскыми ходити. *льнянаго* ради хожения. Там же, 224 об.; съвлекохъ все и *льяного* [в др. сп. — лняного] срачицьна не оставихъ. ПрЛ XIII, 144б.

Общим для всех славян обозначением льняной ткани является **poltьno*. В этом значении наблюдается и собственно древнерусский вариант *полотьно*: и *полотна* тонка и мякка не искати. КР 1284, 196в; и се чорноризца. повѣле ми устроити *полотно*. Пр 1383, 78б; ре(ч) же четвертому и ты что дѣлаеши. онъ же ре(ч) *полотна* тку. ПНЧ XIV, 144 об. б; аще видить кто кого продающа *полотна*. глть. се придоша купци из мира. Там же. С данным значением связано употребление прилагательного *полотьныи*: филофии же купець *полотныи* предасть же сна своего старѣишаго еустафия на ученье грамотѣ. ПрЮр XIV, 143а. Прилагательное *полотьняныи* имеет значение 'сделанный из полотна': коиждо днь приходи(т) свое принося омрачение о(т) носящаго боръ [вм. багоръ] и вѣнецъ. и до носящаго *полотняны* рубы. Пр 1383, 84г.

Старославянский по происхождению неполногласный вариант *платьно* также встречается в значении 'льняная ткань': чьрноризьць... сътяжалъ имѣния мало. бѣ бо *платьна* дѣлая. ЖФП XII, 50а; черноризець же нача даяти наставнику нѣчто о(т) имѣнья своего бѣ дѣлая *платна*. ПрП XIV—XV, 103б. Иногда данное

слово имеет значение 'кусок ткани': о семь убо увѣдевъ диоклитиянъ, и убоявся на лице привести. да како о(т) него обличенъ будет. повѣсивъ *платьно* [в др. сп. — платъ] бѣсѣдова с нимъ. Пр н. XIV, 60б; в палести(нѣ). двѣ *платьнѣ* сложьше тако тъкуть ризы. ПНЧ XIV, 101а. В ряде случаев наблюдается специализированное значение 'богослужебный плат, воздýх': не подобаеть убо ни воска. ни масла взя(т) о(т) цр(к)ве ни иного каковаго съсуда ни *платна*. КР 1284, 48б; то же КВ к. XIV, 29б. И, наконец, в единичном примере *платьно* обозначает 'вид одежды': презрѣ батьство и славу. и члвч(с)кую ч(с)ть. сложи вѣнець и багряницу. *платна* паучины хужща сия вмѣнивъ. ЖВИ XIV—XV, 128а.

В значении 'кусок полотна, полотенце' в ранних памятниках употребляется слово *понява*: тогда простьреть *поняву* и начятъ глати имъ. ПС XI, 153; и възьмъ *поняву* прѣпоясася. УСт XII/XIII, 29 об.; игуменъ прѣпояшеться *понявою* вьрху ризъ свои(х). Там же; и излѣзъшю ему ис теплица. *понявы* прида и все послужение свьрши ему. Пр 1383, 145в; *понявою* ся препоясае(т). и умывае(т) нозѣ учнкомъ. ГБ XIV, 74г; *понявою* препоясавъ ся не презрѣ ногы учнкмъ умыти. Там же, 158в; и отираше струпы ея *понявами* ч(с)тами. ПрЮр XIV, 100г. В нескольких случаях указанное существительное имеет значение 'пелена, завеса': Съсудъ златъ. ли сребрьнъ освщенъ бывъшь. ли *поняву*... никто же на свою потребу да не освоить. КЕ XII, 19а; не подобаеть убо ни воску ни масла взяти о(т) цркви. ни иного каковаго съсуда. ни завѣсы ни *понявы*. КВ к. XIV, 29б; аще бо бездушна вещь съсудъ или *понява* осщна бу... возмыи на свою потребу осуженъ есть о(т) ба. Там же, 326б. Для данного слова характерно, кроме того, значение 'одежда из полотна (главным образом погребальная)': азъ... вълѣзохъ || въ гробъ и съвлѣкохъ и... оставивъ на немь. одину тъчию *поняву*. ПС XI, 51 об. — 52; възьми и *поняву* его. яко красьна есть. Там же, 52; съвлѣкохъ *поневу* съ него. да и быхъ нага оставилъ. Там же; тѣло убо не обрѣте ся. ...*понявы* же едины обрѣтоша ся. Пр 1383, 142б.

Синонимичное существительное *понявица* (уменьшительное по происхождению) также употребляется в значении 'кусок полотна': *понявицею* препоясает ся. и умываеть ногы учнкмъ. ГБ XIV, 10б; ащо кто обиеть е [камение] *понявицею*. и держить надъ огне(м). то руку обожьже(т) *понявица* же без вреда пр(е)бывае(т). Пал 1406, 139а. В нескольких случаях значение данного слова — 'погребальная одежда, сделанная из куска полотна': и взя тѣло князя Василка и *понявицею* обитъ. реку савано(м). ЛЛ 1377, 163 (1237);

литонъ *понявица* .е҃. иосифова в ню же обертѣ тѣло х(с)во. и в гро(б) поло(ж). ЗЦ к. XIV, 78 об. а—б.

Наконец, среди названий льняных тканей, встретившихся как в оригинальных, так и в переводных текстах XI—XIV вв., следует упомянуть существительное *поставъ*[10]: чрьница же сѣдяше сама тъкущи *поставъ* свои. ПС XI, 40 об.; и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. . . и *поставъ* и все спрядение. Пал 1406, 132г. В грамотах указанное слово употреблено в сочетании *поставъ частины*, т. е. 'штука полотна' (примеры см. выше). В ряде случаев слово *поставъ* имеет значение 'изделие из соответствующей ткани, пелена': Съсудъ златъ или срѣбренъ. . . || . . . или завѣса. или *поставѣ* златъ. или (па)волока. до никто же о(т) таковы(х) възм(е)ть что. КР 1284, 47г—48а; аще паволока есть. ли завѣса. ли *поставъ* златъ. . . осщають ся таковая. Там же, 48а; то же КВ к. XIV, 29а—б; Не по(д)баеть ни воску ни масла взяти о(т) цркве. ни иного таковаго съсуда ни завѣсъ ни *постава*. МПр XIV, 100; принесѣ(м) за ны умершему и въскрсшему злато. . . или сребро или *поставы*. ГБ XIV, 49б.

Наиболее распространенным названием тонкого полотна, встретившимся только в переводных памятниках, было слово *вюсъ*: и поясомь препоясаяся о(т) прапруда и *о(т) вюса* и о(т) акинфа (ἐκ βύσσου). ГА XIII—XIV, 26; облачашежеся и въ другую одежю *о(т) вюса* и акинфа и прапруда и черви и злата (ἐκ βύσσου). Там же, 27а; *вюсъ* противу земли, акинфъ же противу аера (βύσσος). Там же, 28б; ово же бяше прапрудно, другое чермьно,. . . *вюсъ* же имя бѣлыи образъ (βύσσος). Там же, 28в; акинфъ къ аерови приложенъ, чермьныи же ли червию очервленъ къ огню, . . . *вюсъ* же къ земли. о(т) нея бо прозябаеть (βύσσος). Там же, 28в.

В том же значении употребляется вариант *вусъ* (также передает греч. βύσσος): створиша убо подолу подъвлакомъ затокы яко цвѣтьца трьсны о(т) акинфа и о(т) прапруда и о(т) черви и *вуса*. ГА XIII—XIV, 27а. Данное слово употреблено также в значении 'одежда из тонкого полотна': и въ перфирѣ, и *въ вусѣ* питающеся, и въ глубинѣ убожья истьляющеся (ἐν βύσσῳ). Пч. к. XIV, 117 об.

В единичном примере отмечено слово *вусъсъ*, которое обозначает ту же реалию: и заповѣда ему г(с)ь. яко створити ему. храмъ скынья и злато(м). . . и всякымь избраниемь *вусъсомь* же и перфирою. Пал 1406, 132в.

Слово *вусинъ* наблюдается уже в значении 'одежда из тонкого полотна': и видѣвъ люди издалеча Александръ въ бѣлахъ ризахъ, иерѣемъ же престоящемъ *въ вусинѣхъ*, рекше въ зеленахъ (ἐν βυσσίναις). ГА XIII—XIV, 28г. А прилагательное *вусинь-*

[10] Ниже приводятся только те значения слова *поставъ*, которые имеют отношение к названиям тканей.

ныи обозначает 'сделанный из тонкого полотна': о(т) июды родися двца имѣюще одежю *вусинну*. Пал 1406, 98г; дщи акимова. имѣющи ре(ч) одежю *вусинъну*. Там же, 99б. Иногда данное слово может иметь значение цветового прилагательного: первѣе видѣхъ .ʒ. муж въ одежи бѣлѣ... .г. и(ж)ре(ч). *вусиньну* ми наложи. Пал 1406, 105б. В приведенном примере имеется в виду зеленый цвет, что видно из отмеченного выше слова *вусинъ*. Приведенные выше слова *вюсъ*, *вусъ*, *вусъсъ* и *вусинъ* — одни из немногих иноязычных слов в подгруппе названий льняных тканей. Это — заимствования с греческого (βύσσος, ἡ), встретившиеся только в переводных текстах книжного характера.

Некоторые исследователи (А. Л. Хорошкевич и др.) относят к названиям льняных и конопляных тканей также слово *пьстрина*. В картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. встретился один случай его употребления: одежю носи долгу до глезна не *о(т) пестринъ* ни о(т) утварии мирьскы(х). КВ к. XIV, 308б. Но более вероятна точка зрения А. Поппе, который считает, что данное название не относится к определенному сорту ткани а просто обозначает ткань, сотканную из разноцветных нитей [11].

Названия шерстяных тканей более неоднородны по своему происхождению. Только в оригинальных текстах встретились два названия шерстяных тканей — *скорлатъ* и *водмолъ*. Существительное *скорлатъ* обозначало дорогую ткань[12], точнее — сорт сукна[13]. Это была, без всякого сомнения, ткань привозная, что подтверждается также иноязычным характером ее названия, М. Фасмер[14] считает это слово итальянским заимствованием, а А. Брюкнер [15] высказывает предположение, что соответствующее латинское слово имеет восточное происхождение. Примеры употребления слова *скорлатъ* в наших памятниках: и дали ему *скорлата* портъ. жо чаторъ. Гр ок. 1300 (2, рижск.); а далъ есмь на немь .н. гривенъ кунъ а .є. локотъ. *скорлата*. ЛИ ок. 1425, 299 об. Прилагательное *скорлатьныи* имеет значение 'сделанный из шерстяной ткани': андрѣю сну моему бугаи соболии с наплечки с великимь женчугомь с каменьемь. *скорлатное* портище сажено з бармами. Гр ок. 1339 (1, моск.); А се да(л) есмь сну своему кня(з) дмитрью... опашень *скорлатенъ* саженъ. Гр ок. 1358 (1, моск.).

Интересным названием шерстяной ткани, встретившимся в берестяной грамоте, является *водмолъ*: у ваиваса у ваякшина .ів.

[11] А. Poppe. Указ. соч., стр. 26.

[12] «Памятники русского права», вып. 2, стр. 32.

[13] Видимо, это сукно красного цвета. Ср. слова *шарлах*, *шарлаховый* в «Словаре современного русского литературного языка», т. 17, стб. 1284.

[14] Vasmer II, стр. 633—634.

[15] Brückner, стр. 541.

локти *водмолу*. ГрБ № 130, XIV/XV. Исследователи считают, что слово *водмолъ* нижненемецкого происхождения. Данное слово наблюдается также в эстонском и латышском языках со значением 'грубая домотканая шерстяная материя'[16]. Эта ткань была широко распространена на всем севере как один из основных продуктов местной промышленности[17]. Как доказал А. Поппе[18], слово *водмолъ* не связано по происхождению с древнерусским словом *вотола*, которое, по его мнению, обозначало совершенно другой сорт ткани. В данной статье примеры употребления слова *вотола* не приводятся, так как первичного значения 'вид ткани' в нашем материале не обнаружено.

Ряд названий шерстяных тканей встретился и в оригинальных и в переводных памятниках XI—XIV вв. Это следующие слова: *сукно*, *орницъ*, *багръ* и производные, *порфира* (с вариантами). Распространенным общеславянским названием шерстяной ткани, характерным также и для современного русского языка, является *сукно*. Наличие ранних случаев его употребления делает устаревшим утверждение А. Л. Хорошкевич о том, что данное слово появляется в русских памятниках не ранее XIV в.[19] Как показывает приведенный ниже материал, *сукно* представляет собой термин весьма общего характера: [*су*]*кьно*. ГрБ № 7 XII/XIII; и черны *о*(*т*) *сукна* створиста си ризы. КН 1280, 605г; то же КВ к. XIV, 318а; А губка далъ шюбу свою куничюю дорогимъ *сукномъ* брунатънымъ пошита за .е҃. гривенъ. Гр 1378 (2, ю.-р.); риза же ти буди проста *о*(*т*) *сукна* самотворна. СбЧуд XIV, 285г; то же КВ к. XIV, 325в; а харѣтонъ возя. дьсять локотъ *сукона*. ГрБ № 366, 40—70 гг. XIV. В единичных случаях *сукно* обозначает одежду из сукна: вся наша оправдания яко *сукно* раздрано предъ тобою [в др. сп. — рубище повержено]. ГА XIII—XIV, 70а; травою питати(с҃) и *сукны* и власяницами одѣватися (τριχίνοις ῥακίοις). Там же, 268а. Прилагательное *сукняныи* имеет значение 'сделанный из сукна': и вълѣзьше обрѣтохомъ отьшьльца мьртва потааше же ризу *сукъ* || *няну*. и о(т) мантиѣ врьвьцю. ПС XI, 60 об. — 61; ветхымь и раздранымь *сукнянъмь* одѣваломь покрываеши ся. ПНЧ 1296, 77; дѣло же бѣ ею еже ткати и творити вретища *сукняна*. ПНЧ XIV, 145б.

Другим названием шерстяной ткани (сукна), встретившимся в памятниках различного характера, является *орницъ* (именно

---

[16] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 67.

[17] E. Rydzewskaja. Ein skandinavischer Beiname in einer russischen Chronik. — ZfslPh, bd 8, 1931, стр. 103.

[18] А. Поппе. К истории древнерусской ткани и одежды: вотола. — «Acta Baltico-Slavica», II. Białystok, 1965.

[19] А. Л. Хорошкевич. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. — «Исторические записки», № 63, 1958, стр. 213.

эту форму следует считать, по мнению В. Ф. Ржиги, исконной)[20]: и ничьсоже боле дъвою ризу. тълстии чьрнаго *орниця* свиты учящены. въ нихъ же ходяще и довъльно съгрѣвающеся тѣми. УСт XII/XIII, 224; и повелѣ Володимеръ метати паволокы. фофудью. и *орничѣ*. бѣль. ЛЛ 1377, 96 об. (1115). Относительно происхождения этого слова мы не располагаем удовлетворительными данными.

Синонимичные существительные *багръ* и грецизм *порфира* также характерны для обоих видов текстов. Их объединяет не только то, что оба они называют какую-то шерстяную ткань, может быть, дорогое сукно[21], но и то, что первоначальные значения этих слов связаны с указанием на цвет, окраску (для *багръ* принимаем этимологию С. Младенова[22]).

Существительное *багръ* выступает в единичных примерах в значении 'багровый цвет': якоже убо зорямь свѣтлующимся. и *багромъ* шариющися не бѣ ясно земьнаго дѣиства видѣти. Пал 1406, 70а; видѣхъ .з҃. мужь въ одежи бѣлѣ... пьрвыи помаза мя... .д҃. и поясомъ мя пояса не посредѣ не по долнии части тѣла моего. поясъ же подобенъ бы(с) *багру*. Там же, 105б. Часто данное слово наблюдается в значении 'драгоценная ткань': стихарь убо *о(т) багра*. по образу смоковных листъ. КН 1280, 608г; моиси. срѣсти козля. еже есть всего хуже *съ багромь* честнымь и съ златомь. КР 1284, 213в; вси вношаху еже онъ заповѣда. овъ || сребро. овъ каменье ч(с)тное... жены же *багоръ* и червлень прядену. ГБ XIV, 205б—в; не бо бъ почиваеть на синѣтѣ. и *багрѣ*. но въ плотяны(х) цвѣтѣхъ. КВ к. XIV, 316б; и заповѣда ему г(с)ь. яко створити ему храмъ скынья и злато(м)... || *багромъ* и синетами. Пал 1406, 132в—г. В ряде случаев *багръ* обозначает богатую одежду, порфиру: тъ богато на земли живяше. *въ багърѣ* и въ паволоцѣ хожаше. СбТр XII/XIII, 3 об.; *въ багъръ* мя облъкъ еси. Там же, 185 об.; коиждо днь приходи(т) свое принося омрачение. о(т) носящаго боръ [в др. сп. — *багоръ*] и вѣнець. и до носящаго. полотняны рубы. Пр 1383, 84г; порфира еже е(с) *багоръ*. ГБ XIV, 52б; и се мужь одѣнъ *в багоръ*. ЛИ ок. 1425, 101 (1111).

Для существительного *багряница*, видимо, первичным значением является 'одежда из багряной ткани', так как суффикс *-ица* довольно характерен для названий одежды: въ единъ дьнь

---

[20] В. Ф. Ржига. Указ. соч.

[21] П. Строев в словоуказателе, приложенном к труду «Выходы государей» (М., 1844), считает багрец одним из сортов сукна.

[22] С. Младенов. Славянские этимологии. — РФВ, т. 68, 1912, стр. 373. Этому не противоречат данные в «Этимологическом Словаре болгарского языка» («Български етимологичен речник», св. 1. София, 1962, стр. 24—25).

видѣхъ въ сънѣ жену нѣкую . . . || . . . *въ багряницю* одѣну. ПС XI, 31 об.—32; то же Пр н. XIV, 43а; приде къ нему жена нѣкто *въ багряницю* одѣна. Там же, 35 об.; и *багряницю* власяную измѣньшю ризою и житие мьнишьское приемъшему. ЖФСт XII, 102 об.; и одѣния. ризами же рекъше одеждами. и расширение хранения, сирѣчь образъ *бъгъряниця.* и подълъкъ и кълинъ. на крило одеждя (τῆς πορφύραζ). КЕ XII, 252а; фарисѣи... в одежи имѣють въ свитахъ же и въ плащи(х). имъ же и распирание пазухамъ. иже есть знамение *багряници.* КР 1284, 361б; видѣхъ х(с)а моего во снѣ пришьдша. и одѣвъша мя *въ багряницю* красну. ПрЛ XIII, 127в; радуитася... ицѣляюща каплями кровными стыми. очервивша *багряницю* славная. ЛЛ 1377, 47 об. (1015); растьрзавшю ц(с)рви о(т) гнѣва *багряницю.* Пр н. XIV, 6а; богата нѣкоего приводя. *в багряницу* и в червленицю оболчена. ЖВИ XIV—XV, 39а; цръ... сложи вѣнець и *багряницу.* Там же, 128а; аще бы(х) вѣдалъ сель ч(с)тнъ ликъ чернецьскии. въсходяща съ англы къ пр(с)тлу Гню... снялъ бы(х) вѣнець. и *багряницю.* ЛИ ок. 1425, 189 об. (1168). Часто данное слово встречается в сочетании *цьсарьская багряница*: аште бо *багряницу цръскую.* къто съмѣеть рукама скврьньнама прияти. Изб 1076, 87; то же СбТр XII/XIII, 162; Власяниця же. яко се чьстьная и *ц(с)рьская багъряниця.* ЖФП XII, 62а; и тогда возлагаше на усѣкаемаго мниха. *ц(с)ркую багряницю* и вѣнець. ПрЮр XIV, 298в; всякого же вѣнца и всякия *ц(с)рьския багряница.* ч(с)тнѣиши с(и)хъ вмѣнихъ. ЖВИ XIV—XV, 25а; и всякыя *багряница ц(с)ркыя* перфиры ч(с)тьнѣиши. Там же, 82б; днь(с) дша моя преодѣся тобе ради веньямине. паче убо *ц(с)рьскыя багряница.* Пал 1406, 88в.

Существительное *багряница* реже встречается в значении 'драгоценная ткань': къде бо ихъ жития и слава мира сего. и *багряница.* и брячины. Ск БГ XII, 9г; и ни во что же велика мняще злата и сребра доброты и мечтания. то црьское одѣние есть. и *багряница* одежа (πορφυριхόν περιβόλαιον). ФСт XIV, 46г; и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. и мѣдь и синету *багряницю.* и червьленицю. Пал 1406, 132г; друзи же вусъ и брячину. и *багряницею* принесоша. Там же, 137а; и ризу творяху арону жерцю о(т) злата и синеты *багряница* и червленица. Там же, 137б.

Существительное *багрянь* выступает в единичном примере в значении 'вид ткани': и вси вношаху проповѣданое имъ. . . овъ же черлвленицю [так в ркп.] скану. другыи же *багрянь* испрядену. ГБ XIV, 205а.

Слово греческого происхождения *перфира* употребляется в значении 'драгоценная ткань': и заповѣда ему г(с)ь. яко створити ему храмъ скынья и злато(м)... и всякымъ избраниемь. вусъсомь же

и *перфирою*. Пал 1406, 132в. Но в большинстве случаев данное слово имеет значение 'одежда из соответствующей ткани': и украшаися имъ яко ц(с)ркою *перфирою*. Илар Посл XI сп. XIV, 202; раздравъ бо ц(с)рьскую *перфиру*. МПр XIV, 60 об.; то же ПНЧ XIV, 106 об. б; онсица *перфиру* има(т). Там же, 109б; аще бы ты вѣдала колицѣмъ зломъ исполнена есть *перфира* си. Пч к. XIV, 36; видить ризы многоцѣнныя на собѣ и вѣнець *с перфирою*. Там же, 88 об.; не смотри бо *на перфиру* и на вѣнець. (ἀλ[λ]ουργίδα). Там же, 89; и *въ перфирѣ*, и въ вусѣ питающеся, и въ глубинѣ убожья истьляющеся (ἐν πορφύρᾳ). Там же, 117 об.

В синонимичном значении встретился более редкий для того периода вариант *порфира*: лжая *порфира* юже облекоша христа иже не вооблачить облаки. Надп 1383; въ ругателную *порфиру* облеченъ и вѣнчеваемъ (πορφύρωσιν). ФСт XIV, 52а; о тѣхъ иже въ црьскихъ одежахъ ходять и *в поръфирахъ* (τὰ πορφύρεα). Там же, 92а; яко видѣ(н)е мужа. оболчена въ одежю вадди. а реку *порфира* еже е(с) багоръ. ГБ XIV, 52б. Слова *порфира* и *перфира* могут употребляться в одном и том же контексте: вретище одолѣваше *порфирѣ*, егоже не возможе створити *перфира*, то вретище исправи (πορφυρίδα... ἁλουργίς). В единичном случае в данном значении встретился вариант *парфура*: днь(с) въ батьствѣ а утро въ || гробѣ днь(с) *въ парфурѣ* а утро износимъ. Пр 1383, 130г—131а.

Вариант *пьрвура* наблюдается в значении 'драгоценная ткань': главнии же власы паче *пьрвуры*. и брачины вмѣнишася [в поздн. сп. — *перфиры*]. Пал 1406, 68.

Исключительно в переводных памятниках встретились также не описанные в книге А. Поппе слова *прапрудъ*, *прапруда* и *прапрудь*, которые также передают греч. πορφύρα. Слово *прапрудъ*[23] может иметь значение 'вид драгоценной ткани': и поясомь препоясаяся *о(т) прапруда* и о(т) вюса и о(т) акинфа (ἐκ πορφύρας). ГА XIII—XIV, 26; створиша убо подолу подъвлакомь затокы яко цвѣтьца трьсны о(т) акинфа и *о(т) прапруда* и о(т) черви. Там же, 27а; облачашежеся и въ другую одежю о(т) вюса и акинфа и *прапруда* (ἐκ... πορφύρας). Там же; и [ка]тапетазму же створивъ, рекше завѣсу, о(т) акинфа и черви и вуса и *прапруда* (ἐξ... πορφύρας). Там же, 90в. Существительное *прапрудъ* наблюдается также в значении 'одежда из порфиры': ту же и еще сущю Феодосью, въ снѣ видѣ его, глща, ц(с)ркы объдъмь и *прапрудомь* украшена (πορφύρᾳ). ГА XIII—XIV, 237г; и облѣченъ бы(с) *въ пра-*

---

[23] Этимологии этого слова приводятся в статье: P. Diels. Altkirchenslavisch *prapr*ǫ*d*ъ 'purprur'. — «Serta Monacensia, Franz Babinger als Festgruss dargebracht». Leiden, 1952.

пру̀дъ новыи и дивныи (πορφύρᾳ). Там же, 238б; *прапрудомь* его украшена (τῇ πορφύρᾳ). Там же, 238а.

В значении 'вид ткани' встретился вариант *прапруда*: вюсъ противу земли, акинфъ же противу аера, *прапруда* же противу водѣ (πορφύρα). ГА XIII—XIV, 28б; и вси вношаху проповѣданое имъ. . . ови же *прапрудо* [слово не дописано]. ини же кожа овня обагрены овы же и рунеса козья. ГБ XIV, 205а. Вариант *прапруда* тоже имеет значение 'одежда': *прапруду* носяща. Стих 1156—1163, 103; то же Мин XII (июль), 114 об.; *прапруду* же именуе(т) еуа(г)льскую проповѣ(д). ГБ XIV, 74а; тако сти(х)рь. е. ис(т)каная на нб(с)и прапруда. ЗЦ к. XIV, 31а.

В том же значении встретился единичный вариант *прапрудь*: не хотящю брату *въ прапрудь* облѣщися (τὴν πορφύραν). ГА XIII—XIV, 237а.

Прилагательное *прапрудьныи* выступает только в значении 'имеющий пурпурную окраску': ово же бяше *прапрудно*, другое чермьно (ἁλουργὸν), Га XIII—XIV, 28в; чермьныи же ли червию очервленъ къ огню, *прапрудное* же являеть море, тъ бо питуеть къхлу, о(т) неяже таковое червление бываеть (ἁλουργὸν). Там же. В одном случае наблюдаем, по всей вероятности, искажение в переводе: покрылъ быхъ *прапрудьнымь* ободомь своимь безаконье творимое [м. б. *прапрудою* и ободомь, т. е. венцом и багряницей — имеются в виду символы царской власти]. ГА XIII—XIV, 214а. Ср. в другом контексте: объдъмь и *прапрудомь* украшена. Там же, 237г.

Заканчивая рассмотрение названий шерстяных тканей, следует упомянуть, что слова *шьрсть (сьрсть)*, *вълна*, *ярина*, *яригъ*, имеющие в некоторых словарях значение 'шерстяная ткань', в рамках нашего периода встретились только в значении 'волосяной покров у животных'.

Довольно многочисленную группу слов составляют названия шелковых тканей. Из названий шелковых тканей, встретившихся только в непереводных памятниках, следует отметить слова *оксамитъ*, *оловиръ*, *фофудья*, *обирь*. Грецизм *оксамить* (ἑξαμῖτος), обозначавший византийскую ткань типа парчи [24], наблюдается лишь в языке Ипатьевской летописи: и присла црь дары многы Ростиславу *оксамоты* [вм. *оксамиты*] и паволокы и вся узорчь разноличная. ЛИ ок. 1425, 186 об. (1164); и увиша и *оксамитомъ*. со круживомъ якоже достоить ц(с)рмь и возложиша и на сани. Там же, 303 (1289). В одном примере *оксамитъ* обозначает одежду из аксамита: ты нынѣ в *оксамитѣ* стоиши, а князь нагъ лежить. ЛИ ок. 1425, 208 об. (1175). Прилагательное *оксамитьныи* употреблено в единичном случае в значении 'сделанный из аксамита':

---

[24] Подробнее об этой реалии см.: Савва. Указатель для обозрения московской патриаршей ризницы. М., 1858.

и съсуды слу(ж)бные сребряны скова, и пла(т)ци *оксамитны* шиты золото(м). ЛИ ок. 1425, 305 (1289).

Другим названием привозной ткани, похожей, по мнению Ржиги, на *оксамитъ*, было *оловиръ* (ὁλόβηρος). Это слово также встретилось только в Ипатьевской летописи: кожюхъ же *оловира* Грѣцького и круживы || златыми плоскоми ошитъ. ЛИ ок. 1425, 273—273 об. (1252); а другое еу(г)лие опрако(с) же волочено *оловиро(м)*. Там же, 305 (1289).

Сходная реалия обозначается словом *фофудья* (также, по свидетельству М. Фасмера, греческого происхождения), встретившимся в летописях: и повелѣ Володимеръ метати паволокы. *фофудью* и орничѣ. ЛЛ 1377, 96 об. (1115); ц(с)рь же Леонъ слы Рускыя поч(с)тивъ дарми золото(м) и паволоками. и *фофудьями*. ЛИ ок. 1425, 15(912).

В одной из московских грамот XIV в. встретилось название восточной ткани *обирь* — термин, который в более поздних текстах заменяется на *объярь*[25]: а ивану сну моему кожухъ желта(я) *обирь* с женчугомь. Гр ок. 1339 (1, моск.). Это слово, по мнению Фасмера, тюркско-персидского происхождения.

В оригинальном памятнике (Ипатьевская летопись) находим прилагательное *кропиинныи*, употребленное вместо *кропиньныи* (см. тот же контекст в Радзивилловской летописи). Это слово обозначает 'сделанный из кропины' [вм. *коприны*], особой шелковой ткани: и ре(ч) Олегъ ищиите пре паволочиты Руси. а Словѣно(м). *кропиинныя*. . . и въспяша пре паволочитыѣ. а Словѣне *кропиинныя*. ЛИ ок. 1425 ,12 об. (907); не даны суть Словѣно(м) пре *кропинныя*. Там же. Слово *коприна* засвидетельствовано в значении 'шелк' в южнославянских языках. Некоторые исследователи предполагают, что данное слово значит 'ткань с добавлением волокна, содержащего крапиву (**kopr-*)'. Подробнее об этом см. в книге А. Поппе[26] и в статье Е. А. Рыдзевской[27].

Ряд названий шелковых тканей характерен как для оригинальных, так и для переводных текстов. Это слова *паволока*, *шелкъ*, *брачина* (*брячина*). Наиболее распространенным названием шелковой ткани в древней Руси является слово *паволока* (в памятниках XI—XIV вв. отмечено 38 употреблений, ниже приводятся лишь выборочные примеры). Данное существительное — термин с общим значением. Так, Клейн пишет: «В число паволок входили парчи, фофудьи, грецкие оловиры, аксамиты

---

[25] В. Клейн. Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв. собрания Исторического музея. М., 1926, стр. 13.

[26] A. Poppe. Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej, стр. 15—16.

[27] Е. А. Рыдзевская. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 г. — «Изв. АН СССР», Отделение общественных наук, 1932, № 6, стр. 473.

и другие сорта тканей»[28]. Примеры: тъгда володимиръ повелѣ метати людьмъ кунами же и скорою и *паволокы.* Ск БГ XII, 25в; везлъ есмь былъ въ корбьяхъ. дары *паволокы* и овощь. ЛН XIII—XIV, 104(1228); и къ Печенѣгомъ посла. *паволоки* и злато много. ЛЛ 1377, 10 об. (944); ту вс(я) бл҃гая сходятся о(т) Грекъ злато *паволоки.* вина [и] овощеве розноличныя. Там же, 20 об. (969); и приде Олегъ къ Киеву. неся золото и *паволокы* и овощи. и вина, и всяко узорочье. ЛИ ок. 1425, 12 об. (907); и дарми многыми одариста и съсуды и порты и комонми и *паволоками.* Там же, 152 (1151). Данное слово встретилось также в значении 'изделие из паволоки, пелена': и поставлену бывшю прѣдъ ц(с)ркыми двърьми стольцю. и върху его *паволоцѣ* простьртѣ. УСт XII/XIII, 29; Съсудъ златъ или срѣбренъ. ос҃щнъ сирѣ(ч) въ црк҃ви п(о) || вѣшенъ. или завѣса или поставъ златъ. или *(па)волока.* да никто же о(т) таковы(х) възм(е)ть что на свою потрѣбу. КР 1284, 47г—48а; то же МПр XIV, 100; аще съсу(д) || есть или ино что. аще завѣса или поставъ златъ. или *паволока.* аще масло буде(т) или воскъ принесеньемь бо ихъ въ б҃ию цр҃квь. ос҃щаються таковая. КВ к XIV, 29а—б. В одном примере слово *паволока* обозначает, по-видимому, штуку ткани: ти тогда взимають о(т) насъ цѣну свою. якоже уставлено есть преже .в҃. *паволоцѣ* за чалядинъ. ЛЛ 1377, 12 об. (945). В ряде примеров *паволока* имеет значение 'одежда из драгоценной ткани': тъ богато на земли живяше. въ багърѣ и *въ паволоцѣ* хожаше. СбТр XII/XIII, 3об.; паучина приносимъ *на паволоку* ц(с҃)рьску. ПНЧ, 102а.

Прилагательное *паволочитыи* употребляется в значении 'сделанный из соответствующей ткани': готовять же ему и одръ настьланъ перинъ *паволочитыхъ.* СбТрXII/XIII, 4; ре(ч) Олегъ ищиите пре *паволочиты* Руси. а Словѣно(м) кропиинныя... и въспяша пре *паволочитыѣ.* ЛИ ок. 1425, 12 об. (307).

Слово *шелк* в значении 'шелковая ткань' употребляется в раннюю эпоху довольно редко: или сребромь или златомь скавано [вм. сковано]. или златомь или *шелкомь* тъканое устроено. ПНЧ 1296, 77; да(л) есмь с҃ну своему... поясъ золотъ с крюкомь на чьрвьчатѣ *шелку.* Гр. ок. 1339 (2, моск.); хаму .г. локти... золотнике зелоного *шолку.* ГрБ № 288, 10—30 гг. XIV; завивающе платомь ли *шелкомь* перъстъ завязающе. ПНЧ XIV, 158а. В единичном примере *шелкъ* имеет значение 'одежда из шелка': они убо ни власяна рубища на тѣлѣ иму(т). мы же пло(т) свою питае(м). и лномъ и *шелкы* одѣвае(м). ГБ XIV, 99б. Прилагательное *шелковыи* обозначает 'сделанный из шелковой ткани': иерѣи облачить ся в ризы различныя и *в шелковыя.* КН 1280, 517 г.

[28] В. Клейн. Путеводитель..., стр. 11.

Слово *брячина* употребляется в ранних памятниках в значении 'шелковая ткань': къде бо ихъ жития и слава мира сего и багряница и *брячины.* сребро и золота. Ск БГ XII, 9г; И понесоша... ини же синету и червленицю. друзи же вусъ и *брячину* [в поздн. сп. — *брачину*]. Пал 1406, 137а.

В том же значении наблюдается более распространенный вариант *брачина*; главнии же власы паче първуры .и *брачины* вмѣнишася. Пал 1406, 68; и заповѣда ему г(с)ь. яко створити ему храмъ скынья и злато(м)... и перфирою и *брачною* [вм. *брачиною*] || багромъ и синетами. Там же, 132 в—г. В ряде примеров *брачина* обозначает одежду из соответствующей ткани: Съсудъ златъ ли сребрьнъ освщенъ бывъшь. ли поняву ли *брачину.* к тому никто же на свою потребу да не освоить. КЕ XII, 19а; раби его прѣди текуще мнози. *въ брачинѣ.* и въ гривьнахъ златыхъ. СбТрXII/XIII, 3 об.; и всѣхъ иерѣи достолѣпно поч(с)тивъ и свѣтлыми и великыми *брачинами* украсивъ, на Персы подвижеся. ГА XIII—XIV, 29в.

Прилагательное *брачиньныи* обозначает 'сделанный из шелка': где бльщащиися сапози. где *брачиньныя* ризы. СбТр XII/XIII, 20; ризы не о(т) волъны строять. но черьвлеными и *брачинными* нитми. КР 1284, 271а; то же КВ к. XIV, 205—206; или *брациньныя* ризы носящимъ ругается. Там же, 49г.

Только в переводных памятниках отмечены названия шелковых тканей *акинфъ*, *синета* (*синота*), *чьрвь*, *чьрвлень*, *годовабль.*

Грецизм *акинфъ* (ὑάκινθος, иногда ὑακίνθινος) встретился лишь в переводе Хроники Георгия Амартола: архиерѣи... поясомь препоясаяся о(т) прапруда и о(т) вюса и *о(т) акинфа* (ἐκ... βύσσου καὶ ὑακινθίνῳ). ГА XIII—XIV, 26г; створиша убо подолу подъвлакомъ затокы яко цвѣтьца трьсны *о(т) акинфа* и о(т) прапруда и о(т) черви. Там же, 27а; облачашежеся и в другую одежю о(т) вюса и *акинфа* и прапруда (ἐκ βύσσου καὶ ὑακίνθου) Там же; вюсъ противу земли, *акинфъ* же противу аера (ὑάκινθος). Там же, 28б; ово же бяше прапрудно, другое чермьно, ли въ чермьно мочено, *аикинфъ* [вм. *иакинфъ*?] свои желчение, вюсъ же имя бѣлыи образъ (τὸ δὲ ὑακινθίνῳ). Там же, 28в; *акинфъ* къ аерови приложенъ, ... вюсъ же къ земли (ὑάκινθος). Там же, 28в; и [ка] тапетазму же створивъ, рекше завѣсу, *о(т) акинфа* и черви (ἐξ ὑακίνθου). Там же, 90в. В одном примере данное слово имеет значение 'одежда из соответствующей ткани': иерѣемъ же престоящемъ въ вусинѣхъ, ... архиерѣю же иже *въ акинфѣ* и въ златъ красотѣ (ἐν ὑακίνθῳ). ГА XIII—XIV, 28 г.

Синета является, видимо, калькой слова *акинфъ*[29]; не бо бъ почиваеть *на синѣтѣ* и багрѣ. КВ к. XIV, 316б; и заповѣда

[29] О содержании данных реалий см.: Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1899, стр. 600.

ему (г)ь. яко створити ему храмъ скынья и злато(м)... || ... багромъ и *синетами*. Пал 1406, 132в—г; и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро: и мѣдь и *синету*. Там же, 132г; понесоша же кождо ихъ... ини же мѣдь. ини же *синету* и червленицю. Там же, 137а; и еще ризу творяху арону жерцю о(т) злата и *синеты* багряница и червленица. Там же, 137б.

В том же значении ('вид шелковой ткани') встретился вариант *синота*: черьвленице [вм. черьвленицею] и *синотами* [в поздн. сп. — *синетами*] и. всякими ваями украсися. Пал 1406, 5а. Другой случай употребления существительного *синота* связан, видимо, с обозначением цвета: вода || многъ зракъ подавае(т). упьстрение. иному же цвѣту бѣлость. иному же *синоту*. и другому яко пламяньна творить. Пал 1406, 6—7.

Так же как *акинфъ* и *синета*, слово *чьрвь* связано с обозначением цвета. В значении 'вид ткани' слово *чьрвь* встретилось в Хронике Георгия Амартола: створиша убо подолу подъвлакомъ затокы яко цвѣтьца трьсны о(т) акинфа и о(т) прапруда и *о(т) черви* и вуса. ГА XIII—XIV, 27а; облачашежеся и въ другую одежю о(т) вюса и акинфа и прапруда и *черви* (ἐκ... κοκκίνου). Там же; и [ка]тапетазму же створивъ, рекше завѣсу, о(т) акинфа и *черви* и вуса и прапруда (ἐξ ὑακίνθου καὶ κοκκίνου). Там же, 30в. В одном случае употребление данного слова как будто связано с первичным обозначением цвета: акинфъ къ аерови приложенъ, чермьныи же ли *червию* очервленъ къ огню, прапрудное же являеть море (τὸ δὲ ῥοδοειδὴς ἢ κοκκοβαφὲς τῷ πυρί). ГА XIII—XIV, 28 в.

Существительное *чьрвлень* синонимично описанному выше слову. Оно также наблюдается в значении 'вид ткани': мы же уродьствуе(м) себе одежею мяккою и ткуще ю. и иже лну и *червлени* въздушными тканьи. ГБ XIV, 99б; вси вношаху еже онъ заповѣда овъ || сребро. овъ каменье ч(с)тное... жены же багоръ. и *червлень* прядену. Там же, 205б—в. В одном примере *чьрвлень* имеет значение 'красная краска': кожи овни *в червлень* омочены. ГБ XIV, 205в.

У существительного *чьрвленица* первичным значением является, вероятно, значение 'одежда из соответствующей ткани': одежи ся *в червленицю*. ГБ XIV, 13б; богата нѣкоего приводя. в багряницу и *в червленицю* оболчена. ЖВИ XIV—XV, 39а. Данное слово употребляется нередко также и в значении 'вид ткани': и вси вношаху проповѣданое имъ... се же каменье драгое на нарамникъ. овъ же *червленицю* [так в ркпу.]. скану. ГБ XIV, 205а; *черьвленице* [в поздн. сп. — *червленицею*] и синотами и. всякими ваями украсися. Пал 1406, 5а; и заповѣда ему г(с)ь. яко створити ему. храмъ скынья и злато(м) и ... || багромъ и синетами. *червьленицею* же и всяким прещениемь. Там же, 132в—г;

и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. и мѣдь и синету багряницю. и *червьленицю*. Там же, 132г; И понесоша же кождо ихъ. . . ини же мѣдь. ини же синету. и *червленицю*. Там же, 137а; ризу творяху арону жерцю о(т) злата и синеты багряница и *червленица*. Там же, 137б.

Прилагательное *чьрвленыи* в ряде случаев встретилось в значении 'сделанный из соответствующей ткани': *въ чьрвленахъ* и инѣхъ всячьскыихъ ризахъ. . . одѣватися (σηρικαῖς), КЕ XII, 56б; ни *отъ чьръвленааго* свилия попьстреною ризою да не одѣваеться къто (σηρικῶν). Там же, 78в; вюсъ противу земли, акинфъ же противу аера, прапруда же противу водѣ, *черьвленое* же противу огню (κόκκινον). ГА XIII—XIV, 28б. В остальных примерах (встретилось еще 30 случаев употребления) прилагательное *чьрвленыи* имеет значение 'красный'.

Следует отметить еще одно название шелковой ткани — *годовабль*: приносяще кождо ихъ на вся лѣ(т) дары своя, съсуды златы и *гъдовабль* и воня добрыя и коня и мыскы. ГА XIII—XIV, 94а. [В греческом оригинале Хроники здесь употреблено слово ἱματισμούς 'одежды']. Данное слово, известное также западнославянским языкам, является по своему происхождению германизмом[30].

В переводном памятнике в единичном случае употреблено прилагательное *камычьныи* (связано с *камка*) в сочетании *камычьное дѣло* — 'изготовление камки': и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. и мѣдь и синету багряницю. и червьленицю. и поставъ и все спрядение. и *камычное дѣло*. Пал 1406, 132г. *Камка* было названием привозной шелковой ткани. Слово это, по мнению Фасмера, тюркского происхождения, оно попало и в другие славянские языки (например, в польский).

Кроме льняных, похожих на них конопляных тканей, шерстяных, шелковых (иногда с примесью крапивы) могли употребляться также ткани из мочала, сделанного из луба липы. Для переводных текстов XI—XIV вв. очень характерно употребление слова *рогозина* (см. ниже также другие однокоренные образования) в значениях, связанных с названием ткани и одежды. Видимо, греческая циновка (ψίαθος) имела то же значение, что и русская плетенка из мочала. См. об этом в работе М. И. Лебедевой, посвященной прядению и ткачеству у восточных славян: «Ряд русских пословиц указывает на применение рогожи в старину в качестве одежды»[31]. Слово *рогозина* употребляется изредка в значении 'ткань из мочала': яви ми ся въ (съ)нѣ мнихъ нѣкто зѣло постьникъ. одѣнъ въ плетену котыжицю. и мало на плещю своею възвьржение *о(т)рогозины*. ПС XI, 64. Самое распространенное значение данного слова — 'подстилка из рогожи':

[30] Фасмер I, стр. 426.
[31] М. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 467.

положи себе *на рогозинѣ*. и умьре. ПС XI, 65; ижьглъ е конопиона и *рогозину* иде же ся кланяхъ. Там же, 112 об.; не видѣхъ ни ногу простьръшю его. ни уснувша. ни *на рогозинѣ* ни на постели. ПрЛ XIII, 17б; се же за много лѣ(т) творя пребываше, на земли и *на рогозинѣ* спя (ψιαθίου). ГА XIII—XIV, 189а; и сѣдоша .г. е едини на единои *рогозине*. Пр 1383, 29г; нудящю же мнѣ сего стго. мало *на рогозинѣ* полежати. ПрЮрXIV, 23в; и пущаше водныи проходъ *под рогозину* его. Там же, 164а; то же Там же, 297 в; нѣции о(т) братья приходяхуть днемь и истрасахуть *ро. гозины* своя предъ кѣльею моею. ПНЧ XIV, 30а. В одном примере указанное слово имеет значение 'одежда из рогожи': и нага обнаживъ, одѣ его *въ рогозину* (ψιάθιον). ГА XIII—XIV 25г.

Синонимичное существительное *рогозиница* встретилось в единичном примере в значении 'одежда из рогожи': они же съвлекше с него ризу. и *рогозиничю* на нь възложиша. ПрЛ XIII, 51а. Все остальные случаи употребления данного слова связаны со значением 'подстилка из рогожи' (в этом же значении, кроме слова *рогозина*, встретились слова *рогожа*, *рогозие*, *рогозъ*): нудящую же инъгде мнѣ сего стго. мало *на рогозиници* [*рогозинѣ* ПрЮрXIV, 23в] полежати. ПрЛ XIII, 17в; и положиста ми *рогози || ничю* постели. Там же, 88в-г; и легоста спати *на рогозници* передъ мною. Там же, 88г; и жьглъ есть рукодѣлье мое и *рогозиницю*. Пр. н. XIV, 7а; и пущаше водныи проходъ. *подъ рогозиницю* [*рогозину* ПрЮр XIV, 297г] его. Там же, 209б.

В оригинальных памятниках послемонгольского периода (берестяные грамоты) встретились уже упоминания о хлопчатобумажных тканях, например слово *зѣндянца*: купи ми *зѣндянцю* добру. ГрБ № 125, XIV/XV. Слово *зендень* (*зендянца*) — тюркского происхождения и связано с названием одного из бухарских селений[32], но раньше относили данное слово к названиям шелковых тканей, и лишь в последнее время считается доказанным, что оно обозначает хлопчатобумажную ткань[33].

Другим свидетельством наличия хлопчатобумажных тканей считают наличие даже в более ранний период слова *бумажьникъ* — 'тюфяк, набитый хлопком-сырцом': ГрБ № 138, XIII—XIV[34].

И, наконец, слово неясного происхождения *хѣрь* наблюдается в значении 'вид ткани' только в одной из берестяных грамот, которую приводим полностью: у вигаря .к. локото *хѣри* безо локти у валита в кюлолакши .ıд. локти *хѣри* у ваиваса у ваяк-

[32] К. Иностранцев. Из истории старинных тканей. Алтабаси, дороги, зендень, миткаль, мухояр. «Записки восточного отделения русского археологического общества», т. XIII, вып. IV. СПб., 1901.

[33] А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде.«Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 63.

[34] Н. Б. Черных. Новгородские ткани Неревского раскопа. «Вестник МГУ». Историко-филологическая серия, 1958, № 4.

шина .ı͡в. локти водмолу и полотретиянацате локти *хѣри* у мѣлита в куролѣ .д͡. локти *хѣри*. ГрБ № 130, XIV/XV.

Заканчивая рассмотрение лексико-тематической группы названий тканей в языке древнерусских памятников XI—XIV вв., следует подчеркнуть разные источники происхождения этих слов. Из названий 34 тканей, встретившихся в анализируемых текстах, более половины (18 слов) являются словами славянского происхождения. Большую часть этих слов составляют названия льняных тканей, где наряду с общеславянскими названиями (*льнъ*, *полотьно* и др.) встретился ряд слов, возникших, видимо в более позднюю эпоху. Внешним признаком таких слов является суффикс *-ина*: (*у*)*новина*, *частина*, *тълстина*, *пьстрина*.

Среди заимствований в данной группе слов преобладают грецизмы, являющиеся названиями шелковых и некоторых шерстяных тканей: *оксамитъ*, *оловиръ*, *фофудья*, *акинфъ*, *орницъ*, *порфира* (ср. название дорогого полотна *вюсъ*). Германскими заимствованиями следует считать слова *водмолъ* и *годовабль*. Остальные названия являются тюркизмами: это единичные употребления слов *обирь*, *зѣндянца* и *камычьныи* (однокоренное с *камка*).

Введение новых материалов картотеки Словаря древнерусского языка позволяет несколько уточнить картину данной группы лексики, нарисованную в монографии А. Поппе, опиравшейся в основном на Словарь И. И. Срезневского. Так, выше были рассмотрены встретившиеся в ранних памятниках слова *уновина*, *вюсъ*, *скорлатъ*, *водмолъ*, *багръ*, *порфира*, *прапруда*, *оксамитъ*, *оловиръ*, *фофудья*, *паволока*, *шелкъ*, *брачина*, *акинфъ*, *синета*, *чьрвь*, *годовабль*, *рогозина*, *зѣндянца*, *хѣрь*, которые не представлены в книге Поппе. В ряде случаев нами отмечается более ранняя письменная фиксация того или иного слова; так, слово *пълсть* наблюдается впервые в памятнике XIII в. (Лобковский пролог). В других случаях, наоборот, в текстах XI—XIV вв. представлен более поздний этап в развитии значений некоторых слов, а именно утрата ими первичного значения 'вид ткани': например, сло́ва *пъртъ*, *вретище*, *вотола* встретились только в значении 'одежда'. Значение 'сделанный из соответствующей ткани' сохранилось в ряде случаев у производных прилагательных (*вотоляныи*).

Сокращения источников

ГА XIII—XIV — Хроника Георгия Амартола, славяно-русский перевод XI в. в сп. XIII—XIV вв. Изд.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пг., 1920.

ГБ XIV — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954.

Гр 1229, сп. А	Грамота договорная смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом, 1229 г., сп. А. Изд.: «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.» Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова, М., 1963.
Гр 1229, сп. В	Грамота договорная смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом, 1229 г., сп. В. Изд.: Там же.
Гр 1229, сп. Д	Грамота договорная смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом, 1229 г., сп. Д. Изд.: Там же.
Гр 1264—1265 (1, новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Ярославом Ярославичем (первая), 1265 или 1264 г. Изд.: А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV в.— «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
Гр 1270 (новг.)	Грамота духовная новгородца Климента, до 1270 г. Изд.: М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности, М., 1952.
Гр ок. 1300 (2, рижск.)	Грамота рижан к витебскому кн. Михаилу Константиновичу о его обидах, ок. 1300 г. Изд.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1863.
Гр 1304—1305 (1, новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1304—1305 гг. Изд.: А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV в. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
Гр 1304—1305 (2, новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1304—1305 гг. Изд.: Там же.
Гр 1305—1308 (1, новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1305—1308 гг. Изд.: Там же.
Гр 1305—1308 (2, твер.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1305—1308 гг. Изд.: Там же.
Гр 1325—1327 (новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Александром Михайловичем, между 1325 и 1327 гг. Изд.: Там же.
Гр ок. 1339 (1, моск.)	Грамота духовная московского в. кн. Ивана Даниловича Калиты, ок. 1339 г. Изд.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952.
Гр ок. 1339 (2, моск.)	Грамота духовная московского в. кн. Ивана Даниловича Калиты (второй вариант), ок. 1339 г. Изд.: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
Гр ок. 1358 (1, моск.)	Грамота духовная московского в. кн. Ивана Ивановича Красного, ок. 1358 г. Изд.: Там же.
Гр 1371 (1, новг.)	Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Александровичем, 1371 г. Изд.: А. А. Шахматов. Исследование о языке

	Новгородских грамот XIII и XIV в. — «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
Гр 1378 (2, ю.-р.)	Грамота продажная Хоньки Васковой на Каленников монастырь, 1378 г. Изд.: А. Соболевский и С. Пташинский. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903.
ГрБ № 7 XII/XIII	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1951.
ГрБ № 21, XV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
ГрБ № 125, XIV/XV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.
ГрБ № 130 XIV/XV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: Там же.
ГрБ № 136, XIV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: Там же.
ГрБ № 138, XIII—XIV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
ГрБ № 288, 10—30 гг. XIV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.
ГрБ № 366, 40—70 гг. XIV	Грамота берестяная (новгородская). Изд.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.
ЖВИ XIV—XV	Житие Варлаама и Иоасафа. Сборник житий и слов, XIV—XV вв., ГПБ, Соф., № 1365.
ЖФП XII	Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в. Изд.: «Сборник XII века Московского Успенского Собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова.— «Чтения ОИДР», 1899, кн. II.
ЖФСт XII	Житие Феодора Студита, XII в., ГБЛ, ф. 178 («Муз.), № 1832.
ЗЦ к. XIV	Златая цепь, конца XIV в., ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 11.
Изб 1076	Изборник Святослава, 1076 г. Изд.: «Изборник 1076 г.» Под ред. С. И. Коткова, М., 1965.
ИларПосл XI сп. XIV	Послание Илариона, сборник, XIV в., ГБЛ, ф. 29 (Беляевск.), № 1548.
КВ к. XIV	Кормчая Варсонофиевская, XIV в., ГИМ, Чуд., № 4.
КЕ XII	Кормчая Ефремовская, XII в., ГИМ, Син., № 227.
КН 1280	Кормчая Новгородская, 1280 г., ГИМ, Син., № 132.
КР 1284	Кормчая Рязанская, 1284 г., ГПБ, Fn I, 1.
ЛИ ок. 1425	Летопись Ипатьевская, сп. ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ, т. 2, изд. 2. СПб., 1908.
ЛЛ 1377	Летопись Лаврентьевская, 1377 г. Изд.: ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет, изд. 2. Л., 1926, вып. 2. Суздаль-

	ская летопись. По Лаврентьевскому списку, изд. 2. Л., 1927.
ЛН XIII—XIV	Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв. Изд.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
Мин XII (июль)	Минея служебная, июль, XII в., ЦГАДА, ф. 381, № 122 (Тип., № 235).
МПр XIV	Мерило праведное, XIV. Изд.: «Мерило праведное, по рукописи XIV в.» Издано под наблюдением и со вступит. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961.
Надп 1383	Надпись на серебряном ковчеге страстей христовых в ризнице Благовещенского собора в Москве, 1383 г. Изд.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952.
Пал 1406	Палея толковая, 1406 г. Изд.: «Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.» Труд учеников Н. С. Тихонравова, вып. I. М., 1892; вып. II. М., 1896.
ПНЧ 1296	Пандекты Никона Черногорца, 1296., ГИМ, Син., № 836.
ПНЧ XIV	Пандекты Никона Черногорца, XIV в., ГИМ, Чуд., № 16.
Пр. н. XIV	Пролог сентябрьской половины, перв. четв. XIV в., ГИМ, Син., № 239.
Пр 1383	Пролог мартовской половины, 1383 г., ЦГАДА, ф. 381, № 172 (Тип., № 367).
ПрЛ XIII	Пролог Лобковский сентябрьской половины, 1262 г., ГИМ, Хлуд., № 189.
ПрП XIV—XV	Пролог (Прилуцкий), XIV—XV вв. ГПБ, СПб. Дух. Акад., А I 264, т. I, II.
ПрЮр XIV	Пролог (Юрьевский) сентябрьской половины, XIV в., ЦГАДА, ф. 381, 153 (Тип., № 153).
ПС XI	Патерик Синайский, XI в. Изд.: «Синайский патерик». Издание подготовлено В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной. М., 1967.
Пч. к. XIV	Пчела, XIV—XV вв. Изд.: В. Семенов. Древнерусская Пчела по пергаменному списку.— СБ. ОРЯС, т. LIV, № 4. СПб., 1893.
СбТр XII/XIII	Сборник (Торжественник), к. XII—н. XIII в. ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 12.
СбЧуд XIV	Сборник Чудова монастыря № 20, ГИМ, Чуд., № 20.
СкБГ XII	Сказание о Борисе и Глебе по списку Успенского сборника XII в. Изд.: «Сборник XII в. Московского Успенского собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. — Чтения ОИДР, 1899, кн. II.
Стих 1156—1163	Стихирарь, 1156—1163 г. ГПБ, Соф., № 384.
УСт XII/XIII	Устав студийский, к. XII или н. XIII в., ГИМ, Син., I, № 330.

MISCELLANEA

I. Слав. *vymę

Праславянское **výmę* реконструируется на основании с.-хорв. *vime*, чеш. *výmě*, русск. *вымя*, болг. *виме*. Таким образом, последний гласный — носовой *ę*, первый гласный — *y* (*ы*), а первый слог — ударенный и акутовый, т. е. долгий с восходящей интонацией. Прочие славянские формы согласуются с данной: укр. *вим'я*, словен. *víme*, польск. *wymię*, в.-луж. *wumjo*, слвц. *vymä* ~ *vemä*. Словацкое *vemä* должно, вероятно, объясняться вместе с характером чешского варианта *vemeno*, который имеет вокализм, соответствующий (**ě*), преобладающему в данном морфологическом классе и представленному в *břemeno*, *temeno*, *semeno*, *slemeno*[1].

Следовательно, как уже давно признано, нужно реконструировать **výmę* < *(*v*)*ūmen*-. Эта форма в свою очередь может быть раскрыта как **ūd(h)-men-* и связана с *ū́dhar*, *ū́dhnas*[2] и т. д. Эти индоевропейские родственные формы являются исключительно *r*/*n*-основами, и нет необходимости предполагать что-либо иное, нежели вторичное развитие, в ведийском для случаев явных форм *s*-основ[3]. Основной задачей представляется, таким образом, исследование, как должна быть объяснена славянская форма на -*men*-. Из ознакомления с литературой складывается впечатление, что некоторые существенные аспекты этой проблемы фактически не были подвергнуты серьезному обсуждению.

Фасмер зафиксировал, вероятно, наименее критический подход, а именно — относящий максимум сложности к праязыковому уровню: «Из и.-е. **ūdhmen-*, родственного лат. *sūmen* 'свиное вымя', возм. **sū-ūdhmen* (см. Фортунатов у Когена, ИОРЯС 17,

---

[1] Machek¹, стр. 578.

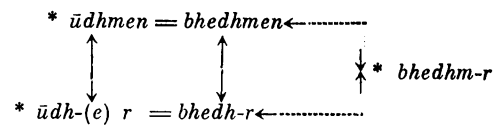
[2] Ср. акцентуацию (по Walde—Pokorny I, стр. 111), о которой см.: J. Wackernagel. Altindische Grammatik, Bd. III, Tl. 1. Göttingen, 1930, стр. 310: «При им.-вин. ед. ч. на -*ar*, формы на -*n*- всегда с ударением на основе... При им.-вин. ед. ч. на -*r̥t* или -*r̥k*, формы на -*n*- (с ударением на суффиксе) в слабых падежах имеют ударение на конце». Однако Вакернагель продолжает: «Ударение на основе в *ū́dhnaḥ* и т. д. может быть, по Соссюру, вторичным».

[3] Подробнее см.: J. Wackernagel. Указ. соч., стр. 310—311.

4, 402)»[4]. Это толкование повторено в «Български етимологичен речник» (см. это слово). Следует, однако, обратиться к словарю Эрну—Мейе относительно слова *sūgō*: «*sūmen* (из **seug-s-men*) ср. р.: 'сосок (груди, вымени)'; в кулинарии — 'свиной сосок'; отсюда — 'набухшая грудь, вымя'»[5].

Судя по этим данным, элемент **sū-* значит 'свинья' и предположение о срединном *-*dh*- невозможно.

С предполагаемым образованием Фасмер сравнивает лат. *femur*: русск. *бедро*. В статье о последнем слове Фасмер основывается на сравнении лат. *femen*, *feminis* с **ūdhmen*, для того чтобы связать *femur* и *бедро*[6]. Если бы это было так, следовало бы предположить следующую зависимость:

Но, как мы видели выше **ūdhmen* не имеет прочной индоевропейской родословной. Более того, словарь Эрну—Мейе относительно *femur* замечает решительно и точно: «Никоим образом нельзя связать со ст.-слав. бедро, которое само по себе является изолированным»[7]. Разумеется, древняя форма этого латинского слова — гетероклиза *femur*, *feminis*, т. е. **fem-r*, *-enes*. Даже если бы здесь был древний суффикс -**mer/n*-(что маловероятно), то оно не могло бы быть связано с *bedr*- или **ūdh-men*. Короче говоря, обе стороны сравнения, производимого Фасмером, рушатся.

Словарь Вальде—Гофмана высказывается уклончиво и объясняет мало: «Наряду с представленной здесь *r/n*-основой (см. Johansson Beitr. 1), имеется с другим суффиксом ст.-слав. вымѧ, с.-хорв. *vîme* (**ūdh-men*-) 'вымя'; глагол русск. *ýдить* или *ýдеть* (там же)»[8]. Почти то же самое находим в «Кратком этимологическом словаре» Н. М. Шанского и др.: «образовано от основы **ud*- . . ., подобно *семя*, *племя* (см.), с помощью суфф. *-men* (> *мя*)»[9].

Однако имеются и более удовлетворительные толкования, чем приведенные, а именно толкования, признающие в *vymę* существенную инновацию. Траутман уже давно объявил **ūdmen*-

---

[4] Фасмер I, стр. 369.

[5] Ernout—Meillet II, стр. 1172.

[6] Фасмер I, стр. 143.

[7] Ernout—Meillet I, стр. 399.

[8] Walde—Hofmann II, стр. 739. Аналогично, без объяснения, см.: Фасмер I, стр. 368—369: «Другая ступень чередования, вероятно, в *ýдить*, *ýдеть* 'набухать'». Статья *ýдить* (Vasmer III, 174) едва ли более содержательна.

[9] Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 71.

«преобразованием и.-е. **ūdh-r-* : *ūdh-n-*» [10]. Махек высказывается несколько более полно: «Праформа, следовательно, звучала *ūdh-r̥*, род. *ūdh-n-es*; славянские языки заменили *r/n* более распространенным суффиксом *men/(mer)*, возникшим в результате расширения этого *r/n*» [11]. Фриск подходит еще ближе: «Славянские языки преобразовали старое слово по типу многочисленных имен на *-men*»[12]. Словарь Вальде—Покорного добавляет другой аспект: «Вероятно, обозначено как «набухшее», ср. русск. *ýдéть* (так!) или *ýдеть*» [13]. Покорный просто повторяет это, но делает шаг назад: «слав. *men*-основа» [14]. Траутман добавляет, с характерной осторожностью и точностью, еще более важное доказательство, упоминая сравнение с лит. *tešmuõ* 'вымя' [15]; относительно литературы о *tešmuõ*, которое является субстантивом от *tě̃šti*, см. словарь Френкеля [16].

Теперь, когда мы убедились, что существует распространенное мнение об **ūd(h)men* как замене более древней формы, мы можем с полным основанием спросить, почему произошла эта замена и каким образом данная инновация конкретно происходит. Рассмотрим сначала последний вопрос.

**ūd(h)-men-* является как будто субстантивом, образованным от глагола; это, собственно, 'набуха-ние'. В этом отношении интересно, что в славянских языках есть подходящий глагол — *ýдить*[17]. Несущественно, были ли эти две основы действительно связаны в индоевропейском или они сблизились случайно. Достаточно того, что такой глагол мог послужить подобной интерпретации при рассматриваемом преобразовании.

Далее, почему появилось новообразование? Когда в балтославянском совпали придыхательные и звонкие взрывные, исконное **ūdh(e)r-* превратилось в **ūd(e)r-*. Так как в лат. *ūber*, *ūberis* и германских формах типа др.-англ., др.-сакс. *ūder*, др.-в.-нем. *ūtar*, др.-исл. *júgr* сохранился лишь *r* — альтернант первоначальной гетероклизы, допустимо, что и в балтославянском это была преобладающая форма. Наше предположение подкреп-

---

[10] Trautmann, стр. 334.

[11] Machek[1], стр. 578.

[12] Frisk 2, стр. 442—443.

[13] Walde—Pokorny I, стр. 111. Лит. *vė̃daras* 'внутренности' и т. д. должно быть связано не с рассматриваемым словом, а с санскр. *udára-* 'живот'; см. Fraenkel, стр. 1210, хотя он не всегда оспаривает обратное (см. стр. 553, под *paũdrė*).

[14] Pokorny, стр. 347.

[15] Trautmann, стр. 334.

[16] Fraenkel, стр. 1084. Френкель переводит *tě̃šti* 'anschwellen (von einem Körperteil); strotzendes, straffes Euter bekommen; словарь Senn—Salys—Brender ограничивает значение собственно набуханием вымени в период отела.

[17] Р. Якобсон (IJSLP I, 1959, стр. 273) предполагает дальнейшую связь *ýдить* с *уд* 'член'.

ляется наличием в литовском *ūdróti*, *ūdrúoti* 'быть супоросой'[18] и *paũdrė* 'нижняя часть живота (у людей), свиное подбрюшье'[19]. С другой стороны, слав. *výdra*, лит. *ū̃dra* < **ū̃drā* свидетельствует о том, что более раннее **udrā* (производное от названия воды) было преобразовано как производное vṛddhi. Эти две линии развития привели к совпадению двух основ, которые стали омонимами **ūdr-*. Один из них, имевший потенциально соответствующий глагол, был затем заменен отглагольным именным образованием, что устранило двусмысленность. Теперь видно, что правильной реконструкцией для этого уровня является не **ūdh-men-*, как это часто предполагается, а **ūd-men-*, так как к этому времени уже не было больше придыхательных; иначе же не произошло бы совпадение. Заметим, что языки, сохранившие старую форму основы, сохранили также и особые рефлексы придыхательных.

Позднée литовский должен был заменить **ūdmuo* точным синонимом *tešmuõ*. Таким образом, мы можем в какой-то мере сказать, что, как бы поразительно это ни казалось, *tešmuõ* — прямое продолжение **ūdh(e)r-*. Обе формы связаны рядом соответствий, которые являются одновременно фонологическими (*dh* : *d*), морфологическими (*u* → *ū*; *r/n* → *r*; *aud-* : *ūd-*; *-r* → *-men*) и синтактико-семантическими (*ūd-* : *teš-*). И мы можем, кажется, восстановить все ступени развития.

Точную форму и.-е. слова трудно установить. Бóльшая часть обстоятельных работ, касающихся этой проблемы, реконструирует, с обычным многообразием, предназначенным учесть все случайности, *eudh-*, *ŏudh-*, *ūdh-* или нечто подобное (см., например, словарь Фриска[20]). Формы с явным **eu-* представлены только в германской языковой области: др.-исл. *júgr*, др.-фриз. *jāder*, др.-сакс. *geder*, ср.-н.-нем. *jed(d)er*, — причем они конкурируют с другими формами на *ū-*[21]. Представляется предпочтительным рассматривать эти ограниченные и отклоняющиеся формы с **eu-* как вторичные инновации, хотя я не могу сейчас установить их источник.

Остаются, таким образом, др.-инд. *ū́dhar*, *ū́dhnas*, лат. *ūber*, *ūberis*, др.-англ. *ūder*, др.-в.-нем. *ūtar* (и прочие сходные германские формы) и балто-славянские образования с **ūdr-*, рассмотренные выше, с одной стороны, и греч. οὖθαρ, οὔθατος — с другой. Допустимо предположить, что вокализм латинских и германских форм мог бы существовать наряду с вокализмом греческого. Существенно, однако, что представлены два типа. Оба

---

[18] Fraenkel, стр. 1158.

[19] Там же, стр. 553.

[20] Frisk 2, стр. 443.

[21] См.: De Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961; стр. 294 и H. Falk, A. Torp. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, 2. Heidelberg, 1911, стр. 1410, под словом *yver*,

они достаточно изолированны, для того чтобы не рассматриваться как аналогические и на этом основании условно приписываться праформе. Каково было в таком случае их первоначальное распределение?

В подобной гетероклизе маловероятно наличие двух рядоположных парадигм, каждая с собственным вокализмом. Две ступени — *$\bar{u}$- и *$\bar{o}u$- (поскольку это единственное действительно возможное чередование) — должны были чередоваться в древней парадигме. Я показал в другой работе, что индоевропейское название воды должно было первоначально иметь форму **uodr*, **udn*-. Распределение форм в парадигме *$\bar{o}udhr$, *$\bar{u}dhn$- дало бы аналогичный тип. Вокализм *o* мог бы быть объяснен двояко. Он мог бы быть ступенью аблаута *o*, как в названии воды; в таком случае, однако, остается неясным, действительно ли изолированный русский глагол *ýдить* восходит к глагольной основе *$\bar{e}udh$- и родствен рассматриваемым или он представляет просто позднее случайное сближение. С другой стороны, *$\bar{o}udhr$ может содержать ларингальный с тембром *o*, а в таком случае это могло бы быть простое, изолированное, первичное индоевропейское имя, очень похожее на *iecur* = ἧπαρ. Остается, однако, неясным расположение ларингального по отношению к гласному. Можно реконструировать *oH_0udhr < *eH_0udhr или *$H_0oHudhr$ < *$H_0eHudhr$. Соответствующими нулевыми ступенями были бы *uH_0dhn- или *H_0uHdhn-.

Наконец, остается вопрос о конечном слоге им.-вин. п. в ед. ч. В представленных формах наблюдается явная дихотомия, если только можно доверять столь малому количеству случаев. Те языки (санскрит, латынь и германские), которые продолжают предполагаемый вокализм косвенной («слабой») основы, обнаруживают *-*er*. Греческий, обобщивший, как кажется, вокализм основы им.-вин. п. ед. ч., дает *-*r̥*. Представляется логичным предположить, что греческий обнаруживает первоначальную огласовку конца слова, а другие языки развили инновацию в процессе действия аналогии. Отметим также неподвижное ударение в этом типе имен в санскрите. Поэтому представляется, что основа была выравнена, с единым вокализмом и ударением повсюду, и «полный» вокализм был внесен в конечный слог им.-вин. п. ед. ч. Почему этот полный вокализм должен был быть использован здесь, не совсем ясно[22], но это может быть как-то связано с наличием в латыни, наряду с существительным, прилагательного — явление, ограниченное латинским языком и неизвестное другим языкам, имеющим существительное, но, возможно, древ-

[22] Семереньи (O. Szemerényi — «Kratylos» 11, 1966, стр. 218) предполагает, что *-er/-r̥* — старое чередование в именах среднего рода (в каких падежах или ситуациях?), в данном имени и в **osr̥*>ὄαρ 'жена'. Но ὄαρ хорошо согласуется с οὖθαρ как таковым, без дополнительных усложнений.

нее[23]. Поскольку адъективное употребление предусматривает три рода, имеющие различную огласовку им. ед. (как в *s*-основах), возможно, что новая полная ступень вокализма была в связи с этим придана имени существительному, параллельно *s*-основам среднего рода.

Итак, для первоначального имени существительного я реконструирую следующую парадигму (оставляя в стороне неясность с ларингальным): **óudhr*, *ūdhnés* и т. д. Существовала ли также в то время глагольная основа **óudh-* или **ēudh-* (т. е. *H_0eHudh-*, или *H_eeHudh-*, или нечто подобное), — мы не можем сказать. Возможно, было также и адъективное образование с одушевленным им. ед. **óudher* с приблизительным значением 'плодородный'.

II. О некоторых сложных моментах албанского консонантизма

1. Алб. *kohë*, слав. *časъ*

Эта албанская форма неоднократно реконструировалась как **kēsā*[24], несмотря на известную трудность рассмотрения *-h-* как рефлекса **s*. Славянское слово, кажется, должно рассматриваться как восходящее к подобной же форме[25], что вполне приемлемо.

Албанский начальный согласный не может восходить к **k'*, которое дало бы *th-*; подобным же образом и в славянском начальный звук не может быть **k'*. В славянском могло бы быть *k^w*, палатализованное перед гласным переднего ряда, как уже предполагалось[26]. Но перед исконным гласным переднего ряда оно дало бы алб. *s-*. Поэтому кажется единственно возможным бругмановское чистое велярное **k*.

Наиболее подходящим источником среднего алб. *-h-* является **sk'* или **k's*. Любое из них теоретически возможно и для слав. *-s-*,

---

23 Хотя классы основ различны, **udrā* (балто-слав.* *ūdrā*), ὕδρος 'выдра' наряду с **uodr* 'вода' почти параллельно *ūber* (прилаг.) при *ūber* сущ. Я склонен, таким образом, не согласиться с Эрну (A. Ernout. Aspects du vocabulaire latin, стр. 133), который рассматривает *ūber* (прилаг.) как инновацию.

24 Meyer, стр. 194 и G. Meyer. Albanesische Studien, III. Wien, 1892, стр. 3; Pedersen. — KZ, t. 36, стр. 279 и следующие за ними работы Иокля, Барича, Покорного и др. Из недавних см.: Tagliavini. L'albanese di Dalmazia, стр. 148; W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 174—175.

25 Vasmer III, стр. 304 (с обширной литературой); Machek[1], стр. 67 (с маловероятными предположениями о дальнейшем родстве); Sławski, стр. 113—114, поддерживают реконструкцию **kēso-*, так что дело едва ли продвинулось вперед с того места, где его оставил Траутман (Trautmann, стр. 131).

26 См., например: E. Hamp. The position of Albanian. — «Ancient Indo-European Dialects».Berkeley-Los Angeles, 1966, стр. 113—114.

ср. лит. *ašìs*, др.-прусск. *assis*, ст.-слав. ѡсь : лат. *axis*. греч. ἄξων. Таким образом, единственно разумной реконструкцией для этой пары слов является **kēsk'-* или **kēk's*. Подобная реконструкция подошла бы и для др.-прусск. *kīsman*, единственного предполагаемого родственного соответствия. Предполагалась и представляется возможной дальнейшая связь с *čajati* 'ждать' и даже с *čekati*, но в настоящее время это было бы не что иное, как недоказуемая корневая этимология[27].

Если бы диссимиляция и.-е. **sk'*>балт. *šk*, описанная Стангом[28], действительно существовала и была общей закономерностью, то **sk'* было бы исключено для древнепрусского, если только не предполагать утрату среднего **k* в группе согласных. Однако я не думаю, чтобы это было регулярное развитие, и скорее следовало бы ожидать **š*[29]. Поэтому я не вижу в настоящее время возможности выбора между **kēsk'-* и **kēk's-*.

2. Алб. *h(j)edh* 'бросать'

Происхождение этого слова сомнительно. В настоящем времени оно представлено и как *hedh*(~*-th*) и как *hjedh*(~*-th*). Претерит имеет форму *hodha*. В принципе можно рассмотреть три возможности.

1. *hjedh* могло бы восходить к **sk'ed*(*h*)-; *hodha* было бы из **sk'ēd*(*h*)-. Это обычное чередование гласных в албанских глаголах, и таким образом получает объяснение *j* в настоящем времени. Однако в этом случае нелегко объяснить конкурирующую форму *hedh*.

2. *hedh* могло бы быть основой с начальным ларингальным. В таком случае следовало бы ожидать гласный **a*, тогда как реально представленное *e* было бы результатом умлаута. То есть получаем **Had(h)ī-*, претерит *Hād(h)-*, сопоставимое с *marr*, *mora* 'брать'. Тогда остается объяснить суффикс в форме настоящего времени; кроме того, для данной реконструкции неизвестен прозрачный этимон.

3. *hedh* могло бы получиться из **sk'eud*(*h*)-, как уже давно предполагалось (по крайней мере, со времен Г. Мейера). В этом случае следовало бы предположить, что *hodha*<**sk'ēd-* является

---

[27] Непосредственная связь с *čekati* должна быть почти бесспорно отвергнута. Станг убедительно показал (Chr. Stang. — IJSLP, т. 4, 1961, стр. 67 сл.), что, исходя из лит. *kàkti* 'идти, путешествовать', *kakëti*, лтш. *kakt*, *kacêt*, др.-прусск. *kackint*, *kakīnt*, восходящих к *'достигать' и предполагающих претерито-презентную основу **kak-* 'достиг цели', можно через основу настоящего времени **kek-* 'хватает, достигает' прийти к **čekati* и далее — к итеративу **kēkā->čakati* (=*čitati* : *čьtǫ*).

[28] Chr. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 92—93.

[29] Ср. также алб. *h(j)edh*: лит. *šáudyti*. См. мои рассуждения по этому поводу в «Baltistica», т. 3, 1967, стр. 7—11.

рефлексом более раннего *sk'ēud(h)-. Трудно сказать, является ли это обычной индоевропейской редукцией долгого дифтонга или самостоятельным фактом албанского языка; я не знаю подобных случаев.

Такая реконструкция имеет три преимущества: отсутствие дифтонга на *j* объясняется из **eu*; в то же время мы получаем ценный и ясный пример этой ступени чередования дифтонга **eu*. Данная ступень чередования в албанском языке является обычным образованием, очень широко представленным; с другой стороны, после оформления вокализма *hodha*, при крайне редком **ēu*, вокализм *e* настоящего времени мог во многих диалектах преобразоваться в *je*. Таким путем легко объясняются обе зафиксированные формы настоящего времени. Наконец, имеются очень убедительные родственные соответствия в германском — англ. *shoot* и др. и лит. *šáudyti*.

Итак, этимоном является **sk'eud-*.

3. Алб. *kashtë* 'солома' и группа **lst*

Йокль дал, несомненно, правильное и наиболее убедительное объяснение фонологического ряда, к которому принадлежит данное слово:

k-thiell	: *thjeshtë*
hell(e) 'вертел'	: *heshtë*
vjel 'урожай винограда'	: *vjesht* 'осень'
kall	: *kashtë*[30]

Это означает, что группа **lst* дает рефлекс без следов **l*. Хотя все эти случаи фонологически сопоставимы, это не значит, что морфологические границы проходят везде в одном и том же месте.

Глагол *vjel*, вероятно, отражает назализованную форму настоящего времени — **u̯elnō* или подобную. Однако *je* не может быть древним в таком образовании, так как перед первоначальной группой согласных я ожидал бы *ja* < **e*. Таким образом, если основа — **u̯el-*, то суффикс в названии осени должен быть **-st-*. Основа в *k(ë)-thiell* не совсем ясна, несмотря на объяснение Йокля[31].

Поэтому и суффиксация неясна. Как я показал в другом месте, основа в *helle(e)* явно оканчивается на **-l-* (**haig(h)ul-*); следовательно, суффикс в *heshtë* должен быть **-st-* (ж. р.).

[30] N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin und Leipzig, 1923, стр. 214, 274, 329—330. О более ранних попытках объяснения этого слова см.: Tagliavini. Указ. соч., стр. 143 (под *kašt*).

[31] N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911, стр. 37—38. См. также: Tagliavini. Указ. соч., стр. 300.

С другой стороны, *kall*, *kallí* должно быть связано со ст.-слав. **класъ**, русск. *ко́лос*, с.-хорв. *klâs*, мн. *klăsovi*, словен. *klâs*, *klasû*, чеш. *klas* < праслав. **kôlso-*; далее связано с герм. *huls*, *hulst*. Таким образом, образование на *-*s*- представляется достоверным. Следовательно, *kashtë* допустимо членить не как **kol-stā*, а скорее **kols-tā*.

Это подводит к вопросу о возрасте данных образований. Они представляются очень старыми. Однако, если они так же древни, как ранние латинские заимствования, или еще древнее, трудно понять, почему формы на **e* не дали *ja*, поскольку, наряду с и.-е. формами типа *jashtë* < **e(k')st-* или *gjashtë* < **se(k')sti-*, имеются такие латинские заимствования, как *shalë* < *sellā* и *sharrë* < *serrā*. Если, далее, **viel-st-*, например, было образовано после того как началась дифтонгизация, давшая *vjel*, возможно также, что группа **ls* уже превратилась в простое **l*. В таком случае мы имеем не поздне-индоевропейское (= протоалбанское) **kols-tā*, а скорее раннеалбанское **kal-*(< **kols-*) + *-stā*.

Перевела с английского
Ж. Ж. Варбот

Л. А. Гиндин

НЕКОТОРЫЕ АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХЕТТСКОГО, I

1. Хеттский и отдельные вопросы пространственно-хронологического аспекта членения индоевропейского. 2. Экскурс в историю ареальных исследований хеттского с выделением хетто-арийской проблематики. 3. Арийские языковые элементы Передней Азии и их диалектная принадлежность; негативная оценка возможностей хетто-арийских языковых связей в историческую эпоху.

1. Далеко продвинувшаяся, особенно в настоящее время, интерпретация фактов хетто-лувийских языков с необходимостью повлекла за собой пересмотр многих традиционных постулатов, в частности тех, которые имеют непосредственное отношение к проблемам индоевропейской диалектографии и реконструкции индоевропейского языка эпохи наиболее интенсивного взаимодействия его диалектов. Фиксированные с первой четверти II тысячелетия хорошо сохранившимися письменными памятниками, хетто-лувийские языки предстали перед исследователями по отношению к реконструированному праязыку в поразительном своеобразии, несомненно предполагавшем достаточно длительную самостоятельную языковую историю со своими индивидуальными и, как сказали бы теперь, ареальными утратами и инновациями[1], осуществившимися в немалой части, видимо, в период до переселения хетто-лувийских племен в Анатолию. Это и ряд иных соображений подразумевают значительно более раннюю дату распадения индоевропейской общности, нежели принято было считать (конец III — начало II тысячелетия), и отодвигают ее вглубь, в любом случае ближе к рубежу IV и III тысячелетий[2]. С другой стороны, ввиду индоевропейского характера многих субстратных реликтовых языков Средиземноморья, включая Балканский полуостров, где, по всей вероятности, на юге один из догреческих лингво-этнических слоев был хетто-лувийским анатолийского происхождения[3], следует признать недостаточным

[1] Общий обзор специфически хетто-лувийских явлений см.: Kammenhuber 1959a, 1969, стр. 249 сл.; Гамкрелидзе 1964, стр. 2.

[2] Несколько иной аспект полемики по данному вопросу см. в нашем информационном обзоре Международного симпозиума по этногенезу балканских народов в Пловдиве (23—28 апреля 1969 г.). — ВЯ, 1970, 2, стр. 139 сл.

[3] Специально об этом слое см.: Гиндин 1967 (с литерат.).

перенос на середину III тысячелетия начала дивергентных процессов пространственного обособления индоевропейских диалектов и соответственно времени выделения хетто-лувийских языков, как это утверждается в трудах Аннелиз Камменхубер[4]. Ссылка, вслед за Шрадером и др., на существование в индоевропейском лишь названия для металла вообще, с позднейшим переносом по обособившимся диалектам на медь, бронзу и железо (и.-е *ai̯-os-[5])[6], может свидетельствовать о разделении индоевропейского, по-видимому, в неолите[7], но отнюдь не служить аргументом в пользу предлагаемой Камменхубер датировки, поскольку в различных географических районах хронология слоев далеко не совпадает. Так, на юге современной Болгарии в знаменитом раскопе близ местечка Каранова поздний неолит (слой Каранова IV) датируется концом IV—началом III тысячелетия[8].

---

[4] Kammenhuber 1969, стр. 338, 342 и др.; 1961, стр. 33, 70 сл.; 1961a, стр. 15 сл.; 1968, стр. 29. — Строго говоря, Камменхубер имеет в виду не распад в указанный период индоевропейской общности в целом, а вычленение хетто-лувийского, приблизительно одновременно с арийским, но позже греческого и армянского; эта последовательность была намечена еще Шпехтом, считавшим, что расселение носителей перечисленных языков осуществилось в первой волне внутри земледельческой культуры, и поддержана Краэ на материале «древнеевропейской» гидронимии в его многочисленных работах.

[5] Pokorny, стр. 15.

[6] Здесь очень важны показания хеттских письменных источников, засвидетельствовавших для названий основных металлов только неиндоевропейские заимствования из языков Передней Азии, resp. Восточного Средиземноморья, ср., например, хетт. NA₄ *kuu̯anna* (*n*)- = NA₄ *kunna (n)*-'медь; медно-синий; драгоценный камень' = лув. NA₄ *kunnanišа-tar*, сюда же в качестве заимствования из восточных средиземноморских языков, возможно, через хеттское посредство, греч. κύανος 'лазурит, синяя глазурь, темно-синяя эмаль', мик. *ku-wa-no*(?) (Friedrich HW, стр. 122; Frisk II, стр. 37); хетт. *ḫapalkii̯a*- 'железо' из протохатт. *ḫapalki*- то же (Friedrich HW Erg. I, стр. 4, 24), о возможности связи греч. χαλκός 'медь, бронза' с указанным протохаттским словом см.: Frisk II, стр. 1070 (со ссылкой на Пизани) и т. д.; притом только идеограммы обнаружены для обозначения золота (GUŠKIN) и серебра (KU. BABBAR) — Friedrich HW, стр. 276, 281. Сказанное наталкивает на мысль, что хетто-лувийцы, видимо, до переселения в Анатолию, т. е. до последних веков III тысячелетия, не были знакомы с металлургией как таковой; существо дела не изменится и в случае, если окажется достоверной предложенная Нойманом индоевропейская этимология хетт. *šuli*- 'свинец' < и. -е. *slī 'bläulicher Glanz', так как данная лексема не имеет семантических параллелей в других индоевропейских языках (G. Neumann. Hethitisch šuli-'Blei'. — «Festschrift J. Friedrich». Heidelberg, 1960, стр. 347 сл.). Между прочим, сходное положение наблюдается и в греческом, где одно лишь название серебра имеет ортодоксальное праиндоевропейское истолкование, прочие же названия, вероятно, представляют собой заимствования из субстратных и адстратных языков Средиземноморья.

[7] Kammenhuber 1969, стр. 339.

[8] Ср.: J. Mellaart. Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans. — L'ethnogenèse des peuples balkaniques» (-«Studia balkanica

В соответствии с заниженной датой выделения хетто-лувийских языков, причем из западной диалектной зоны, Камменхубер настаивает на незначительной их архаичности[9], что противоречит общепринятой и вполне достоверной оценке многих фактов из области лексики, морфологии и синтаксиса упомянутых языков[10].

Вместе с тем нельзя не согласиться с Камменхубер, выступающей против известного стремления использовать материал хетто-лувийских языков в качестве единственно достоверной отправной модели для воссоздания праиндоевропейского состояния. Несомненное значение хетто-лувийских языков как самой ранней письменной традиции заключается в коррекции того, что вырисовывается при сопоставлении архаичных явлений всех сохранившихся индоевропейских языков[11], где по-прежнему, кажется, важнейшая роль принадлежит греко-арийским фактам, более непосредственно и полно отразившим протоиндоевропейскую языковую систему периода наибольшей диалектной близости[12].

Помимо многого другого, значение памятников на хетто-лувийских и прочих древних языках Передней Азии еще и в том, что они, будучи хорошо датированы, содержат указания на реальные моменты, распределение которых на абсолютной временной шкале может способствовать более или менее близким к вероятности относительным и в отдельных случаях абсолютным хронологическим и пространственным построениям из области индоевропейских этно-лингвистических миграций и ареальных взаимодействий. Имеются в виду хеттские личные имена и некоторое число иного рода хеттских заимствований, обнаруженных в документах XIX в. до н. э. на аккадском языке из староассирийских торговых колоний в Каппадокии (Кюльтепе, Богазкёй, Алишар), а также арийские по происхождению: имена богов, личные (тронные) имена митаннийских царей и их приближенных из ряда аккадских (хурритских) клинописных источников и свыше десятка апеллативов, в большинстве коневодческих терминов, сохранившихся в трактате Киккули на хеттском и в аккадских клинописных памятниках из Нузы, а также, возможно, Алалаха и других мест юго-востока Передней Азии и Ближнего Востока. Судя по

5»). Sofia, 1971, стр. 127 и табл., где Караново IV считается переходным слоем от неолита к энеолиту.

[9] Kammenhuber 1961, стр. 44; 1969, стр. 343 сл.

[10] Mayrhofer 1965b; Иванов 1965 и др.; Gusmani 1968, стр. 19 сл.

[11] Ср.: Иванов—Топоров 1960, стр. 21; Иванов 1965, стр. 9; В. Н. Топоров. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. «International journal of slavic linquistics and poetics», V, 1962, стр. 31 сл.; Иванов 1963, стр. 7.

[12] Специально, с достаточной убедительностью, см.: И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967, стр. 85 сл. и др.; Kammenhuber 1969, стр. 343. Особенно очевидную перестройку (упрощение) во время обособленного существования хетто-лувийских языков претерпел глагол.

вавилонским источникам, проникновение арийцев в Месопотамию и в сопредельные области к западу могло начаться в XVIII—XVII вв.[13], в том числе и в государство Митанни[14]. Таким образом, датировка староассирийских таблиц служит terminus ante quem появления хетто-лувийцев в Анатолии, а годы правления упомянутого вавилонского царя — проникновения арийцев в Месопотамию.

В свете изложенного представляется существенно важным уточнение отдельных деталей лингвистической истории хетто-лувийцев после их выделения из индоевропейского этно-диалектного единства и до переселения в Анатолию. При этом основное внимание будет сосредоточено на различных фрагментах хетто-арийских ареальных взаимодействий, их характере и возможностях пространственно-временной проекции. Выбору именно этого аспекта из всего многообразия хетто-лувийских диалектных связей способствовали два момента: во-первых, наиболее ранняя, а для древнеиндийского, наряду с древнегреческим, и самая полная сохранность [15] по сравнению с другими индоевропейскими языками, во-вторых, заманчивая перспектива проследить неоднородные пласты хетто-арийских отношений в аспекте диахронической прерывности и разновременных региональных контактов с исторической эпохи вплоть до периода потенциальных диалектных схождений в рамках индоевропейского лингвистического континуума. Разумеется, в пределах одной статьи можно реализовать лишь часть намеченной проблематики.

2. Многоаспектная тема диалектных связей хеттского и его места внутри индоевропейской общности, начиная с пионерских работ Грозного[16], продолжает до наших дней вызывать оживленную дискуссию и неослабеваемый интерес[17]. Новый импульс,

---

[13] Первое упоминание о касситах, могущих, подобно хурритам, включать некий арийский этнический элемент, относится к 9-му году правления вавилонского царя Самсуилунаса (1740 : 1676).

[14] О датировке пребывания арийцев в Передней Азии см.: Kammenhuber 1961a, стр. 16 сл.; 1968, стр. 23 сл., 47 сл. и др.; Hauschild 1962, стр. 9; Mayrhofer 1966, стр. 26 сл. (с хронологической таблицей митаннийских царей, носящих, по его мнению, арийские имена, — стр. 31).

[15] Впрочем, разрыв между первыми хеттскими памятниками и древнейшими письменными памятниками на прочих индоевропейских языках составляет более половины тысячелетия.

[16] Ср., например: Fr. Hrozný. Die Sprache der Hethiter. — «Boghazköi-Studien», 1—2. Leipzig, 1917, где, помимо западно-индоевропейского кентумного облика хеттского, предполагается связь с италийским, кельтским и тохарским по наличию *-r* в медиально-пассивном залоге (стр. 156 и др.). То же спустя несколько лет утверждал Педерсен, присовокупив к упомянутым языкам еще фригийский (H. Pedersen. Le groupement des dialectes indo-européens. København, 1925, стр. 43 сл.).

[17] Обзор довоенной литературы по указанной проблематике см.: Порциг 1964, стр. 66 сл.; В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. — «Общее и индоевропейское языкознание». М., 1956, стр. 171 сл.; включая новые работы: Gusmani 1968, стр. 7 сл., 35 сл. и др. (примени-

главным образом в методологическом отношении, работы подобного жанра получили со стороны упомянутой монографии Порцига, опубликованной в 1954 г. (русский перевод появился спустя 10 лет). Нам уже приходилось писать неоднократно [18] о далеко идущем значении для решения проблем членения индоевропейского языкового пространства труда Порцига, впервые построившего свои выводы не только на учете фонетических и грамматических инноваций (это делалось и до него), но и на равноправном привлечении лексических новообразований из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, с определенным перевесом лексических изоглосс в выборе окончательных решений. В то же время в кругу интересующих нас проблем (лингвистические и этнические ареальные контакты, диалектные связи и т. д.) значительно возрастает удельный вес этимологического анализа апеллативной и ономастической лексики в его современном понимании, что особенно становится актуальным при исследовании языков таких, как хеттский, тохарский, подвергшихся существенной фонетической и грамматической перестройке и адаптации в иноязычной (в данном случае неиндоевропейской) среде, или реликтовых языков типа догреческих, фракийского и пр., почти целиком поглощенных суперстратом. Разумеется, достоверность свидетельств разного вида лексики в изучении лингво-этнической доистории увеличивается, если они фигурируют в совокупности с изоглоссами других языковых подсистем[19], как, например, при постулировании арио-греко-армянского ареального единства. В случае же хетто-арийских исторических и доисторических отношений грамматический и фонетический подтекст лексических соположений, за небольшим, но очень показательным исключением (наличие единичных сатемных рефлексов в хетто-лувийских языках обоих периодов)[20], почти полностью отсутствует. Выявлению ареальной дистрибуции и конфигурации отдельных индоевропейских диалектов или диалектных зон большую поддержку может оказать ономастическая, главным образом топонимическая лексика по причине ее географической закрепленности и лингвистической консервативности, но при безусловном соблюдении некоторых специфических процедурных моментов этимологического анализа собственных

тельно к изучению лексики); Kammenhuber 1969, стр. 127 сл. и др. (подробно, с полной литературой).

[18] Л. А. Гиндин. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 362; Гиндин 1967, стр. 12.

[19] Ср.: Kammenhuber 1969, стр. 343: о показательности лексических изоглосс между двумя и более языками' лишь в условиях существования между ними еще и морфологических связей.

[20] Специально о сатемных фактах в хетто-лувийских языках см.: Иванов 1958, стр. 18 сл.; Гиндин 1971, стр. 49 сл. (оба с литерат.).

имен[21]. Поучительным примером использования топонимии в указанном плане являются многие работы Краэ, реконструировавшего «центрально-европейский» ареал индоевропейских диалектов, известная книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева[22], а также последняя монография О. Н. Трубачева[23]. Надо думать, что комплексное использование данных апеллативной и ономастической лексики, где это возможно, должно привести к более однозначным выводам относительно географического ландшафта индоевропейских языков в доисторическую эпоху.

Однако вернемся к обзору исследований диалектных индоевропейских связей хеттского, уделяя специальное внимание оценке интересующих нас хетто-арийских отношений.

Сравнительно с другими индоевропейскими языками, Порциг из-за недостатка и крайней скудости материала, сопряженного с незначительным числом надежных этимологий, весьма скептически отнесся к возможностям достоверного определения места хеттского среди индоевропейских диалектов и разграничения его ареальных изоглосс[24]. Тем не менее полемика, разгоревшаяся вокруг его предположительных выводов, может быть сопоставлена по остроте с дискуссией вокруг индо-хеттской гипотезы Стертеванта. В целом Порциг склоняется к тому, чтобы включить хеттский, вопреки мнению некоторых предшественников[25], в восточ-

---

[21] Характеристику топонимической этимологии см. в докладе: Л. А. Гиндин. К методике выявления и стратификации лингво-этнических слоев на юге Балканского п-ова. «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 215 сл.

[22] Библиографию работ указанных авторов см.: Гиндин 1967, стр. 10 сл., 16 и список использованной литературы.

[23] «Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация». М., 1968.

[24] Порциг 1964, стр. 277.

[25] Точку зрения Педерсена см. выше, прим. 16; Бонфанте в ряде статей привел множество сопоставлений, сближающих, по его мнению, хеттский с языками «центральноевропейского» ареала и в первую очередь с греческим и наименее всего с латинским, см.: G. Bonfante. Note sur la chronologie de la langue hittite. — IF 52, 3, 1934, стр. 221 сл.; Он же. Encore de la place du hittite parmi les langues indo-européens. — IF 55, 2, 1937, стр. 131 сл.; Он же. La position du hittite parmi les langes indo-européens. — «Revue belge de philologie et d'histoire», 18, 1939, стр. 381 сл.; A. Meillet. Essai de chronologie de langes indo-européens. — BSL 32, 1, 1931, стр. 1 сл.: относительно лингвистических связей хеттского с кельто-италийскими ввиду их особой архаичности по причине вхождения в противоположные окраинные (периферические) области индоевропейского пространства. См. убедительный негативный разбор многих хеттско-греческих изоглосс, приводимых Бонфанте, и его гипотезы в целом у Камменхубер (Kammenhuber, 1961, стр. 54 сл). Там же по поводу «абстрактной теории» Мейе, положившего в ее основу (неверное, согласно Камменхубер) предположение об архаичности *-r* medio-passivi и отсутствии грамматического различия мужского и женского рода, свойственных языкам периферии; ср. об этом еще: Kammenhuber 1969, стр. 340 сл.; специально о медиальных *r*-формах 3 л. ед. и мн. в хеттском, тохарском, фригийском, кельтском и италийских см.: Порциг 1964, стр. 127 сл.

ную диалектную зону. Так, в конце специального раздела «Место хеттского языка» он следующим образом подытоживает ареально-изоглоссный материал: «В общем связи хеттского языка с западной группой гораздо слабее, чем связи тохарского с той же группой языков. . . Но установленные бесспорные связи с в о с т о ч н ы м и я з ы к а м и (разрядка наша. — *Л. Г.*) сохраняют свое значение, хотя их и недостаточно для того, чтобы точно определить место хеттского по отношению к соседним языкам»[26]. И далее, в последней главе более категорически: «хеттский, тохарский [27] и албанский языки . . .в результате сравнения каждого из них со всеми остальными индоевропейскими языками оказываются принадлежащими к восточной группе»[28]. Относительно же более частной проблемы хетто-арийских отношений Порциг высказывается довольно определенно, что «хеттский с самого начала находился в тесном соприкосновении с арийским (zu Beginn in naher Berührung)», но в подтверждение приводится одна-единственная общая лексико-морфологическая инновация: общеиндоевропейское название зимы — **ĝheim̥n-* в обоих языках имеет суф. *-t-*, ср. др.-инд. *hemantá-*, хетт. *gimmanz(a)*[29], чего явно недостаточно для подтверждения ареального соседства данных языков как в период индоевропейского единства, так и в период существования уже обособившихся диалектов.

Вскоре появляется целиком лексико-этимологическая монография П. Фронцароли[30], посвященная исследованию ареальных характеристик хеттского в рамках индоевропейского лингвистического пространства. Будучи семитологом по специальности, автор суммирует известный материал, извлеченный главным образом из словаря Фридриха, в выборе достоверных этимологий опираясь на семантические критерии. Подвергнув статистической обработке лексические изоглоссы, Фронцароли делает заключение о слиянии в хеттском на фоне сохранившейся архаической лексики двух языковых традиций: «восточной», реализуемой в лексе-

---

[26] П о р ц и г 1964, стр. 282.

[27] К принадлежности тохарского к западной группе см.: К а m m e n h u b e r 1961, стр. 45 сл., 69; 1969, стр. 346 сл.; ср.: Б е н в е н и с т 1959, стр. 105: тохарский — член доисторической группы, занимающей, возможно, вместе с хеттским, промежуточное положение между ареальными единствами — балтийским и славянским, с одной стороны, греческим, армянским и фрако-фригийским — с другой, т. е. языками, составляющими, по мнению многих, восточную зону индоевропейских диалектов.

[28] П о р ц и г 1964, стр. 315.

[29] P o r z i g, 1954, стр. 188; против инновационного характера данного примера Порцига вообще и в эпоху раннеисторических контактов в частности см.: K a m m e n h u b e r, 1961, стр. 51; M a y r h o f e r, 1965b стр. 247 сл; ср.: G u s m a n i, 1968, стр. 56.

[30] P. F r o n z a r o l i. Contributo alla definizione dialettale dell'ittita. — «Atti e memorie dell' Accademia Toscana di Scienze e Lettere, «La Colombaria»», XXII. Firenze, 1958, стр. 119—179 (с подробнейшим обзором литературы по данной проблеме).

мах, свидетельствующих об особо тесных связях с древнеиндийским и тохарским, и «центральной» (по Порцигу, «западная» зона) с лексическими изоглоссами, общими у хеттского в подавляющем большинстве с германским [31] и италийскими[32]. Исследование лексических связей хеттского только с «западной» группой индоевропейских диалектов продолжена И. Сорди[33], отметившего в итоге концентрацию этих изолекс в религиозной, социальной и правовой сферах.

Включение Порцигом хеттского в восточную группу языков и постулирование другими авторами значительной части хеттского словаря, ориентированного на центрально-западные диалекты, вызвало необходимость в новой ревизии всех фактов, находящихся в научном обиходе к 60-м годам. Такая относительно полная проверка как морфологических, так и лексических изоглосс предпринята в уже упоминавшейся специальной монографической статье Камменхубер[34]. При этом, в соответствии с методикой Порцига, для выделения сепаратных (лексико-морфологических) инноваций исследуются исключительные или региональные соответствия хеттского. Автор вновь обращается к инновационной ценности изоглоссы медио-пассива на *-r* в 3 л. ед. и мн. ч., охватившей в период до переселения хетто-лувийцев в Анатолию фриг., кельт., оскско-умбр., лат., тох., хетто-лув. языки, и изоглоссы, выразившейся в использовании древних вопросительных местоимений $*q^{u}i$-, $*q^{u}o$- в качестве относительных, объединяющей лат., оскско-умбр., тох., хетто-лув. Указывается в соответствии с этим определенное число общих лексических инноваций таких внушительных, как, например, **u̯ē-ntos* 'ветер' (лат., кельт., герм., тох., хетто-лув)[35], гетероклитическая основа **ei-t-er* 'путь' (лат., тох., хетто-лув.), **teutā* 'община', resp. 'народ, страна' (герм., оскско-умбр., кельт., иллир. (с мессап.), балт., хетт., где *tuzzi(i̯a)-* 'войско'[36], и пр. В противоположность тезису Порцига о восточно-диалектной принадлежности хеттского внутри

---

[31] О важности отмеченных Фронцароли связей хеттского с германским см.: E. Laroche [рец. на его монографию]. — BSL 542, 1959, стр. 84; там же о неправомерности статистического анализа применительно к хеттскому из-за фрагментарности сохраненного памятниками материала.

[32] На связи хеттского с латинским и германским в религиозной и правовой лексике Фронцароли, вслед за упоминавшимися выше статьями Бонфанте, обращает специальное внимание в работе: «L'antefatto indeuropeo nella formazione della civiltà ittita. — PdP LXVII, 1951, стр. 263 сл.

[33] I. Sordi. L'ittito e le lingue ie. occidentali. — RIL 93, 1959, стр. 210 сл.

[34] См.: Kammenhuber, 1961. Ср. в несколько обобщенном виде: Kammenhuber 1969, стр. 346 сл.

[35] Ср. иную ареальную интерпретацию, без хеттского соответствия: Порциг 1964, стр. 90.

[36] Ср.: Порциг 1964, стр. 294 сл. Против отнесения хеттского слова к **teutā* см.: Benveniste 1962, стр. 122 сл., однако ср.: Mayrhofer, 1964, стр. 194, со ссылкой на Семереньи в поддержку.

индоевропейского Камменхубер приходит к мысли, что «многое в индоевропейском понимается проще, если локализовать хетто-лувийский внутри общеиндоевропейского вблизи западной группы языков: кельт., герм., иллир., венет., латино-фаллиск., оскско-умбр. и тох.»[37]. Последний безоговорочно присоединен к западно-индоевропейским диалектам, с которыми его контакты, согласно Камменхубер, были даже более длительными, чем у хетто-лувийского[38]. Из рассматриваемых работ Камменхубер не совсем ясно, каким путем образовалось данное единство; видимо, подразумевается, что оно сложилось и функционировало, развивая общие инновации, достаточно долго после выделения из общеиндоевропейского сначала греческого и армянского, затем арийского[39], и продолжало существовать какой-то хронологический отрезок после отпадения хетто-лувийского, произошедшего, как уже писалось выше, неоправданно поздно[40]. По Камменхубер, именно к этому периоду (III тысячелетие) относится самый древний пласт хеттских ареальных изоглосс, характеризующий его в качестве представителя западной индоевропейской диалектной зоны[41].

Наряду с этим делается заключение, что до определенного момента нет ни одной достаточно авторитетной изоглоссы, связывающей хетто-лувийский с армянским[42], как нет фактов, объединяющих его с греческим и армянским одновременно[43]. Из многочисленных хетто-греческих эксклюзивных связей, предложенных Бонфанте (о чем см. выше), и с более строгим отбором в плане общих инноваций, — Порцигом[44], Камменхубер признает лишь одну-единственную специально греко-хеттскую изоглоссу, притом относимую к позднему индоевропейскому периоду: мультипликативный греческий суффикс *-ακις* — хетт. *-anki-*[45]. В отношении греческого подобный вывод не лишен вероятия. В целом же пространственная картина диалектного состояния индоевропейского в III тысячелетии вместе с относительной хронологической периодизацией вычленения отдельных диалектов, несмотря на ряд важных констатаций и интересных наблюдений, представляется в достаточной степени упрощенной и прямолинейной, многими пунктами соприкасающейся с различными модификациями родословного древа. Но коль скоро речь идет о выявлении простран-

---

[37] Kammenhuber, 1961, стр. 69; 1969, стр. 346 сл.

[38] Литературу см. выше, в прим. 25.

[39] В этом, по ее собственному признанию, автор следует Шпехту и Краэ с его «древнеевропейской языковой общностью» (Kammenhuber 1961, стр. 31, 70).

[40] Ср.: Kammenhuber 1969, стр. 348.

[41] Там же, стр. 347.

[42] Kammenhuber 1961, стр. 55, сл., 60.

[43] Там же, стр. 59.

[44] Порциг, 1954, стр. 279 сл.

[45] Kammenhuber 1961, стр. 55, 60, 70.

ственной дистрибуции родственных диалектов, то необходимо считаться, по крайней мере, с двумя моментами: наличием диалектов переходной зоны еще в доисторическую эпоху, это имеет некоторую актуальность в случае с хеттским[46] и возможностью проникновения для отдельных языковых явлений через границы диалектных регионов, нарушая четкое разделение на западную и восточную зону и образуя более дробное разбиение ареального индоевропейского пространства. В этом пункте подход Порцига оказывается в большей степени правдоподобным и отражающим реальное состояние исследуемых фактов, ср., например, очень характерное для него рассуждение о медио-пассиве на *-r* как инновации, затронувшей одновременно восточные (хеттский, тохарский, фригийский) и западные (италийский, кельтский) языки незадолго до переселения хеттов в места исторического обитания[47], т. е. в один из последних периодов индоевропейского единства.

В соответствии с общей направленностью акцентировать западную диалектную ориентацию хетто-лувийского Каммен-хубер склонна в значительной мере преуменьшать возможность достоверных ареальных связей хетто-лувийского с арийской языковой областью в доанатолийский период, хотя и признает правомерность тезиса Порцига о наличии несомненных ареальных хетто-лувийско-арийских контактов, повлекших общие инновации в указанную эпоху, до переселения носителей обоих языков в Переднюю Азию через Кавказ[48], и допускает в принципе три потенциальные группы подобных соответствий из разряда лексики, требующие, впрочем, тщательной проверки: 1) глаголы, не окрашенные какой-либо семантической спецификацией, типа *šeš-* 'спать' — др.-инд. *sas-* то же; 2) такие характерные «культурные слова, могущие восходить» ко времени контактов севернее Кавказа, как хетт. *turii̯a-* 'запрягать, anschirren' — др.-инд. *dhur-* 'запряжка, Anschirrungswerk', хетт. *ḫišša-* 'дышло' — др.-инд. *īṣā́* то же (для данных слов автор не исключает возможности независимого сохранения индоевропейского наследия); 3) ряд изолекс, возбуждающих вопрос, относить ли их за счет поздних контактов, либо они «скорее говорят о более раннем соседстве в индоевропейской прародине», например хетт. *arš(ii̯a)-* = лув. *aršii̯a-* 'течь' — др.-инд. *árṣati* то же.

Наконец, на примере хетт. *gimmant-* 'зима' — др.-инд. *hemantá-*, содержащих распространенный и в других индоевропейских языках суф. *-ant* для обозначения времени, поры (ср. др.-в.-нем. *âband* при др.-инд. *ápara* 'позже'), что не исключает независимого морфологического параллелизма или указывает на

[46] Л. А. Гиндин 1971, стр. 47 сл.
[47] Порциг 1964, стр. 130 сл.
[48] Ср.: Порциг 1964, стр. 277.

праязыковой характер этих образований, автор делает вывод о невозможности для подобного разряда слов быть свидетельством раннеисторических контактов хетто-лувийского и арийского внутри индоевропейского[49], вопреки изложенному выше мнению Порцига.

Несомненным упущением концепции и исследовательской процедуры Камменхубер следует считать оставление вне поля зрения в значительной степени интересных и сравнительно многочисленных хетто(-лувийско)-арийско-греческих изоглосс на фоне вполне вероятного почти полного отсутствия убедительных хетто(-лувийско)-греческих, о чем уже писалось выше[50].

Резко негативную позицию по поводу возможности каких-либо лингвистических связей на протяжении всей доистории хеттского и арийского занимает М. Майрхофер, этимолог по преимуществу, один из наиболее видных, наряду с Камменхубер, исследователей реликтов языка арийцев в переднеазиатских клинописных памятниках.

Проведя в особой статье «Хеттский и арийский словарь» (см. Mayrhofer 1965b) сплошное обследование хетто-арийских изолекс, приводимых главным образом Порцигом, Камменхубер (в указ. соч.), Бенвенистом в монографии, посвященной хеттскому и в предшествующей ей статье[51], Майрхофер пришел к категорическому заключению: «Не только отсутствуют решительные свидетельства (schlüssige Beweise) более близких контактов тех индоевропейских диалектов, из которых произошли хетто-лувийский и арийский, но нет также языковых показаний, подтверждающих кратковременную общность этих языков до появления в местах исторически засвидетельствованных, хотя бы в южнорусских областях»[52]. Однако этимологические рассуждения Майрхофера по поводу конкретных хетто-арийских изоглосс, в частности об упомянутых выше хетт. *šeš-*, *arš(i̯a)-*, *turi̯a-*, *ḫišša-*, а также о хетт. *i̯uga-* ʽярмо, упряжка', resp. ʽгодовалый, одногодичный': др.-инд. *yuga-*ʽярмо, упряжка', resp. ʽотрезок времени' (ʽпоколение'); хетт. *u̯arša-* ʽдождь, роса (?)' : др.-инд. *varṣá-* ʽдождь', хетт. *tapašša-* ʽлихорадка, жар (?), вообще какая-то болезнь' : др.-инд. *tapas-* ʽжар' и некоторых других (см. подробно о лексеме *ḫišša-* во II части), — едва ли во всех случаях справедливы, так как он исходит, по нашему мнению, из априорного, хотя как будто на первый взгляд не лишенного ос-

---

[49] См.: Kammenhuber 1961, стр. 49—51; ср.: Kammenhuber 1959a, стр. 31 сл.

[50] Ср.: Gusmani 1968, стр. 46 сл.

[51] См.: Benveniste 1962, 1954; Майрхофер в указанной статье во многих случаях опирается на свою обширную работу, содержащую много ценных наблюдений, опубликованную в связи с данной монографией Бенвениста (Mayrhofer 1964).

[52] Mayrhofer 1965b, стр. 257:

ваний предположения, что наличие сепаратных лексических связей между хеттским и арийским может быть только кажущимся, обусловленным утратами в словаре индоевропейских языков, письменно фиксированных значительно позже; мысль эта, по Майрхоферу, находит подтверждение в отсутствии правдоподобных общих хетто-арийских морфологических и синтаксических инноваций[53]. Не говоря уже о младограмматическом подтексте подобного рассуждения, здесь совершенно не принимаются в расчет некоторые рациональные положения современной сравнительно-исторической индоевропеистики, в том числе диалектно-ареальная и хронологическая конкретность большей части индоевропейских реконструкций аффиксально-морфологического уровня в особенности, достигаемых посредством сравнения реально засвидетельствованных форм[54], и формульная символика многих «праиндоевропейских» основ и в меньшей степени корней. В качестве контраргумента правомерно привести, видимо, следующее наблюдение. Письменную фиксацию гомеровских поэм от первых письменных источников армянского отделяет 12 веков; если же учесть предшествующую устную традицию, то, по крайней мере для отдельных кусков поэтического текста, необходимо добавить еще около пяти столетий. Тем не менее греко-армянские исключительные соответствия в области словаря, по общему признанию, самые многочисленные, хотя в армянском индоевропейская лексика в значительной мере замещена заимствованиями[55]. Пожалуй, еще показательнее пример относительно многочисленных сепаратных хетто-германских изолекс[56], потому что грамматических сколько-нибудь авторитетных изоглосс между хетто-лувийским и германским как будто не обнаружено[57]. Подобно Камменхубер, Майрхофер совершенно не касается греко-арийско-хеттских соответствий в области словаря, полагая, видимо, что это несомненные архаизмы.

---

[53] Mayrhofer 1965, стр. 245.

[54] Ср. из последних работ: И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние, стр. 84 сл.; Иванов 1968а, стр. 225 и др.; Иванов—Топоров 1960, стр. 21 сл.; Gusmani 1968, стр. 42.

[55] См.: G. R. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960 (особенно стр. 462); Порциг 1964, стр. 230 сл.; ср. также мощный пласт арийско-армянских и греко-арийско-армянских лексических и морфологических общностей (Там же).

[56] См. тщательную сводку хетто-германских лексических инноваций: Kammenhuber 1961, стр. 62 сл.

[57] Порциг (Порциг 1964, стр. 191) и Камменхубер (Kammenhuber 1961, стр. 59) отмечают лишь одну морфологическую изоглоссу, связывающую германский, венетский и хеттский: выравнивание аккузатива личного местоимения (и.-е, *mĕ) по номинативу, ср. венет. *eχo* : *meχo*, герм. (гот.) *ik* : *mik*. хетт. *uk* : *ammuk*; впрочем, в хеттском процесс аналогии мог произойти независимо, ср.: H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954, стр. 121.

Самым решительным образом в поддержку тезиса Порцига о включении хеттского в восточную диалектную зону индоевропейского доисторического пространства недавно высказался итальянский хеттолог Г. Гусмани, подобно Майрхоферу, выступающий главным образом как этимолог. Специально доказательству этого положения посвящена его новая монография «Il lessico ittito» (Napoli, 1968). Суммируя в ней почти весь известный до настоящего времени сравнительный лексико-этимологический материал хеттского, Гусмани на фоне достаточной, по его мнению, архаичности хеттского словаря и его явной ориентированности на индоевропейские языки восточной диалектной области усматривает особенно тесные и глубокие ареальные связи хеттского, в противоположность отрицательному взгляду Майрхофера и отмеченному выше скептицизму Камменхубер, именно с арийским при очевидном преобладании хетто-древнеиндийских соответствий. Такое положение вещей сложилось, с точки зрения Гусмани, в результате разновременных и разнохарактерных, но неизменно интенсивных на всем протяжении индоевропейской доистории лингвистических (resp. этнических) контактов хетто(-лувийского) и арийского[58]. Целиком опираясь на семантические критерии, автор рассматривает «центрально-западные» изоглоссы хеттского с италийским, германским и балто-славянским как принципиально иные по своей природе, сложившиеся в рамках культурно-исторического койне, поскольку они реализуются в семантически строго ограниченных сферах религии (лексические общности с латино-оскско-умбрским ареалом) и возделывания почвы (схождения с германским и балто-славянским)[59]. Наконец, подобающее место уделено хетто-арийско-греческим соответствиям, при почти полном отсутствии специфических хетто-греческих сравнений, — в определенных аспектах факт весьма показательный[60]. Все это в определенной степени импонирует и нашим представлениям. Но достоверность результатов Гусмани существенно снижается тем, что он практически и, вероятно, принципиально не делает различия между инновациями и архаизмами, сознательно полагаясь на количественные показатели различных по природе лексико-морфологических тождеств[61], явно преувеличивая их доказательную силу. Здесь автор в отрицании генуинных архаизмов впадает в противоположную Майрхоферу крайность, некритически восприняв, видимо, некоторые положения

[58] Gusmani 1968, стр. 51 и сл., 76 сл. и др. Констатируя превалирующие хетто-«санскритские» (в терминологии автора) отношения, следовало бы указать на относительную бедность, количественную и жанровую, иранских источников по сравнению с древнеиндийскими.

[59] Там же, стр. 75 сл. и др.

[60] Там же, стр. 46. См. еще: R. Gusmani. Isoglosse lessicali greco-ittite. — «Studi linguistici in onore di V. Pisani», I. Brescia, 1969, стр. 502—514.

[61] Gusmani 1968, стр. 42, 76 и др.

работ В. Пизани, например, мысль об исключительной роли «протосанскрита», под которым последний подразумевает некий «протоиндоевропейский» язык, послуживший в качестве стандартного образца в процессе образования индоевропейского единства [62] (Гусмани говорит прямо об особой роли санскрита в очень древнюю эпоху [63]). На этом мы прервем несколько затянувшийся по необходимости обзор литературы и перейдем к рассмотрению фактов, имеющих непосредственное отношение к формулированным выше задачам, заметив лишь, что столь значительная амплитуда в расхождении взглядов на диалектные и ареальные связи хеттского, безусловно, коренится в отсутствии четких критериев для разграничения инноваций и архаизмов, а также в различном взгляде на методологическую роль в ареальных исследованиях эксклюзивных соответствий как таковых, без уточнения упомянутых характеристик.

3. Изложение материала целесообразно начать с лингвистических фактов, относящихся к проблеме арийских вкраплений в языки Передней Азии именно в силу исторической конкретности этих фактов, выразившейся, в дополнение ко всему, в хронологической определенности. Кроме того, тщательная проверка большей части материала позволит до известной степени однозначно определить диалектную принадлежность переднеазиатских реликтов внутри арийских языков — вопрос существенно важный для уточнения абсолютной хронологии и пространственной (ареальной) характеристики членения индоиранской и соответственно индоевропейской общности в целом. Что же касается конкретно интересующей нас проблемы хетто-арийских ареальных отношений, то совокупный анализ арийских отложений в языках Передней Азии исторического периода, надо надеяться, даст возможность более узко истолковать хетто-арийские изолексы, находящиеся за рамками упомянутого слоя и уже поэтому представляющие для нашей темы факты особой важности.

Проблема переднеазиатских арийцев возникла приблизительно за три десятилетия до первых хеттских расшифровок Грозного. Начало научному подходу в исследованиях арийских языковых элементов, сохранившихся в переднеазиатских клинописных текстах, положил Г. Винклер, впервые идентифицировавший имена так называемых клятвенных богов из государственного договора между хеттским царем Суппилулиумасом I и последним митаннийским правителем Куртивазой с ведийскими богами *Mitrá-*, *Váruna-*,

---

[62] См.: В. Пизани. К индоевропейской проблеме. — ВЯ 1966, 4, стр. 19; V. Pisani. Indogermanisch und Sanskrit. — KZ 76, 1—2, стр. 47 сл.; Он же. L'indo-européen reconstruit. — «Lingua» VII, 4, 1958, стр. 345 сл.; Он же. Enstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden. — «Kratylos» XI, 1—2, 1966, стр. 136 сл.

[63] Gusmani, стр. 78.

Indra- и *Nāsatyā* (dual.)[64]. С тех пор в этой области знаний накопилась огромная литература — аннотированный библиографический список Майрхофера включает более 700 работ с 1884 по 1965 г.[65] — тем не менее многие вопросы, связанные с данной и смежной проблематикой: этимологии отдельных апеллативов и довольно многочисленных антропонимов, более узкая языковая (диалектная) принадлежность, нежели простое указание на арийское происхождение, размеры арийского компонента, исходная территория и пути проникновения этих арийцев в район Ближнего Востока, — не получили окончательного решения и до настоящего времени вызывают острую полемику.

Переднеазиатский арийский лингвистический материал распадается на несколько частей, неравных по объему и доказательной силе.

А. Наиболее многочисленная, но по своей природе наименее поддающаяся однозначному этимологическому истолкованию группа личных имен, отмечена у представителей правящего слоя государства Митанни, в том числе тронные имена некоторых царей, — обстоятельство, с самого начала обратившее на себя внимание. Из 142 личных имен, которым когда-либо приписывалось в специальной литературе арийское происхождение, засвидетельствованных в аккадских и хурритских клинописных источниках митаннийских провинций Нуза, Алалах, Арапха и др., переписки митаннийского царя Тушратты с правителями Египта, сохранившейся в египетском дипломатическом архиве Эль Амарна, Майрхофер, произведя новую ревизию материала в специальной работе, для 114 личных имен признал возможным арийское толкование; среди них полсотни, по его мнению, с большой долей вероятности могут быть сведены к антропонимическому и апеллативному слою раннего ведийского[66], в полном соответствии

---

[64] H. Winkler. Verläufige Nachrichten über die Ausgrabungen in Boghaz-köi im Sommer 1907, 1. Die Tontafelfunde. — MDOG 35, 1907, стр. 51.

[65] См.: Mayrhofer 1966, ср. рец. на эту книгу: A. Kammenhuber. — IF, 72, 1—2, 1967, стр. 130—146. Между прочим, в отечественной литературе долгое время, кроме небольшого доклада Вяч. Вс. Иванова (см. Иванов, 1968), по данной теме имелись только краткие упоминания в нескольких работах, см.: Иванов—Топоров 1960, стр. 13—15; Топоров 1962, стр. 62—63; Иванов 1963, стр. 29—30; Иванов 1963а, стр. 128; И. М. Дьяконов. В кн.: «Всемирная история». М., 1955, стр. 316; Г. А. Меликишвили. Урартские клинописные надписи. М., 1960, стр. 12; И. М. Дьяконов. Предыстория Армянского нагорья. Ереван, 1968, стр. 29—30, 43—45.

Когда наша работа уже была целиком подготовлена к печати, появилась обширная статья И. М. Дьяконова «Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа» (ВДИ 1970, 4, стр. 39—63), написанная в связи с монографией Камменхубер (Kammenhuber 1968); по возможности соображения и факты, содержащиеся в труде И. М. Дьяконова, приняты во внимание и учтены.

[66] См.: Mayrhofer, 1965, стр. 148, 150, 160; ср.: Дьяконов 1970, стр. 55.

с этимологическим анализом ниже рассматриваемых арийских вкраплений имен нарицательных и имен богов, сохранившихся в хеттских и хурритских (аккадских) клинописных текстах. При всех трудностях, с которыми сопряжена этимологическая интерпретация антропонимов вообще, к тому же записанных клинописью, плохо приспобленной к передаче фонемного состава арийских слов [67], имеются удивительно точные совпадения переднеазиатских арийских личных имен с ведийскими, хорошо толкуемыми на почве древнеиндийского словаря. Здесь полезно указать следующие [68].

Artatama (ar-ta-ta-[a]-ma, Эль Амарна, — Knudtzon 1915 II, стр. 1557) — один из царей Митанни, ср. ригвед. *ṛtásya dhāma* (RV, I, 123, 9; X 124, 3), Saṃh. *ṛtá-dhāman-* 'обитающий в Ṛta- ~ святом законе'. Полный эквивалент переднеазиатскому имени представляет более позднее скр. эп. *Ṛtádhāmā* — эпитет Вишны и Индры, встречающийся начиная с Рамаяны [69]. Подобным же образом толкуется царское имя *Artaššumara* (*ar-ta-aš-šu-ma-ra*, Эль Амарна, — Knudtzon 1915 II, стр. 1157, в текстах Алалаха также *ar-ta-šu-ma-ra* — Wiseman 1931, стр. 129), возможно, восходит к др.-инд. **Ṛta-smara-* 'чтящий (помнящий) Ṛta ~ святой закон', ср. ригвед. *smar-* 'помнить' [70].

Parsašatar (*pár-/bar-sa-ša-tar-* печать из Нузы и др., — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 112, ср. чтение *bar-/pár-sa-ta-tar* — Kammenhuber 1968, стр. 63 и др.; Дьяконов 1970, стр. 48 — оба вслед за А. Гетце (A. Goetze — JCS 11, 1957, стр. 67)) — отец владельца печати, митаннийского царя, засвидетельствованного около 1450 г., по имени *Sa-uš-ta-at-tar* (упомянутая печать из Нузы), *Sa-uš-sa-ta-at-tar* (Алалах), *Sa-uš-ša-tar* (Богазкёй) — относительно всех трех чтений см. в литературе, указанной при предыдущем

---

67 Так, Майрхофер в качестве примера приводит пять, кроме своего, равновероятных толкований имени митаннийского царя *Tušratta* (кл. *T/Du-uš-rat-ta* и *Tu-iš-e-rat-ta*); сам же Майрхофер предпочитает сравнение с ригвед. композитом *tveṣá-ratha-* 'тот, чья колесница несется неудержимо' (RV, V, 61, 13), ср. во многих гимнах раздельное употребление компонентов — *ráthaḥ. . . tveṣaḥ* (Mayrhofer 1959, стр. 79; 1965, стр. 152); ср.: Kronasser 1963, стр. 142; ср: Kammenhuber 1968, ср. 81; Дьяконов 1970, стр. 49.

68 Из многочисленной литературы по арийской ономастике Передней Азии см.: Knudtzon 1915; Gelb—Purves—MacRae 1953; Wiseman 1931; Dumont 1947; Brandenstein 1948; Kronasser 1957; Mayrhofer 1959, 1960, 1965, 1966; Hauschild 1958, стр. 87 сл. ;1962, стр. 14 сл.; Burrow 1955, стр. 27; Kammenhuber 1968, стр. 156 сл. и др.; Дьяконов 1970, стр. 48 сл. и др.

69 Dumont 1947, № 13; Mayrhofer 1965, стр. 151; Mayrhofer Wb. I, стр. 122; II, стр. 99; ср.: Hauschild 1958, 1962, стр. 14.

70 Grassmann, стб. 1614; к реконструкции данного переднеазиатского имени см.: Hauschild 1958, 1962, стр. 14; Mayrhofer 1965, стр. 164; ср.: Kammenhuber 1968, стр. 178; Дьяконов 1970, стр. 48; о возведении компонента *Arta* и в целом *Arta-* личных имен к др.-инд. *Ṛta-* антропонимам см.: Mayrhofer 1965, стр. 159 сл.

имени, а также Mayrhofer 1965, стр. 152; Mayrhofer 1966; стр. 30. *Parsašatar* обычно возводится к праиндоар. **pr̥ṣa-kṣatra* = др.-инд. **puruṣa-kṣatra-* 'осуществляющий господство над людьми', ср. ригвед. *pū́ruṣa-* 'человек и пр.' [71], *kṣatrá-* 'господство, власть' = авест. *ḫšaþrəm* то же [72]. Правдоподобие реконструкции снижается отсутствием реального ономастического композита или поэтического словосочетания в Ригведе. Возможна идентификация с ригвед. *pra-śāstár-* 'наставник, руководитель' (обозначение жреца) [73], resp. 'повелитель' = авест. *fra-sāstar-* 'повелитель' [74].

Bartašu̯a (*bar-ta-šu-a*, *-zu-a*, *-šu-ú-a* и пр., Нуза, — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 112) — личное имя, содержащее, вероятно, др.-инд. *áśva-* 'лошадь, конь', по всей видимости, из индоар. **ohr̥ta-aśva-*, ср. ригвед. *sám-bhr̥tāśva-* 'обладающий снаряженным конем', букв. 'с снаряженным конем' (эпитет Индры) (RV VIII, 34, 12) [75].

Biri̯aššu̯a (*bi-ri-i̯a-aš-šu-u̯a*, Алалах,—Wiseman 1931, стр. 132) — личное имя, отражающее, по-видимому, индоар. композит **priy-āśva-* 'имеющий любимых лошадей', т. е. 'любитель лошадей'; на потенциальную реальность данной реконструкции указывает прежде всего продуктивность основы *priyá-* 'любимый, приятный, желаемый', 'такой, какой хотелось бы' в образовании сложных слов типа кармадхарайа, нередко выступающих в качестве личных имен. ср. *Priyá-ratha-* 'имеющий любимые (желаемые) колесницы' из той же семантической сферы и др. [76], затем типологически сходное сочетание упомянутого *priyá-* с *hári-* 'буланый конь, feuerfarbenes Ross' [77] (RV X, 112, 4; V, 43, 5; IX, 50, 3), ср. словосложение *háripriya-* 'любящий буланых (лошадей)' по отношению к Индре (RV III, 41, 8); в греческом рассмотренному переднеазиатскому антропониму соответствует φ/Φίλιππος 'любитель лошадей'.

Biridašu̯a (*bi-ri-da-aš-u̯a*, Эль Амарна, — Knudtzon 1915, стр. 1559) — личное имя, также представляющее собой характерный для индоарийцев *áśva*-композит, содержит в первом компоненте страдательное причастие прош. вр. *prītá-*, подобно *priyá-*, образованное от глагольной основы *prī-* 'радовать и пр.', resp. 'заботиться, ухаживать', ср. следующие отрезки текста Ригведы: *vājī́ ná pritáḥ* 'как (хорошо) ухоженный конь' (RV I, 66, 4; 69, 5);

---

[71] Grassmann, стб. 833; ср.: Mayrhofer Wb. II, стр. 312.
[72] Grassmann, стб. 361; ср.: Mayrhofer Wb. I, стр. 284.
[73] Grassmann, стб. 882.
[74] Mayrhofer Wb. II, стр. 353.
[75] Mayrhofer 1965, стр. 156; прочие толкования, тоже на почве индоар. языков, в связи с различной интерпретацией первой части см.: Mayrhofer 1959, стр. 83, прим. 31; ср.: Dumont 1947, № 8, 7, вслед за ним Burrow 1955 (стр. 27): возводится к **Vārddhāśva-* 'сын Vr̥ddhāśva-', при идентификации последнего с нижеанализируемым *Biridašu̯a* в значении 'владеющий мощным конем'.
[76] Grassmann, стб. 891.
[77] Grassmann, стб. 1648.

vājín- 'сильный, быстрый и пр.', субстантивированно 'конь и пр.' [78]; *áśvān prī-* 'ухаживать за лошадью', в форме императива *prīṇītā́śvān* (RV X, 101, 7). Таким образом, для *Biridašụa* можно с достаточной вероятностью реконструировать индоар. праформу **prīta-aśva* ('хорошо) ухаживающий за лошадью', 'обладающий (хорошо) ухоженной лошадью' и пр.; его аналог в германских языках — др.-англ. *frīd-hengest* '(хорошо) ухоженная лошадь', в авестийском, но с другим причастным суффиксом — личное имя *Frīnāspa* с той же внутренней семантической формой; ср. также др.-перс. (ахеменидское, Персеполь) *Pirriyašba* [79].

Как уже говорилось выше, особенности клинописной передачи и собственно лингвистическая специфика антропонимии не накладывают жестких ограничений в выборе правдоподобных толкований. Однако достоверность данной интерпретации последних трех имен, подобно выше рассмотренному *Artatama*, значительно усиливается соотнесенностью их реконструкций с цельными оборотами (отрезками) поэтического текста Ригведы.

Biri̯aụaza (*bir-i̯a-ụa-za* и пр., Уне) < **priya-vāja-*, со вторым компонентом, индентичным ригвед. *vā́ja-* (**vaźa-*) 'победоносная сила, мощь; быстрота (лошади) и пр.' [80]; толкование первой части см. выше [81]. В целом композит может быть истолкован 'обладающий желаемой мощью, resp. быстротою' [82].

Та же соотносимая с ригвед. *vā́ja-* вторая основа вычленяется в личном имени *Šattaụaza* (*ša-at-ta-ú-a-az-za* и пр., Нуза,—Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 127) < **sāta-vāja*, где первую часть правомерно поставить в соответствие с ригвед. страдательным причастием прош. вр. *sāta-* от глагола *sā-*, *san-* 'достигать, приобретать, дарить', особенно часто сочетающегося с *vā́ja-* в значении '(богатая) военная добыча, награда, богатство и пр.' [83]; отсюда в целом переднеазиатский антропоним может быть интерпретирован 'захвативший (получивший) богатую военную добычу', 'богатодобычный'. Ригведа сохранила аналогичные сложения: *vā́ja-sāti-* 'получение военной добычи', *vāja-sā́ni-*, *vāja-sā́-* 'получивший (богатую) добычу и пр.' [84]. Клинописная графика, не различающая долгих и кратких гласных, допускает и другое объяснение *šatta-*

---

[78] G r a s s m a n, стб. 1254.

[79] Специально о *Biri̯aššuụa* и *Biridasụa* см.: M a y r h o f e r 1960, стр. 140; об ахеменидском антропониме в этой связи см.: M. M a y r h o f e r. Zu den neuen Iranier-Namen aus Persepolis. — «Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata», III. Roma, 1969, стр. 111.

[80] G r a s s m a n n, стб. 1250; M a y r h o f e r Wb., Lief. 20, стр. 182.

[81] Основу *Biri̯a-* в личных именах *Biri̯aụaza*, *Biri̯azzana*, *Biri̯aššura* объясняет из др.-инд. *priyá-* уже Бранденштайн (B r a n d e n s t e i n 1948, стр. 136 сл., 141 сл.).

[82] Ссылки на соответствующие поэтические фигуры в Ригведе и Авесте см.: M a y r h o f e r 1959, стр. 82, прим. 25.

[83] См.: G r a s s m a n n s. v. *san-* (стб. 1465).

[84] G r a s s m a n n, стб. 1254.

uaza как 'стосильный' на почве полностью совпадающего, при краткостном чтении первого слога, ригвед. *śatá-vaja-* 'представляющий, resp. имеющий стократные силы' (RV IX, 96, 9 и др.)[85].

К тому же типу сложений со вторым компонентом, сопоставимым с ригвед. *vā́ja-*, принадлежит имя соперника Артатамы — царя *Kurtiuaza*, в менее верном чтении *Mattiuaza*[86].

Наряду с основой *-uaza* ~ др.-инд. *vā́ja-*, ср. лат. *vegeo*, большую важность для абсолютной хронологизации возникновения сатемной изоглоссы составляет компонент *-zana*~др.-инд. *jána-* 'человек', resp. 'род, племя', др.-перс. (мидийск.) (*vispa*)-*zana* '(все) племена'[87], ср. лат. *genus*, греч. γονή и пр., наличествующий в *Biriazzana* (*bi-ri-az-za-na*, Нуза,— Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 115) < **priya-jana* 'происходящий из хорошего (*букв.* того, которого следует желать) рода', 'желаннорожденный'~ греч. Φιλογενής, ср. др.-инд. *priya-jata-* 'желаннорожденный' (Grassmann, s. v.). Интерпретация этих основ свидетельствует, что до проникновения арийцев в Переднюю Азию, по меньшей мере в начале XVI в., — как будет видно по мере изложения, это были, по всей вероятности, индоарийцы — процесс сатемизации уже охватил арийские языки[88]. Основа *-zana* также в личном имени **Uuagazzana*[89].

Элемент *-(a)tti*, встречающийся в ряде имен из Нузы и Алалаха: *Aš-šu-ra(-at)-ti* (Wiseman 1931, стр. 130), *Bi-ri-a-at-ti* (Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 115), *Ma-ri-a-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 141); *Šu-ua-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 147), *In-ta-ra-at-ti* (Lacheman 1958, стр. 125, № 420, 6), *Mi-it-ta-ra-at-ti* (Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 98), *Šu-ri-a-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 147) и др. — в определенной части может быть удовлетворительно истолкован, подобно некоторым другим, также на почве древнеиндийского (ведического) языка. Выступая обычно вторым компонентом, *-atti* сопоставимо с вед. *átithi-* 'странник, гость'[90] < **atəthi*; вокализация *ə* — лишь индийская инновация, в противоположность авест. *asti* из той же самой праарийской формы[91]. Укороченная клинописная транслитерация индоарийск. *-átithi-*, возможно, вызвана влиянием хур-

[85] К интерпретации см.: Burrow 1955, стр. 27; Mayrhofer 1959, стр. 81, сл.; 1965, стр. 152.

[86] Güterbock 1956, стр. 121, прим. 18, где реконструируется **kṛti-vāja-*; Майрхофер указывает на возможность связи с ригвед. gūrtá-vacas- (Mayrhofer 1965, стр. 154, прим. 32); см. еще: Thieme 1960, стр. 306, прим. 17; Kammenhuber 1968, стр. 81 и др.; ср.: Burrow 1955, стр. 27; Brandenstein 1948, стр. 137.

[87] Grassmann, стр. 28 сл.; Mayrhofer Wb. I, стр. 27.

[88] Ср.: Порциг 1964, стр. 116.

[89] См. подробнее: Brandenstein 1948, стр. 139; ср.: Mayrhofer 1965, стр. 149.

[90] Grassmann, стб. 28 сл.; ср.: Mayrhofer Wb. I, стр. 27.

[91] Ср.: Wackernagel—Debrunner II, 2, § 538, 186b, *a*.

ритского суф. *-(a)tti*, ср. ᴰIŠTAR-*atti* и пр.[92] В то же время первые компоненты перечисленных выше имен формально-семантически без каких-либо натяжек идентифицируются с ригвед. *ásura-* 'живой, духовный (о богах)', субстантивировано 'дух, бог'[93]; *priyá-* 'любимый, приятный' (см. выше), ср. *priyá- átithi-* (RV V, 1, 9) 'желанный гость', авест. *frya-asti-*; *márya-* 'молодой человек, герой', ср. апеллатив *maria-nni* 'колесничий'[94] (см. ниже); *sú-* 'прекрасный, хороший и пр.'[95]; *Índra-*, *Mitrá-*, *Sūrya-* — теофорные основы, о которых ниже подробнее; к самостоятельному употреблению в переднеазиатских памятниках ср. *In-ta-ra* (Нуза, — Lacheman 1958, стр. 11, № 18 b), *Mi-it-ra* (Угарит,— Nougayrol 1956, стр. 247)[96].

Следует особо выделить переднеазиатские личные имена, совпадающие с ведийскими на антропонимическом уровне: упомянутое *Mittaratti*—ригвед. *Mitrātithi* '≈ гость, угодный Митре' (RV X, 33, 7), что в свою очередь существенным образом усиливает правдоподобие изложенной выше интерпретации всей группы имен на *-atti*; затем *Indaruta* (*en-dar-ú-ta*, *in-tar-ú-da*, Акшап)— ригвед. *Indrotá-*, *Indra-ūtá-* 'покровительствуемый Индрой', *ūtá-* — страдательное причастие прош. вр. от глагола *av-* 'способствовать, содействовать, поддерживать'[97]; активное причастие настоящего времени от того же глагола, возможно, в митаннийском личном имени *Uuanti-i* (дат. п.)[98]; *Šubandu* (*šu-ba-an-du*, *-di*, Палестина) —ригвед. *Subándhu-* 'имеющий благородное родство' (RV X, 59, 8; 60, 7)[99].

В текстах из Алалаха встречается несколько одноосновных личных имен, полно соответствующих ведийскому по линии ономастики и апеллативной лексики (см. Wiseman 1953, s. vv.). *Šupra* (*šu-up-ra*), возможно, — ригвед. *śubhrá-* 'блестящий, красивый', в более поздних текстах так же как личное имя; *Zitra*

---

[92] См.: Kammenhuber 1968, стр. 169 сл., где хурр. *-atti* усматривается и в анализируемых нами именах; ср.: Дьяконов 1970, стр. 55.

[93] Grassmann, стб. 155; ср.: Mayrhofer Wb. I, стр. 65. Впрочем, см.: Kammenhuber, 1968, стр. 92 и др.; Дьяконов 1970, стр. 55, прим. 78: о туземном (хурритском или аккадском) происхождении *Aššuratti* от имени аккад. бога *Aššur* и пр.

[94] Grassmann, стб. 1010 сл.; ср.: Mayrhofer Wb. II, стр. 596 сл. О связи *mariannu* и соответственно *Mariatti* с урарт. основой *mari-*, обозначающей одну из высших групп царских служащих, см.: Kammenhuber, стр. 222 сл.; Дьяконов 1970, стр. 58 сл., ср. также ниже, прим. 217, где ссылка на Э. А. Грантовского, категорически утверждающего арийское происхождение *marianni* и пр.

[95] Grassmann, стр. 1526.

[96] Об именах на *-atti* см.: Mayrhofer, 1965, стр. 155; специально, но еще с возведением к индоиранскому слою см.: Mayrhofer 1960, стр. 138 сл.; ср.: Mayrhofer 1959, стр. 82 сл.; ср. также: Kammenhuber 1968, стр. 168 сл. и Дьяконов 1970, стр. 55.

[97] Grassmann, стб. 217; Mayrhofer Wb. I, стр. 89.

[98] Brandenstein 1948, стр. 139; Mayrhofer Wb. I, стр. 57.

[99] Grassmann, стб. 1542. Об этой группе имен см.: Mayrhofer 1965, стр. 150.

(*zi-it-ra*)—ригвед. *citrá-* 'блестящий, светлый, сияющий', *Citra-*, имя одного из царей в Ригведе[100], ср. в сложении *Zi-it-ri-i̯a-ra*[101] и др.; *Šatu̯u̯ana* (*ša-tu-u̯a-na*), *Šatu̯u̯a* (*Ša-tu-u̯a*)—ригвед. *sátvan-*, *satvaná-* 'отважный', 'доблестный воин'[102]; *Tugra* (*tu-ug-ra*)—ригвед. *Túgra-*, личное имя, в частности одного из врагов Индры[103], и др.

Однако на почве одних личных имен, сколь ни красноречив приведенный выше этимологический материал, затруднительно с достаточной убедительностью доказать индоарийское происхождение арийских отложений в языках Передней Азии и соответственно в языке господствующей прослойки государства Митанни, во-первых, по причине общей специфики ономастических фактов, к тому же дошедших в многозначных клинописных передачах, и, во-вторых, из-за наличия соответствий многим переднеазиатским антропонимическим основам в апеллативной и ономастической лексике Авесты и других иранских лингвистических источников. Последнее неизбежно влечет за собой возможность иных объяснений, в частности возведение к какой-то диалектной разновидности нерасчлененного праарийского (индоиранского), — обстоятельство, сохраняющее свою силу и при этимологизировании арийских апеллативных вкраплений в переднеазиатских клинописных текстах [104]. Впрочем, здесь уместно напомнить весьма здравое суждение Тиме: «Интерпретация арийских имен часто конъектурна, но нет таких случаев, чтобы нельзя было признать их индоарийское или древнеиндийское происхождение» [105].

В этих условиях наибольшей достоверностью в смысле индоарийской принадлежности (с определенными дефинициями) переднеазиатских арийских лингвистических фактов, в силу некоторых моментов, которые станут ясны из последующего, обладают имена богов в их контекстно-функциональном употреблении и отдельные апеллативы, засвидетельствованные в хеттских и аккадских (хурритских) клинописных памятниках. Более того, относительно удовлетворительные результаты могут быть достигнуты лишь как следствие единого подхода к проблемам, связанным с филолого-этимологическим анализом переднеазиатских арийских

---

[100] Grassmann, стб. 452.

[101] Относительно возможных толкований *Zitri̯ara* см.: Mayrhofer 1959, стр. 81, прим. 19 (с литературой).

[102] Grassmann, стб. 1455.

[103] Grassmann, стб. 538. О всей группе имен см.: Mayrhofer 1960, стр. 142.

[104] Ср. аргументацию, методику и подобный вывод в работах Майрхофера до 1961 г. и в трудах Камменхубер, неизменно защищающей тезис об «Urarisch»=«Ur-Indo-iranisch» относительно переднеазиатских лингвистических реликтов, с некоторыми допущениями в сторону их индоарийской диалектной ориентированности (Kammenhuber 1961a, стр. 18; 1968, стр. 234 сл. и др.).

[105] Thieme 1960, стр. 302.

личных имен, имен богов и апеллативов, когда выбор частных решений в одном разряде фактов в немалой степени зависит от однозначно интерпретируемых явлений в смежных группах.

Б. Среди имен многочисленных богов хурритского и хеттского пантеона несколько, как уже писалось выше, полностью совпадают с именами богов, известными из арийских источников, и прежде всего из Ригведы, не считая уже рассмотренных и оставшихся за пределами нашей работы теофорных личных имен.

Так, в Богазкёйском архиве сохранились тексты двух взаимных версий упоминавшегося выше договора между хеттским царем Суппилулиумасом I и последним митаннийским царем Куртивазой (интерпретацию имени см. выше), составленных на аккадском языке около 1350 г. Оба текста в ряду хурритских «клятвенных» богов, по обычаю употребляемых в договорах, содержат, причем в заключительной группе, следующие четыре имени, которые приводятся здесь в транскрипции Э. Вайднера с применением шумерских идеограмм, принятых в хеттской графике.

DINGIR ^{MEŠ} *Mi-it-ra-aš-ši-il* [-el] DINGIR ^{MEŠ} *Ú-ru-u̯a-na-aš-ši-el* ^{D}*In-dar* DINGIR ^{MEŠ}*Na-ša-a [t-ti-i̯a-a]-n-na* — хетто-митаннийская версия (Weidner BoSt, стр. 32, стк. 55—56) и с некоторыми вариациями: DINGIR ^{MEŠ}*Mi-it-ra-aš-ši-il* DINGIR ^{MEŠ}*A-ru-na-aš-ši-il* ^{D}*In-da-ra* DINGIR ^{MEŠ}*Na-ša-at-ti-i̯a-an-na* — митаннийско-хеттская версия (Weidner BoSt, строка 54, стк. 41). Основы трех имен богов в данных цитатах: *Mitra-ššil* (*-ššel*), *Indar*=*Indra*, *Našattii̯a-na* — представляют собой точный эквивалент ведийским *Mitrá-*, *Índra-*, *Nā́satyā* (dual.). Значительные трудности формального порядка сопряжены с идентификацией четвертого клинописного имени серии «клятвенных» богов — *Ū́ruu̯ana-ššel*=*Aruna-ššil* и вед. *Váruṇa-*, хотя их тождество признается подавляющим большинством специалистов[106]. Предложено несколько объяснений клинописного написания *ú-ru-u̯a-na*, как-то: равнозначность транскрипций клинописных знаков для *u*, *ú*, *u̯a* при возможном сокращении (чередовании?) *-(u)u̯a* в *u*, ср. хетт. *laḫuu̯ai*: *laḫui*, resp. *laḫḫuu̯atin*: *laḫḫutin*[107], произвол писца, истолковавшего последовательность *Váruṇa* через клинописное *uruu̯ana*[108]. К сожалению, ни одно из этих объяснений в отдельности нельзя признать достаточно убедительным. По-видимому, в деформированности клинописной передачи повинен весь комплекс отмеченных обстоятельств, усугубленный чуждостью арийских богов в хурритском пантеоне, ставших ко времени заключения договора (1350 г.) уже анахро-

---

[106] Обширный список старой литературы по поводу указанной идентификации см.: W e i d n e r BoSt, стр. 32, прим. 2; исчерпывающая библиография: M a y r h o f e r 1966. Против последнего отождествления: Д ь я к о н о в 1970, стр. 56 сл.

[107] F r i e d r i c h 1960, § 17a; Д ь я к о н о в 1970, стр. 53, прим. 72.

[108] Ср.: A. G o e t z e y T h i e m e 1960, стр. 303, прим. 9.

низмом. Напомним также, что рассматриваемый контекст — единственное упоминание арийских богов в многочисленных хурритских памятниках. Вариант *A-ru-na* также обусловлен, видимо, попыткой осмыслить (возможно, прояснить) человеком, писавшим митаннийско-хеттскую версию договора, затемненное в силу упомянутых причин имя бога *Váruṇa-*, либо поставив его в связь с хетт. *aruna-* 'море; редко в качестве бога моря' (в Ригведе *Váruṇa-* часто ассоциируется с водой, и особенно с морем)[109], либо расленив нижеанализируемый дуалис двандва-композита *Mitrā́váruṇā* на два самостоятельных дуалиса: **Mitrāu* и **Aruṇā*[110]. Однако какие бы ни выдвигать объяснения клинописным модификациям индоар. *Váruṇa-*, в их тождестве нас убеждают прежде всего отмеченные в свое время Дюмезилем два стиха Ригведы (RV X, 125, 1 bc), являющиеся почти полным структурным и функциональным аналогом цитированным клинописным сериям имен богов, и «канонический» порядок их упоминания в обеих версиях хеттско-митаннийского договора в полном соответствии с иерархической лестницей ведийского пантеона и индоевропейского в целом (аналогично «трехчленной структуре» идеологии, реконструируемой Дюмезилем)[111].

В указанном месте Ригведы от имени Великой богини Речи (*Vāc Āmbhṛiṇī*), которая воспевает свое могущество в 125-м гимне, говориться: *ahám mitrā́váruṇobhā́ bibharmy ahám indrāgnī́ ahám aṣvínobhā́* 'я (богиня *Vāc*) несу (на себе, в себе, или поддерживаю)[112] обоих Митру и Варуну, я [несу] Индру-Агни, я [несу]] обоих Ашвинов'. Подобие переднеазиатской и ведийской серии имен богов станет еще очевиднее, если учесть, что *Nā́satyā* — синоним *Aśvínā*, а композит двойственного числа *Indrāgnī́* мог быть употреблен для образования формально-грамматического параллелизма всех членов внутри ведийской группы богов[113].

Независимо от того, воспринимать ли идеограмму DINGIR ^{MEŠ} (мн. ч.), предваряющую формы *Mitrašši/el*, *Ūruṷanaššel=Arunaššil*

---

[109] Thieme 1960, стр. 303; ср. Kronasser 1963, стр. 142; Laroche 1947, стр. 72 (с литерат.); Kammenhuber 1968, стр. 141 (с литерат. в прим. 436), 148, 184; влияние со стороны хетт. *aruna-* не исключает и Дьяконов (1970, стр. 53). Относительно точки зрения Кречмера, ошибочно принимающего данное аккадское написание за первичную форму из хетт. *Aruna-*, см. ниже, прим. 129 и др.; ср. примыкающую в какой-то мере к идее Кречмера гипотезу Иванова (1968, стр. 389 сл.).

[110] Thieme 1960, стр. 303.

[111] См.: Dumézil 1945, гл. 1; 1947, стр. 125 сл.; 1948, стр. 77; 1952, стр. 9 сл., 14; 1961, стр. 272 сл., и другие работы; Thieme, 1960.

[112] Тиме предлагает возможный перевод *bibharmi* также 'я несу [в своем чреве]', полагая, что упомянутые здесь боги, выступая в функции охранителей договора (имеется в виду и митаннийский договор) могут рассматриваться в Ригведе как дети богини Речи или существа, зависимые от нее (Thieme 1960, стр. 316, 303); судя по контексту всего гимна, в такой конъектуре нет необходимости.

[113] Ср.: Thieme 1960, стр. 303.

и *Našattịanna* в качестве графического детерминатива[114], либо признать за ней самостоятельную лексическую значимость[115], употребление множественного числа в противоположность единственному числу DINGIR при *Indar=Indara* следует, по всей вероятности, отнести за счет стремления передать средствами аккадского языка, на котором составлен договор (впрочем, оформление имен могло быть и хурритским), идею парности, заключенную в дуалисе специфического индоарийского двандва-композита *Mitrā́vā́ruṇā*, наличествующего в цитированном отрывке, как и вообще во многих местах Ригведы, см., например, RV I 122, 6, 15; 137, 1, 3; 152, 1, 7 и др.; ср. еще дуалис *Índravā́ruṇā* (RV III 62, 1—3 и др.), *Índranā́satyā* (RV VIII, 26, 8) и т. п. Особенно показательна идеограмма мн. числа DINGIR ^{MEŠ} перед *Našattịanna*, поскольку вед. *Nā́satyā* были братьями близнецами, подобно греч. Διόσκουροι, с внутренне присущим дуализмом. Идея множественности, заключенная в органическом дуализме Насатьев, кроме того, выражена в клинописном *Na-ša-at-ti-ịa-an-na* хурритским элементом *-na* — по Дьяконову, суффигированный определенный (постпозитивный) артикль мн. числа[116], по Тиме, указательная (определительная) частица мн. числа[117]; различная трактовка *-na* сути не меняет, так как разница здесь терминологическая[118].

Интерпретация *-ššel/-ššil* связана с значительно большими затруднениями по той причине, что в точно такой форме этот элемент не встречается ни в аккадском, ни в хурритском. Попытка Фридриха истолковать его в качестве связанного каким-то образом с хурр. *šin* 'два' грамматического показателя, присоединенного к индоарийским формам для обозначения двойственного числа каждого имени в отдельности из состава ведийского двандва-композита *Mitrā́vā́ruṇa* наталкивается на отсутствие такового в случае с *Nā́satyā*, отражающем не только грамматический, но и семантический дуалис.

Более продуктивным представляется подход Гетце и Дьяконова, рассматривающих последовательность *ššel/ššil*: первый — как цепь суффиксов: $^{DINGIR.\ MEŠ}$ *Mitra-š* (множественное неопределенное, 'Митра-боги'; именно к этому комплексу детерминатив); — *Mitra-šše* < *Mitra-š-we* (род. п., являющийся фактически поссессивным

---

[114] F r i e d r i c h 1948, стр. 314; T h i e m e 1960, стр. 304 (с литерат.); G o e t z e у Тиме (T h i e m e 1960, стр. 305); видимо, K a m m e n h u b e r 1968, стр. 149, 195.

[115] W e i d n e r BoSt, стр. 32, 33, стк. 55 сл., стр. 54, 52, стк. 41; судя по транскрипции и переводу; Д ь я к о н о в 1970, стр. 52 с прим. 66.

[116] Д ь я к о н о в 1970, стр. 52, прим. 71; там же об удвоении *-n-*; ср.: K a m m e n h u b e r 1968, стр. 77 и др.

[117] T h i e m e 1960, стр. 304, со ссылкой на Speiser InH, стр. 101 сл.

[118] Ср.: Д ь я к о н о в 1967, стр. 137—139.

прилагательным 'относящийся к Митра-богам'); — *Mitra-šše-l* (-*l* после выпадения *(a)n<šan* в аккадском контексте; аккузатив, 'некие (неопределенно) относящиеся к Митра-богам') [119], второй — как цепь грамматических и лексико-грамматических показателей: элемент -*(a)šše-* (его аналитическая транскрипция [-a͞sše-] — фонетическая реализация род. п. мн. ч. *-*az̄-we*) + окончание -*l* вместо -*lla* — хурритская местоименная связка мн. ч. [120], либо вместо митаннийского хурритского *lla-n*, с опущением -*an* в аккадском переводе, принятым писцом за энклитический союз [121]. В итоге обе интерпретации обеспечивают весьма близкий перевод интересующий нас клинописной записи: (Гетце) «[Gods] belonging to (accompanied by) god Mitra, gods belonging to (accompanied by) god Varuṇa [in particular:] god Indra, the gods Nāsatyā» [122]; при этом Гетце и Тиме усматривают эквивалент такому толкованию клинописного написания с -*ššel*/-*ššil* в ведийском hapax (RV VIII, 35, 13) *Mitrā-Váruṇavantā... Aśvínā* (=*Nā́satyā*) 'Ашвины сопровождаемые (accompanied by, у Гельднера — begleitet) Митрой и Варуной'; (Дьяконов) '(из) митриных они суть; боги (из) урвановских они суть; Индра; Нашатьи» [123].

В цитированной статье «Арийские боги митаннийских договоров», имевшей большой резонанс и значительно усилившей аргументацию в пользу индоарийского происхождения арийских заимствований в языках Передней Азии [124], Тиме подверг тщательному анализу всю совокупность проблем, связанных с параллелизмом рассмотренных клинописной и ведийской серий богов. Оперируя большим материалом Ригведы, он показывает неслучайность, с точки зрения ведической религии, выбора данных индоарийских богов при скреплении митаннийского договора [125] (о «каноническом порядке» их упоминания см. выше).

Для доказательства индоарийского тезиса существенно важно, что только Митра в функции охранителя договора может быть возведен к общеарийскому состоянию [126], ср. др.-инд. *Mitrá-* 'бог Митра' ~ *mitrá-*'договор и пр.' = авест. *Miþra-* ~ *miþra-* [127],

---

[119] Goetze y Thieme 1960, стр. 305, прим. 13; там же аналогично предлагается анализировать и DINGIR. MEŠ *U-ru-ṷa-na-aš-ši-el*.

[120] Дьяконов 1967, стр. 152.

[121] Дьяконов 1970, стр. 52.

[122] Goetze y Thieme 1960, стр. 305.

[123] Дьяконов 1970, стр. 52; специально отвлекаясь от культурно-исторического фона, в частности сопоставления с контекстом Ригведы, Дьяконов на основании *Ū-ru-wa-n(a)* реконструирует **Urwan(a)*, предлагая это имя объяснить индоиранстам.

[124] Например, для Майрхофера, по его собственному признанию, эта статья послужила поворотным пунктом в пересмотре индоиранского тезиса в сторону индоарийского (Mayrhofer 1961, стр. 457).

[125] Thieme 1960, стр. 316 сл.

[126] Thieme 1960, стр. 315 сл.; 306 сл.; ср.: Dumézil, 1948, стр. 79 сл.

[127] Mayrhofer Wb. II, стр. 633.

в то же время Варуна ни в какой божественной ипостаси в древнеиранском не засвидетельствован[128]; ведийскому композиту *Mitrá-Váruna-* в Авесте соответствует *Miþra-Ahura*, *Ahura-Miþra*[129].

К специфическим переднеазиатским заимствованиям из индоарийского с достаточной степенью определенности может быть отнесено хетт. *Ag/kni-*, предположительно имя бога огня. Оно всего несколько раз засвидетельствовано в формах ᴰ*A-ak-ni-iš* (им. п.) и ᴰ*Ak-ni-i̯a-aš* (род. п.) в новохеттских текстах ритуального характера, обнаруженных в Богазкёйском архиве. На подобие этого имени др.-инд. (вед.) богу огня *Agní-* впервые указал Грозный[130], совершенно точно истолковавший приводимую ниже фразу из KUB VIII, 28.

В недавней совместной статье, специально посвященной возможности индоарийского происхождения хеттского бога *Akni-* Оттен и Майрхофер вновь подвергли совокупному анализу все данные, касающиеся этой сложной проблемы[131]. Исследование немногочисленных контекстов, где встречается *Ag/kni-*, осуществленное Оттеном, приводит авторов к мысли о юго-восточной Малой Азии как потенциальной области возникновения ритуала, связанного с этим божеством, и где вполне естественно предположить связь с хурритами, долго сохранявшими в виде пережитков следы каких-то контактов с индоарийским этно-лингвистическим слоем. Этим, между прочим, помимо соображений формального порядка (неясность *a-*)[132], наносится удар и исконно индоевропейским этимологиям данного имени.

На фоне полного тождества фонетического облика хетт. *Ag/kni-* и др.-инд. *Agní-* особенно значительным оказывается соответствие характерных черт хеттского божества, определяемого скудными свидетельствами ритуальных текстов как существо «пожираю-

---

[128] Вряд ли достаточно для постулирования в индоиранский период бога *Váruṇa-* ссылки на одиночный, к тому же сомнительный, топоним авест. *Varəna* (см.: Mayrhofer 1959, стр. 91, прим. 70 с литерат.; ср. в противоположность категорическое утверждение об отсутствии иранских соответствий: Mayrhofer Wb., Lief. 19, стр. 152).

[129] Попытка Кречмера объяснить индоарийские имена богов *Índra-* и *Váruṇa-* заимствованием из хеттского (Kretschmer 1927, стр. 39 сл.; 1928, стр. 75 сл.), оказывается маловероятной в связи с изложенным относительно генезиса всей серии упомянутых богов митаннийского договора и по причинам культурно-историческим (отрицание возможности непосредственных контактов между хеттами и арийцами в исторический период (подробнее см. ниже), редкость употребления *aruna-* в качестве бога в самом хеттском (см.: Laroche 1947, стр. 22), отсутствие в индоарийских языках заимствований из хеттского и хурритского); см. также сводку мнений о происхождении индоар. *Váruṇa-*: Mayrhofer Wb. Lief. 19, стр. 151 сл.; о гипотезе Кречмера ср.: Mayrhofer 1959, стр. 94, прим. 81 с литерат.; Hauschild 1962, стр. 47.

[130] Hrozný 1921, стр. 34 сл.

[131] См.: Otten — Mayrhofer 1965.

[132] Ср.: Otten — Mayrhofer 1965, стб. 551.

щее [133], с пастью, подобно жернову, перемалывающему жертву» [134], многочисленным выражениям Ригведы, где *Agní-* обладает весьма схожими атрибутами, ср. 'пожирающий мясо' (X 16, 9; 10), 'все пожирающий' (X 16, 6), 'обладающий железной челюстью (железными клыками)' (X 87, 2), 'острозубый' (VIII 19, 22 и др.), 'словно Агни, размалывающий пищу зубами' (X 113, 8), 'тот, который имеет во рту жертвенные возлияния' (VII 15, 1) и многое другое.

В пользу потенциальной возможности заимствования хеттами бога по имени *Ag/kni-* говорят также следующие моменты: во-первых, отсутствие в хеттском апеллатива для обозначения огня от и.-е. корня, отраженного в др.-инд. *agní-*, ст.-слав. *ognь*, лит. *ugnìs* (др.-лит. *ungnìs*), лат. *ignis* (др.- лат. *ingnis*), при сохранении равно исконного и.-е. слова *paḫḫur* для того же понятия, ср. греч. πῦρ, нем. *Feuer* и пр. [135], во вторых, существование у хеттов на апеллативной ступени развитого культа огня, выраженного именем нарицательным *paḫḫur* (ср. р.) и функционирующего в качестве могущественной силы, от которой зависит судьба Хаттусаса; лишь единожды (KUB XII 21 r. 8 сл.) этот апеллатив выступает деизировано как ^{D}*Paḫḫur* [136]. Наличие в иранских языках для обозначения огня другой лексемы: авест. *ātar-*, пехл. *ātur*, согд. *"tr*, н.-перс. *āδar* [137] — в случае истинности гипотезы о заимствовании *Ag/kni-*, однозначно указывает на его индоарийское происхождение [138]. В поддержку изложенной гипотезы привлекают

---

133 См.: KUB VIII 28, Vs. 16′: [*n*]*a-at* ^{D}*A-ak-ni-iš ka-ra-a-pí*; в этом фрагменте, содержащем какие-то астрологические предзнаменования катастрофы, цитированным словам предшествует (15′) KUR-*e ku-iš Ú-UL za-aḫ-ḫi-ịa-at-ta-ri* [ ], что целиком толкуется: 'страна, которая не борется [ ], и ее пожирает (бог) Акни'.

134 Ср. KBo XI, II, 20 сл.; ^{NA_4} ARÀ-*za-kán* GIM-*an kap-pí-iš iš-pár-tị-i-e-ez-zi* EN. SISKUR-*kán* ^{D}*A-ak-ni* Ka×U-*za QA. TAM.MA iš-pár-ti-id-du* (вариант: EN. SISKUR -*ịa-kan* ^{D}*Ak-ni*) 'как маленькое (зернышко) может выскочить из-под жернова, так пусть дающий жертву равным образом избежит рта (пасти) Акни'.

135 Friedrich HW, стр. 154.

136 Специально о культе *paḫḫur* с подробной литературой см.: Иванов 1962.

137 О возможных следах **aγni-* в авестийском личном имени *Dāštāγni-* см.: S. Wikander. Der arische Männerbund. Lund, 1938, стр. 77; Он же. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. 1946, стр. 102 сл.; G. Dumézil. Questiunculae indo-italicae. — «Revue des études latines» XXXVI, 1958, стр. 130, прим. 1; Mayrhofer Wb. I., стр. 544; Иванов 1962, стр. 272, прим. 32; ср. Kronasser 1963, стр. 147: о недостаточности оснований для постулирования иран. **aγni-*.

138 Резко против заимствования хетт. *Ag/kni-* из индоарийского, с отрицанием его связи с огнем и призывом искать туземные переднеазиатские источники в хурритском или аккадском см.: Kammenhuber 1968, стр. 150 сл.; вслед за ней Дьяконов 1970, стр. 53.

как индоарийское проникновение также угарит. *agn*, которому приписывают значение 'огонь (жертвенный)'[139].

Одно из центральных звеньев в системе доказательств индоарийского тезиса занимает кассит. *Šuriḭaš*[140], сохраненное в числе 48 слов касситско-аккадского глоссария в качестве имени бога солнца или его эпитета[141], рядом с чаще встречающимся именем того же божества *Saḫ*; аккадский эквивалент обоих — *Šamaš*. Еще Деличем, т. е. раньше всех рассмотренных имен богов, кассит. *Šuriḭaš* было сопоставлено с др.-инд. (вед.) *sū́rya-* 'солнце', но лишь как случайное созвучие[142]. При условии справедливости ценность данной идентификации очевидна, поскольку форма именительного падежа *sū́r-ya-s*, предположительно послужившая источником заимствования, имеет специфически индоарийский морфемно-словообразовательный тип[143]. Иранский располагает только кратким вариантом основы — авест. (Гаты) *hvar-*, *χᵛan-* 'солнце' (ригвед. *svar-*, *sūr-*[144]).

Балкан и, опираясь главным образом на его упомянутую монографию, Камменхубер и Дьяконов выдвинули весьма веские возражения рассмотренной идентификации[145]. Их позитивная критика сводится к следующему: *š* в *Šuri-ḭaš* как и в других словах с подобным исходом, относится к основе: в данном случае это продуктивный в касситской ономастике второй компонент сложения *-ḭaš*, *-ḭašu/i* 'земля', ср. имя (№ 27) касситского царя *Šagarakti=Šuriḭaš*, которое иногда, появляется в форме *Sagarakti=Šuri-ḭašu/i*[146]. Разумеется, приведенные соображения, базирующиеся на фактах туземного языка, значительно снижают вероятность

---

[139] Mayrhofer 1960, стр. 143, прим. 56; Иванов 1962, стр. 272, Otten — Mayrhofer, стр. 55 — все со ссылкой на S. Segert, L. Zgusta. Indogermanisches in den alphabetischen Texten aus Ugarit. — ArOr XXI, 2—3, 1953, стр. 274 сл. Заслуживающие внимания сомнения в связи с основными лексикологическими работами по древним семитским языкам выражают: Камменхубер, настаивая для угарит. *agn*, аккад. *agannu* на значении 'Schale' (Kammenhuber 1968, стр. 154 с подробной литерат. в прим. 478) и Дьяконов, предложивший значение 'котелок' (1970, стр. 53 с прим. 73); впрочем, Гордон, кроме того, допускает, но без уверенности, третье значение — 'огонь': C. H. Gordon. Ugaritic manuel, III. Roma, 1955 (=AnOr 35), стр. 232, № 37; Он же. Ugaritic textbook. Roma, 1965 (=AnOr 38), стр. 351, № 65.

[140] См.: Mayrhofer 1961, стр. 452, 457 с литерат.; 1964, стр. 187; 1966, стр. 18, 22; Kronasser 1963, стр. 148 и другие авторы.

[141] Balkan 1954, стр. 3 и др.; Kammenhuber, 1968, стр. 49.

[142] F. Delitsch. Die Sprache der Kassäer. Leipzig, 1884, стр. 40.

[143] О суффиксе *-(i)ya* в древнеиндийском см.: Wackernagel — Debrunner II, 2, стр. 779 сл.

[144] Wackernagel — Debrunner I, стр. 24 и др.

[145] Kammenhuber 1968, стр. 49 сл.; Дьяконов 1970, стр. 45 сл.

[146] Balkan 1954, стр. 78 сл., 155 сл.; Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 33.

индоарийского происхождения кассит. *Šurḭaš*, но тем не менее не ставят, на наш взгляд, непреодолимых препятствий. Индоар. *sūryas* могло быть воспринято и адаптировано в номинативе, что облегчалось наличием омонимичного исхода в касситском, ср. еще кассит. *dakaš* 'звезда' и др.[147]; формы на *-u/-i* либо архаичные, либо аккадизированные[148]. Кроме того, необходимо считаться с тем, что первый компонент *Šur(i)-* средствами древних переднеазиатских (ближневосточных) языков пока не объяснен.

В. Переходя к изложению фактов, относящихся к апеллативным арийским вкраплениям в клинописных текстах Передней Азии, напомним, что их анализ в силу известной специфики этимологии имени нарицательного, по сравнению с ономастической этимологией, ведет к результатам, достаточно узкоориентированным в лингво-этническом отношении. Вместе с именами богов, где многое оказалось обусловленным счастливо сложившимися обстоятельствами (боги договоров), этот компонент содержит некоторый материал, толкуемый до известной степени однозначно в аспекте индоарийского тезиса.

Данная группа слов (вместе с предположительными всего около 20 или чуть больше) на три четверти состоит: из профессиональных терминов, относящихся к процессу тренировки коней, запряженных в легкую боевую колесницу, — все они в виде глосс содержатся в трактате хуррита Киккули, носившего «высокий» титул ^{LÚ}*aššuššanni-* 'тренер лошадей', — и из названий мастей (в одном случае, возможно, обозначение возраста), употребленных в качестве эпитетов в аккодо-хурритских списках лошадей, обнаруженных в Нузе; в аккадо-касситском списке лошадей выявлено *timiraš*(?), чья связь с др.-инд. *timirá-* пока еще кажется сомнительной из-за изолированности касситского слова и отсутствия ясной этимологии у древнеиндийского[149].

Текст Киккули содержит в первую очередь пять терминов, образованных посредством сложения нечетных числительных 1, 3, 5, 7, 9 с существительным *-u̯artanna* 'оборот, круг', resp. 'пробег, забег', обозначающих количество так называемых 'кругов-забегов', которые должны пробегать лошади, впряженные в колесницу, для покрытия необходимого расстояния при последовательных многодневных тренировках. Часто конструкции с арийскими терминами употреблены с глоссовым клином и снабжены переводом

---

[147] См.: Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 32: рассуждения о кассит. *timiraš* (?) < санскр. *timirá-* 'темный'; ср.: Mayrhofer 1964, стр. 187.

[148] Kammenhuber 1968, стр. 49, прим. 131.

[149] См.: Mayrhofer 1966, стр. 18 сл., прим. 5; ср.: Kammenhuber 1968, стр. 59; Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 32; к этимологии др.-инд. *timirá-* см.: Mayrhofer Wb. I, стр. 502.

на хурритский и хеттский (или/и интерпретацией)[150], см., например, Kik. IV, лицевая сторона, 18 сл. и др.[151].

a-i-ka-ua-ar-ta-an-na Kik. (II, I, 17, ср. Там же, стк. 22 с предполагаемым раздельным написанием *aika uartanna*) 'один круг-пробег'; употреблено без глоссового клина и перевода. Хетт. кл. передача *aika-* ∽ др.-инд. (вед.) *éka-* 'один' < и.-е. **oi-ko-*[152] — важнейший факт в системе аргументов в пользу индоарийского тезиса, так как в иранских языках представлен иной словообразовательный вариант индоевропейской местоименной непроизводной основы — **oi-vo*: авест. *aēva-*, др.-перс. *aiva-*, ср. греч. οἶος, кипр. οἶϜος. Третья деривационная возможность (и.-е. **oi-no-*) реализована в лат. *unus* (др.-лат. *oino*), греч. οἶνος, ст.-слав. *inъ* и пр.; последняя основа представлена в др.-инд. *ena-* с близким значением 'этот, тот, он'[153]. Таким образом, др.-инд. *éka-*, которое еще в ведах, до их письменной фиксации, могло сохранять дифтонгическую форму **aika-*[154] = кик. *aika-*, имеет специфический индоарийский морфемный тип[155]. Постулирование в индоиранский (праарийский) период формы (**aivaka-*, давшей из-за «эмфатического употребления» интересующее нас др.-инд. слово через ступень **ai^va^ka-*[156], не представляется нам обоснованным, поскольку иранские лексемы: ср.-перс. (пехл.) *ēvak*, н.-перс. *yak* и пр., послужившие базой для реконструкции, — сами, по всей вероятности, возникли в результате вторичной деривации иранской

---

[150] О манере подачи хеттских и хурритских счетных и других тренировочных терминов см.: Kammenhuber 1961a, стр. 273 сл., 293 сл.; Kronasser 1963, стр. 148 сл.

[151] Здесь и далее все примеры из трактата Киккули приводятся по изданию Камменхубер (см.: Kammenhuber 1961a).

[152] К индоевропейскому форманту *-ko* см.: Pokorny, стр. 286.

[153] Mayrhofer Wb. I, стр. 128.

[154] См.: Thieme 1960, стр. 301; Kammenhuber 1968, стр. 201 У Тиме (Там же) о возможности существования обеих форм — **aika-* и. **aiva-* — в «протоарийском» и позднейшем их распределении по двум основным арийским диалектам. О дифтонгическом характере первого слога и исконности индоарийской формы **aika-*, по-видимому, свидетельствует предположенное Калимой и признаваемое многими ее заимствование в фин. *oikea* 'прямой, правильный' еще до перехода и.-е. **o* > арийск. *a* (Kalima 1936, стр. 206; Mayrhofer 1959, стр. 93; Kronasser 1963, стр. 147 и другие авторы). В то же время мысль о том, что всякое заимствование из арийских языков в финноугорские автоматически предполагает общеиндоиранское состояние (ср. Иванов 1968, стр. 38), далеко не бесспорна и в свете новых, главным образом иранских, данных сама подлежит проверке, ср.: Абаев 1965, стр. 6 сл., 122 сл. и др.).

[155] Ср. в той же семантической сфере др.-инд. *ка*-образование *dva-ká-* 'дважды' (Mayrhofer Wb. II, стр. 81); к этому же типу с и.-е. суфф. *-ko-* Покорный относит и др.-инд. *dviká-* 'aus zweien bestehend' (Pokorny, стр. 286; ср.: Mayrhofer Wb. II, стр. 81: образование по *ekaká-*).

[156] Mayrhofer 1960, стр. 146 сл., прим. 75 с литерат., в противоположность более поздним взглядам (см. ниже, прим. 158); воспринято Фриском (Frisk I, стр. 367); ср.: Kammenhuber 1968, стр. 202 сл.; Дьяконов 1970, стр. 56, прим. 83.

основы с формантом *-va-* (и.-е. **-i̯o-*) посредством продуктивного в иранских, как и в позднем древнеиндийском, суффикса *-ka-*[157]. В этой связи уместно указать на отсутствие **ko*-распространений от основы **oi̯o-* в других индоевропейских языках и тысячелетнюю отдаленность пехлевийской традиции от текста Киккули[158].

ti-e-ra-u̯a-ar-ta-an-na 'три круга-пробега' (Kik, IV, Vs. 65) употреблено, в отличие от прочих контекстов с этим термином, с глоссовым клином и снабжено переводом на хеттский *ú-u̯a-ah-nu-u̯a-ar-ma* 3 *ḫal-zi-iš-ša-an-zi* «называют (так) 3 круга» (Там же, стк. 66); *ti-e-ru-(u-)-ur-ta-an-na* (Kik. IV, unt. Rd. 2 — с переводом на хеттский; II, III, 17 — самостоятельно); *ti-e-ra-u-ur-ta-an* (Kik. II, II, 37 — при ошибочном пропуске конечного слога, с последующей хурритской глоссой *a-a-ú-za-mi-e-u̯a*$_a$ 'галоп(ировать)' и хеттской интерпретацией *tar-kum-ma-an-zi-ma ki-iš-ša-an* 1/2 DANNA 7 IKU-*i̯a* || *ḫal-zi-iš-ša-an-zi* «переводят (это) так: 1/2 DANNA и 7 IKU — называют» — Там же, стк. 38); ошибочное *ti-e-u̯a-ar-ta-an-na* вместо *ti-e-ra-u̯a-ar-ta-an-na* (Kik. III, IV, 35 — с переводом на хеттский).

Странное и вызывающее весьма противоречивые объяснения клинописное написание числительного 3 в первом компоненте сложения как *ti-e-r*(*a*)-, ср. хетт. *te-ri-i̯a-an-na* = *terii̯anna* 'tertius', ᴸᵁ́ *tar-ri-i̯a-na-al-li* = *tarii̯analli* 'третий по чину', *ta-/te-ri-i̯a-al-la* = *ta/terii̯alla* 'напиток (из трех ингредиентов)', вероятно, вызвано трудностями передачи средствами клинописи начального сочетания *tr-* в чужеродном для хурритов и хеттов слове, каковым было индоар. *trí-* (ар. **tri-*, ср. авест. *þri-*), при регулярном *-a-* в нижерассматриваемых сложениях, содержащих *panza-*, *šatta-*, *nau̯a-*[159] .Поскольку в хетттском в приведенных написаниях возможно чтение **tri-*[160], представляется соответствующим действительности предложение Дьяконова искать объяснение в хурритской фонетике и графике, где недопустимо сочетание «согласный + *r*», почему следует читать именно *-ter(a)*; как и в других случаях (см. ниже), арийские застывшие формы, по мнению Дьяконова, должны были в переводе с хурритского на хеттский сохранять и хурритскую орфографию[161].

---

[157] Wackernagel—Debrunner II, 2, стр. 515 сл.

[158] Из новой литературы о специфической индоарийской форме *aika-* см.: Hauschild 1962, стр. 36 сл.; Kronasser 1963, стр. 147; Mayrhofer 1965, стр. 11; 1966, стр. 19 и др.; Benveniste 1962, стр. 86.

[159] См.: Kronasser 1963, стр. 47, 144; Benveniste 1962, стр. 86; Kronasser 1956, стр. 151 — настаивает на чтении *ter-*; Mayrhofer 1959, стр. 85; 1965a, стр. 11; 1966, стр. 19 — предлагает, вслед за Фридрихом (Friedrich HW, стр. 327), tēra-; категорически против последнего при допущении либо *tr-*, либо *ter*: Kammenhuber 1968, стр. 203 сл.

[160] Friedrich HW, стр. 226.

[161] Дьяконов 1970, стр. 57; Камменхубер ограничивается общим указанием, что объяснение следует искать в особенностях хурритской фонетики (Kammenhuber 1968, стр. 204).

pa-an-za-ua-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 58 — с глоссовым клином и переводом на хеттский) 'пять кругов-пробегов'; хетт. кл. передача *panza-* ~ др.-инд. (вед.) *páñca-*, ср. авест. *panča-* 'пять'.

ša-at-ta-ua-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 18; Rs. 8, 61), с пропуском слога в исходе первого элемента сложения *ša-at [-ta]-ua-ar-ta-an-na* (Kik. III, II, 43) 'семь кругов-пробегов'; в обоих случаях имеется глоссовый клин, перевод на хеттский и хурритская глосса для галопа (см. выше); ~ др.-инд. (вед.) *saptá-*. Старому, распространенному и до недавнего времени мнению, что в переходе консонантного сочетания *-pt-* / *-tt-* можно видеть развитие, подобное засвидетельствованному в пракрите (ср. пали *satta*) и поэтому специфически «индийское», следует предпочесть мысль об ассимиляции при адаптации чужеродного звукового комплекса, видимо, не без влияния хурр. *ši-it-ta-an-na* (Kik. III, II, 43, ср. Kik. IV, Rs. 62) = *šitta* 'семь', употребленного вместо хурр. *šinda* 'семь' непосредственно после *šatta-uartanna* — в качестве глоссового эквивалента, свидетельствуя в свою очередь о рудиментарности арийского термина в языке хурритов периода появления трактата Киккули[162].

na-a-ua-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 36) = *nāuartanna* 'девять кругов-пробегов', с гаплологией из **nava-vartana*[163]; кик. *nāva-* ~ др.-инд. (вед.) *náva-*, ср. авест. *nava-* 'девять'; *na-ua-ar-ta-an-ni* (Kik. IV, Rs. 24—25) — определенно флективная форма хетт. дат.-лок. п. ед. ч. на *-i*, единожды отмеченная в группе интересующих нас счетных композит и встречающаяся в сочетании с другим арийским же термином *ua-ša-an-na-ša-ia*, обозначающим, вероятно, какую-то разновидность ипподрома в виде эллипсовидной беговой дороги для тренировок упряжек колесниц (см. ниже специально), причем последний термин имеет форму др.-инд. род. п. на *-asya*. Таким образом, *nauartanni uašannašia*[164] можно истолковать 'в девять кругов-пробегов стадиона [скакать (расстояние)]'.

Отсутствие глоссового клина и переводов на хеттский или хурритский в обоих местах и особенно использование арийского слова с хеттским падежным окончанием говорят о живости данной лексемы (всего сочетания) во всяком случае в профессиональном языке той социальной группы хурритов, к которой принадлежал автор наставления по коневодству. Арийская падежная форма

---

[162] См.: Mayrhofer 1960, стр. 147 сл.; 1959, стр. 85, прим. 38 (там же ссылки на работы Потраца и Фридриха, придерживающихся мнения о среднеиндийском типе фонетической эволюции); Kronasser 1963, стр. 144; Hauschild 1962, стр. 32 — с отрицанием предложения Беларди о «пракрицизме»; Kammenhuber 1963, стр. 204 сл. Дьяконов (1970, стр. 57), как и по поводу *ti-e-ra*, думает об особенностях хурритской орфографии, по правилам которой **ša-ap-ta-* звучало бы [sabda].

[163] К чтению и реконструкции исходной формы см.: Friedrich HW, стр. 327.

[164] Фридрих (Friedrich HW, стр. 327) читает *uašannašaia*.

u̯ašanaši̯a, по-видимому, сигнализирует о заимствовании хурритами целого терминологического сочетания, первая часть которого подверглась полной грамматической адаптации. Вместе с тем причина такого своеобразного смешения в одном синтагматическом ряду разноязычных флексий, вероятно, кроется в том обстоятельстве, что ко времени появления трактата внутренняя форма исследуемых арийских терминов была уже затемнена и они употреблялись в силу традиции.

Наличие в *nau̯artanni* хетт. дат.-лок. ед. ч. на *-i* позволяет, кажется, сделать еще одно предположение: не могли ли ассоциироваться и все прочие рассмотренные выше количественные термины с хеттским дат.-лок. ед. ч. на *-a* (в общем роде допустимы оба окончания), тем более что в ряде мест они сопутствуются аккадской идеограммой *A.NA* 'к, в'. Например, *A.NA ti-e-ra-u̯a-ar-ta-an-na* (Kik. IV, Vs. 65), ср. *A.NA* 7 IKU- *aš* (Там же, стк. 37) с хеттским комплементом дат.-лок. п. мн. ч., *A.NA u̯a-ša-an-ni* (хет. дат.-лок. ед. ч. — Kik. IV, Rs. 25). В таком случае следует предпочесть буквальный перевод, предлагаемый Кронассером: 'in 1-, 3-, 5-, 7-, 9-Runde'[165].

-u̯artanna — вторая часть рассмотренных количественных арийских терминов из трактата Киккули; обычно приписываемое значение 'круг, поворот' (речь может идти о беговом круге ипподрома для тренировки лошадей) как будто подтверждается почти регулярно стоящей параллельно в хеттском переводе арийских глосс лексемой *u̯aḫnuu̯ar* 'оборот, поворот, круг (при тренировке лошадей)' (см. выше), образованной от глагола *u̯aḫnu-* 'вертеть; поворачиваться; гонять по кругу лошадей и пр.'[166]. Однако Камменхубер (вслед за Потрацом) произведя сопоставление нечетных арийских и четных хурритских глосс в хеттских контекстах и подсчитав протяженность 1 круга (14—20 IKU и пр.), удалось достаточно убедительно показать, что счетные композиты с *-u̯artanna* употреблены в трактате — в других памятниках они, кстати, не засвидетельствованы — из «пиетета» перед арийцами по традиции и выражают не количество реальных кругов на ипподроме, а число пробегов, отрезков пути (Strecke), составляющих определенное расстояние, которое должны были пробежать на тренировке в заданном темпе, галопом (*parḫ-*) или рысью (*penna-*), лошади, впряженные в легкую колесницу[167].

---

[165] Kronasser, стр. 144.
[166] Friedrich HW, стр. 241.
[167] См.: Kammenhuber 1961a, стр. 286 сл., 293 сл.; 1968, стр. 196 сл.; Дьяконов 1970, стр. 57; ср.: Potratz 1938, стр. 180 сл., 205 сл., 211 сл. Следует заметить, что Майрхофер в работах середины 70-х годов уже дает для *-u̯artanna* ∾ др.-инд. *vartaní-* значение 'Strecke' (Mayrhofer 1965a, стр. 13) и предлагает истолковать *aika-u̯artanna* как 'einfache Strecke', *panza-u̯artanna* — 'fünffache Strecke' и соответственно все остальные (Mayrhofer 1966, стр. 15 сл.).

С самого начала была отмечена возможная деривационная связь *-u̯artanna* как отглагольного имени с арийским глаголом в значении 'поворачивать, вертеть, крутить', реализованным в ригвед. *vart-*(*vr̥t-*), авест. *varᵊt-*[168] (и.-е. *vert-*), ср. анализируемое ниже кик. (*anda*) *u̯art-* '(за)крутить, (*ein*)*drehen*'. Однако ему в богатейшем словаре вед не было обнаружено эквивалента, одновременно отвечающего требованию семантического и морфологического порядка. Действительно, в древнеиндийском имеется относительно поздно засвидетельствованное — на него многими было обращено внимание[169] — причастное образование *vartana-* n. 'вращение, кружение (Pāṇ. Schol.), откатывание, отодвигание прочь (Kāty. Ś. S. и позже), блуждание вокруг (BhP.)', семантически достаточно далекое от нашей глоссы. Напротив, нередко приводимое в связи с *-u̯artanna* ригвед. *vartaní-* f. 'дорога, путь, дорожная колея (повозок)', 'бег, движение (повозок, скаковых лошадей, колесниц)'[170] значительно ближе по значению, но расходится качеством конечного гласного. В дополнение к этому Бейли установил, что самое близкое в семантическом отношении соответствие (из коневодческой сферы) к кик. *-u̯artanna* сохранилось в осет. ирон. *æwwærdyn*, дигор. *æwwærdun* 'тренировать лошадь'[171]. В большой мере последнее обстоятельство придало интерпретации второго компонента арийских счетных терминов из наставления Киккули особую доказательную силу в аспекте их индоиранской, (пра)арийской принадлежности[172].

Вместе с тем в последнем сопоположении определенные моменты настораживают: 1. Значение 'тренировать (лошадь)', наряду с 'вялить (кожу)'[173] 'дубить', 'мять что-либо'[174], 'растирать'[175], имеет только сложный глагол *æwwærdyn* < *æm-wærdyn*[176] (*æm-* = авест. *ham-*, др.-инд. *sam-* 'с'[177]). В то же время простой

---

[168] Grassmann, стб. 1330; Mayrhofer Wb., Lief. 19, стр. 154 сл.

[169] См. литературу: Mayrhofer 1965а, стр. 11 сл., прим. 6.

[170] Kronasser 1963, стр. 144 и др. авторы; значения обоих др.-инд. существительных даны по: Mayrhofer 1965а, стр. 11 сл. (там же соответствующие извлечения из Ригведы), в словаре Майрхофера (Lief 19, стр. 154) среди значений *vartaní-* приведены также 'перегон, отрезок пути (Strecke)', 'обод колеса', ср.: Grassmann, стб. 1223.

[171] Bailey 1957, стр. 64; данное осет. слово связал с др.-инд. *vart-*, авест. *varᵊt-* еще Миллер, постулируя переход иран. *t* в осет. *d* внутри слова после сонорных (Миллер, 1962, стр. 57).

[172] См.: Иванов 1958, стр. 16 с прим. 1; Mayrhofer 1959, стр. 86 с прим. 39; Иванов—Топоров 1960, стр. 14; Иванов 1968, стр. 384.

[173] Миллер—Фрейман I, стр. 223.

[174] ОРСл., стр. 110.

[175] Абаев ИЭС I, стр. 216; Бенвенист (1965, стр. 58) приписывает *æwwærdyn* значение 'валять', 'мять (белье)', 'смягчать'.

[176] Абаев ИЭС I, стр. 216.

[177] Абаев ИЭС I, стр. 133.

глагол *wærdyn* значит 'катать, валять, мять (сукно, войлок)' [178], соединяясь с превербами, он приобретает различные семантические оттенки, ср. *awwærdyn* 'помять, смять; протереть' [179] и т. д.; 2. Таким образом, значение 'тренировать лошадь' и вообще 'тренировать' [180] у осет. *æwwærdyn* представляется вторичной спецификацией в приставочном образовании более общей семантики 'мять', 'растирать', 'катать', т. е. приводить что-либо, resp. кого-либо, в состояние (делать мягким, податливым, послушным, или уплотнять, например шерсть, приготовляя войлок [181]) посредством действия, заключенного в глаголах со значением 'вертеть', 'крутить' и пр. (в данном случае и.-е. **u̯er-t-*). Ср. русск. *мягкий по характеру*, т. е. 'послушный' (о человеке или животном) и пр. Следует отметить, что при объездке и выездке (=тренировке) лошадь на первых порах делает много не зависящих от воли всадника поворотов, бросков в сторону, вращений на месте, затем уже сам объездчик резкими поворотами и сменой направления и ритма бега смиряет нрав лошади, подчиняя себе и приучая повиноваться; все это, особенно вначале выездки, производит впечатление верчения и кручения объезжаемой лошади. Кроме того, по устному сообщению В. И. Абаева, осетины, как, впрочем, по нашим наблюдениям, и русские крестьяне, при объездке и тренировке не гоняют лошадей по кругу; с другой стороны, массаж коня, производимый также круговыми движениями рук, является непременным элементом выездки. Параллелью к появлению именно в приставочном глаголе значения 'тренировать' может, видимо, служить франц. *entraîner* 'увлечь с собой, утащить и пр.', 'тренировать', при *traîner* 'тащить, тянуть, волочить и пр.' < лат. *trahere* то же.

Думается, что подобие значений кик. *-u̯artanna* — этимологически 'круг (ипподрома) для тренировки лошадей' и осет. *æw-waerdyn* 'тренировать (лошадь)' — результат случайного совпадения итогов различно направленной семантической эволюции одной и той же индоевропейской (видимо, уже на индоиранском уровне) глагольной основы, почему привлечение осетинского слова в качестве одного из основных аргументов в пользу индоиранской принадлежности переднеазиатских арийских языковых вкраплений приходится признать недостаточно корректным.

Между прочим, Бенвенист, базируясь на семантике рассмотренных осетинских глаголов 'катать', 'валять (войлок, сукно)' → 'делать мягким, смягчать', предложил, кажется, без особой необ-

---

[178] ОРСл., стр. 342; ср.: Миллер—Фрейман III, стр. 1792; 'катать, валять (сукно, войлок при приготовлении)'.

[179] ОРСл., стр. 44.

[180] Абаев РОСл., стр. 491.

[181] Абаев 1965, стр. 7.

ходимости, связать осет. *wærd-* с иранской глагольной основой **ward-* 'размягчать' в авест. *varᵊdu-* 'мягкий' и пр.[182]

В то же время Майрхофер в специальной небольшой заметке [183] указал индоарийскую типологическую параллель из разряда количественных композит, весьма убедительно, на наш взгляд, объясняющую морфологическое расхождение между кик. *-u̯artanna* и достаточно близким семантически упомянутым ригвед. *vartaní-*. Так, оказалось, что в индоарийских количественных сложных словах основы на *-i*, образуя второй компонент, часто в исходе имеют *-a*, например, *daśāñgulá-* 'длина в десять пальцев' (RV X, 90, 1) возникло из *dáśa-* 'десять' + *añgúli-* 'палец (на руке)', *try-añjalá-* 'три горсти' (Pāṇ) — из *tri-* 'три' + *añjalí-* 'ладонь' [184]. Тогда в нашем случае ригвед. *páñca-* 'пять' + *vartaní-* 'бег, дорога, перегон, отрезок пути, расстояние (Strecke)' [185] должны дать **pañca-vartaná-* 'расстояние, отрезок пути в пять (про)бегов' или 'пять отрезков пути, пять (про)бегов, перегонов' [186], переданное клинописью Киккули как *pa-an-za-u̯a-ar-ta-an-na*.

В связи со значением, приписываемым др.-инд. *vartaní-* 'бег, resp. перегон, отрезок пути', позволительно пойти дальше в отрицании реальной семантики кик. *-u̯artanna* как 'круг, поворот на беговом круге ипподрома' и предположить, что это слово в составе счетных композит было воспринято у индоарийцев уже развившим значение 'отрезок пути, перегон, пробег, забег'; источником могла послужить техническая коневодческая терминология. Высказанная гитотеза, следует подчеркнуть, наталкивается на трудности, связанные с наличием к *-u̯artanna* в тексте Киккули хеттского эквивалента-перевода *u̯aḫnuu̯ar* 'оборот, поворот и пр.' Разумеется, этому могут быть предложены разные объяснения (идентичное семантическое развитие последнего, позволяющее постулировать в данном случае значение, близкое к реконструированному для кик. *-u̯artanna*, чему не препятствует хеттская деривационная цепь: *u̯eḫ-*, *u̯aḫ-* 'вертеться, кружиться' — каузатив *u̯aḫnu-* 'вертеть, кружить', 'делать круг (о лошадях)' — *u̯aḫ-nūmar* / *u̯aḫnuu̯ar* [187] = *-u̯artanna* ~ др.-инд. *vartaní-* (< др.-инд. *vart-*) [188], или калькирование индоарийского прототипа), однако ни одно из них нельзя пока опереть на более конкретные языковые факты. Ср., впрочем, уже рассмотренные *u̯artanna u̯ašannašįa*, где речь идет именно о кругах — пробегах стадиона (весь контекст см. ниже).

---

[182] Бенвенист 1965, стр. 58 сл.; к тому же мнению склоняется Майрхофер (Mayrhofer Wb., Lief. 19, стр. 154 сл.); против, в поддержку этимологии Миллера (см. выше, прим. 171), Абаев 1965, стр. 7.

[183] Mayrhofer 1965a, стр. 13 с литерат.

[184] См.: Wakernagel—Debrunner II, 1, стр. 118 сл.

[185] Ср.: Mayrhofer Wb., Lief. 19, стр. 155.

[186] Ср.: Mayrhofer 1965a, стр. 13.

[187] См.: Friedrich HW s. vv.

[188] Ср.: Kammenhuber 1968, стр. 200.

an-da ṷa-ar-ta-an-zi '(на-, за)кручивают (хвосты)' — hapax, встречающийся в следующем контексте (Kik. IV, Rs. 6—7): *ma-aḫ-ḫa-an-ma-aš* ÍD-*az ša-ra-a ú-ṷa-da-an-zi nu-uš-ma-aš* KUN$^{ḪI.A}$. *ŠU an-da ṷa-ar-ta-an-zi* 'но лишь только [лошади] из реки вон выйдут, тут же им их хвосты закручивают', видимо, для того, чтобы выжать воду.

Здесь в хеттизированной финитной форме с хеттскими лексико-морфологическими элементами: окончанием 3 л. мн. ч. *-anzi* и превербом *anda* — выступает гибридное хеттско-арийское образование, основа которого полностью совпадает с ригвед. *vart-* 'вертеть, крутить, поворачивать', ср. авест. *varᵊt-* то же [189]. Такое употребление предполагает полную ассимиляцию и привычность заимствованного слова хотя бы для автора трактата. С другой стороны, перед нами — технический, профессионально окрашенный термин специального значения, на что указывает органичность его функционирования при обычном хетт. *anda ṷaḫnu-* 'завертывать, запирать, окружать' от *ṷaḫnu-* 'вертеть, вращать и пр.' [190] (равное по значению др.-инд. *vart-*).

ṷa-ša-an-na — слово, довольно спорное этимологически. Однако его реальный смысл достаточно ясно интерпретирован автором трактата в табл. III, IV, 21—24: *na-aš* [191] 1 DANNA 20 IKU$^{ḪI.A}$ || *pár-ḫa-an-du-uš pa-a-an-zi ṷa-ša-an-na* || *na-aš par-ku-ṷa-tar-še-it* 5 IKU DAGAL. *ZU-ma* 3 IKU $^1/_2$ IKU-*i̯a* || *a-ra-aḫ-za-an-da-ma-aš IŠ.TU* GIŠ$^{ḪI.A}$ *ṷa-aḫ-nu-ma-a*[*n*] 'теперь [лошади, впряженные в колесницу (см. в предшествующей фразе *tu-u-ri-i̯a-an—zi*)] идут галопируя к? (по?) *ṷašanna* (возможно, лок. на *-a*); это [сооружение] своей высотой 5 IKU, своей шириной 3 IKU и $^1/_2$ IKU; но окружено деревянным забором'. Затем в уже цитированной частично Kik. IV, RS. 24—27: ✗ *na-aš na-ṷa-ar-ta-an-ni* || *ṷa-ša-an-na-ša-i̯a* (об этих формах см. выше) 1 DANNA 80 IKU$^{ḪI.A}$ *i̯a pár-ḫa-i A.NA ṷa-ša-an-ni-ma* || *pár-ga-tar-še-it* 6 IKU *pal-ḫa-tar-še-it-ma* 4 IKU$^{ḪI.A}$ *ṷa-ša-an-na-ma* 9? *ŠU ṷa-aḫ-nu-zi* 'теперь он заставляет [лошадей, впряженных в колесницу] скакать [расстояние] в девять кругов-пробегов *ṷašannaši̯a* (арийский генетив на *-asya*) 1 DANNA 80 IKU; но в *ṷašanna* (в тексте в форме хет. дат.-лок. на *i*) своей высоты 6 IKU, а своей ширины 4 IKU; *ṷašanna* же он окружает (скачет) кругом 9? раз'.

Таким образом, согласно обоим контекстам, *ṷašanna* — кругообразная (точнее, эллипсовидная) беговая дорога различной протяженности для тренировки конных колесниц, огражденная,

---

[189] M a y r h o f e r Wb., Lief. 19, стр. 154.
[190] F r i e d r i c h HW, стр. 240.
[191] Видимо, ошибочно вместо *na-at* (см.: K a m m e n h u b e r 1960, стр. 121, прим. 78).

судя по первому случаю, деревянным забором [192], короче — разновидность ипподрома.

Такое толкование делает маловероятным очень заманчивое в формальном отношении сопоставление *uašanna* с вед. *vásana-* 'одежда, платье' авест. *vaŋhana* то же, семантически опирающееся на пояснение Киккули относительно ограждения забором, из чего для переднеазиатского слова реконструируется значение 'Umkleidung' > 'Umzäunung' [193].

Те же обстоятельства обусловили менее достоверное с точки зрения реалий возведение *uašanna* к др.-инд. *vásana-* 'местожительство, жилище' [194].

Предпочтительнее в реально-семантическом плане при вполне удовлетворительном, как установлено в последнее время, обосновании формальных (фонетико-транскрипционных) тождеств идентификация клинописного *uašanna* с др. -инд. *vā́hana* 'Fahren, Ort des Fahrens' (более раннее 'Gespann, Vehikel'), ср. ригвед. *deva-vā́hana-* 'везущий богов (вол)' (RV III, 27, 14), *ratha-vā́hana-* 'тележная рама (с колесами)', букв. 'то, что везет колесницу'. (RV VI, 75, 8), через реконструкцию раннеиндоарийской, resp. общеарийской, формы **vā́źhana-* в качестве исходной для заимствования в языки Передней Азии [195]; ср. авест. *vaz-* 'ехать', особенно согд. *nxr-wzn* 'Круг зодиака', букв. 'путь (круг) звезд' (wzn<wazana) — все к и.-е. **ueg'h-*, в лат. *vehere* 'везти', греч. ὄχος 'колесница, повозка' и пр. [196]

Относительно клинописной транскрипции иноязычного звука *źh* (звонкий аспирированный палатальный) посредством *š* следует учесть, что в хеттской клинописи *š* передавало не только [s], но и [z], и [ź], поскольку обычная фонетическая значимость *z* — аффриката [ts] [197]. Кроме того, в связи с предполагаемым Дьяконовым (1970, стр 57) произношением арийского заимствования в хурритском как [wažana] здесь уместно указать на графические ко-

---

[192] Ср.: B. Rosenkranz. [Рец. на:] Kammenhuber 1961, — IF, 1, 68, 1, 1963, стр. 87.

[193] См.: Potratz 1938, стр. 211 сл.; вслед за ним Friedrich HW, стр. 248; там же значения 'стадион, ипподром' даны с вопросом; Kronasser 1956, стр. 223; 1963, стр. 145; Kammenhuber 1961, стр. 364; ср. 1968, стр. 208; ср.: Mayrhofer 1959, стр. 86; Wb., Lief. 20, стр. 175 — в обоих сомнения в правильности данной идентификации.

[194] Wackernagel—Debrunner II, 2, стр. 195; Mayrhofer Wb., Lief. 20, стр. 171; там же сомнение в указанной реконструкции вопреки Kronasser 1963, стр. 145; 1956, стр. 223 и другим авторам.

[195] Hauschild 1958, стр. 89; вслед за ним Mayrhofer 1959, стр. 86; 1964, стр. 175; 1966, стр. 18, прим. 5, 20; ср.: Kammenhuber 1968, стр. 208.

[196] Иванов (1968, стр. 385 сл.) наиболее убедительным для индоиранского происхождения *uašanna* считает согдийское слово.

[197] По поводу клинописной передачи *-źh-* см.: Benveniste 1962, стр. 9, Mayrhofer 1964, стр. 175.

лебания *z* : *š* в хеттской клинописи, ср. *zama(n)kur* 'борода' : *šamankurṷant-* 'бородатый' — др.-инд. *śmaśru-* 'борода', особенно при передаче многочисленных хурритских свистящих, ср. в хеттском контексте *Šapinuṷa* : в хуритском — *Zapinuṷa* и др.[198]

Остается добавить в заключение, что в обоих рассмотренных случаях предписывается тренировать лошадей на *ṷašanna* в полночь, см. Kik. III, IV, 13—14; IV, Rs. 20: *INA* EM.NU.UN MÚRUB *tu-u-ri-i̯a-an-zi na-aš* 'теперь их запрягают в полночь'.

LÚ *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* 'тренер лошадей', 'конюший' — титул, которым в первой строчке своего трактата именует себя Киккули: *UM.MA* I*Ki-ik-ku-li* LÚ *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* *ŠA* KUR URU*Mi-it-ta-an-ni* 'следующее (говорит) Киккули — тренер лншадей из страны Митанни'.

Клинописная запись титула, очевидно, читавшегося *ašṷašânni*, с самого начала была воспринята как фиксация сложного слова, первый компонент которого соответствует др.-инд. *áśva-* 'лошадь'[199], и всему композиту, учитывая также наличие детерминатива LÚ, приписано указанное выше значение[200].

Менее однозначно объяснение второй части, формально допускающей на почве индоиранских языков (в частности, индоарийского), по крайне мере, два толкования. Одно, предложенное Педерсеном[201], имеет в виду др.-инд. (Saṃh.) *aśva-sáni-* 'доставляющий, приобретающий коней'; сюда же вариант ригвед. *aśva-śā́-*[202], тогда митаннийское слово должно бы обозначать титул чиновника, доставляющего (покупающего) коней, что только с большой натяжкой применимо, если вообще возможно, к автору наставлений по коневодству.

Во многих отношениях правдоподобнее интерпретация Бейли[203], с некоторыми модификациями, разделяемая Майрхофером[204], трактующая *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* = *ašṷašanni* как индоар. **aśva-śă*(*m*)-, оформленное хурритским морфологическим элементом *-nni*[205], и со вторым компонентом, восходящим к др. -инд. *śam-*, согласно Майрхоферу, 'утомлять, тренировать'. Определенная слабость этой реконструкции заключается в том, что в древнеиндийском ана-

---

198 О графическом колебании *š* : *z* см.: Kronasser 1962, стр. 47 сл.

199 Об эквивалентности и варьировании в хеттской клинописи *ú/u* с *ṷa* см. подробно: Kronasser 1962, стр. 77; Friedrich, 1960, стр. 27, а также выше относительно идентификации *ú-ru-ṷa-na-* с *Váruṇa-*.

200 Hrozný 1931, стр. 438 сл.; Friedrich HW, стр. 37.

201 Pedersen 1938, стр. 138 сл.

202 Wackernagel—Debrunner II, 2, стр. 31.

203 Bailey 1957, стр. 64 сл.

204 Mayrhofer 1959a, стр. 8 сл.; 1959, стр. 87.

205 *-(n)ni*, *-ne*—хурритская соотносительно-определительная частица ед. ч. (мн. ч. *-na* — см. выше, стр. 295), выполняющая функции суффигированного определенного (постпозитивного) артикля (Дьяконов 1967, стр. 137 сл.; Mayrhofer 1959a, стр. 1 сл.; Kammenhuber 1968, стр. 77а, 127 сл., 224 сл. и др.).

логичное сложение не засвидетельствовано, как, впрочем, кажется, и значение 'тренировать' у др.-инд. *śam-*[206].

Тем не менее высказанная гипотеза может претендовать на большую долю правдоподобия в силу полного генетико-типологического соответствия, наблюдаемого в греч. ἱππο-κόμος 'конюх; коновод, сопровождающий всадника в походе', букв. 'заботящийся о коне, кормящий коня', в котором κόμος, эквивалентное др.-инд. *śam(a)-*, образовано от κομέω 'заботиться, холить', '(со)держать, кормить (коней)', являющегося, наряду с κομίζω, итеративно-интенсивным образованием от первичного глагола κάμνω 'трудиться до усталости, работать до изнеможения, уставать, утомляться и пр.'; последний полностью совпадает с др.-инд. медиальной формой *śam-nī-te* 'утомляться, работать', ср. греч. тематический аорист ἔ-καμ-ε = др.-инд. *a-śam-a-t*[207]. Все сказанное определяет вполне соответствующее содержанию трактата значение клинописного *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* < индоар. **aśvaśām-* + хурр. *-nni* 'конюх, resp. тренер лошадей'[208]. См., кроме того, выше о личных именах или эпитетах *Bartašu̯a* < индоар. **Bhṛta-aśva-* и *Birįaššuu̯a* < индоар. **Priya-aśva-*.

В дополнение к рассмотренным арийским апеллативным вкраплениям, засвидетельствованным в хеттском трактате Киккули, которым мы склонны, как это явствует из изложенного материала, приписать в пределах индоиранских языков индоарийское происхождение (совокупность аргументов см. ниже), целесообразно здесь указать еще на три лексических проникновения той же диалектной окраски; все они отмечены в списке лошадей из Нузы и относятся, что для нас особенно показательно в данном случае, к семантической сфере коневодства, обозначая масти лошадей (либо возраст). К ним Зоден впервые в 1957 г. указал древнеиндийские параллели[209].

ba/pa-ab/p-ru(-un)-nu = b/pab/pru-nnu ~ ригвед. *babhrú-* 'коричневый, гнедой', применяемое в Ригведе к лошадям, корове, а также выступающее в качестве личного имени певца, подопечного Ашвинов[210]. Авест. *bawra-* имеет значение 'бобр', подобно большинству родственных словоформ в других индоевропейских

---

[206] Ср.: Grassmann, стб. 1378 сл.: 'wirken, arbeiten, tätig sein'; Wackernagel—Debrunner I, стр. 196: 'sich mühen'; Mayrhofer Wb., Lief., 22, стр. 325; 'sich mühen, arbeiten'.

[207] Mayrhofer Wb., Lief. 22, стр. 326; Frisk I, стр. 773, 908; возражения Фриску по поводу производности κομέω от κάμνω и в связи с этим критика изложенной гипотезы, высказанные Кронассером, нам не кажутся обоснованными (Kronasser 1963, стр. 143 сл.); ср. в поддержку этимологии Педерсена: Kronasser, 1957, стр. 186.

[208] Против индоиранской и вообще арийской этимологии данного слова см.: Kammenhuber 1968, стр. 208 сл.; Дьяконов, стр. 57.

[209] Soden 1957, стр. 336 сл.

[210] Grassmann, стб. 899; Mayrhofer Wb. II, стр. 409.

языках. -*(n)nu* — аккадизированная форма характеризованного выше хурритского элемента -*n(ni)*.

bi/pí-in-ka₄-ra-an-nu=b/pinkara-nnu ~ др.-инд. *piṅgalá-* 'красноватый, коричнево-желтый' (и.-е. **peig-* в лат. *pingere* и пр.) [211]. Трудность, как и в помещенном ниже слове, в идентификации аккад. *r* и др.-инд. этимологического *l* (относительно данного слова ср. греч. πίγγαλος 'вид ящерицы'). Поскольку в древнеиндийском наблюдается дублетность форм с *l/r*, ср. *tumula/tumura-* 'шумный и пр.' с возможным этимологическим *l*, ср. лат. *tumultus* 'шум и пр.' [212], то предположение о возможности «западного» диалектного *r*, объединившего рефлексы этимологического *l* и *r*, в противоположность ведийской («восточной») трактовке, не лишено известных оснований. Иранские языки как будто не обнаруживают прямой параллели данному др.-инд. слову, восходящему к и.-е. корню **peig-* с задненёбным непалатальным в исходе; авест. глагольная основа *paēs-* 'делать пестрым, украшать' предполагает и.-е. *peik'* [213].

ba/pa-ri-it-ta-an-nu = b/paritta-nnu~ригвед. *palitá-* 'серый, седой (altersgrau)', как и в предыдущем примере, *l* этимологическое, ср. греч. πέλιτνος 'серый', лат. *pallidus* 'бледный и пр.' — и.-е. **plei(-to-)* [214]. Приводимое Майрхофером [215] в качестве иранской параллели авест. *poᵘr-uša-* 'серый, седой', в частности в личном имени *Poᵘruš(a)-aspa-*, формально имеет более непосредственную связь с др.-инд. *paruṣáḥ* 'пятнистый, пестрый' (из и.-е. *pol-k'o-*), чем с *palitáḥ* (из и.-е. **pelito-*) [216].

Предположительные арийские этимологии остальных нескольких слов, встречающихся в хурритских и аккадских текстах, даже такая общепризнанная и заманчивая интерпретация, как *mar̯anni* < индоар. *márya-* 'юноша, герой', пока следует признать, по крайней мере, равновероятными, а отдельные — даже менее вероятными, чем толкования, возможные на почве туземных

---

211 Mayrhofer Wb. II, стр. 268. Зоден дает фонетически трудно поддающееся обоснованию сопоставление с др.-инд. *piñjára-* 'золотистый', возм. 'буланый', родственным указанному *piṅgalá-* (Soden 1957, стр. 336 сл.).

212 Mayrhofer Wb. I, стр. 512; прочие примеры дублетных форм в древнеиндийском см.: Wackernagel - Debrunner I, стр. 214 сл.

213 Подробно см.: Mayrhofer Wb. II, стр. 267; ср. Pokorny, стр. 794.

214 Mayrhofer Wb. II, стр. 234 сл.; сравнение Зодена с санскр. *bharita-* 'gefüllt, gepflegt, grün' менее правдоподобно по реально-семантическим моментам (см.: Kronasser 1957, стр. 186).

215 Mayrhofer 1959, стр. 92.

216 Pokorny, стр. 804. Ко всем трем интерпретациям см.: Mayrhofer 1958 (кажется, впервые предложено сравнение с *piṅgalá-* и *palitá-*); подробнее: Mayrhofer 1959a, стр. 1 сл.; 1959, стр. 88; 1966, стр. 19; Kronasser 1957, стр. 182, 186 сл.; 1963, стр. 145 сл.; Soden 1959, стр. 94, 107; сомнения при тщательном разборе: Kammenhuber 1968, стр. 211 сл.; ср.: Дьяконов 1970, стр. 57 сл.

переднеазиатских языков [217]. Помимо того, спорные с точки зрения арийской принадлежности апеллативы, за исключением упомянутого *mar̯ianni*, выходят за рамки сферы коневодства, не составляя более или менее однородного семантического поля, и не располагают поэтому преимуществами, предоставляемыми этимологической методикой г р у п п о в о й р е к о н с т р у к ц и и. Может быть, последнее обстоятельство не случайно, так как не исключено, что арийское влияние на хурритов шло главным образом по линии коневодства и было особенно ощутимым в практике эффективной тренировки коней, впряженных в легкую боевую колесницу.

Таково в достаточной степени эскизное истолкование известного в настоящее время конкретно-лингвистического материала, на котором базируется круг проблем, связанных с так называемыми «переднеазиатскими» арийцами. Теперь остается из ряда более общих задач, в том числе внелингвистических, попытаться, суммируя сравнительно однозначно толкуемые факты, уточнить в пределах возможного на современной ступени наших знаний принципиально важный во многих отношениях вопрос о диалектной принадлежности переднеазиатских отложений в рамках индоиранского лингво-этнического мира.

Здесь возможно не менее четырех решений. Теоретически источником рассмотренных вкраплений в клинописные тексты (resp. языки) Передней Азии могли оказаться: 1) индоиранский (праарийский), еще не расчлененный на два диалекта в степени, поддающейся учету; 2) иранский; 3) индоарийский; 4) член какой-то третьей, больше нигде не засвидетельствованной индоиранской группы языков. Второе предположение, высказанное еще в начале века Мейером [218], отпало давно. Более заслуживающее внимания — четвертое, высказываемое Барроу [219] и др. и которого до 1961 г. придерживался Майрхофер [220], в настоящее время значительно потеряло свою актуальность.

Если же окажется, что из двух оставшихся альтернатив, индоарийский тезис более соответствует действительному состоянию вещей (см. ниже синтез аргументов в его пользу) [221], то воз-

---

[217] Всесторонний разбор этих случаев см.: K a m m e n h u b e r 1968, стр. 211—232; ср.: Д ь я к о н о в 1970, стр. 58—59; впрочем, ср. категорически об арийском происхождении *mar̯ianni*: Э. А. Г р а н т о в с к и й. Арии и Передний Восток во II тысячелетии до нашей эры (возможности субъективного и объективного подхода к проблеме). — «V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов». Тбилиси, 1971, стр. 91.

[218] E. M e y e r. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der zoroastrischen Religion. — KZ 42, 1909, стр. 17 и др.

[219] B u r r o w 1955, стр. 29.

[220] M a y r h o f e r 1959, стр. 95; ср.: Т о п о р о в 1962, стр. 62 сл.; особенно: Д ь я к о н о в 1970, стр. 60.

[221] Противоположный индоиранский тезис, во всяком случае в трактовке Камменхубер, не столь непримиримо, как это может показаться на первый

никает другой ряд также альтернативно решаемых проблем. В контакт с хурритами предположительно могли вступить:1) целиком вся группа индоарийских племен по пути в Пенджаб(Кречмер [222], Бранденштайн [223]); 2) племенные группы или военные отряды выходцев из той этнической части «арийцев», которая впоследствии заселила Индустан (Майрхофер [224], Хаушильд [225] и др.); 3) ранневедийские вооруженные группы исторических индийцев [226].

Первая теза кажется нереалистичной как по причинам лингвистическим, например отсутствие в древнеиндийском заимствований из языков Передней Азии, так и по мотивам культурно-исторического порядка, в частности это противоречит общепринятой датировке появления основной массы индоарийских племен в Пенджабе (середина II тысячелетия или несколько раньше). Третья теза прежде всего не укладывается в рамки хронологии: контакты с хурритами, которые уже в XV—XIV вв. сохранили аризмы в виде анахронистических окаменелостей, приходятся на конец XVIII—начало XVII в. (см выше), т. е. на период до прихода индоарийцев в места исторического обитания; стремление Кронассера обнаружить субстратные заимствования из туземных языков Индии, принесенные ранневедийскими индийцами в Переднюю Азию, ограничились др. инд. *maṇi-* 'ожерелье' (> переднеазиатское *maninni* 'род украшения') — словом совершенно неясной этимологии [227].

Нам представляется, что рассмотренные факты достаточно веско свидетельствуют о происхождении переднеазиатских арийских лингвистических вкраплений из какого-то раннеиндоарийского диалекта, равноправного по отношению к позже засвидетельствованным диалектам Индустана, отнюдь не покрывающегося последними. Скорее всего следует думать о какой-то самой ранней переселенческой волне или чисто военной экспансии через Кавказ в сторону Индии племен из этнической среды, образовавшей

взгляд, альтернативен, так как она признает языковую ориентацию переднеазиатских аризмов на ту часть неразделенного праиндоиранского лингвоэтнического единства, из которого позднее выделились племена, переселившиеся в Индию (Kammenhuber 1968, стр. 234 сл., 17); см. также определение «urarisch altindischer Dialektprägun» (Kammenhuber 1954, стр. 119; 1961a, стр. 18); аналогичное предположение: Дьяконов 1970, стр. 59; ср. термин Дюмезиля «para-Indiens» (Dumézil 1952, стр. 14); ср. при этом старое — более прямолинейное — суждение Порцига о разделении индоиранского в послемитаннийский период (W. Porzig. Kleinasiatisch-Indische Beziehungen. — ZII 5, 1—3, 1927 стр. 279 сл.).

[222] Kretschmer 1944, стр. 36 сл.

[223] Brandenstein 1948, стр. 145.

[224] Mayrhofer 1966, стр. 39 сл.

[225] Hauschild 1962, стр. 49 сл.

[226] Kronasser 1963, стр. 151 сл.

[227] См.: Mayrhofer Wb. II, стр. 556 сл., где предлагается его индоевропейская интерпретация.

спустя два-три века основную массу исторических индоарийцев (вторая теза). При этом, по всей вероятности, следует считаться с диалектно расчлененной общностью индоиранских языков уже, по крайней мере, к концу III тысячелетия, если не ранее, что находится в полном соответствии с выводами современной ареальной лингвистики относительно диалектного членения индоевропейского языкового пространства, включая диалектное дробление индоиранского. Прямым подтверждением этому могут служить и особые, в ряде случаев архаические, раннеиндоарийские черты, вскрываемые в переднеазиатских отложениях. Именно в этом отличном от протоиранского диалектном кругу возникли те специфически ранневедийские религиозные представления и некоторые поэтические фигуры, в совокупности с отдельными лексико-морфологическими инновациями, которые нашли достаточно адекватное отражение в переднеазиатских клинописных текстах на всех трех уровнях: антропонимическом, теофорном и апеллативном.

Синтез доказательств в пользу «раннеиндоарийской» гипотезы может быть представлен следующей совокупностью лингвистических фактов:

1. Структурно-семантическое совпадение религиозно-клятвенной формулы из митаннийского договора с ритуально-поэтическим фрагментом Ригведы, содержащими имена богов *Mitrá-*, *Váruṇa-*, *Índrā-*, *Nā́satyā* (= *Aśvínā*) при отсутствии в иранском пантеоне следов *Váruṇa-*, как и следов *Agni-*, и теофорной основы *sū́rya-*, также засвидетельствованных в клинописных памятниках Передней Азии.

2. Адекватное отражение в значительной части митаннийских сложных личных имен формульно-поэтических отрезков (resp. оборотов) Ригведы, ср.: *Artatama*~*ṛtásya dhā́ma*, Saṃh. *ṛtá-dhāman-*, *Bartašu̯a*~*(sám-)bhṛtaśva-*: *Biridašu̯a*~*prīnītā́śvān-* *(áśvān prī-)*, *vājī́ ná prītáḥ*; *Šattau̯aza*~*vā́ja*~*sāti-*, *vāja-sáni-/-sā́-*, либо *śatá-vāja*; *Biri̯atti*~*priyá-atithi-*. В ряде случаев Ригведа содержит родственные грамматические формы реконструированным переднеазиатским ономастическим основам, например *Biri̯azzana* < **priya-jana*~*priya-jata*. В данную группу следует включить переднеазиатские композиты, которым в Ригведе соответствуют функционально тождественные поэтические фигуры или типологически сходные личные имена, где в одном из компонентов выступает синоним, иногда лексема, относящаяся к той же семантической сфере, ср. *Biri̯aššuu̯a*~*háripriya-*~*Priyá- ratha-*.

3. Полнолексемные соответствия между переднеазиатскими антропонимическими композитами и ономастическими образованиями Ригведы с последующей трактовкой на индоарийском апеллативном уровне: *Mittaratti* = *Mitrātithi-*; *Indaruta* = *Indrotá*, *Indra-ūtá-*; *Šubandu* = *Subándhu-*.

4. Тождество одноосновных митаннийских личных имен с ономастико-аппеллативной лексикой Ригведы: *Zitra* = *Cítra-*, *citrá-*;

Šupra = *śubhrá-*; *Šatuu̯ana*, *Šatuu̯a* = *sátvan-*, *satvaná-*; *Tugra* = *Túgra-*.

5. На фоне общей непротиворечивой трактовки переднеазиатского апеллативного лингвистического слоя на почве языка Ригведы, без предположения каких-либо промежуточных фонетико-морфологических ступеней, особую доказательную силу в аспекте защищаемого нами тезиса приобретают:

а) апеллативы и ономастические лексемы (основы), имеющие специфически «(ранне) индоарийский» фонетический и словообразовательный вид: *ai-ka*~ригвед. *éka-* <**ai-ka*, ср. авест. *aē-va* и пр.; *Šur(i)-i̯aš*~ригвед. *sū́r-yas* (им. п.), ср. авест. *hvar-*, *xᵛan-*; *-atti*~ригвед. *átithi-*<индоиран. **atəthi-* при авест. *asti*;

б) апеллативы, соотносимые с индоарийскими лексемами, но не обнаруживающие параллелей в иранских языках вообще или имеющие таковые не на уровне цельных лексем: *b/pinkara-nnu*~ригвед. *piṅgalá-*; *b/paritta-nnu*~ригвед. *palitá-* (авест. *poᵘr-uša-*, представляя иной словообразовательный тип, морфемно соответствует ригвед. *paruṣá-*); *-u̯artanna*~ригвед. *vartaní-*.

Рассматривая приведенную сводку сопоставительного материала, необходимо учитывать, что при исследовании лексических заимствований определяющей доказательной силой обладают сравнительные факты на уровне цельных лексем, когда тождества охватывают не только формальную, но и семантическую сторону. Поэтому наличие в нашем случае родственных форм в иранских языках с неполным набором совпадающих морфем (уровень корня), например *-u̯artanna* ~ ригвед. *vartaní-*, но ср.-перс. *vartišn* 'скаковой круг, который объезжают до девяти раз' [228], не препятствует постулированию индоарийского тезиса. С другой стороны, этому не мешает и выявление в указанных языках цельнолексемных тождеств из разряда таких устойчивых словоформ, как числительные или даже единичные эквивалентные факты из других более подверженных изменению областей лексики, ср. *vartanzi*~ригвед. *vart-* = авест. *varᵊt-*; *u̯ašanna*~ригвед. *vā́hana-* <раннеиндоар. **vā́žhana-*~согд. *wzn*, поскольку это может быть обусловлено общими пережитками генетической и ареальной близости индоиранских языков в эпоху, предшествовавшую движению на юго-восток в направлении Пенджаба.

В заключение еще несколько замечаний более общего порядка. Незначительная в целом мощность и в подавляющем числе глоссовый характер апеллативного слоя индоарийских отложений в языках Передней Азии — считаем себя теперь вправе употреблять этот термин без оговорок — не дает возможности говорить о каком-то доминирующем влиянии, тем более господстве, арийцев в государстве Митанни. Вероятнее всего, это были какие-то небольшие социальные группы, занимавшие, видимо,

---

[228] Herzfeld 1938, стр. 169.

привилегированное положение, о чем свидетельствует сохранившаяся в переднеазиатских текстах антропонимика, и полностью ассимилированных к XV—XIV вв. хурритами [229]. Предположения о каком-то хуррито-арийском двуязычии или симбиозе на основании дошедшего материала следует пока признать мало правдоподобными.

Далее, исторические ареальные контакты индоарийского с языками Передней Азии не выходили за пределы хурритского. Единственно возможное проникновение, засвидетельствованное вне трактата Киккули (*Ag/kni-*), как и термины, использованные в указанном памятнике, предполагает хурритское посредство.

В таком случае ряд хеттских слов, отмеченных в текстах раннехеттского и новохеттского периода, помимо наставления по коневодству Киккули, обнаруживающие в кругу индоевропейских языков исключительные соответствия в индоарийском, следует отнести за счет ареальных, хетто-«индоарийских» отношений в преданатолийский период. Детальный анализ этих лексем и попытка пространственной проекции хетто-арийских региональных лингво-этнических контактов явятся предметом наших дальнейших разысканий [230].

Сокращения литературы

Абаев РОСл	В. И. Абаев. Русско-осетинский словарь. М., 1950.
Абаев ИЭС I	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958.
Абаев 1965	В. И. Абаев. Предисловие к кн.: Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
Абаев 1965а	В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
Бенвенист 1959	Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. (Перевод с нем.). — «Тохарские языки», М., 1959,
Бенвенист 1965	Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. (Перевод с франц.). М., 1965.
Гамкрелидзе 1964	Т. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964.
Гиндин 1967	Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
Гиндин 1971	Л. А. Гиндин. К генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. — ВЯ 1971, 1.
Дьяконов 1967	И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
Дьяконов 1968	И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
Дьяконов 1970	И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. — ВДИ 1970, 4.

[229] Подробно о внеязыковом аспекте проблемы см.: Kammenhuber 1968; Дьяконов 1970.

[230] Ср.: Гиндин 1971, стр. 47 сл.

Иванов 1958 — Вяч. В. Иванов. Проблема языков centum и satəm. — ВЯ 1958, 4.

Иванов 1962 — В. В. Иванов. Культ огня у хеттов. — «Древний мир». Сб. статей [посвящается] акад. В. В. Струве. М., 1962.

Иванов 1963 — В. В. Иванов. Хеттский язык, М., 1963.

Иванов 1963а — Вяч. В. Иванов]Рец. на кн.:] E. Benveniste. Hittite et indo-européen — ВЯ 1963, 4.

Иванов 1965 — Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Иванов 1968 — Вяч. Вс. Иванов. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия. — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г. М., 1968.

Иванов 1968а — Вяч. Вс. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968.

Иванов—Топоров 1960 — В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960.

Миллер 1962 — В. Ф Миллер. Язык осетин. М.—Л., 1962.

Миллер—Фрейман — В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с дополнениями А. А. Фреймана, I—III. Л., 1927, 1929, 1934.

ОРСл. — Осетинско-русский словарь. Под общей ред. А. М. Касаева, М., 1952.

Порциг 1964 — В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. (Перевод с нем.). М., 1964.

Топоров 1962 — В. Н. Топоров. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии. — «Топонимика Востока». М., 1962.

Bailey 1957 — H. W. Bailey. A problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — «Rocznik orientalistyczny» XXI, 1952,

Balkan 1954 — W. Balkan. Kassitenstudien, 1. Die Sprache der Ķassiten. New Haven, 1954.

Benveniste 1954 — E. Benveniste. Études hittites et indoeuropéennes.—BSL 50, 1, 1954.

Benveniste 1962 — E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962.

Brandenstein 1948 — W. Brandenstein. Die alten Indes in Vorderasien und die Chronologie des Rigweda.— «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», hrsg. v. W. Brandenstein. Wien, 1948.

Burrow 1955 — T. Burrow. The Sanskrit language. London, 1955.

Collinder Wb — B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955.

Dumézil 1945 — G. Dumézil. Naissance d'Archanges, essai sur la formation de la théologie zoroastrienne (=Jupiter Mars Quirinus III). Paris, 1945.

Dumézil 1947 — G. Dumézil. Mitra-Varuṇa, Indra, les Nāsatya, comme patrons des trois fonctions cosmiques et sociales.— «Studia Linguistica» 1, 1947.

Dumézil 1948 — G. Dumézil. Mitra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté. Paris, 1948.

Dumézil 1952	G. D u m é z i l. Les Dieux des indo-européens. Paris, 1952.
Dumézil 1961	G. D u m é z i l. Les «trois fonctions» dans le ṚgVeda et les dieux indiens de Mitanni.— «Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques» 47, 1961.
Dumont 1947	P.-E. D u m o n t. Indo-Aryan Names from Mitanni, Nuzi, and Syrian Documents.— JAOS 67, 4, 1947.
Eilers—Mayrhofer 1960	W. E i l e r s, M. M a y r h o f e r. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? (Eine Nachprüfung). — «Die Sprache» VI, 2, 1960.
Friedrich 1943	J. F r i e d r i c h. Mitraššil Uruuanaššel.— «Orientalia», N. S. 12, 1943.
Friedrich HW	J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952—1954.
Friedrich HW Erg.	J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft I—III. Heidelberg, 1957, 1961, 1966.
Friedrich 1960	J. F r i e d r i c h. Hethitisches Elementarbuch, I. Heidelberg, 1960.
Frisk	Hj. F r i s k. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Heidelberg, 1960—1970.
Gelb—Purves—MacRae 1943	I. J. G e l b, P. M. P u r v e s, A. A. M a c R a e. Nuzi personal names. Chicago, 1943.
Grassmann	H. G r a s s m a n n. Wörterbuch zum Rig-Veda. 3., unveränderte Aufl. Wiesbaden, 1955.
Gusmani 1968	R. G u s m a n i. Il lessico ittito. Napoli, 1968.
Hauschild 1958	A. T h u m b. Handbuch des Sanskrit, I—III. 3., stark umgearb. Aufl. v. R. Hauschild. Heidelberg, 1958.
Hauschild 1962	R. H a u s c h i l d. Über die frühesten Arier im alten Orient. Berlin, 1962.
Herzfeld 1938	E. H e r z f e l d. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.
Hrozný 1921	F. H r o z n ý. Un dieu hittite Ak/gnis. — RA 18, 1921.
Hrozný 1931	B. H r o z n ý. L'etraînement des chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte mîtannien provenant du 14e siècle av. J.-C. — ArOr 3, 1931.
Jacobsohn 1922	H. J a c o b s o h n. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
Kalima 1936	J. K a l i m a. Über die indoiranischen und baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. — «Festschrift für H. Hirt» II. Heidelberg, 1936.
Kammenhuber 1954	A. K a m m e n h u b e r. Zu den hethitischen Pferdetexten. — FuF 28, 1954.
Kammenhuber 1959	A. K a m m e n h u b e r. [Рец. на кн.:] J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänz. 1. — OLZ 54, 1—2, 1959.
Kammenhuber 1959a	A. K a m m e n h u b e r. Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe. — KZ 76, 1—2, 1959.
Kammenhuber 1961	A. K a m m e n h u b e r. Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ 77, 1—2, 1961.
Kammenhuber 1961a	A. K a m m e n h u b e r. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961.
Kammenhuber 1967	A. K a m m e n h u b e r. [Рец. на кн.:] Mayrhofer 1966. — IF 72, 1—2, 1967.
Kammenhuber 1968	A. K a m m e n h u b e r. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
Kammenhuber 1969	A. K a m m e n h u b e r. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch. Handbuch der Orienta-

listik, II, Lief, 2. Altkleinasiatische Sprache. Leiden—Köln, 1969.

Knudtzon 1915 — J. A. Knudtzon. Die El-Amarna-Tafeln mit Einleitung und Erläuterung I—II. Leipzig, 1915.

Kretschmer 1926 — P. Kretschmer. Varuṇa und die Urgeschichte der Inder. — WZKM XXXIII, 1—2, 1926.

Kretschmer 1927 — P. Kretschmer. Zum Ursprung des Gottes Indra. — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse, 64, Jg, 1927, № VII, 1928.

Kretschmer 1928 — P. Kretschmer. Weiteres zur Urgeschichte der Inder. — KZ 55, 1928.

Kretschmer 1944 — P. Kretschmer. Inder am Kuban. — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse 80. Jg. 1943, № I—XV, 1944.

Kronasser 1957 — H. Kronasser. Indisches in den Nuzi-Texten.— WZKM LIII, 3—4, 1957.

Kronasser 1963 — H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. 2. Wiesbaden, 1963.

Lacheman 1958 — E. R. Lacheman. Excavations at Nuzi VII.— HSS XVIII, 1958.

Laroche 1947 — E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947.

Mayrhofer Wb. — M. Mayrhofer. Kurzgefaβtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I—II; Lief. 19—22. Heidelberg, 1956—1970.

Mayrhofer 1958 — M. Mayrhofer [Рец. на кн.:] Thumb — Hauschild I. — DLZ 79, 9, 1958.

Mayrhofer 1959 — M. Mayrhofer. Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. — «Die Sprache» V, 1959.

Mayrhofer 1959a — M. Mayrhofer. Über einige arische Wörter mit hurrischen Suffix. — AION, sez. linguistica, I, 1, 1959.

Mayrhofer 1961 — M. Mayrhofer. Der heutige Forschungstand zu den indoiranischen Sprachresten in Vorderasien. — ZDMG 111, 2, 1961.

Mayrhofer 1964 — M. Mayrhofer. «Hethitisch und Indogermanisch». Gedanken zu einem neuen Buche — «Die Sprache» X, 2, 1964.

Mayrhofer 1960 — M. Mayrhofer. Indo-Iranische Sprachgut aus Alalaḫ. — IIJ IV, 2—3, 1960.

Mayrhofer 1965 — M. Mayrhofer. Zur kritischen Sichtung vorderasiatisch-arischer Personennamer. — IF 70, 2, 1965.

Mayrhofer 1965a — M. Mayrhofer. Zu den Zahlwortkomposita des Kikkuli-Textes. — IF 70, 1, 1965.

Mayrhofer 1965b — M. Mayrhofer. Hethitisches und arisches Lexikon. — IF 70, 3, 1965.

Mayrhofer 1966 — M. Mayrhofer. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.

Nougayrol 1956 — J. Nougayrol. Textes accadiens des archives Sud (Archives internationales). (=Le palais royal d' Ugarit IV). Paris, 1956.

Otten—Mayrhofer 1965 — H. Otten, M. Mayrhofer. Der Gott Akni in den hethitischen Texten und seine indo-arische Herkunft. — OLZ 60, 11—12, 1965.

Pedersen 1938 — H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Kopenhagen, 1938.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

Porzig 1954 — W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.

Potratz 1938	H. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938.
Soden 1957	W. Soden. [Рец. на кн.:] HSS XV, 1955 (=Excavations at Nuzi VI. — ZA 18 (52), 1957.
Soden 1959	W. Soden. Akkadischen Handwörterbuch, Lief. 2. Wiesbaden, 1959.
Speiser InH	E. A. Speiser. Introduction to Hurrian. — «The Annual of the American Schools of Oriental Research», 20, 1940/1941.
Thieme 1960	P. Thieme. The «Aryan» Gods of the Mitanni Treatics. — JAOS 80, 4, 1960.
Thumb—Hauschild	см. Hauschild 1958.
Weidner BoSt	E. F. Weidner. Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatsverträge in Akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi.—«Boghazköi-Studien» 8. Leipzig, 1923.
Wiseman 1953	D. J. Wiseman. The Alalakh Tablets. London, 1953.

ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
AION	Annali del Istituto orientale di Napoli
AnOr	Analecta Orientalia
ArOr	Archiv orientální
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
DLZ	Deutsche Literaturzeitung
FuF	Forschungen und Fortschritte
HSS	Harvard Semitic Series
IF	Indogermanische Forschungen
IIJ	Indo-Iranien Journal
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JCS	Journal of Cuneiform Studies
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung
PdP	La parola del Passato
RA	Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
RIL	Rendiconti dell'Istituto lombardo de scienze e lettere
WZKM	Wiener Zeitscrift für die Kunde des Morgenlandes
ZA	Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZII	Zeitschrift für Indologie und Iranistik

В. И. Абаев

КАК АПОСТОЛ ПЕТР СТАЛ НЕПТУНОМ

Взаимодействие между религиозными системами напоминает во многом взаимодействие между языковыми системами. Если контакты носят маргинальный характер, то там и тут могут наблюдаться случаи заимствования отдельных элементов одной системы в другую. Если же имеет место наложение одной системы на другую, то, в случае с религиями, может на какой-то период бытовать двоеверие, подобное двуязычию. Если же, в дальнейшем, одна система побеждает и заменяет другую, то элементы старой, побежденной системы могут, в случае с религиями, «просвечивать» и распознаваться как субстрат, подобный языковому субстрату. У осетин, как и у других европейских народов, воспринявших в свое время христианство, мы находим богатый и интересный материал для иллюстрации того, что такое религиозный субстрат. Сквозь оболочку христианства у них более или менее явственно проступают черты, унаследованные от дохристианского, «языческого» прошлого. В сущности, говорить о «победе» христианства, когда речь идет о христианизации осетин (и не только осетин), приходится весьма условно. Победа была, во всяком случае на первых порах, чисто внешняя, формальная. Усваивалась христианская терминология, языческим божествам давались имена христианских святых, содержание же дохристианских верований, а также ритуал полностью или в значительной мере сохранялись в новой оболочке. Религиозный «переворот» при ближайшем рассмотрении оказывался переворотом терминологическим и ономастическим. Св. Георгий воспринял черты языческих героев-змееборцев [1], славянский Перун превратился в Илью Пророка, «скотий бог» Велес — в св. Власия и т. п.[2]

Осетины знали высшего бога, *xucaw*. Но, как правильно замечает Вс. Миллер, «это существо для него [осетина] слишком

---

[1] См.: M. Meyer. Ueber die Verwandtschaft heidnischer und christlicher Drachentöter. — «Verhandlungen der XL. Versammlung deutscher Philologen». Leipzig, 1890, стр. 336 сл.

[2] А. Ранович. Происхождение христианского культа святых. М., 1931, стр. 49.

далеко, слишком недоступно, безлично и неуловимо: в повседневной жизни счастье и несчастье зависят, по их представлениям, от вмешательства других сил, заведующих разными областями природных явлений. . . От одного из этих духов зависит урожай хлеба, от другого — обилие и здоровье домашнего скота, третий заведует дикими животными и дает удачу на охоте, четвертый посылает урожай меду и т. д. Между духами есть и такие, которые посылают болезни, например оспу, но осетин никогда не назовет такого духа злым или дьяволом. Осетин не прилагает к этим духам названия *хисаw* «бог», но в сущности они занимают в его религиозных представлениях и в культе такое же место, как боги у древних греков, германцев или славян» [3]. Культ единого бога был для народных масс слишком отвлеченным и бескрасочным. Они привыкли к многоцветному политеизму, и церковь вынуждена была пойти навстречу этой потребности, введя культ святых. Святые стали прямыми преемниками языческих божеств [4].

Почему образ и культ того или иного дохристианского божества или героя переносились именно на данного христианского святого, а не другого? На этот вопрос далеко не всегда можно дать вполне убеждающий ответ. Иногда налицо ф у н к ц и о н а л ь н а я преемственность: преемником бога-громовника становится Илья Пророк, которому христианская легенда приписывает те же громовнические функции. Змееборец Георгий становится дублером языческих героев-змееборцев и т. п. Но не исключено, что те или иные функциональные черты были «примышлены» христанским святым вторичным образом в порядке агиографического творчества.

Более важную роль играл, по видимому, к а л е н д а р н ы й признак: христианский святой занимал место того языческого божества, дата праздника которого совпадала с днем этого святого или была близка к нему. Дата была нередко тем единственным, что связывало данное дохристианское божество или празднество с данным святым [5].

---

[3] Вс. М и л л е р. Осетинские этюды, II. М., 1882, стр. 239.

[4] «Il n'y a pas de différence essentielle, en effet, entre les saints de l'Eglise et les héros du polythéisme grec» (H. D e l e h a y e. Les légendes hagiographiques. 3e ed. Bruxelles, 1927, стр. 151). См. также: P. S a i n t y v e s. Les saints successeurs des dieux. Paris, 1911; Ch. C a h i e r. Les caractéristiques des saints. Paris, 1867; Д. Ш е с т а к о в. Исследование в области греческих народных сказаний о святых. СПб., 1910.

[5] «L'on peut donc etre sûr que, lorsque les populations chrétiennes ont gardé quelque chose d'une fête du paganisme, c'est tout au moins la date» (H. D e l e h a y e. Указ. соч., стр. 169); «La coïncidence des dates est donc un élément de démonstration de premier ordre pour qui cherche à rattacher au paganisme, par un lien de continuité, la fête d'un saint» (Там же, стр. 170); «Die christlichen Heiligen, die an die Stellen von Göttern gesetzttworden sind, gestatten uns in ihrem Gedenktag die Zeit des ursprünglichen Götterfestes mit Sicherheit zu erkennen und dadurch das Wesen des Festes und der Gottheit zu ermitteln». H. U s e n e r. («Archiv für Religionswissenschaft», VII, 1904, стр. 14).

Христианизация предков современных осетин, известных в прошлом под названием алан, началась в V в. стараниями византийских миссионеров и завершилась в X в. созданием аланской епархии. Переход в новую веру проходил не очень гладко. Есть сведения, что аланы несколько раз изгоняли поставленных у них священников. Так или иначе, формально христианство восторжествовало во всей Алании. Старые языческие божества, образы и мифы удержались только в эпосе, в сказаниях о героях Нартах. Нартовский эпос был той последней цитаделью, куда отступило язычество, продолжая оттуда наносить удары по новым богам: Нарт Батраз, согласно эпосу, воюет с христианским богом и христианскими «святыми», и хотя гибнет в этой борьбе, успевает нанести своим противникам тяжелые потери.

Но победа христианства была, как мы отмечали, больше внешней, формальной. Под оболочкой христианских имен и терминов продолжал жить целый мир языческих верований, образов, ритуалов. Прямых свидетельств об этом мире у нас очень мало [6]. И тем не менее мы можем составить о нем представление именно потому, что он во многих существенных чертах продолжал жить и после христианизации, изменив только оболочку, но не содержание. Древние языческие обряды и празднества с их ритуалом жертвоприношений и других культовых церемоний были без особого труда приурочены к праздникам христианского календаря по признаку совпадения дат. Позади христианских святых отчетливо проглядывали их древние прототипы — языческие боги и герои. Св. Георгий (под именем *Was-Gergi*) приобрел черты не то солнечного, не то военного бога, пророк Илья (под именем *Wac-Illa*) — грозового и «хлебного» божества и т. п.

Весьма любопытной оказалась судьба апостола Петра. Имя *Петр* (*Petrus*) по нормам осетинского языка получило форму **Bettyr** (бытует в этой форме по сей день). Популярнейшим персонажем осетинской мифологии является владыка водного царства Don-Bettyr, букв. 'Водный Петр'. Что это за Петр? Речь может идти только об апостоле Петре. Но почему «водный»? В связи с евангельскими рассказами о рыбачестве апостола Петра он стал у многих народов патроном рыбаков, а в дальнейшем приобрел у осетин черты водного божества, Нептуна. В народной мифологии и эпосе Don-Bettyr обладает такими чертами и функциями, о которых апостолу Петру и не снилось. Он живет в подводном дворце, в котором «пол из перламутра, стены — синее стекло, потолок — утренняя звезда» (jæ byn — ærγæw, jæ k'ul — c'æx avg, jæ car sæwwon st'aly [6а]). По материнской линии он является родоначальником героев осетинского эпоса, Нартов: его дочь — жена Нарта Хсартага — стала матерью знаменитейших Нартов:

[6] См. мой доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов: «Дохристианская религия алан». М., 1960.

[6а] В. И. Абаев. Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939, стр. 14.

Урузмага, Хамица, Сата́ны. Поскольку Нарты являются потомками дочери Дон-Бетра (Don-Bettyry xæræfyrttæ), они часто и подолгу гостят у него. Сата́на отдает туда на воспитание своего сына и пр. Ясно, что евангельский Петр совершенно не повинен во всем этом богатом мифологическом орнаменте. Он получил его gratis от своего языческого предшественника, быть может, от того скифского Посейдона, который, по Геродоту, назывался Тагимасадой. Приняв новую религию, надо было идентифицировать его с каким-нибудь христианским святым, и наиболее подходящим персонажем оказался «рыбак» Петр.

Такая идентификация, надо полагать, не встречала особого сопротивления со стороны христианских миссионеров. Понимая, что искоренить полностью старые верования и обряды невозможно, они шли на компромисс. Они как бы говорили: «Ладно, молитесь вашему водяному, но только называйте его христианским именем». Так, представляется нам, произошло отождествление аланского Нептуна с апостолом Петром.

На этом типичном примере видно, что не языческие образы перерабатывались в соответствии с христианской идеологией, а наоборот, христианский материал наполнялся языческим содержанием, отливался по языческой модели. Если легенда о данном святом содержала хоть одну черту, один штрих, за который можно было уцепиться, чтобы присвоить этому святому хоть одну функцию «родственного» ему языческого бога, этого было достаточно, чтобы приписать ему и все другие функции упомянутого бога. Впрочем, иной раз не требовалось даже какого-либо ощутимого функционального сходства между христианским святым и дохристианским богом: простое совпадение дат празднования оказывалось достаточным для их отождествления (см. выше).

Ниже мы приводим в алфавитном порядке христианизированную ономастику осетинских божеств и календарных праздников, пытаясь, где возможно, разглядеть скрытые за нею дохристианские, языческие реалии [7].

Alardy | *Alaurdi* — божество, насылающее оспу. Существование такого узкоспециализированного культа объясняется тем, что оспа была в Осетии самой частой и самой страшной эпидемией, уносившей множество жертв. Отсюда великий страх, который внушал народу Аларды, отсюда рвение, с каким народ пытался снискать его милость. Святилища, посвященные ему, были разбросаны по всей Осетии. В гимнах, которые пелись в его честь, он зовется «светлым» (ruxs), «золотым» (syγzærin), «красным» (syrx), «крылатым» (bazyrǵyn). Ему обещают жертвенные при-

---

[7] Там, где нами приводятся две формы имени, разделенные вертикальной чертой, первая принадлежит иронскому диалекту осетинского языка, вторая — дигорскому. Единичные иронские и дигорские формы обозначаются соответственно: и., д.

ношения: красивейших белых барашков, пироги из лучшей пшеницы, пиво из лучшего ячменя и хмеля, серебряные монеты и пр. В одном из горных селений Алагирского ущелья (Згид), где Аларды особенно чтился, празднества в его честь длились целый месяц, в жертву страшному богу приносили быков и баранов, в его честь пелись гимны, устраивались скачки и пляски [8].

Как мы видим, Аларды имеет все черты языческого «медицинского» бога, властного и поразить болезнью и исцелить от нее. Таким богом был греческий Асклепий. Разница в том, что у Асклепия на первый план выступает его благостная, целительная функция, у Аларды — грозная, губительная. В христианской агиографии Асклепий имел своих преемников, «медицинских» святых. Одним из них был Иоанн Креститель. Процедура крещения, которой он подвергал людей, понималась как очищающая и исцеляющая, поэтому за ним закрепилась репутация святого-целителя [9]. В восточной Грузии по соседству с Осетией, в местности, называемой А л а в е р д ы, был древний и весьма чтимый храм Иоанна Крестителя, привлекавший много богомольцев, в том числе больных, ждавших исцеления от святого. Осет. *Alardy* | *Alaurdi* и есть не что иное, как груз. *Alaverdi*: божество названо по месту своего почитания, как Афродита называлась Кипридой по острову Кипру [10]. Как назывался «медицинский» бог в дохристианской Алании, об этом трудно даже строить какие-либо догадки, так как никакие материалы, относящиеся сюда, до нас не дошли.

Amistol — название летнего месяца. В иронском диалекте этот месяц зовется *Kæxcgænæny mæj*, так как к нему был приурочен праздник Kæxcgænæn в честь родившихся в течение последнего года мальчиков.

Вс. Миллер относил *Amistol* к числу календарных терминов неизвестного происхождения [11]. Этимология слова проясняется, если принять во внимание некоторые наблюдаемые в осетинском звуковые переходы. Звук *b* переходит иногда в *m*, например монг. *Xabiči* → осет. *Xæmyc*, табак → *tamako* и т. п. Если допустить, что в слове *Amistol* имел место такой же переход, то старая форма должна была быть *Abistol*. Соответствующую форму мы действительно и находим у соседей осетин, балкарцев: *Abəstol* — название летнего месяца. Балкарцы — племя тюркского происхождения, но с сильным аланским субстратом. От алан они усвоили в свое время ряд календарных терминов, в том числе и христианских. К числу последних мы относим и *Abəstol*, в котором скрыва-

---

[8] Вс. М и л л ер. Осетинские этюды, I. М., 1881, стр. 102—104; II. 1882, стр. 250—253, 275—276. Тексты гимнов Аларды см. также в сборнике «Осетинское народное творчество», т. II. Орджоникидзе, 1961, стр. 347—348.

[9] Д. Ш е с т а к о в. Указ. соч., стр. 148.

[10] См. В. И. А б а е в. «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (далее сокращенно — ИЭС), I. М.—Л., 1958, стр. 43—44.

[11] Вс. М и л л е р. Указ. соч., II, стр. 263.

ется не что иное, как греч. ’απόστολος ‘апостол’. Так назывался месяц, охватывавший вторую половину июня и первую июля, потому что на этот месяц приходился праздник апостолов Петра и Павла: 29 июня [12].

Atynæg и. — подвижный летний праздник перед началом сенокоса. Справлялся в третье воскресенье июля. По своему содержанию восходит, по-видимому, к древнему растительному культу. Проходил весьма торжественно. К святилищу *Atynæg* стекалось множество народа из ближних и дальних аулов. В изобилии заготовлялось пиво и арака, резали быков и баранов. Идти на сенокос можно было только после праздника *Atynæg* и только тому, кто принял участие в этом празднике. Про того, кто нарушал этот обычай, говорили, что он работает xæddzyrγæj («самоточкой»), и такой отщепенец мог поплатиться общественным бойкотом (qody).

Как ни очевиден языческий характер праздника *Atynæg*, его название вполне христианское. В нем скрывается имя святого Афиногена (греч. ’Αθηνογένης), епископа Севастийского. Культ этого святого был популярен в древнехристианской церкви [13]. Были ли в житии Севастийского епископа какие-либо черты, которые давали бы повод приписать ему функции растительного божества, нам неизвестно. Возможно, что в этой трансформации повинно простое совпадение календарных дат.

Barysk’i | *Barӕsk’*æ — обрядовый траурный пост. Соблюдался женщинами по умершим мужьям, братьям, отцам, сыновьям в течение года. *Barysk’i daryn* ‘соблюдать траурный пост’.

Название восходит к греч. παρασκευή ‘приготовление (к субботе)’, ‘пятница (= день поста)’. Термин — христианский, но реалии (траур по умершему мужу) восходят, несомненно, к дохристианскому времени.

Basyltæ | *Basiltæ* — праздник Нового года; д. *Basilti mæjæ* ‘месяц январь’, балкар. *Bašil ayə* то же. Название *basyl* | *basil* применяется также к обрядовым пирожкам или хлебцам, изготовляемым к Новому году. У грузинских племен аналогичные изготовления также называются *basila*, *basili*.

Название *Basiltæ* представляет форму мн. числа от *Basil*, а последнее восходит к имени одного из отцов греческой церкви — св. Василия Великого, епископа Кесарийского (329—379). *Basiltæ* ‘Новый год’ и *Cyppurs* ‘рождество’ (см. ниже) по происхождению связаны с древним праздничным циклом зимнего солнцеворота. После христианизации новогоднему празднику было присвоено имя Василия Великого, день которого отмечался 1 января. Ср. в русском *Васильев день* ‘Новый год’. Дохристианским названием этого праздника было, вероятно, *Ært-xūron*, букв. ‘Огонь

[12] ИЭС I 51.
[13] ИЭС I 81—82.

(*art*) сын Солнца (*xūron*)'. Термин *Ærtxūron* дошел до нас как название большого обрядового пирога, изготовляемого на Новый год. И подобно тому, как после христианизации *Basiltæ* стало как названием праздника, так и названием культовых хлебцев, так есть все основания думать, что *Ærtxuron* означало и пирог и праздник, к которому он изготовлялся [14].

Cyppurs | *Cæpporse* — древний праздник зимнего солнцеворота, приуроченный к христианскому рождеству (ср. выше *Basiltæ* 'праздник Нового года').

Название восходит к иранскому **caϑwarsat* 'сорок'. Такое название было дано этому празднику потому, что ему предшествовал 40-дневный пост [15].

Don-Bettyr | *Don-Bettær* 'владыка водного царства'. Популярный персонаж осетинской мифологии и эпоса. Родоначальник, по материнской линии, героев осетинского эпоса, Нартов.

Имя этого осетинского Нептуна означает 'Водный (*don*) Петр' и восходит к имени апостола Петра [16]. Подробнее об этом см. выше.

Dzwar — общее наименование для всех божеств, а также посвященных им святилищ.

Явно поздний (христианского периода) термин, заимствованный из груз. *džvari* 'крест'. В дохристианский период боги назывались *zæd* (др.-иран. *yazata-*) и *dawæg* | *idawæg* (др.-иран. **vi-tāvaka-*), букв. 'силы', от корня **tav-* 'быть сильным' [17]. Термины *zæd* и *dawæg* удержались в языке и после христианизации, рядом с *dzwar*.

Fælværa — бог-покровитель домашнего скота.

Это, без сомнения, древнее пастушеское божество; после христианизации получило имя, которое, по убедительной догадке Вс. Миллера, представляет искажение парного имени святых Флора и Лавра (*Florus—Laurus*), патронов домашнего скота [18]. Типологически святые Флор и Лавр являются преемниками языческих богов-близнецов, таких как древнеиндийское Асвины, греческие Диоскуры, которым, как показал Дюмезиль, охотно присваивались функции патронов хозяйства (скотоводства или земледелия), хозяйственного обилия и т. п.[19]

Fydwani | *Fidiwane* — имя божества, день которого отмечается летом, в период летнего солнцеворота. Связь этого божества с солнечной мифологией наглядно выступает в одном сюжете Нартовского эпоса, связанном с гибелью Нарта Сослана. Сослан гибнет, рассеченный чудесным колесом, ниспосланным на него с неба.

---

[14] ИЭС I, стр. 239—240; V. I. Abayev. The names of the months in Ossetic. «Henning memorial volume». London, 1970, стр. 2, 7.

[15] ИЭС I, стр. 323.

[16] ИЭС I, стр. 367—368.

[17] ИЭС I, стр. 348—349.

[18] Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 278—279.

[19] G. Dumézil. Mythe et épopée. Paris, 1968, стр. 49—52, 87—89.

Божество, напустившее на Сослана смертоносное колесо, зовется то *Balsæg*, то *Ojnon*, то *Fydwani*[20]. Колесо в этом рассказе, как и в других аналогичных мифах, является символом солнца[21]. Стало быть, *Fydwani* выступает как солнечное божество, «хозяин солнца».

Тщетно было бы, однако, в имени *Fydwani* искать каких-нибудь древних реминисценций. Оно вполне христианское и означает 'Отец Иоанн' (*Fyd Iwane*). Иоанн Креститель, день которого отмечался 24 июня, в период летнего солнцеворота, вплелся в древние солнечные мифы и стал преемником языческих солнечных божеств. Так было у осетин. Так было и у других христианских народов. Ср. русский Иван Купала. Дигорский сохранил это же имя еще в другой форме: *Ojnon* (см. ниже).

Ǵiorguba | *Gewærgoba* — осенний праздник (в первой половине ноября). Пазвание идет из груз. *Giorgoba* 'праздник св. Георгия', но ритуал — древний, языческий, лишь замаскированный христианским наименованием. Св. Георгий более известен у осетин под именем *Wastyrǵi* | *Was-Gergi* (см. ниже).

IK'yna | *IK'ina* — название календарного осеннего праздника, приуроченного к перегону скота с летних пастбищ в аулы. По содержанию праздник явно связан с древним скотоводческим циклом. Но название — христианское. Оно восходит к греч. ἐγκαίνια, букв. 'обновление'. Так назывался в христианской церкви праздник «освящения храма»[22].

Kasuta и. — название весеннего праздника. В этот день молились о даровании молодым невесткам мужского потомства.

Название идет из груз. *Kvašveti* — название чтимого в старину храма богоматери. Можно думать, что какой-то дохристианский культ богини плодородия был перенесен на богоматерь и на посвященный ей храм. Так же точно название храма в Алаверди стало названием бога эпидемий *Аларды* (см. выше).

Madæ Majræm 'Мать Мария'. Так зовется у осетин богоматерь. Культ ее имеет ясные черты культа богини плодородия. «Богоматерь, — пишет Вс. Миллер, — обратилась в фетиш: около аулов большой камень носит название *Madæ Majræm*, и к нему водят молодую при брачном обряде. Приближаясь к священному камню, мальчики бросают в него каменьями и пулями, восклицая при этом: вот столько мальчиков (сколько камней или пуль) и одну синеокую девочку подай, Майрам, нашей доброй невестке»[23]

Mykalgabyrtæ и. — название нескольких святилищ. Особенно чтилось святилище в Алагирском ущелье близ аула Цей. Праздник был приурочен к маю и продолжался больше недели. Ритуал,

[20] Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 285.

[21] G. Dumézil. Légendes sur les Nartes. Paris, 1930, стр. 196—199; В. И. Абаев. Нартовский эпос. — «Изв. Сев.-Осет. научно-исследов. ин-та», X, вып. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 52—53.

[22] ИЭС I, стр. 542—543.

[23] Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 252.

как и в других случаях, был вполне языческий: жертвоприношения быков и овец, сопровождаемые традиционными обрядами и молитвами и пр.[24]

В названии *Mykalgabyrtæ* скрываются имена архангелов Михаила и Гавриила (груз. *Mikael—Gabrieli*).

Nykkola | *Nikkola* — чтимое в старину божество, было особенно популярно у дигорцев. Хотя христианское происхождение его имени не вызывает никакого сомнения (речь идет о св. Николае Мирликийском), его образ вобрал черты, не имеющие отношения к св. Николаю и восходящие к дохристианским верованиям и представлениям. В посвященных ему гимнах Никкола рисуется спасителем терпящих бедствие мореплавателей. В сказании о Нарте Ацамазе Никкола, вместе с другими небожителями, выступает в роли свата к невесте Ацамаза Агунде, а затем принимает участие в свадебном пиршестве [25].

Ojnon д. Чудесное колесо, поразившее Нарта Сослана, зовется в дигорских вариантах обычно «колесом Ойнона» (*Ojnoni calx*). Как мы отмечали выше (под словом *Fydwani*), колесо является здесь символом солнца, а Ойнон мыслится как солнечное божество. Между тем имя *Ojnon* вряд ли может быть чем-нибудь иным, как именем св. Иоанна (Крестителя). По нормам осетинской фонетики *a* перед *n* переходил в *o*. Стало быть, из *Ioan* должно было получиться *Ion*. Далее, личные имена охотно снабжались формантом *-on*: *Alγuzon* рядом с *Alγuz*, *Qūsægon* рядом с *Qūsæg* и т. п. Так рядом с *Ion* появилось *Ionon* и далее *Ojnon*. Каким образом на Иоанна Крестителя были перенесены черты солнечного божества, об этом мы говорили выше, в связи с термином *Fydwani* [26].

Safa — бог домашнего очага, создатель и патрон священной надочажной цепи [27]. Упоминается и в нартовском эпосе.

Не исключено, что свое христианское название это древнее божество получило по имени Иерусалимского святителя Саввы Освященного, популярного в восточнохристианской церкви.

Saniba — название аула. В прошлом — культовое место. Название *Saniba* неотделимо от груз. *Sameba* 'троица'. Не случайно поэтому, что, по сообщению А. Шегрена, праздник *Kærdægxæssæn* ('приношение трав'), который соответствовал христианской троице, особенно отмечался жителями аула Саниба [28].

---

[24] Описание обычного ритуала староосетинских праздников см.: Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 264—265.

[25] В. И. Абаев. Из осетинского эпоса М.—Л., 1939, стр.66—67,72: «возглавляет свадебное шествие высокий Никкола».

[26] Надо полагать, что имя св. Иоанна вошло в осетинский на двух разных этапах христианизации: сперва в форме *Ojnon*, потом в форме *Fydwani* ('отец Иоанн').

[27] Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 248.

[28] А. Шегрен. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях. «Маяк». СПб., 1843, кн. XIII, т. VII, стр. 42.

Tarangeloz и. — название божества, которому посвящено несколько святилищ. Одно из наиболее чтимых в прошлом — в ущелье Трусо (*Tyrsy*) в верховьях Терека (*Tyrsyjy Tarangeloz*). Название идет из груз. *Mtavar-Angelozi* 'архангел'.

Tūtyr | *Totur* — бог волков. Ему молились об ограждении стад от волчьей опасности[29]. Посвященный ему праздник (*Tūtyrtæ*) отмечался весной, в марте, продолжался несколько дней, был весьма торжественным, сопровождался играми и пр.

В имени этого волчьего божества Вс. Миллер распознал св. Федора Тирского, которому, по агиографической легенде, повиновались волки. Кроме весеннего Тутыра, праздновался еще осенний Тутыр [30].

Wacilla | *Wacella* — божество грозы и урожая. День его отмечался в июне. В жертву ему приносили предпочтительно козлов.

Имя его состоит из *wac* (восходит к др.-иран. *wāč-* 'слово'), что должно было означать в данном сочетании нечто вроде 'святой', и *Illa* | *Ella*='Илья'. У осетин, как и у некоторых других христианских народов, Илья Пророк присвоил функции древнего бога-громовника.

Wastyrgi | *Waskergi* (*Was-Gergi*) — популярнейшее божество староосетинского пантеона. Рисуется в посвященных ему легендах как всадник на белом коне и в белой бурке. Считается мужским божеством par excellence: женщины не могут называть его по имени и почтительно именуют его *lægty dzwar* 'бог мужчин'. Покровитель путников и воинов. Наделен также чертами солнечного божества. Его постоянный украшающий эпитет *syγzærin* 'золотой', также *suγzærinæ bazurgin* 'златокрылый'.

Древнейшая форма *Was-Gergi* состоит из уже знакомого нам элемента *wac* ((→ *was*) 'святой' и *Gergi* 'Георгий' [31].

У осетин, как и у грузин и у русских, св. Георгию особенно повезло во всенародном признании и популярности. Свой ореол он унаследовал, надо полагать, от тех дохристианских божеств, преемником которых он стал и функции которых он воспринял.

Мы познакомились с христианизированной терминологией осетинских культов и с тем языческим субстратом, который за нею скрывается. В этом субстрате легко распознаются хорошо извест-

---

29 Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 243, 273—274, 278. В некоторых, посвященных Тотуру гимнах, нет упоминания о волках: он рисуется как добрый ходатай за людей перед богом и небожителями («Осетинское народное творчество», т. II, стр. 346—347).

30 По осетинскому календарю на 1925 г., изданному Е. Гутновым (Berlin, 1925), — в последнее воскресенье сентября.

31 Эпитет *wac* (*was*) может факультативно присоединяться к именам некоторых других «святых». В культовых и фольклорных текстах встречаются сочетания *Was-Totur*, *Wac-Nikkola*. Но в случае со св. Георгием и Ильей Пророком произошло полное сращение элемента *wac* (*was*) с именем настолько, что *Gergi* и *Illa* отдельно не употребляются и не понятны.

ные типы: скотоводческие культы (*Fælværa*, *Tūtyr*, *Ik'ina*), растительно-аграрные (*Wacilla*, *Atynæg*, *Saniba-Kærdægxæssæn*), социально-семейные (*Madæ-Majræm*, *Safa*, *Kasutæ*), «медицинские» (*Alardy*), солнечные (*Cyppurs*, *Basyltæ*, *Fydwani*, *Ojnon*), водные (*Donbettyr*), грозовые (*Wacilla*).

Часть старых языческих культов избежала ономастической христианизации и сохранила свои наименования: *Æfsati* 'бог охоты, *Kurdalægon* 'бог кузнечного дела', *Barastyr* 'владыка загробного мира' и др. Почему их обошла волна христианизации? Возможно, потому, что они не имели фиксированного дня празднования и, стало быть, их нельзя было отождествить ни с каким «подходящим» календарным «святым». На них мы не останавливаемся, так как нас интересуют здесь только прошедшие через христианское «оформление» культы.

В заключение приводим краткий этимологический словарик:

Alardy	груз. *Alaverdi*, назв. селения и храма
Amistol (← *Abistol*)	греч. ἀπόστολος
Atynæg	греч. 'Αθηνογένης
Barysḱ'i	греч. παρασκευή 'пятница'
Basyl	греч. βασίλειος
(Don-) Bettyr	греч. Πέτρος
Dzwar	груз. *Džvari* 'крест'
Fælværa	лат. *Florus-Laurus*
(Fyd-)wani	греч. 'Ιωάννης
Ǵiorguba	груз. *Giorgoba*
Ik'ina	греч. 'εγκαίνια 'обновление'
Kasutæ	груз. *Kvašveti*, назв. храма
Majræm	греч. Μαριάμ ← арам. *Mariám*
Mykalgabyr	груз. *Mikael-Gæbrieli*, евр. *Mikhā'él*, *Gabhrī'él*
Nikkola	греч. Νικόλαος
Ojnon	греч. Ιωάννης
Safa	греч. Σαββα (?)
Saniba	груз. *Sameba* 'троица'
Taranǵeloz	груз. *Mtavar-Angelozi* 'архангел'
Tūtyr	греч. Θεόδωρος
(Wac-)Illa	греч. (ἅγιος) 'Ελιας (из евр.)
(Was-)Gergi	греч. (ἅγιος) Γεωργιός.

К. Ш. Микаилов

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ДАГЕСТАНСКИХ АЛАНИЗМОВ

К сожалению, доля уверенности слишком велика, когда мы говорим, что дагестанские, а также нахские языки почти не тронуты этимологическими исследованиями. Сожаление это усугубляется еще и тем, что названные языки представляют собой объект более чем интересный в плане фономорфологической истории конкретного языка, конкретного слова, разнообразия семантических колебаний. И, наконец, в лексическом материале этих языков нередко четко отражаются как языковые, так и неязыковые связи дагестанцев с окружающими и окружавшими их родственными и неродственными народами. Вполне вероятно, что такие связи могут отражаться и за пределами Кавказа. Разумеется, при этом мы имеем в виду такие исследования, которые могут привести к результатам, отличным от достигнутых Карлом Боуда в ходе своих этимологических упражнений в области кавказских языков [1].

Предлагаемая статья ставит своей целью хотя бы в некоторой степени пролить свет на такой малоизученный и остающийся пока без пристального внимания исследователей вопрос, как взаимосвязи в далеком и даже недавнем прошлом между осетинами (< аланами) и народами Дагестана. Большой интерес для уяснения путей и некоторых моментов в историческом развитии дагестанских народов представляют их контакты с соседями, селившимися по обе стороны Главного Кавказского хребта. Сношения эти, как это явствует из соответствующих исследований историков Кавказа, носили самый разнообразный характер. Однако, если это в достаточной мере показано в отношении таких областей, как Грузия, Азербайджан, Армения, Кабарда и Чечня, то вопрос не так ясен, когда речь идет об Осетии.

Первые засвидетельствованные письменными источниками контакты населения Дагестана с северноиранским степным миром относятся к концу VIII —началу VII в. до н. э., когда имели место известные походы скифов в страны Передней Азии [2]. Известно,

[1] Подробно об этом см.: Г. А. Климов. Об этимологической методике Карла Боуды (На материале кавказских языков). — «Этимология». М., 1963, стр. 268—274.

[2] Геродот. История I, 103—106; IV, 12.

что основная масса скифов прошла Прикаспийским путем [3]. Походы скифов и последующие контакты с ними отразились на материальной культуре населения Дагестана, в которой закономерно появляются «скифские» элементы [4].

Позднее, в конце I тыс. до н. э., через Дагестан осуществлялись торговые связи аорсской конфедерации сарматских племен со странами Закавказья, откуда они получали вавилонские и индийские товары [5]. Благодаря этому усилились связи коренного населения Дагестана с сарматским миром. Особенно сильно они проявлялись в Северном Присулакском Дагестане, где контакты были особенно прочными. Следствием их явилась сарматизация части населения приморских районов [6].

В первые века н. э. в Приморский Дагестан проникла значительная группа аланских или маскутских племен, обосновавшаяся в районе Дербента и к югу от него, а по М. И. Артамонову, между реками Самур и Бельбек (? — *К. М.*). Эти племена, образовавшие позднее небольшое княжество маскутов, играли активную роль в политической истории края вплоть до арабских завоеваний [7]. Приведенное мнение В. Г. Котовича (который, кстати, оказал нам существенную помощь в освещении этнических связей северноиранских племен с населением Дагестана в историко-археологическом аспекте) чрезвычайно важно потому, что оно лишний раз говорит о том, что контакты аланских племен с дагестанцами раннего средневековья носили не случайный, но систематический характер, а последствия этого, естественно, могли быть самыми серьезными в интересующем нас плане. Со ссылкой на Аммиана Марцеллина (XXXI, 22, 12) в известном смысле допускает тождество между аланами и древними массагетами и В. Ф. Минорский, который, правда, далее делает, на наш взгляд, несколько неосторожную попытку объяснить название лезгинской реки Рубас средствами современного осетинского языка [8].

В IX—XII вв., особенно в период возвышения аланского государства, связи алан с населением Северо-Восточного Кавказа по-прежнему охватывали самые различные сферы. По свидетельству письменных источников, это были и военные походы, и политические союзы (союз алан и сериров), и династические браки

---

[3] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. — «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 193.

[4] М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 110.

[5] Страбон XI, 5, 8.

[6] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, № 23, 1951, стр. 224: К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. — Там же, стр. 272.

[7] В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. — МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 156.

[8] В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 110.

(по Масуди, между царем алан и царем Серира существовали брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого) [9]. Восточные аланы поддерживали особенно тесные торговые и культурные связи с Закавказьем и Северо-Восточным Кавказом [10].

Здесь мы попытаемся продолжить начатый В. И. Абаевым список слов, которые проникли из осетинского языка в некоторые дагестанские. Думаем, что выявление таких фактов явится важным подтверждением этнических связей далекого прошлого осетин с дагестанцами.

Об одном из наиболее употребительных и многозначных словообразовательных суффиксов осетинского языка — *-æг* В. И. Абаев пишет так: «Конечный *-æг* представляет *обычный* и *излюбленный* (подчеркнуто нами. — *К. М.*) формант, наращенный на множество не только иранских, но и не-иранских слов, если последние усвоены в осетинском в древнюю эпоху» [11]. Об удивительной многозначности и необыкновенной распространенности этого суффикса говорит (на четырех страницах!) Всеволод Миллер [12]. По его свидетельству, при помощи суф. *-æг* в осетинском образуются причастия или nomina agentis от основы настоящего времени, имена, которые выражают постоянное свойство предмета, относительные прилагательные и т. д. и т. п.[13] Однако в ряде слов, относящихся к более древним пластам осетинской лексики, он, кажется, не несет на себе видимой словообразовательной нагрузки (ср. *зымæг* 'зима', *думæг* 'хвост', *хæрæг* 'осел', *дæндаг* 'зуб' и т. д.). При таком положении, какое занимает и, видимо, занимал в осетинском языке словообразовательный формант *-æг*, не приходится удивляться тому, что даже при простом обзоре осетинской лексики сразу же выделяется масса имен, включающих в свой состав названный суффикс.

Обследование некоторых дагестанских языков приводит к установлению в их словарном составе ряда имен существительных с конечным элементом *-ег* | *-ек*, *-аг*. Обзор словообразовательных суффиксов соответствующих языков показал также, что названные элементы не являются принадлежностью их морфологических систем. Ниже речь пойдет о некоторых фактах аварского и даргинского языков. Семантика и фонетический облик анализируемых ниже слов, равно как и сопровождающий их культурно-исторический фон, наводят нас на мысль об их заимствовании непосред-

---

[9] Там же, стр. 70—71, 136—137, 204.

[10] «Очерки истории СССР, III—IX вв.» М., 1956, стр. 619; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, № 106, 1962, стр. 128—129; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 360—364.

[11] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 333.

[12] Вс. Миллер. Язык осетин. М.—Л., 1962, стр. 147—150.

[13] Там же.

ственно из осетинского языка. Определенную трудность, естественно, представляет хронологизация таких заимствований.

1. Авар. *хомелег* 'хмель' (бот.) представлено в ряде диалектов еще и формами с оглушенным исходным *г* (*хомелек*), с утраченным ауслаутным *г* (*хомели, хумели*). Все эти формы чрезвычайно близки к осетинскому *хумæллæг*[14] того же значения. Следует отметить, что палатальный *æ*, обозначаемый в дагестановедческой транскрипции сочетанием *аь* , в аварском отсутствует. В качестве его субститута в заимствованных словах обычно выступает *е*, который мы и имеем в фиксируемых формах этого слова. В осетинском происхождении аварского слова *хомелег* 'хмель' еще больше убеждает то обстоятельство, что в прошлом осетинский язык являлся своего рода «поставщиком» для окружающих кавказских нескольких терминов, связанных с производством пива и других напитков невиноградного происхождения (ср., например, груз. *луд-и*, [рач.] *алуд-и* 'пиво' < осет. *æлут*, *æлутон* 'пиво'; мегр. *ранги*, сван. *ранг* < осет. *ронг* 'медовый напиток')[15]. Именно этот момент и составляет реальный культурно-исторический фон, обусловивший приводимый здесь факт словарного заимствования.

2. Даргинское *ахсинаг* 'синька', мы полагаем, также восходит к осетинскому источнику[16]. При этом в процессе усвоения произошел довольно заметный семантический сдвиг. В осетинском *ахсинаг* имеет значение 'стирка; то, что следует постирать' (ср. *æхсын* 'мыть; стирать'). Сюда же примыкает, на наш взгляд, осетинское название дикого голубя — *æхсинæг*. Ясно, конечно, что исходной основой для этого слова послужило осетинское же *æхсин* 'темно-серый', ср. в этом смысле соотношение русск. *голубь* и *голубой*, *синица* и *синий* (В. И. Абаев). Семантическая связь между стиркой и названием цвета объяснима: видимо, подсинивание белья у осетин являлось одним из наиболее существенных моментов процесса стирки. Нам кажется, что в момент заимствования этого слова даргинским языком из осетинского в последнем *æсинаг* обозначало не только стирку или белье, предназначенное для стирки, но и синьку, а возможно, только синьку или какое-либо близкое понятие[17].

3. Обращает на себя внимание как фонетическая, так и семантическая близость аварского *пиц̄I* 'смола, жевательная смола' к осетинскому *без*, *бидз* 'вощина'. Наличие в аварском слове геминированной смычногортанной свистящей аффрикаты позволяет предполагать в качестве исходной осетинскую форму *бидз*, поскольку в современном аварском *ц̄I* совпали исторические **gз*

---

[14] Написание этого слова цит. по: В. И. Абаев. Указ. соч.

[15] Абаев, ОЯФ I, стр. 336—353.

[16] Первым на это обратил внимание В. И. Абаев («Историко-этимологический словарь осетинского языка», I. М.—Л., 1958, стр. 220 сл.).

[17] В современном осетинском синька обозначается словом *копрадз*.

и *$\bar{ц}$I (Е. А. Бокарев). Анлаутный же звонкий ассимилятивно оглушился в придыхательный (смычногортанный *п*I в аварском отсутствует). Таким образом, осет. *бидз* > авар. *би$\bar{ц}$I* > *пи$\bar{ц}$I*. К аварскому слову примыкают лакск. *пицI* и дарг. *пенцI* в этом же значении.

4. В. И. Абаев увязывает осет. *цъæт* 'пружина' с кабардинским *шет* 'кресло' (ОЯФ, 333). Семантическая связь между этими двумя словами нам не совсем ясна, так как вряд ли народы Кавказа имели представления о пружинном кресле даже в недалеком прошлом. Впрочем, указанные значения этих слов могли развиться совсем недавно. Интересным представляется в этой связи наличие в арчинском языке слова *шеIнт* 'стул', источником которого в конечном счете мы считаем каб. *шэ(н)т* 'стул'. Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения может служить полная обособленность арчинского названия стула на фоне остальных дагестанских языков. Сонорный *н* в арчин. *шеIнт* представляет собой обычное наращение перед вторым корневым согласным односложных слов, что характерно для фонетики основной массы дагестанских языков.

5. Несомненным заимствованием из осетинского является и арчин. *капк* 'стекло'. Как известно, во всех дагестанских языках стекло либо обозначается словом турецко-персидского происхождения (*шуша*, *шиша*), либо оно связано с названием льда (ср. авар. *$\bar{ц}$Iер* 'лед' > 'стекло', ахвах. *жари* 'лед', 'град' > 'стекло', карат. *заре* 'лед', 'град' > 'стекло'). В этом смысле арчинское слово стоит особняком, так как не связано ни с понятием 'лед' (ср. арчин. *хъол* 'лед'), ни с понятием 'град' (ср. арчин. *кьварба$\bar{к}$ьI* 'град'), ни с турецко-персидским *шуша* || *шиша* 'стекло', 'стеклянная посуда', бутылка'. Сравнение арчин. *капк* 'стекло' с осет. *авг* 'стекло' наводит на мысль о том, что в арчинский оно вошло из осетинского. При этом не должны смущать довольно существенные различия между обеими лексемами в фонетическом облике — все они поддаются объяснению. Конечный глухой арчинского *капк* является продуктом оглушения ауслаутного *г* осетинской формы: одним из наиболее распространенных фонетических процессов в арчинском языке является оглушение конечных звонких согласных (ср. арчин. *лъат* 'море' при авар. *ралъад*; арчин. *лъвит* 'навоз' при лезг. *фид*, рут. буд. *хьид*, цах. *хид*; арчин. оI$\bar{ч}$ 'хвост' при табас. *риджв*. аг. *рудж*, крыз. *джи*; арчин. *лок* 'колос' при дарг. *луги* и т. д.). Осет. *авг* содержит губной *в*, который в позиции перед глухим придыхательным *к* перешел в *ф*, чуждый арчинскому языку, где, как правило, в качестве его субститута выступает билабиальный смычный придыхательный *п*. Такая замена согласного *ф* в кавказских языках широко известна. Итак, арчин. *афк* (< *авк*) дало форму *апк*. Что же касается начального *к* арчинского слова, то оно появилось здесь в результате тенденции в арчинском языке к «удвоению» исторически одноконсонантного

корня. Имен существительных, построенных по такому типу, в арчинском много (*кьаркьи* 'сенокос', 'луг', 'пастбище'; *кьонкь* 'баранья шкура', 'книга'; *поIмп* 'колено'; *чIимчIу* 'хвост' и т. д.). Наше положение относительно вторичности начального *к* в арчин. *капк* подкрепляет аналогичное развитие в других нахско-дагестанских языках: ср. ингуш. *кьаракь*, чечен. *кьаркьа* 'водка', где начальный **кь** повторяет корневой *кь* исходной формы (араб.-перс. '*аракь*). Таким образом, осет. *авг*, попав на арчинскую языковую почву, претерпело следующие фонетические изменения: *авк* > *афк* > *апк* > *капк*.

Рассматривая причины появления этого культурного термина в горном Дагестане, следует иметь в виду то обстоятельство, что в X—XI вв. здесь получают широкое распространение разнообразные стеклянные изделия. Часть их, изготовленная в Византии и производственных центрах Северо-Западного Кавказа, по-видимому, проникала сюда через территорию алан, неся с собой соответствующую терминологию.

В заключение нам хотелось бы еще раз подчеркнуть важность исследований в области истории этнических связей северноиранских (resp. аланских) и дагестанских племен на материале лексических фактов современного осетинского и дагестанских языков. Разработка лингвистической проблемы «Ossetica — Lezgica» может внести существенный вклад в дело изучения культурного прошлого этих народов.

И. Х. Абдуллаев

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ ПРОРОКА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящее время в горских дагестанских языках почти вся религиозная и культовая терминология является «арабо-мусульманской». Это вполне понятно, так как начиная с VII в. ислам проникал в Дагестан, а в X—XV вв. окончательно утвердился среди народов Дагестана [1]. В связи с этим в дагестанские языки вошло большое количество арабизмов, а также фарсизмов и тюркизмов, связанных с религиозными и культовыми понятиями. Во всех дагестанских языках (за исключением удинского, носители которого были христианами) представлены в соответствующем для каждого из них оформлении проникшие вместе с исламом термины: *allah* 'бог', *du'ā* 'молитва', *masğid* (авар. *mažgit*, дарг. *mižit*, лакск. *mizit*) 'мечеть', *din* 'религия', *qur'ān* 'Коран', *malā'ik* 'ангел', *ḥağğ* 'паломничество' и др. Реалии, связанные с другими религиями, также часто передаются заимствованными из этих же языков словами: *kašiš* 'священник' (< перс. *kešiš*), *kilisa* 'церковь' (< перс.-турец. *kelisa* < греч. ἐκκλησία), *mažusi* 'огнепоклонник' (< араб. *mağūsī* < арам < др.-перс. *maguš* [2]), *putparas* 'идолопоклонник' (< перс. *bot-päräst*) и др.

Однако в общей массе религиозных и культовых терминов дагестанских языков выделяется несколько, по происхождению не являющихся «арабо-мусульманскими»:

авар. *qanč*, дарг. *qqanč*, лакск. *qqanč* (в выражении *qqanč ban* 'перекреститься') 'крест'; данный термин, видимо, проник еще в древности непосредственно из армянского языка в связи с распространением христианства в Кавказской Албании и Дагестане;

авар. *kak*, лакск. *čak* 'намаз';

авар. *awarag*, дарг. *idbag*, лакск. *idaws* 'пророк'.

Последние два слова являются, несомненно, домусульманскими и перенесены в новую религию.

---

[1] А. Р. Шихсадиов. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 216—219.

[2] Г. В. Церетели. Арабско-грузинский словарь. Тбилиси, 1951, стр. 238.

При изучении истории религиозной терминологии дагестанских языков большой интерес вызывает название пророка. Для передачи понятия 'пророк', 'посланник божий' в дагестанских языках употребляются различные названия. В южнодагестанских языках (лезгинском, табасаранском, агульском, будухском, крызском. . .) распространено персидское по происхождению *pejɣambar* (букв. 'вестник', 'посланник'). Это же название изредка употребительно и в других дагестанских языках, а в лакском оно используется в значении 'наивный', 'простодушный', 'честный человек'.

В большинстве дагестанских горских языков (в аварском, андийских, цезских, даргинском, лакском, арчинском, цахурском) в качестве обозначений пророка употребляются следующие термины:

авар., анд., цезск. *awarag*,
дарг. (акуш.-леваш. и урах. диал.) *idbag*,
дарг. (кубач. диал.) *ibadag* // *idabag*
дарг. (цудах. и хайдак. диал.) *iwarak*,
арчин. *idbag-(ttu)*,
цахур. *idāg*,
лакск. *idaws (idows)*.

До настоящего времени эти названия в этимологическом плане в специальной литературе не рассматривались. Правда, лакск. *idaws* С. М. Хайдаков рассматривает как заимствование из арабского языка [3], но в арабском такого слова или близкого, к которому его можно было бы возвести, нет. В своем «Аварско-русском словаре» Л. И. Жирков авар. *awarag* 'пророк' соотносит со словом *aparag* 'пришелец' и приписывает это значение и форме *awarag*, для него обе формы являются как бы этимологическими дублетами [4]. Но для этого не видно оснований. Наша проверка у авароведов, в частности у известного исследователя аварского языка М. С. Саидова, показала, что слово *awarag* в аварском имеет только значение 'пророк' и не употребляется в значении 'пришелец'. Соотнесению Л. И. Жирковым этих слов способствовала, видимо, народная этимология, по которой *awarag* возводилось к *aparag*, т. е. 'скиталец, пришелец' > 'пророк'. Однако такая увязка встречает ряд препятствий: необъясним на аварской почве переход *p* > *w*; семантическое развитие 'пришелец, скиталец' > 'пророк' не убедительно. К тому же этим сближением авар. *awarag* отрывается от остальных дагестанских названий пророка, которые следует рассматривать в одном ряду, и увязывается с распространенным во многих дагестанских языках *aparag* 'пришелец', 'скиталец', 'чужак'. Данное же слово В. И. Абаев соотносит

---

[3] С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 55.
[4] Л. И. Жирков. Аварско-русский словарь. М., 1936, стр. 14, 16.

с «кавказским» словом *abrag* (*abreg*) ʿабрек' и возводит к ср.-перс. **aparak*, *apartan* ʿграбить' [5].

Для историко-этимологического анализа названий пророка в дагестанских языках необходим лингвистический анализ указанных выше названий на уровне каждого языка в отдельности.

1. Представленные в даргинских диалектах варианты данного названия могут быть возведены, при учете характерных для этих диалектов звуковых процессов, к одной величине.

В кубачинском диалекте представлены две формы: *idabag* и *ibadag*. Последняя — метатезированная, а исходной является *idabag* (ср. формы других диалектов).

В урахинском и левашинско-акушинском диалектах форма получена в результате редукции краткого *a* второго от начала слога, ср. кубач. *idabag*, цудах. *iwarak*, т. е. *idbag* < **idabag*.

Цудахарско-хайдакская форма *iwarak* получена в результате фонетических изменений из **idabag*. В цудахарском диалекте ауслаутное *g* оглушается и переходит в *k* (*deg* > *dek* ʿобмолачиваемые снопы', ʿ*arčimag* > ʿ*určimak* ʿкнут') [6]. Объяснимо и наличие в инлауте звука *w*: в хайдакском диалекте смычный *w* соответствует смычно-взрывному *b* остальных диалектов. Интервокальный *r* получен из *d*. Правда, такой процесс для даргинских диалектов не характерен, но спорадически встречается во многих дагестанских языках. Видимо, вначале произошла метатеза, а затем *d* перешло в *r*: **idabag* > **ibadag* > *iwarak*. Это позволяет утверждать, что и для *iwarak* исходной является **idabag*. Для даргинских диалектных вариантов названия пророка эта форма может быть признана исходной. Однако ряд обстоятельств позволяет допустить в качестве этимона и форму *idawag*. Это связано с характером звука *b* в даргинских диалектах. В урахинском диалекте, который был изучен в свое время П. К. Усларом, звук *b* является билабиальным звонким размычным [7]. По поводу этого звука П. К. Услар писал, что этот звук «служит переходом от нашего *б* к нашему *в*. Прислушиваясь к произношению туземцев, мы явственно слышим то *в*, то *б*, но даже в одном и том же слове один звук беспрестанно заменяет другой» [8]. Поэтому в качестве этимона для даргинских форм названий пророка можно допустить наряду с **idabag* и **idawag*, а первичность той или иной формы может быть выяснена при учете данных других дагестанских языков.

---

[5] А б а е в I, стр. 25, 26; см. также: М. К. А н д р о н и к а ш в и л и. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, стр. 76 (на груз. яз.).

[6] Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и. Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка. «Языки Дагестана» I, Махачкала, 1948, стр. 129.

[7] Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966, стр. 292.

[8] П. К. У с л а р. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892, стр. 8—9.

2. В арчинском *idbag-ttu* выделяется словообразовательный суффикс *-ttu*, образующий имена лиц, деятеля [9]. Основа *idbag-* может быть возведена к **idabag*. Наращение к последней словообразовательного суффикса *-ttu* вызвало редукцию краткого *a* в предпоследнем слоге: **idabag-ttu* > *idbag-ttu*.

3. В цахурском *idāg* гласный *ā* долгий. В этом языке долгие гласные вторичного происхождения и получены, как правило, в результате фонетических изменений [10]. Долгий *ā* в цахурском может быть получен в результате стяжения комплекса *awa*, например *āhas* < **awahas* 'бросать', *xā* < **xawa* 'дома' (местн. п.) [11]. Это позволяет реконструировать в качестве исходной для *idāg* форму **idawag*.

4. В аварском, андийских, цезских языках распространена форма *awarag* 'пророк'. Имея в виду широкое распространение аварского языка среди андийских и цезских народностей еще с давних времен, его исключительную роль как языка межплеменного общения у них и его влияние на их языки, можно предположить, что в *awarag* содержатся в первую очередь фонетические особенности, характерные именно для аварского языка.

В названии *awarag* выявляется ряд звуковых процессов, характерных для аварского и отчасти для андийских языков. Анлаутное *a* может быть получено из *i* в результате регрессивной дистанционной ассимиляции. В аварском языке «под влиянием гласных *a*, *e*, *o*, *u* последующих слогов гласный *i* предыдущих слогов переходит соответственно в *a*, *e*, *o*, *u*, причем переходы *i* > *a* и *u* > *o* осуществляются регулярно» [12]. Поэтому ничто не препятствует возведению *awarag* к **iwarag*. Звукопереход *d* > *r* для аварского и андийских языков — явление нередкое, причем в ряде говоров одного из андийских языков, а именно багвалинского, такой переход носит регулярный характер [13]. Ср. также авар. *xarangi* 'название дерева твердой породы, из которого изготовляли стрелы' [14], которое восходит к перс. *xädäng* 'белый тополь' (Populus alba), из которого выделывали стрелы; метонимически 'стрела' [15]. Сказанное позволяет возвести форму **iwarag*

[9] С. М. Хайдаков. Арчинский язык. — «Языки народов СССР», т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 613; К. Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала, 1967, стр. 64—65.

[10] Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского языков. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1966, стр. 11.

[11] Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968, стр. 34.

[12] Я. Г. Сулейманов. О явлении обратного сингармонизма в аварском языке. — ВЯ 1960, стр. 94.

[13] Т. Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964, стр. 43, 44.

[14] М. С. Саидов. Аварско-русский словарь. М., 1967, стр. 511.

[15] М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь, ч. 1. М., 1914, стр. 284.

к *iwadag. Учет же данных других дагестанских языков говорит о том, что в аварской форме произошла дистантная метатеза, т. е. *iwadag < *idawag. Итак, этимоном для авар. awarag является *idawag.

5. Лакское idaws, в отличие от рассмотренных выше названий, возводимых к общему этимону *idawag (idabag), стоит особняком. Однако у лакской формы idaws, состоящей из пяти фонем, первые четыре звука (idaw-) совпадают с началом общего этимона остальных дагестанских названий пророка. Чем это объяснить? Случайное ли это совпадение? Здесь можно предложить несколько объяснений: 1) совпадение может быть случайным; 2) лакская форма, может быть, возникла в результате контаминации idawag с каким-то неизвестным словом, оставившим рефлекс в виде s; 3) лакск. idaws также восходит в конечном счете к этимону дагестанских форм, и ауслаутное s следует объяснить как результат ряда фонетических и морфологических преобразований.

На наш взгляд, нет оснований отрывать лакск. idaws от остальных дагестанских форм, а большое отличие ауслаута может быть объяснено удовлетворительно. Отметим, что отсутствие гласного после w может быть объяснено редукцией: idaws < *idawa(s). Для объяснения трансформации ауслаутного g в s следует учесть ряд морфологических и фонетических особенностей лакского языка. При словоизменении (образовании косвенной, так называемой «второй» основы) у названия idaws между основой именительного падежа (прямая основа) и падежными флексиями появляется гласный i: род. п. idaws-i-l, дат. п. idaws-i-n. Велярный согласный g перед гласными a и i в лакском языке подвергается палатализации и переходит в ž[16]: irza 'ряд', 'очередь' < irga (ср. род. п. irg-lu-l); balžan 'обеспечить' < *balgan (ср. многократ. balglan). Поэтому косвенная («вторая») основа от *idawg могла выступать в виде *idawž (-i-l). Отметим, что в лакском встречаются случаи вытеснения прямой основы косвенной основой, например adamina-l (род. п. от adam (араб.) 'человек'), adamina, adimina 'человек, мужчина'. Этому в определенной мере могла способствовать, кроме стремления языка к унификации двух вариантов основы одной лексемы, и широкая частотность «второй» основы. В лакском языке род. падеж («вторая» основа) выполняет много функций: 1) эргативного падежа (субъекта при переходных глаголах); 2) собственно род. падежа; 3) определения (прилагательного). Частотность употребления основы *idawž была, конечно, намного больше частотности *idawg. С течением времени *idawž, вытеснив *idawg, стала употребляться в качестве прямой основы. Дальнейшее развитие, видимо, было связано с оглушением

---

[16] В. Гигинейшвили. Вопросы консонантизма лакского языка.— «Тр. Тбилисского гос. ун-та», 96. Тбилиси, 1933, стр. 44 (на груз. яз.); Он же. Консонантизм лакского языка. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963, стр. 6.

ауслаутного *ž* и переходом его в *š* (в лакском звонкие часто в ауслауте переходят в глухие, например *mužallat* 'переплет' < араб. *muğallad* 'том; книга'; *čagurt* 'подмастерье' < перс. *šagerd*).

Переход формы **idawš* в *idaws* также находит удовлетворительное объяснение. В истории лакского языка отмечены случаи перехода *š* в *s*[17], а между диалектами наблюдается звукосоответствие *š* : *s*. В кумухском диалекте форма **idawš* могла подвергнуться «гиперурбанизации» и употребляться как «правильная» (с *s*) в отличие от диалектной (с *š*). В свете сказанного процесс образования лакск. *idaws* имеет следующий вид: **idawag* > **idawg* > **idawž* > *idawš* > *idaws*.

Отмеченные выше фономорфологические особенности лакского языка позволяют не отрывать лакскую форму от остальных дагестанских форм и рассматривать все названия в одном ряду.

Для наглядности варианты названия пророка в дагестанских языках и происшедшие в них изменения можно отобразить в следующем виде:

1.0. *awarag* < **iwarag* < **iwadag* < **idawag*;
2.1. *idbag* < **idabag*;
2.2. *idabag* // *ibadag* < ***idabag*;
2.3. *iwarak* < **irawag* < **idawag*;
3.0. *idbag-(ttu)* < **idabag-(ttu)* < **idabag*;
4.0 *idāg* < **idawag*;
5.0. *idaws* < **idawš* < **idawž* < **idawg* < **idawag*.

Исходными для всех вариантов названий являются формы **idawag* и **idabag*, однако ничто не мешает возведению обеих к одному этимону, а именно к **idawag*, так как в большинстве случаев реконструируется последняя, а **idabag* в даргинских диалектах и в арчинском могут восходить к **idawag*.

Резюмируя сказанное выше, мы принимаем, что этимоном для всех указанных вариантов названий пророка в дагестанских языках является **idawag*. Данная лексема не связана ни с арабским, ни с персидским, ни с тюркскими языками, из которых идет религиозная терминология дагестанских языков, и не связана с распространением ислама. Этот термин существовал в дагестанских языках, несомненно, еще в доисламскую эпоху и был впоследствии перенесен на пророков, признаваемых мусульманской религией — Мухаммеда, Иисуса, Моисея и др.

Важно отметить также, что этот термин был распространен во всех группах дагестанских языков: аварско-андо-цезской, даргинской, лакской, лезгинской — и говорит об общности религиозных воззрений и исторических судеб всех дагестанских народов еще в домусульманскую эпоху. В дагестанских языках этот термин появился в одно и то же время и по-разному адапти-

---

[17] Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 66.

ровался в различных языках. К тому же он не заимствован из одного дагестанского языка в другой (за исключением, может быть, аварской формы для андийских и цезских языков), например авар. *awarag* не может дать лакск. *idaws*, а лакск. *idaws* не может дать дарг. *idabag* и *iwarak*.

Хотя **idawag* является одним из древнейших религиозных терминов в дагестанских языках, он не находит объяснения на собственной языковой почве, так как его фонетическая модель не характерна для структуры слова в этих языках. Термин, несомненно, иноязычного происхождения и проник в дагестанские языки еще в доисламскую эпоху в связи с распространением среди дагестанцев определенных религиозных воззрений, возникших, по всей видимости, не на местной, дагестанской, почве.

Связи этого термина ведут к скифо-сармато-аланскому языковому миру, и этимон дагестанских названий пророка безупречно отвечает и в фонетическом, и в семантическом отношении современному осет. *dawæg* < **idawæg*, причем последняя — староосетинская (resp. аланская) форма, сохранившаяся в дигорском диалекте [18], который является более архаичным [19]. Значение слова в осетинском языке В. И. Абаев объясняет следующим образом: «божество, в дохристианский период общее наименование небесных сил; в христианскую эпоху перенесено на христианских святых» [20]. В. И. Абаев дает данному слову иранскую этимологию, возводя его к **vi-tāva-ka*, от *tava* 'сила'; букв. '(небесные) силы'. Иранскую этимологию предлагает и Э. Бенвенист, но возводит осет. *dawæg* (*idawæg*) к* *vi-dāva-ka*, которое истолковывается при помощи авест. *dav* 'удаляться' [21]. Э. Бенвенист подчеркивает также, что этот термин не имеет соответствия в других иранских языках и должен относиться к древнему фонду словаря.

Прослеживая связи осет. *dawæg* (*idawæg*) в других языках, В. И. Абаев предполагает связь древнепермского (коми) *ideg* 'ангел', 'апостол' и даргинского *idbag* 'пророк' с указанным осетинским словом. Таким образом, возможная связь дарг. *idbag* (и соответственно и остальных дагестанских вариантов этого названия) с осетинским языком впервые была отмечена В. И. Абаевым [22].

Имея в виду отсутствие данного слова в других иранских языках [23] и исключая тем самым возможность его проникновения

---

[18] Абаев I, стр. 348—349.

[19] Абаев ОЯФ, стр. 362.

[20] Абаев I, стр. 348—349.

[21] Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965, стр. 141—142.

[22] Абаев I, стр. 349.

[23] Имеет ли отношение к *idawæg* отмеченное в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 203, 572) *idägä* (в сочетании *idäga tojïn*) имя собственное и звание; *tojïn* (< кит.) 'буддийский монах'? Слово зафиксировано в сутре «Золо-

из остальных иранских языков, например из персидского, а также учитывая исконный характер термина в самом осетинском, можно говорить о том, что он проник в языки народов Дагестана еще в доисламскую эпоху — до VII в. н. э. непосредственно из сармато-аланского языкового мира. Хотя в настоящее время между осетинским и дагестанскими языками отсутствуют ареальные контакты (а этого термина или его следов нет и в нахских языках, занимающих промежуточный между Осетией и Дагестаном ареал), это обстоятельство не является препятствием к возведению дагестанского **idawag* к осетинскому (аланскому) *idawæg*.

Во-первых, в фонетическом отношении имеем полное соответствие: подача осет. *æ* в дагестанских через *a* находит подтверждение в ряде примеров (осет. *læg* 'человек', 'мужчина' ~ авар., анд., дарг., лакск. *laγ* 'раб'; осет. *ændon* < *handāna*[24] 'сталь' ~ дарг. *šandan*, лакск. *čannan* < *čandan*, авар. *čaran* то же).

Во-вторых, и в семантическом отношении также имеем почти полное совпадение. Термин **idawag*, если он распространился в связи с проникновением христианства с севера — при посредстве алан (союзников Византии), мог употребляться в дагестанских языках в значении 'апостол' или 'христианский святой'. Если это так, то вполне вероятна передача им при распространении ислама среди дагестанцев значения арабского слова *rasūl* (например, в главнейшей формуле ислама *lā 'ilaha 'illa-l-lāhu wa muḥammadun rasūlu-l-lahi* 'нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник (пророк божий)'. Этому могло способствовать то обстоятельство, что в арабском слово *rasūl* имело и значение 'посланник (пророк)', и значение 'апостол' [25]. Предположив возможность употребления в дагестанских языках в доисламскую эпоху аланского по происхождению термина **idawag* в значении 'апостол' и 'христианский святой', мы этим допускаем и возможность проникновения христианства в древний Дагестан и с севера и северо-запада при посредстве алан, а не только из Грузии и Армении, как до сих пор принято считать в литературе. Ряд ученых придерживаются мнения о проникновении христианства к горцам Северо-Восточного Кавказа, в частности к ближайшим соседям дагестанцев — чеченцам и ингушам, и через адыгов и предков осетин, а не только из Грузии, еще до IX—X вв.[26]

той блеск», переведенной предположительно в X в. на уйгурский язык с китайского.

[24] В. И. Абаев. Об иранских названиях стали. — «Иранский сборник». М., 1963, стр. 206.

[25] Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1957, стр. 374.

[26] А. И. Шамилев. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей. — «Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», III, 1. История. Грозный, 1963, стр. 88, 89, 96.

Что же касается культурно-исторического фона, обусловившего заимствование аланского религиозного термина дагестанскими языками, то он вытекает из интенсивных политических, экономических и других связей между дагестанскими народами и северноиранскими степными племенами (скифы, сарматы, аланы) начиная с VII—VI вв. до н. э. — эпохи появления этих племен на территории Северного Кавказа. Вопрос о взаимоотношениях северноиранских племен с народами Северного Кавказа, о влиянии культуры этих племен на культуру северокавказских народов широко освещается в работах историков, в частности археологов [27]. Свои выводы они делают на основе археологических исследований, но почти не привлекают при этом лингвистический материал. Об этом, конечно, надо пожалеть, так как, по широко известным словам Я. Гримма, существует более живое свидетельство о народах, чем кости, оружие и могилы, — их язык. В связи со сказанным лингвистические исследования в плане «Ossetica—Dagestanica» представляются весьма актуальными. Однако до сего времени исследования в этом аспекте не проводились, хотя подобные работы в аспекте связей осетинского языка с другими кавказскими имеют хорошие традиции, связанные с именами В. И. Абаева [28], Г. С. Ахвледиани [29] и др. Отметим здесь же и фундаментальное исследование М. К. Андроникашвили, в котором важное место занимает анализ лексики скифо-сарматского и алано-осетинского происхождения в грузинском языке [30]. Лексика осетинского происхождения в картвельских языках была объектом исследования в работах Г. А. Климова [31] и Г. В. Цулая [32].

В дагестанских языках выявляется ряд лексических единиц алано-осетинского происхождения, причем среди них весьма важные в культурно-историческом плане термины: осет. *læg* 'человек', 'мужчина' — авар. анд., цезск., дарг., лакск. *laγ*, южнодагест. *lik̦* (*luk̦*) 'раб', ср. вейнах. *laj*; осет. *ændon* 'сталь' —

---

[27] См.: Р. М. Мунчаев. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954, стр. 27; В. А. Кузнецов. Аланы и раннесредневековый Дагестан. — «Материалы по археологии Дагестана», II. Махачкала, 1961, стр. 265—270; Он же. Аланские племена Северного Кавказа. — «Материалы по археологии СССР», № 106. М., 1962 и др. работы.

[28] Абаев ОЯФ, стр. 109 сл.; Он же. Осетино-вейнахские лексические параллели. — Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, I, 2. Грозный, 1959, стр. 89—119.

[29] Г. С. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.

[30] М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, 1. Тбилиси, 1966, стр. 40—141 (на груз. яз.).

[31] Г. А. Климов. О лексике осетинского происхождения в сванском языке. — «Этимология». М., 1963, стр. 180—186.

[32] Г. В. Цулая. О некоторых аланизмах в лексике мегрельского языка. — «Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского института», XXVII. Языкознание. Орджоникидзе, 1968, стр. 32—38.

дарг. *šandan*, лакск. *čannan* < *čandan*, авар. *čaran*, южнодагест. *hildan* (*huldan*); осет. *cævæg* 'коса' — лакск. *çinikw* (в вицхин. диал. *çmik*); осет. *ræxys* (*ræxis*) 'цепь' — авар. *raxas*[33]; осет. дигор. *nostæ* 'невеста' — авар *nus*, арчин. *nus-(ttur)*[34] и др.[35] Влияние, разумеется, было взаимным — и в осетинском могут иметься элементы дагестанского происхождения, например, Г. С. Ахвледиани предполагает, что геминация смычных в осетинском языке в определенных позициях объясняется влиянием дагестанских языков[36]. Прослеживается в осетинском и воздействие адыгских языков: этому вопросу посвящена специальная работа Б. Х. Балкарова[37].

Отмеченные выше обстоятельства говорят о том, что факт заимствования дагестанскими языками важнейшего религиозного и культового термина из аланско-осетинского не является единичным и случайным. Он свидетельствует об интенсивных культурно-исторических и идеологических связях древних дагестанцев с предками современных осетин.

Появление данного слова в дагестанских языках мы предположительно связываем с проникновением в Дагестан христианства при посредстве алан в V—VI вв. н. э., когда христианство распространялось среди алан, а в западной Алании была даже основана греческая епископия[38].

Если данный термин проник в дагестанские языки еще задолго до появления христианства у алан, то это ставит целый ряд вопросов о взаимоотношении аланских и древнедагестанских религиозных воззрений. Однако древнедагестанская религия еще не стала объектом специального научного исследования, тогда как дохристианской религии алан посвящена специальная работа В. И. Абаева[39]. Этот и подобные вопросы требуют своего надлежащего исследования, и можно сказать, что проблема «Ossetica—Dagestanica» является одной из важнейших задач как дагестановедения, так и осетиноведения. Она должна быть разработана на широком лингвистическом, археологическом, этнографическом, фольклорном и т. п. материале. Это поможет уяснению многих вопросов истории народов и языков Дагестана и Северного Кавказа.

---

[33] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 27.

[34] М. К. Андроникашвили. Указ. соч., стр. 101.

[35] В последнее время и в Дагестане наметился интерес к разработке такой проблематики. Ср. публикуемую в этом сборнике статью К. Ш. Микаилова «Еще несколько дагестанских аланизмов».

[36] Г. С. Ахвледиани. Указ. соч., стр. 173.

[37] Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

[38] А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, стр. 10.

[39] В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. М., 1960.

Г. А. Климов

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ ОБЩНОСТЯХ КАРТВЕЛЬСКИХ И НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Чем глубже проникает исследование в историю кавказских языков, тем отчетливее выступает стратификация их лексического фонда. Все более определенно обозначаются как словарные общности общекавказского распространения, так и материал, специфический для их отдельных групп — абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской. К настоящему времени стало, например, достаточно очевидным, что наиболее бросающиеся в глаза черты лексической общности этих языков представлены, если отвлечься от русизмов позднейшего периода, многочисленными интернационализмами мусульманского мира, с одной стороны, и довольно значительной здесь совокупностью дескриптивных (звукосимволических и звукоподражательных) образований — с другой. Обе эти категории словаря лежат, по существу, на поверхности, и их выявление, как правило, не предполагает выполнения сколько-нибудь углубленного исследования. Примерно такая же картина наблюдается на Кавказе в большинстве случаев межгрупповых заимствований, имеющих распространение в минимальном числе контактирующих языков, и когда определение генетической зависимости конкретных фактов также не представляет трудностей (ср., например, грузинизмы цезских языков, нахизмы горских грузинских диалектов, абхазизмы мегрельского языка и т. п.). Значительно сложнее обстоит дело с другой категорией межгрупповых кавказских лексических параллелизмов, имеющих в каждой из групп весьма широкое распространение, обычно — относительно глубокую хронологическую перспективу, и иногда способных даже создать иллюзию их принадлежности к общекавказскому лексическому наследию. Едва ли приходится удивляться тому обстоятельству, что количественный прирост соответствующих сопоставлений происходит в кавказском языкознании очень медленными темпами. Достаточно отметить, например, что за более чем столетнее существование в науке гипотезы внутреннего родства кавказских языков накопилось едва около двадцати словарных сопоставлений, объединяющих все три группы этих языков, и несколько больше параллелей, существующих между абхазско-адыгскими и картвельскими

языками, представляющих интерес с точки зрения данной гипотезы [1]. Имеется примерно пятнадцать выявленных в основном в работах В. И. Абаева общих для абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков лексем, обязанных староиранскому, преимущественно аланскому, источнику. Наконец, прослежено совсем немного старых заимствований общекавказского распространения [2].

Предмет этой заметки составляет рассмотрение нескольких наиболее широко представленных лексических параллелизмов картвельских и нахско-дагестанских языков, сложившихся частью в ходе их многовековых взаимных контактов, частью же в процессе их взаимодействия с внешним языковым окружением. Основными ориентирами в отграничении этого пласта словаря явились обычный нерегулярный (с точки зрения исторической фонологии каждой из групп) характер соотношения звукотипа соответствующих лексем в заимствующих языках и его более или менее очевидная «культурная» нюансировка. Приходится, однако, оставлять по существу в стороне наиболее сложный хронологический аспект становления рассматриваемых общих изоглосс, для решения которого обычно имеется слишком мало точек опоры.

Для одной группы подобных общностей устанавливается картвельский, точнее — грузинский, источник. Так, в конечном счете к груз. *mçad-i* || *çad-i* (последняя форма засвидетельствована и в древнегрузинских памятниках) 'кукурузный, просяной чурек' восходит существующее во многих нахско-дагестанских языках название просяного или кукурузного хлеба: ср. авар. *čed* (эргат. п. *čad-ica*), гунз. *çade*, гинух. *çadi*, лакск. *ččaṭ*, цахур. *çad*, лезгин., крыз., удин. *çaṭ*. Следует заметить, что уже Н. Я. Марр догадывался о возникновении этой общности в процессе языковых контактов на Кавказе, хотя и не решался установить конкретные отношения зависимости между известными ему соответствующими фактами [3]. Между тем картв. **mçad-i* 'просяной чурек' реконструируется, по крайней мере, уже для грузинско-

[1] Ср.: Г. А. Климов. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. — ВЯ, 1968, № 6, стр. 16—25; Он же. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллелизмы. — «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 286—295.

[2] Ср.: R. Lafon. Le nom de l'argent dans les langues caucasiques. — «Revue hittite et asianique», 10, 1933, стр. 90—95; А. Н. Генко. О названиях плуга в севернокавказских языках. — ДАН СССР, сер. В, № 7, 1930, стр. 128—135; В. М. Иллич-Свитыч. Caucasica. — «Этимология. Принципы реконструкции и методика этимологических исследований индоевропейских и других языков». М., 1964, стр. 334—335; Г. А. Климов. Из истории одной общекавказской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках). — «Орион. Акакию Шанидзе». Тбилиси, 1967, стр. 378—381.

[3] Н. Я. Марр. Непочатый источник истории кавказского мира. — «Изв. АН», 1917, № 5, стр. 322.

занской хронологической плоскости[4]. Недавно было предложено толкование грузинского слова как производного с деривационным суф. *-ad* от глагола *č̣am-* 'есть': оно могло явиться упрощением первоначального *č̣amad-i*[5]).

Аналогичную направленность в своем распространении на Кавказе обнаруживает и общее для картвельских и ряда нахско-дагестанских языков обозначение гриба, несмотря на то, что на сомнения в принадлежности к общекартвельскому словарю груз. *soḳo-* || *zoḳo-*, мегрел., чан. *soḳo-* и сван. *soḳ(w)* 'гриб' (Г. И. Мачавариани допускает, например, что мегрельская и чанская лексемы могут происходить из грузинского; ср., однако, ЭСКЯ, стр. 165) наводит почти беспрецедентный факт наличия в приведенных основах двух этимологических *o*. Хотя имеются все основания считать, что источник соответствующих слов в обеих языковых группах (ср. бацб. *zoḳ*, гунз., бежит. *zoḳo*, хварш. *žoḳo*, цезск. *ziḳu*[6]), обозначающих эту весьма маловажную с точки зрения экономической жизни автохтонных кавказских народов реалию и имеющих, как известно, интересные параллели в индоевропейских языках (ср. нем. *Schwamm* 'губка', греч. σπόγγος, лат. *fungus*, арм. *sunḳn*, *soḳon* 'гриб')[7], лежит за пределами Кавказа, именно картвельская языковая область должна была сыграть роль связующего с горскими кавказскими языками звена. Небезынтересно при этом, что названные картвельские лексемы, равно как и несколько обособленно стоящая удин. *samḳal* 'гриб', особенно близки к новоарм. *soḳon*, что может содержать определенные указания на хронологию распространения слова на Кавказе. Для горских грузинских диалектов, например, для пшавского и мохевского, характерна уже форма с начальным звонким (она же засвидетельствована в карталинской речи ущелья Арагвы). Именно она и лежит в основе как осет. *zoḳo* || *ḳozo*, так и упомянутых нахско-дагестанских слов. В связи с историей этой лексической изоглоссы представляется уместным высказать некоторые сомнения в исконности для картвельского словаря и груз. *obol-i*, мегрел. *ombol-i* 'сирота' (ср. ЭСКЯ, стр. 150—151), также находящих параллели в нахско-дагестанских языках: ср. чечен. *bo* 'сирота', авар., гунз. *hobol* 'чужестранец', 'гость'. Подобно только что рассмотренным картвельским словам и в этом случае имеем основу с двумя этимологическими *o*, также на-

---

[4] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков (далее — ЭСКЯ). М., 1964, стр. 142—143.

[5] И. И. Имнайшвили. К этимологии *mč̣ad-i* и *mç̣wad-i*. — «Орион. Акакию Шанидзе». Тбилиси, 1967, стр. 165—170 (на груз. яз.).

[6] Формы цезских языков сопоставлены с груз. *soḳo*: Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 231.

[7] Ср.: H. Vogt. Arménien et caucasique du Sud. — NTS, Bd IX, 1938, стр. 334—335; также: Г. Б. Джаукян. Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, стр. 99 и 133.

ходящую многочисленные параллели в индоевропейских (ср. арм. *orb* 'сирота', род. п. — *orboj*) и некоторых других языках.

Аналогичным образом должна была сложиться общая для обеих языковых групп изоглосса слова со значением 'ключ'. Так, наряду с такими картвельскими формами, как мегрел. *ḳila*, *ḳəla*, чан. *ḳila*, *(n)ḳola* и сван. *ḳəl* 'ключ', имеем авар. *ḳul*, лакск. *ḳula* 'ключ', арчин. *l'l'erəm-ḳul* 'замок' 'запор' (последнее слово указано нам К. Ш. Микаиловым). Любопытно отметить при этом, что в соответствие некоторым дагестанским названиям ключа отглагольного происхождения (андийск., ботл., карат., багв., тинд. *re-ḳul*, чамал. *ji-ḳul*[8]) могут быть поставлены картвельские глагольные основы: ср. мегрел. *ḳilua*, *ḳəlua*, чан. *o-nḳol-u*, сван. *li-ḳl-e* 'запирать'. Рассматриваемая основа имеет многочисленные параллели в индоевропейских и семитских языках и, как предполагается, скорее всего восходит к древнему семито-хамитскому источнику[9].

К этой группе случаев следует, по-видимому, отнести и несомненно вторичную общность картвельских и нахско-дагестанских названий грецкого ореха (Juglans) или камешка гравия. В силу своей наиболее широкой распространенности в картвельских языках (груз., чан. *ḳaḳal-i*, сван. *ḳaḳ*, *gaḳ(a)* 'грецкий орех', мегрел. *ḳaḳal-i* 'шишка' 'штука' 'зерно'; ср. также арм. *ḳaḳal* 'крупный орех', являющийся, по мнению Гр. Капанцяна заимзмом[10]) эти слова, несмотря на странную идентичность по языкам их вокализма, возможно, объясняющуюся их связью с картвельскими звукосимволическими обозначениями круглых предметов вообще, имеют картвельский центр тяготения (ср. ЭСКЯ, стр. 105). Из нахско-дагестанских языков подобные лексемы повторяются, по-видимому, только в рамках лезгинской подгруппы: цахур. *ḳaḳale*, рутул., агул., удин. *ḳaḳal*, лезгин. *ḳəḳal*, табас. *ḳeḳel*, *ḳiḳel* 'камешек (гравия)' 'штука'.

Наконец, сюда же относится еще одна лексическая параллель, представленная в картвельских языках названиями наковальни (ср. груз. *grdeml-i*, *gdeml-i*, *dgwlem-i*, мегрел. *kulamur-i*, *kulamor-i*), а в нахско-дагестанских семантически более широко варьирующими формами (ср. бацб. *grdem* 'наковальня', цахур. *g'irdəm*, лезгин. *girdim*, *gürdüm* 'колода', 'чурбан', табас. *gerdem* 'камень-валун', удин. *gürdüm* 'глыба', 'ком'). Если картвельские слова сводимы к архетипу **kwr̥deml̥-* грузинско-занской хронологи-

---

[8] См.: Т. Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964, стр. 129.

[9] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейского языкознания (этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков)». М., 1964, стр. 6, 8.

[10] См.: Гр. Капанцян. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. Ереван, 1952, стр. 36—37.

ческой плоскости (ср. также др.-груз. *kwrdeml-i*), то нахско-дагестанские характеризуются несколько необычной фонологической структурой и в своем распространении ограничены ареалом, в основном примыкающим к грузинской языковой области.

Целый ряд других лексических общностей, существующих между обеими группами, сложился за счет проникновения из нахско-дагестанских языков. Так обстоит дело, например, с общими для картвельских и нахско-дагестанских языков названиями примитивной скамьи или доски. В первых из них сюда относятся мегрел. *ḳwela*, чан. *ḳuli* и сван. *ḳwil* 'маленькая скамья' (в Мегрелии, согласно И. Кипшидзе, это скамья грубой работы длиной от половины до двух аршин; в Сванетии, по Н. Я. Марру, это низкая деревяшка, подкладываемая в качестве сидения возле импровизированного стола или заменяющей его доски [11]). При всей внешней близости своего звукотипа, названные основы не сводимы, однако, к общему архетипу: здесь в частности, необычно соотношение вокализма мегрельского и чанского слов, кроме того, в ауслауте сванских слов общекартвельского происхождения этимологическое **l* отражается в виде *š*. Таким образом, источник картвельских форм следует, по всей вероятности, видеть в нахско-дагестанских языках: ср. цезск. *q̇quri*, хварш. *q̇qule* 'скамья', даргин. *urq̇uli*, арчин., лезгин., рутул., табас. *q̇ul*, цахур. *q̇uwa* 'доска', закономерно сводящиеся к праязыковому знаменателю [12] (в связи с имеющей место на картвельской почве субституцией *ḳ* > *q̇* в рассматриваемом плане интересно аналогичное соотношение начальных согласных в груз. *ḳuč̣-i* 'желудок' и идущих уже отсюда мегрел. *ḳuč̣-i* и сван. *ḳwič̣* того же значения, с одной стороны, и в таких дагестанских лексемах, как авар. *q̇qeč̣č̣* при форме мн. числа *q̇qučdul*, лакск. *q̇uč* 'селезенка', гунз. *q̇quči* 'зоб' — с другой; едва ли, однако, можно объяснить аналогичным образом, как это представлялось в свое время Н. Я. Марру, близость общекартв. **ḳad-//*ḳed-* 'стена' к авар. *q̇qed* то же). О значительной древности проникновения слова в картвельскую языковую среду свидетельствует его наличие в чанском, изолированном от мегрелоязычной территории начиная с V—VI вв. н. э. Если учесть, что осет. *ḳela* 'скамья', зафиксированное лишь в дигорском диалекте, квалифицируется как картвелизм [13], то роль географически необходимого посредника между обоими кавказскими ареалами распространения слова в прошлом скорее всего должны были сыграть какие-то древнегрузинские диалекты.

---

[11] И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. — МЯЯ VII. СПб., 1914, стр. 255; Н. Я. Марр. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.), I — «Христианский Восток», т. II, вып. 1. Пг., 1913, стр. 10.

[12] См.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 64.

[13] Ср.: Абаев. ОЯФ, стр. 327.

Другим дагестанизмом картвельских языков следует считать обозначение в последних такой характерной реалии горского кавказского быта, каковой является бурка: груз. *γart-i* (по С. Орбелиани — 'дождевая бурка' [14]), мегрел. *γart-i* (И. Кипшидзе переводит его как 'чоха' [15]), сван. *γart*, *γärt* 'бурка'. На неисконный характер слова в картвельских языках может указывать не только идентичность его вокализма в грузинском и мегрельском, но и отсутствие его в чанском. Ближайшие параллели ему налицо в нахско-дагестанских языках: чечен. *werta*, ингуш. *ferta*, авар. *burtina* (уже отсюда идут цезск. *butni* и хварш. *butnu*), лакск. *warsi*, даргин. *warsi*, *gwarsi*, *warhi*, *wāte* (< *warte*), арчин. *warti*, лезгин., агул., рутул., цахур. *lit*, табас. *jurt* 'бурка' 'войлок' (часть этих основ сопоставлена с грузинской лексемой Ш. Г. Гаприндашвили [16]). По крайней мере в даргинских диалектах лексема обнаруживает системные звукосоответствия, а иногда ее рассматривают в качестве исконной даже по отношению к общедагестанской эпохе [17]. Впрочем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство отмеченных нахско-дагестанских форм повторяет одну из диалектных даргинских, а также их возможная сводимость в конечном счете к какому-то древнеиранскому источнику: ср., например, авест. *varəsa*, согдийск. *wrs* 'ворс', 'волос'.

К нахско-дагестанскому обозначению моста ведут, по-видимому, и идентичные по своему звукотипу картвельские названия плота: груз., мегрел. *ṭiw-i*, сван. *ṭiw*. Ближайшие к ним параллелизмы находим в нахских и цезских языках: чечен. *ṭaj*, ингуш. *ṭij*, бацб. *ṭiw* (согласно Т. Б. Гониашвили, три этих слова относятся к древнему лексическому фонду, унаследованному от периода нахского единства [18]), бежит. *ṭijo*, *ṭiro*, хварш. *ṭəro* 'мост'. Системность фонологического соотношения *ṭ* ~ *ṭ*'', наблюдающаяся в нахско-дагестанских формах (ср. авар. *ṭ*''*o*, андийск. *t*''*iru*, ахвах. *ṭ*''*ira*, чамал. *ṭ*''*e* 'мост'), свидетельствует об их исконности в этих языках. На основании отмеченных обстоятельств напрашивается естественный вывод о том, что картвельские лексемы находятся в непосредственной зависимости от наиболее близко стоящей к ним бацбийской.

---

[14] Сулхан-Саба Орбелиани. Произведения. IV. Тбилиси, 1966, стр. 247 (на груз. яз.).

[15] И. Кипшидзе. Указ. соч., стр. 349.

[16] Ш. Г. Гаприндашвили. О лакско-даргинских звукосоответствиях. — ИКЯ VI. Тбилиси, 1954, стр. 300 (на груз. яз.).

[17] Е. А. Бокарев. Введение. . ., стр. 62.

[18] Т. Б. Гониашвили. Термины, обозначающие строения в нахских языках. — «Третья региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков» (Тезисы докладов). Грозный, 1969, стр. 24.

В заключение заслуживают быть отмеченными и такие словарные общности картвельских и нахско-дагестанских языков, пути становления которых в настоящее время представляются менее ясно. Так, несомненно, не могут претендовать на исконность в кавказских языках существующие в обеих языковых группах названия смолы (иногда в том числе — жевательной): при груз. *pis-i* (> бацб. *pis* [19]), мегрел. *pirsa* и сван. *pis*, с одной стороны, имеются авар., хварш., арчин. *piçç*, ботл. *pirççi*, лакск. *piç* и даргин. *penç* — с другой. В статье К. Ш. Микаилова, публикуемой в данном томе, высказывается мысль о зависимости нахско-дагестанских слов от осет. *biʒ* 'вощина'. Следует вместе с тем учитывать, что сходные с кавказскими формы имеют в индоевропейских языках значительно более широкое распространение: ср. санскр. *piṭṭa*, греч. *πίσσα*, *πίττα*, лат. *pix* (род. п. — *picis*) 'смола'. Скорее всего возникновение рассмотренного параллелизма обязано не контакту между обеими языковыми группами, а двум разным индоевропейским источникам: во всяком случае очевидна особенная близость картвельских форм к греческим.

Два других случая связаны с кавказскими названиями культурных злаков. Один из них представляет собой распространенное в очень сходном облике почти по всем нахско-дагестанским языкам название ячменя (ср. чечен., ингуш. *muq*, бацб. *majqĭ*, авар. диал. *maqa*, цезск., хварш., гинух. *maqa*, даргин. *muqi*, арчин. *maxa*, лезгин. *mux*, *mox*, табас., будух. *mux*, крыз. *məx*, хинал. *maqa*), которое сближается с картвельским словом, обозначающим один из видов пшеницы — Triticum macha: груз. *maxa*, чан. *moxa* (если обе формы допускают реконструкцию прототипа **maxa*- для грузинско-занского хронологического уровня [20], то несколько менее ясно отношение сюда сван. *maxar* 'ячмень'). Другой случай составляет встречающееся в некоторых лезгинских языках обозначение проса, сопоставляющееся с картвельскими названиями другого вида пшеницы — Triticum persicum. Так, при цахур. *diḳ*, рутул. *düḳ*, агул. *dukk*, табас. *duḳ* и лезгин. *ccüḳ* (связано ли с этими лексемами не вызывающее с формальной стороны возражений чечен., ингуш. *duga* 'рис'?) имеем груз. *diḳa*, засвидетельствованное еще в древнегрузинских памятниках, а также чан. *(m)diḳa* [21]. Необходимо, впрочем, отметить существование точки зрения о принадлежности обоих последних фактов к исконно общему для кавказских языков наследию [22].

---

[19] Ср.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 329.
[20] См. ЭСКЯ, стр. 130.
[21] Картвельские слова сопоставлены И. А. Джавахишвили.
[22] О. Кахадзе. О некоторых терминах хлебных растений в грузинском языке (материалы из лексических взаимоотношений в иберийско-кавказских языках). — ИКЯ, т. XII. Тбилиси, 1960, стр. 191—195 (на груз. яз.).

А. Б. Долгопольский

НОСТРАТИЧЕСКИЕ КОРНИ С СОЧЕТАНИЕМ ЛАТЕРАЛЬНОГО И ЗВОНКОГО ЛАРИНГАЛА

В. М. Иллич-Свитыч в работах «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» и «Опыт сравнения ностратических языков»[1] констатировал следующее регулярное соответствие согласных в инлауте: урал. *-δ'- ~ драв. *-ḷṭ-/-ḷ- ~ алт. *-l- ~ и.-е. *-l- ~ картв. *-l- ~ сем.-хам. *-l-. Источником этого ряда соответствий В. М. Иллич-Свитыч считал общеностратическую фонему *λ.

Однако дальнейшее исследование материала заставляет прийти к иному истолкованию этого соответствия. В самом деле, обнаружено, что в корнях, содержащих урал. *-δ'-, драв. *-ḷṭ-/-ṭ- и соответствующие им тюркское, монгольское, тунгусское, индоевропейское и картвельское *l, семитохамитский регулярно имеет сочетание *l с последующим звонким фарингальным *ʕ (> сем. *ʕ, егип. ʕ). При этом сем.-хам. *ʕ может отражать две ностратические фонемы: *ʕ и *γ[2].

---

[1] См. список источников в конце работы.

[2] Мы будем придерживаться в основном той же нотации праностратических (и иных реконструируемых) фонем, что и в других работах по ностратике (Иллич-Свитыч МС, Иллич-Свитыч ОС, Долгопольский СШ) со следующими отличиями. Посредством Λ̆ обозначаем переднерядный гласный неизвестного качества (*a, *e или *i), посредством Λ̊ — неизвестный огубленный гласный. Горизонтальная линия над согласным указывает на отсутствие сведений о месте образования: например, *ʒ̄ — звонкий переднеязычный аффрикат, если нет возможности различить *ʒ, *ʒ́ и *ǯ; а *γ̄ — звонкий «ларингал» (согласный заднего образования, отличный от велярного смычного), если нет возможности отличить *ʕ от *γ; *l̄ — это латеральный неизвестного места образования (*l, *ľ или *ĺ), *k̄ — это *ḳ или *q̣ и т. д. Сходным образом будем индоевропейский ларингал неизвестной вокалической окраски (*h; *hʷ, или *ĥ) обозначать через *h̄. Нотация *ľ и *ň (постдентальные сонанты) соответствует нотации *ł и *n̄ у В. М. Иллич-Свитыча. Обозначения *ḉ, *ć и *ʒ́ соответствуют нотации В. М. Иллич-Свитыча *ç, *c и *ʒ, а наши *ç, *c и *ʒ — его нотации *ḉ, *ć и *ʒ́. В настоящей работе различаются ностратич. *ʕ и *γ, дающие одинаковые рефлексы в большинстве языков (индоевропейский ларингал, сем.-хам. *ʕ, нуль звука в уральском, тюркском, монгольском, тунгусском и дравидийском), но различающиеся в картвельском (где, в частности, в гармонических сочетаниях *ʕ вызывает глоттализацию сочетания, а *γ не ведет к глоттализации, отражаясь

Устанавливаются следующие соответствия: урал. *-δ'- ~ драв. *-ṭṭ-/-ṭ- ~ тюрк. *-l- и *-:l- ~ монг. *-l-(и *-:l-?) ~ тунгус. *-l- и -:l-[3] ~ и.-е. *-lh̄- ~ картв. *-l- (с передвижением ларингала к начальному шумному согласному и образованием гармонического сочетания «шумный+поствелярный или велярный» в начале корня)[4] ~ сем.-хам. *-lˁ-. Ностратический источник этих соответствий будем обозначать как *-lˁ- или *-lγ- (в зависимости от рефлексов «ларингала» в картвельском), допуская при этом одну условность: дело в том, что ностратич. *l здесь принципиально неотличимо от постдентального *l̆, ибо те языки, которые различают эти два латеральных (дравидийский, где -*l̆- дает *-ḷ-, и уральский, где ностратич. *-l̆- дает *-l̆-, т. е. *-ḷ- в нотации Б. Коллиндера), в рассматриваемых сочетаниях дают иные отражения. Однако для простоты нотации условимся записывать просто «-l-ˁ» (а не «-lˁ- или -l̆ˁ-»), «-lγ-» (а не «-lγ- или -l̆γ-») и т. д. Ностратические сочетания *l' со звонким ларингалом имеют те же отражения в языках, за исключением тюркского, где находим *-l' (теоретически ожидаемое наряду с этим *-:l' в примерах не представлено).

Рассмотрим корни, содержащие указанные соответствия.

1. *balγ̄ʌ̆ 'всасывать, глотать' > сем.-хам. *bʌlˁ- 'глотать', урал. *päδ'ʌ- 'процеживать, добывать процеживанием', монг. *balgu- 'глотать' (производное с суф. -gu), тунгус. *bylga 'горло' (производное с суф. *-ga):

Сем.-хам. *bʌlˁ > сем. *blˁ 'глотать' (араб., эфиоп., евр., сир. blˁ 'глотать'), егип. bˁˁ 'пить (кровь)' (из *b'ˁ < *bʌlˁʌ), bˁbˁ 'пить' и, возможно, bˁn. t 'горло' (В. М. Иллич-Свитыч считает результатом метатезы, принимая n < *l; мы допускаем и иную возможность: bˁn.t — производное, где bˁ- < *bʔˁ < *bʌlˁ-), кушит. *bal. . . (бедауйе bala 'глотка, горло', баддиту balā 'шея'). Ср. Cohen № 406, Долгопольский КГ № 1.35, где ошибочно привлечено слово из хауса. См. Erman-Grapow I 446, 447, Gesenius—Buhl 100—101.

Урал. *päδ'ʌ > венг. fej- 'доить' мокш. ṕed'ams '(про)цедить', эрз. ṕed'ams '(про)цедить, доить'. См. Collinder FUV 78, MNyTESz I 802, Paasonen MC 107.

Монг. *balgu- или *bālgu- 'глотать' > монг. письм. balgu- 'глотать' и т. д. См. Ramstedt KW 31.

Тунгус. *bylga 'горло, глотка' > маньчж. bilxa, эвенк. bylga, эвен., негидал., нан. belga, ороч. bygga, ульч. bylǯa, орок. bylda. См. Цинциус 297.

в виде *γ или *x). На месте *ˁ и *γ в работах В. М. Иллич-Свитыча находим одну фонему (МС *γ, ОС *ˁ). Сомнения о надежности реконструкции фонемы обозначим квадратными скобками.

[3] Закономерности возникновения долготы предшествующего гласного в тюркских, монгольских и тунгусских языках за счет утраты ностратического ларингала неясны.

[4] Передвижение ларингала к шумному согласному с образованием гармонического сочетания — общая закономерность картвельского.

Ср. Долгопольский ГД № 99, где неправильно привлечено урал. **pala* 'кусок', Иллич-Свитыч МС 336, СС № 12.16, ОС s. v. **balˁ[u]* 'глотать'. Во всех указанных работах не привлечено к рассмотрению урал. **päδ'ʌ*, существенное для исследования интересующего нас сейчас вопроса.

Монг. *-*gu* и тунгус. *-*ga* имеют, видимо, суффиксальное происхождение.

2. **ḳalγ̄a* 'оставить' > сем.-хам. *ḳʌlˁ*- 'оставить', и.-е. **kleh*- 'положить', урал. **kaδ'a*- 'оставить', тюрк. **[q]āl*- 'оставаться', тунгус. **xal(āč)*- 'поджидать, ждать', драв. **kaṭṭ*- 'платить дань'.

Сем.-хам. **ḳʌlˁ*- > сем. **ḳlˁ* 'оставлять, бросать' > шахри, сокотри *ḳlˁ* 'положить, оставить', араб. *ḳlˁ* 'вырвать, снять (одежду)', евр. *ḳlˁ* 'бросать, швырять', эфиоп. *ḳlˁ* 'detrahere vel exuere velamen, vestem'; егип. *ḳ??* 'выпускать (выплевывать, высовывать, извергать).' См. Gesenius—Buhl 709, Leslau LS 232, Dillmann 414, Erman—Grapow 5.17.

И.-е. **kleh*- > **klā*- 'класть, раскладывать' > лит. *klóju*, *klóti* 'раскладывать, покрывать', лтш. *klâju*, *klât* 'покрывать', ст.-слав. **кладѫ, класти** 'класть', чеш. *klást*, словен. *klásti* то же, гот. *af-hlaþan* 'нагружать, накладывать', др.-англ. *hladan* 'нагружать' и т. д. См. Berneker 507—508, Фасмер 2.244, Feist 5, Pokorny 599, ZVSZ 167.

Урал. **kaδ'a*- 'оставлять' > саам. сев. *guođđe-/guođe*- 'оставлять, покидать', эрз., мокш. *kado*- 'оставить', мар. *kode*- то же, *koda*- 'оставаться', удм. *kyl'*- 'оставлять, снимать; оставаться', коми *kol'*- 'оставаться, оставить', хант. вах. *qăj*- 'оставить', хант. казым. *χăj*- то же, венг. *hagy*- 'оставлять', нен. *hāje*- 'покидать', камас. *kojo*- 'оставаться' и т. д.; возможно, и фин. *kado*- 'теряться, исчезать'. См. Collinder FUV 22—23, SKES 1.137—138, Paasonen MS 71, Терешкин 150.

Тюрк. **[q]āl*- (**q* или **g*) 'оставаться' > др.-тюрк. *qal*- 'оставаться', туркм. *gāl*-, тур. *kal*-, тур. диал. *gāl*, якут. *xāl*-, тув. *kal*- 'оставаться' и т. д. См. ДТС 410, Щербак СФТЯ 50, Биишев 42, ТувРС 223, Пекарский 3.3254.

Тунгус. **xal(-āč)*- 'поджидать, ждать' > нан. *halače*- 'ждать', ульч. *halačy*-, орок. *halatčy*-, удейск. *alasi*-, ороч. *alačy*-, эвенк., эвен. *alāč*-, маньчж. *alija*- то же. См. Цинциус 294, Захаров 36.

Драв. **kaṭṭ*- 'платить дань' > тамил. *kaṭṭ(i)*- 'выплатить (налог и т. п.)', кота *koṭ*- 'платить, расплачиваться сполна', тода *koṭ*- 'платить (налоги, штраф), вносить обязательные пожертвования в храм', тулу *kaṭṭuni* 'платить налоги', телугу *kaṭṭu* 'платить (в качестве налога)'. См. Burrow—Emeneau № 963.

3. **šal*[γ]*ʌ* 'бить, разбивать, разламывать' > сем.-хам. **sʌlˁ*- 'разбивать', картв. **žγl*- 'ломать', тюрк. **sal*- 'бить, ударять', монг. **salu*- или **sālu*- 'отделяться', драв. **čaṭʌ* 'бить, разбивать'.

Сем.-хам. **sʌlˁ*- > семит. **šlˁ* (> араб. *saliˁa* 'трескаться, раскалываться', *sallaˁa* 'раскалывать, рассекать', возможно, также

сир. *šel*ˁ*e* 'lapides prominentes'), (?) егип. *šn*ˁˁ 'мелко размельчать' (где *n* из **l*). См. Brockelmann LS 783, Erman—Grapow 4.156.

Картв. **žγl-* > груз. *žγla* 'сломать, колоть, щепить'. Здесь *ž* — из **š* в результате озвончения под воздействием γ в гармоническом сочетании. Образование гармонического сочетания можно себе представить следующим образом: **šalγʌ* > **šγ(ʌ)l-* > **žγ(ʌ)l-*. Перед нами косвенное указание на характер исконного ларингала: из двух ларингалов — *γ и *ˁ, допускаемых семитохамитским *ˁ, здесь более вероятен *γ, ибо *ˁ не дает озвончения гармонических сочетаний в картвельском.

Тюрк. **sal-* 'бить, ударять' > др.-тюрк., туркм., кумык., алтайск. и т. д. *sal-* 'бить, ударять'. Этот корень слился с корнем **sal-* 'класть' другого происхождения. См. ДТС 482, Радлов 4.346, ТуркмРС 561, КумРС 276, ОРС 125.

Монг. **salu-* или **sālu-* 'отделяться' > монг. письм. *salu* и т. д. 'отделяться'. См. Ramstedt KW 309—310, Голстунский 2.370.

Драв. **čaṭʌ* 'бить, размельчать' > каннада *ǯaḍi*, телугу *saḍinču*, парджи *čaḍp-* (*čaḍṭ-*) то же. См. Burrow—Emeneau № 1894.

4. **tulγʌ* 'вершина' > сем.-хам. **t[u]l*ˁ- 'возвышенное место', урал. **tuδʹka* 'верхушка, кончик', драв. **tutʌ* 'кончик и, возможно, тюрк. **dōl-* 'наполняться доверху, выступать над поверхностью' и тунгус. **dyly* 'голова'.

Сем.-хам. **t[u]l*ˁ- 'возвышение' > араб. *tal*ˁ*at-* 'возвышение на местности (high, or elevated land or ground)'; кушит. **tūl-* 'нагромождать, куча' > сомали *tūlo* 'горб', *tūl-* 'нагромождать, накоплять', *tūlmo* 'куча', галла *tūl-* 'собирать в кучу, нагромождать', (?) *tullū* 'холм', сидамо *tullō* 'гора' (?), джанджеро *tūl-* 'нагромождать, вязать снопы', моча *tullō* 'куча'; чад.: ангас *tūl* 'a swelling', хауса *tula* 'нагромождать, накоплять', *tuli* 'куча'. Долгота гласного в кушитском (и в языке ангас?), возможно, указывает на утраченный ларингал. Неясно, следует ли относить к тому же корню семитский корень, представленный в араб. *tall-* 'небольшой холм', евр. *tēl* и сир. *tellā* 'холм, развалины', угарит. *tl* 'холм', аккад. *ti/ell-* 'развалины'. Может быть, правы П. Йенсен и К. Брокельман, считающие это слово в арабском и западносемитских языках заимствованием из аккад. *ti/ell-* от корня **tl*ˁ с регулярным падением ларингала. См. Lane 1.312, Brockelmann LS 824, Aistleitner № 2760, Долгопольский КГ № 7.19, Abraham SED 240, da Thiene 323—324.

Урал. **tuδʹka* 'верхушка, кончик' > фин. *tutka* 'point', *tutkain* 'point, end', саам. сев. *duƀkum* 'листовая почка', удм. *tulʹym* 'молодой побег на верхушке дерева', манс. *talʹk* 'верхушка, кончик, побег, конец'. См. Collinder FUV 120. По происхождению урал. **tuδʹka* является, видимо, производным образованием.

Драв. **tutʌ* > тамил. *tuti* 'point, sharp edge', каннада *tudi* 'extremity, end, point, top, tip', тулу *tudi* 'point, end', extremity,

top', телугу *tuda* 'end, extremity, tip'. См. Burrow—Emeneau № 2716.

Тюрк. **dōl-* 'наполняться доверху, выступать над поверхностью'[5] > др.-тюрк. *tol-* 'наполниться', чагатайск. (Рабгузи) *tolan-* 'быть наполненным, выступать, подниматься над поверхностью', *tolandur-* 'сделать, чтобы выступало', туркм. *dōly* 'полный', ср.-огуз. (Ибн-Муханна) *dōl-* 'наполниться', тув. *dolu* 'полный', чуваш. *tulli*, *tolli* 'полный, наполненный до краев'. См. Радлов 3.1191—1193, ДТС 572—573, Иллич-Свитыч АД 40, Ашмарин 14.123—124.

Тунгус. **dyly* (~ **deli*?) 'голова, вершина' > маньчж. *dele* 'вершина, верх', нан. *ǯeli* 'голова', орок. *d'ili* 'голова', ороч., удейск., ульч. *dili* 'голова', солон. *deli*, *dil* 'голова', эвенк. *dil*, *del*, эвен., негидал. *del* 'голова'. См. Цинциус 302, Benzing 986, Василевич 128, Захаров 805.

Дравидийское инлаутное **t* вместо ожидаемого **ṭ* объясняется, возможно, ассимилятивным воздействием начального **t-*. Элемент **-ka* в уральском **tuδ'ka* — это, по всей видимости, уменьшительный суффикс **-kka* (< ностратич. **ḳa*, см Иллич-Свитыч ОС s. v. *-ḳa* уменьшительный суффикс имен).

Ср. Иллич-Свитыч СС № 3.2, МС 352 s. v. 'оконечность' **duλʌ*, ОС s. v. **duλʌ* 'кончик, оконечность'. В этих работах сопоставляются урал. **tuδ'ka* и драв. **tutʌ*, но к сравнению привлечено и картв. **dud-* 'кончик, верхушка'. Но сопоставлению с картвельским (влекущему за собой вывод о начальном **d* в исходном состоянии) мешает не только инлаутное **d* на месте ожидаемого **l* в картвельском, но и материал семитохамитских, тунгусских (и, возможно, тюркских) языков, указывающий на начальное **t* в этом корне.

5. **wal̄ʕλ̄* 'желать, требовать' > семит. **wlʕ* 'любить', и.-е. **wel(ḫ)-* 'хотеть, выбирать', урал. **wāδ'ʌ-* 'требовать (?)', возможно, также тунгус. **bala-* 'приказать, заставить', 'хотеть (?)', '-либо, или'.

Семит. **wlʕ* > араб. *waliʕa* (имперфект *-wlaʕ-*) 'быть сильно влюбленным, быть увлеченным'.

И.-е. **wel(ḫ)-* 'хотеть, выбирать' > лат. *volo* 'хочу', др.-инд. *vṛṇītē*, *vṛṇāti*, *vṛṇōti*, *vṛṇutē* 'wählt, zieht vor, wünscht, liebt, wirbt', авест. *var-* 'выбирать, хотеть', гот. *waljan* 'выбирать' и т. д.; ларингал явно обнаруживается, например, в ст.-слав. **до-вьлѣти** (< **w₀lē-*). Подробнее см. Pokorny 1134.

Урал. **wāδ'ʌ-* 'требовать (?) > фин. *vaati-* 'требовать, призывать, вызывать, заставлять' и, возможно, венг. *vágy-* 'желать'. См. Collinder FUV 122, CG 414.

---

[5] Вслед за В. М. Иллич-Свитычем, будем для пратюркского различать начальные **t* и **d* (традиционно рассматривавшиеся как одна фонема **t*). Как показал В. М. Иллич-Свитыч (АД), различие тюркских **t-* и **d-* сохранилось в огузских и тувино-карагасских языках.

Тунгус. **bala-* (~ **bälʌ-*?) > эвенк. баргузин. *bala* 'приказать, заставить' и, возможно, маньчж. *balai jabu-* 'своевольничать', а также, может быть, эвенк. верхоленск. *bälu* 'гнаться за самкой (об олене)'. Сюда же может относиться суф. **-bal[ʌ]* > эвенк. *-wal/-wäl/-wol* '-нибудь, -либо' (типологически ср. рус. *какой угодно*, *какой хочешь*, *какой-либо*, лат. *quodlibet*), эвен. *-wul/-ul* '-либо', *-wul/-ul . . . -(w)ul* 'ли . . . ли, ли . . . или': *Hō aj muran — čēlelēnte ǯokčin: isagduk-ul mōw jernamī, gorodtakī-wul jāw-dā-wul gelnēmī* 'Очень хороший конь — куда хочешь годится: дров ли из лесу привезти или в город за чем-либо съездить'. См. Василевич 49, 75, 746, Захаров 478, Цинциус—Ришес 767.

Ср. Möller 265—266 (семитско-индоевропейское сопоставление) и Иллич-Свитыч МС 340 s. v. 'желать' **wiλ[g]ʌ*, где сравниваются семитский, индоевропейский и уральский корни. Иллич-Свитыч привлекает к сравнению также монг. **ylga-* 'выбирать' (> монг. письм. *ilγa-*) и драв. **vitʌ* 'желать; период течки', что вызывает возражения ввиду различия гласных между этими корнями и урал. **wāδ'ʌ-*.

К числу менее надежных сопоставлений относятся следующие:

6. **ǯulγλ* 'тлеть, гореть' > урал. **śüδ'e* 'уголья', тюрк. **jūl-* 'светильник', драв. **čuṭʌ* 'гореть', а также, возможно, сем.-хам. **ǯʌlˁ-* 'жар в костре, уголья' и и.-е. **swel-* 'тлеть, гореть'.

Урал. **śüδ'e* 'уголья' > фин. *sysi* 'уголья' (основа *syte-*), саам. сев. *čâđđâ*, *čâđâ-* 'уголья', мокш., эрз. диал. *sed'* 'уголь', мар. лугов. *šüj* и горн. *šü* 'уголь', манс. *sül'i*, *süli* 'уголь', хант. вах., васюган. *sŏj* 'уголь', нен. *tun-sij* 'пылающие уголья' (*tū* 'огонь'), селькуп. *sïd'e*, *set'e*, *hiǯ* 'уголь', камас. *si'* то же. См. Collinder FUV 59 и CG 409, Wichmann TT 99, МарРС 742, Упымарий 278, Терешкин 189.

Др.-тюрк. **jūl-* 'светильник' > др.-тюрк. *jula*, *julγaq* 'факел, светильник', др.-тюрк. (письмом брахми) *jūlqa* 'факел (?)', тув. *čula* 'лампада'. Производным от того же корня является тюрк. **jūlduŕ* 'звезда' > др.-тюрк. *julduz*, др.-тюрк. (брахми) *jūltus*, чуваш. *śəltər* и т. д. Монгольское же название светильника (монг. письм. и ср.-монг. *ǯula* 'светильник', совр. монг. *ʒul* 'жировая лампа') является, скорее всего, заимствованием из тюркского. См. ДТС 278, ТувРС 546, Радлов 3.553, 558—560, Егоров 206, Голстунский 3.517—8, Smedt—Mostaert 96.

Драв. **čuṭʌ* 'гореть' > тамил. *čuṭu* 'быть горячим, гореть', каннада suḍu 'гореть, жарить' и т. д. См. Burrow-Emeneau 170.

Сем.-хам. **ǯʌlˁ-* 'жар в костре, уголья' > евр. *zilˁāφôϑ* 'огненный жар (?)': *rûaḥ zilˁāφôϑ* 'палящий ветер' (Пс. 11.6), *ˁôrēnû kəϑannûr niχmārû mippənê zalˁăφôϑ rāˁāβ* 'кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода' (букв. 'от жара голода') (Плач Иеремии 5.10); египт. *ḏˁb.t* 'древесный уголь' (< **ǯʌʔˁʌb-* < **ǯʌlˁʌb-*); (?) кушит.: сахо *dilhenō* 'уголья, Glutkohle'. См. Gesenius—Buhl 198, Erman—Grapow 5.536, Reinisch WSS 106.

И.-е. **swel-* 'тлеть, гореть' > др.-инд. *svarati* 'светится', греч. εἵλη 'свет солнца, солнечное тепло' (< *ἐ-Fελᾶ), ἑλάνη 'факел', др.-англ. *swelan* 'тлеть, медленно сгорать', др.-в.-нем. *swilizôn* 'медленно сгорать', лит. *svìlti* 'гореть без пламени, подгорать, пригорать' и т. д. См. Pokorny 1045, Hofmann EWG 72. Утрата ожидаемого *ə (из ларингала) в конце корня связана, видимо, с морфологической аналогией.

Ср. Иллич-Свитыч МС 370 s. v. 'уголья' **śuλʌ* (индоевропейско-уральско-дравидийское сравнение).

7. **c̣olɣa* 'быть парой, спариваться' > сем.-хам. **cʌlʕ-* 'быть парой', картв. **c̣qwil-* 'пара', урал. **śōδ'a-* 'спариваться'.

Сем.-хам. **cʌlʕ-* > араб. *salʕ-*, *silʕ-* 'semblable', 'a like, a fellow': *ɣulamāni silʕāni* 'два сверстника'; чад. **sʌḷ-* (или **sʌl'-*) 'два' > мусгу *silu* 'два', марги *sə̀ḍà* 'два', чибак *səḍa* 'два', логоне *xsḍá* 'два', сомрай *sir*, муби *sīr* 'два' и т. д.; возможно, также числительное 'два' в ираквских (южнокушитских) языках: иракв *c̣ar*, горова *c̣ar*, алагва *c̣ar*, бурунге *c̣ada*. Чад. **s* (> мусгу, логоне, марги, сомрай, муби *s*) отличается от чадского латерального **ŝ* (> логоне *ŝ*, марги *ŝ*, сомрай, муби *s*, в музгу — звук, записанный путешественниками как *š* или *χ*, что, возможно, есть неточная передача латерального **ŝ*), соответствующего семитскому **š* и восходящего к общесемитохамитскому сибилянту **s* (< ностратич. **s*, **ś*, **š*). Есть основания подозревать, что чад. **s* восходит к одному или нескольким общесемитохамитским аффрикатам. На аффрикат указывает и южнокушитский корень, развитие которого можно представить себе в таком виде: сем.-хам. **cʌlʕ-* > **cʌṭ-* > праиракв. **c̣at-* > иракв, горова, алагва *c̣ar*, бурунге *c̣ada* (с метатезой глоттализации в праираквском). Следовательно, из арабского (где *s* может быть только из семит. **š* < сем.-хам. **s* или из семит. **s* < сем.-хам. **c*), чадского и южнокушитского материала вытекает заключение о сем.-хам. **c-*. См. Lane 4.1406—1407, Belot 336, Lukas L 103, Lukas M 121, Lukas ZSS 74, 185, Whiteley ICI 57, Newman—Ma 240—241.

Картв. **c̣qwil-* или **$c_1$qwil-* 'пара' > груз. *c̣qvil-i* 'пара, testiculi'.

Урал. **śōδ'a-* 'спариваться, стремиться к спариванию' > фин. *suota* 'группа кобыл в течке', *suoti-* 'быть в течке', саам. сев. *čuođđe-/čuođe-* 'выйти из стада в поисках самки' (о слабом оленесамце), нен. *sāje-* 'спариваться, ухаживать за самкой' (о птицах). См. Collinder FUV 58.

Ср. иначе Иллич-Свитыч МС 353 s. v. 'отделяться (от стада)' **śo[λH]ʌ*, где уральский корень **śōδ'a-*, у которого предполагается значение 'отделяться от стада (в период спаривания)', сближается с драв. **čōṭʌ* 'убегать' и монг. **salu* 'отделяться'. Такое сближение вызывает два возражения: 1) значение 'отделяться от стада' вряд ли является общеуральским: его мы находим лишь в саамском, а значение 'стремиться к спариванию' присутствует во всех уральских языках, сохранивших этот ко-

рень; 2) монг. *salu- ввиду его огласовки (да и значения) удобнее сопоставлять с ностратическим корнем *šal[γ]ʌ 'ломать, разделять' (см. выше, п. 3).

9. В следующем корне следует, может быть, предполагать сочетание палатального *l' с ларингалом: *ko[l']γ̄ʌ 'обдирать' > сем.-хам. *kʌlˁ- 'снимать одежду, кору', урал. *koδ'ʌ-/kuδ'ʌ- 'обдирать, раздевать', тюрк. *kul'- 'содранная кожа' (?), монг. *qol- 'обдирать кожицу, кожу', тунгус. *kōlʌ- 'обдирать кожицу, кожу', (?) драв. *kuṭak- 'кора лекарственного растения (Wrightia antidysenterica)'.

Сем.-хам. *kʌlˁ- > семит. *klˁ > эфиоп. kalˁa 'снимать одежду, обувь'. См. Dillmann 822. Наблюдается также вариант с озвончением начального согласного: эфиоп. galəˁ 'скорлупа, раковина', тигре gälˁä 'раздевать, снимать покровы', объясняемый, может быть, контаминацией с семитским корнем *glw 'снимать покровы' другого происхождения. См. Dillmann 1140, Littmann—Höfner 563, Gesenius—Buhl 138, Brockelmann LS 115.

Урал. *koδ'ʌ/kuδ'ʌ- > мар. горн. kədaša и лугов. kudaša 'раздевать', удм. kyl'(y)-, коми kul'- 'ободрать, снять кожуру, одежду', манс. kẹlt-, χalt- 'обдирать кору'. Ср. Collinder FUV 89, КРС 334. Здесь марийский указывает на *u в первом слоге, а удм. y и коми u (из перм. *u) указывают на урал. *o. См. Лыткин ИВ 215—218, Иллич-Свитыч ОС s. v. *koλʌ 'обдирать'.

Тюрк. *kul или *kūl > тур. kuş 'натертые места на коже'. Общетюркская древность корня сомнительна. См. Радлов 2.1024.

Монг. *qol- или *qōl- > монг. письм. qol-tul 'обдирать кожицу, отделять', qol-ta-sun 'древесная кора', qoli-sun 'чешуя', (?) qol-gu 'натирать рану'. См. Ramstedt KW 187, Голстунский 2.174.

Тунгус. *kōlʌ- > эвенк. южн. kōlū- 'обдирать кожицу', эвен. kol-ka 'обдирать (кожу с рыбы)'. Краткое o в эвенк. нерчинск. kolū- 'снимать' (по записям М. А. Кастрена) может быть объяснено неточностью фонетической записи.

(?) Драв. *kuṭak- > тамил. kuṭačam, kuṭača-ppālai 'Conessi bark, Holarrhena antidysenterica', малаялам kuṭaka-ppāla 'Echites pubescens', каннада koḍasige, koḍisigu, korisigu 'Wrightia antidysenterica R. Br.', телугу koḍise, koḍise-pāla 'Wrightia tinctoria', санскр. kuṭaja, kuṭaca 'Wrightia antidysenterica'. Wrightia, Holarrhena и Echites — это синонимические названия одного и того же рода растений. См. Burrow—Emeneau 114.

Тюркский и монгольский корни могут восходить и к ностратическому корню *ḳol'ʌ 'обдирать', который, возможно, представлен финским словом koloa 'обдирать' (ср. Иллич-Свитыч МС 351 s. v. 'обдирать' *kolʌ, SKES 2.212). Соотношение между ностратическими словами *ḳolʌ и *kolγ̄ʌ допускает предположение, что *kolγ̄l — это производное от ḳolʌ.

Предположение о палатальности *l' в *kolˠ̄ʌ, опирающееся лишь на данные турецкого языка, остается весьма проблематичным. Ср. Иллич-Свитыч ОС s. v. *koλʌ 'обдирать'.

9. Палатальное *l' со звонким ларингалом можно предположить еще в одном корне: *[g]ulˠ̄[e] 'недавний' (> 'новый, молодой, младенец') > сем.-хам. *[g]uˁl- 'ребенок, детеныш', урал. *ūδ'e 'новый', тюрк. *ul'-, *ul'ak 'маленький', (?) тунгус. *öl- 'маленький'.

Сем.-хам. *[g]uˁl- (из *[g]ulˁ-?) > семит. *[γ]wl, *[γ]jl 'детеныш, ребенок' (с диссимилятивной утратой ˁ): евр. ˁūl 'ребенок, младенец', арам. ˁūlā 'младенец', ˁīlā 'жеребенок', сир. ˁīlā 'жеребенок', мандейск. ˁwl' 'ребенок', эфиоп. ˁəwâl 'жеребенок'; в этом корне наблюдаются вторичные ассоциации с корнями глаголов *ˁlm 'кормить' и *γlm 'сосать'; семит. *γalm-, *γulʌm- 'мальчик' > угарит. γlm 'потомок мужского пола, юноша', γlmt 'девочка', евр. ˁęlęm 'юноша', ˁalmā(h) 'девушка, молодая женщина', финик. ˁlmt 'девицы', арам. ˁullajmā 'юноша, раб', араб. γulām-, γulajm- 'юноша, раб', др.-ю.-арав. γlm 'puer, iuvenis, mas'; егип. ˁˁj 'ребенок' (предполагаемый путь развития: ˁʌˁju < *ˁʌˁˁju < *ˁʌˁlju < *ˁʌˁl-u < *gʌlˁ-). См. Gesenius—Buhl 564, 588.

Урал. *ūδ'e 'новый' > фин. uusi, uute- 'новый', саам. сев. ođđâ 'новый' (атрибутивная форма), эрз., мокш. od, мар. u, удм., коми vyl', венг. új 'новый'. См. Collinder FUV 121, Paasonen MC 101, Wichmann TT 109.

Тюрк. *ul'[a]- 'быть маленьким', *ul'ak 'маленький, мелкий, ребенок' > др.-тюрк. ušaq 'маленький, мелкий', ušaq oγlan 'маленький мальчик' (у Махмуда Кашгарского), ušaqlyq qylma 'не поступай по-детски' (Махмуд Кашгарский), ušat- 'измельчать, крошить', туркм. uša- 'мельчать', ušaq 'мелкий, маленький', тур. uşak 'парень, слуга', ev uşaği 'домочадцы'. См. ДТС 617, Радлов 1.1773—1775.

Тунгус. *öl- 'маленький' > эвенк. аян. uli 'маленький', эвенк. ергобочёнск., илимпийск., сымск., сев.-байкальск. ulukūn 'маленький', маньчж. ulhijen 'понемногу, помаленьку, мало-помалу'. См. Василевич 438—440, Захаров 162.

Таким образом, во всех уральских корнях с инлаутным *δ', для которых можно показать ностратическое происхождение, это *δ' находится в соответствии с семитохамитским сочетанием *lˁ. Противоречащих примеров нет. Есть, правда, один корень, в котором дравидийскому *ṭṭ соответствует в чадском, картвельском, монгольском и общетунгусском *l, а ожидаемый после *l ларингал не оставил следов, ибо корень не представлен в языках, сохраняющих следы ларингалов *ˁ, *γ (вообще либо в данной фонетической позиции): *ḳul[ˠ̄]ʌ 'быть тайным, делать тайно' > чад. *ḳʷʌl- 'красть, лгать', картв. *ḳwel- 'прятать, скрывать', монг. *qula- 'красть', тунгус. *xola- 'ложь', драв. *kuṭṭ- 'тайно' (подробнее см. Иллич-Свитыч МС 368 s. v. 'тайный' ḳuλʌ, ОС s. v. *ḳuλʌ 'тайный, красть'). Разумеется, этот корень, данные которого в ин-

тересующем нас отношении доказательной силы не имеют, не снимает установленной закономерности: урал. *-δ′- соответствует семитохамитскому *-lˤ-, а следовательно, восходит к ностратич. *-lˤ- или *-lγ-.

Кроме корней, где *δ′ < *lγ̄, уральское срединное *δ′ представлено еще в трех классах корней.

А. Корни, представленные в нескольких территориально смежных группах ностратических языков и имеющие такую семантику, которая не препятствует предположению о том, что корень заимствован (из языка-субстрата или из иного источника):

1. Урал. **majδ′л* 'мед', и.-е. **mel* 'мед' (и **medhu* 'мед'), тюрк., монг. **bal* 'мед', драв. **maṭṭ-* 'мед' (ср. Иллич-Свитыч МС 348 s. v. 'мед' **majλл*). Корень, очевидно, не является праностратическим, а его распространение по языкам объясняется заимствованием. Предположение о заимствовании особенно вероятно в связи с характером денотата (продукт культуры, легко заимствуемый одним этносом у другого) и в связи с отсутствием диких пчел в районах первоначального распространения уральских и алтайских языков. Заметим, что признание праностратического характера этого корня заставило бы нас допустить беспрецедентный случай трехконсонантного сочетания (*-*jlγ̄*-) в ностратическом корне.

2. Урал. *δ′*ä[δ′]wa* 'селезенка' (представлено только в саамском: саам. сев. *dađve*, южн. *háb′đie* 'селезенка'), тюрк. **dālγak*, **d[ä]lγäk[ä]* 'селезенка', монг. **deliγün* 'селезенка'. Ср. Иллич-Свитыч АД 47, МС 367 s. v. 'селезенка'. Корень распространен в нескольких группах языков не вследствие генетического их родства, а в результате заимствования. В пользу такого предположения говорят три обстоятельства: 1) корень представлен только в территориально смежных группах языков, находящихся в культурных контактах между собой; 2) корень обозначает анатомический орган, который, по всей видимости, мог стать известным человеку лишь на относительно поздних этапах развития культуры; 3) корень имеет необычный фонетический вид в уральском: начальное *δ′ отмечено лишь в трех уральских корнях, при этом все три допускают предположение о заимствовании (см. ниже).

3. Урал. **śüδ′äme* 'сердце', тунгус. **s[e]l(ä)mä* (> эвенк. неп., илимпийск., баргузинск. *sälämä* 'сердце'), кор. *sim* 'сердце'. См. Collinder FUV 59, Collinder CG 409, Василевич 376. Ср. предположение о корне как об Erbwort в работах: Räsänen UAW 26, Collinder FUV 146, Иллич-Свитыч МС 364 'сердце' (3). В пользу предположения о том, что распространение корня по языкам объясняется заимствованием, говорят два обстоятельства: 1) территориальная смежность языковых групп, знающих этот корень; 2) фонетически необычный для исконно уральской лексики облик корня в уральском, где начальный *ś- известен (по данным Col-

linder FUV и Collinder CG) лишь в пяти корнях, не считая явных заимствований из индоиранского.

Таким образом, есть основания допустить, что в уральском все три корня этого класса — заимствования.

Б. Уральские корни **paδ'ʌ* 'глухарь' (Collinder FUV 77) и **käδ'wa* 'горностай, куница' (Collinder FUV 81). Их естественно также отнести к числу заимствований. Дело в том, что анализ общеностратической лексики и другие соображения заставляют прийти к выводу о том, что ареал распространения уральского языка (лесная зона где-то в районе Урала, может быть, несколько западнее или восточнее его) не принадлежит к первоначальной общеностратической языковой области, располагавшейся значительно южнее. Поэтому наименования специфических животных лесной зоны — особенно если они обладают необычным звуковым составом — наиболее естественно относить к местной субстратной лексике.

В. Уральские корни, в которых *δ' может быть объяснен комбинаторными изменениями. Так, материалы уральского этимологического словаря Б. Коллиндера показывают, что при начальном **ś-* в срединном положении встречается *-δ'-, но не встречается *-δ-. В таких корнях: **śeδ'ma* 'почка' (Collinder FUV 7, Collinder CG 405), **śuδ'a* 'снежная корка, наст' (Collinder FUV 75, CG 410), **śoδ'ka* 'вид утки, гоголь' (Collinder FUV 115, CG 413) — *δ' можно, вероятно, объяснить как результат вторичного фонетического развития из *-δ-.

В положении после **j* также не встречается *δ, но встречается только *δ'. И в таких корнях: **pojδ'a* 'горностай' (Collinder FUV 6, CG 405), **majδ'a* 'лес' (Collinder FUV 36, CG 407) и уже в упомянутом **majδ'ʌ* 'мед' — *δ' также может быть результатом регулярного фонетического развития из *δ в соседстве с **j*. Чтобы вполне доказать справедливость предположений о вторичном развитии *δ' в указанных двух случаях, следует найти ностратические корни с таким развитием.

Таким образом, все известные уральские корни со срединным *δ' объяснимы без предположения о существовании в ностратическом особой фонемы *λ. Часть этих корней имеет *δ' как регулярный рефлекс ностратического сочетания **lγ̄* (**lˁ* либо **lγ*), в других корнях это может быть результат вторичного фонетического развития (видимо, из *-δ-) в соседстве с **j* или при начальном **ś-*. В третьих случаях корни с *δ' — заимствования.

Что касается начального *δ'- в уральском, то оно отмечено лишь в трех корнях: упомянутое выше **δ'ä[δ']wa* 'селезенка' (вероятность заимствованного происхождения которого обоснована выше), **δ'ōme* 'черемуха' (по Б. Коллиндеру — **δē̮me*) (см. Collinder FUV 64, CG 409; имеет соответствие в монг. **dimu* 'черемуха', см. Ramstedt KW 111, Иллич-Свитыч МС 372 s. v. 'черемуха' **λo[mH]ʌ*) и **δ'üma* 'клейкое вещество' (первоначально, вероятно,

‘смола’) (см. Collinder FUV 64, CG 409). Семантика этих двух последних корней делает вероятным их происхождение из местной субстратной лексики.

В сравнительной фонетике ностратических языков, созданной В. М. Иллич-Свитычем, предположение о существовании ностратической фонемы *λ базировалось на двух аргументах: 1) необходимость объяснить наличие фонемы *δ′ в уральском и 2) необходимость объяснить регулярное соответствие между урал. *δ′, драв. *ṭṭ/ṭ и *l в прочих ностратических языках. В настоящей работе выдвигается предположение о том, что урал. *δ′ в анлауте присутствует лишь в заимствованиях, а в инлауте в части случаев восходит к ностратич. *lˤ или *lγ, в других случаях появляется в результате регулярных комбинаторных изменений урал. *δ, а также наличествует в заимствованной лексике. Это предположение снимает необходимость допущения в ностратическом фонемы *λ.

Сокращения

Ашмарин — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.

Биишев — А. Биишев. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

Василевич — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Голстунский — К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, I—III. М., 1938.

Долгопольский ГД — А. Б. Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии. М., 1964.

Долгопольский КГ — А. Б. Долгопольский. Материалы по сравнительно-исторической фонетике кушитских языков: губные и дентальные смычные в начальном положении. — «Языки Африки». М., 1966.

Долгопольский СШ — А. Б. Долгопольский. Ностратические основы с сочетанием шумных согласных. — «Этимология, 1967». М., 1969.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Егоров — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Захаров — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Иллич-Свитыч АД — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t*, *d*, δ. — ВЯ 1963, № 6.

Иллич-Свитыч МС — В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). — «Этимология. 1965». М., 1967.

Иллич-Свитыч ОС — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков, I. М., 1971.

Иллич-Свитыч СС — В. М. Иллич-Свитыч. Соответствия смычных в ностратических языках. — «Этимология. 1966». М., 1968.

КумРС — Кумыкско-русский словарь. Под ред. З. З. Бамматова. М., 1969.

Лыткин ИВ	В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
Марр ГЧЯ	Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. СПб., 1910.
МарРС	Марийско-русский словарь. М., 1956.
ОРС	Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
Пекарский	Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, I—III. М., 1958—1959.
Терешкин	Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка, I. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.
ТувРС	Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.
ТуркмРС	Туркменско-русский словарь. Под общей ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М., 1968.
Ӱпӹмарий	Ӱпӹмарий (В. М. Васильев). Марий мутэр. Моско, 1926.
Цинциус	В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
Цинциус—Ришес	В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. Русско-эвенский словарь. М., 1952.
Чикобава	A. Čikobava. Čanur-megrul-kartuli šedarebiti leksikoni. Ṭpilisi, 1938.
Щербак СФТЯ	А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
Abraham SED	R. C. Abraham. Somali-English dictionary. London, 1964.
Aistleitner	J. Aistleitner. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Berlin, 1963.
Belot	J.-B. Belot. Vocabulaire arabe-français à l'usage des étudiants. Beyrouth, 1929.
Benzing	J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1907—1913.
Brockelmann LS	C. Brockelmann. Lexicon Syraicum. Halis Saxonum, 1928.
Burrow—Emeneau	T. Burrow and M. B. Emeneau. A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1960.
Cohen	M. Cohen. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.
Collinder CG	B. Collinder. Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
Collinder FUV	B. Collinder. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.
Dillmann	A. Dillmann. Lexicon linguae Aethiopicae. New York, 1955.
Erman—Grapow	Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Im Auftrag der Deutschen Akademien hrsg. von A. Erman und H. Grapow, I—VI. Berlin, 1957.
Feist	S. Feist. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. 2. Aufl. Halle, 1923.
Gesenius—Buhl	W. Gesenius. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, bearb. von F. Buhl. 15. Aufl. Leipzig, 1910.
Hofmann EWG	J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.

Lane — E. W. L a n e. Arabic-English lexicon, book I, pt. I—VIII. London—Edinburgh, 1863—1893.

Leslau LS — W. L e s l a u. Lexique soqotri. Paris, 1938.

Littmann—Höfner — E. L i t t m a n n und M. H ö f n e r. Wörterbuch der Tigrē-Sprache. Wiesbaden, 1962.

Lukas L — J. L u k a s. Die Logone-Sprache im zentralen Sudan. Leipzig, 1936.

Lukas M — J. L u k a s. Deutsche Quellen zur Sprache der Musgu in Kamerun. Berlin—Hamburg, 1941.

Lukas ZSS — J. L u k a s. Zentralsudanische Studien. Hamburg, 1937.

MNyTESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest, 1967.

Möller — H. M o e l l e r. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.

Newman—Ma — P. N e w m a n and R. M a. Comparative Chadic: phonology and lexicon. — «Journal of West African Languages», 5, 1966.

Paasonen MC — H. P a a s o n e n. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriß. Helsingfors, 1909.

Ramstedt KW — G. J. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Räsänen UAW — M. R ä s ä n e n. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.

Reinisch WSS — L. R e i n i s c h. Die Saho-Sprache, II. Wörterbuch der Saho-Sprache. Wien, 1890.

SKES — Y. H. T o i v o n e n. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955. Y. H. T o i v o n e n, E. I t k o n e n, A. J o k i. Suomen kielen etymologinen sanakirja, II. Helsinki, 1958; E. I t k o n e n, A. J o k i. Suomen kielen etymologinen sanakirja, III. Helsinki, 1962.

Smedt-Mostaert — A. de S m e d t, A. M o s t a e r t. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental, III. Dictionnaire monguor-français, Pei-p'ing, 1933.

da Thiene — G. da T h i e n e. Dizionario della lingua galla. Harar, 1939.

Whiteley ICI — W. H. W h i t e l e y. A short description of item categories in Iraqw. Kampala, 1957.

Wichmann TT — Y. W i c h m a n n. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriß. Helsingfors, 1923.

ZVSZ — Základní všeslovanská slovní zásoba. Brno, 1964.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. Български етимологичен речник

свезка VI *(доба — едър)*. София, 1968;
свезка VII *(едюнч — журжовец)*. София, 1969

Общая критическая оценка, дававшаяся ранее опубликованным частям этого нового этимологического словаря болгарского языка [1], может быть, как нам кажется, с полным основанием отнесена и к настоящим двум выпускам, что одновременно освобождает нас от необходимости останавливаться на общих вопросах и позволяет сразу перейти к конкретным замечаниям. Впрочем, нельзя не отметить, что и рецензируемые здесь части названного словаря обращают на себя внимание богатством словника, обилием диалектной лексики. Это особенно заметно при сравнении данных VI и VII выпусков с соответствующим отрезком этимологического словаря С. Младенова. В последнем отсутствуют многие народные слова, которые в новом этимологическом словаре четырех авторов впервые вводятся в этимологический обиход славистов и болгаристов, в чем следует видеть важнейшую заслугу рецензируемого издания. Пользу упомянутой полноты словника в общеславистическом плане проиллюстрируем двумя примерами. Болг. диал. *жýдя* 'не сплю; стараюсь заснуть' (стр. 556) [2], *жýдав* 'слабый, недоразвитый, неплодородный (о хлебных злаках, о земле)' авторы сравнивают с русск. *жудá* 'ужас', *жýткий*, которое обычно считается лишенным соответствий в славянских языках (см. Фасмер II, стр. 63, где прочие индоевропейские сравнения и литература). Если эту этимологию и нельзя пока считать достаточно убедительно обоснованной, то самый факт включения редкого болгарского диалектного слова в широкую славянскую перспективу нельзя не признать положительным. Болг. диал. *жуй/жуя* 'вид червя во влажной земле' (стр. 557; как и предыдущее, отсутствует у Младенова) любопытно упомянуть в качестве изолированной лексемы в славянских языках, для которой авторы считают возможным предположить индоевропейское происхождение.

Как и в своих откликах на более ранние выпуски рецензируемого словаря, считаем уместным предложить здесь некоторые поправки и комментарии к этимологиям слов.

Болг. *дóвод* 'довод, доказательство', скорее всего, не оригинальное производное от болгарского же глагола *вóдя* 'вожу, водить', как можно понять из краткого указания на стр. 404, а книжное заимствование из русского

---

[1] Рецензии на предыдущие выпуски I—V этого словаря см.: «Этимология. 1964». М., 1965; «Этимология. 1965». М., 1967; «Этимология. 1966». М., 1968; «Этимология. 1967». М., 1969.

[2] Здесь и далее даются номера страниц сплошной пагинации нового болгарского этимологического словаря.

языка. Это тем более очевидно, что само русск. *дóвод* в свою очередь заимствовано из польск. *dowód* 'доказательство, аргумент', производного от глагола *dowodzić* со специфическим значением 'доказывать', которого нет у аналогичной глагольной формы ни в русском, ни в болгарском. К сожалению, о заимствованном происхождении русск. *дóвод* не говорят ни Славский, ни Фасмер в своих этимологических словарях (у последнего нет даже соответствующей статьи).

Болг. диал. *дрáкул* 'вампир, упырь' объясняется из н.-греч. δραχούλα 'некрещеная девочка', сюда же δράχων, δράχος 'дракон, змей' (стр. 420). Но словообразование слова *дрáкул* заставляет нас предположить румынское влияние или происхождение — из румынской членной формы имени *drac-ul* 'дракон, черт', откуда, кстати, известное в древнерусской письменности имя собственное *Дракула* (ср. о последнем Фасмер I, 534—535).

Болг. диал. *ерепéтим се* 'хорохорюсь, важничаю, надуваюсь', признаваемое авторами неясным (стр. 504), интересно сравнить с русск. *ерепéниться* 'выхваляться, задориться', которое в свою очередь не объяснено до сих пор удовлетворительно (ср. Фасмер II, 23, где упомянуто лишь как сомнительное сближение с *еропá* 'хвастун'). Нам кажется, что это как раз такой случай, когда сближение двух одинаково неясных слов проясняет их взаимно. Один из аргументов предлагаемого сближения — близость значений слов. Можно думать, что названные слова близки и по этимологической структуре, представляя собой сложения родственных основ, а именно: болг. *ерепéтим се* < **jarě-pętiti sę*, а русск. *ерепнéиться* < **jarě-pьniti sę*, где *jarě* — наречие от **jarъ*, русск. *ярый* и т. д., а второй компонент связан с **pęti*, **pьnǫ* 'натягивать, распинать и т. д.'

Болг. диал. *жвальóк* 'железа, опухоль' в рецензируемом словаре названо производным от диалектного же *жвáля* 'жую' (стр. 526), однако правильнее, вероятно, рассматривать *жвальóк* как преобразование формы, близкой русск. *желвáк*, ср. и значение последнего, тем более что в болгарском языке тоже есть слово *желвáк* (диал.) 'белый кремень', которое авторы настоящего словаря почему-то толкуют из **жилавак* от *жилав*, *жила* (стр. 532), хотя несколькими страницами дальше (стр. 540—541, под *живáк*) они приводят гораздо более убедительное объяснение Р. Бернара (БЕз XV, 1965, стр. 382) от старого названия черепахи — *жéлва* (значения 'черепаха', 'шишка, опухоль', 'камень' связаны иерархической связью в лексике различных языков).

Болг. диал. *жмéрки* 'шкварки, выжарки', а также *жмúрки*, *жумéрка* в том же значении проэтимологизировано в словаре как образование от др.-болг. *жьмѫ*, *жѧти* 'жать, давить' (стр. 551, 552). Из близких форм названо только с.-хорв. *жмӥре* в близком значении. Здесь нужно упомянуть отсутствующее в рецензируемом словаре русск. диал. *жемерá*, *жимерá*, *жомерá* 'осадок, выжимки', которое Фасмер (II, стр. 45) тоже производит (без ссылки на близкие южнославянские слова) от *жму*, *жать*. Сравнивая все вышеназванные слова, мы не можем не вспомнить еще об одном — русск. диал. (донск.) *жебурúньи* 'виноградные выжимки', которое имеет черты фонетической и смысловой близости ('выжимки' ~ 'выжарки') с нашими словами, но эта близость наводит на мысль о заимствовании из неславянского источника, ср. особенно отношение *-м-/-б-*. Источником могли послужить тюркские формы, например чуваш. *śərpɛ* 'дрожжи, осадок' (см. Фасмер II, стр. 39, под *жебурúньи*). Связь с *жму*, *жать* следовало бы в таком случае отнести к разряду народных этимологий.

Этот и другие вышеприведенные примеры из нашего разбора имеют целью также показать несомненную пользу, которую может получить от чтения нового болгарского этимологического словаря не только болгарист или славист, но и русист, изучающий происхождение слов русского языка.

О. Н. Трубачев

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego

t.III, zeszyt 3 (13). Kraków, 1968; zeszyt 4—5(14—15). Kraków, 1969

Этими выпусками заканчивается том III, а вместе с ним — и буква *K*, занявшая целых два тома этого словаря, который ко времени своего завершения, несомненно, займет место в ряду крупнейших славянских этимологических словарей. В наших предыдущих кратких рецензиях опубликованных ранее выпусков словаря Ф. Славского высказаны критические замечания конкретного и нередко — частного характера, там говорится также о крупных достоинствах, которые, надо сказать, становятся все очевиднее по мере продвижения публикации этого замечательного труда. Высокой оценки в полной мере заслуживают и рассматриваемые здесь кратко последние выпуски III тома. Не останавливаясь поэтому на общих моментах, перейдем к конкретным вопросам и наблюдениям, явившимся при чтении словаря (замечания даются ниже постранично, в порядке следования статей, независимо от характера самих замечаний).

На стр. 247 дана, видимо, по недосмотру праславянская реконструкция **krivdьnik*, должно быть **krivьdьnikъ*. Кстати, сам факт отнесения данной формы к праязыковому периоду является заслугой автора и базируется на его убедительном сравнении ст.-польск. *krzywdnik* (XVI в.) 'обидчик, несправедливый человек,' слвц. диал. *krivodník* то же, в.-луж. *křiwdnik* 'обидчик', укр. *крйвдник* то же, с.-хор. *krìvnīk* (Дубровник, с XVI в.) 'виновник'. Таких примеров новых ценных межславянских лексических сопоставлений, показывающих древность многих производных, немало в словаре Ф. Славского как в виде самостоятельных статей (ср. ниже *krzywulec*), так и в составе более крупных статей. Новые материалы, сообщаемые в таких случаях автором, отменяют нередко прежние этимологические объяснения слов.

Стр. 252: польск. *krzywulec* (у Линде — с XVIII в.) 'кривое дерево, кривой ствол, пень' связывается с болг. диал. *крйвулец*, уменьшительное от *крйвул* 'что-либо кривое, кривое дерево, искривленный человек; изгиб, поворот реки, дороги', ср. русск. диал. *кривýль*, *кривулй* 'кривая палка, жердь; изгиб реки, дороги'. Соответствия позволяют автору говорить о праязыковом **krivulьсь* с уменьшительным значением, что вместе с тем побуждает к пересмотру старого мнения о наличии в *krzywulec* суффиксальной польской морфемы *-ulec*, вторично полученной путем абстракции из немецких сложений на *-holz* 'дерево, древесина' (ср. отношения польск. *budulec*— нем. *Bauholz* 'строевой, строительный лес').

Стр. 342: польск. диал. *kulać* 'хромать' возводится к праформе **kuljati*, наряду с производным **kuljgati* (видимо, опечатка, вместо **kuljьgati*, см., впрочем, о последнем ниже).

Стр. 347: в статье о слове *kulesza* 'густое кушанье из муки' несколько односторонне и неполно изложены сведения по истории и этимологии слова, особенно — по этимологической литературе. Так, несмотря на то, что здесь имеется ссылка на труд И. Книежи «A magyar nyelv szláv jövevényszavai», Ф. Славский не вспоминает о возможности происхождения славянских форм из венг. *köles* 'просо', предполагаемой И. Книежей, а позднее — Р. Якобсоном и другими (см. сведения из литературы в дополнениях к русскому изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [т. II. М., 1967, стр. 410]).

Стр. 348—349: в статьях о польск. диал. *kulgać* 'катить', особенно — о ст.-польск. *kulhać* 'хромать' (из чешского) говорится о праформе **kuljьgati* (откуда также чеш. *kulhati*, слвц. *kul'hat'*, укр. *кульгáти*, блр. *кульгáць* в том же значении 'хромать'). Автор считает **kuljьgati* производным с экспрессивным суффиксом *-ьg-* от **kuljati* (см. о нем выше). Экспрессивный характер наращения, вероятно, отмечен правильно, но едва ли тут уместно говорить о суффиксе, да еще на праязыковом уровне. Это — экспрессивное наращение

эпентеза задненёбного элемента после мягкого *l'*, особенно вероятная в условиях фрикативности этого задненёбного; сказанное в первую очередь подходит для чешского, откуда слово проникло в польский (а оттуда — в восточнославянские?). Во всяком случае попытка более узкой первоначальной локализации слова может помочь более вероятному объяснению его истории. Ср. аналогичное *-h-* в чеш. *šmat'hati* 'ковылять', которое Махек производит из **matati* / *motati (se)*. См. Machek 506.

Стр. 369—370: в пользу связи слова *kunka* 2 'cunnus' и *kunka* 1 'куница', оттесненной у Ф. Славского на задний план другими, как мне кажется, случайными сближениями, говорит аналогия русск. диал. *соболётка* 'cunnus'— сóболь (см. об этом: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III, s. v. *соболётка*, дополнения).

О. Н. Трубачев

L. Sadnik—R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen

Lief. 4. Wiesbaden, 1968 (стр. 219—298);
Lief. 5. Wiesbaden, 1970 (стр. 299—378)

Предыдущие выпуски этого словаря, охватывающие лексику с основами на начальное *a-* и *b-*, кратко реферировались нами в более ранних томах настоящего ежегодника*. Выпуски 4-й и 5-й, рецензируемые здесь, содержат продолжение материала на *b-*, окончание которого, видимо, следует в одном из ближайших выпусков словаря. Незавершенность и в целом большой объем словарного раздела с *b-* начальным, отсутствие пока строго алфавитного индекса слов на *b-*, который будет словарю придан лишь по завершении всего соответствующего раздела (ср. аналогично вып. 1, содержащий все на *a-* и вспомогательный алфавитный индекс), делают понятными трудности, возникающие при пользовании опубликованными частями словаря Садник—Айцетмюллера. В поисках нужного слова нередко приходится перелистывать от начала до конца все выпуски подряд. . .

В остальном структура новых выпусков идентична структуре предшествующих: этимологические гнезда слов с особой нумерацией (например, вып. 5 кончается в середине гнезда № 287: русск. *бокáл* и т. д.), а иногда и с параграфами внутри особо крупных и сложных гнезд.

Строение словарных статей весьма диффузно. Статью может начинать даже неславянское слово, например под № 230 (стр. 269): греч. βῖκος 'сосуд с ручками', откуда лат. *bicārium*, затем немецкие и только после этого — славянские формы (словен. *pehár* 'кубок', др.-русск. *пахирь* то же и др.), запрятанные, таким образом, внутрь словарной статьи и, более того, прямо не связанные с заглавным словом. Статья (или гнездовой раздел) № 280 (стр. 356) начинается сразу с этимологического тождества и комментария («Родственным семейству др.-инд. *bhájati*. . ., *bhágaḥ*. . ., авест. *baga-*, *baγa*. . . является праслав. **bogъ* 'богатство, благосостояние'. . .»), лишь после этого следует обзор языковых форм (стр. 357 сл., где представлены продолжения праслав. **bogatъ* и **sъbožьje*, которые, по мысли авторов словаря, восходят не к единому праслав. **bogъ* 'бог, божество, доля, достояние', а к особому омонимичному **bogъ* 'богатство'). Кажется более удобным и естественным, когда обзор форм предшествует их анализу.

Вместе с тем продвинувшаяся публикация словаря дает возможность

---

* См. «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 345—347; «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 385—386; «Этимология. 1968». М., 1970, стр. 265—266.

лучше судить также об остальных его особенностях, в том числе — о достоинствах. К числу последних, бесспорно, следует отнести тщательную разработку глагольной морфологии, см., например, материал гнезда *berǫ*, *bьrati* (стр. 275 сл.). Поскольку авторы, как известно, сознательно уклонились от изложения и обоснования принципов своего словаря, уместно как раз сейчас, после ознакомления с вышедшими пятью выпусками, сказать дополнительно несколько слов о его типе. Думается, что оригинальный словарь Садник и Айцетмюллера все более оправдывает свое название сравнительного словаря. Вес и значение этимологических комментариев в нем также несомненны, но собственную оригинальность этого труда мы видим не столько в них, сколько в сравнении словообразовательной активности изучаемых этимологических гнезд вплоть до поздних производных, кальк и свободных параллелизмов словообразования в разных славянских языках (примеры излишни, их можно найти на каждой странице).

Из числа критических замечаний конкретного характера: все-таки не кажется необходимым полное этимологическое разграничение слов *благóй* (русск. диал.) 'плохой; безумный, неразумный' и *благóй* 'добрый' (гнезда № 262, 263, стр. 326, 327 сл.). Неудачей или даже этимологической ошибкой представляется нам, далее, особая этимологизация слав. *blizna* 'близна, дефект в ткани', 'шрам, рубец' из **bhlēi-* 'блестеть' (стр. 347). Критики не выдерживает и ссылка авторов при этом на значение 'сталь', в котором они хотят видеть подтверждение своей этимологии, тогда как тут надо исходить из семантической реконструкции '*наваренное, наукладенное' и единственно возможной этимологической связи с *blizъ* 'близкий, тесно прижатый' (подробнее об этом — в вып. 2 подготовленного к печати «Этимологического словаря славянских языков»). Этимологическое тождество болг. *брут* '(железный) гвоздь' : лтш. *braukts* 'нож, орудие для чистки льна' восходит не к Отрембскому, как можно понять из слов авторов (стр. 222), а еще к Младенову («Етимологически и правописен речник на българския книжовен език». София, 1941, стр. 46). Отметим еще одну-две досадные неточности и опечатки в этом весьма тщательно отредактированном словаре: A. S. Melьniček (стр. 306), надо Melьničuk; на стр. 256 русск. *басмáч* переводится как 'Revolutionär in Mittelasien' (!).

О. Н. Трубачев

Václav Machek. Etymologický slovník jazyka českého.

Druhé, opravené a doplněné vydání
Praha, 1968

Второе издание этимологического словаря выдающегося чешского лингвиста В. Махека вышло в свет через одиннадцать лет после первого издания и спустя три года после смерти автора. Большую редакционную работу по подготовке второго издания к печати выполнили, в соответствии с пожеланием В. Махека, Е. Гавлова и А. Матл, сохранив в неприкосновенности все, что касается этимологических толкований и взглядов автора, который напряженно работал над дополнением и совершенствованием словаря вплоть до своих последних дней.

Этимологическая концепция Махека не изменилась после публикации Этимологического словаря чешского и словацкого языка в 1957 г. Отвечая на критику этимологической теории, изложенной в предисловии к этому первому изданию Словаря и лежащей в основе конкретной этимологизации, автор в предисловии ко второму изданию подчеркивает, что никак не отказывается от закономерных звуковых чередований, но, поскольку некоторые явления в языке, в частности — развитие слов с эмоциональной окраской,

не соответствуют признанным «правилам», автор считает необходимым, в интересах прогресса исследования, обратиться к чередованиям, которые не являются общепризнанными (стр. 14—15 предисловия). При этом перечень допускаемых чередований пополнен следующими:

удлинение гласных первого слога в некоторых производных (явление, приравниваемое автором к древнеиндийскому vṛddhi), ср. *paseka* от *po-sekati* (стр. 11);

изменение *an* > *ā*, *en* > *ē*, *on* > *ō*, *un* > *ū*, *in* > *ī* перед согласной, ср. *hrad*—лат. *grando*, *měsíc*—лат. *mensis*, *lýko*—лит. *lunkas* (стр. 12);

вставные *r* или *l* перед последней согласной корня, ср. *čerpati*—**skep* (нем. *schöpfen*) (стр. 12);

экспрессивное смягчение некоторых корневых согласных, ср. *křupan* — *krupý* (стр. 12—13);

возможность дополнительных начальных *k*, *ch* или *g* в одном из признаваемых родственными слов, ср. *koza*—др.-инд. *ajā* (стр. 13);

появление начального *ch* как экспрессивного варианта *k* или *g*, ср. *chtěti*—лит. *ketěti* (стр. 13—14);

усилительные *č-*, *š-*, *ž-* (типа s-mobile), ср. *žvápati*—лит. *vapěti* (стр. 14);

варианты *kv*//*k* (стр. 14).

Кроме того, Махек специально оговаривает признание для славянских языков широко развитой системы интенсивных глагольных образований с многочисленными суффиксами (стр. 15), — явление, на которое опираются многие этимологические толкования и в первом издании Словаря.

Из декларированных ранее (в первом издании) типов чередований Махек отказался, по всей видимости, от возможности взаимозамены корневых дифтонгов *ei*, *eu* и *en*, *em*: в новом издании эта замена не упоминается и соответствующие сопоставления получили иное истолкование (см. *puditi*).

При сохранении прежней этимологической концепции, Словарь тем не менее претерпел существенные изменения. Прежде всего, второе издание — это Этимологический словарь ч е ш с к о г о языка, а не ч е ш с к о г о и с л о в а ц к о г о. Нельзя не уважать стремления автора к единству, целостности его труда, нельзя не уважать авторской самокритичности в оценке собственно словацкой части первого издания, но нельзя также не пожалеть, что второе издание лишает читателей того истолкования собственно словацкой лексики, которое было выработано Махеком и не вошло в новое издание Словаря. Разумеется, словацкая лексика в большинстве своем сохранена в Словаре, но лишь на правах материала одного из славянских языков. Те словацкие лексемы, которые не имеют соответствий в чешском языке, не вошли в Словарь, и поэтому второе издание лишилось, в сравнении с первым, многих словарных статей. Соответственно произошла перестройка и многих сохраненных статей, поскольку на первый план, в качестве заглавного слова, вместо словацких лексем выступили чешские, часто диалектные лексемы (иногда словообразовательно отличные от словацких), например *bezperactvi* (вм. *bezperak*), *jašit'sa* (вм. *jašo*). В некоторых случаях вместо словацких бесприставочных лексем заглавными стали чешские приставочные образования, что изменило расположение статей, например *zdvihati* вм. *dvihat'* (кстати, в подобных случаях, когда заглавным словом являтся приставочный глагол, можно было бы разместить слово по началу корня —*-dvihati*, как это сделано с *-děsiti*).

Несмотря на изъятие большого числа словацких словарных статей, корпус словаря во втором издании значительно вырос — на одну пятую объема. Прежде всего это связано с включением новых статей. По приблизительным подсчетам, во второе издание вошло около 400 новых заглавных слов. Правда, некоторые из этих заглавных слов сопровождаются лишь отсылкой к другим словам, и развернутых статей при них нет, однако подобное размещение некоторых производных образований или вариантов представляется удобным для пользования словарем (в первом издании некоторые из этих слов можно было найти по указателю, например: *bachlat*, *bakositi se*, *rozpora*, но многие

в указателе не упоминались, хотя входили в состав словарных статей: *káceti*, *bahnit se* 'гноиться', *balta*, *barnavý*, *halekati* и др.). В ряде случаев выделены в самостоятельные статьи лексемы, ранее включавшиеся в те или иные статьи по этимологическим связям, но во втором издании получившие новое этимологическое освещение, например: *hana* (выделено из статьи *haditi* как не связанное с последним и сопоставлено с греч. ὄνομαι 'порочить, поносить'), *děditi* 'удаваться' (отделено от *děd* и сопоставлено с лит. *derěti*), *mrváň* 'большая сдобная булка' (отделено от *mrviti* и сопоставлено с греч. ἀμόρα, ἀμορβίτης, ὅμωρος 'сладкая медовая булка'). Выделены в самостоятельные статьи некоторые образования, ранее рассматривавшиеся только вместе с соответствующими производящими основами (*smrt*). Однако подавляющее большинство новых словарных статей вводит во второе издание Словаря новую лексику как объект этимологического анализа: это многочисленные старочешские слова (*-děsiti*, *kobos* 'название музыкального инструмента', *klučný* 'подходящий', *mrt* 'омертвевшее мясо на ранах', *nedoperné* 'выкуп. . .,' *obnož* 'путы', *obrama* 'хромота, слабость', *otaz*, *padouch* 'сын помилованного', *probyšúcný* 'сильный, энергичный, бодрый', *sujný*, *teverný* 'учтивый, изящный', *tkymati* 'бродить, скитаться', *trpočiti* 'гнать, вертеть, двигать'), арготизмы (*baň* 2 'тюрьма', *datel* 2 'отмычка', *davídek* 'небольшой остаток чего-либо'), вульгаризмы (*hec* 'забава, шутка'), новые заимствования (*klips*, *lečo*).

Новые статьи содержат интересные этимологические истолкования и сопоставления. Например, *klípě* 'молодняк домашних животных'<**kvelpę* — к хетт. *ḫuelpi-* 'детеныш', нем. *Welf* 'щенок, детеныш диких животных', др.-англ. *hwëlp*, др.-сканд. *hvelpr*; *lnouti* — др.-инд. *lināti*, *láyatē*, *līyatē*, *līyati* 'прилегать, прижиматься'; *mlknút'* валаш. 'коченеть, мертветь (о частях тела)' — лит. *nu-smilkti* 'застыть, стать бесчувственным'; *teverný* ст.-чеш. 'учтивый, изящный' — лит. *tevérna* (о красивой речи на свадьбе), *tevérnoti* 'говорить не спеша, степенно на беседе стариков и на свадьбе'; *leknouti* 'уснуть (о рыбе)' — ст.-чеш. *usleci* 'умереть, подохнуть'; ган. *vrbit se* 'вертеться' — лит. *virběti* 'шевелиться'

Во многих случаях, однако, автор, как кажется, напрасно пренебрег более простыми и близкими решениями, разорвав ранее принимавшиеся этимологические связи и предлагая новые толкования, например: *korati* 'затвердевать на поверхности (о хлебе, коже)' оторвано от *kůra* и сопоставлено с инд. *khára-* 'твердый'; *líhnouti* (*se*) 'вылупливаться' (ср. словен. *lę́či*, *lę̑žem* 'высиживать' и русск. яросл., новг. *вылегáть* 'выходить из яйца, вылупляться, о птенцах[1]) отделено от *ležeti* и связано с др.-сканд. *klekja* 'высиживать'; ст.-чеш. *usleci* 'умереть, подохнуть', вопреки исчерпывающему истолкованию Зубатого (к слав. **lęk-/*lǫk-* 'гнуть'), связано с лтш. *slìkt* 'кануть, тонуть', лит. *sliñkti* 'ползти'; *proláknouti* (*se*) 'прогнуться внутрь' (в частности, о боках, животе, лице), *proláklý* (ср. русск. *ляка* 'собака с вогнутым хребтом[2]) отделено от *líčiti* (слав. **lęk-/*lǫk-* 'гнуть') и связано с лит. *kliókti*, *pérkl*(*i*)*okti* 'сплющиваться (о голодном животе)'.

Некоторые новые статьи образовались в результате самостоятельной этимологизации тождественных по звучанию, но различных по значению слов. Иногда это представляется оправданным: ср. *bafati* 1 'пыхать трубкой' и *bafati* 2 'тявкать', *mrkati* 1 'смеркаться' и *mrkati* 2 'мигать, моргать', но в ряде случаев автор, кажется, разделил значения одного и того же слова: ср. *běs* 1 'злой дух' и *běs* 2 'ярость', *chovati* 'хранить, нянчить' и *chovati se* 'беречься, остерегаться'.

Некоторые дополнения и соображения к новым словарным статьям второго издания:

---

[1] Даль[2] I, стр. 297; Филин 5, стр. 302.
[2] Фасмер II, стр. 550.

справедливость истолкования *lepnouti* 'ударить (дать пощечину)' как звукоподражания (не связанного с **lěpiti*) может быть косвенно подтверждена аналогичными русск. арх. *ляпа* 'оплеуха', *ля́пать*, укр. *ля́пати* 'шлепать, пачкать', блр. *ля́паць* 'стучать, говорить резко [3];

при истолковании *mazati* 2 разгов. 'уходить, убегать' (по этимологии Траймера — к нем. *marsch*) можно было бы учесть русскую фразеологию глагола **mazati* — «хорошо *смазал*, хорошо и поехал», «не *смазал*, да поехал» [4], *смазать* пятки — 'убежать';

mohovitý 'богатый', *možný* то же (в первом издании объяснялись контаминацией *movitý* с *mohutný*, во втором связаны с вед. *maghávat-* 'дающий богатые дары, богатый, могущественный') все-таки ближе всего связаны с **mogti* [5], ср. и русск. вост. *мóга*, ряз., тул. *могá* 'могута, мочь, сила, власть, достаток, богатство' [6], юж. *замóга* 'состояние, имущество, зажиточность', *замóжный* 'зажиточный' [7], *маломóжный*, *маломочный* 'бедный, незажиточный' [8], относительно связи представлений о физической силе и богатстве ср. чеш. диал. *hrubý gazda* 'богатый' [9];

валаш. *motoliti se* 'копошиться' (вместе с *batoliti se* 'ковылять' связано Махеком с лит. *tabaloti* 'шатать') может быть сопоставлено с русск. псков. *мотыля́ться* 'покачиваться, переваливаться с боку на бок' [10] и далее — с **mesti*, **motati* (*sę*);

нельзя ли **nedolęgati* (*nedolíhat*: tomu něco *nedolíhá* 'нездоровится') и **nedolǫžьnъjь* (валаш. *nedolužný* 'умственно или физически недоразвитый', морав.-слвц. *nedoụužný* 'больной', польск. *niedołężny* 'неумелый, немощный', *niedołęga* 'урод, растяпа, нерасторопный человек', откуда, вероятно, укр. *недолу́гий* бессильный', русск., новг. *недолугий* 'хворый, нерасторопный' [11], блр. *недалу́жны* 'беспомощный, незадачливый' [12]) объяснить из праслав. **lęgati* 'двигать' (ст.-чеш. *líhati* 'двигать' [13], диал. *ligac* 'пить' [14], польск. *ligać* 'лягаться' [15], русск. *ляга́ть*(*ся*), рязан. *ляга́ть* 'бить, колотить', новг. *ляга́ться* 'качаться, колыхаться, вихляться' [16], блр. *лы́гаць* 'спешно есть', *лыгну́ць* 'ударить' [17]), так что **nedolǫžьnъjь* = 'малоподвижный'? (ср. особенно кашуб. *lëgnǫc są* 'искривиться, прогнуться', *łąg* 'сила, мощь', *łągi* 'гибкий' [18]);

ю.-чеш. *otápek* 'пенка на сливках, кипяченом молоке или кофе с молоком', 'жир на воде от жирной посуды', ю.-вост.-чеш. *potápka* 'панка, вязываемые Махеком с лит. *ap-tapýti* 'обмазать, облить', *tèpti* 'мазть', можно объяснить как производные от слав. **topiti* 'нагревать; растапливать ,плавить';

-rábati se 'медленно, с трудом вылезать, забираться' могло бы быть объяснено из **grabati* / **grebti* (чеш. *hrabati se* 'медленно, с трудом идти, тащиться,

---

[3] Фасмер II, стр. 552.
[4] Даль² IV, стр. 230.
[5] Holub—Kopečný, стр. 228.
[6] Даль² II, стр. 337.
[7] Даль² I, стр. 603.
[8] Даль² II, стр. 295.
[9] Bartoš. Slov., стр. 109.
[10] Доп. к Опыту, стр. 118.
[11] Фасмер III, стр. 58.
[12] М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак. Менск, 1925, стр. 103.
[13] Gebauer II, стр. 252.
[14] Ferdinand Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 171.
[15] Brückner, стр. 298.
[16] Даль², II, стр. 285.
[17] І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, стр. 253.
[18] Sychta II, стр. 347; III, стр. 13.

возиться, хлопотать'[19], русск. костром. *выгребáться* 'убираться, выходить откуда-либо'[20], псков. *грабанýть, грáбнуть* 'стремительно броситься наутек, в бегство'[21]), если допустить утрату начального *g* (ср. возведение Махеком чеш. *rabovati* к *grabiti*);

ганац. *zábarka* 'предлог, повод' (и диал. *výbarky*, *vébarke* 'отговорки, увертки', *vobárat* 'церемониться', *vybárat si* 'выдумывать, измышлять') с корневым *bar-* может быть результатом переразложения в приставочных производных от слав. **variti*, **varati* (чеш. *variti*, *varati* 'свернуть, отстраниться', ст.-слав. варити 'предупреждать', русск. *предварúть*, болг. *предвáря*[22]) — ср. блр. *барúць* 'задерживать в ожидании, останавливать'[23], вероятно, < **ob-variti*;

ляш. *zakylý* 'упорный, упрямый', *zakylec* 'упрямец' могут быть производными от *kyla*, которое (см. статью *kyla*) обозначает не только грыжу, но и подобные твердые образования, так что *zakylý* может толковаться как 'затвердевший, неподдающийся' — ср. русск. псков. *кúлиться* 'мешкать, медлить, быть непроворным'[24] и, возможно, *скиля́га* 'скупой человек' (арх., моск., новг.)[25].

Большой переработке подверглись во втором издании Словаря старые статьи, перешедшие из первого издания. Хотя Махек по-прежнему придерживался принципа необязательности и избирательности в подаче этимологической литературы, очень многие статьи пополнились библиографическими указаниями и изложением различных этимологических толкований (см. *bahno*, *boleti*, *bruclek*, *holeň*, *hotový*, *kocar*, *lada*, *obr*, *pán*, *pěkný*, *plěhnút'sa*, *smrt*, *žadný*). Есть, кажется, однако, и существенные пропуски (например, в статье *makati* не упоминается работа М. Фасмера «Baltisch-slavische Wortgleichungen» из сб. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957).

Постоянное внимание автора к этнографическому аспекту этимологических исследований сказалось в расширении этнографических данных во втором издании Словаря (см. статьи *ber*, *hošije*, *regina*, *pluh*; в связи со статьей *regina* в Словаре появилась новая иллюстрация).

Интересно, что во втором издании автор значительно большее внимание уделил семантике: многие статьи дополнены истолкованием значений слов и особенно — семантических переходов, для которых приведены параллели (см. *berně*, *biflovati*, *birka*, *bor*, *bydlo*, *debř*, *drhnouti*, *dobytek*).

Очень значительная часть лексем получила во втором издании иное этимологическое освещение. В ряде случаев Махек отказался от оригинальных трактовок в пользу более общепринятых (например, *-břesknouti* 'киснуть' теперь соотносится с норв. *brisk* 'горечь', *břicho* — с древн.-ирл. *brú*, *komolý* — с др.-в.-нем. *hamal*, *kydati* — с нем. *schießen*, *lesknouti* — с и.-е. **luk-*, *linouti* — с *liti*, *otava* — с *tyti*, *most* — с *mesti*, *rýkat* 1 — с лтш. *rūkt*).

Относительно многих слов Махек принял толкования, предложенные другими исследователями после выхода в свет первого издания Словаря. Например, *kleveta* во втором издании связывается с лат. *calumnia* (этимология В. Н. Топорова; кстати, библиографическая ссылка указана неверно: вм. «Вопросы славянского языкознания» 19 должно быть «Краткие сообщения Института славяноведения» 25); *kůl* — с др.-инд. *śalá-* 'палка, острие', др.-сканд. *hali* 'острие копья' (этимология С. Штеха); *lýtko* — с герм. **klauta* (этимология Шустер-Шевца); *spratek* и *záprtek* — с лат.

---

[19] PSJČ I, стр. 951.
[20] Филин 5, стр. 270.
[21] Доп. к Опыту, стр. 36.
[22] Фасмер I, стр. 275.
[23] Носович, стр. 15.
[24] Опыт, стр. 82.
[25] Опыт, стр. 204.

partus 'рождение, детеныш' и др.-инд. *pr̥thu-ka-* 'детеныш' (Махек ссылается на работу А. Матла, см. также *Pokorny* I, 818); *štěně* — с осет. *stoen* 'пес' (этимология В. И. Абаева); *úhor* 'лядо, залежь' — с др.-в.-нем., др.-сакс. *angar* 'луг' (этимология С. Штеха); *úkol* 'урок, задание' — с *kláti* (толкование И. Юнгмана, разработанное далее Е. Гавловой); *zimolez* в его второй части — с *mlzati* (этимология О. Н. Трубачева); *zdravý* — с греч. ὅλος, лат. *salvus*, др.-инд. *sarva-* (этимология Ш. Ондруша).

Пересмотр значительной части этимологических толкований осуществлен самим автором. Среди предлагаемых во втором издании Словаря этимологий много уточнений источника заимствования (например, *bago*, *balata*, *bavlna*, *ryl*), подавляющее же большинство их представляет собой переориентацию чешской лексемы в славянской и индоевропейской лексике. К числу наиболее интересных и достаточно реалистичных толкований относятся, как мне представляется, возведение *břidlice* 'сланец, шифер' и *břila* 'истонченная обработкой горная земля, поле у вершины' к **briti*; сопоставление *mytiti* 'выкорчевывать лес' с лат. *mūtāre*, хетт. *mūtai-* 'удалять, отстранять'; толкование *ošklivý* как **o(b)-rьk-livъ* от *říci*; сопоставление *plkati* 'болтать' с лтш. *plukstēt*; *plucha* 'мякина, лузга' — с др.-сканд. *flosa* 'шелуха'; возведение *sekutný* диал. 'злой, сварливый' к **sekti*; сравнение *sl'ebit* морав. 'прясть нить неровно' с лит. *zliẽbti* 'вытягивать нить (при прядении)'; *slap* 'водопад' — с др.-сканд. *sarpr* 'название потоков и водопадов'; *tál* 'заложник' — с лат. *tāliō* 'возмездие, отплата', кимр. *tal* 'вознаграждение', ирл. *taile* 'плата', нем. *zahlen*, греч. τέλος; *tyč* — с герм. **stukka-z* (нем. *Stock*); *svižný* ганац. 'быстрый, подвижный' — с др.-сканд. *sveigr* 'гибкий', *sveigja* 'поворачивать, сгибать'.

Многие сопоставления и толкования представляются, однако, маловероятными, главным образом в силу фонетических несоответствий, а иногда — и с точки зрения семантики. Таковы толкования *nehorazný* из **razъ*; *pažit'* из **žęti*; *peče* из **kāp-ti* (ю.-слав. *chapǫ*); *skotъ* из **tekti* (*stačiti*, с.-хорв. *stèći* 'приобретать'); *trouchnivý* — из *tuchnouti*; сопоставление *dělati* с лит. *darýti*; *drahý* — с греч. στέργω; *hřib* — с лит. *krỹpti* 'кривиться, гнуться'; *krt* — с лит. *tur̃kti* 'копаться'; *kroutiti* — с лат. *torquēre*; *líčiti* 'устраивать ловушки' — с *lákati* и с лат. *lacio*; *motati* — с лат. *movēre*; *motýl* — с лит. *petelìškė* и лтш. *petelīgs* 'бабочка'; *nátoň* 'колода, на которой рубят дрова; место, где рубят дрова' — с **gnatъ*; *navštíviti* — с лит. *svẽčias*, *svetỹs*; *ostrev* 'суковатый кол, на котором сушат сено' — с *trzub* (**trъzǫbъ*); *pěst* — с др.-сканд. *hnefi*, *knefi* 'кулак'; *píce* — с лит. *mintù*, *mìsti* 'питаться'; *plíti* 'полоть, вырывать' — с лит. *ravėti*, слав. **rъvati*; *strom* — с нем. *Stamm*; *stonek* 'ствол дерева с обрубленными ветвями; обрубок, лесина' — с др.-инд. *sthāṇu* 'стебель'; *tropiti* — с лат. *patrāre*.

В предисловии ко второму изданию Словаря Махек просит забыть те из его старых этимологических решений, взамен которых выдвинуты новые. Это и невозможно, и нежелательно. Сличение различных толкований одних и тех же слов в двух изданиях Словаря представляет большой интерес для изучения движения творческой мысли одного из наиболее талантливых и оригинальных современных этимологов-славистов. Но и независимо от этого аспекта, Этимологический словарь чешского и словацкого языка и после выхода в свет Этимологического словаря чешского языка останется настольной книгой этимологов. Все этимологические разработки Махека — достояние науки, и лишь ее дальнейшее развитие определит, какие из них наиболее плодотворны и перспективны.

Некоторые дополнения и соображения по поводу «старых» статей (часто значительно измененных):

к числу родственных *klímati* 'дремать' следует отнести русск. *оклема́ться* 'поправиться по болезни, выздороветь, выдюжеть' [26], твер. *клями́ться*

---

[26] Даль [2] II, стр. 662. См. также: Опыт, стр. 139; Доп. к Опыту, стр. 159; Мельниченко, стр. 132; Васнецов, стр. 174; Словарь Оби II, стр. 212.

'трудиться, маяться, работать, перебиваться'[27], ряз. *клемáться* 'держаться на ногах (о состоянии здоровья), быть в силах делать что-либо'; перен. 'жить, испытывая большие трудности, кое-как перебиваться'[28], *склемáться* 'подрасти, окрепнуть; выздороветь, оправиться после болезни или тяжелого потрясения, горя'[29], яросл. *склёмный* 'страдный, спешный'[30], которые свидетельствуют об исконном корневом **e*, что делает неприемлемыми толкования и первого, и второго издания (исходящие из исконности корневого *i*); реконструкция исходного праслав. **klemati* (ср. и чеш. диал. *klemžeti* 'дремать, клевать носом') позволяет предполагать родство этого славянского глагола с группой др.-инд. *klâmyati*, *klâmati* 'быть усталым, изможденным, слабым', др.-ирл. *clam* 'больной проказой', кимр. *claf*, ср.-брет. *claff* 'больной' и греч. *χλαμαράν* (Гесихий) 'слабый'[31];

значения полесского *кружóк* и *кружóк лíсу* — 'отдельный лесочек, роща', 'заросли кустарника', 'отдельные заросли кустарника' — на фоне перекрещения значений *круг* и *кряж* в географической терминологии[32] представляются свидетельствами в пользу предположения об этимологическом тождестве чеш. и слвц. диал. *kruh* 'густой кустарник' со слав. **krǫgъ* 'orbis';

валаш. и ляш. *kvap* 'мелкие перья', *vápeni* 'пух, которым гусыня покрывает яйца при высиживании гусят' по значению тяготеют к *kyprý* 'рыхлый, пышный; неутрамбованный (о дороге)', что подтверждает их общее происхождение от **kypěti*;

судя по ст.-польск. *miały*, *miely* 'мелкий'[33] и укр. *мíло* 'мелко'[34], слав. **mělъkъjь* (чеш. *mělký*) образовано присоединением суф. *-ъk-* к основе прилагательного **mělъjь* (а не существительного **mělь*), как *brzký* от *brzý*;

справедливость отвергнутого Махеком толкования *osuhlý* 'пасмурный, ненастный, мглистый' (и слвц. *osuhel'* 'иней') как производного от **sęgti*, предложенного Зубатым, подтверждается украинским *осуга* 'на поверхности жидкости плавающие слои жира, налет на воде, ржавчина на воде'[35] и русск. волог. *осягáться*, арханг. *осяжáть(ся)* 'оседать'[36];

pouhý 'простой, пустой, чистый' (по Махеку — вариант к ст.-чеш. *hlúpý*) может быть связано с русск. новг. *пужúна* 'конопля обросненая, но не молочная'[37], укр. *пужинá* 'пустое зерно, легковесное зерно'[38], *пужинá* 'отходы после молотьбы злаковых, мякина'[39], польск. *pużina* 'верхняя часть колоса, остья'[40], а также русск. *пыж* 'бесплодное, невсхожее семя, гнилой орех'[41] и далее, учитывая технику обмолота с отвеиванием мякины (и легкость гнилых семян, гнилых орехов и т. п.), — с лтш. *pũga* 'порыв ветра' и и.-е. * *pug-* 'дуть';

---

27 Даль² II, стр. 123.

28 Деулинский словарь, стр. 224.

29 Там же, стр. 517.

30 Мельниченко, стр. 185.

31 Об этой группе см.: Pokorny I, стр. 602—603.

32 См. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, стр. 118—122.

33 Варшавский словарь II, стр. 989 (статья *miałki*).

34 Гринченко II, стр. 431.

35 Гринченко III, стр. 73.

36 Опыт, стр. 145.

37 Даль² III, стр. 536.

38 Гринченко III, стр. 498.

39 П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 56.

40 Варшавский словарь V, стр. 447.

41 Даль² III, стр. 546.

prâtňa мн. 'поле, поля' может быть объяснено как производное от **prę-tati*, древнего земледельческого термина (ср. *прятать* подсеку 'жечь вырубленный лес, чтобы очистить место для посева', *прятать* новину 'сносить в груды обгорелый на подсеках лес' [42]; чеш. *oprátka* 'отмеренный участок леса, проданный на сруб' [43]);

rozverný 'озорной, распущенный' (и *rozvířit se* 'стать распущенным', по Махеку — к *vír* 'водоворот') можно истолковать как производное от **orz-verti* 'отпирать' (ср. семантическую модель *распустить—распущенный*);

slopati 'пить' должно быть связано с *chlapati* 'жадно пить или есть';

vykohátit 'выворотить, вырвать', *vykohetit'se* 'отправиться (из дому)' (с трудом), рассматриваемые в статьях *kohátit, kohetit'*, являются, вероятно, производными от **kogъtь* (чеш. диал. *kohát* 'сильный корень у пня', 'пень'), т. е. **vykogъtiti* 'вырвать с корнем, выкорчевать' (хотя возможно и иное семантическое основание: ср. русск. *когтить* 'рвать когтями').

Подготовка к печати второго издания Словаря сопровождалась большой редакторской работой. Помимо уже упомянутой перестройки статей в связи с перемещением и изъятием словацкого материала, потребовалась переработка некоторых статей для согласования их с этимологически связанными статьями, которые были изменены В. Махеком. Как признают Е. Гавлова и А. Матл, эти внутренние противоречия не всегда удавалось устранить, если неясна была конечная точка зрения автора. Действительно, во втором издании встречаются расхождения в связанных друг с другом статьях, частично — перешедшие из первого издания, частично — новые. Так, противоречие в толковании глагола *pachtiti se* в статьях *bažiti* и *pakost* не устранено появлением новой статьи *pachtiti se*; не согласованы новая статья *hnisati* и старая *hnus*; в связи с новым истолкованием *leknouti* в самостоятельной статье следовало бы снять упоминание его в статье *žluknouti*; в статье *nátoň* дано новое толкование, которому противоречит сохранение упоминания этого слова в статье *títi*.

Во втором издании выправлены все случаи нарушения алфавитного расположения статей, которых было много в первом издании; в основном исправлены опечатки.

Прекрасным дополнением к корпусу Словаря является указатель слов для всех языков (в первом издании был указатель лишь для чешского и словацкого языков), который значительно облегчает работу со Словарем и расширяет возможности его использования.

Библиотека славянской этимологии пополнилась новым интереснейшим трудом.

Ж. Ж. Варбот

Irmgard Leder. Russische Fischnamen

Wiesbaden(=Veröffentlungen der Abteilung
für slavische Sprachen und Literaturen
des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar)
an der Freien Universität Berlin.
Begründet von Max Vasmer.
Herausgegeben von Herbert Bräuer, Valentin Kiparsky
und Jurij Striedter, Bd 36), 1969

Историко-этимологические разыскания по отдельным тематическим группам терминов все больше привлекают к себе внимание славистов, и количество исследований в этой области все возрастает. Ирмгард Ледер темой своего исследования выбрала историко-этимологический анализ рус-

---

[42] Опыт, стр. 183.
[43] Kott VII, I, стр. 116.

ских названий пресноводных рыб, обитающих на севере и северо-западе Европейской части Советского Союза, в реках Балтийского и Северного бассейнов. Это ограничение только номенклатурной лексикой для части рыб можно оправдать обширностью материала, который требует каких-то рамок. В книге дан анализ 206 названий, охватывающих 56 видов пресноводных рыб, причем учитываются русские названия, встречающиеся во всех областях распространения этих рыб.

Книга И. Ледер состоит из списка сокращений, большая часть которого является списком использованной литературы (стр. V—XIX)[1], введения (стр. 1—4), основной части, где дается в соответствии с научной классификацией историко-этимологический анализ русских названий пресноводных рыб Северного и Балтийского бассейнов, относящихся к 14 отрядам (стр. 5—152), заключения, где рассмотренный в книге материал классифицируется по происхождению, по семантическим признакам и по морфологическим оформителям (стр. 153—160) и обстоятельного указателя славянских, балтийских, германских, греческих, кельтских, романских, финно-угорских, тюркских и других названий рыб, а также соответствующих научных латинских названий рыб (стр. 161—181).

Не рассматриваются в книге собирательные названия типа учтенного в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (СПб., 1885) названия всякой мелкой рыбы — *щерба́* (как рыба, идущая для навара, для ухи, которая носит то же самое тюркское по происхождению наименование; Vasmer III, стр. 449), а также астрах. *яры́к* — 'покатная рыба, обратная, которая, выбив икру, скатывается (идет) опять в море' (Даль³ IV, стр. 1581), вероятно, восходящее к тюрк. *арык* 'худой' с протетическим *й*. Совсем не учтены названия рыбных продуктов.

И. Ледер хорошо показала, что историко-этимологический анализ названий рыб, кроме собственно лингвистического момента, непременно должен включать географический (учет распространения не только слова, но и связанного с этим словом вида рыбы), ихтиологический (или, шире, биологический) и хозяйственный аспект. Особенно удачно автор использовал биологический аспект, который дал возможность выявить, какие реальные признаки рыбы могли лечь в основу названия, установить, что некоторые традиционные этимологии не выдерживают критики с точки зрения ихтиологической, ибо не учитывают конкретных свойств рыб, какие могли быть положены в основу названия. Но ограничение темы исследования только номенклатурной лексикой и неучет другой лексики, связанной с рыболовством и рыбоводством, в некоторых случаях сужали возможности автора в аргументированности этимологических построений. Например, при рассмотрении названий типа *плотва*, *плотица* и т. п. было бы полезным упомянуть помещенное у Даля (Даль³ III, стр. 322) под знаком вопроса псков. диал. *плотать (рыбу)* 'чистить', для которого Даль устанавливает связь с *пластать* (?). Этот глагол мог бы служить дополнительным аргументом в пользу отстаиваемой Ледер этимологии: *плотва — плоская рыба*. Ср. также из «нерыбной» лексики *плотва* (олон.) 'огниво, кресало, кресево, плашка' (от *плоский*) (Даль³ III, стр. 323). Для подкрепления цитируемой Ледер этимологии названия лосося, отощавшего после нереста — *лох*[2], которое возводится к пейоративному образованию от *лосось*, было бы полезным вспомнить отмеченное Далем под словом *лоший* 'дурной, плохой' сочетание *лошалая рыба* 'долго продержанная в садке, ослизлая, с красноватыми пятнами на боках'. Ср. контаминированный с *лони*, *лонись* 'в прошлом году' архангельский глагол *лоншать*: *семга лоншает* 'идет худая и с закорюченным носом из рек

---

[1] Здесь и далее в скобках приводятся страницы рецензируемой книги.

[2] Последнее, строго говоря, является не номенклатурным термином, а подобным прочим возрастным и сезонным названиям рыб типа *малёк* или архангельского и тверского названия годовалой рыбы, щуки — *лоншак*, *лоньщак* и т. п., не рассматриваемым в рецензируемой книге.

обратно в море', а также *облоховиться* 'обратиться из лосося в лоха' (Даль[3] III, стр. 688, 1532).

Для этимологии названий щуки было бы полезным учесть также своеобразные русские названия молодых щук — *щуклёнок*, *щурёнок*, *щурóк*, последнее — в рязанских говорах. Известный интерес представили бы также заимствованные чувашскими диалектами из русских говоров Поволжья формы *шӳпке*, *шӳкке*.

Вопреки ходячему мнению о том, что в названиях рыб нет звукоподражательных слов [3], Ледер в некоторых случаях удалось убедительно доказать звукоподражательный характер славянских наименований рыб, например для *шереха*, который, вероятно, нельзя отделять от более распространенного фонетического варианта *жерех* (со звонким началом), а также «суффиксального» варианта *шереспер* и т. п. [4] Хорошо доказан звукоподражательный характер слова *лещ*. В дополнение к аргументам Ледер можно сказать, что звукоподражательный характер названия во многом предопределил его неустойчивость и разнооформленность в разных славянских языках.

И. Ледер в своих разысканиях делает упор на ихтиологическую (и в первую очередь русскую) литературу, благодаря чему учитываются реальные свойства называемых предметов и этимологии получаются более объективными. Эта сторона представляется в книге Ледер весьма важной, хотя жаль, что автор не воспользовался известной у нас книгой Л. П. Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб», где также содержатся местные названия рыб.

С другой стороны, автору рецензируемой книги иногда можно было бы поставить в вину то, что она недостаточно полно использует лингвистические источники. В частности, автор, несмотря на стремление к полной регистрации диалектных названий для всех учтенных в книге 56 видов рыб, пропускает многое из материала, который отмечен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Например, при анализе названия лосося, семги после икрометания Ледер опускает упомянутые Далем под словом *лох* другие названия: «Лоха зовут еще *пан*, *вальчак*, *вальчуг*». М. Р. Фасмер этимологизирует эти названия, соотнося *вáльчак*, *вáльчаг*, *вальчýг* с саамским (терск. диал.) названием пресноводного лосося *valdžeg*, а *пан* — с омонимом *пан* 'господин'.

Также опущено разобранное М. Р. Фасмером и А. И. Поповым архангельское сезонное название семги — *кирьяк*, заимствованное из финноугорских языков [5].

Опущено название *рамша*, которое Даль приводит при слове «*ря́вца*, *ря́вча*, *ре́вча*, *ревя́к* (арх.) рыба рамша, разн. виды Cottus керца; ее не едят» и на своем месте. Представили бы интерес также названия сортов семги, которые приведены в словаре Даля под словом *семга*. Среди названий чехони типа *сабля* не приведены названия *шáбля*, *шáбель*, помеченные у Даля как южные (под словом *чехонь*) и анализируемые Фасмером (Vasmer III, 363).

Для этимологии слова *хариус* безусловный интерес представляет костром. *сóриус*, *сорьез* 'рыбка из рода форелей' (Даль[3] IV, стр. 399). Из словаря Даля не извлечены *плоскуша* (южн.) 'рыба плотва, плотица, Leuciscus (Scardinus) или Abramis', *плоскиря* (черноморск.) 'рыба ласкиря', которые были бы весьма показательны как семантическая параллель к названию *плотва*. Ледер также

---

[3] См., например; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 49: «Странно было бы даже в порядке исключения из правила искать источник русских и общеславянских ихтиологических названий в звукоподражании».

[4] Ср. также белорусский материал, отсутствующий у И. Ледер: А. С. Герд. Из истории белорусских названий рыб. — «Беларуская лексікалогія і этымалогія». Мінск, 1968, стр. 37—38, где термин ошибочно выводится из татарского языка.

[5] Фасмер II, стр. 238—239; А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 60.

не учла олонецкое название плотички *тяпуга* (см. у Даля под словом *тяпать*), данное за характер клева. Пропущено олонецкое же название язя *ту́ржа*, не учтено сибирское *тугунóк*, 'рыба пескарь, пескозоб' (Даль[3] IV, стр. 862). Впрочем, в современной научной терминологии *тугун* употребляется как название сосьвинской сельди из рода сигов — Coregonus tugun (Pallas).

Диалектологический материал Ледер учла лишь постольку, поскольку он представлен в работах ихтиологов и частично в словаре Даля. Достаточно привести один пример: диалектное название линя — *лень* помечено у Ледер (по Далю) как уральское; на самом деле оно известно и в русских говорах Сибири (Северная Бараба) [6].

Для омуля Ледер не знает сибирского названия *селенгá* (от названия ветра, а последний — от реки; — см. Даль[3] IV, стр. 119). Представляет интерес отмеченное в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., т. I, стр. 164 название карпа *кáроб*. При анализе названия леща *чабак*, *чебáк* Ледер упустила белорусское название *чубáк* (Носович), вокализм которого поразительным образом совпадает с вокализмом чувашского названия леща же *çупах* (из **чубак*, при более новом *чапак* 'плотва, сорожка'). Форма *чубáк*, согласно А. Г. Преображенскому (под словом *чебак*), была употребительна и в русском говоре села Заулья Севского уезда Орловской губернии. Эти редкие диалектные формы отражают чувашско-булгарский переход *а* > *у* в начальном слоге слова [7]. Существование подобного ряда форм на западе южновеликорусской территории и в белорусском языке можно легко объяснить, если принять точку зрения А. А. Шахматова о распространении аканья с востока. Носители аканья вместе с этой чертой передали на запад ряд булгарских слов [8].

Остались вне поля зрения Ледер архангельское название вида пескаря *кыч* (из коми-зыр. *gi̮tś*, *gytś* 'карась') и онежское название плотвы *латик* (из эст. *latikas*, фин. *lattukka*, возможно, от слав. *плотва*, *плотица*), приведенные в словаре Фасмера с этимологиями Я. Калимы.

И. Ледер тщательно фиксирует этимологии названий рыб, высказанные специалистами-рыбоведами, но зачастую от нее ускользают этимологии лингвистов, не нашедшие места в словаре Фасмера. Так, в книге не нашла отражения и не учтена этимология К. Мошинского, который связывал праслав. **karas-* с поволжскими названиями этой рыбы: мар. *karaka* и татар *käräkä* [9].

Оставшееся для Ледер неясным по происхождению восточносибирское название озерного гольяна *му́нда*, *му́нду*, *му́ндушка* имеет хорошее соответствие в якутском и эвенкийском языках: якут. *мунду*, *мунну*; эвенк. *мунду*, *мундукāн*.

И. Ледер собрала большой фактический материал по славянским названиям рыб, значительно расширив количество межславянских параллелей в этой области. Например, у нее встречается некоторое число русских названий рыб, до сих пор не учтенных словарями, типа *пехоль*, *пяхоль* 'молодой судак', *курва* 'снеток', *пизда рыба* 'обыкновенный подкаменщик' и т. п. Полезны также тщательно фиксируемые в книге Ледер ино- и внеславянские параллеи к русским названиям рыб. Например, стоящее у Фасмера совершенно изолированно донское название судака *сула* сопоставляется у него с источниками: татар. и каракалп. *сула*, а также венг. *süllő* 'судак' (послед-

---

[6] См. словарь А. Молотилова в кн. «Материалы для сибирской диалектологии. Труды Томского общества изучения Сибири», т. II. Томск, 1913.

[7] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 69—70, 159.

[8] И. Г. Добродомов. К вопросу о булгарских элементах в белорусском языке. «Праблемы беларускай філалогіі. Тэзісы дакладаў рэспубліканскай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю БССР и КПБ. Мінск, 1968, стр. 39.

[9] K. Moszyński. Uwagi do 6. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego. — «Język polski» t. XXXIX, 1959, стр. 5—6.

нее ошибочно). Ледер, по традиции смешивая формы с начальным *с-* и начальным *ш-*, значительно увеличивает число сходных названий: 1) русск. и укр. *сула́*; с.-хорв. название одного из тайменей Hucho hucho (L.) *сулац*, *сулица*, *сулач* (по Хирцу); 2) чеш. *šúl* (?), слвц. *šil* (?), *šilec*, *šula*, *šúlava*, *šulava*, с.-хорв. *шуљ*; венг. *süllő* (венг. *s* читается *š*), нем. *Schill*, *Schiel*, а также с.-хорв. *шиљ*, *шил*, *шиљар*.

На самом же деле эти две группы имеют различное происхождение. Формы, стоящие в одном ряду с русск. *сула*, связаны с названием судака в северо-западной группе тюркских языков: чуваш. *шӑла*, башк. *һыла*, казах. (прискасп. диал.) [10], каракалп., ног. (Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 261) *сыла*, причем чуваш. *шӑла* (начальное *ш-* вторично при общетюрк. *с-*, откуда башк. *h-*) дало также мар. *шыла́-кол* 'судак (рыба)' [11]. Восточнослав. *-у-* в соответствии с тюрк. *-ы-* можно объяснить огубляющим влиянием лабиовеляризованного тюрк. *-л-* в слове с заднерядным вокализмом. Ср. аналогичное отражение укр. *-ы-* слова *яндила́* при переходе последнего в польск. czara albo *janduła* (1670 г. в документах Гданской биржи). Происхождение тюркского названия судака *сыла* остается пока неясным. Во всяком случае его следует отделить от второй группы названий, которые генетически связаны с венг. *süllő*, причем последнее является булгарским по происхождению **шил-лиγ* 'зубатый, имеющий зубы', а ему в других тюркских языках соответствует **тиш-ли* [12]. Ср. этимологически тождественное казахское диалектное название судака *тисти (тис < тиш* 'зуб' + *-ти < -ли < -лиγ*), дословно 'зубатый', а также типологически параллельное венг. *fogas* (< *fog-* 'зуб' + *-as*) 'зубатый', тоже со значением 'судак'. Этот же образ лег и в основу отмеченного Далем (без территориальных помет, Даль³ IV, стр. 1357) названия молодого судака *чопик* 'судачок' при *чоп* 'виноградный сук'; (курск.) 'гвоздь в бочке, затычка, кран, верток, спуск у бочки, чана; цевка, кулак, зуб машинного колеса' (впрочем, Ледер рассматривает также и это название, но в форме *чоп*, извлеченной из ихтиологической литературы, не называя уменьшительной формы *чопик*).

Вообще немногочисленные у Ледер названия тюркского происхождения разобраны недостаточно полно. Например, автору остались неизвестны попытки этимологизации тюрк. *сазан* у В. Банга (от глагола *саз-* 'шипеть, плевать', чуваш. *сур* 'плевать' — с первоначальным значением 'змея', потом 'угорь' и с перенесением на сазана) [13], а также у К. Менгеса (от *саз* 'болото' -чуваш, *шур*, венг. *sár*, что очень подходит для этой весьма неприхотливой рыбы) [14]. Интересна также этимология Г. И. Рамстедта, который тюрк. *сазан* связывал с *саз* 'бледный' (ср. казах. *сазар* 'бледнеть') и названию *сазан*

---

[10] Наряду с литературным *көксерке* в казахском языке известны диалектные названия *көкала*, *сыла*, *тисти*: Ж. Доскараев. Арал, Каспи балықшыларының, тiлiндегi профессионалдық, лексиканың материалдары. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1. Алма-Ата, 1958, стр. 100, 106. Здесь же на стр. 101 говорится, что в татарском и башкирском языках казахскому диал. *сыла* соответствует *сула* (*сұла*). Вероятно, речь идет о татарском слове, ибо в башкирском языке известно *һыла*.

[11] В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь. Казань, 1894, стр. 84. — В горномарийском *су́док* (из русского языка) также употребительно и переносно о худощавом человеке.

[12] Ludwig K. Katona. Über eine Lautveränderung im Tschuwassischen. — «Kőrösi Csoma-Archivum», II, 1930, 5. szám, стр. 379—381.

[13] W. Bang. Monographien zur türkische Sprachgeschichte. — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse, Jahrgang, 1919, 12. Abhandlung. Heidelberg, 1918, стр. 36 (сноска).

[14] K. Menges. The Oriental elements in the vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor'Tale. New-York, 1951, стр. 65—66.

приписывал значение 'бледная (рыба)'. Но и эта этимология осталась без критической оценки [15].

Совершенно неосновательно Ледер отрицает булгарско-чувашскую этимологию названия *шаран*, которое распространено на обширной территории (русск., укр., польск., чеш., с.-хорв., болг.; рум.) и производство которого от имеющегося только в русском и болгарском языках слова *шар* более чем сомнительно. Лишены оснований также сомнения Ледер в тюркском происхождении наименования *тарань*, источником которого является кыпчакская форма *тыран* (казах.) с редуцированным звуком типа *ъ* в первом слоге (обозначается в орфографии буквой *ы*), который часто подменяется звуком *а*: ср. *шар* 'краска' из булгарского **шыр* при кыпчакском (казах.) *сыр*.

При сопоставлении русских диалектных названий густеры Abramis björkna *лóпарь*, *лóпырь*, *лупи́рка* (ср. также укр. *лупи́рка*, а также с.-хорв. *лопар*, *лопарица*, *лапара* 'лещ', к которым можно было бы добавить редкое чеш. *lupice* — материалы И. Добровского — 'судак') с тур. *lüfer*. *lufer* следовало бы учесть, что это не исконные тюркские формы и что с ними связаны русские названия морской рыбы *луфáрь*, *лефер* Pomatomus saltatrix (L.) (у Даля — Femnodon saltator). Кстати, для густеры не учтены названия *лещад(т)ка*, *лещик*, *подлещ(ик)*.

Обнаруживающие поразительное сходство формы *уклейка* — *баклейка* — *ваклейка* (последняя форма для Ледер осталась неизвестной, как и название ряда дальневосточных рыб — *уклей* в форме мужского рода, но форма *ваклейка* отмечена в «Словаре русских народных говоров») можно возвести к единому источнику, если учесть, что в булгарской группе тюркских языков начальному лабиализованному гласному других тюркских языков (*о*, *у*, *ö*, *ÿ*) обычно соответствует лабиальный согласный с нелабиализованным гласным: казах. *öзек* 'речка' — чуваш. *варак*; казах. *öгиз* 'вол, бык' — чуваш. *вăкăр*, *мăкăр*. Это соображение тем более вероятно, что формы с начальным губным согласным известны только русским говорам Поволжья и близлежащих районов, где могло обнаружиться старое булгаро-чувашское влияние на русский язык пограничных районов.

Следует указать, что в книге Ледер есть пропуски даже в пределах той группы пресноводных рыб, которые обитают в реках и озерах Балтийского и Северного бассейнов (север и северо-запад Европейской части СССР). Например, Ледер почему-то не рассматривает название ледовитоморского сига *пыжьян* (обско-угорское слово), название сиговой рыбы *муксун* с многими вариантами, тоже обско-угорского происхождения [16]. Не упомянуты также названия рыбы Salvelinus alpinus (L.) — арктический голец, *мальма*, а также речной камбалы — Platychthys flesus (L.). Все эти рыбы встречаются в районе, названия рыб которого рассматриваются в книге Ледер [17].

Во многих случаях можно уточнить датировку первой фиксации названия в русских памятниках. Это само собой понятно, ибо Ледер пользовалась материалом из вторых рук, а непосредственно знакома лишь с собраниями названий рыб в старых руководствах-пособиях лексикографического характера («Парижский словарь московитов», «Словарь-дневник» Ричарда Джемса и т. п.). В некоторых случаях Ледер дала интересный материал, эксцерпированный из «Таможенных книг Московского государства XVII в.» и «Новгородских грамот на бересте». Вообще историко-лексикологическое изучение

---

[15] Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 196.

[16] Ср.: А. С. Герд. Из истории трех слов русской речи. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. VI. М., 1968, стр. 41—43: из мифического ханты-мансийского (!?) языка.

[17] См.: В. Д. Лебедев, В. Д. Спановская, К. А. Савваитова, Л. И. Соколов, Е. А. Цепкин. Рыбы СССР. М., 1969.

названий рыб на базе письменных памятников еще только предстоит начать. Особенно много названий рыб в сатирической повести о Ерше Ершовиче и разного рода хозяйственных книгах монастырей.

Замечу только, что для наименования *курва* мне известна фиксация под 1500 годом в «Переписной окладной книге по Новугороду Вотьской пятины» («Временник ОИДР», 1851, кн. 11, стр. 287) и под 1563 годом в «Писцовой книге Обонежской пятины 1496—1563 гг.» («Материалы по истории народов СССР», вып. 1, Л., 1930, стр. 75), а Ледер ограничивается 1607 годом. Правда, Ледер ссылается на «Окладную книгу вотской пятины» по материалам Я. Калимы без указания года.

Книга И. Ледер «Русские названия рыб» весьма полезна как первое большое и обстоятельное исследование в этой области, и некоторые ее недостатки могут быть объяснены тем, что у автора не было предшественников, хотя погрешностей могло бы быть меньше даже при этом условии. В книге Ледер частично изучены названия пресноводных рыб севера и северо-запада Европейской части СССР. Ждут такого же подробного изучения также названия рыб более южных областей Европейской части, рыб Сибири и Дальнего Востока, а также наименования морских рыб. Дальнейшее изучение русских названий рыб не сможет обойтись без книги Ледер, хотя многие детали ее изложения, а также лакуны в материале, безусловно, вызовут дальнейшие критические и полемические комментарии.

И. Г. Добродомов

H. D. Meritt. Some of the hardest glosses in Old English

Stanford University press. Stanford (California), 1969, 130 стр.

Лексикология и лексикография древнеанглийского языка за последнее столетие сделали огромные успехи, имеющие принципиальное значение не только для изучения истории английского языка, но и для германского и сравнительно-исторического языкознания. Составлен фундаментальный англосаксонский словарь Босворта—Толлера, Общество по изданию раннеанглийских текстов опубликовало большинство древнеанглийских языковых памятников, снабженных критическим аппаратом, принадлежащим перу ведущих германистов-англистов нашего века; в последнее время стали издаваться древнеанглийские глоссы, ранее рассеянные по отдельным малодоступным периодическим изданиям или вовсе не публиковавшиеся. Такой расцвет лексикологической науки в немалой степени, несомненно, связан и с тем обстоятельством, что древнеанглийский язык, в отличие, например, от готского, представлен довольно значительным числом памятников, сравнительно ранних по времени своего возникновения и разнообразных по жанровым и стилистическим характеристикам. И все же вполне естественно, что наши знания англосаксонской лексики, как и лексики любого древнего языка, весьма далеки от полноты и совершенства, ибо мы располагаем лишь строго ограниченным инвентарем лексем (нередко искаженных в процессе переписки рукописей), отражающим, как правило, только письменные нормы языка и малопоказательным для изучения особенностей живого разговорного языка [1]. При этом нельзя забывать, что часть рукописного наследства древней Британии была безвозвратно утрачена и не дошла до нашего вре-

[1] Ср.: B. von Lindheim. Traces of colloquial speech in Old English. — «Anglia», 54, 1965.

мени [2]. Именно поэтому открытие даже нескольких новых слов или новая интерпретация ранее неясных лексем может пролить неожиданный и бесценный свет на своеобразие словарного состава английского языка, на его связи с другими германскими языками, особенности субстратных и адстратных явлений, возможности инноваций и реликтов, а также открывает широкие возможности новой этимологической и семасиологической интерпретации уже известных слов.

Автор рецензируемой книги профессор Стэнфордского университета Г. Д. Меритт является редким в наши дни и единственным в своем роде энтузиастом, посвятившим всю свою жизнь неутомимому и чрезвычайно тщательному исследованию филологической достоверности лексики в древнеанглийских рукописях (особенно в глоссах). Блестящий эрудит, удачно сочетающий в себе глубокое знание древнегерманской литературы, мифологии, религии и мастерство тонкого палеографического анализа и критики текста, всегда предпочитающий непосредственную аутопсию изучению стандартных изданий древнеанглийских языковых памятников, проф. Г. Д. Меритт объездил большинство библиотек и книгохранилищ Европы и Америки, с необычайной страстностью и акрибией изучая известные рукописи и открывая новые, буквально по крупице восстанавливая истинный семантический и графический облик огромного множества древнеанглийских слов.

Рецензируемая книга проф. Г. Д. Меритта, являющаяся прямым продолжением ранее опубликованной им монографии о достоверности древнеанглийской лексики и его многочисленных статей о «мнимых словах» в древнеанглийском [3], состоит из «Введения» (гл. I), четырех глав и указателей древнеанглийских и латинских слов. В книге подробно разобрано 182 спорных древнеанглийских слова (из них 47 «мнимых слов»: **ācdrenc*, **afigen*, **āhlefan*, **āmȳlan*, **bælc*, **barricge*, **bleremina*, **blywnis*, **cearricge*, **cora*, **dybbian*, **edwihte*, **fala*, **feresoca*, **fitersticca*, **fleswian*, **frence*, **geneorð*, **gierende*, **gisting*, **glengista*, **hellheort*, **hreða*, **laembis lieg*, **mægening*, **meteāfliung*, **nīdnīd*, **ofnet*, **onrīptīd*, **peall*, **ræming*, **risn*, **salpanra*, **sandrid*, **sarlic blis*, **snyring*, **song*, **sunntrēow*, **swānsteorra*, **sweorhnitu*, **totredan*, **ðeran*, **underāgenlic*, **wæterwrite*, **wellere*, **wellyrgae*, **wild*) и 384 латинские леммы (из них 10 «мнимых»: **antulus*, **bainus*, **bamus*, **bobella*, **Bofor*, **ceminigi*, **cereminguis*, **Flabanus*, **obestrum*, **sennumia*). В предисловии Меритт отмечает, что его книга возникла в результате переработки дополнения к четвертому изданию «Англосаксонского» словаря Холла, причем многие рассмотренные им древнеанглийские слова так и остались для него неясными (например, глосса *hornnaap* к лемме *decurat*, глоссы *radre* : *bovestra; drep* : *fornice; hwasta*, *heolca*, *dynige*, *essian*, *brondegur*, *bærfisce* : *nudapes*; *wængehrado* : *tabula plaustri*, возможное ирландское происхождение *ymle*).

Глава II книги Меритта (стр. 8—55) посвящена выявлению ошибок при переписке. Здесь, в частности, разбираются смешения латинских лемм (например, *odorabunt* вместо *adorabunt* при глоссе *weorðiað*; *arena* вместо *aranea*

---

[2] Ср.: R. M. Wilson. The lost literature of medieval England. London, 1952.

[3] H. D. Meritt. Fact and lore about Old English words, Stanford, 1954; Он же. Studies in Old English vocabulary. — JEGPh XLVI, 1947; Он же. Twenty hard Old English words. — JEGPh XLIX, 1950; Он же. Three studies in Old English. — AJPh LXII, 1941; Он же. Strange sauce from Worcester. — «Studies in Old English literature in honour of A. G. Brodeur», ed. by S. B. Greenfield. University of Oregon, 1963; Он же. The Old English ghost-word *drisne*. — «Neuphilologische Mittelungen», 69, 1968; Он же. *Thestisuir* in the Leiden glossary. — «Anglia», 86, 1968; Он же. Old English glosses. New York—London, 1945; Он же. Old English glosses, mostly dry point. — JEGPh, LX, 3, 1961; Он же. The Old English Prudentius glosses at Boulogne-sur-Mer. New York, 1967.

при глоссе *grytte*; *talibus* вместо *tolibus* при глоссе *weolerum*; *insignis* вместо *ignis* при глоссе *fyr*); далее рассматриваются перемещения букв и буквосочетаний (например, др.-англ. *ahloefa* < *ahoelfa*; в леммах: *famis* : *edia* вместо *inedia*; *ineffrenatae* : *frutinae* вместо *infrutinae*), повторения букв (например, в Corpus Glossary глосса *arytrid* вместо *arydid*; в Brussels Glossary глосса *deorsterlice* вместо *dyrstelice*; в Corpus Glossary *draegtre* вместо *draegte*; лемма *praestrigiis* вместо *praestigiis* и т. д.), опущения букв (*arrius* вместо *varius*, *atomi* вместо *latomi*, *cetula* вместо *acetula*, *lesia* вместо *Elisia*; *misarius* вместо *emisarius*, *ruina* вместо *aruina*, *culpones* вместо *sculpones* и т. д.); интересно соединение лат. *vel* (или просто *l*) со словами, выступающими в леммах или в глоссах, и образование ghost-words. Ср. WW 434, 22: *larax. ened*, но WW 284, 10: *aneta. . . ened vel anax.*

Меритт приводит также 10 случаев неверной интерпретации отдельных букв и буквосочетаний в глоссах (например, смешения *h* и *b*, *c* и *t*, *cl* и *d*, *f* и *s*, *w* и *p*), а также 6 случаев соотнесения глосс не с теми леммами, к которым они реально относятся [в Wrt. Voc. *tessa* дается как лемма к *flanas*; однако, по всей видимости, *tessa* относится здесь к *haegtessa*, глоссирующему следующее лат. *allecto*, а *flanas* относится к соседней лемме *contos*; *cinist* иногда принимается в качестве др.-английского слова в глоссе *agnus cinist lamb*, хотя, как указывает Меритт, *cinist* является испорченным латинским *cinifi* (*Cinyphy*) и относится к последующему *magni capri*]. В заключение во второй главе рассматриваются случаи, когда в леммах и глоссах объединяются отдельные части различных слов, не имеющих между собой ничего общего [4].

В главе III рецензируемой книги (стр. 56—66) рассматриваются 13 древнеанглийских слов, латинские леммы которых многозначны, а контекст, к которому относятся изучаемые глоссы, неизвестен [*durhere* : *sualdam* (вместо *ualam*); *contentus* : *geneorð* и др.].

В главе IV восстанавливается формальный и семантический облик 21 слова из древнеанглийско-латинских глоссариев. Наконец в главе V неясные древнеанглийские глоссы и латинские леммы рассматриваются на фоне широкого контекста предполагаемого литературного источника. Как известно, источники многих древнеанглийских глосс в настоящее время в значительной степени установлены. Так, глоссарии IV и V, напечатанные в в Wright-Wülcker Vocabularies, явно восходят (как было указано еще Г. Любке) к «Этимологиям» Исидора; эпинальский и эрфуртский глоссарии содержат значительное число глосс, возводимых к сочинениям Оросия; Cleopatra Glossary содержит 200 глосс, восходящих к библии и сочинениям Альдхельма (как было указано В. Стрикером) [5].

Следует прежде всего отметить, что рецензируемая книга Меритта, как и его более ранние публикации, изобилует многими интересными находками и важными научными догадками. Такова, например, интерпретация глоссы *bleremina mees* при лемме *catagrinas* (стр. 42). Меритт справедливо допускает, что лат. *catagrinas* здесь стоит вместо *catacrines*, которое глоссатор принял за *crinis*, *crines*, а предлог *cata* перевел через *de* (ср. передачу κατάπυγος через

---

[4] Некоторые «мнимые слова», как это ни странно, с течением времени нередко превращаются в живые значимые элементы языка. Примером может служить др.-англ. *breosa* (лат. *prius*) и совр. англ. *breeze* или греч. префиксальная форма от глагола στήκειν—διαστήτην (Илиада I, 6), с одной стороны, и сочетание διὰ στήτην у Феокрита — с другой. Если в первом случае мы имеем дело с глагольной формой, описывающей противоборство (из-за женщины), то во втором — перед нами та же глагольная форма, но уже в качестве самостоятельного существительного со значением 'женщина'!

[5] См.: W. S t r y k e r. The Latin-Old English glossary in MS Cotton Cleopatra A III. Stanford, 1951; J. O g i l v y. Books known to the English, стр. 597—1066. Cambridge (Mass.), 1967; ср.: Kl. G r u b m ü l l e r. Vokabularen ex quo. Untersuchungen zu lateinisch-deutschen Vokabularen des Spätmittelalters. München, 1967.

depugis, *denaticata*, *sine natibus*). Таким образом, в др.-английском здесь стоит *blere*. Что же касается *mina*, то это латинское слово, глоссирующее *caelatura* в следующей глоссе, было неверно соединено с др.-англ. *blere*. Слово *mees* также не является древнеанглийским, а представляет собой испорченное лат. *museo*, являющееся глоссой к рядом стоящему *pictura*.

Интересен также разбор слов и словосочетаний: *cearricge* (стр. 66), *hearpan stapas* (стр. 72—75), *wellyrgae* (стр. 121), *on hlior rouit* (стр. 103) и др. Вместе с тем при чтении книги Меритта становится очевидным, что в ряде случаев в ней приводятся глоссы, интерпретация которых вряд ли может вызвать большие трудности у специалистов [таковы, например, *frosc* (стр. 8), *baelc* (стр. 18), *frence* (стр. 19), *hreða* (стр. 22), *wild* (стр. 26), *blywnys* (стр. 34), *gemaersian* (стр. 60), *smeoduma* (стр. 81), *prowend* (стр. 87), *raemung* (стр. 87) *fleswian* (стр. 95) и др.]. Следует с сожалением отметить, что значительная часть рецензируемой книги посвящена разбору именно подобных слов. С другой стороны, многие древнеанглийские глоссы, действительно остающиеся неизменными загадками лексикографов, в книге Меритта вообще не рассматриваются (таковы, например, *stent*; *becta*. Cp. Gl. 292; *staefod*; *oemseten lesen*; *raedgaesram*; *bleodu* 'corn' WW 236, 12 [6]; *fild* 'a milking' Lchd II, 142, 14; *filde* 'level' AO 74, 11 [7]; *facy* 'flat-fish, plaice' WW 180, 32; *gesem* 'reconciliation' LL 10, 26; *lac* 'offering' [8]; *laeþ. presumat. i. audeat*. OEG 955; *dydrin* 'yolk' Lchd II, 92, 20; *filistrus* : *fimbria* CGL, V, 295, 4 и др.). В этой связи неясны сами принципы отбора материала в книге Меритта: если допустить, что Меритт разбирает все спорные глоссы в пределах цельных памятников или глоссариев, то его выборка явно неполна, если же он ориентируется главным образом на hapax legomena, то, как известно, слова этого разряда вовсе не всегда являются мнимыми, неверными или непонятными по своему написанию и значению [9]. Скорее всего критерии отбора слов у Меритта весьма субъективны: он анализирует те глоссы, которые по тем или иным соображениям кажутся ему спорными.

Иногда интерпретации Меритта можно противопоставить другую интерпретацию, заслуживающую не меньшего внимания, чем та, которую дает Меритт. Так, на стр. 121—122 др.-англ. глосса *wellyrgae* (лат. *sinus*) интерпретируется как испорченная латинская фраза *sinus Illyriae*, где *uel* в *wellyrgae* представляет собой испорченное лат. *vel*. Следует, однако, обратить внимание, с одной стороны, на такие случаи, как CGL IV, 171, 38: *sinum* : *unda uel ripa*; IV, 171, 44: *sinus excensum sum* (=*exesum*) *fluctibus litus aut fretus* (=*fretum*) и, с другой стороны, Corp. Gl. 375: *sinus* : *byge*. В свете этих данных можно предположить, что рассматриваемая глосса состоит из испорченных при переписке слов *uelle*, *byga* при метатезе *y* : *r* (последняя вместо *b*). Ср., с одной стороны, CGL LIV, 118, 27: *molige arcem*=*moliri arcem*, а с другой, — CGL II, 585, 27: *barbus*=*largus*; II 489, 35: *rugus*=*rubus*.

Глосса *lendis lieg* : *Bofor* трактуется Мериттом как *lend* (вместо *land*) *is lēah* 'lea, an enclosed land', где *is* — форма 3-го лица ед. числа от глагола *bēon*. Что же касается *Bofor*, то это слово интерпретируется им как *Bosor* (ср. *baser* вместо *bafer*, LCGB2) в глоссе: *Bosor in solitudine*, *quae sita est* in terra campestri (Deuteronomy 4, 43). Можно, однако, лемму *bofor* читать и как *bubon* [10], а подлинным источником последней считать Wrt. Voc II, 159[6]:

---

[6] Ср. швейц. (1533 г.) *Bladen* (Id. V, стр. 15): 'Weizen, Roggen, Hirsen' (ср.-лат. *bladum* 'Getreide jeder Art').

[7] При интерпретации глосс *fild* и *filde* следует иметь в виду следующие современные швейц. слова: *fläderen* «Flüssigkeit reichlich und sorgsam herum giessen» (Id. I, 1170); *Flauderi* 'Unbeständigkeit'.

[8] Ср. швейц. *Lach* (Id. III, 998) 'Einschnitt'.

[9] Ср.: N. O. Waldorf. The hapax legomena in the Old English vocabulary. Stanford, 1953.

[10] М. М. Маковский. Сравнительно-историческая диалектография англской лексики. Докт. диссерт. Л., 1969, стр. 278—279.

lacerdus dades inguinaria, т. е., видимо, *lacertus, clades inguinaria*, где выпала часть *bubon*, а *lacertus* ошибочно передано как *lendis*. Др.-английская же глосса *lieg* (или *slieg*), безусловно, соотносится с совр. швейц. *Schlier* 'Wulst'. Ср. Diefenbach. Glossarrium, s. v.: *bubo* : *schlier;* Dasypodius Dict. lat.-germ: βουβῶν : *slyer*, *slyr*.

Глоссу *gesniðan* 'accumbere' (Lind. MK VI, 39) можно, видимо, истолковать как отыменной глагол, сходный по корню с совр. англ. *beneath* или совр. нем. *nieder*, но с *s*-mobile. Ср. также шотл. *to snod* 'smooth, even, level, soft; snug, comfortable, tidy' (EDD V, 589); баварск. *schneddig* 'schlank' (Schmeller, s. v.).

Приводя на стр. 61 др.-англ. *gesægan* (линдисфарнские евангелия Pref Lk в значении 'to lay low' (лат. *declino* по значению =*vito*), Меритт почему-то обходит молчанием интересное и редкое значение *saegan* в том же евангелии: *saecgan* : лат. *tacere* (Lind. Lk Pref 10, 3), которое становится вполне понятным при сопоставлении с современным диалектным материалом: совр. англ. диал. *to say* 'to silence' : «Will nothing *say* thee?» (EDD V, 229). Кстати, этот диалектный материал во многом проясняет и разбираемое Мериттом значение *saecgan*. Отметим, что Меритт вообще, как правило, не использует диалектные данные, что весьма отрицательно сказывается на его выводах и возможностях исследования материала.

Ряд приводимых Мериттом «мнимых слов» при ближайшем рассмотрении не оказываются таковыми. Ср. др.-англ. *fala*, *fleswian*, *hreða*, *ðeran* и др.[11]

При чтении книги Меритта бросается в глаза следующее обстоятельство. Разбирая отдельные слова, автор неизменно ссылается только на англосаксонские словари Босворта—Толлера и Холла, а также на очень слабый этимологический словарь древнеанглийского языка Хольтхаузена. Создается впечатление, что если не все, то, по крайней мере, большинство разбираемых Мериттом слов исследуются им впервые, поскольку в используемых им лексикографических пособиях эти слова обычно либо даются под знаком вопроса, либо интерпретируются из вторых рук. Вполне понятно, что даже при негативном отношении к своим предшественникам и оппонентам исследователь должен если не указать на недостатки их анализа, то во всяком случае сослаться на них, тем более что в рецензируемой книге и в других своих работах Меритт нередко повторяет старые, но весьма добротные интерпретации О. Шлюттера, Фёрстера, Лидена, Риттера и др., приводя их как свои собственные.

В этой связи следует указать на то, что, например, интерпретация глосс *perende* (стр. 25), *peall* 'defrutum' (стр. 39), *gisting* 'exilia' (стр. 38); *naesce* 'tractibus' (стр. 45), и др. у Меритта ничем не отличается от аналогичной интерпретации у Шлюттера, а глоссы *lendis lieg* 'Bofor' (стр. 103), *wellyrgae* 'sinus' (стр. 121); *gesniðan* (стр. 45), *neorxwang* (стр. 78), *leactrog* (стр. 118) разбираются у Шлюттера, Фёрстера и некоторых других исследователей, хотя и получают у них другую интерпретацию [12].

Сделанные замечания, естественно, никак не могут поколебать общей высокой оценки книги Г. Д. Меритта, которая вместе с его другими работами, несомненно, образует тот солидный научный фундамент, который необходим

---

[11] Ср.: М. М. Маковский. Указ. соч., стр. 390, 439, 440, 463.

[12] Ср.: E. Lidén. Altenglische Miszellen. — IF XVIII; IF XIX; O. Ritter. Englische etymologien. — «Archiv für das Studium der neueren Sprachen», CXIX, 1907; E. Lidén. Beiträge zur altenglischen Wortkunde. «Englische Studien» 38, 1908; M. Förster. Beiträge zur altenglischen Wortkunde aus ungedruckten volkskundlichen Texten. — «Englische Studien», 39, 1908; O. Schlutter, F. Holthausen. Zur Steuer der Wahrheit. — «Anglia», 24, 25, 1901—1902; ср. также «Anglia», 28, 29, 30, 31; М. М. Маковский. Этимология и проблема филологической достоверности слова. — «Этимология. 1966». М., 1968.

для дальнейших поисков и важных находок при реконструкции истинного графемного и семантического облика многих древнегерманских слов, остающегося до сих пор одной из наиболее трудных, но неотложных задач языковедческой науки.

Сокращения

An. Ox. — A. Napier. Old English glosses chiefly unpublished, «Anecdota Oxoniensia», XI. Oxford, 1911.

Corpus Gl — Corpus Glosses, The Oldest English Texts, ed. by H. Sweet. Oxford, 1957.

CGL — Corpus Glossariorum Latinorum, hrsg. von G. Goetz, I—VII. Leipzig, 1888—1923.

EDD — The English dialect dictionary, ed. by J. Wright, I—VI. Oxford, 1898—1905.

Id. — Schweizerisches Idiotikon, begrundet von F. Staub und L. Tobler, I—XII. Frauenfeld, 1881—1963.

Lind. — The Lindisfarne and Rushworth gospels. «Publications of the Surtees Society», London, XXVIII, 1854; XXXIX, 1861; XLIII, 1863; XLVIII, 1865.

Lchdm. — Leechdoms. Wortcunning and starcraft of early England, ed. by O. Cockayne, I—III. London, 1864—1866.

Ll. — Die Gesetze der Angelsachsen, hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903—1916.

Schmeller — J. A. Schmeller, G. K. Fromman, Bayerisches Wörterbuch, I—II. München, 1872—1877.

Wrt. Voc. — Anglo-Saxon and Old English vocabularies, ed. by T. Wright and R. Wülcker. London, 1884.

М. М. Маковский

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (*А—К*). М.—Л., 1958.
Абаев ОЯФ	В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949.
БД	Българска диалектология, т. I—III. София, 1962, 1965, 1967.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов. Ст. Илчев, св. I и сл. София, 1962—.
Богораз	В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, 68, № 4, 1901.
БТР	Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Будагов	Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1869—1871.
Варшавский словарь	см. Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki.
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Герасимов	М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	Н. Геров. Рѣчникъ на българскый языкъ с тълкувание рѣчи-ты на българскы и на рускы, т. I—III. Пловдив, 1895—1899.
Говоры Прибалтики	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Горяев	Н. Горяев. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.

Даль[2]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882.
Даль[3]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Даль[4]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 4. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (с. Деулино). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доп (олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Дювернуа	А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, вып. I—IX. М., 1885—1889.
Караџиħ	Вук. Стеф. Караџиħ. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. У Биограду, 1898.
Картотека ДРС	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР. Москва)
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Миртов	А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914; окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.
Радлов	В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, т. I — 1964, т. II — 1965.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I. Свердловск, 1964.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.

Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I — М., 1964, т. II — М., 1966/7.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—VI. Л., 1966—1970.
Хостник	М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A — mor*. Heidelberg, 1908 —.
Bezlaj. Eseji	F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire etymologique de la langue grecque, ed. 4. Heidelberg, 1950.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Brugmann Grundriss[2]	K. Brugmann und B. Delbruck. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung von K. Brugmann und B. Delbruck. 2-te Bearbeitung, Bd. I—VI. Strassburg, 1897—1916.
Dauzat	A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1958.
Ernout — Meillet[3]	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I—II. 3 ed. Paris, 1951.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, lief. 1—16, Heidelberg—Göttingen, 1955—1965.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, lief. 1—20—. Heidelberg, 1954—1969.
Gebauer	J. Gebauer. Slovník staročeský, d. I—II. Praha, 1903—1916.
Glonar	J. Glonar. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
Hofmann	J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München. 1950.
Holub — Kopečný	J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković — Broz	F. Iveković, J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, d. I—II. Zagreb, 1901.
Jungmann	J. Jungmann. Slovník českoněmecký, d. I—V. Praha, 1835—1839.
Jurančič	J. Jurančič. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955.
Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki,	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1952—1953.

Kluge—Götze — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.

Kotnik — J. Kotnik. Slovensko-angleški slovar. Ljubljana, 1959.

Kott — F. Št. Kott. Česko-německý slovník, d. I—VII. Praha, 1878—1893.

Linde — S. Linde. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.

Machek[1] — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Machek[2] — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravněné a doplněné vydání. Praha, 1968.

Mayrhofer — M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953.

Meillet. Études — A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, pt. I—II, Paris, 1902—1905.

Meyer — G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.

Miklosich — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich LP — F. Miklosich. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.

Mühlenbach—Endzelin — K. Mūlenbach. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, burt. I—XLV. Riga, 1923—1932.

Pfuhl — Dr. Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

PSJČ — Příruční slovník jazyka českého, t. I—VIII. Praha, 1935—1957.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I—. Zagreb, 1880—.

Senn—Salys—Brender — M. Niedermann, A. Senn, F. Brender, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Bd. I (1932), II (1951), III (1957), IV—V (1960—1967). Heidelberg.

Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. 1—12. Kraków, 1952—1967.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, d. I—VI. Bratislava, 1959—1968.

Sychta — B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. I—III. Wrocław — Warszawa— Kraków, 1967—1969.

Strekelj — K. Strekelj. Iz besednega zaklada narodovega. — «Letopis Matice» Slovenske. Ljubljana, 1892.

Štrekelj Slov.	K. Štrekelj. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. — «Letopis Matice» Slovenske. Ljubljana, 1894.
Trautmann (BSW)	R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1953—1958.
Walde²	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2 Aufl. Heidelberg, 1910.
Walde — Hofmann	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
Walde — Pokorny	A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hrsg. J. Pokorny. Bd. I—III. Berlin—Leipzig, 1928—1932.
БЕз	Балканско езикознание
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая Старина
ИКЯ	Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ЈФ	Јужнословенски филолог
МАД	Материалы по археологии Дагестана
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МЯЯ	Материалы по яфетическому языкознанию
РФВ	Русский филологический вестник
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук
СЭ	Советская этнография
Чтения ОИДР	Чтения Общества истории и древностей российских
AGI	Archivio Glottologico Italiano
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AJPh	American Journal of Philology
AO(r)	Archiv Orientální
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen herausgeg. von A. Bezzenberger
BSL	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
IF	Indogermanische Forschungen
IJJ	Indo-Iranian Journal
IJSLP	International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
JA(s)	Journal Asiatique
JEGPh	Journal of English and Germanic philology
JKF	Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen

KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LF	Listy Filologické
LKŽ	Lietuviu kalbos žodynas
LP	Lingua Posnaniensis
MSL	Mémoires de la Société de Linguistique de Paris
NTS	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap
RÉS	Revue des études slaves
RS	Rocznik slawistyczny
SO	Slavia Occidentalis
SR	Slavistična Revija
TPhs	Transactions of Philological Society
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZII	Zeitschrift für Indologie und Iranistik
Zfs(l)	Zeitschrift für Slawistik

авар.	аварский
авест.	авестийский
аг(ул).	агульский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
акуш.-леваш.	акушинско-левашинский
алб.	албанский
алт.	алтайский (праалтайский)
алтайск.	алтайский (язык тюркской группы)
англ.	английский
анд(ийск).	андийский
англос.	англосаксонский
ар.	арийский
араб.	арабский
арам.	арамейский
аркад.	аркадский
арм.	армянский
арх(анг).	архангельский
арчин.	арчинский
ахвах.	ахвахский
аян.	аянский
бав(арск).	баварский
багв.	багвалинский
балт.	балтийский
балто-слав.	балто-славянский
бараб.	барабинский
баргузин.	баргузинский
бартанг.	бартангский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
бежит.	бежитинский
блр.	белорусский
бойк.	бойковский
болг.	болгарский
ботл.	ботлихский
брет.	бретонский
брян.	брянский
буд(ух).	будухский
бург.	бургийский
васюг.	васюганский
вах.	ваховский
вахан.	ваханский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
верхолен.	верхоленский
вл(а)д.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-н.-луж.	восточнонижнелужицкий
вост.-прусск.	восточнопрусский
вост.-туркест.	восточнотуркестанский
вят(ск.).	вятский
галицийск.	галицийский
галльск.	галльский
ган(ац).	ганацкий
герм.	германский
гинух	гинухский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзибский
гуцул.	гуцульский
дарг(ин).	даргинский
д(игор).	дигорский
дон(ск).	донской
драв.	дравидийский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский

др.-инд.	древнеиндийский
др.-ир(ан).	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-кимр.	древнекимрский
др.-лат.	древнелатинский
др.-монг.	древнемонгольский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фриз.	древнефризский
др.-чеш.	древнечешский
др.-ю.-арав.	древнеюжноаравийский
евр.	еврейский
ергобочен.	ергобоченский
желто-уйгур.	желто-уйгурский
житом.	житомирский
зап.-слав.	западнославянский
и.-е.	индоевропейский
илимп.	илимпийский
иллир.	иллирийский
ингуш.	ингушский
индоар.	индоарийский
и(ндо)-ир(ан).	индоиранский
иран.	иранский
и(рон).	иронский
ит.	итальянский
казан.	казанский
казах.	казахский
казым.	казымский
калм.	калмыкский
каракалп.	каракалпакский
карат.	каратинский
карт.	картвельский
кашгарск.	кашгарский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кельто-итал.	кельто-италийский
кимр.	кимрский
кир.	киргизский
кит.	китайский
кор.	корейский
костр(ом).	костромской
краснояр.	красноярский
крыз.	крызский
крымско-татарск.	крымско-татарский
кумык.	кумыкский
кур(ск).	курский
кушит.	кушитский
кховар.	кховарезмийский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лебезин.	лебезинский
лез(гин).	лезгинский
лит.	литовский
литомышл.	литомышльский
лобнорск.	лобнорский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
лув.(иер.)	лувийский (иероглифический)
ляш.	ляшский
макед.	македонский
мандейск.	мандейский
манс.	мансийский
маньч(ж).	маньчжурский
мар.	марийский
мар. горн.	марийский горный
мар. лугов.	марийский луговой
мегр(ел).	мегрельский
мокш.	мокшанский
монг.	монгольский
монг. письм.	монгольский письменный
морав.	моравский
моск.	московский
мундж.	мунджанский
нан.	нанайский
негидал.	негидальский
нем.	немецкий
нен.	ненецкий
неп.	непский
н.-греч.	новогреческий
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нидерл.	новонидерландский
новг(ор).	новгородский
новоуйгур.	новоуйгурский
ног(айск).	ногайский
ностратич.	ностратический
н.-перс.	новоперсидский
олон.	олонецкий
ороч.	орочский
осет.	осетинский
оскск.	оскский
оскско-умбр.	оскско-умбрский
парф.	парфянский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
печор.	печорский
пехл.	пехлевийский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
половецк.	половецкий
полтав.	полтавский
польск.	польский
праслав.	праславянский
прусск.	прусский
псков.	псковский
рач.	рачинский

ригвед.	язык Ригведы
родоп.	родопский
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-цслав.	русско-церковнославянский
рут(ул).	рутульский
ряз.	рязанский
саам.	саамский
самок.	самоковский
сангл.	сангличи
санскр. (скр.)	санскритский
сарык.	сарыкольский
сван.	сванский
сев.-байкал.	северобайкальский
севск.	севский
селькуп.	селькупский
сем.	семитский
сиб(ир).	сибирский
сир.	сирийский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
смол(ен).	смоленский
согд(ийск).	согдийский
согд.-будд.	согдийско-буддийский
согд.-маних.	согдийско-манихейский
солон.	солонский
софийск.	софийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-лат.	среднелатинский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-огуз.	среднеогузский
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербско-хорватский
с.-ц.-слав.	сербско-церковнославянский
сымск.	сымский
табас.	табасаранский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
тамил.	тамильский
таранч.	таранчинский
татар.	татарский
твер.	тверской
тинд.	тиндинский
тихвин.	тихвинский
тох(ар).	тохарский
тув(инск).	тувинский
тул.	тульский
тунгус.	тунгусский (тунгусо-маньчжурский)
тур.	турецкий
турк(м.).	туркменский
турф.	турфанский
тюменс.-татар.	тюменско-татарский
тюрк.	тюркский
угарит.	угаритский
удин.	удинский
удм.	удмуртский
удэйск.	удэйский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
ульч.	ульчский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
урах.	урахинский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хакас.	хакасский
хатанг.	хатангсакский
хварш.	хваршинский
хетт(ск).	хеттский
хетт(кл).	хеттский клинописный
хетто-лув.	хетто-лувийский
хинал.	хиналугский
хорв.	хорватский
хот.-сакс.	хотансакский
хурр.	хурритский
цах(ур).	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
цудах.	цудахарский
чагатайск.	чагатайский
чакав.	чакавский
чамал.	чамалинский
чан.	чанский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швейц.	швейцарский
шотл.	шотландский
шугн.	шугнанский
эвен.	эвенский
эвенк.	эвенкийский
эол.	эолийский
эрз.	эрзянский
эст.	эстонский
эфиоп.	эфиопский
ягноб.	ягнобский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике 3

В. Н. Топоров. О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками) 21

Р. Эккерт (Лейпциг). Возможные отражения древнего корня * *ou̯əd-* (ср. лит. *áusti* 'ткать') в праславянском языке. 46

Ж. Ж. Варбот. К реконструкции чередования гласных в некоторых славянских этимологических гнездах 55

Ж. Ж. Варбот. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristь*, русск. *скряга*, русск. диал. *намбкнуть* 'приучиться', русск. *дроля*, русск. -*нáчить*) 65

Х. Шустер-Шевц (Лейпциг). Сербо-лужицкие этимологии

Л. В. Куркина. Словенско-восточнославянские лексические связи 85

И. Г. Добродомов. Из булгарского вклада в славянских языках, III 91

В. А. Никонов. Опыт словаря русских фамилий, I 103

В. А. Меркулова. Народные названия болезней, II (На материале русского языка) 116

И. П. Петлева. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке 143

А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений 207

Т. В. Горячева. К этимологии выражения *под микитки* 217

Е. С. Отин. Из этимологических исследований донской гидронимии (К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре *битюг*// *Битюг*) 228

Г. Н. Лукина. Названия тканей в языке памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. 230 242

Э. Хэмп (Чикаго). Miscellanea 263

Л. А. Гиндин. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I 272

В. И. Абаев. Как апостол Петр стал Нептуном 332

К. Ш. Микаилов. Еще несколько дагестанских аланизмов . . 333

И. Х. Абдуллаев. К истории названий пророка в дагестанских языках 339

Г. А. Климов. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков 349

А. Б. Долгопольский. Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала 356

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. Български етимологичен речник. Свезка VI (*доба—едър*). София, 1968; свезка VII (*едюнч — журжовец*). София, 1969 (О. Н. *Трубачев*) 370

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zeszyt 3 (13). Kraków, 1968; zeszyt 4—5 (14—15). Kraków, 1969 (*О. Н. Трубачев*) 372

L. Sadnik — R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slawischen Sprachen. Lief. 4. Wiesbaden, 1968 (стр. 219—298); Lief. 5. Wiesbaden, 1970 (стр. 299—378) (*О. Н. Трубачев*) 373

V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 (*Ж. Ж. Варбот*) 374

Irmgard Leder. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1969 (*И. Г. Добродомов*) 381

H. D. Meritt. Some of the hardest glosses in Old English. Stanford (California), 1969 (*М. М. Маковский*) 387

Сокращения 393

Этимология. 1970.

*Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР*

Редакторы издательства
М. С. Кожухова и *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*

Сдано в набор 31/XII 1971 г. Подписано к печати 2/VIII 1972 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага № 2. Усл. печ. л. 25,25. Тираж 2900. Уч. изд. л. 28,2. Тип. зак. 804. Цена 1 р. 79 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12